АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 2 (20)

2017

e-ISSN 2500-2856

ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ № 2 (20) 2017

Главный редактор
член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **А.Г. Ситдиков**

Заместители главного редактора:
член-корреспондент АН РТ, доктор исторических наук **Ф.Ш. Хузин**
доктор исторических наук **Ю.А. Зеленеев**
Ответственный секретарь– кандидат ветеринарных наук **Г.Ш. Асылгараева**

Редакционный совет:
Р.С. Хакимов– вице-президент АН РТ (Казань, Россия) (председатель)
Х.А. Амирханов– член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Махачкала, Россия)
И. Бальдауф – доктор наук, профессор (Берлин, Германия)
С.Г. Бочаров – кандидат исторических наук (Симферополь, Россия)
П. Георгиев – доктор наук, доцент (Шумен, Болгария)
Е.П. Казаков – доктор исторических наук (Казань, Россия)
Н.Н. Крадин – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор (Владивосток, Россия)
В.С. Синика – кандидат исторических наук (Тирасполь, Молдова)
А. Тюрк – PhD (Будапешт, Венгрия)
И. Фодор – доктор исторических наук, профессор (Будапешт, Венгрия)
В.Л. Янин – академик РАН, доктор исторических наук профессор (Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

А.А. Выборнов – доктор исторических наук, профессор (Самара, Россия)
М.Ш. Галимова – кандидат исторических наук (Казань, Россия)
Р.Д. Голдина – доктор исторических наук, профессор (Ижевск, Россия)
И.Л. Измайлов – доктор исторических наук (Казань, Россия)
С.В. Кузьминых – кандидат исторических наук (Москва, Россия)
А.Е. Леонтьев – доктор исторических наук (Москва, Россия)
Т.Б. Никитина – доктор исторических наук (Йошкар-Ола, Россия)

Ответственный за выпуск:
Б.Л. Хамидуллин – кандидат исторических наук (Казань, Россия)

Адрес редакции:
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Телефон: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

Индекс 31965, каталог «ПОЧТА РОССИИ»
Выходит 4 раза в год

© Академия наук Республики Татарстан, 2017
© ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», 2017
© Журнал «Поволжская археология», 2017

Издательство «Фән» Казань, Татарстан

POVOLZHSKAYA ARKHEOLOGIYA e-ISSN 2500-2856
THE VOLGA RIVER REGION ARCHAEOLOGY № 2 (20) 2017

Editor-in-Chief:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A. G. Sitdikov**

Deputy Chief Editors:
Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences **F. Sh. Khuzin**
Doctor of Historical Sciences **Yu. A. Zeleneev**
Executive Secretary – Candidate of Veterinary Sciences **G. Sh. Asylgaraeva**

Executive Editors:
R. S. Khakimov – Vice-Chairman of the Tatarstan Academy of Sciences (Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation) (chairman)
Kh. A. Amirkhanov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Dagestan Regional Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russian Federation)
I. Baldauf – Doctor Habilitat, Professor (Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Germany)
S. G. Bocharov– Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Simferopol, Russian Federation)
P. Georgiev – Doctor of Historical Sciences (National Archeological Institute with Museum, Bulgarian Academy of Sciences, Shumen Branch, Shumen, Bulgaria)
E. P. Kazakov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
N. N. Kradin – Doctor of Historical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation)
V. S. Sinika - Candidate of Historical Sciences (T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University, Tiraspol, Moldova)
A. Türk – PhD (Institute of History, Research Centre for the Humanities, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary)
I. Fodor – Doctor of Historical Sciences, Professor (Hungarian National Museum, Budapest, Hungary)
V. L. Yanin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:
A. A. Vybornov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, Russian Federation)
M. Sh. Galimova – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
R. D. Goldina – Doctor of Historical Sciences, Professor (Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation)
I. L. Izmaylov – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Kazan, Russian Federation)
S. V. Kuzminykh – Candidate of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
A. E. Leont'ev – Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
T. B. Nikitina – Doctor of Historical Sciences (Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev, Yoshkar-Ola, Russian Federation)

Responsible for Issue– Candidate of Historical Sciences **B. L. Khamidullin**

Editorial Office Address:
Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843) 236-55-42
E-mail: arch.pov@mail.ru
http://archaeologie.pro

© Tatarstan Academy of Sciences (TAS), 2017
© Mari State University, 2017
© "Povolzhskaya Arkheologiya" Journal, 2017

Publishing House "Fän" Kazan, Tatarstan

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования и публикации

Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).
50th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition:
results and issues of Great Town investigation 8

Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С. (Алматы, Казахстан).
О древнем ритуале порчи предметов, используемых
в обряде погребения кочевников 28

Голдина Р.Д., Бернц В.А. (Ижевск, Россия).
Хронология женских погребений III–V вв.
Тарасовского могильника 47

Казанцева О.А., Нагиев З.Ш. (Ижевск, Россия).
Погребение тяжеловооруженного всадника
в Кудашевском I могильнике 73

Лифанов Н.А. (Самара, Россия).
О происхождении образа драконов
на пластине из Шиловского могильника 91

Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А.,
Вязов Л.А., Салова Ю.А. (Казань, Россия).
Исследования вала городища Балымерский «Шолом» в 2014 г. 108

Жилина Н.В. (Москва, Россия).
Сравнительный анализ хазарского
и славяно-русского убора из украшений к костюму 127

Руденко К.А. (Казань, Россия).
О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию
в X–XI вв. (по материалам торевтики) 157

Орфинская О.В. (Москва, Россия).
Анализ кроя мужских кафтанов
и женских платьев алан Северного Кавказа 173

Никитина Т.Б., Пузаткина Е.А. (Йошкар-Ола, Россия).
Русенихинский могильник: междисциплинарный подход
к изучению памятника 187

Бочаров С.Г. (Симферополь, Россия).
Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии
XIV–XV вв. Консульство Чембальское 204

Федотова Ю.В., Валеева-Сулейманова Г.Ф.,
Визгалова М.Ю. (Казань, Россия).
Головной убор из погребения женщины XIV в. на территории
г. Болгара (тюрбан с золотым шитьем и сетчатым покрывалом) 224

Набиуллин Н.Г., Беляев А.В., Храмченкова Р.Х., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М. (Казань, Россия).
Чугунная посуда Джукетау: предварительные результаты междисциплинарных исследований 236

Бахматова В.Н., Ситдиков А.Г. (Казань, Россия).
Районы и места отбора исходного сырья в гончарном производстве Болгара: источники и проблемы идентификации (по материалам аналитических исследований)..... 255

Мухамадеев А.Р. (Казань, Россия).
Проблемы изучения и сохранения историко-археологических памятников Болгар на страницах печати начала 1920-х гг 282

Семыкин Ю.А. (Ульяновск, Россия).
Проблемы сохранения и использования археологического наследия в Ульяновской области 288

Гайнуллин И.И., Хомяков П.В., Ситдиков А.Г., Усманов Б.М. (Казань, Россия).
Качественная оценка состояния средневековых городищ Республики Татарстан по данным дистанционного зондирования 303

Критика и библиография

Щавелёв С.П. (Курск, Россия).
Рецензия на книгу: А.Н. Ткачёв. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.). Биобиблиографический словарь-справочник. Краснодар, 2016. 346 с 321

Хроника

Ситдиков А.Г., Каримов И.Р. (Казань, Россия).
Об основных итогах научной деятельности Института археологии им. А.Х. Халикова Академии Наук Татарстана в 2016 году 330

Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г. (Казань, Россия).
VI научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск» 344

Кузьминых С.В. (Москва, Россия).
«Хорошо, что из тысячи судеб ты смогла отыскать лишь свою»: К юбилею Н.А. Кокориной 349

Список сокращений 362

Правила для авторов 364

CONTENTS

Researches and Publications

Khuzin F.Sh., Valiulina S.I., Shakirov Z.G. (Kazan, Russian Federation).
50th Anniversary of Bilyar Archaeological Expedition:
results and issues of Great Town investigation 8

Beisenov A.Z., Dzhumabekova G.S. (Almaty, Kazakhstan).
Ancient Item Spoilage Ritual Used
in Nomadic Burial Rite 28

R.D. Goldina, V.A. Bernts (Izhevsk, Russian Federation).
Chronology of 3rd–5th Century Female Graves
from Tarasovo Burial Ground 47

Kazantseva O.A., Nagiev Z.Sh. (Izhevsk, Russian Federation).
Burial of a Man-At-Arms in Kudash I Burial Ground 73

Liphanov N.A. (Samara, Russian Federation).
On the Origin of the Dragon Image on the Plate
from Shilovka Burial Mound 91

Chizhevsky A.A., Khisiametdinova A.A., Viazov L.A.,
Salova Yu.A. (Kazan, Russian Federation).
Investigations of a Rampart of Balymer Sholom Hill-Fort in 2014 108

Zhilina N.V. (Moscow, Russian Federation).
Comparative Analysis of the Khazar
And Slavic-Russian Attire of Adornments 127

Rudenko K.A. (Kazan, Russian Federation).
On the Chronology of Oriental Import into Volga Bulgaria
in 10th – 11th Centuries (according to toreutics materials) 157

Orfinskaya O.V. (Moscow, Russian Federation)
An Analysis of the Style of Male Caftans And Female Dresses
of the Alans from the North Caucasus 173

Nikitina T.B., Puzatkina E.A. (Yoshkar-Ola, Russian Federation).
Rusenikha Burial Ground: interdisciplinary
approach to monument investigation 187

Bocharov S.G. (Simferopol, Russian Federation).
Notes on Historical Geography of 14th–15th Century Genoese Gazaria.
Chembalo Consulate 204

Fedotova Yu.V., Valeeva-Suleymanova G.F.,
Vizgalova M.Yu. (Kazan, Russian Federation).
Headdress from a Female Burial of 14th Century in the Territory
of Bolgar (a turban with goldwork and a knit veil) 224

Nabiullin N.G., Beliaev A.V., Shaikhutdinova E.F., Khramchenkova R.Kh., Ianbaev R.M. (Kazan, Russian Federation).
Cast Iron Dishware from Juketau: preliminary interdisciplinary research results....236

Bakhmatova V.N., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).
Areas and Locations of Feedstock Extraction for Bolgar Pottery: sources and identification issues (on the basis on analytical investigation materials)....255

Mukhamadeev A.R. (Kazan, Russian Federation).
Issues of Studying and Preservation of Historical and Archaeological Monuments of Bolgar in Periodicals of Early 1920s....282

Semykin Yu.A. (Ulyanovsk, Russian Federation).
Conservation and Use of Archaeological Heritage in Ulyanovsk Oblast....288

Gainullin I.I., Khomyakov P.V., Sitdikov A.G., Usmanov B.M. (Kazan, Russian Federation).
Qualitative Assessment of the Condition of Tatarstan Medieval Fortified Settlements Under the Data of Remote Sensing....303

Critics and Bibliography

Schaveliov S.P. (Kursk, Russian Federation).
Book Review: A.N. Tkachev. Archaeologists of Kuban and the North-West Caucasus (1917–1991). A Bibliographic Dictionary and Reference Book. Krasnodar, 2016. 346 P....321

Chronicle

Sitdikov A.G., Karimov I.R. (Kazan, Russian Federation).
Key Results of Scientific Activities of the Institute of Archaeology Named After A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences in 2016....330

Beliaev A.V, Valiev R.R., Sitdikov A.G. (Kazan, Russian Federation).
6th Scientific Seminar "Interdisciplinary Archaeological And Natural Scientific Investigations of Cultural Heritage Monuments: Bolgar And Sviyazhsk"....344

Kuzminykh S.V. (Moscow, Russian Federation)
"Good that You Were Able to Find Their Only Destiny Among the Thousands of Fates"
To the Anniversary of N.A. Kokorina....349

List of Abbreviations....362

Submissions....364

Исследования и публикации

УДК 902 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.8.27

50TH ANNIVERSARY OF BILYAR ARCHAEOLOGICAL EXPEDITION: RESULTS AND ISSUES OF GREAT TOWN INVESTIGATION

© 2017 г. F.Sh. Khuzin, S.I. Valiulina, Z.G. Shakirov

The article outlines the main results of the investigation of Bilyar fortified settlement – a unique monument of medieval East-European archaeology located in Alexeyevsky District of the Tatarstan Republic. A small amount of information on Bilyar has remained in Ancient Russian chronicles (in which it is referred to as Great Town) and the works by 10th – 14th century Arabic and Persian authors. The monument has been known to historians since 18th century, but its archaeological excavations only started in 1967. For 20 years researchers studied its fortifications, five urban burial grounds (including a necropolis of nobility in the centre of the town), discovered the ruined remains of three brick buildings and a white-stone Cathedral Mosque with a free-standing minaret, craft workshops (pottery, glass-making, blacksmithing and metallurgical), as well as tens and hundreds of common dwellings, utility structures and wells. The discoveries made by Bilyar expedition received a positive reaction from the archaeological community of the country. Since late 1980s the activity of the expedition gradually decreased due to the absence of adequate financing. Minor protective excavations were generally performed in the neighbouring villages. Investigation of the settlement it self continued in 2015. The necessity of continuing systematic excavations in Bilyar and the surrounding monuments is evident from both the scientific and practical viewpoints – application of investigation results for the purposes of tourism.

Keywords: archaeology, Volga Bolgaria, Bilyar fortified settlement and its surrounding areas, investigation history, major achievements, research issues and perspectives.

Bilyar is a unique monument of medieval East-European archaeology and one the few historically known towns of Volga Bolgaria dating back to 10th – first third of 13th centuries originally mentioned by the so-called Hungarian Anonymus who wrote about the arrival of Muslim Bolgars (bilers) coming from Bular lands (terra Bular) to Hungary during the rule of Takshon circa 970 (Chwolson, 1869, pp. 108–109; Tardy, 1982, p. 237). Ancient Russian chronicles referred to it by the name of the Great Town. Laurentian Codex dated 1164 contains a narrative concerning a successful campaign of prince Andrey Bogolyubsky against Volga Bolgaria during which Bolgar khan's forces had to retreat to the Great Town on the Cheremshan river (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 1, 1962, columns 352–353. Bilyar the Great Town is mentioned for the second time under year 1183 in the description of a great campaign by joined forces of Russian princes against the capital of the state. Vsevolod and his allies besieged the town for ten days, but when it became certain that it could not be taken by storm, concluded peace on the conditions proposed by the Bolgar emir (Complete Collection of Russian

Chronicles, vol. 1, 1962, column 390). According to chronicles, the Russians went on a military campaign against Oshel in 1220, but its defenders were with a certain delay supported by the Great Town (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 9–10, 1965, p. 84). Year 1229 is related in Laurentian Codex with a narrative on Bolgar citizens of the Great Town who murdered a certain Abraham of Christian faith, who was later consecrated a saint (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 1, 1962, column 452). Further references to Bilyar in written sources are related to 13th century campaigns of Mongol-Tatar forces who repeatedly attempted to conquer the Bolgar land. According to one of the chroniclers, in 1232 Mongol troops were forced to pass the winter "on the way to the Great Town of Bolgar" (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 1, 1962, column 459). In 1235 the neighbourhood of the Great Town (or perhaps the town itself) was visited by a Hungarian monk Julian searching for his countrymen (Anninsky, 1940, p. 80–81). The last mention of the Great Town is related to the tragic events of 1236 which resulted in a complete devastation of the Bolgar capital after which it no longer existed as a town (Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 1, 1962, column 460). Bilyar is also mentioned by 14th – 15th century authors, but they refer to it in connection with the events related to Mongol conquests (ref. Khalikov, Khuzin, 1991, p. 43–45).

The archaeological remains of the town – Bilyar settlement – are located in the western Trans-Kama region within the basin of the Maly Cheremshan river in Alexeyevsky District of the Republic of Tatarstan approximately 100 km east of Bolgar town on the Volga river. The settlement located on flat terrain with a low slope stretching from the north-east to the south-west is encircled by concentrically inscribed earth ramparts and moats subdividing in into the inner and outer towns. They are sub-rectangular in plan and feature rounded corners oriented in cardinal directions. The inner town is encircled by two rows of ramparts and moats: the length of the main inner line is approximately 4800 m, and the second auxiliary line with a number of unfinished sections – 5400 m. The habitable area of the inner town amounts to 116 ha (130.6 ha including fortifications). The outer town is encircled by three fortification lines. The length of the inner line is about 9125 m, the middle line with several unfinished sections – 9400 m, and the outer line located 80–100 m away from the first two lines – 10,200 m. The habitable area of the outer town is 374 ha (490 ha including fortifications). Thus, the total habitable area of the settlement amounts to 490 ha, and over 620 ha including fortifications. Suburban settlements are located outside of the urban territory virtually adjoining outer city walls. The overall area of the Bilyar complex approaches 800 ha (8,000,000 sq. m) including the non-fortified suburbs. There is every reason to consider it one of the largest cities of the medieval world.

Archaeological research of the site prior to the establishment of Bilyar expedition. Bilyar settlement has been known to researchers since 18th c. It was mentioned in the works of a prominent state figure V.N. Tatischev written on the basis on contemporary information provided in written documents. He was familiar with drawings and sketches of

Рис. 1. Снимок Билярского городища из космоса.
Fig. 1. Satellite photograph of Bilyar fortifi ed settlement.

"several ancient buildings and a portal or gate of a great temple", the ruins of which were still present in the central part of the settlement (Tatischev. 1962, p. 269).

The first available reliable information on visual examinations performed at Bilyar settlement and investigation of archaeological sites in its neighbourhood are related to the activities of a renowned academic expedition of 1768–1774 – the Orenburg expedition conducted by professor P.S. Pallas, which comprised a group headed by captain N.P. Rychkov. His group performed an examination and provided a report with a description of the general topography and fortifications of the site. He also compiled the first layout of the settlement "by the name of Bulyar accommodating ruins of stone buildings, earth ramparts, and remains of cemeteries." The research conducted by N.P. Rychkov revealed a number of noteworthy archaeological sites in the vicinity Bilyar settlement, the most notable of them being the vast Balynguz settlement with ruins of

a stone mosque and a cemetery with numerous tombstones inscribed with Arabic letters, which according to the traveller "have preserved a token of the former splendour and bear traces of the art of the ancient people" (Rychkov, 1770, p. 11–22).

After the work of N.P. Rychkov and prior to thorough a investigation by V.A. Kazarinov in 1880s, Bilyar settlement was out of the view of researchers for almost a century. On can only note the activities of individual local historians and collectors, such as M.S. Rybushkin, A. Vtorov, A. Artemiev and others, who visited the site in order to collect antiquities and occasionally wrote short notes on their visits (Rybushkin, 1833; Vtorov, 1840; Artemiev, 1851).

The initial stage of Bilyar research, which generally had a nature of archaeological investigations and collection of antiquities was concluded by publishing of a fundamental work by a professor of Kazan University S.M. Shpilevsky "Ancient towns and other Bolgar-Tatar sites in Kazan governorate" (1877) representing a significant event in the historiography of Volga Bolgaria. An analysis of currently available written sources and scarce archaeological materials allowed the author to conclude that since the second half of 12th century Bilyar was the capital of the Bolgar state and remained a capital town until the Mongol-Tatar conquest of 1236 (Shpilevsky, 1877, p. 124–126, 137–139). This hypothesis was further supported by the central figure of Soviet Bolgar studies A.P. Smirnov who established systematic excavations of Bolgar settlement in 1938 (Smirnov, 1951, p. 229), and eventually became an official narrative. It should be noted that such renowned archaeologists as A.A. Spitsyn, P.A. Ponomarev, M.G. Khudyakov and V.F. Smolin, criticising the concept introduced by Shpilevsky, supported the opinion initially advanced by V.V. Grigoriev on the existence of a single capital in the Bolgar state during the pre-Mongol period – Bilyar-Bolgar on the. Cheremshan river (Grigoriev, 1836, p. 291–293; Spitsyn, 1916, p. 73, etc.; Ponomarev, 1919, p. 45, 48; Smolin, 1925, p. 34, 52, 56).

The next stage of Bolgar research (1878–1928) is related to the activities of the Society for Archaeology, History and Ethnography (OAIE) established under Kazan University by the decision of the 4th Russian Archaeological Congress held in Kazan in 1877 (Shakirov, 2014). The most thorough archaeological investigation of Bilyar and its neighbourhood was conducted in 19th century by V.A. Kazarinov, an active member of OAIE who also performed the first minor excavations of the site. In 1881 he thoroughly investigated ruins of the settlement and sites of the Bolgar period located north of Bilyarsk village – Balynguz and Nikolaev-Baranskoye I and II settlements, and Balynguz cemetery with its tombstones. He discovered the remains of a stone structure beyond the eastern corner of the inner town, plotted the locations of individual handicraft districts on the layout of the settlement, such as Kuznechny Mar in the inner town, a pottery quarter on the right bank of the Bilyarka river in the outer town, two town cemeteries and the ruins of several stone buildings (Kazarinov, 1983, p. 89, etc.).

No work was conducted at the settlement for over 30 years after V.A. Kazarinov. One can only note

the activities of numerous collectors who bought vast collections of Bilyar antiquities from local citizens during their short visits to the settlement. A portion of these antiquities were published in various sources (Tolmachev, 1884; Likhachev, 1891; Vysotsky, 1908; Aspelin, 1877; Tallgren, 1918). Among the noteworthy findings are Cufic and Juchid coins discovered in the neighbouring settlements (Schpilevsky, 1877, p. 359–360, 363, 551; Markov, 1910, p. 10, No.52).

Archaeological research of the early 20th century is related to the names of P.A. Ponomarev and his student M.G. Khudyakov. "Considering that scientific excavations have never been conducted at the site of Bilyar, the most ancient monument of Bolgar antiquity, and that 7 years from now there will be a millennial anniversary of the first visit of our region by cultured Arabs – Ibn Fadlan and his associates who arrived in June of 922, laid the foundation of local education and founded the first local town" (Ponomarev, 1919, p. 45), they undertook exploratory surveys in the vicinity of Bilyar and excavations of the inner town in 1915–1916. A cruciform trench of a "stone pillar" founded in the area as early as in the Tatishchev period revealed traces of a thick foundation of a large stone building and several Muslim burials in its eastern section (the remains of the Cathedral Mosque and a necropolis for the nobility according to the investigations of 1970s). Besides, approximately 75 metres to the south-west of the revealed structure the researchers discovered ruins of a stone building with flue channels and pipes classified by researchers as remains of a public bathhouse. They completely excavated a wooden well with a well-preserved log house and a substantial number of findings in the filling material (Ponomarev, 1919, p. 49). Research results demonstrated the "practicability and relevance of further works not only within the limits of the city, but also in its outskirts" (Ponomarev, 1919, p. 57). Unfortunately, amidst the ongoing World War I and the outbreak of revolutionary events in the country the researchers could not thoroughly process the obtained materials or publish more detailed research results.

The first excavations in the new conditions of the Soviet period were conducted at Bilyar settlement in 1928 by an expedition dedicated to the research of Bolgar-Tatar culture supervised by professor A.S. Bashkirov. A geodetic party headed by professor V.N. Sementovsky compiled an instrumental topographic plan of the site (Sementovsky, 1939). A.S. Bashkirov excavated a section of the outer line of ramparts in the north-eastern section of the outer town. At a depth of about 2 meters he discovered the foundation of a rampart overlying a cultural layer 25–30 cm in thickness. The inner line of ramparts located in the outer town was investigated using the archaeological test pits method. It was determined that the ramparts were erected in several stages and repeatedly reconstructed over the period of their operation (Bashkirov, 1929, p. 30–31). A total of 43 test pits were made in the eastern corner of the inner town for the purpose of studying the rampart and moat, which revealed a portion of a Muslim burial mound and the remains of a brick building "with monumental dimensions, complex design, and an advanced heating system." The structure and composition of the cultural layer within the territory of the

inner town were studied using the test pits method as well (a total of 91 test pits were made, spaced at intervals of 25 m). The average thickness of the layer with a large number of findings amounted to 60–70 cm outside of the structures, occasionally approaching 150–170 cm.

Hasty excavations performed by A.S. Bashkirov in the course of 10 days using an imperfect technique provided scarce material for research of the major stages of the town's history and the peculiarities of the material culture of its population. In his analysis of ceramics discovered in the openings of the inner town A.S. Bashkirov highlighted "three major periods of its cultural life: early Bolgar, later Bolgar and Bolgar-Tatar periods" (Bashkirov, 1929, p. 36). He discovered counterparts for the ceramic complex of the "Bolgar-Tatar" period in Golden Horde sites of the Volga, Kuban and Crimea regions. Unfortunately, the materials obtained by the expedition have never been published, but the conclusions made by A.S. Bashkirov regarding the chronological framework of the town's existence were nevertheless accepted by subsequent researchers with no substantial criticism. Thus, A.P. Smirnov wrote about the Golden Horde town of Bilyar which restored its defensive system after the departure of the Mongol-Tatars (Smirnov, 1951, p. 230), and in the works by G.A. Fedorov-Davydov and A.G. Mukhamadiev, Bilyar is mentioned among towns which minted their own coins in 13th –14th centuries (Fedorov-Davydov, 1963, p. 182, 198, № 445; Mukhamadiev, 1983, p. 49).

After the excavations performed by A.S. Bashkirov, Bilyar settlement was out of the view of archaeologists for almost forty years. Bilyar has only been sporadically mentioned in encyclopaedias and summarizing works on the history and archaeology of Tatarstan.

Investigations of Bilyar expedition. Systematic routine excavations of Bilyar settlement were started in 1967 by a joint archaeological expedition of the Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov of the Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences and Kazan State University. The expedition was established and headed by a prominent Soviet archaeologist professor A.Kh. Khalikov (1929–1994). Since its onset, the work was primarily dedicated to the issues of the inner structure and original layout, as well as historical and social topography of the town. The researchers were faced with a task of using new and scientifically documented materials in order to investigate the issue of the origin and general stages of historical development of the town, determine the time of its foundation and final collapse, i.e. answer the questions which for obvious reasons remained unanswered by the preceding researchers. Therefore, the continuation of archaeological investigations at the site marked an entirely new stage in the history of Bolgar settlement research.

Fifty years have passed since the onset of the work of Bilyar archaeological expedition. Over 40 excavation trenches with a total area of approximately 30,000 square meters have been conducted in various topographical areas of the settlement. Monuments located in the vicinity of Bilyar were also subjected to research. Activities of the expedition were actively supported by archaeologists E.A. Begovatov, S.I. Valiulina, G.I. Drozdova, S.M. Iovkov, M.M. Kaveev, N.A. Kokorina, A.F. Kochkina,

E.A. Khalikova, A.V. Khudyakov, F.Sh. Khuzin, Z.G. Shakirov, R.F. Sharifullin, archaeozoologists A.G. Petrenko, G.Sh. Asylgaraeva, anthropologists S.G. Efimova, R.M. Fattakhov, paleobotanists V.V. Tuganaev, V.I. Frolova, architectural historians S.S. Aidarov, F.M. Zabirova, an expert in the history of Turkic-Tatar spiritual culture G.M. Davletshin, and others. As a result of their investigations reflected in collective works "Investigations of the Great Town" (Moscow, 1976), "New information on the archaeology of the Volga Region" (Kazan, 1979), "Culture of Bilyar" (Kazan, 1985), "Bilyar dishware" (Kazan, 1986), "Bilyar – the capital of pre-Mongol Bolgaria" (Kazan, 1991), original monographs and a large number of other publications, Bilyar has become a reference monument of the pre-Mongol Volga Bolgaria. The achievements of Bilyar expedition are commonly known, and the most important of them are as follows:

An aerial photographic survey and aerial observation of Bilyar settlement and the neighbouring sites were performed for the first time in the central (forest-steppe) area of Eastern Europe together with ground surveying and topographic observations. The researchers managed to compile an accurate layout of the site and trace a total of 1200 marks of various structures (585 in the inner town and 622 in the outer town, over 30 of which are traces of brick buildings) on the excavated surface, reveal traces of unfortified suburban settlements, ancient water bodies, street and road lines (Khalikov, Igonin, 1974; Igonin, Khalikov, 1975).

One of the priorities of the expedition was the investigation of the Bilyar fortification system. Sections of all five defensive fortification lines of the town were excavated. The researchers managed to determine that they were erected in several stages, reveal traces of ground wooden structures and define the phases of their reconstruction. According to stratigraphic information and findings discovered in various construction horizons, the most ancient ones are the inner lines of ramparts and moats in the inner and outer towns, and the latest ones are the outer lines (Khuzin, Kaveev, 1985; Khuzin, 1985; Gubaidullin, Khuzin, Shakirov, 2016).

The ruins of an ancient Cathedral Mosque located in the centre of the inner town were investigated in 1973–1977. It consisted of two sections, made of wood and white stone, and a large free-standing minaret at the north-eastern corner. The total area of its prayer halls amounted to approximately 2500 square meters. According to Muslim canons, the building was oriented towards Mecca in the south-western direction. The remains of 24 columns symmetrically located in 6 rows were traced inside the white stone section of the mosque. The north-eastern facade of the building was richly decorated with pilaster protrusions, or semi-columns (Khalikov, Sharifullin, 1979; Aidarov, Zabirova, 1979). According to researchers, the mosque was presumably erected in 922 in connection to the visit of the Bolgar land by the Baghdad embassy. A.Kh. Khalikov admitted the possibility of its construction in the late 9th century (Khalikov, 1991, p. 55).

Excavations of a two-storey brick building with central heating were conducted in close vicinity to the Cathedral Mosque in 1971–1972 (Khalikov, 1979). The major portion of the building was square in plan,

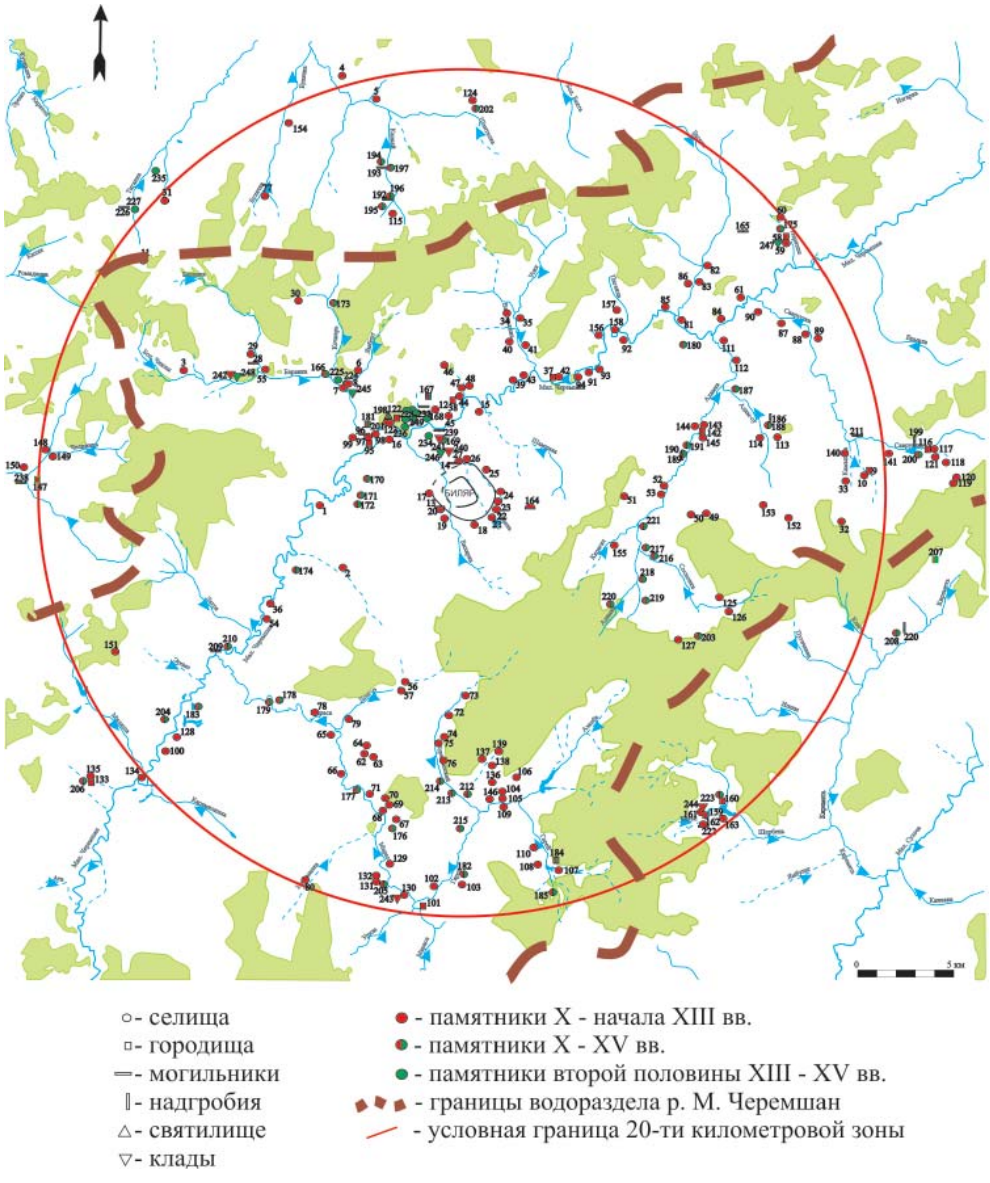


Рис.2. Сводная карта археологических памятников Билярской округи X–XV вв. (по З.Г. Шакирову)

Fig. 2. Generalized map of the archaeological monuments in Bilyar neighbourhood of the 10–15 centuries (according Z.G. Shakirov).

dimensioned 11×11 m and subdivided with a cruciform partition wall into four parts – rooms on the lower storey with an area of 16 square meters each. The brickwork is composed of standard square bricks (26×26×5 cm). The remains of an anti-seismic bedding composed of two rows of semi-earth bricks have been revealed in the foundation base, which is characteristic of the architectural traditions of the Middle East and Central Asia. According to experts, this construction technique represents a clear evidence of the activity of Oriental

(Central Asian?) master builders in Bolgar towns, including Bilyar, who arrived in the country in 922 together with the embassy of caliph Al-Muktadir. This is also signified by the remains of braced clay dwellings and tandoor stoves with closest counterparts in Western and Central Asia (Khuzin, 2001, p. 262). According to A.Kh. Khalikov, the structure belonged to a representative of spiritual nobility and was used as a residential building (Khalikov, 1979, p. 18; Aidarov, Zabirova, 1979, p. 55). According to another substantiated assumption made by E.D. Zilivinskaya, it was presumably used as a public bathhouse (Zilivinskaya, 1989, p. 228–230).

A small Muslim cemetery emerged at the eastern walls of the Cathedral Mosque in the first half of 10th century, where about 50 Muslim burials were discovered, some of which were located in special ground burial structures composed of thoroughly burnt square bricks. Undoubtedly, it was a necropolis for the nobility where the ruler of the state was buried together with his family and other close relatives, as well as senior government officials of the state (Khalikova, 1979; Sharifullin, 1984).

A.Kh. Khalikov and R.F. Sharifullin studied the ruined remains of other two brick structures. One of them was located in the outer town (by the eastern gate of the inner town), and presumably constituted a part of a caravanserai complex, and the other one was situated in the inner town approximately 200 meters to the north-east of the Cathedral Mosque. The first of them was considered by A.Kh. Khalikov as a building of the hotel type within a caravanserai complex (Khalikov, Sharifullin, 1976). More substantiated is the opinion of E.D. Zilivinskaya who classified the building as a public bathhouse (Zilivinskaya, 1989). The same purpose was shared by the second brick building in the inner town erected in 12th century. R.F. Sharifullin considers it the first monument of the authentic Bolgar architectural school (Sharifullin, 1999).

Researchers have obtained valuable information on the history of the urban construction and reconstruction of the architectural appearance of the medieval Bolgar town, as well as the materials on its public services and amenities. In view of the above, of special interest are the excavations of common dwellings, utility structures and about two dozens of wells investigated in the central portion of the inner town (Khuzin, 1979; Sharifullin, 1979). The most outstanding of them are the workshops and dwellings of Russian craftsmen engaged in the production of amber adornments (Khuzin, Valiullina, 1986). Over 8 kilograms of raw amber was discovered inside the building together with a lead pendent seal belonging to Vsevolod Yuryevich, grandson of Vsevolod III the Big Nest (Yanin, 1979, p. 101), or, even more likely, Vsevolod the Big Nest himself (Sedova, 1985, p. 358–359). Of special interest among the findings discovered in these dwellings are the fragments of ancient Russian dishware, painted clay Easter eggs, slate spindle whorls and shards of glass bracelets manufactured in Kiev (Khuzin, Valiullina, 1986, p. 102, etc.).

A unique asset of Bolgar archaeology are the remains of a yurt-shaped dwelling dating back to the 10th century discovered in the north-eastern area of the outer town (Khuzin, 1989, p. 65, etc.). This

type of yurts has been discovered at the sites of Saltovo-Mayaki culture dated 8th–9th centuries. (Flerov, 1996).

One of the most important research directions of Bilyar expedition was research of the trade and craft activities of town population. As early as during the first years of the expedition in 1967–1968 an estate belonging to metallurgists was researched by A.Kh. Khalikov together with the remains of two log houses and outbuildings. It was located in the vicinity of workshops with blacksmith forges where large amounts of production waste have been discovered (iron slag, bloom and clay crucibles), including over 100 flawed locks and keys, and a total of 22 intact spherical cones (Khalikov, 1976). A vast area of the inner town previously populated by metallurgists remains unstudied – the so-called Kuznechny Mar with large amounts of iron slag discovered on the excavated surface.

Another handicraft district – a pottery quarter with a total area of approximately 3 ha was located within the territory of the outer town on the right bank of the Bilyarka river. This is where N.A. Kokorina discovered about ten two-tier blacksmith forges. The earliest of them are dated 10th century (Kokorina, 1983, p. 50, etc.). High quality products of Bilyar potters – pots, cauldrons, pitchers, cups, bowls, dishes, lamps, cup-shaped vessels ("children pots") – all glazed and unglazed ceramics – have been studied rather thoroughly (ref.: Dishware, 1986; Kokorina, 2002).

Bilyar settlement possesses a large and unique collection of glass articles characterized by a narrow range of items (goblets, glasses, flasks, chalices, alembics, jars, lamps and window glass), simplicity of shapes and ornamentation techniques, which demonstrates consistent standardization both in terms of morphological characteristics and chemical composition. The chemical composition of Bilyar glassware fully corresponds to the characteristics of the geological and biochemical resource province of the Central Trans-Kama region (Valiulina, 2014).

The availability of glass workshops is a prerequisite to independent glass making. Clear evidence of glass production has been discovered in Bilyar, represented by workshops at excavations 38 and 41, where apart from the remains of furnaces the researchers have discovered thick-walled glass-melting pots with remaining liquid glass, calcinators with drops of glass, fragments of iron articles presumably representing glass blower tools, stocks of raw material and production waste – sandiver, numerous clumps, strings and drops of glass (Valiulina, 2005).

The dating capacity of glass adornments allows to determine the chronological framework of the entire complex of glass articles. In general, glass items discovered at Bilyar settlement are dated to the mid -11th – first third of 13th centuries. Bilyar glass making should be considered as an integral element of Middle Eastern tradition. Meanwhile, the craft formation period occurred in 12th century under the influence of Trans-Caucasian and possibly Central Asian centres (Valiulina, 2015; Valiulina, 2016 b).

The discovery of chemical vessels in Bilyar and other Pre-Mongol towns of Bolgaria, and the subsequent discovery of an alchemist, jeweller and glass blower's workshop in the centre of Bilyar have allowed to conclude that alchemy existed in Volga Bolgaria in 12th – early 13th centuries. Therefore, the

researchers had a rare opportunity to use the archaeological materials in order to visualize the initial development stage of alchemy – experimental, handicraft, or practical chemistry in Eastern Europe (Valiulina, 2016).

The establishment of such a highly technical craft as glass making in the Pre-Mongol period is an absolutely logical phenomenon reflecting the generally high level of Volga Bolgar economy and its urban culture, in particular the flourish of urban craft.

A great contribution to the investigation of Muslim monuments in Volga Bolgaria has been made by E.A. Khalikova. She was the first Bolgar researcher to complete a thorough investigation of the funerary rite of pagan and Muslim burials, and trace the dynamics of changes in the funerary ritualism of the Volga Bolgars in 8th – 13th centuries. An analysis of vast factual material obtained as a result of investigations performed at five urban necropoleis of Bilyar allowed her to classify the burials into two chronological periods (10th – 11th and 12th – early 13th centuries), which provided an opportunity to trace the gradual transition of the population from paganism to Islam (Khalikova, 1976; 1986). The concept suggested by E.A. Khalikova on the degree of Islam's distribution across the Pre-Mongol Volga Bolgaria has been acknowledged by many researchers.

Certain achievements have been made in the investigation of monuments located in the vicinity of Bilyar where in the territory with a radius of approximately 20 kilometres the researchers have discovered 327 sites of archaeological heritage, including 78 prehistoric monuments, 16 settlements of the Imenkovo culture dating back to the early medieval period, as well as 16 settlements, 203 ancient villages, 18 burial mounds (in particular, a cemetery with 14th century tombstones), and 10 monetary hoards of the Pre-Mongol Bolgar and Golden Horde periods. Several sites have been excavated (Drozdova, 1997; Shakirov, 2012; 2014).

Long-term archaeological investigation of medieval monuments located in the vicinity of Bilyar, have allowed to collect significant material reflecting the possibilities for the analysis of settlement's structure, economical and demographic potential. An analysis of the topography, arrangement and characteristics of the material culture of 10th –15th century Bilyar neighbourhood allow to consider it as a framework element of the metropolitan area of Pre-Mongol period closely related to the town, and in the Golden Horde period – as one of the most significant peripheral centres of the Ulus of Jochi (Shakirov, 2012a).

In the early Golden Horde period the role of an administrative and political centre of the region passed on from the destroyed Great Town to the Golden Horde Bilyar (Bilyar ancient villages 2 and 3) located 1.5 kilometres north-west of the fortifications protecting the outer town of Bilyar settlement (Valiulina, 2000). The collection of items discovered at the monument during the excavations of 1994–1998 and annual collections of excavated material include household, handicraft, trade and armament items. The urban character of settlement's culture is signified by valuable and prestigious articles: a bone belt plate with a dragon's image crafted with the cut-out carving technique, Middle Asian glass dishware, amber, and a collection

of art pottery. Unglazed circular dishware demonstrates the continuity of pottery traditions with the manufacturing of the Pre-Mongol period. Moulded ceramics reflects the migration processes occurring place in the complex political environment of the early Golden Horde period. The town's existence period has been determined as second half of 13th – first half of 14th centuries. (Valiulina, 2004).

A previously unknown 15th century town actively investigated since its discovery in 1998 is located 3.5 kilometres north-west of Bilyar settlement. It has almost perished from the historical memory, and no traces of the town have remained in written sources. Toretskoye urban settlement occupies the foreland area of a smooth slope located on the second upland fringe of the right bank of the M. Cheremshan river and the right bank of the Toretsk stream (with a partial transition to the left bank). The area of the monument is 25 ha, whereas the thickness of its cultural layer reaches 40 cm in the central area and diminishes in the southern slope. Approximately 5000 square metres have been investigated during excavations, which have revealed residential buildings, utility structures, manufacturing complexes, burials, monetary and material hoards.

The town is characterized by the peculiarity and abundance of material culture of cosmopolitan and multi-religious population (Valiulina, 2011a; 2011b 2015b). Dimensions of international trade are confirmed by the discovered items which are consist of Chinese porcelain, Syrian glass, amber; Crimean glazed ceramics, Khwarezm dishware and mosaic tiles, Hanseatic tin and lead seals (Valiulina, 2010; Valiulina. 2015a), as well as highly developed multi-product crafts.

The presence of non-Muslim population who practised Christianity in the town is signified by the discovery of cult items (a stone icon; body crosses, an encolpion cross), Russian ceramics (amounting up to 50% of findings at certain sites) and pig bones in osteological materials. The character and amount of numismatic material demonstrates that Toretskoye settlement could have been a coin minting centre in 1420–1430s.

The single-layer monument supposedly existed in 15th or very late 14th – 15th centuries and ceased to exist as a result of a military assault in late 15th century. Presumably, the attackers were the Nogais. By late 15th century Nogai troops had advanced upstream to the Kama mouth, which is signified by written sources, as well as an almost complete absence of settlement monuments dating back to the Kazan Khanate period in the Central Trans-Kama region.

Expressive illustrations of the last page of town's history are hoards and the so-called common graves – hastily performed collective burials with no adherence to rituals.

Therefore, excavations have revealed a unique monument of early Kazan Khanate – a centre of highly developed craft and international trade of 15th century.

Apart from the abovementioned trends in the works of Bilyar expedition members, one should note the interesting research of the anthropology of Bilyar population (Efmova, 1976; 1991; Fattakhov, 1979), palaeozoology (Petrenko, 1976, 1984; Asylgaraeva, 1997; 2002) and palaeobotany

(Tuganaev, 1976; Frolova, 1979). Materials from Bilyar have also been actively involved in research on the history of material culture (Davletshin, 2004), decorative and applied arts of the Tatar people and its ancestors (Valeev, Valeeva-Suleimanova, 1987; Valeeva, 1983), in the second volume of the seven-volume "History of the Tatars" (History of the Tatars, 2006).

In view of the now archaeological findings Bilyar represents the largest economical, political and cultural centre of the Bolgar state, maintaining close trade relations with Kievan Rus, ancient Russian princedoms, Oriental and Western states (Valeev, 1995; Kochkina, 1999; Valiulina, 1999; Khuzin, 2001, p. 237 and cons.).

In early 1990s works at the settlement almost stopped due to a complete cessation of the financing of Bilyar expedition. An expedition of Kazan State University headed by S.I. Valiulina continued to work at the medieval monuments of the Bilyar area. Minor works were conducted at the settlement itself by an expedition of the Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (until 2012), and in the recent years – by the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov under the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in collaboration with the Institute of International Relations, History and Oriental Studies of Kazan (Volga Region) Federal University (Shakirov, 2010).

Issues of Bilyar archaeology. Despite the large-scale excavations conducted over the 50 years of existence of Bilyar expedition, a vast area of the town remains absolutely uninvestigated (with approximately 0.3% of the overall territory of the settlement excavated). It particularly refers to the outer town and suburban settlements. The territory of the inner town is better investigated, but no materials have been obtained which would allow to obtain at least a general outline the dynamics of the town's historical development and social topography, as the locations of the ruler's residence, caravanserai, district mosques, handicraft and trade sites have not been clearly indicated. A method of uncovering wide areas of cultural layers has been used in Bilyar archaeology for many years. Unfortunately, even this technique which has proven itself well in practice provided insufficient results in terms of investigation of the intra-urban planning structure. The researchers could not determine the characteristics of urban space organization, character of planning and construction in certain areas within the large territory of the settlement at each stage of its development, particularly at the early stage.

The chronological framework of the settlement's existence have been determined on the basis of long-term research as early 10th century (922) – first third of 13th century (1236). In the recent years the researchers have attempted to confirm an earlier date of the town's establishment corresponding to the second half-late 10th century (ref.: Khuzin, 2010). Besides, there have been doubts concerning the initial territory of the town within the fortifications of the outer town. These issues require solution by thorough analysis of materials from Bilyar itself, as well as their comparison with materials from Bolgar and Suvar – "the only monuments" which existed as early as in early 10th century according to our opponents.

The contemporary stage of archaeology's development is characterized by active implementation of natural-scientific techniques in the process of artefact analysis. Such techniques as metallography, chemical and spectral analyses of non-ferrous metal, glass and glazed ceramics have been used in archaeology for a long period of time. Unfortunately, until now the investigation of urban craft and its products has been carried out using traditional techniques only (with a minor exception, ref.: Semykin, 1991; Valiulina, 2005). Meanwhile, Bilyar offers great possibilities in the research of artisan production and social organization of crafts. The researchers are yet to investigate the vast areas of metallurgical and pottery suburbs, which promise new discoveries, as well as such branches of craft as non-ferrous industry and jewellery, bone carving and construction. A more thorough investigation of the multi-faceted handicraft activities of the Bilyar population, which will expand the information potential of the artefacts, is only possible with the use of modern techniques. New approaches are also required in the investigation of other types of economic activity of Bilyar citizens – cattle breeding and agriculture, hunting and fishery.

Another promising task is the investigation of the Bolgar urban phenomenon in close relation to the initial agricultural surroundings. The social and economic nature of the medieval town cannot be correctly interpreted without detailed research of the economic structure of the surrounding area, its economic and demographical potential. Archaeological investigations of settlement monuments erected simultaneously with the ones in Bilyar settlement, as well as monuments which were created in the subsequent Golden Horde period but in a way represent a continuation of Pre-Mongol sites will contribute to the solution of the issue of continuity of Bolgar and Bolgar-Tatar cultures which has become relevant in the historiography of the recent years.

Another problem requiring a final decision is the debatable issue of the Pre-Mongol capital of Volga Bolgaria located at the site of Bilyar settlement according to a number of Bolgar researchers. The solution can be found by means of a comparative study of archaeological materials from the so-called "6th layer" of Bolgar fortified settlement, early Bilyar and Izmer settlement on the Kama river which according to the materials of long-term research by E.P. Kazakov accommodated a large (over 60 ha in area) trade and handicraft settlement of 10th -11th centuries. The available information does not contradict with the possible localization of the meeting point of the Bolgar ruler with Baghdad embassy (922) and the "Standing of the Rus". In our opinion, the search for an objective response to this issue is to a large extent related to the achievements of Bilyar archaeology.

Another relevant matter is the investigation of Bolgar town in the system of medieval urban civilizations of Ancient Rus, Central Asia and Kazakhstan, Middle East and Western Europe; in relation to steppe civilization which has always featured a synthesis of nomadic and settled cultures, and finally the system of trade and craft settlements along the Great Volga route usually considered as a northern branch of the Great Silk Road.

The ultimate objective of investigations is the reconstruction

of the architectural appearance of the Pre-Mongol capital of Bolgar state at various stages of its development, a wide spectrum of economic and spiritual life, ethnic composition and population of the town and adjoining settlements, simulation of the ecological condition, natural and geographic conditions of the life of medieval population in the central regions of the Western Trans-Kama.

REFERENCES

1. Aidarov, S. S. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town). Moscow: "Nauka" Publ., 101–112 (in Russian).
2. Aidarov, S. S., Zabirova, F. M. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement)). Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 46–62 (in Russian).
3. Anninskii, S. A. 1940. In *Istoricheskii arkhiv (Historical Archive)* III. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 71–112 (in Russian).
4. Artem'ev, A. [I.] 1851. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* XXXIII (1). Saint Petersburg, 56–74 (in Russian).
5. Asylgaraeva, G. Sh. 1997. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar i Volzhskaia Bulgariia: izuchenie i okhrana arkheologicheskikh pamiatnikov (Bilyar and Volga Bulgaria: Study and Protection of Archaeological Sites)*. Kazan: "Fest" Publ., 61–63 (in Russian).
6. Asylgaraeva, G. Sh. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 161–165 (in Russian).
7. Bashkirov, A. S. 1929. In *Materialy po okhrane, remontu i restavratsii pamiatnikov TSSR (Materials on the Protection, Repair, and Restoration of the Monuments in Tatarian Soviet Socialist Republic)*. Vol. III. Kazan: "Poligrafshkola im. A. V. Lunacharskogo" Publ., 27–36 (in Russian).
8. Begovatov, E. A. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 237–239 (in Russian).
9. Begovatov, E. A., Shakirov, Z. G. 2004. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia v Tatarstane: 2002 god (Archaeological Discoveries in Tatarstan: 2002)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 48–50 (in Russian).
10. Valeev, R. M. 1995. *Volzhskaia Bulgariia: Torgovlia i denezhno-vesovye sistemy IX – nachala XIII vv. (Volga Bulgaria: Trade, Monetary and Weight Systems of 9th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Fest" Publ. (in Russian).
11. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. 1987. *Drevnee iskusstvo Tatarii (Ancient Art of Tataria)*. Kazan: Tatknigoizdat (in Russian).
12. Valeeva, D. K. 1983. *Iskusstvo volzhskikh bulgar (X – nachalo XIII vv.) (Art of the Volga Bolgars (10th – Early 13th Centuries))*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).
13. Valiulina, S. I. 2000. In Belotserkovskaia, I. V. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 122. Moscow: State Historical Museum, 273–285 (in Russian).
14. Valiulina, S. I. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye sviazi, torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX–XII vekov (International Relations, Trade Routes and Cities from Middle Volga Region in the 9th–12th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 140–154 (in Russian).
15. Valiulina, S. I. 2005. *Steklo Volzhskoi Bulgarii (po materialam Biliarskogo gorodishcha) (Glass of Volga Bulgaria: by materials of the Bilyar Fortified Settlement)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).
16. Vtorov, A. 1840. In *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del (Journal of the Ministry of Internal Affairs)* XXXVII, (8). Saint Petersburg, 180–209 (in Russian).

17. Vysotskiy, N. F. 1908. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXIV (4). Kazan, 340–351 (in Russian).

18. Grigor'ev, V. V. 1836. In *Entsiklopedicheskii leksikon (Encyclopaedic Lexicon)*. Moscow: "Tipografiia Pliushara" Publ., 292–293 (in Russian).

19. Gubaidullin, A. M., Khuzin, F. Sh., Shakirov, Z. G. 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 223–234 (in Russian).

20. Davletshin, G. M. 2004. *Ocherki po istorii dukhovnoi kul'tury predkov tatarskogo naroda. (Istoki, stanovlenie i razvitie) (Essays on the History of Spiritual Culture of the Ancestors of the Tatar People (Origins, Establishment and Development))*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

21. Efimova, S. G. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 169–185 (in Russian).

22. Efimova, S. G. 1991. *Paleoantropologiia Povolzh'ia i Priural'ia (Palaeoanthropology of the Volga and Ural Regions)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

23. Zilivinskaya, E. D. 1989. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 223–233 (in Russian).

24. Igonin, N. I., Khalikov, A. Kh. 1975. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 102–108 (in Russian).

25. Kazarinov, V.A. 1884. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* III. Kazan, 89–127 (in Russian).

26. Kokorina, N. A. 1983. In Khalikov, A. Kh., Starostin, P. N. (eds.). *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archeological Sites of Tataria)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 50–69 (in Russian).

27. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).

28. Kochkina, A. F. 1999. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Mezhdunarodnye torgovye puti i goroda Srednego Povolzh'ia IX–XII vv. (International Trade Routes and the Towns of the Middle Volga Area in 9th–12th Centuries)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 132–139 (in Russian).

29. Likhachev, A. F. 1891. In *Trudy VII Arkheologicheskogo s"ezda v Iaroslavle (1887 g.) (Prroceedings of the 7th Archeological Congress in Yarslavl (1887))* II. Moscow, 169–197 (in Russian).

30. Markov, A. K. 1910. *Topografiia kladov vostochnykh monet (sasanidskikh i kuficheskikh) (Topography of Hoards of Oriental (Sassanid and Kufic) Coins)*. Saint Petersburg (in Russian).

31. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaia monetnaia sistema XII–XV vv. (Bolgar-Tatar Monetary System of 12th–15th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

32. Petrenko, A. G. 1984. *Drevnee i srednevekovoe zhivotnovodstvo Srednego Povolzh'ia i Predural'ia (Ancient and Medieval Cattle-Breeding of the Middle Volga Area and Cis-Urals)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

33. Petrenko, A. G. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 228–239 (in Russian).

34. Ponomarev, P. A. 1919. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* XXX (1). Kazan, 45–57 (in Russian).

35. Khalikov, A. Kh. (ed.). 1986. *Posuda Biliara (Bilyar Pottery)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, (in Russian).

36. Lavrent'evskaia letopis' i Suzdal'skaia letopis' po Akademicheskomu spisku (Laurentian Codex and Suzdal Codex According to the Academic List). 1962. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) I. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).

37. Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis' (Patriarch's, or Nikon Chronicle). 1962. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) IX–X. Moscow: "Izdatel'stvo vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).

38. Rybushkin, M. S. 1833. In *Zavolzhskii muravei (Trans-Volga Ant)* 4 (1), 187–202 (in Russian).

39. Rychkov, N. P. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski puteshestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva, 1769 i 1770 g (Journal or Daily Notes of a Journey to Various Provinces of the Russian State, 1769 and 1770)*. Saint Petersburg (in Russian).

40. Sedova, M. V. 1985. In Rybakov, B.A. (ed.). *"Slovo o polku Igoreve»" i ego vremia ("The Tale of Igor's Campaign" and its Time)*. Moscow: "Nauka" Publ., 357–362 (in Russian).

41. Sementovskii, V. N. 1939. In *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (Scientific Bulletin of Kazan State Pedagogical Institute)* 1. Kazan, 130–138 (in Russian).

42. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum (in Russian).

43. Smolin, V. F. 1925. In *Materialy po izucheniiu Tatarstana (Tatarstan Study Materials)* 2. Kazan, 5–70 (in Russian).

44. Spitsyn, A. A. 1916. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 60. Saint Petersburg, 73–93 (in Russian).

45. Tardi, L. 1982. Chuvash studies. (Bibliotheca Orientalis Hungarica.Vol. XXVIII). Budapest: Academiai Kiado, 237–246 (in Russian).

46. Tatishchev, V. N. 1962. *Istoriia Rossiiskaia s drevneishikh vremen (Russian History from Ancient Times)* Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

47. Tolmachev, N. A. 1884. In *Trudy IV Arkheologicheskogo s"ezda (Proceedings of the 4th Archaeological Congress)* I. Kazan: Typo-Lithography of the Kazan Imperial University, 69–109 (in Russian).

48. Tuganaev, V. V. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 240–245 (in Russian).

49. Fyodorov-Davydov, G. A. 1963. In Shelov, D. B. (ed.). *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)* IV. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 165–221 (in Russian).

50. Flerov, V. S. 1996. *Rannesrednevekovye iurtoobraznye zhilishcha Vostochnoi Evropy (Early Medieval Yurt-Shaped Dwellings of Eastern Europe)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

51. Frolova, V. I. 1979. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 139–141 (in Russian).

52. Khalikov, A. Kh. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar – stolitsa Volzhskoi Bulgarii (Bilyar Capital of Volga Bolgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 47–60 (in Russian).

53. Khalikov, A. Kh. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 64–74 (in Russian).

54. Khalikov, A. Kh., Igonin, N. I. 1974. In *Vestnik AN SSSR (Bulletin of the USSR Academy of Sciences)* 7, 67–72 (in Russian).

55. Khalikov, A. Kh., Khuzin, F. Sh. 1991. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Biliar – stolitsa domongol'skoi Bulgarii (Bilyar – Capital of Volga Bolgaria in the Pre-Mongol Period)*. Kazan: Institute for Language,

Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Scientific Center of the USSR Academy of Sciences, 42–47 (in Russian).

56. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 21–45 (in Russian).

57. Khalikov, A. Kh., Sharifullin, R. F. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 75–100 (in Russian).

58. Khalikova, E. A. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 114–118 (in Russian).

59. Khalikova, E. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great Town)*. Moscow: "Nauka" Publ., 113–168 (in Russian).

60. Khalikova, E. A. 1986. *Musul'manskie nekropoli Volzhskoi Bulgarii X – nachala XIII vv. (Muslim Necropolises in Volga Bulgaria in 10th – early 13th Centuries)*. Kazan: Kazan State University (in Russian).

61. Khvol'son, D. A. 1869. *Izvestiia o Khazarakh, Burtasakh, Bolgarakh, Mad'iarakh, Slavianakh i Russakh Abu Ali Akhmeda Ben Omar Ibn-Dasta, neizvestnogo dosele arabskogo pisatelia nachala X veka, po rukopisi Britanskogo muzeia (News of the Khazar, Burtas, Bulgar, Magyar, Slavs and Russ by Abu Ali Ahmed ben Omar ibn Dasta, Hitherto Unknown Arabic Writer of the Beginning of the 10th Century, the Manuscript of the British Museum for the First Time Published)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

62. Khuzin, F. Sh. 2001. *Bulgarskii gorod v X – nachale XIII vv. (Bulgar City in 10th – Early 13th Centuries)*. Kazan: "Master-Line" Publ. (in Russian).

63. Khuzin, F. Sh. 1995. *Velikii gorod na Cheremshane. Stratigrafiia, khronologiia. Problemy Biliara-Bulgara (Great Town on Cheremshan River. Stratigraphy, Chronology. Problems of Bilyar and Bulgar)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

64. Khuzin, F. Sh. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 62–99 (in Russian).

65. Khuzin, F. Sh. 1989. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Rannie bolgary v Vostochnoi Evrope (Early Bolgars in Eastern Europe)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–73 (in Russian).

66. Khuzin, F. Sh. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voenno-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 58–90 (in Russian).

67. Khuzin, F. Sh., Valiulina, S. I. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Volzhskaia Bulgariia i Rus'(k 1000-letiiu russko-bulgarskogo dogovora) (Volga Bulgaria and Rus': to the 1000th Anniversary of the Russian-Bulgarian Treaty)*. Kazan: Institute for Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 97–116 (in Russian).

68. Khuzin, F. Sh., Kaveev, M. M. 1985. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voenno-oboronitel'noe delo domongol'skoi Bulgarii (Military and Defence Systems in pre-Mongol Volga Bulgaria)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 41–57 (in Russian).

69. Shakirov, Z. G. 2012. . In Belavin, A. M. (ed.). *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Proceedings*

of the Kama Archaeological and Ethnographical Expedition of the Perm State Humanitarian Pedagogical University) 8. Perm: Perm State Humanitarian Pedagogical University, 276–283 (in Russian).

70. Shakirov, Z. G. 2014. In Sitdikov, A. G. (ed.). *Rol' Obshchestva arkheologii, istorii i etnografii v issledovanii i sokhranenii kul'turnogo naslediia Volgo-Ural'ia (Role of the Society for Archeology, History and Ethnography in Research and Preservation of the Cultural Heritage of the Volga-Ural Region)*. Kazan: "Iaz" Publ., 148–155 (in Russian).

71. Shakirov, Z. G. 2012a. *Okruga Biliara v X–XV vv. (poselencheskaia struktura, resursnyi potentsial) (Bilyar Area in 10th – 15th Centuries (Settlement Structure, Resource Potential))*. PhD Thesis. Kazan (in Russian).

72. Sharifullin, R. F. 1999. In Khuzin, F. Sh., et al. (eds.). *Arkheologicheskoe izuchenie bulgarskikh gorodov (Archaeological Study of Bulgar Towns)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 77–89 (in Russian).

73. Sharifullin, R. F. 1984. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki Nizhnego Prikam'ia (Archaeological Sites of Lower Kama Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 65–82 (in Russian).

74. Sharifullin, R. F. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 101–113 (in Russian).

75. Yanin, V. L. 1979. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Novoe v arkheologii Povolzh'ia (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Biliarskogo gorodishcha) (New Developments in Archaeology of the Volga Area (Archaeological Study of the Center of Bilyar Fortified Settlement))*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 100–101 (in Russian).

76. Aspelin, J.R. 1877. *Antiquites du Nord Finno-Ougrien*. II. L' Age du fer Antiquites Permiennes. Helsinki, 100–172.

77. Tallgren, A.M. 1918. *Collektion Zaoussailov au Musee National de Finlande a Helsingfors*. II. Helsingfors.

About the Authors:

Khuzin Fayaz Sh. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; khuzinfayaz@mail.ru

Valiulina Svetlana I. Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; svaliulina@inbox.ru

Shakirov Zufar G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; zufar_alchi@mail.ru

БИЛЯРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ – 50 ЛЕТ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЕЛИКОГО ГОРОДА

Ф.Ш. Хузин, С.И. Валиулина, З.Г. Шакиров

В статье подводятся основные итоги исследований Билярского городища – уникального памятника средневековой археологии Восточной Европы, расположенного в Алексеевском муниципальном районе Республики Татарстан. Небольшое количество сведений о Биляре сохранились в древнерусских летописях (в них он назван Великим городом) и в трудах арабо-персидских авторов X–XIV вв. В исторической науке памятник известен с XVIII в., однако археологические раскопки его по большому счету начались лишь в 1967 г. В течение 20 лет исследовались укрепления города, пять городских могильников (в т.ч. некрополь знати в центре города), открыты руинированные

остатки трех кирпичных зданий и белокаменной Соборной мечети с отдельно стоящим минаретом, ремесленные мастерские (гончаров, стеклоделов, кузнецов-металлургов), десятки и сотни рядовых жилищ, хозяйственных построек и колодцев. Открытия Билярской экспедиции получили положительный резонанс в археологических кругах страны. С конца 1980-х годов работы экспедиции начали сворачиваться из-за отсутствия полноценного финансирования. Небольшие раскопки охранного порядка производились в основном на окрестных поселениях. Исследования на самом городище возобновились в 2015 г. Необходимость возобновления систематических раскопок на Биляре и памятниках его округи очевидна и с точки зрения научной, и с точки зрения практической – использования результатов исследования в туристических целях.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Билярское городище и его округа, история изучения, основные достижения, проблемы и перспективы исследований.

Информация об авторах:

Хузин Фаяз Шарипович, член-корр. АН РТ, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); khuzinfayaz@mail.ru

Валиулина Светлана Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия). svaliulina@inbox.ru

Шакиров Зуфар Гумарович, кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ; (г. Казань, Россия); zufar_alchi@mail.ru

Статья поступила в номер 25.03.2017 г.

УДК 903.5(4/5) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.28.46

О ДРЕВНЕМ РИТУАЛЕ ПОРЧИ ПРЕДМЕТОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ОБРЯДЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОЧЕВНИКОВ[1]

© 2017 г. А.З. Бейсенов, Г.С. Джумабекова

В статье рассмотрены находки предметов в древних захоронениях, которые были намеренно испорчены перед тем, как были положены в могилу. Как в хронологическом, так и в географическом отношении эта традиция была распространена очень широко и поэтому она не связана с какими-то отдельными культурами или регионами. Авторы фиксируют новые сведения об этом ритуале, выявленные при изучении могильника среднего сарматского периода Борсык, находящегося в Западном Казахстане. В центральной могиле кургана 6 находился сильно поврежденный бронзовый котел. Захоронение в древности было ограблено. В могиле найдены разбросанные отдельные кости человеческого скелета, мелкие украшения из золотой фольги от парадного костюма представителя высокого социального ранга. Авторы предполагают, что котел был намеренно деформирован участниками древнего погребально-поминального ритуала. Основная гипотеза о сущности такого ритуала сводится к тому, что порча предметов была связана с идеей предания таким предметам «других», «потусторонних», качеств, которые вытекали вследствие необходимости похоронить владельца. Котлы играли важную роль в жизни степных вождей. Авторами предполагается сакральный характер использования котла (чаши) в культуре степных народов, связанный с пиром, битвой, священной охотой. Возможно, существовала традиция хоронить котлы с их владельцами, предварительно совершив порчу предмета в связи с представлениями об ином мире и роли вождя-героя в нем.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, средний сарматский период, Западный Казахстан, ритуальная порча предметов, бронзовый котел.

В 2015 году экспедицией Института археологии МОН РК были проведены раскопки курганов могильника Борсык в Мангистауской области (Казахстан). Один из них – № 6 – был разграблен. В нем сохранился один элемент сопроводительного предметного комплекса – бронзовый (?) котел (рис. 1).

У котла деформированное, полусферическое тулово, две вертикальные ручки с тремя выступами и две ручки-петельки под венчиком. В верхней части тулова проходит горизонтальный шов. От ручек отходят вниз прямые рельефные валики – «усы». Наибольший диаметр деформированного котла по устью – 1,05 м; высота около 60 см; высота ручек – 12 см. Поддон отсутствует. Судя по тому, что заклепки в донной части котла не выявлены, поддона не было изначально. Сосуд поврежден – в стенках сосуда фиксируются многочисленные отвер-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и образования Казахстана. Проекты: № 2987/ГФ4 «Древние котлы казахской степи: анализ одной категории предмета во времени и пространстве»; № 2982/ГФ4 «Сарыарка в системе культур раннего железного века степной Евразии».

Рис. 1. Котел из могильника Барсык, курган 6.
Fig. 1. The Cauldron of Barsyk burial, Kurgan 6.

стия, нанесенные механическим путем. Котел лежал на боку.

По классификации бронзовых котлов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, разработанной С.В. Демиденко, данный сосуд можно отнести к типу VII – котлы с полусферическим туловом с сужающимися к устью стенками, без поддона. Вариант 2 – сосуды с двумя вертикальными петле- видными ручками и двумя ручками- петлями под венчиком. Подвариант 2 – орнамент в виде «веревочки».

Следует отметить, что котлы VII типа концентрируются в бассейне р. Урал и в Южном Приуралье.

Котлы этого типа датируются 2 половиной I в. до н. э. – 1 половиной I в. н. э. Они входят в группу, для которой зафиксировано использование в обряде погребений парных котлов. В качестве второго сосуда часто используется маленький котелок с носиком-сливом. Но в чаще в могилу клали по одному котлу. В составе инвентаря этих погребений выделяется характерный стандартный набор: котел, сероглиняные или черноглиняные сосуды, бронзовые зеркала, импортная металлическая гончарная или стеклянная посуда. С этой группой погребений связывают наибольшее количество котлов, обнаруженных в тайниках на дне могильной ямы. Котлы были намеренно повреждены, иногда даже разбиты и разбросаны по дну могильной ямы.

Котлы 2 половины I – 1 половины II в. н. э. демонстрируют возрождение савроматской традиции использования в погребальном обряде парных котлов. Специалисты выявили, что котлы в погребениях этого периода фиксируются в основном на уровне погребенной почвы на материковом выкиде из могилы и в самом погре-

бении. В этот период появляются котелки с зооморфными ручками. Все погребения характеризуются богатством и разнообразием инвентаря. Часто встречаются целые котлы, хотя продолжается обычай полного уничтожения котла и разбрасывания его по дну могилы.

Металлические котлы в ареале савроматской культуры, судя по данным К.Ф. Смирнова, выявляются как в курганах, так и при случайных обстоятельствах. В могилах они найдены под насыпью кургана на уровне древней поверхности; в специальном углублении; в могиле у изголовья или недалеко от скелета; на ножке, реже вверх дном. Фиксируются следы копоти на стенках котла, кострища, зола на месте находок. Прослеживаются принципы расположения котлов: курганы занимают командные высотные отметки на местности, в могиле фиксируется большой набор вооружения. Инвентарь, сопутствующий котлам, следующий: оружие, каменные жертвенники, бронзовые зеркала, бусы, гребень, сосуд, кости животных. Обстоятельства, при которых находят металлические котлы, говорят о том, что они могли предназначаться для снабжения умершего посмертной пищей; о том, что какие-то из них использовались при совершении погребально-поминального обряда (зола, уголь, копоть) (Смирнов, 1964, с. 199–200, 210–211).

Постепенно, к сарматскому времени, ситуация меняется. Захоронения лиц высокого социального статуса значительно выделяются по своим размерам и составу сопровождающего инвентаря. В частности, в Южном Приуралье выделяются погребения военачальников и женщин-жриц (Мошкова, 1989). Металлическая посуда более характерна для таких погребений. Исследователи отмечают закономерность: наибольшее количество металлической посуды отмечено на Нижнем Дону и в междуречье Дона-Волги, где сосредоточены очень богатые сарматские могилы. Отсутствие в Южном Приуралье котлов и др. металлических сосудов, как и малое количество среднесарматских захоронений, сопровождается отсутствием богатых могил. Предполагается использование металлических котлов при отправлении культовых церемоний (Мошкова, 1989, с. 182).

Металлические котлы обнаруживались как случайно, так и в курганах сарматской знати. Положение их также различно: в погребальной камере и под насыпью, в перевернутом виде, на боку или в вертикальном положении, поврежденные или нет, с костями животных внутри и без. Анализируя сарматские погребения с бронзовыми котлами, исследователи пришли к заключению об их знаковой роли, связи с какими-то культовыми отправлениями (Мухопад, 1986; Боковенко, Засецкая, 1993).

В среднесарматское время (II в. до н. э. – II в. н. э.) наибольшее количество захоронений с металлической посудой обнаружено на нижнем Дону и в междуречье Дона и Волги, где сосредоточены очень богатые сарматские могилы, единицы найдены в Заволжье и между Днепром и Бугом. В южном Приуралье в среднесарматское время ни котлов, ни других металлических сосудов пока не известно. Возможно, это объясняется и тем, что в Приуралье вообще очень мало среднесарматских захоронений, а среди них совсем нет богатых могил. По

находкам определено, что в низовьях Дона в I–II вв. н. э. находился центр крупного и богатого сарматского объединения. Здесь в I в. до н. э. – I в. н. э. зафиксированы котелки на тризнах богатых погребений.

В позднесарматское время (II–IV вв. н. э.) находки котлов со- средоточены в Южном Приуралье, где известны захоронения аристокра- тической дружинной верхушки. Преимущественное положение котлов в погребениях позднесарматского этапа – у края могильной ямы, на уровне древней поверхности, а также в могильной яме, часто вверх дном или лежащими на боку.

В III–II вв. до н. э. основную силу сарматского общества составляли аристократические дружины. В I в. до н. э. – IV в. н. э. история сарматских племен характеризуется военными походами. В этот период происходит интенсивный процесс классообразования: обособление «царей» и племенной верхушки, выделяющейся богатством и влиянием на рядовых соплеменников, а также рядового свободного населения и неимущих слоев. Усиливается роль аристократической дружины, дружинники становились профессиональными воинами (Хазанов, 1971, с. 67–68, 82–85). Именно I в. до н. э. – I в. н. э. датируются I и II типы котлов (по Н. Боковенко), из которых I тип имеет форму, размеры и декор, напоминающие в какой-то мере кубки, и по обстоятельствам находок – это, скорее всего, не бытовая посуда. II тип котлов отмечен на «тризнах», в курганах сарматской знати. Можно предположить, что такие котлы могли использоваться для каких-то обрядовых действий при погребении, связанных, например, с героизацией умершего (погибшего). Е.Ф. Королькова определяет их как котелки-курильницы (2003а, с. 55)

В каталоге, составленном С.В. Демиденко, отмечены сосуды этой категории, которые имеют повреждения (Демиденко, 2008, с. 85–116). В нашей сводке также отмечены довольно многочисленные случаи повреждения котлов в погребениях савромато-сарматского времени. Нельзя, конечно, однозначно утверждать, что повреждения нанесены перед тем, как они были помещены в могилу, или они уже были к тому моменту повреждены в ходе использования? Возможно ли такое? Не всегда они находятся в вертикальном положении.

В погребальных памятниках скифов Северного Причерноморья бронзовые котлы среди инвентаря появляются с V в. до н. э. В них находилось мясо жертвенных животных. Они характерны для погребений представителей аристократии, знатных воинов. Как правило, котлы в скифских погребениях стояли на ножке, т.е. в вертикальном положении, устьем вверх, с костями жертвенных живот- ных внутри (баран, корова, бык), в комплекте с черпаками, амфорами, глиняными сосудами и др. Обычно составляли комплект с хозяйственной утварью, посудой, занимали соответственное местоположение: в ногах между стенками саркофага и гробницы, где ставилась утварь; в камере хозяйственного назначения; в камере с предметами хозяйственного обихода; в хозяйственной нише боковой камеры; в нише с кухонным инвентарем; у выхода из погребальной камеры; рядом с погребенным слугой (служанкой). В IV–III вв. до н. э. встречаемость котлов в погребениях становит-

ся выше. В «царских» захоронениях отмечено по 2–3 котла, которые помещали в хозяйственные камеры или ниши. Погребенные воины были снабжены полным комплексом наступательного и защитного вооружения, а также бронзовым котлом с костями барана и др., по мнению исследователей, они занимали какое-то особое положение в обществе (Мелюкова, 1989, с. 58). По мнению К.Ф. Смирнова, в обществе ранних кочевников Поволжья и Южного Приуралья происходили сходные со скифскими социальные процессы, а именно: формирование строя военной демократии в VI в. до н. э., характеризующееся интенсивным разложением родового строя, ослаблением кровнородственных уз; усилением имущественной и социальной дифференциации и обособлением родовой верхушки; усилением роли дружины (Смирнов, 1964, с. 199–200, 210–211). Это, несомненно, отразилось на погребальном обряде кочевников.

В Жетысу (Юго-Восточный Казахстан, Северный Кыргызстан) условия находок котлов (более 80), на первый взгляд, заметно отличаются. Условия находок: в арыке; на пашне (в распаханном кургане?); в вертикальном срезе склона горы; на дне оврага в яме (?); на последнем уступе хребта; на нижней надпойменной террасе реки; на вершине предгорной возвышенности («прилавок»); под насыпью холма; в ущелье; у подножия горы; на дне озера; в овраге; у места впадения одной реки в другую; на глубине 2,0 м. Размеры (бронзовых котлов): Н = 13,5–78 см, Д устья = 14,5–81 см. Количество котлов в отдельных находках и кладах: от 1 до 10–12 штук. Положение сосудов также различное: вложенные друг в друга, устьем вверх или перевернутые, с жертвенными столами, курильницами или без них, в комплексе с конскими удилами, целые или в поврежденном виде…

Таким образом, мы видим, что условия находок металлических котлов в различных регионах скифо-сакского мира отличаются. Исследователи выяснили, что металлические котлы в культуре скифов выступают как социальные индикаторы. Анализ погребальных памятников показал, что котлы сопровождали только взрослых людей и чаще мужчин. Т.М. Кузне- цовой удалось выявить соответствие между параметрами котлов и числом курганов в могильнике, между числом курганных групп и числом котлов в доминирующем кургане. Проявляется зависимость между величиной скифского социума и величиной объединяющего этот социум котла. Для двух видов могильников на территории степной Скифии конца V–IV вв. до н. э. установлена закономерность: погребается только один котел в «малых» курганах или концентрируются несколько котлов, соответственно числу курганных групп, в «больших». Все памятники, где были котлы, объединяются наличием вооружения. За небольшим исключением курганы являются доминирующими в могильнике (Кузнецова, 2008, с. 185).

Котлы – не только символы (маркеры) социума, но сакральные предметы скифов, они отмечены в курганах, где были погребены представители самого высокого ранга.

Т.М. Кузнецова считает, что если деформацию («смерть») котла и его погребение можно соотнести с гибелью целых групп скифского населения, то погребение неповрежденных

форм металлического сосуда могло быть вызвано и гибелью главы социума, и разрывом дипломатических отношений, и переходом власти к представителю иного социума (Кузнецова, 2008, с. 185).

Ю.В. Болтрик и Е.Е. Фиалко возражают против таких выводов: «степные могильники не всегда являлись усыпальницами представителей одного социума или даже этноса». Более продуктивным они считают подход, предложенный В.Н. Грицюком, который увязывает объем котла с количеством едоков. Размеры котла соответствовали количеству персон, составлявших ближайшее окружение его владельца (Болтрик, Фиалко, 2010, с. 315–316).

То, что бронзовые котлы входят в разряд предметов – показателей высокого социального ранга умерших у савроматов, – пришел к выводу В.Н. Мышкин (размеры могильных ям и курганных насыпей, сопровождающие человеческие захоронения, жертвоприношения коней, предметы социального престижа в погребальном инвентаре – гривны, жезлы, ритоны, котлы и т.п.) (Мышкин, 2011, с. 319–320).

Круг «всаднического горизонта», оставленного военизированной социальной верхушкой позднесарматского общества, выделяют М.Г. Мошкова и С.В. Демиденко, С.И. Безуглов. В состав инвентаря всадниче ских погребений входят длинные мечи, железные ножи, уздечные наборы. Расположение вещей в могиле регламентировано. Сосуды и котлы оставляли в ногах или у головы погребенного, очень редко – сбоку от него. Основная часть воинских позднесарматских могил сосредоточена на территории Южного Приуралья и Нижнего Дона (Мошкова, Демиденко, 2011, с. 257–258).

В отношении погребального обряда отмечается наименьшее сходство кочевников Нижнего Поволжья и южно-уральской кочевой аристократии и близость посмертных ритуалов рядовых номадов. Выявлена близость культуры рядовых кочевников Южного Приуралья культуре населения Нижнего Поволжья, а воинско-жреческой элиты, с одной стороны, скифам Украины и Северного Кавказа, с другой, сако-массагетам Приаралья.

Практика порчи вещей в погребальных обрядах фиксируется с эпохи бронзы. Так, в насыпях курганов ирменской культуры выявлены жертвоприношения, включающие ряд предметов. Чаще встречаются бронзовые ножи, причем пять из них со сломанными лезвиями, бронзовые бляхи, кольца, браслеты, бляшки-пуговицы, серьги и серьги-подвески, альчики. О возможном ритуальном использовании этих предметов свидетельствуют факты намеренной порчи (ломки) и помещения их в огонь (прокал).

Учитывая, что помимо различных сопроводительных ритуалов значительное количество погребений ирменской культуры является нарушенными, авторы публикации не исключают существования практики постингумационного нарушения погребений с различными целями (Новикова, Дудко, 2015, с. 133–134).

Вероятно, причиной тому послужили общая мировоззренческая основа, которая начала складываться в эпоху бронзы и оформилась в героический период ранних кочевников. Проявлялось это по-разному.

Так, существует мнение, что «оленные» камни являются символически-

ми изображениями умерших воинов. Элементы предметного сопроводительного комплекса изображались на них таким образом, что преднамеренно менялось расположение предметов, как если бы они лежали в могиле (Шульга, 2015, с. 47–48). Возможно, начало, или истоки, практики преднамеренной порчи вещей у кочевников относятся к эпохе бронзы и раннесакского времени.

Можно предположить, что с этим погребально-поминальным ритуалом связано применение вотивных или специально изготовленных предметов сопроводительного инвентаря (необработанных, с заусеницами и т.п.), зафиксированных в погребальной практике ранних кочевников. Так, по заключению специалистов, большинство ювелирных изделий из кургана Аржан-2 было изготовлено специально для погребального наряда «царя» и «царицы» на месте похорон (Чугунов, 2011). Небрежно изготовлены золотые украшения из Чиликтинского кургана. С.С. Черников пришел к выводу о том, что их изготовили специально для погребения (1965, с. 43–44).

В погребениях ранних сарматов зафиксированы следы ритуальных действий. Фрагменты зеркал, выявленные в погребениях, различны по величине. Встречены полные диски, разбитые или разрубленные на куски. На многих зеркалах отмечены следы разрубания, сгибания-разгибания. Предполагается, что разрубание зеркал и положение их обломков в могилы было следствием каких-то действий религиозно-культового ха- рактера. Следы ритуальной порчи имеют около 25% мечей, сломан один из наконечников копий. Велико количество преднамеренно испорченных ножей (Глебов, 2011).

По наблюдениям специалистов, в погребениях сарматского времени обычай «ломания зеркал» фиксируется от прохоровского этапа до IV–V вв. н. э. А.В. Вертиенко приводит мнения ряда ученых относительно этого обычая. Суть их сводится к тому, что это связано с обычаем намеренного повреждения предметов, используемых при погребении. Кроме того, называется ряд аспектов, обусловленных функциями такой категории предметов, как зеркало. Высказывается мнение о том, что поломанные зеркала в могилах защищают «от появления души умершего среди живых», это результат веры в большую магическую силу зеркал и их связь с душой (Вертиенко, 2014, с. 44).

Б.А. Литвинский, приведя обзор по фактам помещения разбитых зеркал в могилы, приходит к выводу о том, что «в зеркале воплощалась душа умершего и разламывание зеркала символически отражало смерть человека» (Литвинский, 1978, с. 107). Назначение половинки зеркала – для отыскания родственника или супруга в загробном мире. Может быть, поломка зеркала как души человека предохраняла от появления души умершего среди живых (Литвинский, 1978, с 108).

К идее о семантической близости традиции переворачивания и разбивания сосуда и завешивания, отворачивания зеркал приходят на примере развития китайских бронзовых зеркал и анализа значения терминов. Глядение в бронзовый сосуд с водой имело не только практическое, утилитарное

значение, но и философское наполнение (Таиров, 2003, с. 171; Стратанович, 1961).

И, наконец, интересующая нас категория предметов – котлы. Почти все они имеют различные повреждения – смяты, носят следы ударов (пробоины, вмятины). У керамической посуды (кувшины) в древности была отбита часть горла. Зафиксированы случаи помещения сосудов в погребения в разбитом виде. Вероятно, были разбиты в древности курильницы. Реже ритуальной порче подвергались другие вещи.

Фиксируются следы огненных ритуалов в раннесарматских погребениях Нижнего Подонья. Бронзовые котлы встречены только в погребениях взрослых, чаще в мужских. В могилах котлы располагались в ногах погребенных, в большинстве случаев за стопами. Есть случаи находок котлов в нишах-«тайниках», в заполнении могил (на перекрытиях?), в насыпях курганов (Глебов, 2011, с. 67–69).

Помимо намеренного разрушения или повреждения сосудов, вообще предметов в погребениях, в погребениях скифского времени отмечены перевернутые сосуды. Относительно перевернутого положения курильницы из Усть-Хадынныга (Тыва) и каменной курильницы в кургане IV–III вв. до н. э. в Притоболье, В.А. Кисель считает, что таким образом подчеркивался момент перехода в хтонический мир (Кисель, 2007).

Особое отношение к металлическому котлу прослеживается на протяжении веков. Котел (казан) всегда занимал особое место в культуре кочевников. Он входил в цепь заключенных друг в друга изоморфных и изофункциональных локусов: центр родовой территории – жилище – очаг – котел. Многочисленные примеры связи очага и котла со стабильной жизнью и разрушенного очага и перевернутого казана с несчастьем приводят исследователи культуры тюрков Южной Сибири. На 40 день после смерти, после совершения камлания, ждали когда прогорит огонь, родственники затаптывали кострище, произносили слова, фиксирующие состояние смерти, разрушающей связи человека с очагом, домом, родовым коллективом и расходились (Львова, Октябрьская, Сагалаев, Усманова, 1988, с. 139, 144).

Отголоски или традиция обычая намеренного повреждения вещей умершего сохранились в среде кочевников или народов с традиционным укладом жизни до этнографической современности.

Так, теленгиты, бельтиры обозначали переход человека в иное состояние, его выход из социума порчей посуды, одежды покойника.

Е.А. Алексеенко считает, что вещи умершего в процессе похоронного ритуала должны приобрести «ина- кость», утратив «необходимые в земной жизни функциональные качества». С этим представлением связано убеждение кетов, что в загробном мире поврежденное восстановит свою целостность. Основа – «идентификация в смерти ставшего ущербным человека и вещи» (Алексеенко, 2007, с. 39).

Долгане при совершении похорон клали внутрь гроба определенные вещи, необходимые умершему, при этом разбивали чашку, делали отверстия в котелке или миске (Дьяченко, 2007, с. 121). Также и нивхи ломали вещи умершего и оставляли на клад-

бище, веря, что они восстановятся в ином мире и понадобятся умершему (Таксами, 2007, с. 173).

Амгуньские эвенки сжигали одежду покойного с той целью, что все плохое уходит вместе с покойником, на могиле разбивали посуду, чтобы на том свете все было целое (Березницкий, 2009, с. 101).

Вещи умершего могли сжигать, «передавая посредством огня подношения потустороннему миру» (Тадина, 2009). После смерти человек перестает быть прежним…

Хакасы срезают с одежды все пуговицы, надрывают подол, надрезают обувь, веря, что одежда и обувь будет целой «на том свете все наоборот» (Кустова, 2009, с. 52).

А.Т. Толеубаев пишет, что угасание огня в очаге означало прекращение жизни семьи. Он констатирует, что в представлении казахов казан – очаг – является символом продолжения рода, функционирования семьи, поэтому казахская пословица гласит:

«Если даже с женой разведешься, но никому не давай свой казан-ошак» (Толеубаев, 1991, с. 156–157).

Смысл «казан-ошак» в этнологии казахов имеет глубокий не только материальный, но и духовный аспект.

«Здесь в центре юрты, вокруг очага семейно-бытовые, социально-эко- номические, экологические и этни- ческие нормы стабилизируются и происходит баланс во взаимоотноше- ниях человека с окружающей средой» (Ергазы, 2012).

С представлениями казахов о том, что казан являлся символом достатка, связано особое, бережное отношение к этому предмету утвари: при переезде его вдевали в войлочный чехол (сломанный казан мог повлечь крах семьи), его запрещалось переворачивать (во избежание голода и позора). Переворачивать вымытый казан раз- решалось в случае, когда в доме есть ушедший в иной мир (Шаханова, 2014, с. 26). У казахов очаг с казаном являлся топографическим и сакральным местом в юрте. Этнографы отмечают, что одним из самых тяжелых проклятий было: «Пусть погаснет огонь в твоем очаге». В представлении казахов очаг является символом продолжения рода, функционирования семьи («Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов»).

Из приведенных примеров можно заключить, что положение котла в могиле на боку и с намеренными повреждениями продиктовано существовавшими представлениями о потустороннем мире, о смерти.

Мы склонны считать, что помимо сохранившегося до наших дней представления о похоронах как времени – границы перехода в иной мир и о мире ушедших, где все было «наоборот», существовал еще один важный аспект. Он касается роли лидера в обществе воинственных кочевников, его ритуальных функций. Прав С.Н. Кореневский, утверждая, что современники не знают как был устроен мир мертвых (в мифологии племен майкопско-новосвободненской общности, как и любой другой общности). Поэтому нельзя утверждать, будут ли погребенные лидеры (племенная знать) вновь использовать посуду (теперь дырявую) и устраивать пиры в потустороннем мире (Кореневский, 2005, с. 91).

По нашему мнению, нужно принимать во внимание то обстоятельство, что котел входил в разряд статусных предметов и чаще его выявляли в погребениях мужчин. Здесь, видимо,

прослеживается традиция, идущая с эпохи бронзы – времени кардинальных изменений в обществе – экономических, социальных, идеологических, мировоззренческих.

Ярко прослеживаемая символика власти в героическую эпоху ранних кочевников, конных воинов, в Европе фиксируется еще в эпоху бронзы. Особое влияние приобретали лидеры, не только умные, храбрые, удачливые предводители. Свой авторитет, в силу установившихся нового образа жизни, мышления, новых ориентиров и системы ценностей, отразившихся в сложении новых ритуалов и системы погребально-поминального цикла, лидер поддерживал в том числе способностью задать богатый пир (Метцнер-Небельзик, 2013, с. 207).

Цель такого рода действий (одна из ряда целей) – поддержание идеи власти или собственного положения в обществе. Поминальный пир, жертвоприношение, поединок или героизация воина – ритуализированные формы модели поведения, которые объединяли группу людей одинаковой социальной идентичности (Метцнер-Небельзик, 2013, с. 216–217). Способность вождя устроить пир – подчеркивала выдающуюся роль пира в воинской культуре.

Важна объединяющая роль верности воина своему вождю. Вождь распределял добычу и устраивал престижные пиры, укрепляя свой статус и власть. Эти пиршества имели не только воинский характер; и война, и пир приобретали сакральный характер и имели какое-то внутреннее сходство (Кардини, 1987, с. 144–145). В обрядовых пиршествах проступает очевидная связь с культами воинской доблести и героизированных предков. В этнографии прослеживается то, что одним из этапов пиров было поминовение погибших героев, предков, воспоминания и рассказы о подвигах и др. Поминовение предков, ритуальное окропление, возлияние (жертвоприношение) были обязательными и в ходе проведения сезонных праздников в традиционных обществах. Очень показательны в этом отношении реликты мужских союзов (Бардавелидзе, 1957, с. 70–71). В совместных пиршествах типа «праздника заслуг» принимали участие воины. Очевиден сакральный характер пиршества, трапезы с участием мужчин-воинов.

Об этом же говорит В.А. Кисель (2010). Котел – один из тех сакральных символов, которые характерны для воинской кочевой среды. Среда, где зарождались скифские сакральные символы, это мужские молодежные союзы. Союзы молодежи обычно представляли собой братства, скрепленные имитацией кровнородственных отношений. Представители молодежных охотничье-воинских групп выделялись из общей массы родичей образом жизни, потреблением особой пищи, напитков, ношением особой одежды и атрибутов (Кисель, 2010, с. 231).

Связь пира и битвы сохранилась в культуре кочевников на века. Л.Н. Ермоленко выявила в героической эпике ассоциации битвы с пиром, воинского гнева – с опьянением (2008, с. 211). В эпосе герои-воины равно ждут битвы и пира. Автор приводит множество примеров, подтверждающих такое положение. Например, в «Мухаббат-наме» о воинах Мухаммеда говорится: «Вступают в битву, подобно тому, как входят на пир». Вино для батыров является поздней стадиальной заменой

крови (Ермоленко, 2008, с. 212). Почетный напиток ассоциировался с геройской доблестью в «Махабхарате». Известный специалист по тюрко-монгольскому эпосу Р.С. Липец выявила многообразие функций эпического пира и констатировала, что в развитых эпосах пир характеризуется, прежде всего, функциями кормления и одаривания членов дружины. В героическом эпосе выявляется и специфическое батальное значение чаши (пиршественного напитка) (Ермоленко, 2008, с. 214; Липец, 1982).

Чаша являлась аксессуаром эпического пира. В эпоху ранних кочевников таким аксессуаром мог являться котел. Связь чаши с доблестью прослеживается и в некоторых других воинских пиршественных обрядах – «чаша службы», которой скрепляют обязательство совершить подвиг. Атрибутом клятвенного ритуала являлось оружие и сосуд с напитком, смешанным с кровью. Батальная символика чаши выступает также в случаях, когда чаша упоминается в сочетании с оружием (Ермоленко, 2008, с. 215).

Чаша с напитком служила наградой герою у древних и средневековых народов (Ермоленко, 2008, с. 222).

Е.Ф. Королькова рассматривает сюжет «Священной охоты» в изобразительном искусстве древности в едином контексте со сценами битвы, пира и терзания животных. Поддерживая в целом точку зрения Д. Шеперда, она считает, что они имеют сакральный характер и связаны с мифологическим подтекстом. «Они отражают древнейший пласт мифологии с его концепцией мироздания, пониманием обеспечения и поддержания мирового порядка с его цикличным воспроизводством жизни и неизбежным переходом в иной мир, который является как бы резервуаром потенциальной жизни» (Королькова, 2003б, с. 64–65). Сакральное значение, символика котла сохранялись на протяжении веков. Так, в XVIII в. алтайцы платили дань джунгарам котлами и таганами. Сборщики дани в правом ухе носили подобие серьги – миниатюрный железный треногий таган для котла как знак власти (Кызласов, 1960, с. 80–81). Возможность не только бытового использования металлических котлов у кочевников предполагает и С.А. Плетнева: котел являлся символом власти и единения (Плетнева, 1982, с. 22–23). Действительно, котел представлял собой символическое выражение могущества, силы вождя и возглавляемого им объединения. Чем больше размеры котла или количество котлов, тем сильнее его владелец и больше количество людей, объединенных вокруг предводителя. Когда говорят о скифских котлах, то обычно приводят пример с рассказом Геродота (Геродот, 1972, кн. IV, 52), в котором описывается местность Эксампей, священные пути, где стоит медный сосуд царя Арианта. Большинство исследователей приходят к выводу о ритуальной сущности медных котлов, и Эксампей – это один из важных религиозных центров Скифии. Пир – ежегодные попойки с участием всех воинов – устраивал правитель (номарх), используя при этом «большой общий сосуд». Пить вместе с ним имели право лишь те воины, которые убили врага (Геродот, кн. IV, 66).

Одно из несомненных предположений, вытекающих из этого описания Геродота, – котел выступает как символ единства племени и его сакральный центр. Помимо жертвоприноше-

ний животными, котлы, несомненно, использовались для приготовления и хранения напитков. Известно, что ритуальное питье (возлияние) является одной из форм жертвоприношений, составной частью обрядового пиршества, а также тризны. Ж. Дюмезиль подчеркивал культовое значение пира в эпосе нартов, описывая волшебный сосуд Нартамонга, подтверждающий доблесть воина (Дюмезиль, 1990).

Упоминаемый у нартов котел – огромный; предназначен для хмельного напитка (пиво), был единственным для всех членов общества, но в конечном итоге оказался у того, кто совершил выдающиеся подвиги. То, что владели таким котлом сообща, возможно, свидетельствует о его цен- ности, о его объединяющем начале (Нарты, с. 272–273).

Таким образом, и в эпосе сохранились отголоски той связи, которая существовала между объединяющим сосудом с пьянящим напитком, общим собранием членов коллектива, военным характером общества. Понятна, вероятно, и традиция захоранивать котлы с их владельцами, предварительно совершив порчу предмета в связи с представлениями об ином мире и роли вождя-героя в нем.

Можно предположить, что намеренно поврежденные сосуды соединяли в себе представления о потустороннем мире, где все «наоборот» и принимало «правильный» вид, идею перехода воина-лидера в иной мир с необходимостью и там исполнять функции лидера, вождя, в том числе устраивать ритуальные пиршества.

Не исключается также возможность повреждения котла в могиле, совершенного в ходе ограбления грабителями.

Данная тема требует специального исследования. Одним из условий этого является сбор необходимого объема данных и составление сводки случаев нахождения намеренно поврежденных предметов инвентаря. Обращает внимание наличие фактов нахождения намеренно поврежденных изделий не только в погребальных памятниках, но и в культово-ритуальных сооружениях. Один такой случай, например, известен в Центральном Казахстане – речь идет о «прикладах» конской узды в жертвенниках, сооруженных вблизи курганов раннего железного века или же на периферии могильника предыдущего периода. В настоящее время подобные жертвенники в Центральном Казахстане открыты в значительном количестве и рассматриваются в качестве одной категории памятников тасмолинской культуры (Бейсенов, 2015а). Основная их часть объединяет те объекты, которые расположены вблизи курганных захоронений. Также известны жертвенники Акмустафа (Бейсенов, 2015б), Талдысай, сооруженные на периферии могильников эпохи бронзы.

Жертвенник Талдысай был исследован Ж.Е. Смаиловым на территории Улытауского района Карагандинской области в 1992 г. На периферии могильника эпохи бронзы находился курган 1 (согласно полевой документации объект был обозначен как курган), имеющий каменно-земляную насыпь округлой формы, диаметром около 10 м. Под насыпью была расчищена округлая каменная ограда диаметром 8,5–9 м. Внутри конструкции могильная яма и следы человеческого захоронения отсутствовали. Каменная ограда на восточной стороне имела небольшой разрыв. Напротив него,

внутри ограды, на древнем горизонте были найдены сложенные в кучку бронзовые предметы конского снаряжения, в том числе пара подпружных пряжек (застежка и блок) и двусоставные удила архаичного типа: двукольчатые с двуплановым расположением отверстий для крепления повода и псалия. Предметы были датированы VIII–VII вв. до н. э. Оба звена удил преднамеренно сломаны (Бейсенов, 2002). В жертвенниках проводились определенные ритуальные действия, входящие в содержание сложных погребально-поминальных процессов. Нахождение предметов конской узды позволяет считать, что одним из важных направлений являлось ритуальное жертвоприношение коня. Таким образом, древний ритуал порчи предметов, задействованных в погребальных и поминальных процессах, по-видимому, имеет достаточно широкое семантическое поле.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеенко Е.А.* Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: «Наука», 2007. С. 30–50.
2. *Бардавелидзе В.В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: ИИ им. И.А. Джавахшвили АН ГССР, 1957. 342 с.
3. *Бейсенов А.З.* К изучению памятников раннего этапа сакской культуры Центрального Казахстана // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Доклады международной научной конференции / Под ред. Е.В. Ярового. Тирасполь, 2002. С. 208–212.
4. *Бейсенов А.З.* Околокурганные жертвенники как разновидность памятников тасмолинской культуры // Вестник ТГУ. История. 2015а. № 4 (36). С. 96–104.
5. *Бейсенов А.З.* Памятники верховьев реки Атасу в Центральном Казахстане // Вестник ТГУ. 2015б. № 3 (35). С. 11–122.
6. *Березницкий С.В.* Современные представления дальневосточных эвенков о душе и смерти // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 98–103.
7. *Боковенко Н.А., Засецкая И.П.* Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петербургский Археологический Вестник. 1993. № 3. С. 73–88.
8. *Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Посуда из скифских погребальных комплексов Рогачикского курганного поля // Stratum plus. 2010. № 3. С. 289–323.
9. *Вертиенко А.В.* Образ Даэны в общеиранской ретроспективе // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского / Ред. В.Т. Мусбахова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 39–51.
10. *Геродот*. История в 9 кн. Перевод и прим. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. Кн. IV. 600 с.
11. *Глебов В.П.* Погребальная обрядность раннесарматской культуры Нижнего Подонья II–I вв. до н.э. // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011 С. 63–87.
12. *Демиденко С.В.* Бронзовые котлы древних племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (V в до н.э. – III в. н.э.). М, 2008. 328 с., цв. ил.

13. Дьяченко В.И. Представления долган о душе и смерти. Отчего умирают «настоящие люди»? // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 108–133.

14. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М.: Наука, 1990. 229 с.

15. Ергазы К. Казахская юрта и ее семантика // Интернет-ресурс: http://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/23787/75/3/2/0//. Дата обращения 21.06.2017 г.

16. Ермоленко Л.Н. Изобразительные памятники и эпическая традиция: по материалам культуры древних и средневековых кочевников Евразии. Томск: Изд-во Томского гос. пед. университета, 2008. 288 с.

17. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М.: Прогресс, 1987. 384 с.

18. Кисель В.А. Мир кочевников Евразии на фоне сакральных растений // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. / Ред. Ю.К. Чистов, М.А. Рубцова. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 229–235.

19. Кисель В.А. Рассказ Геродота и ритуальные сосуды древних кочевников // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 3 (31). С. 69–79.

20. Кореневский С.Н. Металлическая посуда майкопско-новосвободненской общности // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Гл. ред. В.И. Гуляев. Сб. статей. М.: ИА РАН, 2005. С. 82–92:

21. Королькова Е.Ф. «Священная охота» – мотив в изобразительном искусстве и возможное семантическое прочтение // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. Материалы научно-практической конференции, посв. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2003б. С. 63–67.

22. Королькова Е.Ф. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // Материалы и исследования по археологии Евразии / АСГЭ. Вып. 36 / Отв. ред. А.Ю. Алексеев. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2003. С. 28–59.

23. Кузнецова Т.М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. Сборник памяти В.А. Башилова / МИАР. № 10 / Отв. ред.М.Г. Мошкова. М.: «Таус». 2008. С. 173–198.

24. Кустова Ю.Г. Сновидения и приметы, предвещающие смерть, у хакасов (полевые материалы) // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 49–53.

25. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в.н.э.). М.: Изд-во МГУ, 1960. 197 с.

26. Липец Р.С. Проблема взаимосвязи тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии (Труды советских археологов 40–50-х гг.) // Очерки русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IX / ред. Р.С. Липец. М.: АН СССР, 1982. С. 186–208.

27. Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М.: «Наука», 1978. 216 с. + 36 табл.

28. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

29. Мелюкова А.И. Скифские памятники степи Северного Причерноморья. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. С. 51–66.

30. Метцнер-Небельзик К. Европейская символика власти эпохи бронзы // «Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до новой эры». Каталог выставки. СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. С. 206–217.

31. Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1989. С. 177–191.

32. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / МИАР. Вып. 13 / Отв. ред. М.М. Герасимова, В.Ю. Малашев, М.Г. Мошкова. М.: Таус, 2010. С. 254–261.

33. Мухопад С.Е. Сарматские погребения с бронзовыми котлами в Орельско-Самарском междуречье // Проблемы археологии Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1986. – С. 136–143.

34. Мышкин В.Н. Погребальная обрядность социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. (к проблеме формирования прохоровской культуры) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Материалы и исследования по археологии юга России. Вып. III / Отв. ред. Г.Г. Матишов, Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. С. 318–345.

35. Нарты. Осетинский героический эпос в трех книгах. Кн. 2. М.: Наука, 1989. 492 с.

36. Новикова О.И., Дудко А.А. Ритуальные комплексы на курганных могильниках ирменской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 131–135.

37. Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982. 188 с.

38. Смирнов К.Ф Савроматы (ранняя история и культура сарматов). М.: Наука, 1964. 379 с.

39. Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточно-Азиатский этнографический сборник. II. М., 1961. Труды ИЭ. Новая серия, т. LXXIII / Отв. ред. Г.Г. Стратанович, Н.Н. Чебоксаров. М.: Наука, 1961. С. 47–78.

40. Тадина Н.А. «Нет железа, которое не сломается, нет живого существа, которое не умрет» (представление о смерти в контексте картины мира алтайцев) // Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. I / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 226 с. С. 65–72.

41. Таиров А.Д. Кочевники Урало-Иртышского междуречья в системе культур раннесакского времени восточной части степной Евразии // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. Древние эпохи / Отв. ред. К.А. Акишев. Астана: Култегін, 2003. С. 157–179.

42. Таксами Ч.М. Представления нивхов о Вселенной и мире мертвых // Мифология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири: Этнографические очерки / Науч. ред. Л.Р. Павлинская. СПб.: Наука, 2007. С. 154–181.

43. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов. (XIX – начало XX в.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 214 с.

44. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

45. Черников С.С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». М.: Наука, 1965. 189 с.

46. Чугунов К.В. Культурные связи населения Тувы в раннескифское время (по материалам кургана Аржан-2) // Маргулановские чтения-2011 (Астана, 2022 апреля, 2011 г.) / Гл. ред. М.К. Хабдулина. Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2011. С. 177–182.

47. Шаханова Ш.Ж. Символика предметов традиционного быта казахов // Известия НАН РК. 2014. № 1. С. 23–28.

48. Шульга П.И. Могильник Юйхуанмяо в северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 304 с.

49. Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Интернет-ресурс: http: // www.unesco.kz/heritagenet/kz/content/mat_culture/dwelling/yurta-2.htm) (дата обращения 21.06.2017)

Информация об авторах:

Бейсенов Арман Зияденович, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алматы, Республика Казахстан); azbeisenov@mail.ru

Джумабекова Гульнара Саиновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана МОН РК (г. Алматы, Республика Казахстан); gdzhuma@mail.ru.

ANCIENT ITEM SPOILAGE RITUAL USED IN NOMADIC BURIAL RITE

A.Z. Beisenov, G.S. Dzhumabekova

The article considers the findings of items in ancient burials which were intentionally spoiled prior to deposition in graves. This tradition was widely spread both in terms of chronology and geography, and therefore cannot be attributed to any individual cultures or regions. The authors present new information on the ritual obtained during an investigation of Borsyk burial mound of the Middle Sarmatian period located in West Kazakhstan. The central grave of barrow 6 contained a heavily damaged bronze cauldron. The grave was looted in antiquity. Individual scattered bones of a human skeleton and minor gold foil adornments from the ceremonial dress of a nobleman were discovered in the grave. The authors suggest that the cauldron was intentionally deformed by the participants of an ancient mortuary and memorial ritual. According to the principal hypothesis concerning the essence of this ritual, spoilage of the items was related to the idea of assign the items with "different" and "transcendent" properties, which resulted from the necessity of burying the owner. Cauldrons played an important role in the life of steppe leaders. The authors assume a sacral nature of the use of cauldrons in the culture of steppe peoples associated with feasts, battles, and sacred hunting. Perhaps, there was a tradition of burying cauldrons together with their owners after spoiling the items in view of the concept of the other world and the role of a heroic leader therein.

Keywords: archaeology, the Early Iron Age, the Early Sarmatian period , West Kazakhstan, ritual item spoilage, bronze cauldron.

REFERENCES

1. Alekseenko, E. A. 2007. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Mifologiia smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: Etnograficheskie ocherki (Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of the Funerary Rite of Siberian Peoples. Ethnographic Essays)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 30–50 (in Russian).

2. Bardavelidze, V. V. 1957. *Drevneishie religioznye verovaniia i obriadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen (Ancient Religious Beliefs and Ritual Graphical Art of Georgian Tribes)*. Tbilisi: Institute of Histrory of the GSSR named after I. A. Dzhavakhshvili of the GSSR Academy of Sciences (in Russian).

The work was conducted with financial support of the Science Committee under the Min- istry of Science and Education of Kazakhstan. Projects: No.2987/ГФ4 "Ancient cauldrons of Kazakh steppe: analysis of a single subject category in time and space"; No. 2982/ГФ4 "Saryarka in the system of culture of the Early Iron Age in steppe Eurasia".

3. Beisenov, A. Z. 2002. In Iarovoi, E. V. (ed.). *Drevneishie obshchnosti zemledel'tsev i skotovodov Severnogo Prichernomor'ia (V tys. do n.e. – V v. n.e.) (Ancient Communities of Agriculturers and Cattle Breeders of the Northern Black Sea Region (5th Millennium B.C. – 5th Century A.D.))*. Tiraspol, 208–212 (in Russian).

4. Beisenov, A. Z. 2015a. In *Vestnik TGU. Istoriia. (Bulletin of Tomsk State University. History)* 36 (4), 96–104 (in Russian).

5. Beisenov, A. Z. 2015b In *Vestnik TGU. (Bulletin of Tomsk State University)* 35 (3), 11–122 (in Russian).

6. Bereznitskii, S. V. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kn. I (Siberian Collection of Articles-1: Funerary Rite of Peoples from Siberia and the Neighbouring Territories. Book 1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 98–103 (in Russian).

7. Bokovenko, N. A., Zasetskaia, I. P. 1993. In *Peterburgskii Arkheologicheskii Vestnik (Peterburg Archaeological Bulletin)* 3, 73–88 (in Russian).

8. Boltrik Yu. V., Fialko E. E. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (3) 289–323 (in Russian).

9. Vertienko, A. V. 2014. In Musbakhova, V. T. (ed.). *Ladoga v kontekste istorii i arkheologii Severnoi Evrazii. Sbornik statei pamiati Dmitriia Alekseevicha Machinskogo (Ladoga in the Context of History and Archaeology of Northern Eurasia. Collection of Articles in Memory of Dmitry Alekseevich Machinsky)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ., 39–51 (in Russian).

10. Gerodot. Istoriia v 9 knigakh (Herodotus. History in 9 books). 1972. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Glebov, V. P. 2011. In Iablonskii, L. T., Luk'iashko, S. I. (eds.). *Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii (Funerary Rite of the Original Eurasian Nomads)* III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 63–87 (in Russian).

12. Demidenko, S. V. 2008. *Bronzovye kotly drevnikh plemen Nizhnego Povolzh'ia i Iuzhnogo Priural'ia (V v do n.e. - III v. n.e.) (Bronze Cauldrons of Antient Tribes from the Lower Volga and the Southern Urals (5th Century B.C. – 3rd Century A.D.))*. Moscow (in Russian).

13. D'iachenko, V. I. 2007. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Mifologiia smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: Etnograficheskie ocherki (Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of the Funerary Rite of Siberian Peoples. Ethnographic Essays)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 108–133 (in Russian).

14. Diumezil', Zh. 1990. *Skify i narty (Scythians and Narts)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Ergazy, K. 2012. *Kazakhskaia iurta i ee semantika (The Kazakh Yurt and its Semantics)*. Available at: http://pps.kaznu.kz/2/Main/FileShow2/23787/75/3/2/0// (accessed 21.06.2017)

16. Ermolenko, L. N. 2008. *Izobrazitel'nye pamiatniki i epicheskaia traditsiia: po materialam kul'tury drevnikh i srednevekovykh kochevnikov Evrazii (Graphical Monuments and Epic Traditoin: on the Materials of the Culture of Ancient and Medieval Eurasian Nomads)*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University (in Russian).

17. Kardini, F. 1987. Istoki srednevekovogo rytsarstva (Origins of Medieval Knighthood). Moscow: "Progress" Publ. (in Russian).

18. Kisel', V. A. 2010. In Chistov, Yu. K. (ed.). *Radlovskii sbornik: nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2009 g. (Radlov Collection of Articles: Scientific Research and Museum Projects of the Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences in 2009)*. Saint Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 229–235 (in Russian).

19. Kisel', V. A. 2007. In *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* 31 (3), 69–79 (in Russian).

20. Korenevskii, S. N. 2005. In Guliaev, V. I. (ed.). *Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ia. Pamiati Valeriia Sergeevicha Ol'khovskogo (Antiquities of Eurasia: from Early Bronze to Early Middle Ages. In Memory of Valerii Sergeevich Ol'khovskii)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 82–92 (in Russian).

21. Korol'kova, E. F. 2003b. In Piotrovskii, Yu. Yu. (ed.). *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e (Steppes of Eurasia in Ancient Times and the Middle Ages)* II. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 63–67 (in Russian).

22. Korol'kova, E. F. 2003. In Alekseev, A. Yu. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Evrazii (Materials and Studies on Eurasian Archaeology)*. Series: Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archaeological Bulletin of the State Hermitage Museum) 36. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 28–59 (in Russian).

23. Kuzneczova T. M., 2008. In Moshkova, M. G. (ed.). *Problemy sovremennoi arkheologii: Sbornik pamiati V. A. Bashilova (Issues of Contemporary Modern Archaeology: Collection of Papers in Memory of V. A. Bashilov)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 10. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences; "Taus" Publ., 173–198 (in Russian).

24. Kustova, Yu. G. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kn. I (Siberian Collection of Articles - 1: Funerary Rite of Peoples from Siberia and the Neighbouring Territories. Book 1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 49–53 (in Russian).

25. Kyzlasov, L. R. 1960. *Tashtykskaia epokha v istorii Khakassko-Minusinskoi kotloviny (I v. do n.e. – V v.n.e.) (Tashtyk Period in the History of Khakass-Minusinsk Hollow (1st Century B.C. – 5th Century A.D.))*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

26. Lipets, R. S. 1982. In Lipets, R.S. (ed.). *Ocherki russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii (Essays on Russian Ethnography, Folkloristics and Anthropology)* IX. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 186–208 (in Russian).

27. Litvinskii, B. A. 1978. *Orudiia truda i utvar' iz mogil'nikov Zapadnoi Fergany (Arkheologicheskie i etnograficheskie materialy po istorii kul'tury i religii Srednei Azii) (Implements and Utensils from Burial Grounds of West Fergana (Archaeological and Ethnographic Materials on the History of Culture and Religion of Central Asia))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

28. L'vova, E. L., Oktiabr'skaia, I. V., et al. 1988. *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Prostranstvo i vremia. Veshchnyi mir (Traditional Philosophy of the Turks from Southern Siberia. Space and Time. Material World)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

29. Meliukova, A.I. 1989. In Rybakov, B. A. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the Eurasian Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 51–66 (in Russian).

30. Mettsner-Nebel'zik, K. 2013. In *Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysiacheletiia do novoi ery (The Bronze Age. Europe without Borders. Fourth – First Millennia Before the Common Era)*. Katalog vystavki. Saint Petersburg: "Chistyi list" Publ., 206–217 (in Russian).

31. Moshkova, M. G. 1989. In Rybakov, B. A. (ed.). *Stepi evropeiskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia (Steppes of the European Part of the USSR in the Scythian-Sarmatian Period)*. Moscow: "Nauka" Publ., 177–191 (in Russian).

32. Moshkova, M. G., Demidenko, S. V. 2010. In Gerasimova, M. M., Malashev, V. Yu., Moshkova, M. G. (eds.). *Arkheologiia i paleoantropologiia evraziiskikh stepei i sopredel'nykh territorii (Archaeology and Paleoanthropology of Eurasian Steppes and Adjacent Territories)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 13. Moscow: "Taus" Publ., 254–261 (in Russian).

33. Mukhopad, S. E. 1986. In Kovaleva, I. F. (ed.). *Problemy arkheologii Podneprov'ia (Archaeological Issues of the Dnieper Region)*. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State university, 136–143 (in Russian).

34. Myshkin, V. N. 2011. In Matishov, G. G., Iablonskii, L. T., et al. (eds.). Pogrebal'nyi obriad rannikh kochevnikov Evrazii / Materialy I issledovania po arkheologii uga Rossii (Funerary Rite of the Early Nomads of Eurasia. Series Matherials and Studies on Archaeology of South of Russia) III. Rostov-na-Donu: Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, 318–345 (in Russian).

35. Narty. Osetinskii geroicheskii epos v trekh knigakh (Narty. Ossetian Heroic Epos in Three Books) 2. 1989. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

36. Novikova, O. I., Dudko, A. A. 2015. In *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Kemerovo State University)* 62 (2), 131–135 (in Russian).

37. Pletneva, S. A. *Kochevniki srednevekov'ia. Poiski istoricheskikh zakonomernostei (Nomads of the Middle Ages. Searches for Historical Patterns)*.1982. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

38. Smirnov, K. F. 1964. *Savromaty. Ranniaia istoriia i kul'tura sarmatov (Sauromatians. Early History and Culture of Sarmatians)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

39. Stratanovich, G. G. 1961. In Stratanovich, G. G., Cheboksarov, N. N. (ed.). *Vostochno-Aziatskii etnograficheskii sbornik / Trudy Instituta Etnografii. Novaya seria (East-Asian Ethnographic Collection of Articles. Proceedings of the Institute of Ethnography. New Series)* II. Moscow: "Nauka" Publ., 47–78 (in Russian).

40. Tadina, N.A. 2009. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Sibirskii sbornik-1: Pogrebal'nyi obriad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii. Kn. I (Siberian Collection of articles -1: Funerary Rite of Peoples from Siberia and the Neighbouring Territories. Book 1)*. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 65–72 (in Russian).

41. Tairov, A. D. 2003. In Akishev, K. A. (ed.). *Stepnaia tsivilizatsiia Vostochnoi Evrazii (Steppe Civilization of Eastern Eurasia)* 1. Astana: "Kultegin" Publ., 157–179 (in Russian).

42. Taksami, Ch. M. 2007. In Pavlinskaia, L. R. (ed.). *Mifologiia smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri: Etnograficheskie ocherki (Mythology of Death. Structure, Function and Semantics of the Funerary Rite of Siberian Peoples. Ethnographic Essays)*. Saint Petersburg: "Nauka" Publ., 154–181 (in Russian).

43. Toleubaev, A. T. 1991. *Relikty doislamskikh verovanii v semeinoi obriadnosti kazakhov. (XIX- nachalo XX v.) (Relics of Pre-Islamic Beliefs in the Family Ritualism of the Kazakhs)*. Alma-Ata: "Gylym" Publ. (in Russian).

44. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

45. Chernikov, S. S. 1965. *Zagadka zolotogo kurgana. Gde i kogda zarodilos' "skifskoe iskusstvo" (Mystery of the Golned Burial Mound. Where and When "Scythian Art Originated")*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

46. Chugunov, K. V. 2011. In Khabdulina, M. K. (ed.). *Margulanovskie chteniia-2011 (Margulan Readings-2011 (Astana, April 20th–22nd, 2011))*. Astana: L.N.Gumilyov Eurasian National University, 177–182 (in Russian).

47. Shakhanova, Sh. Zh. 2014. In *Izvestiia Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan (Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan)* 1, 23–28 (in Russian).

48. Shul'ga, P. I. 2015. *Mogil'nik Iuikhuanmiao v severnom Kitae (VII–VI veka do nashei ery) (Iuikhuanmiao Burial Mound in Northern China (7th-6th Centuries B.C.))*. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

49. Iurta v predstavleniiakh, verovaniiakh i obriadakh kazakhov (Yurt in Perceptions, Beliefs and Rites of the Kazakhs). Available at: http: // www.unesco.kz/heritagenet/kz/content/mat_culture/dwelling/yurta-2.htm). (accessed 21.06.2017)

About the Authors:

Beisenov Arman Z., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; azbeisenov@mail.ru

Dzhumabekova Gulnara S., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan, Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Dostyk Ave., 44, Shevchenko Str., 28, Almaty, 050010, the Republic of Kazakhstan; gdzhuma@mail.ru.

Статья поступила в номер 25.06.2016 г.

УДК 902(470.51)”2/4”(045) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.47.72

ХРОНОЛОГИЯ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ III–V ВВ. ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2017 г. Р.Д. Голдина, В.А. Бернц

Статья является заключительной в серии работ авторов по датировке захоронений уникального Тарасовского могильника I–V вв. н. э. на Средней Каме. Первая статья была посвящена хронологии могил ранней ныргындинской стадии (I–II вв.) этого памятника. Во второй и третьей публикациях была проанализирована хронология мужских захоронений III–V вв. В настоящей работе с позиций хронологии исследованы 160 женских погребений III–V вв. В качестве основных методов, как и прежде, авторами были использованы формально-типологический, культурной стратиграфии и метод аналогий. В результате было выделено 12 хронологических групп: 1-й половины III в. н. э. (группа 1); 2-й половины III в. (2); III в. (3); IV в. (группа 4); 2-й половины III–IV в. (5а); III– IV вв. (5б); 1-й половины V в. (6); 2-й половины V в. (7); V в. (группа 8); 2-й половины IV–V в. (9); IV–V вв. (10); 2-й половины III–V в. (11) и III–V вв. (12).

Ключевые слова: археология, Тарасовский могильник, культурная стратиграфия, хронология, мазунинская стадия, чегандинская культура, пьяноборская культурно-историческая общность.

Настоящая работа посвящена исследованию хронологии женских могил III–V вв. Тарасово. В инвентарь женских захоронений входят: бусы (анализируются отдельно), украшения головы (остатки шапочек, височные подвески), шейные и нагрудные (гривны, подвески, пронизки, фибулы, сюльгамы), украшения рук (перстни и браслеты), ременная гарнитура (пряжки, накладки, наконечники), ножны для ножей и шильев, обувные и подарочные наборы. История изучения хронологии древностей Среднего Прикамья III–V вв. изложена в статье (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, с. 18).

Для решения поставленной задачи выбраны 160 могил, в которых число вещей было не менее 2. В случаях, когда кости сохранились плохо, захороненные отнесены к женским по характерному набору вещей. В итоге из массива женских могил было выделено 12 групп (рис.1).

В **группу 1** вошли 13 погребений: 616, 14, 846, 497, 102, 1041, 441, 584, 69А, 298, 61, 40, 2. В этих могилах обнаружены 2 лучковые подвязные фибулы с завитком на конце приемника, размерами 3,8×4,2 см с округлой спинкой, без орнамента или украшенные по краю рядом пуансонных вдавлений (рис. 2: 1). Это ранние варианты бабочковидных фибул – этнографического признака древностей III–V вв. Среднего Прикамья. Обломок похожей фибулы обнаружен в кургане 4/2 Бородаевки – одного из объектов поздних сармат на Средней Волге (Скрипкин, 1984, рис. 12: 36). Важную роль при оценке хронологии женских могил играли фибулы местного производства, представленные

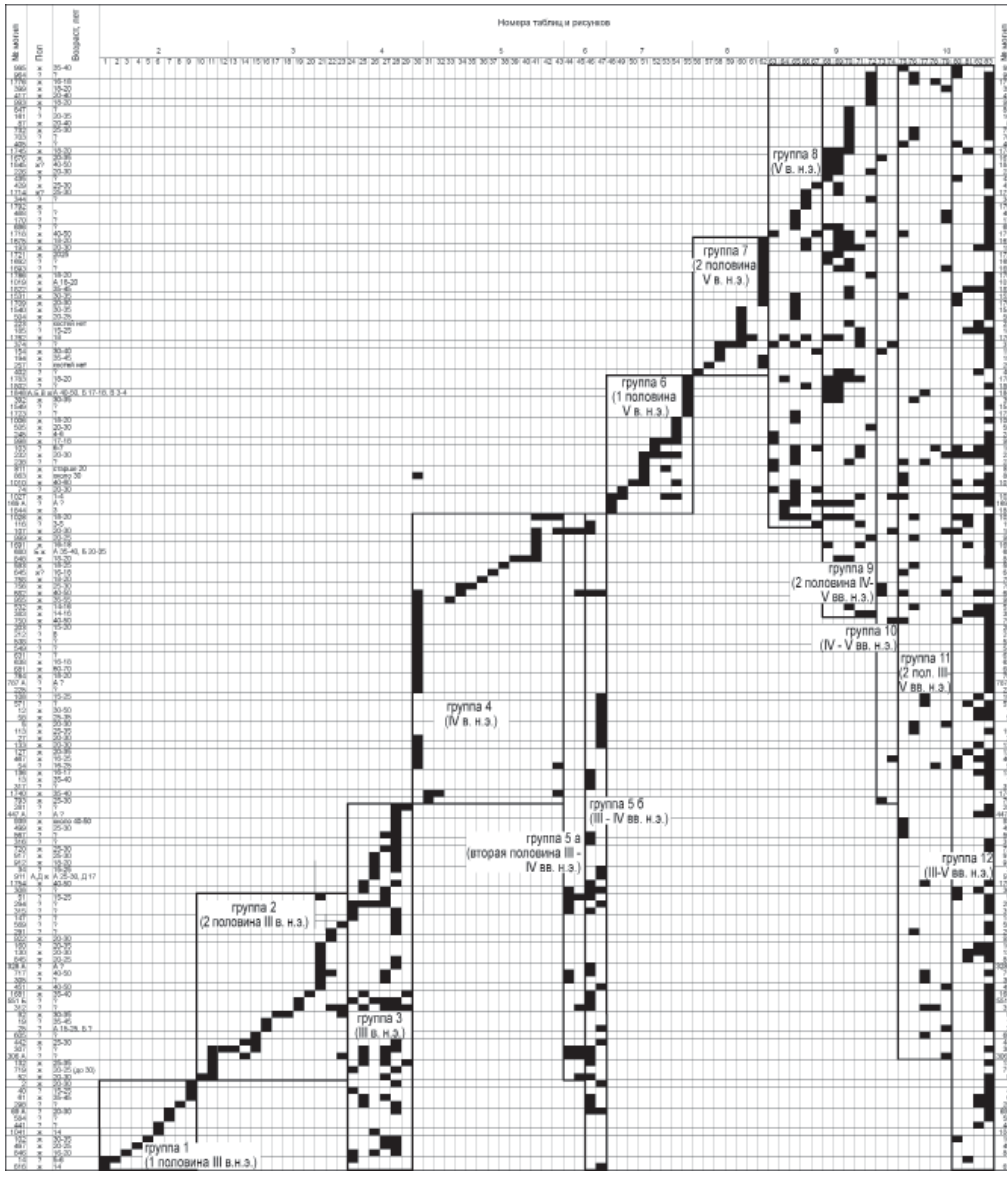


Рис. 1. Тарасовский могильник. Взаимовстречаемость вещей в погребениях женщин поздней (мазунинской) стадии (III–V вв. н. э.)*.
*Номера рисунков соответствуют изображениям на рис. 2–10.

Fig. 1. Tarasovo burial ground. Discovery of matching items in female burials of late (Mazunino) stage (3rd–5th centuries A.D.)*.
*Image numbers correspond to images in Fig. 2–10.

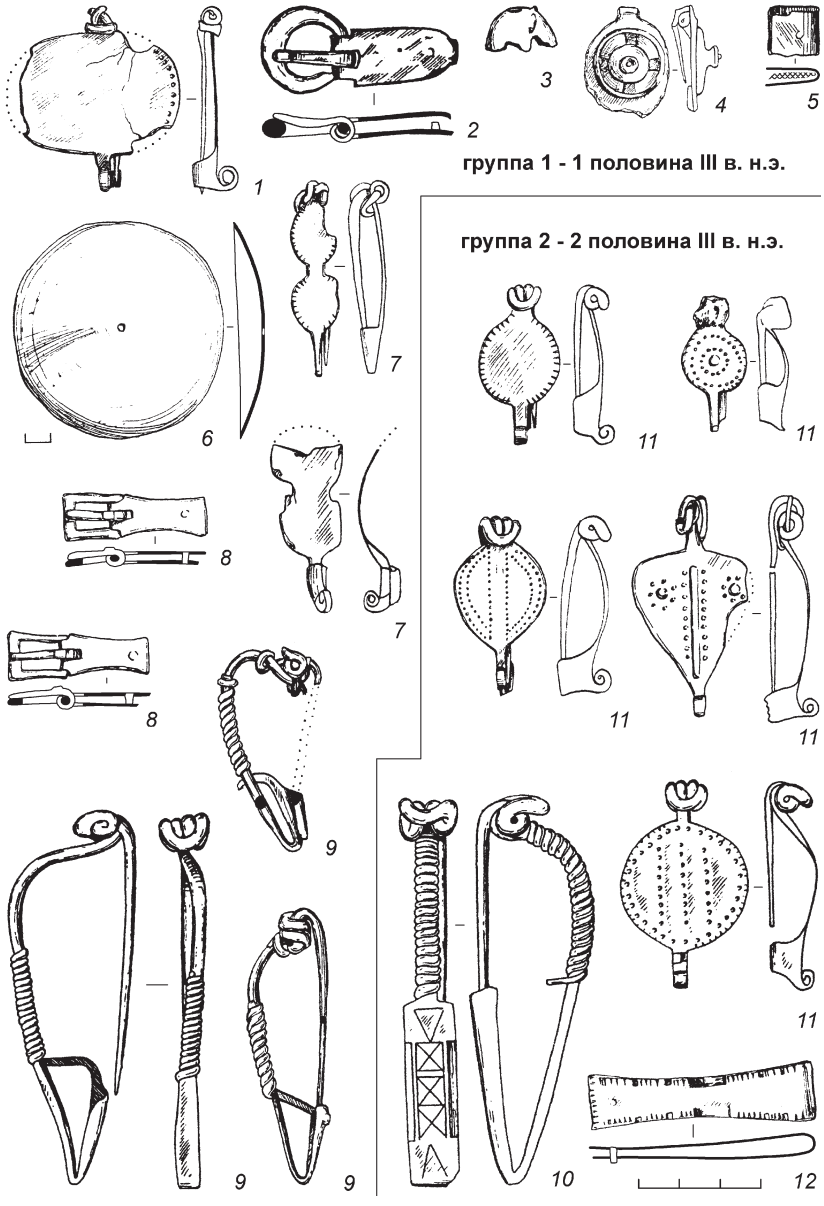


Рис. 2. Тарасовский могильник. 1–9 – предметы женских захоронений группы 1 (первая половина III в. н. э.); 10–12 – предметы женских захоронений группы 2 (вторая половина III в. н. э.). 1, 4, 7, 9–11 – фибулы; 2, 8 – пряжки; 3 – пронизка; 5, 12 – наконечники ремней; 6 – бляха. 1–3, 5–12 – бронза; 4 – бронза, эмаль.
* Повторение номера изображения означает принадлежность к одному типу.
Нумерация на рис. 2–10 сплошная и соответствует номерам изображений на рис. 1.

Fig. 2. Tarasovo burial ground. 1–9 – items from female burials of group 1 (first half of 3rd century A.D.); 10–12 – items from female burials of group 2 (second half of 3rd century A.D.). 1, 4, 7, 9–11 – fibulae; 2, 8 – buckles; 3 – bead; 5, 12 – belt tips; 6 – badge. 1–3, 5–12 – bronze; 4 – bronze, enamel.
* Repetition of an image number implies belonging to a single type.
Numbering in Fig. 2–10 is con- secutive, corresponding to image numbers in Fig. 1.

во всех группах III–V вв., а для III в. – привозные.

Первую классификацию застежек местных форм представила Т.И. Останина (1997, с. 42–47), которая выделила 3 основных типа и определила их своеобразие. Новые находки фибул в Тарасово позволили скорректировать схему Т.И. Останиной. Мы используем типологию, созданную Т.М. Сабировой, обобщившей сведения о 452 фибулах Среднего Прикамья (2015).

В группу 1 включены бронзовые трехсоставная пряжка с овальным, слегка утолщенным спереди кольцом, гладким язычком и вытянутым с закругленными углами щитком (рис. 2: 2; 2 экз.[1]), зооморфная пронизка, напоминающая медведя (рис. 2: 3; 1 экз.) и небольшой квадратный наконечник ремня из перегнутой пластины (рис. 2: 5; 1 экз.). Наконечник ремня и пряжка являются ранними вариантами новых форм деталей поясов, появившихся в начале III в. Близкий экземпляр пряжки происходит из могильника II–III вв. Ныргында I на Средней Каме (Голдина Р.Д., Красноперов, 2012, табл. 215: 14). Простые наконечники ремней из перегнутых пластин найдены в Нивском могильнике III–V вв. (Останина, 1997, рис. 12: 7, 8), а также в Ошкинском некрополе на Вятке 1-й половины III в. (Лещинская, 2014, с. 167–168, табл. 83: 1).

Уникальна бронзовая фибула-брошь с выступом-шишечкой в центре и орнаментом в форме креста из синей эмали (рис. 2: 4). Подобная брошь отнесена В.В. Кропотовым к группе 16 (2010, с. 313, рис. 89а, форма 66) и датирована 2-й половиной II – началом III в. Правда, в его каталоге эта брошь ошибочно отнесена к находкам у д. Худяково Кировской области (там же, с. 326). На самом деле она происходит из погребения 497 Тарасово (Голдина Р.Д., 2003, табл. 214: 13).Одним из предметов, широко распространенных в I–II вв. были большие выпуклые бронзовые бляхи (рис. 2: 6), которые продолжали использоваться и в 1-й половине III в.

В группу входят пружинные фибулы с завитком на конце приемника и 8-образной спинкой (рис. 2: 7; 3 экз.). А.К. Амброз датировал их концом II–III в. (1966, с. 45–47). Оригинальны бронзовые трехсоставные пряжки с квадратными рамками уплощенного сечения, с выступами у основания язычка и прямоугольными слегка зауженными в середине щитками (рис. 2: 8; 3 экз.). Похожая пряжка происходит из могильника Подкумск II 1-й половины III в. в Центральном Предкавказье (Абрамова, 1993, рис. 66: 11).

Особенно важны для датировки лучковые подвязные одночленные фибулы (рис. 2: 9; 3 экз.), датированные А.К. Амброзом 2-й половиной II–III в. (1966, с. 50–51), А.С. Скрипкиным – 2-й половиной II – 1-й половиной III в. (1977, с. 107), М.Г. Мошковой и В.Ю. Малашевым – 2-й половиной II – серединой III в. (Мошкова, 2000, с. 186; Малашев, Яблонский, 2008, с. 61). В.В. Кропотов относит их к концу II – 1-й половине III в. (2010, с. 80; с. 129, п. 605, 606, 608). По аналогиям, присутствию бляхи ныргындинского типа и положению в корреляционной таблице эту группу женских могил можно датировать 1-й половиной III в.

К **группе 2** отнесены 27 захоронений: 52, 719, 132, 306А, 307, 442, 605, 25, 19, 92, 312, 551Б, 1681, 451,

[1] Во всех случаях указано количество предметов из женских могил памятника.

305, 717, 328А, 845, 130, 160, 922, 291, 569, 147, 315, 294, 51. В составе группы трехсоставные пряжки с овальной рамкой уплощенного сечения, прямоугольным зауженным в середине щитком и язычком с выступом, иногда орнаментированным (рис. 3: 15; 7 экз.). Все детали сильно фасетированы и обильно украшены надпилами. Им соответствуют подобные наконечники (рис. 2: 12; 2 экз.). Близки описанным овальные рамчатые с уплощенным сечением пряжки, также украшенные насечками (рис. 3: 14; 2 экз.). Аналогичные предметы из мужских захоронений отнесены ко 2-й половине III в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, рис. 4: 31). В подобной манере украшены накладки 2 варианта: с двумя овалами (рис. 3: 20; 16 экз.) и прямоугольные с зауженной серединой (рис. 3: 22; 27 экз.). Последний тип известен и в могилах мужчин 2-й половины III в. (Там же, рис. 4: 32). Упрощенный вариант гарнитуров без фасетировки зафиксирован в обувных наборах (пряжки – рис. 3: 17 – 2 экз. и наконечники – рис. 3: 18 – 2 экз.). Подобные наконечники ремней из согнутых пластин выявлены и в мужских погребениях 2-й половины III в. (Там же, рис. 4: 29, 35). Выразительны 2 халцедоновых диска (рис. 3: 19), обнаруженные и в мужских могилах этого же времени (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, рис. 3: 20). В этой группе многочисленны бронзовые фибулы как местные, так и привозные. Из последних впечатляет круглая брошь с большой вставкой из голубой эмали (рис. 3: 13).

Четыре фибулы (рис. 3: 23) относятся к типу, известному как лучковые одночленные пружинные подвязные с завитком на конце приемника и ромбической спинкой (Амброз, 1966, с. 45–47, табл. 5: 19–22 и др.). В.В. Кропотов относит их к серии II лучковых одночленных фибул, группе 8 – с завитком на конце приемника, варианту IV и форме 2 – с широким пластинчатым корпусом. Важно, что В.В. Кропотов отметил синхронность таких фибул с фасетированной поясной гарнитурой. В отличие от лучковых фибул серии I застежки серии II, как он утверждает, продолжали использоваться во 2-й половине III в. (2010, с. 129–136).

Исследователи, изучавшие большие массивы фибул, все варианты с широким пластинчатым корпусом относили к одной группе. Поскольку наша задача была выяснить их хронологическое положение, мы попытались разделить их по форме спинки – с округлой или близкой к ней (рис. 2: 11), листовидной (рис. 3: 16), ромбической (рис. 3: 23) и сформировавшейся бабочковидной (рис. 3: 21). Это деление себя оправдало, они различаются по времени бытования. На протяжении всей 2-й половины III в. существовали фибулы с ромбической спинкой (рис. 3: 23), ближе к середине III в. были распространены с округлой (рис. 2: 11) и листовидной спинкой (рис. 3: 16), а к концу III в. – вполне сформировавшиеся бабочковидные типа 3 (рис. 3: 21; 9 экз.). Последние выполнены из бронзы, размеры их 3,3–9,0×3,3–11,6 см, спинка украшена оригинальным узором, напоминающим бабочку: в средней части шла полоса, разделяющая орнаментальное поле на два полукружия, напоминающие крылья бабочки. Края оформлены одной полосой. Центральная полоса, а также «крылья» украшены выпуклыми полусферами – головками шпеньков или оригиналь-

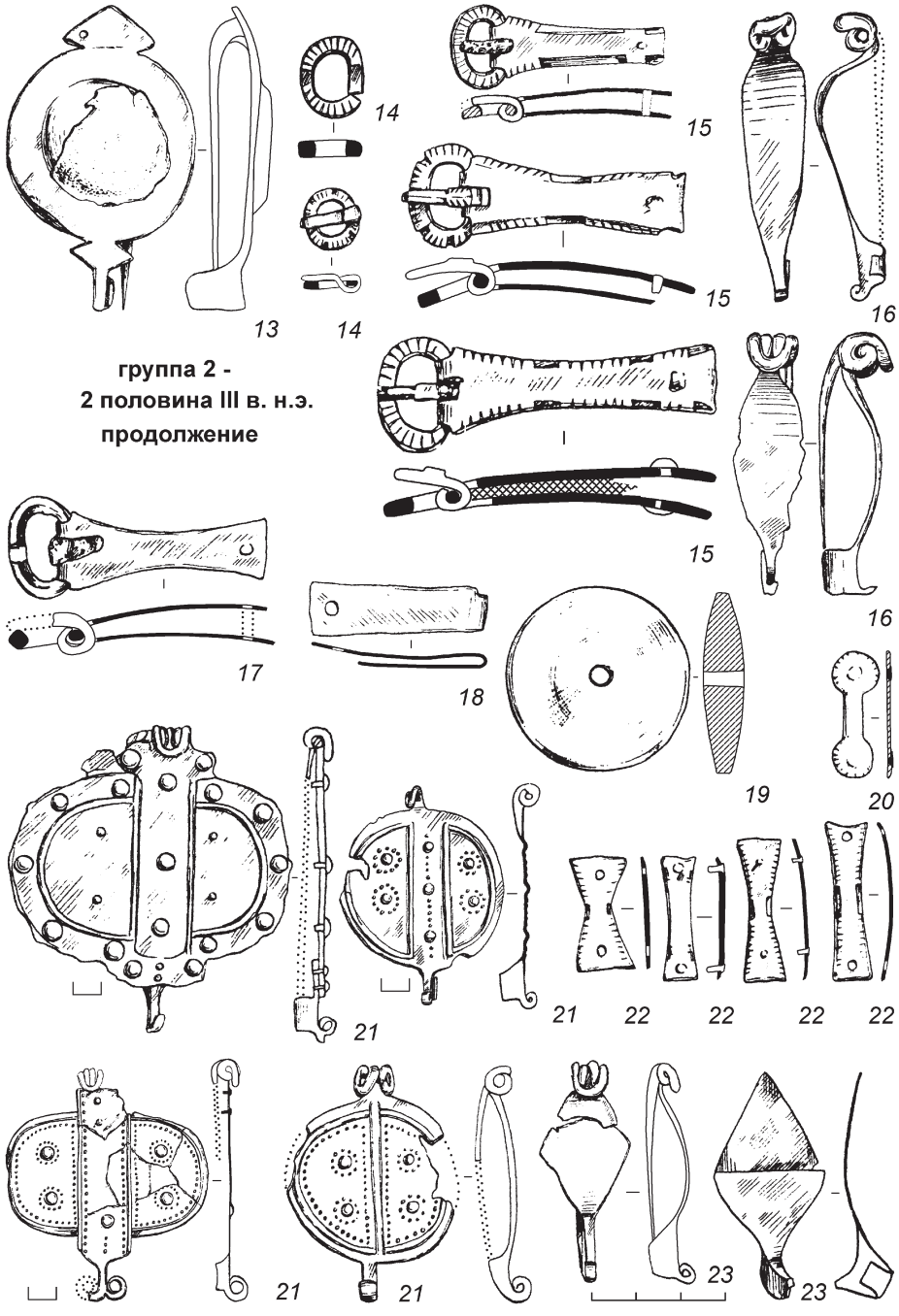


Рис. 3. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 2 (вторая половина III в. н. э.). 13, 16, 21, 23 – фибулы; 14, 15, 17 – пряжки; 18 – наконечник ремня; 19 – диск; 20, 22 – поясные накладки. 13 – бронза, эмаль; 14, 16–18, 20–23 – бронза; 15 – бронза, кожа; 19 – халцедон.

Fig. 3. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 2 (second half of 3rd century A.D.). 13, 16, 21, 23 – fibulae; 14, 15, 17 – buckles; 18 – belt tip; 19 – disc; 20, 22 – belt overlays. 13 – bronze, enamel; 14, 16–18, 20–23 – bronze; 15 – bronze, leather; 19 – chalcedony

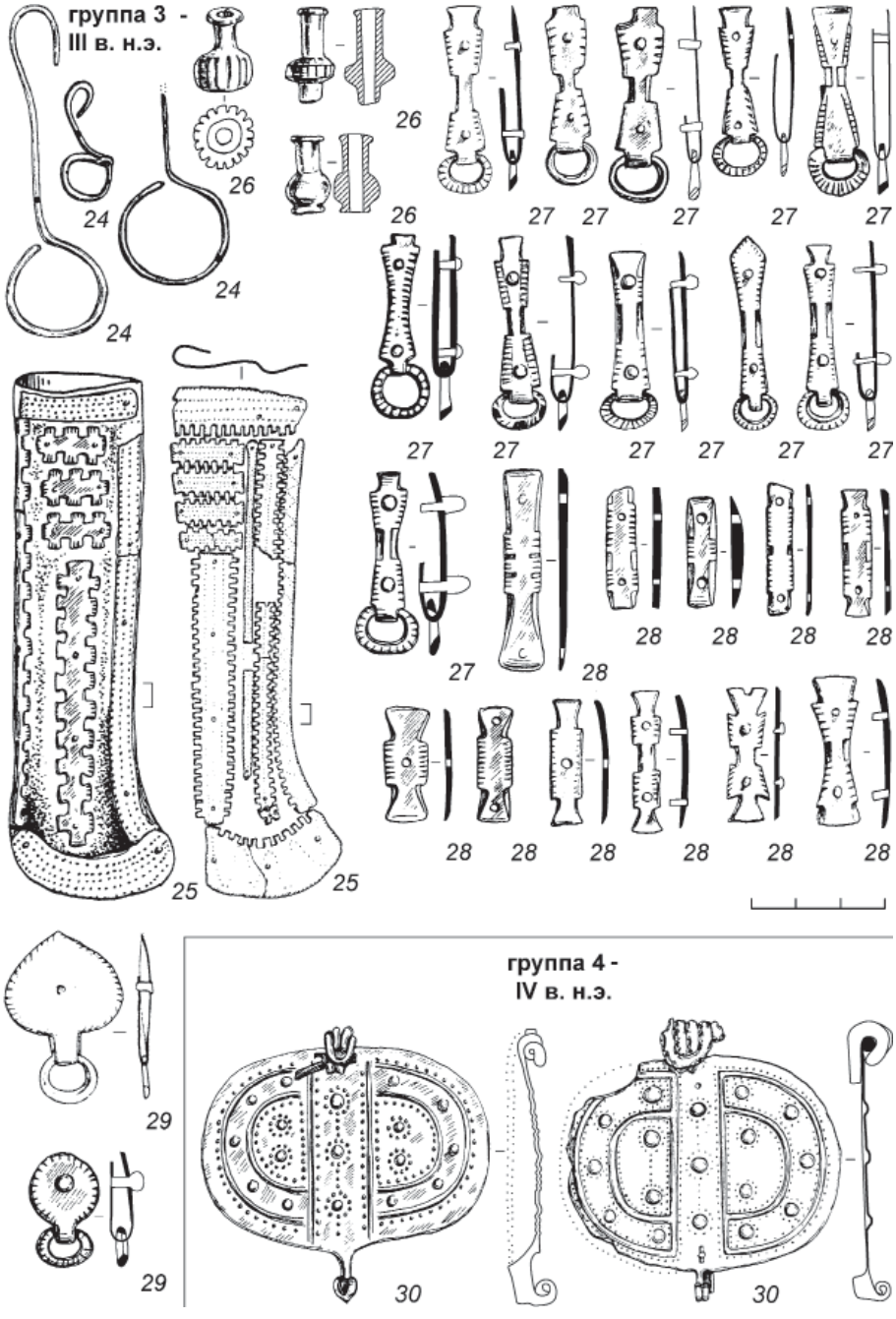


Рис. 4. Тарасовский могильник. 1–29 – предметы женских захоронений группы 3 (III в. н. э.); 30 – предметы женских захоронений группы 4 (IV в. н.э.). 24 – височные подвески; 25 – ножны для ножа и шила; 26 – пронизки; 27–29 – поясные накладки; 30 – фибулы. 24, 26–30 – бронза; 25 – бронза, кожа.

Fig. 4. Tarasovo burial ground. 1–29 – items from female burials of group 3 (3rd century A.D.); 30 – items from female burials of group 4 (4th century A.D.). 24 – temple pendants; 25 – sheath for a knife and an awl; 26 – beads; 27–29 – belt overlays; 30 – fibulae. 24, 26–30 – bronze; 25 – bronze, leather

ными розетками: выпуклиной, окруженной мелкими пуансонными вдавлениями.

Относительно даты фибул с завитком на конце приемника мнения исследователей близки – конец II–III в. (Амброз, 1966, с. 45–47; Мошкова, 2000, с. 191; Лещинская, 2010, с. 138). Правда, М.Г. Мошкова допускает их бытование и в 1-й половине IV в. Против IV в. возражает В.В. Кропотов (2010, с. 204). Вполне убедительна точка зрения В.Ю. Малашева: эти фибулы в 1-й половине III в. в могилах поздних сармат южноуральских степей преобладали, а с середины III в. полностью вытеснили другие виды (2014, с. 130).

М.Г. Мошкова давно указывала на сходство позднесарматских фибул с мазунинскими (2000, с. 191–192). Ее точку зрения развивает В.Ю. Малашев, ссылаясь на многочисленность таких застежек в Тарасовском могильнике и на общеисторическую ситуацию в Приуралье и на юге Восточной Европы (Малашев, Яблонский, 2008, с. 54; Малашев, 2014, с. 130–133, 136). Учитывая массовые находки разных вариантов бабочковидных фибул и динамику их развития от начала III до конца V в., можно считать доказанным их производство в Среднем Прикамье. В середине III в. прекратилось массовое поступление на Среднюю Каму причерноморских фибул и началось активное производство местных.

Фибулы с плоской округлой спинкой и завитком на конце приемника (рис. 2: 11) встречались вместе с брошью со вставкой из голубой эмали (рис. 3: 13) в погребении 307, а также в могиле 52 – лучковой подвязной с раскованной ножкой, украшенной геометрическим орнаментом (рис. 2: 10). Последнюю В.В. Кропотов отнес к группе 4, форме 1 и датировал концом II – 1-й половиной III в. (2010, с. 80, 128, № 607). По В.Ю. Малашеву, подобные предметы стали использоваться у сармат с середины III в. (2014, рис. 2, с. 133). Тарасовская фибула этого типа близка изделиям из памятников Средней Оки и Нижней Суры, которые датированы И.Р. Ахмедовым 2-й половиной III в. (2007, с. 140, схема 2: 20). К этому же времени отнесен близкий экземпляр из могилы 197 Шиповского могильника в Башкирии (Овсянников и др., 2007, рис. 57: 1). В.Ю. Малашев допускает происхождение этого типа фибул из районов лесостепей и лесной зоны Приуралья (2014, с. 133). Таким образом, основная масса аналогий вещам, составляющим группу 2, их сочетание в некоторых могилах позволяют уверенно определять время их использования 2-й половиной III в.

В **группу 3** включены все могилы групп 1 и 2 (40), а также 13 могил, содержащих предметы III в., но не имеющих оснований для причисления их к какой-либо из половин этого столетия: погребения 308, 1754, 911, 34, 912, 917, 720, 316, 567, 499, 939, 447 А и 281. Среди вещей этого собрания височные подвески в виде знака вопроса из бронзовой проволоки (рис. 4: 24). Они появились во 2-й половине II в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 14: 49, 50) и продолжали использоваться на протяжении III в. Как и в могилах мужчин III в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 5: 42), обнаружены двучастные ножны для ножей и шильев (рис. 4: 25; 9 экз.). В захоронениях мужчин 1-й половины III в. встречались бронзовые флаконовидные пронизки, появившиеся во II в. н.э.

(там же, рис. 2: 5), из женских же погребений они отнесены как к 1-ой, так и ко 2-ой половине III в. (рис. 4: 26; 12 экз.).

Обильно фасетированные накладки различных форм, выявленные в могилах мужчин 1-й половины III в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 2: 4, 8, 12, 14), в женских костюмах использовались на протяжении всего III столетия (рис. 4: 27, 498 экз.; рис. 4: 28, 529 экз.; рис. 4: 29, 58 экз.).

К **группе 4** отнесены 33 захоронения: 793, 1740, 54, 467, 127, 133, 27, 225, 787А, 784, 681, 638, 631, 549, 538, 680, 212, 203, 750, 383, 532, 955, 682, 756, 758, 645, 593, 848, 1691, 999, 107, 116, 1028. В эту же группу условно вошли 9 могил: 317, 13, 136, 113, 5, 58, 12, 571, 108, которые по составу инвентаря ближе к IV в, нежели к III в.

В отличие от могил мужчин, где были найдены комплексы 1-й половины, 3-й и 4-й четвертей IV в., женские погребения сгруппировать не удалось. Основанием для отнесения могил к IV в. послужили особенности бабочковидных фибул. По сравнению с застежками группы 2 (рис. 2: 11) они стали крупнее (размеры 6,6–9,1×9,4–11,5 см); вдоль краев появилась дополнительная орнаментальная зона; орнамент центральной разделительной части стал более насыщенным (рис. 4: 30; 21 экз.; тип 4 по Т.М. Сабировой). Более поздний возраст этого типа фибул по отношению к предшествующей группе подтверждается и предметами из могилы 55, где найдена бабочковидная фибула второй половины III в. (Голдина Р.Д., 2003, табл. 21: 6) и из могилы 54, в которой обнаружена фибула типа IV в. (там же, табл. 20: 2). Следует отметить, что не всегда полевые наблюдения над стратиграфией совпадают с хронологическим делением, что объясняется сложностью фиксации могил, вплотную прилегающих друг к другу в условиях трудно разделимого глинистого заполнения. В поздних могилах этой группы появился новый вариант фибул с более многочисленными орнаментальными поясами по краям окружностей (от 3 до 6), которые, чаще всего, украшены рядами пуансонов (тип 5, рис. 5: 41; 7 экз.). Размеры их 10–12х13–15,6 см. Это наблюдение в перспективе даст возможность выделить могилы IV в.

В ранних могилах IV в. обнаружены трапециевидная железная трехсоставная пряжка с гладким язычком (рис. 5: 32) и бронзовые пронизки-костыльки (рис. 5: 31; 3 экз.), которые встречались и в могилах мужчин 1-й половины IV в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, рис. 5: 44). По данным Т.И. Останиной, они известны из Мазунинского, Нивского и Сайгатского некрополей (1997, с. 49, табл. 17).

В поздних захоронениях найдены железные пряжки-кольца без язычков с прямоугольной рамкой (рис. 5: 33; 2 экз.); бронзовая пряжка с В-образной рамкой, прямоугольным, фасетированным по краям, зауженным в средней части щитком и язычком с выступом посередине (рис. 5: 35); наконечник ремня из длинной с насечками по краям пластины (рис. 5: 38; 2 экз.), железная рамчатая пряжка с прогибом в средней части (рис. 5: 39), бронзовый многочастный наконечник ремня (рис. 5: 40), а также железные прямоугольные накладки (рис. 5: 42; 13 экз.). Интерес представляет обломок бронзовой пряжки с прямоугольной пластиной, украшенной шпеньками с головками в виде полусфер (рис. 5: 37), напоминающий пряж-

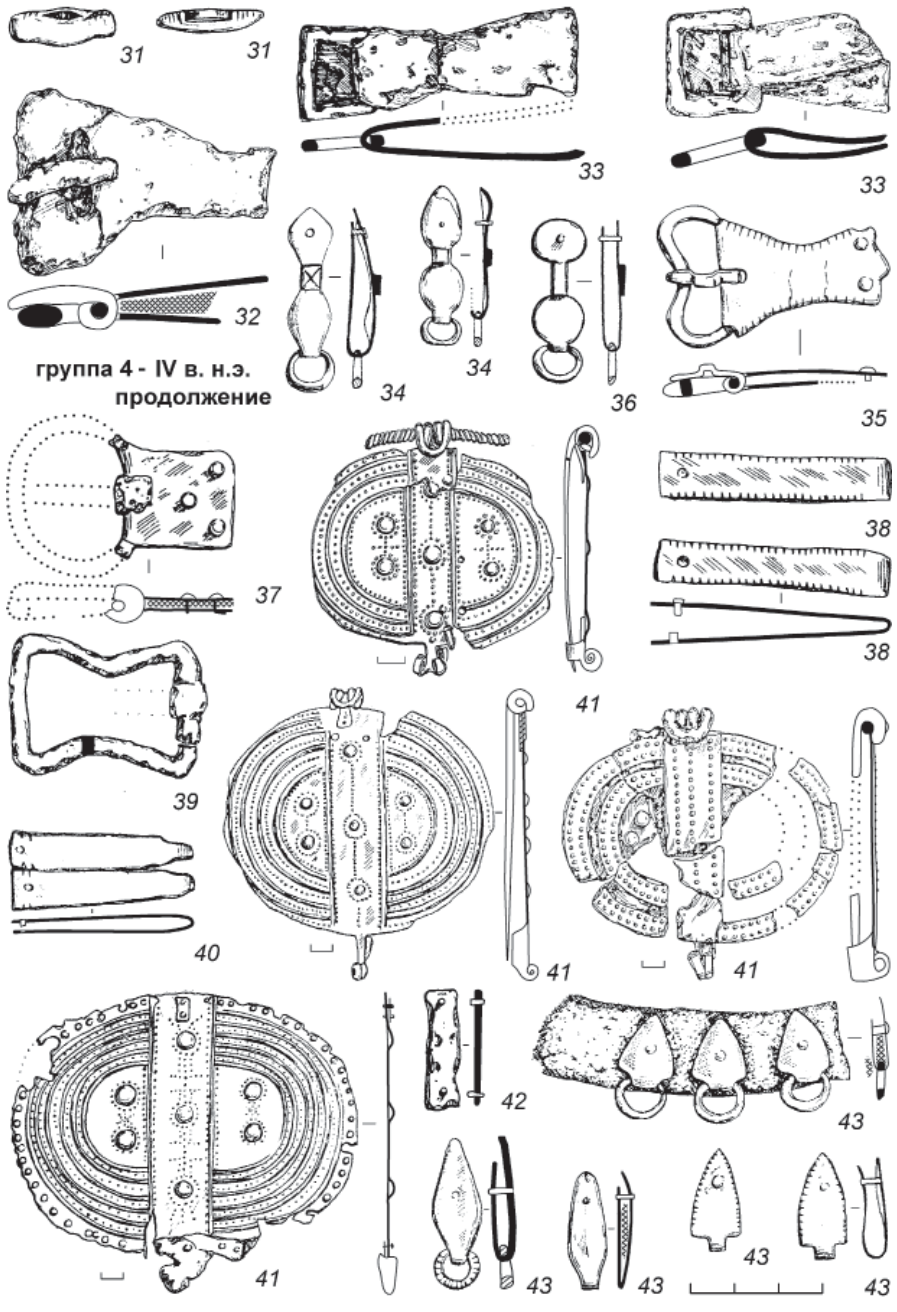


Рис. 5. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 4 (IV в. н. э.). 31 – пронизки; 32, 33, 35, 37, 39 – пряжки и их фрагменты; 34, 36, 42, 43 – поясные накладки; 38, 40 – наконечники ремней; 41 – фибулы. 31, 34–36, 38, 40, 41 – бронза; 32 – железо, кожа; 33, 39, 42 – железо; 37 – железо, бронза, кожа; 43 – бронза, кожа.

Fig. 5. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 4 (4th century A.D.). 31 – beads; 32, 33, 35, 37, 39 – buckles and fragments thereof; 34, 36, 42, 43 – belt overlays; 38, 40 – belt tips; 41 – fibulae. 31, 34–36, 38, 40, 41 – bronze; 32 – iron, leather; 33, 39, 42 – iron; 37 – iron, bronze, leather; 43 – bronze, leather.

ку группы 6 мужских захоронений (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, рис. 7: 66). Поясные накладки этой выборки (рис. 5: 34, 36, 127 экз.; рис. 5: 43, 146 экз.) аналогичны формам, встречающимся у мужчин во 2-й половине III–IV в. (там же, рис. 6: 53–55). Таким образом, по положению в корреляционной таблице и некоторым аналогиям группа датируется IV в.

Группа 5 а представлена многочастными (до 5) составными наконечниками ремней с привесками разнообразных форм (рис. 6: 44; 10 экз.). Им соответствовали близкие по форме накладки (рис. 6: 45; 46 экз. из 7 могил). Выразителен их орнамент, украшенный с помощью фасетировки, надпилов, штифтов с головками в виде слегка вытянутых полусфер и разнообразия привесок. Время их использования – 2-я половина III–IV в.

Группу 5 б образуют накладки из раковин моллюсков (рис. 6: 46; 53 экз. из 32 погребений) и бронзовые височные подвески в виде стержня с замкнутым кольцом на конце, выполненные из перевитой проволоки, иногда с напускной бусиной (рис. 6: 47; всего – 22 экз., в женских – 21 экз., из них 3 – с бусиной). Судя по корреляционным таблицам, у мужчин они использовались в III в., у женщин – в III, но известны и в IV в.[2]. Группа датируется в целом III–IV вв.

В **группу 6** вошли 20 могил: 1844, 169А, 1027, 74, 1010, 863, 811, 238, 232, 103, 998, 245, 505, 1006, 1723, 1549, 392, 1848, 1802, 1783. В это время бабочковидные фибулы (тип 6, рис. 7: 54; 11 экз.) увеличились в размерах – 8,3–10,0×12,0–14,6 см, стали более популярны их овальные формы, круговые зоны орнамента стали шире, исчез орнамент в виде розетки, основной вид орнамента – головки шпеньков, появилась железная дужка, окружающая весь предмет или его часть. Украшения головками шпеньков – крупных полусфер в это время широко распространены на бронзовых (рис. 7: 51; 70 экз.) и железных накладках различных форм (рис. 7: 49, 52; 125 экз.), а также наконечниках ремней (рис. 7: 53; 5 экз.). Показательно сочетание двух материалов: основа – железная, шпеньки – бронзовые. К этой же группе относятся бронзовые пронизки – уточки (рис. 7: 48; 5 экз.). Аналогичные изделия найдены на памятниках азелинского типа: Суворово, Тюм-Тюм, Уржум, где датируются Н.А. Лещинской IV–V вв. (2014, с. 175, табл. 98: 8, 9). Т.И. Останина сообщает о 4 подобных находках на мазунинских объектах (1997, с. 51–52, рис. 9: 2). К этой же группе принадлежат двучастные ножны для ножа и шила, украшенные привесками (рис. 7: 50; 1 экз.), продолжающие традицию более раннего времени. Они типичны для памятников мазунинского типа. Ножны с привесками (26 экз.) Т.И. Останиной датированы V в. (1997, с. 70, рис. 51: 14).

В этой же выборке присутствуют прогнутые двучленные пружинные фибулы с ленточным корпусом, напоминающие черняховские (рис. 7: 55; 8 экз.). А.К. Амброз относил их к IV в. (1966, группа 17, с. 70–72, табл. 10: 12–20). О.А. Гей и И.А. Бажан датировали эти предметы периодом 3 (310/320 – 350/355) и 4 (350/355 – 400/410) (1997, с. 43-44, табл. 68, 70). Подобные варианты из рязано-окских

[2] Подробнее о локализации этой категории вещей (Голдина Е.В., Голдина Р.Д., 2010, с. 176, рис. 39).

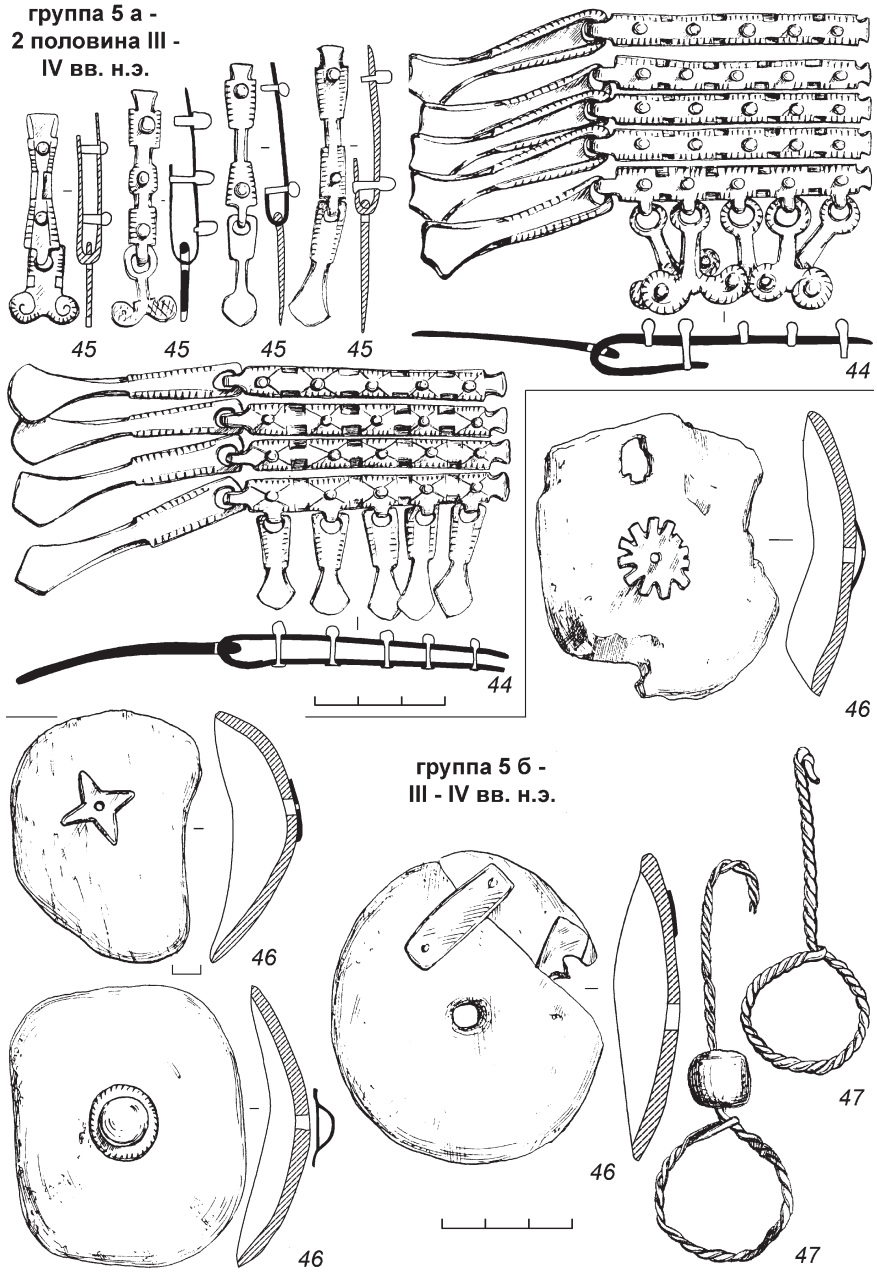


Рис. 6. Тарасовский могильник. 44, 45 – предметы женских захоронений группы 5а (вторая половина III – IV вв. н. э.); 46, 47 – предметы женских захоронений группы 5б (III–IV вв. н. э.). 44 – наконечники поясов (ременные подвески); 45 – поясные накладки; 46 – бляхи; 47 – височные подвески. 44, 45 – бронза; 46 – раковина, бронза; 47 – бронза, стекло.

Fig. 6. Tarasovo burial ground. 44, 45 – items from female burials of group 5a (second half of 3rd–4th centuries A.D.); 46, 47 – items from female burials of group 5б (3rd–4th centuries A.D.). 44 – belt tips (belt pendants); 45 – belt overlays; 46 – buckles; 47 – temple pendants. 44, 45 – bronze; 46 – shell, bronze; 47 – bronze, glass.

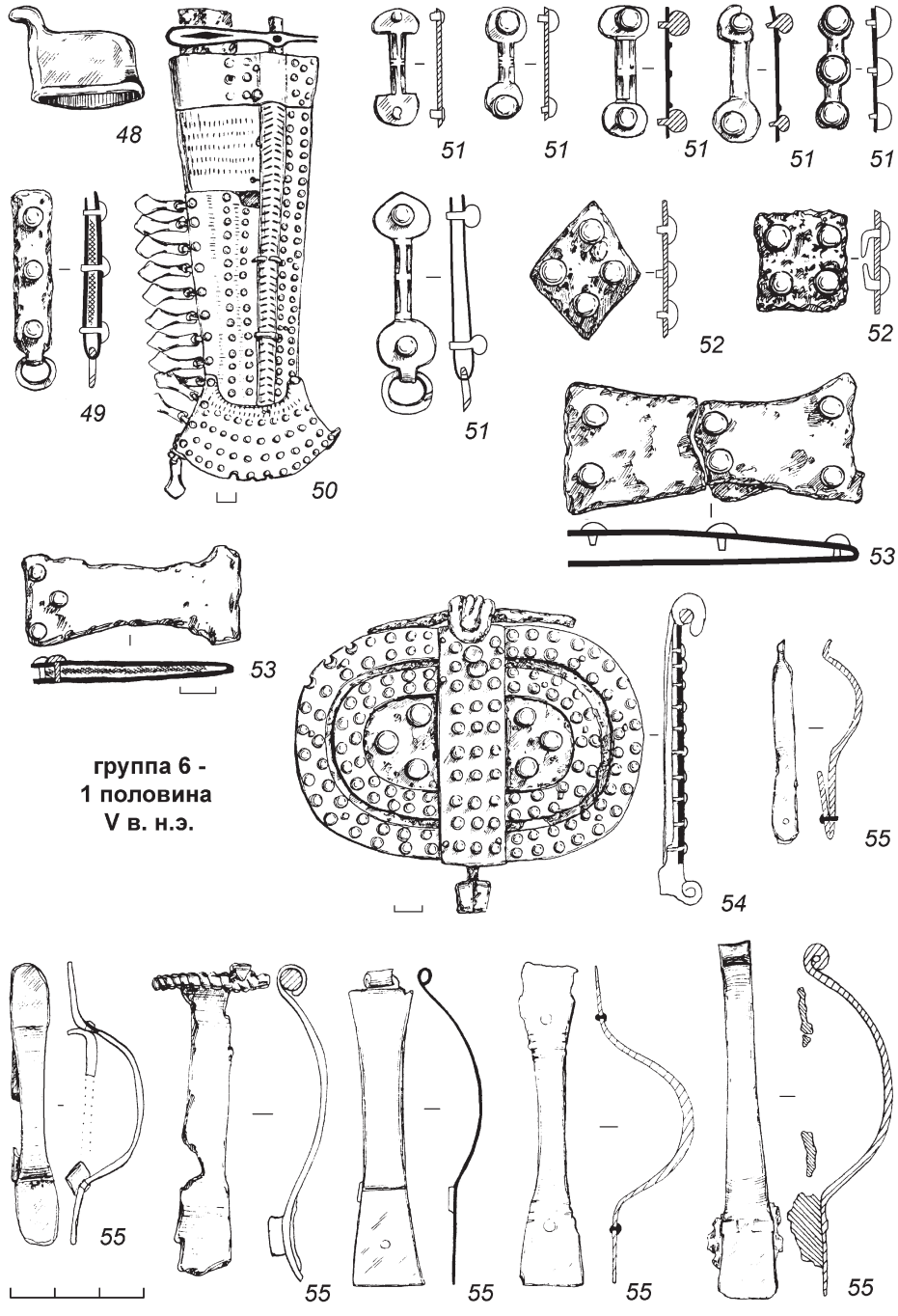


Рис. 7. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 6 (первая по- ловина V в. н. э.). 48 – пронизка; 49, 51, 52 – поясные накладки; 50 – ножны для ножа и шила; 53 – наконечники ремней; 54, 55 – фибулы. 48, 51, 55 – бронза; 49, 52–54 – железо, бронза; 50 – кожа, бронза; 53 – железо, бронза, кожа.

Fig. 7. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 6 (first half of 5th century A.D.). 48 – bead; 49, 51, 52 – belt overlays; 50 – sheath for a knife and an awl; 53 – belt tips; 54, 55 – fibulae. 48, 51, 55 – bronze; 49, 52–54 – iron, bronze; 50 – leather, bronze; 53 – iron, bronze, leather.

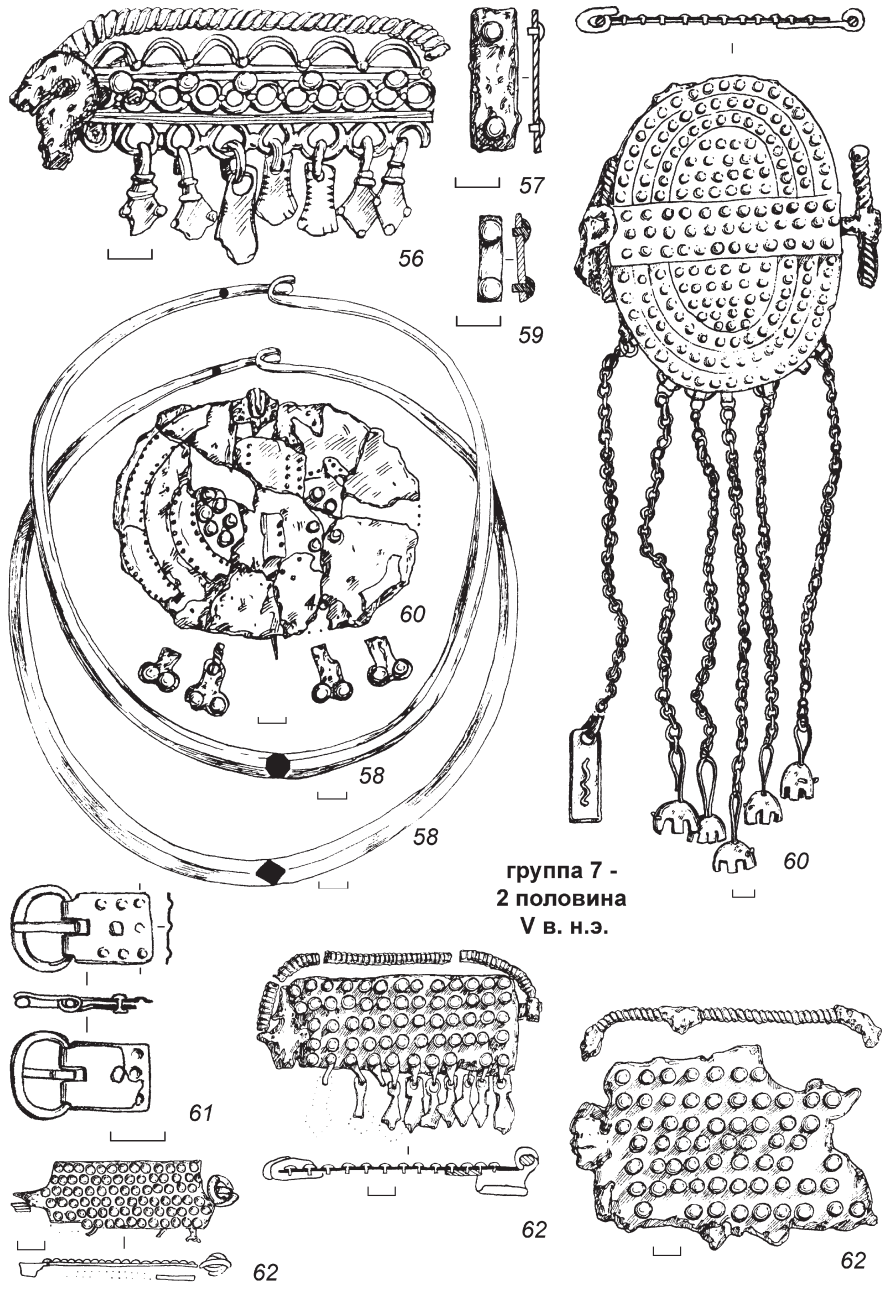


Рис. 8. Тарасовский могильник. Предметы женских захоронений группы 7 (вторая половина V в. н. э.). 56, 60, 62 – фибулы; 57, 59 – поясные накладки; 58 – гривны; 61 – пряжка. 58, 59, 61 – бронза; 56, 57, 60, 62 – бронза, железо.

Fig. 8. Tarasovo burial ground. Items from female burials of group 7 (second half of 5th century A.D.). 56, 60, 62 – fibulae; 57, 59 – belt overlays; 58 – torcs; 61 – buckle. 58, 59, 61 – bronze; 56, 57, 60, 62 – bronze, leather.

могильников И.Р. Ахмедов отнес к 1-й половине – середине IV в. (2007, с. 143, 145, рис. 15: 9–11, схема 1, 3). Судя по материалам могилы 1848, такие фибулы существовали в одно время с местными бантикообразными (Останина, 1997, тип 3, с. 45). Могилы с описанным инвентарем занимают в корреляционной таблице положение, соответствующее 1-й половине V в. Некоторое подтверждение этому имеется в дате по радиоуглероду C^{14} погребения 176 из Боярского могильника[3], где наряду с другими вещами была найдена бабочковидная фибула типа 6 (Черных, отчет 2008 г., рис. 76).

К следующей **группе 7** (2-я половина V в.) достоверно относятся 20 погребений: 402, 257, 194, 154, 374, 1762, 185, 223, 504, 1540, 1709, 1531, 1822, 1019, 1786, 1693, 1692, 1721, 193, 1675. 7 могил из группы 8 датируются в целом V в.: 1718, 696, 170, 488, 1792, 344, 1714. Следует учитывать, что 18 захоронений: 429, 435, 226, 1845, 1676, 1745, 405А, 703, 732, 87, 161, 847, 993, 417, 399, 1776, 964, 995 – отнесены нами к V в. условно. Они содержат материал как конца IV в., так и V в., но, поскольку в них нет вещей достоверно IV в., мы сочли возможным датировать их V в.

Группу 7 составляют бронзовые гривны с ромбическим или восьмигранным сечением и креплением в виде крючка (рис. 8: 58; 5 экз.). Гривны с ромбическим сечением хорошо известны из памятников мазунинского типа (Останина, 1997, с. 37, рис. 7: 3), азелинских конца IV–V в. на р. Вятке (Лещинская, 2014, табл. 4: 1, 2; 96: 15) и могильников V в. Верхнего Прикамья (Генинг, Голдина Р.Д., 1973, табл. 2: 23–25).

К этой группе относится бронзовая трехсоставная пряжка с подквадратным щитком, украшенным небольшими круглыми выпуклинами и заклепкой с головкой-полусферой, гладким язычком и овальной, слегка утолщенной спереди рамкой (рис. 8: 61; 2 экз.). Продолжают использоваться как бронзовые (рис. 8: 59; 2 экз.), так и железные различных размеров прямоугольные накладки с полусферическими головками бронзовых шпеньков (рис. 8: 57; 5 экз.).

В это время широко распространены несколько видов фибул. Один из них представлен застежками сайгатского типа (Стоянов, 1962, с. 118, 131, рис. 50: 14). Т.И. Останина относит его к типу 2 и датирует V в. (1997, с. 44–45). В Тарасово – это бронзовая с железными деталями фибула размерами 9,0×5,6 см. Ее прямоугольная спинка украшена полусферами, горизонтальными полосками тонкой проволоки с насечками, образующими довольно сложный узор (рис. 8: 56). Сверху предмет имеет стерженьдугу, обвитый проволокой, – деталь пружинного устройства, а снизу – 8 лапчатых привесок. Близкие застежки найдены в Старо-Кабановском и Покровском могильниках (Останина, 1997, рис. 32: 8).

Используется новый вариант бабочковидных фибул (тип 7, рис. 8: 60; 5 экз.). Они стали значительно крупнее: 10,0–11,3×12–14,3 см. Тарасовская застежка из могилы 1762 имела размеры 11,3×14,3 см (рис. 8: 60) и шумящую часть длиной 22 см, состоящую из цепочек и привесок на их концах из 5 фигурок медведей и од-

[3] Определение с.н.с. лаборатории археологической технологии ИИМК РАН, к.х.н. Г.И.Зайцевой.

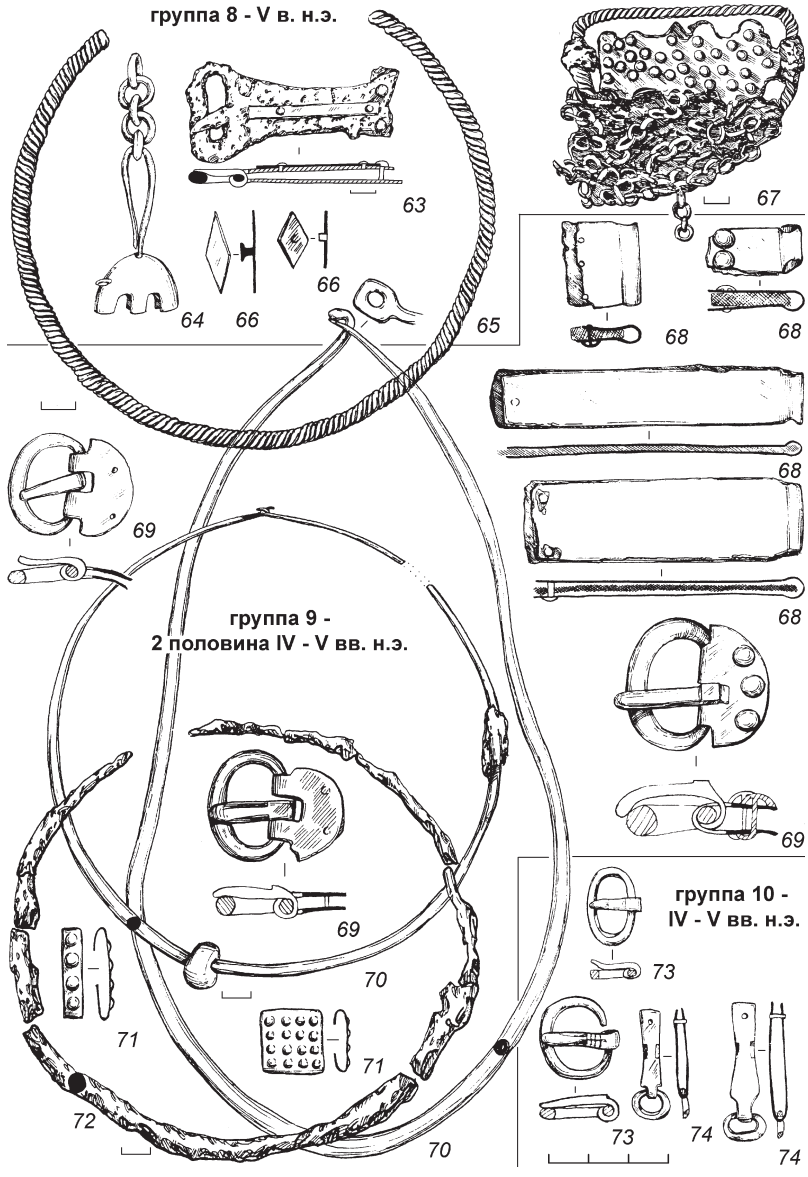


Рис. 9. Тарасовский могильник. 63–67 – предметы женских захоронений группы 8 (V в. н. э.); 68–72 – предметы женских захоронений группы 9 (2 половина IV–V вв. н. э.); 73, 74 – предметы женских захоронений группы 10 (IV–V вв. н. э.). 63, 69, 73 –пряжки; 64 – пронизки; 65, 70, 72 – гривны; 66, 74 – ременные накладки; 67 – фибула; 68 – наконечники ремней; 71 – накладки (украшение головных уборов). 63, 65, 67 – бронза, железо; 64, 66, 69, 71, 73, 74 – бронза; 68 – бронза, кожа; 70 – бронза, стекло; 72 – железо.

Fig. 9. Tarasovo burial ground. 63–67 – items from female burials of group 8 (5th century A.D.); 68–72 – items from female burials of group 9 (second half of 4th–5th centuries A.D.); 73, 74 – items from female burials of group 10 (4th–5th centuries A.D.). 63, 69, 73 – buckles; 64 – beads; 65, 70, 72 – torcs; 66, 74 – belt overlays; 67 – fibula; 68 – belt tips; 71 – overlays (headdress adornment). 63, 65, 67 – bronze, leather; 64, 66, 69, 71, 73, 74 – bronze; 68 – bronze, leather; 70 – bronze, glass; 72 – iron.

ной прямоугольной с изображением змеи. Основы фибул изготовлены из железных пластин, покрытых бронзовыми, украшенными, как правило, сплошными линиями или кругами из шляпок шпеньков. Подобные вещи обнаружены также в Тураевском I (22 экз., Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 119–120, табл. 201: 2, 3 и др.), Боярском (2 экз., Черных, Отчет за 2004, с. 7, 16–17), Нивском (1 экз., Останина, 1978, табл. VI: 6), Дубровском (3 экз., Черных, Отчет за 2012, с. 15–16, рис. 91: 1) и Усть-Сарапульском (Арматын ская, 1986, с. 29, рис. 5: 28) могильниках.

В эту же группу входят прямоугольные фибулы (рис. 8: 62) (по Т.М. Сабировой, 2015, рис. 28; 29; 13 экз.). Размеры их 9,0–11,4х10,4–15,7 см. Спинка застежки окружена стержнем, обвитым проволокой, соединенным с пружиной. В некоторых случаях на конце приемника зафиксирован завиток, иногда в нижней части имелись лапчатые привески. Они найдены также в Тураевском I (8 экз., Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 13, табл. 10: 2 и др.), Старо-Кабановском (5 экз., Васюткин, Останина, 1986, табл. 3: 2 и др.) и Дубровском (3 экз., Черных, Отчет за 2012 г.) могильниках. Группа датируется 2-й половиной V в.

На протяжении всего V в. существовали предметы, представленные в **группе 8**: крупные железные трехсоставные пряжки с прямоугольными щитками, украшенными бронзовыми деталями и головками шпеньков – полусфер (рис. 9: 63; 7 экз.); ромбические накладки (рис. 9: 66; 311 экз.), которые бытовали в Среднем Прикамье с ананьинского времени, но в V в. были особенно популярны.

Стилизованный вариант привески-медведя обнаружен в могиле женщины первой половины III в. (рис. 2: 3). Близкие предметы выявлены в мужских захоронениях 3-й четверти IV в., но тип с четко обозначенными ушками (рис. 9: 64; 14 экз.) особенно характерен для V в. В эту же группу вошли железные гривны с обмоткой из бронзовой проволоки (рис. 9: 65; 23 экз.) и фибулы, сплошь украшенные головками шпеньков. Они отличаются от прямоугольных формой спинки, которая состоит из нескольких (2–4) соединенных окруж ностей (рис. 9: 67; 9 экз.). Изделия имели привески различной формы, иногда подвешенные на длинных цепочках. Такие фибулы известны из материалов Тураевского I (8 экз., Голдина Р.Д., Бернц, 2010, с. 23–24, табл. 51: 2 и др.), Усть-Сарапульского (2 экз., Арматынская, 1986, с. 35, 38, рис. 5: 20–25), Старо-Кабановского (1 экз., Васюткин, Останина, 1968, табл. 14: 1), Покровского (1 экз., Останина, 1992, с. 17–18, рис. 6: 16) и Бирского (1 экз., Мажитов, 1968, с. 88) могильников.

Своеобразие **группы 9** (2-я половина IV–V в.) составляют, прежде всего, бронзовые трехсоставные пряжки с утолщенной спереди рамкой, полуовальным щитком и язычком, не выходящим за пределы рамки, иногда с выступом (рис. 9: 69; 20 экз.), а также сопутствующие им бронзовые наконечники ремней квадратной и прямоугольной форм из согнутой пополам пластины с валикообразным расширением в передней части (рис. 9: 68; 21 экз.). В мужских захоронениях этого времени найдены такие же предметы (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, рис. 12: 96). Попытка классифици-

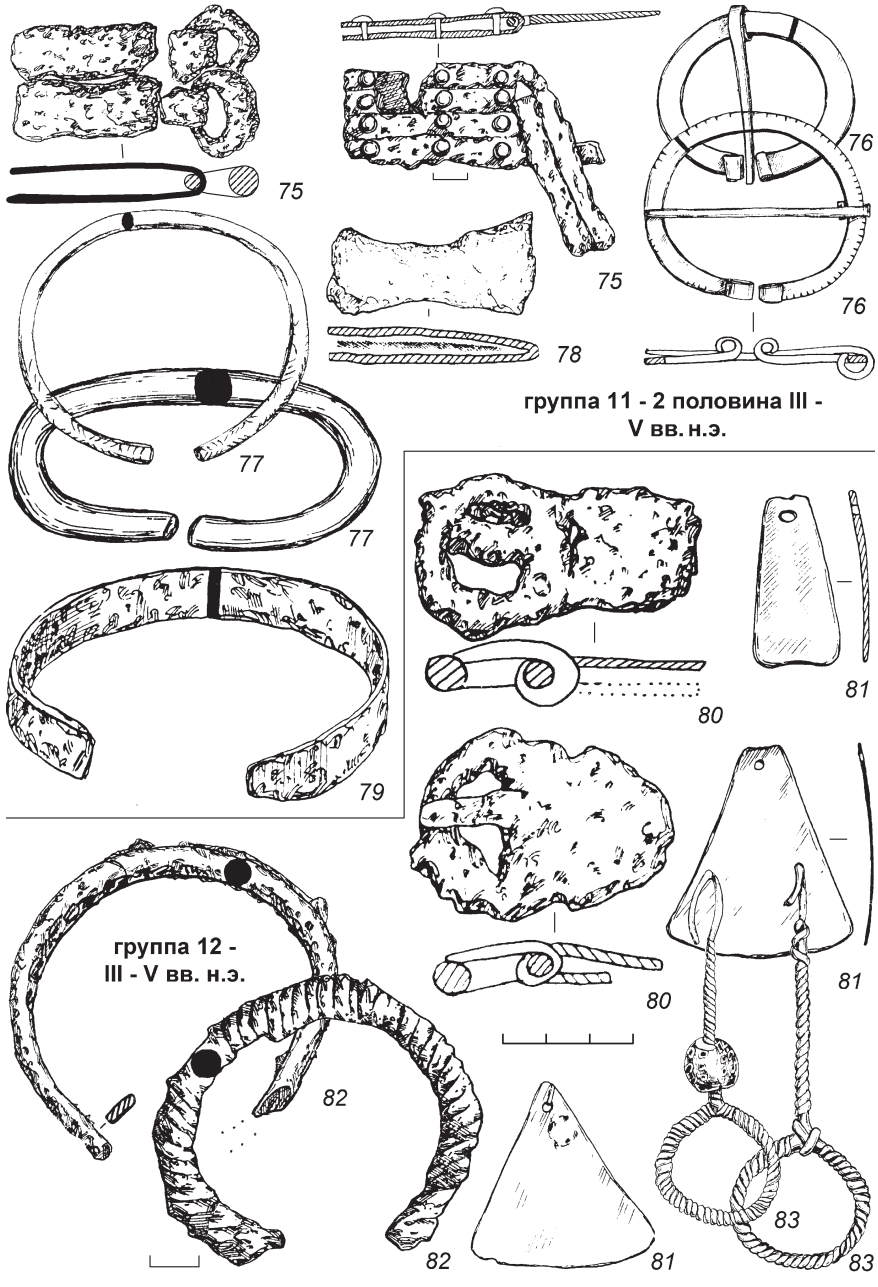


Рис. 10. Тарасовский могильник. 75–79 – предметы женских захоронений группы 11 (вторая половина III–V в. н. э.); 80–83 – предметы женских захоронений группы 12 (III–V вв. н. э.). 75, 78 – наконечники ремней; 76 – сюльгамы; 77, 79, 82 – браслеты; 80 – пряжки; 81 – подвески; 83 – височные подвески. 75 – железо, бронза; 76, 77, 81 – бронза; 78–80, 82 – железо; 83 – бронза, стекло.

Fig. 10. Tarasovo burial ground. 75–79 – items from female burials of group 11 (second half of 3rd–5th centuries A.D.); 80–83 – items from .female burials of group 12 (3rd–5th centuries A.D.). 75, 78 – belt tips; 76 – syulgamas; 77, 79, 82 – bracelets; 80 – buckles; 81 – pendants; 83 – temple pendants. 75 – iron, bronze; 76, 77, 81 – bronze; 78–80, 82 – iron; 83 – bronze, glass.

ровать их хронологически по форме, размерам или технологии изготовления результатов не дала.

В комплексах этого времени обнаружены железные круглопроволочные (рис. 9: 72; 14 экз.), а также бронзовые, иногда с напускной бусиной и застежкой-крючком и петелькой (рис. 9: 70; 24 экз.) гривны; головные ленты (или основания шапочек), украшенные бронзовыми обоймами с орнаментом в виде рядов выпуклых полусфер (рис. 9: 71; 473 экз. из 11 могил).

Группу 10 (IV–V вв.) образуют бронзовые овальные рамчатые пряжки с утолщенной передней частью или граненой рамкой и не выступающим или слегка выступающим за ее пределы гладким язычком, иногда с отчетливо выраженным уступом у его основания (рис. 9: 73; 12 экз.). Подобные предметы из мужских захоронений отнесены ко 2-й половине III–V в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, рис. 14: 104). Известны также бронзовые прямоугольные накладки, изготовленные из согнутой пластины с подвешенным кольцом (рис. 9: 74; 351 экз. из женских могил). Их форма в целом напоминает похожие накладки из погребений 1-й половины III в. (рис. 4: 27), но отличается от них отсутствием многих подрезов и фасетировки. Вероятно, в IV–V вв. использовался упрощенный вариант этих накладок.

Группы 11 (2-я половина III–V в.) и **12** (III–V вв.) представлены железными составными наконечниками ремней (рис. 10: 75; 21 экз.), которые, скорее всего, использовались на протяжении III–V вв., но по случайным обстоятельствам не оказались в женских могилах 1-й половины III в. В простейшем виде они выявлены в мужском захоронении 1-й половины III в. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016а, рис. 2: 10). Орнамент в виде головок шпеньков-полусфер появился, по-видимому, не ранее 2-й половины III в. и широко распространился в IV–V вв. В III–V вв. использовались и крупные железные прямоугольные, иногда с зауженной серединой наконечники ремней (рис. 10: 78; 8 экз.), которым соответствовали железные пряжки с различной формой щитка (рис. 10: 80; 34 экз.), их находили и в мужских могилах (Голдина Р.Д., Бернц, 2017, рис. 14, 15: 107).

В эти группы входят круглые или овальные сюльгамы, изготовленные как из бронзы (у женщин – 18 экз.), так и из железа (в женских – 8) (рис. 10: 76; всего 37 экз.). Интересно, что сюльгамы III–V вв. выполнены из дрота плоского сечения и в мужских захоронениях отсутствуют. В I–II вв. близкие по форме экземпляры с завитками на концах сделаны из проволоки круглого сечения и найдены только в могилах мужчин (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 5: 35).

В III–V вв. использовались одновитковые браслеты из бронзы (рис. 10: 77; 7 экз.) и железа (рис. 10: 79; 17 экз.; рис. 10: 82; 32 экз.), в I–II вв. – только многовитковые предметы из железа (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 12: 31).

К III–V вв. относятся трапециевидные подвески, вырубленные из больших круглых блях (рис. 10: 81; 22 экз.). Они хорошо известны по предметам, найденным в погребениях женщин I–II вв. (Голдина Р.Д., Бернц, 2016, рис. 15: 53). По данным Т.И. Останиной (1997, с. 51, табл. 18), 47 таких подвесок обнаружены на могильниках мазунинского типа: Ангасякском, Бирском, Ижевском, Каратамакском,

Мазунинском, Нивском, Покровском, Сайгатском, Старо-Кабановском, Усть-Сарапульском.Особенностью памятников мазунинского типа являлись височные подвески в виде железного или бронзового стержня с округлым кольцом на нижнем конце, обмотанным бронзовой проволокой (рис. 10: 83). Иногда стержень украшен напускной бусиной. Подчеркнем, предметы групп 11 и 12 могли использоваться на протяжении III–V вв.

Вероятно, Тарасовский могильник существовал до конца V в., о чем свидетельствует бронзовый наконечник ремня, не вошедший в корреляцию, представляющий собой крупный экземпляр подпрямоугольной формы с четко выраженной площадкой в верхней части (Голдина Р.Д., 2003, табл. 338: 1). Он происходит из погребения 780, расположенного в середине западной части памятника.

Близкий предмет найден в могиле 141 Безводнинского могильника в Горьковском Поволжье, которая датирована Ю.А. Красновым VI в. (1980, с. 93, 105, рис. 42: 11), а А.В. Богачевым – 3-й четвертью VI в. (1992, рис. 86). Подобный наконечник только с более четкими гранями и фасетировкой происходит из захоронения 552 Варнинского могильника на р. Чепце, которое, по мнению И.О. Гавритухина и А.Г. Иванова, датируется началом VII в. (1999, рис. 4: 8, с. 134). Предпринятый И.О. Гавритухиным анализ таких наконечников привел его к мысли о том, что они не могут датироваться ранее середины VI в. (там же, с. 114–117). По нашим же данным, близкие наконечники бытовали уже в первой половине VI в. (Голдина Р.Д., Перевозчикова, 2012, рис. 3, табл. 1: 5). Найденный в Тарасово подобный наконечник ремня убедительно доказывает, что могильник функционировал до рубежа V–VI вв. н.э.

В результате проведенного анализа инвентаря захоронения женщин III–V вв. разделены на 12 групп:1-й половины III в. (группа 1), 2-й половины III в. (группа 2), III в. (группа 3), IV в. (группа 4), 2-й половины III–IV в. (группа 5 а), III–IV вв. (группа 5 б), 1-й половины V в. (группа 6), 2-й половины V в. (группа 7), V в. (группа 8), 2-й половины IV–V в. (группа 9), IV–V вв. (группа 10), 2-й половины III–V в. (группа 11), III–V вв. (группа 12). Не удалось сгруппировать женские могилы IV в., но наметилась часть вещей раннего и позднего IV в. Группы 2-й половины III–IV вв. (5 а) и III–IVвв. (5 б) содержат по 2 типа. Их можно было бы объединить. Но хотелось подчеркнуть дату оригинальных местных изделий – бронзовых многочастных наконечников ремней и накладок (рис. 6: 44, 45), которые появились, по-видимому, не ранее середины III в. Выделены могилы V в. (группа 8) и определены особенности комплексов первой (группа 6) и второй (группа 7) половин этого столетия. Предлагаемые нами датировки следует рассматривать как ориентиры для дальнейших наблюдений и мы уверены, что с появлением новых материалов коррективы последуют.

Работа по хронологизации захоронений Тарасовского могильника потребовала колоссальных временных и энергетических затрат. Построение типологической картины материальной культуры с перерывами длилось около 20 лет. Работа над корреляциями и обоснованием хронологии

потребовала полной отдачи в последние 2 года. Надеемся, что созданная нами хронология древностей Среднего Прикамья I–V вв. по материалам Тарасовского могильника не только будет востребована специалистами, но и станет основой для дальнейших изысканий в области изучения древней истории народов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до. н. э. – IV в. н. э.) // Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 2 / Отв. ред. серии Г.Е. Афанасьев и Ф. Дайм при участии Д. Кидда. М.: ИА РАН, 1993. 240 с.
2. *Амброз А.К.* Фибулы Юга Европейской части СССР. III в. до н. э. – IV в. н. э. / САИ. Вып. Д1-30. М.: Наука, 1966. 142 с.
3. *Арматынская О.В.* Усть-Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века / Отв. ред. А.А. Тронин. Устинов: Удмуртский университет, 1986. С. 26–46.
4. *Ахмедов И.Р.* Инвентарь мужских погребений // Культура рязано-окских могильников. Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. / РСМ. Вып. 9 / Отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. М.: ИА РАН, 2007. С. 137–185.
5. *Богачев А.В.* Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV–VII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992. 208 с.
6. *Васюткин С.М., Останина Т.И.* Старо-Кабановский могильник – памятник мазунинской культуры в Северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии / Сост., науч. ред. Т.И. Останина. Устинов: Удмуртия, 1986. С. 64–125.
7. *Гавритухин И.О., Иванов А.Г.* Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 99–159.
8. *Гей О.А., Бажан И.А.* Хронология эпохи «готских походов» (на территории Восточной Европы и Кавказа) / Науч. ред. М.Б. Щукин. М.: Наука, 1997. 144 с.
9. *Генинг В.Ф., Голдина Р.Д.* Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1973. С. 58–121.
10. *Голдина Е.В., Голдина Р.Д.* «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н. э. – IX в. н. э.) // Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV–IX в.). Ижевск, 2010. С. 156–260.
11. *Голдина Р.Д.* Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. II. Ижевск: Удмуртия, 2003. 721 с.
12. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
13. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть I // Поволжская археология. 2016а. № 3 (17). С. 17–58.
14. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. Часть II // Поволжская археология. 2017. № 1 (19). С. 172–204.
15. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. 2016. № 1 (15). С. 41–89.

16. Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 22. Ижевск: Удмуртский университет, 2012. 364 с.

17. Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Саинского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н. э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. – XV в. н. э.): хронологическая атрибуция / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 25 / Науч. ред. Л.И. Липина, Н.Ф. Широбокова. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 321–375.

18. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник. (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М.: Наука, 1980. 224 с.

19. Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. Киев: АДЕФ-Украина, 2010. 384 с.

20. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н. э.) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 27. Ижевск: Удмурский гос. ун-т, 2014. 472 с.

21. Лещинская Н.А. Фибулы Тарасовского могильника: информационный потенциал // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества (XIII Бадеровские чтения). Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 134–144.

22. Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1968. 161 с.

23. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 12-15 мая 2014 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, Н.С. Савельев (Уфимский археологический вестник. Вып. 14). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. С. 130–140.

24. Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10 / МИАР. № 9. М.: Восточная литература, 2008. 364 с.

25. Мошкова М.Г. Фибулы из позднесарматских погребений Южного Приуралья: вопросы хронологии и производства // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета, 2000. С. 186–199.

26. Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

27. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО РАН, 1997. 328 с.

28. Останина Т.И. Нивский могильник // Материалы к ранней истории населения Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: Удмуртия, 1978. С. 92–118.

29. Покровский могильник IV–V вв. Каталог археологической коллекции / Сост. Т.И. Останина. Ижевск, 1992. 94 с.

30. Сабирова Т.М. Фибулы Среднего Прикамья в первой половине I тыс. н. э. Дисс. … канд. ист. наук. Ижевск, 2015. 328 с.

31. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. 149 с.

32. Скрипкин А.С. Фибулы Нижнего Поволжья (по материалам сарматских погребений) // СА. 1977. № 2. С. 100–120.

33. Стоянов В.Е. Сайгатский могильник на Средней Каме // ВАУ. Вып. 4 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск, 1962. С. 117–134.

34. Черных Е.М. Отчет о работах на Боярском (“Арай”) могильнике в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2004 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 438.

35. Черных Е.М. Отчет об археологических исследованиях Боярского (“Арай”) могильника в Каракулинском районе Удмуртской Республики, проведенных летом 2008 г. / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 495.

36. Черных Е.М. Отчет об археологических раскопках Дубровского могильника в Киясовском районе Удмуртской Республики летом 2012 г. / Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 569.

37. Шутова Н.И. Женская одежда средневекового населения бассейна р. Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990–1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье / Отв. ред. А.Г. Иванов. Ижевск, 1999. С. 210–231.

Информация об авторах:

Голдина Римма Дмитриевна, доктор исторических наук, профессор, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

Бернц Вероника Александровна, специалист по учебно-методической работе 1 категории, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); arch@uni.udm.ru

CHRONOLOGY OF 3RD–5TH CENTURY FEMALE GRAVES FROM TARASOVO BURIAL GROUND

R.D. Goldina, V.A. Bernts

The article represents the concluding part a series of works by the authors on the dating of burials from the unique 1st–5th century Tarasovo burial ground in the Middle Kama region. The first article was dedicated to the chronology of graves dating back to the early Nyrgynda stage (1st–2nd centuries) of this monument. The second and third publications feature an analysis of the chronology of 3rd–5th century male burials. The present work describes 160 female burials of 3rd–5th centuries analyzed from the perspective of chronology. Similarly to previous research, the three main methods employed by the authors of this research include those of formal typology, cultural stratigraphy and the nearest neighbour method. A total of 12 chronological groups were singled out as a result: 1st half of 3rd century A.D. (group 1); 2nd half of 3rd century (2); 3rd century (3); 4th century (group 4); 2nd half of 3rd–4th centuries (5a); 3rd–4th centuries (5б); 1st half of 5th century (6); 2nd half of 5th century (7); 5th century (group 8); 2nd half of 4th–5th centuries (9); 4th–5th centuries (10); 2nd half of 3rd–5th centuries and 3rd–5th centuries (12).

Keywords: archaeology, Tarasovo burial ground, cultural stratigraphy, chronology, Mazunino stage, Cheganda culture, Pyanyi Bor cultural an historical community

REFERENCES

1. Abramova, M. P. 1993. *Tsentral’noe Predkavkaz’e v sarmatskoe vremia (III v. do n.e. – IV v. n.e.) (Central cis-Caucasus in Sarmatian Time (3rd Century BC – 4th Century AD))*. Series: Afanas’ev, G. E., Daim, F. with J. Kidd’s contribution (series Chief Editors). Arkheologiia epokhi velikogo pere- seleniia narodov i rannego srednevekov’ia = Russian monographs in migration-period and medieval archaeology 2. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

2. Ambroz, A. K. 1966. *Fibuly Iuga Evropeiskoi chasti SSSR. III v. do n.e. – IV v. n.e. (The Fibulae from South of the USSR European part)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources). D1–30. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

3. Armatynskaia, O. V. 1986. In Tronin, A. A. (ed.). *Priural'e v drevnosti i srednie veka (Cis-Urals in Antiquity and Middle Ages)*. Ustinov: Udmurt State University, 26–46 (in Russian).

4. Akhmedov, I. R. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n. e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors) 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 137–185 (in Russian).

5. Bogachev, A. V. 1992. *Protsedurno-metodicheskie aspekty arkheologicheskogo datirovaniia (na materialakh poiasnykh naborov IV—VIII vv. n. e. Srednego Povolzh'ia) (Procedural-Methodological Issues of Archaeological Dating (by materials of belt sets from the Middle Volga area dated by 4th-8th cc. AD))*. Samara: "Artefakt" Publ. (in Russian).

6. Vasiutkin, S. M., Ostanina, T. I. 1986. In Ostanina, T. I. (ed.). *Voprosy istorii i kul'tury Udmurtii (Issues of History and Culture of Udmurtia)*. Ustinov: Udmurtiia, 64–125 (in Russian).

7. Gavritukhin I. O., Ivanov, A. G. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 99–159 (in Russian).

8. Gaj, O. A., Bažan, I. A. 1997. *Khronologiia epokhi «gotskikh pokhodov» (na territorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza) (Chronology of the Epoch of "Gothic Raids" (on the Territory of Eastern Europe and Caucasus))*. Moscow: "Nauka" Publ., (in Russian).

9. Gening, V. F., Goldina, R. D. 1973. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 12. Sverdlovsk, 58–121 (in Russian).

10. Goldina, E. V., Goldina, R. D. 2010. In Goldina, E. V. *Busy mogil'nikov nevolinskoi kul'tury (konets IV–IX vv.) (Beads from the Nevolino Culture Burial Grounds (Late 4th – 9th Centuries))*. Izhevsk, 156–260 (in Russian).

11. Goldina, R. D. 2003. *Tarasovskii mogil'nik I—V vv. na Srednei Kame (Tarasovo Burial Ground of 1st—5th Centuries in the Middle Kama Region)* II. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ. (in Russian).

12. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

13. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 41–89 (in Russian).

14. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2017. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 19 (1), 172–204 (in Russian).

15. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 15 (1), 41–89 (in Russian).

16. Goldina, R. D., Krasnoperov, A. A. 2012. *Nyrgyndinskii I mogil'nik II-III vv. na Srednei Kame (Nyrgynda I Burial Ground from 2nd—3rd Centuries in the Middle Kama Area)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 22. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

17. Goldina, R. D., Perevozchikova, S. A. 2012. In Lipina, L. I., Shirobokova, N. F. (eds.). *Drevnosti Prikam'ia epokhi zheleza (VI v. do n.e. – XV v. n.e.): khronologicheskaia atributsiia (Iron Age Antiquities of the Kama Area (6th Century BC – 15th Century AD): Chronological Attribution)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 25. Izhevsk: Udmurt State University, 321–375 (in Russian).

18. Krasnov, Yu. A. 1980. *Bezvodninskii mogil'nik: k istorii Gor'kovskogo Povolzh'ia v epokhu rannego srednevekov'ia (Bezvodnoye Burial Ground: on History of Gorky Volga Area in the Early Middle Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

19. Kropotov, V. V. 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi (Fibulae of the Sarmatian Epoch)*. Kiev: "ADEF-Ukraina" Publ. (in Russian).

20. Leshchinskaia, N. A. 2014. *Viatskii krai v p'ianoborskuiu epokhu (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov I–V vv., n. e.) (Vyatka Area in the Pyany Bor Age: by Materials from Burial Sites of the 1st–5th Centuries AD)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 27. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

21. Leshchinskaia, N. A. 2010. In *Arkheologicheskoe nasledie kak otrazhenie istoricheskogo opyta vzaimodeistviia cheloveka, prirody, obshchestva. XIII Baderovskie chteniia (Archaeological Heritage as a Reflection of Historical Experience of Interrelations between Human, Nature, and Society)*. Izhevsk: Udmurt State University, 134–144 (in Russian).

22. Mazhitov, N. A. 1968. *Bakhmutinskaia kul'tura: Etnicheskaia istoriia naseleniia Severnoi Bashkirii serediny I tysiacheletiia nashei ery (The Bakhmutino Culture: Ethnic History of the Northern Bashkiria Population in the Middle I Millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

23. Malashev, V. Yu. 2014. In Yablonsky, L. T., Savelyev, N. S. (eds.). *Sarmaty i vneshnii mir (Sarmatians and the External World)*. Series: Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald) 14. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute of History, Language, and Literature; "Nasledie" Publ., 130–140 (in Russian).

24. Malashev, V. Yu., Iablonskii, L. T. 2008. *Stepnoe naselenie iuzhnogo Priural'ia v pozdnesarmatskoe vremia: po materialam mogil'nika Pokrovka 10 (The Steppe Population of the Southern Urals in Late Sarmatian Period: Materials of the Pokrovka 10 Cemetery)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Studies in the Russian Archaeology) 9. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).

25. Moshkova, M. G. 2000. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 3. Volgograd: Volgograd State University, 186–199 (in Russian).

26. Ovsiannikov, V. V., Savelev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasilev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e (Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area)*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

27. Ostanina Vol. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III–V vv. (Population of the Middle Kama Region in 3rd–5th Centuries AD)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of the History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

28. Ostanina, T. I. 1978. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy k rannei istorii naseleniia Udmurtii (Materials for the Early History of Population of Udmurtia)*. Izhevsk: "Udmurtiia" Publ., 92–118 (in Russian).

29. Ostanina, T. I. (comp.). 1992. *Pokrovskii mogil'nik IV–V vv. Katalog arkheologicheskoi kollektsii (Pokrovsky Burial Ground of 4th-5th Centuries. Catalogue of an Archaeological Collection)*. Izhevsk (in Russian).

30. Sabirova, T. M. 2015. *Fibuly Srednego Prikam'ia v pervoi polovine I tys. n.e.* (*Fibulae of the Middle Kama Area in the First Half of I Millennium AD*). PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).

31. Skripkin, A. S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashei ery (The Lower Volga Region in the First Years of the Current Era)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

32. Skripkin, A. S. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiia* (*Soviet Archaeology*) (2), 100–120 (in Russian).

33. Stoianov, V. E. 1962. In Gening, V. F. (ed.). *Voprosy arkheologii Urala (Issues of the Urals Archaeology)* 4. Sverdlovsk, 72–80 (in Russian).

34. Chernykh, E. M. *Otchet o rabotakh na Boiarskom ("Arai") mogil'nike v Karakulinskom raione Udmurtskoi Respubliki, provedennykh letom 2004 g (Report on Works Conducted in Summer of 2004 at Boyarsk (Arai) Burial Ground Located in Karakulinsky District of the Udmurt Republic)*. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 438 (in Russian).

35. Chernykh, E. M. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh Boiarskogo ("Arai") mogil'nika v Karakulinskom raione Udmurtskoi Respubliki, provedennykh letom 2008 g (Report on the Archaeological Studies Cunducted in Summer of 2008 at Boyarsk (Arai) Burial Ground Located in Karakulinsky District of the Udmurt Republic)*. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 495 (in Russian).

36. Chernykh, E. M. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh Dubrovskogo mogil'nika v Kiiasovskom raione Udmurtskoi Respubliki letom 2012 g. (Report on the Archaeological Excavations of Dubrovskii Burial Ground in Kiiasovskii District of the Udmurt Republic in Summer of 2012)*. Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 569 (in Russian).

37. Shutova, N. I. 1999. In Ivanov, A. G. (ed.). *Permskii mir v rannem srednevekov'e (Permian World in Early Middle Ages)*. Series: Archaeologia Permica 1. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 210–231 (in Russian).

About the Authors:

Goldina Rimma D., Doctor of Historical Sciences, Professor. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Bernts Veronika A. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; arch@uni.udm.ru

Статья поступила в номер 25.12.2016 г.

УДК 904(470.53)"653"(045) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.73.90

ПОГРЕБЕНИЕ ТЯЖЕЛОВООРУЖЕННОГО ВСАДНИКА В КУДАШЕВСКОМ I МОГИЛЬНИКЕ

© 2017 г. О.А. Казанцева, З.Ш. Нагиев

В статье представлен комплексный анализ предметов, происходящих из мужского погребения 160 Кудашевского I могильника – уникального источника по изучению процессов взаимодействия местного и пришлого населения в III–V вв. в Среднем Прикамье. Памятник расположен в Бардымском районе Пермского края. Комплекс металлических предметов содержит редкий набор индивидуального защитного вооружения для Прикамья: ажурный шлем, наборный пластинчатый доспех, а также меч, наконечник копья, нож, «косы-горбуши». Дано описание могилы, ее устройства, морфология и классификация предметов, а также результаты изучения технологии изготовления оружия и орудий труда: меч, наконечник копья, нож, «косы-горбуши» с помощью металлографического метода. Представлена графическая реконструкция защитного доспеха воина – шлема. Найдены аналогии предметам погребального комплекса, которые обнаружены в памятниках Среднего Прикамья и Горного Алтая. Снаряжение воина-всадника представляет собой уникальный набор предметов защитного и наступательного вооружения. Дополняет доспехи умершего металлический ажурный парадный шлем с бармицей, что позволяет предполагать, что могила принадлежала военачальнику. На основе изучения предметов определена дата погребения – конец IV начало V в. н. э.

Ключевые слова: археология, Среднее Прикамье, III–V вв., эпоха Великого переселения народов, могильник, погребальный обряд, предметы вооружения, орудия труда, металлографический анализ

На территории Прикамья располагаются могильники эпохи Великого переселения народов (IV–VII вв. н. э.), в материалах которых содержатся предметы вооружения. Среди таких памятников особое место занимает Кудашевский I могильник, расположенный в Бардымском районе Пермского края. Могильник датируется автором раскопок III–V вв. н. э., полиэтничный, отличается от одновременных объектов на территории Прикамья биобрядностью в способе погребального обряда, выразительной коллекцией предметов полихромного стиля и значительным количеством погребений с предметами воинского снаряжения, составляющих 30% от общего числа (Казанцева, 2004, с. 23–25; Казанцева, 2004б, с. 132–139; Казанцева, 2011, с. 258).

В 2004 г. при стационарных исследованиях восточной грунтовой части Кудашевского I могильника было обнаружено погребение с набором предметов защитного и наступательного вооружения (Казанцева, 2004а). По размерам и ориентации могила не отличалась от окружающих ее в ряду погребений памятника, но выделяется особенностями в организации устройства могилы и набором предметов, связанных с экипировкой воина. По остаткам деревянных конструкций можно предполагать наличие своеобразных носилок для умершего. Судя по вещам, найденным в могиле, это погребение могло принадлежать че-

ловеку, который играл очень значимую роль в организации и/или ходе военных действий.

В набор тяжеловооруженного воина входят предметы защитного (шлем, бармица, доспех) и наступательного вооружения (копье), а также вещи универсального назначения (меч, нож). При изучении комплексов вооружения любой эпохи в археологии ученые традиционно обращаются к анализу состава инвентаря воина, поиску аналогий для возможного объяснения характера вооружения человека и уточнения времени бытования этих предметов.

Цель статьи – комплексный анализ вещевого инвентаря погребения 160, достижению которой способствует ряд исследовательских задач: описание погребения, морфологическое, технологическое изучение предметов, исследование железных вещей с помощью металлографического метода, эмиссионно-спектральный анализ бронзовых пряжек, графическая реконструкция защитного доспеха воина – шлема – и на основе изучения предметов определение хронологии погребения.

Погребение 160 имеет размеры 234×85 см, прямоугольную форму, ориентировано по линии СЗ–ЮВ. В ЮЗ половине ямы обнаружены: тлен черепа и зубы человека (№ 1, рис. 1). Следовательно, умерший был уложен головой на ЮЗ.

Рядом с черепом располагался железный ажурный шлем с бронзовыми накладками (№ 2, рис. 1) и железной бармицей (№ 2а, рис. 1). Фрагменты железной бармицы традиционного плетения (одно кольцо в четыре соседних, диаметр колец 7–8 мм, толщина 1,5–2,0 мм) были обнаружены под шлемом. Бармица была свернута полукругом, что соответствует ее рас положению при использовании шлема. Внутри шлема в верхней части обнаружен халцедоновый диск (№ 2б, рис. 1).

В лицевой части черепа, перед шлемом, отмечены следы красной охры размером 11×4 см (№ 13, рис. 1). Рядом с черепом (справа) обнаружены бронзовые вещи: пряжка (№ 3, рис. 1) и пронизка – 1 экз. (№ 4, рис. 1). Вдоль пряжки справа сохранились следы красной охры размером 5×4 см (№ 13, рис. 1).

В области пояса умершего обнаружена бронзовая пряжка (№ 3, рис. 1). В ЮЗ половине найден железный меч с деревянной рукоятью (№ 5, рис. 1). На остатках рукояти отмечены следы красной охры (№ 13, рис. 1). Длина меча в полевых условиях составляла 60 см. Обнаружены 2 железные «косы-горбуши» (№ 6, рис. 1), железный нож (№ 7, рис. 1), железный наконечник копья (№ 8, рис. 1).

Зафиксирован также железный доспех, состоящий из наборных пластин (№ 9, рис. 1). При расчистке железного дорспеха, под ним были обнаружены 7 бронзовых пряжек (№ 3, рис. 1) и 2 бронзовые пронизки (№ 4, рис. 1), железная пряжка – 2 экз. (№ 10, рис. 1), железные удила с бронзовыми зажимами (№ 11, рис. 1), железная пластина с железной обоймой (№ 12, рис. 1). Возможно, металлический доспех имел кожаную основу, который скреплялся по бокам бронзовыми пряжками.

Все предметы в могиле располагались на тлене от деревянной конструкции, размерами 210×70 см, толщина которого достигала 1,0 см (№ 14, рис. 1). Умерший был уложен, веро-

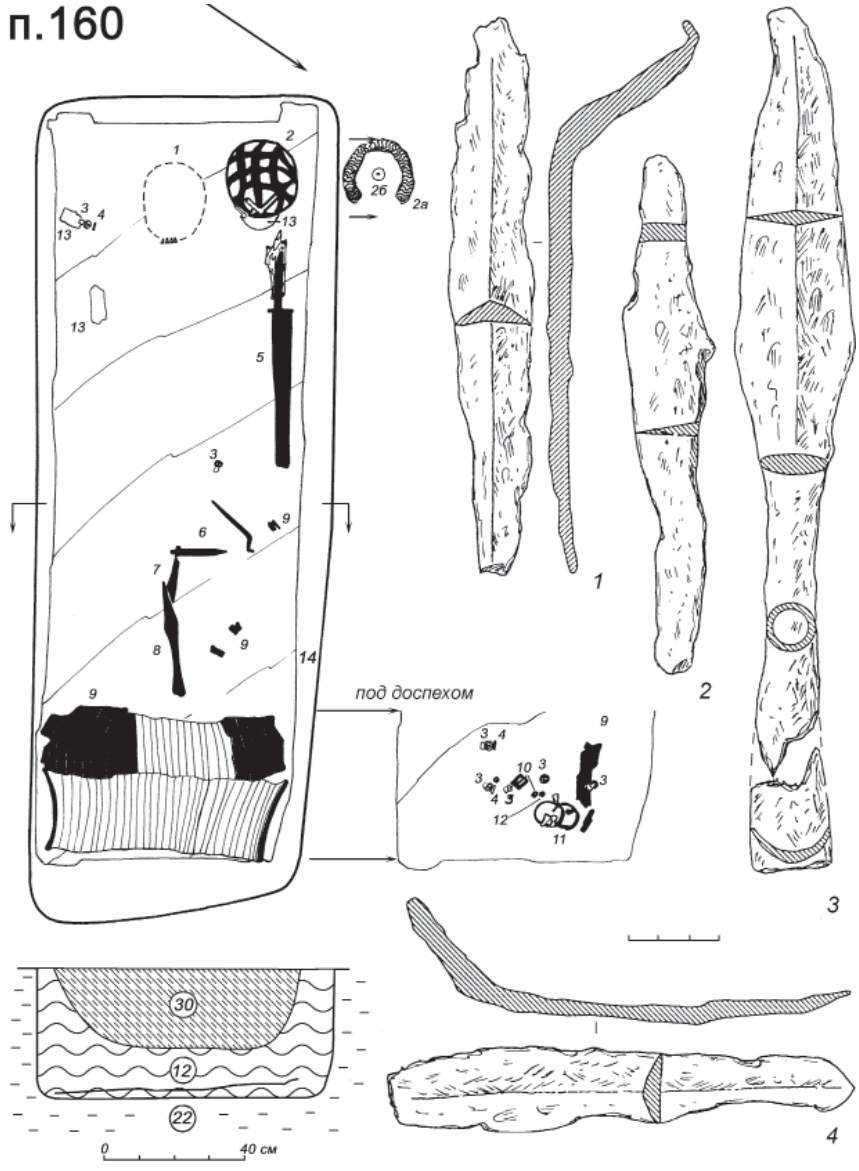


Рис. 1. Кудашевский I могильник. Погребение 160.
1 – тлен черепа и зубы черепа, органика; 2 – шлем с бармицей, железо, бронза; 3 – пряжка, бронза – 9 экз.; 4 – пронизка, бронза – 3 экз.; 5 – меч, железо, дерево, камень; 6 – «коса-горбуша» – 2 экз.; 7 – нож, железо; 8 – наконечник копья, железо; 9–доспех, железо; 10 – пряжка, железо – 2 экз.; 11 – удила, железо с бронзовыми накладками; 12 – пластина, железо; 13 – охра, органика; 14 – тлен, органика.
1–нож, железо; 2–3 – «косы-горбуши», железо; 4 – наконечник копья, железо.

Fig. 1. Kudash I burial ground. Grave 160.
1 – scull, organic; 2 – helmet with aventail, iron, bronze; 3 – buskle, bronze – 9 samples; 4 – bead, bronze – 3 samples; 5 – sword, iron, wooden, chalcedony; 6 – «crooked scythes» – 2 samples; 7 – knife, iron; 8 – spear head, iron; 9 – coat of mail, iron; 10 – buckles, iron – 2 samples; 11 – bits, iron with bronze plaques; 12 – plate, iron; 13 – ochre, organic; 14 – remains, organic.
1 – knife, iron; 2–3 – «crooked scythes», iron; 4 – spear head, iron.

ятно, на специальные деревянные носилки.

По классификации конструкций, разработанных для погребальных сооружений памятников скифского времени Горного Алтая (Тишкин, Дашковский, 1997, с. 19–24) устройство могилы 160 соответствует группе «тлен», тип III – «носилки». Конструкция представляла собой прямоугольную яму с закругленными углами, прямыми стенками и дном. Отмечен тлен от органики, имеющий прямоугольную форму. В торцевых стенках тлена зафиксированы выступы, которые расположены по обеим сторонам тлена, два с одной стороны, один – с противоположной (Казанцева, Вязников, 2012, с. 21). В данном случае выступы, возможно, образуют паз для крепления торцевой стенки погребальной камеры.

В заполнении ямы фиксировались два слоя: верхний – темный пестроцветный суглинок, мощностью 22 см, а под ним – светло-коричневый пестроцветный суглинок, толщиной 38 см. Верхний слой, вероятно, связан с надмогильной насыпью. Дно ямы плоское, стенки отвесные. Максимальная глубина погребения составляет 77 см.

Вещевой комплекс (рис. 1: 1–4; 2–4), обнаруженный при умершем, состоял из 21 металлического предмета. Все вещи связаны с экипировкой воина: ажурный шлем с бармицей; меч с рукоятью, украшенной халцедоновым диском; наборный доспех, наконечник копья и удила. Предметы имеют удовлетворительную степень сохранности. Предметы из бронзы представлены трехсоставными пряжками и пронизками.

Классификация погребального инвентаря произведена в соответствии с известными классификациями вещевых комплексов могильников Среднего Прикамья.

Железный ажурный шлем с бронзовыми накладками в лицевой части и бармицей (рис. 2) имеет неполную сохранность. По конструкции купол шлема состоит из двух железных перпендикулярных полос (ширина 1,3 см), которые крепятся на основу (обод) шириной 1,8–2,5 см. Высота шлема 17 см (без бронзового наносника – 12 см), диаметр изделия у основания 18–21 см. При вертикальном ракурсе сверху на куполе шлема четко фиксируются четыре круглых розетки диаметром около 10 см, состоящие из двух полос толщиной 0,3 см (рис. 2: 12). В лицевой части шлема пространства внутри розеток дополнительно укреплены бронзовыми полосами, расположенными по диагонали. Вероятно, такие полосы были и в затылочной части, но они не сохранились. В лицевой части отмечен наносник прямоугольной формы, размерами 5×3 см, край которого украшен бронзовой пластиной. Обнаружены фрагменты бронзовых, плоских в сечении, пластин (рис. 3: 12–15), которые являлись частью шлема и размещались в качестве декора на дугах лицевой части предмета.

Реконструкцию шлема (рис. 2: 11, 12) выполнил канд. ист. наук С.Р. Волков (Казанцева, Ютина, 2006, с. 158–163). Шлем из Кудашевского I могильника аналогичен найденным в погребении 80 Нивского могильника мазунинской культуры (Останина, 1977, с. 77–78) и шлему из могилы 27 Суворовского могильника азелинской

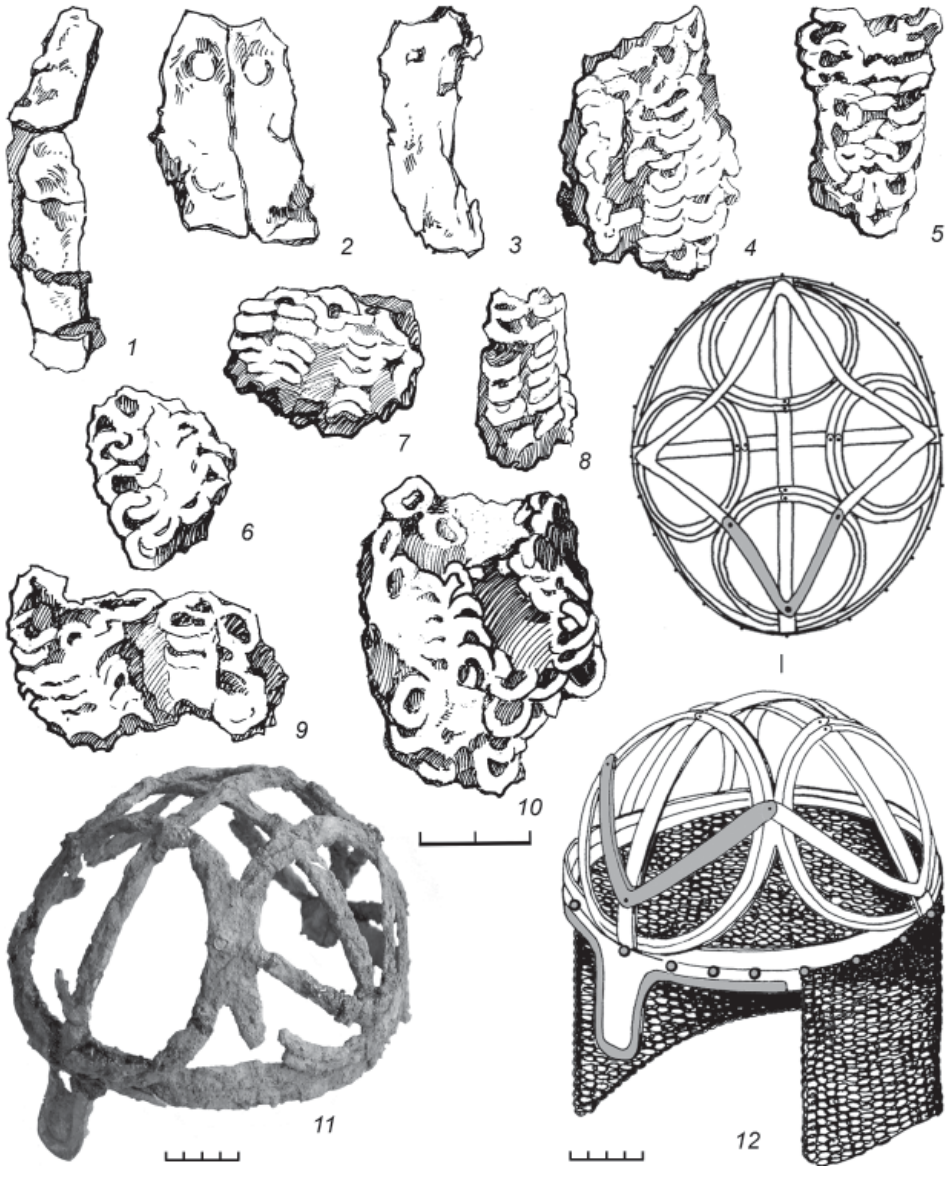


Рис. 2. Кудашевский I могильник. Шлем, железо, бронза. 1–3 – фрагменты шлема; 4–10 – фрагменты бармицы, железо; 11 – шлем, железо, бронза; 12 – реконструкция шлема.

Fig. 2. Kudash I burial ground. Helmet, iron, bronze. 1–3 – fragments of helmet; 4–10 – fragments of aventail, iron; 11 – helmet, iron, bronze; 12 – reconstruction of helmet.

культуры (Генинг, 1963, с. 70). По мнению А.М. Хазанова, такие шлемы относятся к разряду «каркасных» (Хазанов, 1971, с. 62–63).

Сравнение морфологических особенностей предметов позволяет говорить не только о принципиальном сходстве рассматриваемых шлемов, но и о некоторых различиях в деталях конструкции. В шлеме из Кудашевского I могильника розеток четыре, а в шлеме из Нивского могильника – полурозетки, расположенные в три ряда (верхний ряд – 8 полурозеток, средний – 16, нижний – 32), которые создают более прочную, но ажурную конструкцию металлической основе (рис. 2). У кудашевского шлема имеется наносник, а уши и шею человека защищала бармица (рис. 2: 4–10), чего не наблюдаем у нивского и суворовского шлемов. Функционально такой шлем, конечно, мог быть парадным, но в бою был уязвим «... при обстреле из луков и для колющих ударов копий и мечей» (Зыков, 2016, с. 224).

Ажурные шлемы полусферической формы известны из сарматского погребения в кургане 6 у ст. Тбилисская Краснодарского края, археологи датируют их второй половиной II – первой половиной III в. н. э., но, возможно, для Прикамья и позже (Бажан, Гей, 1992, с. 120–122).

Меч двулезвийный с деревянной рукоятью и халцедоновым навершием (рис. 3: 4, 22). Общая длина меча, зафиксированная в камеральных условиях, составляет 57,5 см, длина сохранившейся рукояти – 12 см, длина обоюдоострого клинка – 45,5 см, ширина – 4,5–5,2 см, сечение линзовидное, толщина – 0,4–0,5 см. Заметим, что длина рукояти, вероятно, была длиннее, так как навершие в виде халцедонового диска найдено в 37 см от перекрестья. Перекрестье меча пластинчатое, железное, овальное в плане. Деревянная рукоять меча была оформлена халцедоновым диском, молочного цвета, линзовидного сечения, диаметром 3,9 см (диаметр отверстия – 0,6 см). Диск крепился с помощью железного гвоздика, который вбивался через отверстие диска в торец деревянной рукояти. На остатках рукояти были отмечены следы красной охры, возможно, рукоять была орнаментирована. Подобные мечи с халцедоновыми дисками на рукояти обнаружены в мужских погребениях Тарасовского могильника (с защитным доспехом) в хронологической группе 6, которая датирована третьей четвертью IV в. н. э. (Голдина, Бернц, 2016, с. 39, рис. 7). Известны подобные мечи с халцедоновым навершием в позднесарматских погребениях на нижнем Дону (Мошкова, 1978, с. 74), встречены в сарматском могильнике Лебедевка VI II–III вв. н. э. (Железчиков, Порох, 1993, с. 88–92). Важно отметить, что длинные рукояти мечей и ширина клинка 5–6 см у донских мечей была распространена в позднесарматское время III–IV вв. н. э. (Безуглов, 2000, с. 171).

Железный наконечник копья (рис. 1: 3). Длина предмета – 30 см, пера – 17 см, имеет ромбовидное сечение, длинную втулку (13 см), диаметром около 3 см. Типичный предмет вооружения для времени Великого переселения народов. Аналогии известны в сарматских древностях (Симоненко, 2010, с. 75–76).

Удила железные двухсоставные, двукольчатые с псалиями (рис. 3: 21). Выполнены из металлического дрота круглого в сечении. Диаметр колец

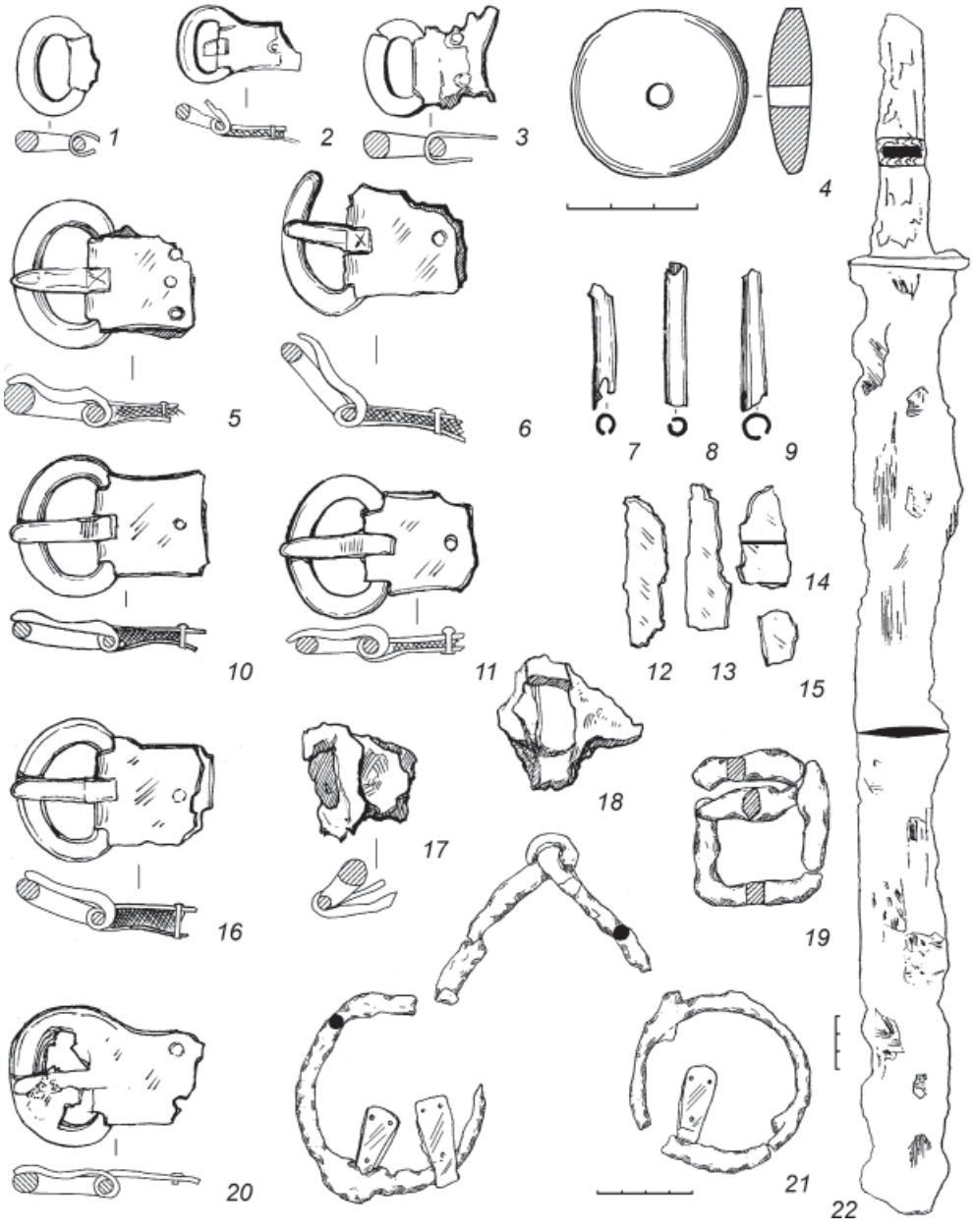


Рис. 3. Кудашевский I могильник. Вещи из погребения 160.
1–3, 5, 6, 10, 11, 16, 20 – пряжки, бронза; 4 – навершие, халцедон;
7–9 – пронизки, бронза; 12–15 – пластины; 17, 19 – пряжки, железо;
18 – пластина, железо; 21 – удила, железо, бронза; 22 – меч, железо, дерево.

Fig. 3. Kudash I burial ground.
1–3, 5, 6, 10, 11, 16, 20 – buckles, bronze; 4 – pomme, chalcedony; 7–9 – beads, bronze;
12–15 – plates, bronze; 17, 19 – buckles, iron; 18 – plate, iron;
21 – bits, iron, bronze; 22 – sword, iron, wooden.

составляет 8 см. Бронзовые зажимы на заклепках прямоугольной формы отмечены на каждом из колец, ширина зажимов около 1 см, длина около 4 см. Вероятно, зажимы применялись для удержания ремней. Аналогии найдены в Тураевском могильнике (Генинг, 1976, с. 97, рис. 28: 13; с. 101, рис. 31: 11), в котором предмет датируется концом IV началом V в. н. э. В Тарасовском могильнике подобные удила входят в группу 6 (третья четверть IV в. н. э.) мужских захоронений (Голдина, Бернц, 2016, с. 42, рис. 8: 71).

Железный нож с прямой спинкой, общая длина 17,5 см, лезвия – 12 см (рис. 1: 2). По размерам соответствует боевому ножу. Судя по местопо- ложению в могиле (в области пояса), нож, вероятно, крепился к портупее и составлял с мечом единый набор, выполняя при необходимости роль кинжала.

В могиле найден предмет, защищающий тело (торс) воина – металлический доспех ламеллярного типа, имеющий общие размеры в полевых условиях 70×40 см (рис. 4: 9). Доспех состоит из двух половин: нагрудной (2 полосы) и наплечной (1 полоса). Часть предмета ниже плеч, вероятно, была выполнена из органического материала. По конструкции предмет состоит из трех горизонтальных полос, которые, в свою очередь, состоят из 40 наборных прямоугольных вертикальных пластин размерами 20,0–23,5×1,6–2,0 см. Пластины одного ряда заходят на другой ряд примерно на 0,3–0,5 см (рис. 4: 5). На вертикальных пластинах имеются отверстия для скрепления с подкладом на расстоянии 5 см (рис. 4: 8). Вес одной из сохранившихся пластин – 7 г, примерный общий вес изделия – 3 кг 500 г. Учитывая сильную коррозию доспеха, реальный вес изделия был больше. Для сравнения: современный металлический бронежилет в среднем весит от 4 до 6 кг.

В силу неудовлетворительной степени сохранности предмета реконструкция его затруднительна (рис. 4: 1, 3), но наблюдения за морфологией и системой оформления пластин позволяют сделать некоторые выводы. Отверстия на пластинах располагаются в противоположных концах пластин по два с двух концов. Вероятно, основа (подклад) доспеха была из органического материала. По краям изделия пластины загнуты вовнутрь около 1 см и имеют отверстия в интервале 1 см (рис. 4: 4, 5). Металлические пластины низа доспеха имеют округлую форму края доспеха, подогнуты на 2 см. Оформление пластин нижнего края овальное (рис. 4: 8). На отдельных пластинах с обратной стороны встречены фрагменты дерева. Система отверстий отражает определенное подвижное крепление, позволяющее человеку, носившему защитный доспех, быть мобильным в бою. Интересно, что форма пластин, вероятно, повторяла изгиб тела человека (рис. 4: 2, 6, 7), что создавало определенный комфорт воину при эксплуатации предмета.

Предметы подобного защитного индивидуального снаряжения – явление довольно редкое в археологических памятниках Прикамья. Аналогии морфологии и конструкции предмета имеются в Среднем Прикамье в Тарасовском могильнике в п. 1685 (Зыков, 2016, с. 224). Защитный доспех ламеллярного типа найден в западной Азии (Горбунов, 1999, с. 47–55). Метал-

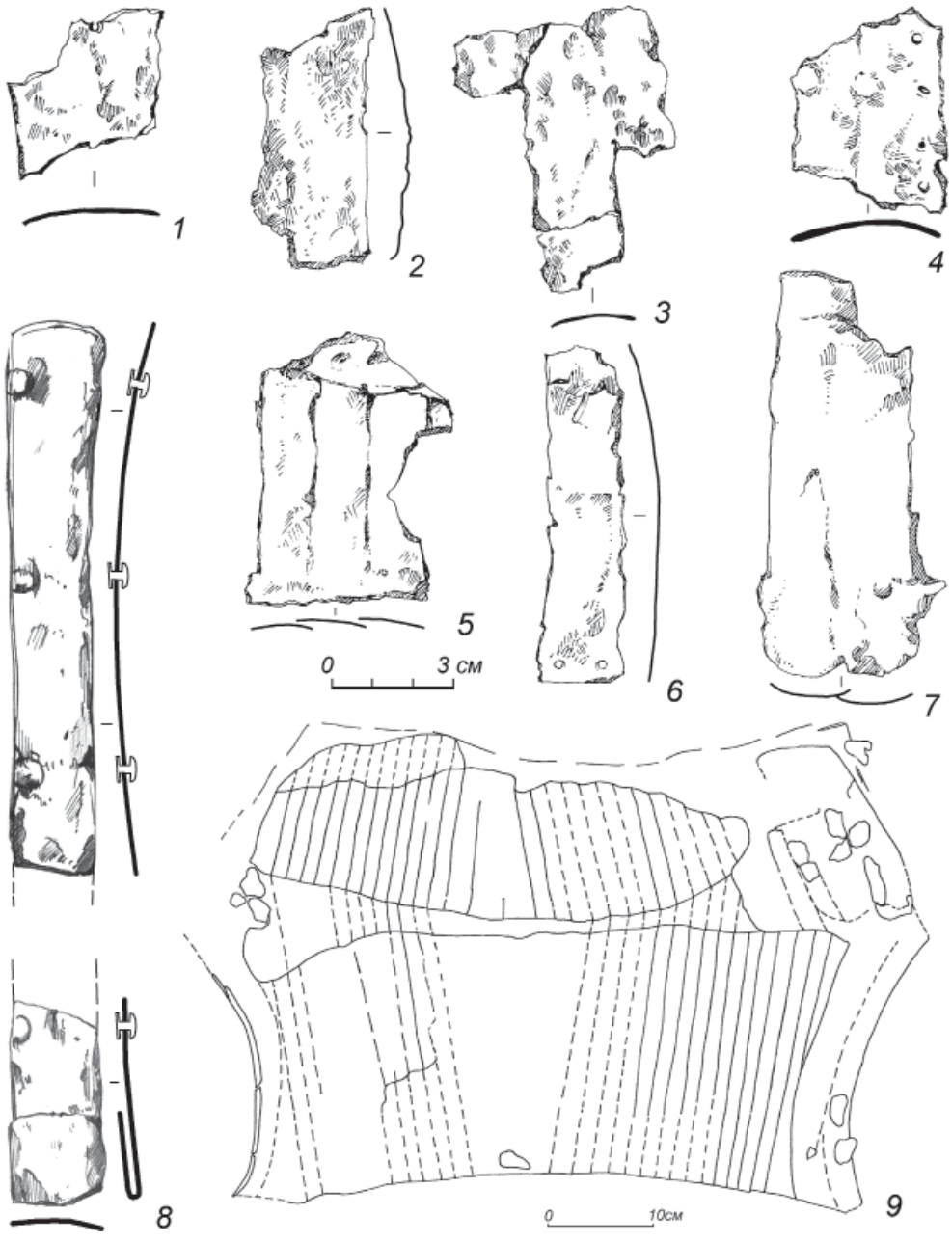


Рис. 4. Кудашевский I могильник. Доспех, железо.
1–8 – пластины, железо; 9 – рисунок in situ.

Fig. 4. Kudash I burial ground. Coat of mail, iron.
1–8 – scales, iron; 9 – fig. in situ.

лический доспех из Кудашевского I могильника аналогичен защитному доспеху в погребении воина эпохи «Великого переселения народов» на р. Чарыш (Уманский, 1978, с. 129–163), Татарских Могилок (Уманский, 1974, с. 136–149; Горбунов, 2002, с. 62–78). Возможно, кудашевский доспех отражает сяньбийскую военную традицию китайских доспехов IV в. н. э., когда применялись окантовочные отверстия и на прямоугольных пластинах отверстия размещались в их центральной части (Горбунов, 2013, с. 82). В Кудашевском I могильнике этот предмет является импортом, что не исключает его азиатское поступление или изготовление.

Железные «косы-горбуши» (2 экз.) – многофункциональные предметы для использования в быту, сельском хозяйстве, а при необходимости и в военных действиях (рис. 1: 1, 4). Одна из них фрагментарна, другая целая, имеет длину лезвия 19 см, ширину 3 см. Аналогии «косам-горбушам» известны из материалов памятников Среднего Прикамья: Нивский, Тарасовский, Тураевский I, Кудашевский I могильники (Останина, 1997; Голдина, Бернц; 2010, с. 139; Казанцева, 2017, с. 74–75). Найдены они и в Пермском Прикамье – Мокинском могильнике, Гляденовском костище, городище Соколиное гнездо, Черемшанском селище (Лепихин, Мельничук, 1999, с. 34).

Пряжки (11 экз.) изготовлены из двух материалов: железа и бронзы. По материалу они разделены на отделы, по форме на типы.

Отдел 1. Железная пряжка (2 экз.).

Тип 1. Квадратная, рамчатая (1 экз.) (рис. 3: 19). Выполнена из дрота четырехугольного в сечении, язычок имеет овальное сечение. Размеры 4,5×3,5 см.

Тип 2. Железная пряжка (1 экз.) овальной формы (рис. 3: 17). Выполнена из железного дрота овального в сечении.

Отдел 2. Бронзовые (9 экз., рис. 3: 1–3, 5, 6, 10, 11, 16, 19).

Тип 1. Овальное кольцо (круглое в сечении) без язычка – 2 экз. (рис. 3: 1, 3).

Тип 2. Трехсоставные пряжки – 7 экз. (рис. 3: 2, 5, 6, 10, 11, 16, 20). Шесть трехсоставных бронзовых пряжек имеют одинаковый размер и форму. Количество пряжек парное (3×2), что не случайно, а отражает боковую систему застежки доспеха – с двух сторон. Язычок не выходит за пределы рамки, щиток имеет прямоугольную форму. Такие пряжки встречены в комплексах могильников Прикамья конца IV в. н. э., например, в Тарасовском могильнике такие пряжки отмечены в группе 6 (3 четверть IV в. н. э.) (Голдина, Бернц, 2016, с. 39, рис. 7: 62). Остановимся более подробно на деталях оформления язычков у пряжек. Две пряжки имеют поперечные насечки на основании язычка (рис. 3: 10, 11), 2 пряжки без орнамента (рис. 3: 16, 20), 2 – с косым крестом (рис. 3: 5, 6). Обращает на себя внимание прогиб язычка (рис. 3: 5, 6, 10, 11, 20), что является признаком пряжек IV в. н. э. Сечение рамки пряжки одинаковое, без утолщения в передней части. У основания язычка пряжек сзади имеется невысокий выступ (рис. 3: 5, 6, 10, 11), что прослеживается у пряжек типа П8 (Малашев, 2000, с. 196). Две пряжки (рис. 3: 16, 20) можно соотнести с типом П1 в периодизации для ременных гарнитур позднесарматского времени (Малашев, 2000, с. 195).

Одна бронзовая пряжка имеет меньший размер, по сравнению с предыдущими, трехсоставная, язычок сломан, пластина приемника прямоугольная (рис. 3: 2).

Бронзовые пронизки (рис. 3: 7–9) представляют собой полые трубочки, согнутые из пластины, длиной около 3 см, диаметром около 0,3–0,4 см. Предметы найдены в могиле рядом с пряжками (рис. 3: 5, 6, 16), являются фрагментами скрепляющей скобы (петли), что позволяет предполагать их функциональное назначение – поддерживать свободный конец ремня.

Кроме изучения морфологии и классификации предметов было предпринято исследование металла, из которого они были сделаны. Изучение вещей проводилось по методике Б.А. Колчина (Колчин, 1965, с. 7–127). Образцы для анализа были взяты с рабочей части предмета. Степень сохранности археологических вещей была разная. Для исследования были пригодны: нож, 2 «косы–горбуши», наконечник копья и меч. В двух случаях было взято по 2 пробы с образца (меч и одна из «кос-горбуш»), так как было недостаточно информации для изучения. Остальные металлические предметы: пряжка, удила, шлем, кольчуга, доспех – были сильно коррозированы и в работу по этой причине не были взяты.

Металлографическое исследование древних вещей из погребения проводилось в Лаборатории физики твердого тела ФГБОУ ВПО «УдГУ» (г. Ижевск) на металлографическом микроскопе марки «Neophot 32»[1].

Результаты металлографического анализа предметов (рис. 5). «Коса-горбуша» (ан. 414 АБ, шифр 2150/24). Шлифы взяты по обеим сторонам лезвия, в результате оказалось возможным оценить полный поперечный срез (рис. 5: 1). Предмет был откован из стальной пластины, поверхность которой была предварительно процементирована. Пластина была многократно перегнута и сварена. В результате получилась структура чередующихся полос с различным содержанием углерода. Микротвердость феррита – 131 кг/мм^2, феррито-перлита – 152–157 кг/мм^2.

«Коса-горбуша» (ан. 415, шифр 2150/25). Шлиф – полный поперечный срез лезвия (рис. 5: 2). Предмет изготовлен из железной пластины путем ее перегиба и сварки, перед сваркой между полосами была вставлена стальная полоса, выходящая на одну из режущих кромок изделия. Изделие прошло термообработку. Стальная полоса – сорбит, микротвердостью 383–464 кг/мм^2, микротвердость ферритной основы – 193–206 кг/мм^2, что довольно много, вероятнее всего, перед нами высокофосфорное железо (Казанцева, 2017, с. 77).

Нож (ан. 416, шифр 2150/28). Шлиф – две третьих ширины клинка, взят со стороны лезвия. Предмет был откован целиком из среднеуглеродистой стали и подвергнут закалке (рис. 5: 3). В результате лезвие ножа приобрело мартенситную структуру микротвердостью 464–570 кг/мм^2, структура остальной части клинка – феррито-перлит, микротвердостью

[1] Авторы статьи благодарят зав. лабораторией электронной микроскопии учебно-научного института экспериментального естествознания Л.Ю. Стырову за помощь в изучении археологического материала.

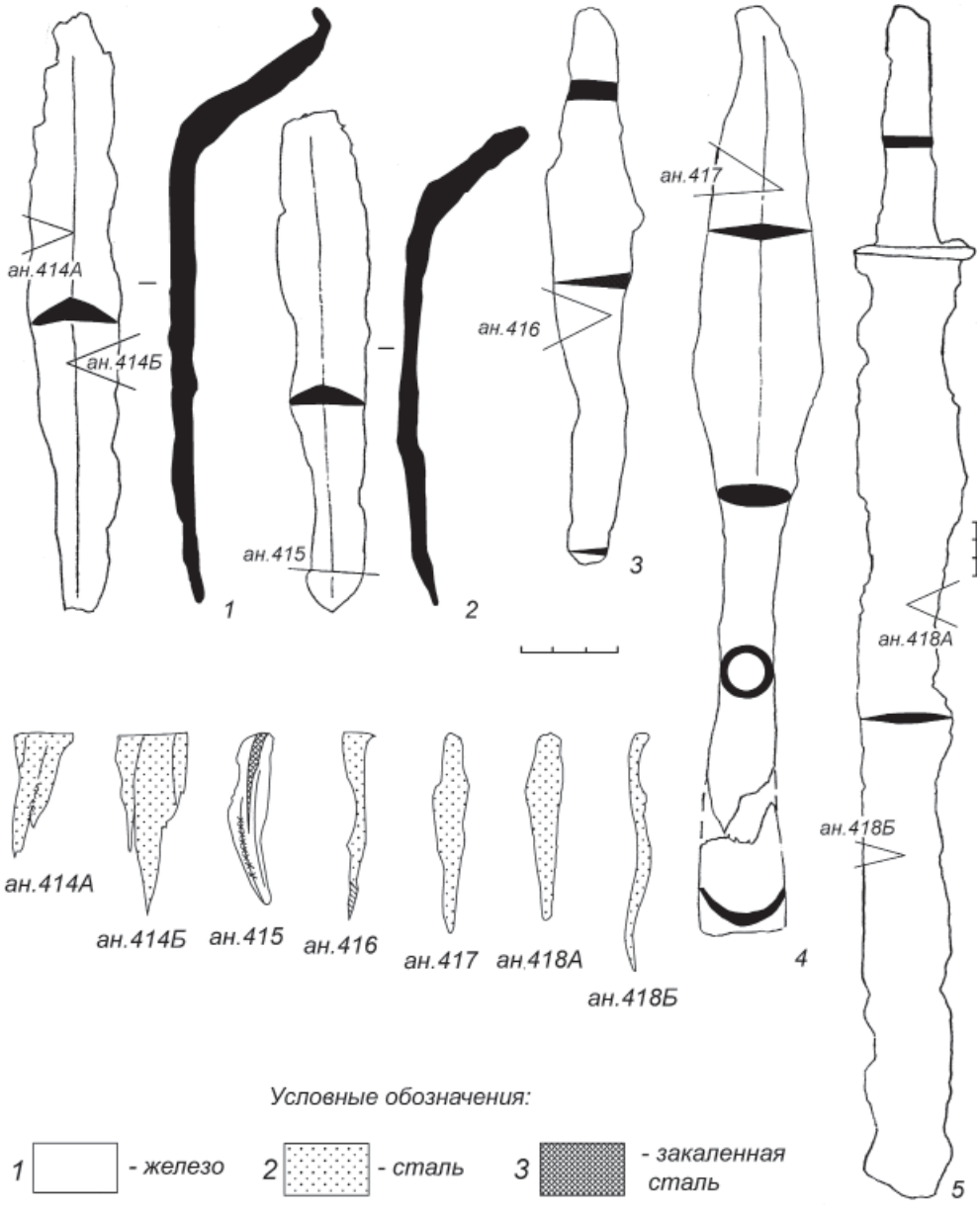


Рис. 5. Кудашевский I могильник. Результаты металлографического анализа.

Fig. 5. Kudash I burial ground. The results of metallographic analysis of items.

180–236 кг/мм^2. Следов сварочного шва не прослеживается, вероятно, мастер использовал прием локальной закалки, который коснулся только лезвия, следовательно, кузнец был опытным и знал свойства клинка с «мягкой», но вязкой основой и твердым лезвием. Архаичный состав металла ножа свидетельствует о том, что он был изготовлен в финно-угорской среде населения.

Наконечник копья (ан.417АБ, шифр 150/26). Шлиф – две третьих ширины пера. Структура наконечника – феррито-перлит (рис. 5: 4). По всей площади шлифа он однороден. Неметаллических включений практически нет, металл был хорошо прокован, шлаки удалены. Микротвердость – 122 кг/мм^2. Технология изготовления наконечника характерна для подобных изделий. Тщательная проковка и освобождение от шлаков делают металл более качественным и, как следствие, более стойким к нагрузкам. В то же время относительно небольшая твердость металла позволяет затачивать лезвия пера без больших проблем, что и необходимо для оружия, предназначенного для борьбы со слабо защищенным противником.

Меч (ан. 418 АБ, шифр 2150/22). Шлифы взяты по обеим сторонам лезвия (рис. 5: 4). Структура металла по образцу однородна – зернистый цементит отмечен по всей поверхности. Подобная структура получается после непродолжительного нагрева металла при температурах 750–780°С и последующем медленном охлаждении. Металл при подобном отжиге приобретает большую вязкость и становится менее твердым (хрупким). Микротвердость – 181–236 кг/мм^2. Меч выкован из тигельного металла.

В первой половине I тыс. н. э. технологии получения тигельной стали применялись в производственных центрах Индии, Ирана (Завьялов, Розанова, Терехова, 2012, с. 83). Подобная структура присуща ряду мечей, найденных в прикамских могильниках эпохи Великого переселения народов. Возможно, такие мечи попадали в Прикамье в результате торговли при посредничестве степных народов или в результате вторжения военных группировок на территорию Прикамья.

По составу металла меч из Кудашевского I могильника близок мечу Тарасовского могильника из погребения 782 (Нагиев, 2008, с. 80; Перевощиков, Малых, 2014, с. 19). Датировка погребения определяется авторами IV–V вв. (Перевощиков, Малых, 2014, с. 19).

В ходе подготовки бронзовых пряжек из погребения к эмиссионно-спектральному анализу (ЭСА) А.Н. Егорьковым (канд. хим. наук, зав. лабораторией археологической технологии ИИМК, г. Санкт Петербург) было сделано заключение о том, что вещи покрыты патиной и не пригодны для анализа. Таким образом, состав металла пряжек исследовать не удалось.

Итак, в комплекс предметов из погребения 160 Кудашевского I могильника входили престижные для военного дела категории инвентаря: железный меч, редкие защитные индивидуальные вещи – шлем и наборный ламеллярный доспех. Комплекс характеризует не только высокий со циальный статус погребенного, но и его профессиональный уровень как

конного воина, который подтверждается наличием меча. Именно эта категория оружия требует от воина специфических навыков владения предметом, в отличие от общедоступных для остального населения ножа и лука. Всаднику в условиях маневренного ближнего боя принципиально важно было иметь металлический меч для рубящего удара (колющая функция меча в данном случае – дополнительная). Наконец, шлем был не только частью защитного обмундирования воина, но и одновременно символом власти и статуса умершего человека (вождя военного отряда).

Дата погребения по изученному вещевому инвентарю – конец IV – начало V в. н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бажан И.А., Гей О.А.* К вопросу о датировке «прикамских» ажурных шлемов // Проблемы хронологии эпохи латена и римского времени / Отв. ред. М.Б. Щукин / Петербургский археологический вестник. Вып. 1. СПб: Ойум, 1992. С. 115–122.
2. *Безуглов С.И.* Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1. / Отв. ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 169–193.
3. *Генинг В.Ф.* Азелинская культура III–V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов / ВАУ. Вып. 5 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск; Ижевск, 1963. С. 5–144.
4. *Генинг В.Ф.* Тураевский могильник V в. н.э. (захоронение военоначальников) // Из археологии Волго-Камья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1976. С. 55–108.
5. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // Материалы и исследования КВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. 499 с.
6. *Голдина Р.Д., Бернц В.А.* Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника // Поволжская археология. № 3 (17). 2016. С. 17–58.
7. *Горбунов В.В.* Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. С. 47–55.
8. *Горбунов В.В.* Панцирь из Татарских могилок (реставрация и реконструкция) // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий / Ред. В.В. Горбунов, А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 62–78.
9. *Горбунов В.В.* Этнокультурные признаки в оформлении железных пластин ламеллярного доспеха // КСИА. Вып. 231. М.: Наука, 2013. С. 78–87.
10. *Железчиков Б.В., Порох В.Н.* Позднесарматские мечи Лебедевки (опыт металлографического анализа) // Хронология памятников Южного Урала / Отв. ред. Б.Б. Агеев. Уфа, 1993. С. 88–92.
11. *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Этнокультурные взаимодействия в эпоху великого переселения народов: археометаллографические данные (по материалам памятников Волго-Камья и Поочья) // РА. 2012. № 1. С. 82–89.
12. *Зыков А.П.* Защитное вооружение Тарасовского могильника (шлемы и доспехи) // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской (с международным участием) научн. конф. / Отв. ред. Е.М. Черных. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2016. С. 223–225.

13. Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск, 2004. 174 с.

14. Казанцева О.А. Кудашевский могильник – новый источник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum: Piliscsaba, 9–14. Редкол.: S. Csucs, N. Falk, V. Puspok (и др.). Piliscsaba, 2011. P. VIII. P. 252–259.

15. Казанцева О.А. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье // Удмуртской археологической экспедиции – 50 лет. / Отв. ред., авт. предисл. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 132–139.

16. Казанцева О.А. Металлические «косы-горбуши» в могильнике Кудашевский I // Вестник Перм. ун-та Серия История. 2017. № 1 (36). С. 74–83.

17. Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 2004 году // Архив ИИКНП УдГУ. Ф. 2. Д. 437. Ижевск, 2004а.

18. Казанцева О.А., Вязников А.М. Погребальные сооружения населения среднего Прикамья (по материалам Кудашевского могильника III–V вв. н. э.) // Вестник УдГУ. Сер. 5: История и филология. Вып. 1. Ижевск, 2012. С. 20–31.

19. Казанцева О.А., Ютина Т.К. Выставка археологических древностей «Сокровища земли Бардымской» // Оборинские чтения. Материалы VI–VII региональных археологических конференции / Отв. ред. Г.Н. Чагин. Пермь, 2006. Вып. IV. С. 158–163.

20. Колчин Б.А. Археология и естественные науки. М.: Наука, 1965. С. 7–127.

21. Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Гляденовское костище. Материалы раскопок 1995–1997 гг. из собрания Пермского областного краеведческого музея: каталог. Вып. 4. Пермь: Пермский областной краеведческий музей, 1999. 58 с., илл.

22. Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону / Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1 / Отв. ред. Ю. К. Гугуев. Ростов-на-Дону: Терра, 2000. С. 194–232.

23. Мошкова М.Г. Два позднесарматских погребения в группе «четыре брата» на нижнем Дону // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова, Ю.А. Краснов, И.Г. Розенфельдт. М.: Наука, 1978. С. 71–77.

24. Нагиев З.Ш. Технология изготовления мечей из могильников Прикамья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез. докл. IV Международной археологической конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2008. С. 80–83.

25. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 327 с.

26. Перевощиков С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии) // Вестник ЧелГУ. 2014. № 22 (351). История. Вып. 61. С. 18–24.

27. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. Saint Petersburg: Нестор–История, 2010. 328 с.

28. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений Скифской эпохи Горного Алтая // Известия лаборатории археологии / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск, 1997. № 2. С. 19–24.

29. Уманский А.П. Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4 / Отв. ред. В.Е. Ларичев. Новосибирск, 1974. С. 136–149.

30. Уманский А.П. Погребение эпохи «великого переселения народов» на р. Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.

31. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 172 с.

Информация об авторах:

Казанцева Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); kazantsevaolga@yandex.ru

Нагиев Заур Шахинович, аспирант, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); kazantsevaolga@yandex.ru

BURIAL OF A MAN-AT-ARMS IN KUDASH I BURIAL GROUND

O.A. Kazantseva, Z.Sh. Nagiev

The article features a comprehensive analysis of items discovered in male burial 160 of Kudash I burial ground – a unique source of materials for the research of interactions between the local and foreign population on the Middle Kama region in 3rd – 5th centuries A.D. The monument is located in Bardymsky district of Perm Krai. The complex of metal objects comprises a set of personal protective armament rarely discovered in the Kama region: an open-work helmet, a set of plate armour, a sword, a spear head, a knife and "crooked scythes". The article contains a description of the grave, its structure, morphology and classification of findings, as well as the results of an investigation of the manufacturing technology of the following armament and implements: sword, spear head, knife, and "crooked scythe" conducted using the metallographic method. It also features a graphical reconstruction of the warriors's protective armament - the helmet. The authors determined counterparts of the grave complex discovered at archaeological sites in the Middle Kama region and the Altai Mountains. The apparel of the man-at-arms represents a unique set of protective and offensive armament. The armour of the deceased is complemented by an open-work ceremonial helmet with an aventail, which suggests that the grave belonged to a military commander. The date of burial was determined on the basis of artefact study results as late 4th – early 5th centuries A.D.

Keywords: archaeology, the Middle Kama region, 3rd – 5th centuries, the Great Migration period, burial ground, funerary rite, armament items, implements, metallographic analysis.

REFERENCES

1. Bazhan, I. A., Gaj, O. A. 1992. In Shchukin, M. B., Gaj, O. A. (eds.). *Problemy khronologii epokhi latena i rimskogo vremeni (Issues of Chronology of La Tène and Roman Period)*. Saint Petersburg: “Oium” Publ., 115–122 (in Russian).

2. Bezuglov, S. I. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: “Terra” Publ., 169–193 (in Russian).

3. Gening, V. F. 1963. In Medvedev A. F. (ed.). *Azelinskaia kul'tura III–V vv. Ocherki istorii Viatskogo kraia v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Azelino Culture of 3rd – 5th Centuries: Essays on History of the Vyatka Area in the Great Migrations)*. Series: Voprosy arkheologii Urala (Issues of Archaeology of Ural) 5. Izhevsk. 5–144 (in Russian).

4. Gening, V. F. 1976. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Iz arkheologii Volgo-Kam'ia (From the Volga-Kama Archaeology)*. Kazan: Institute for Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 55–108 (in Russian).

5. Goldina, R. D., Bernts, V. A. 2010. *Turaevskii I mogil'nik – unikal'nyi pamiatnik epokhi velikogo pereseleniia narodov v Srednem Prikam'e (beskurgannaia chast') (Turaevo I Burial Ground, the Unique Site of the Great Migrations in the Middle Kama Area (the Part without Kurgans)*. Series: Materialy i issledovaniia Kamsko-Viatskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings and Research of the Kama-Vyatka Archaeological Expedition) 17. Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

6. Goldina, R. D., Bernts, V. A., 2016. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 17 (3), 17–58 (in Russian).

7. Gorbunov, V. V. 1999. In Kiriushin, A. A. (ed.). *Itogi izucheniia skifskoi epokhi Altaia i sopredel'nykh territorii (Results of Studying the Scythian Epoch of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University, 47–55 (in Russian).

8. Gorbunov, V. V. 2002. In Gorbunov, V. V., Tishkin, A. A. (eds.). *Materialy po voennoi arkheologii Altaia i sopredel'nykh territorii (Materials on the Military Archaeology of the Altai and the Neighbouring Territories)*. Barnaul: Altai State University Publ., 62–78 (in Russian).

9. Gorbunov, V. V. 2013. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 231. Moscow: "Nauka" Publ., 78–87 (in Russian).

10. Zhelezchikov, B. V., Porokh, V. N. 1993. In Ageev, B. B. (ed.). *Khronologiia pamiatnikov Iuzhnogo Urala (Chronology of the Southern Urals Sites)*. Ufa: Ural Research Center of the Russian Academy of Sciences, 88–92 (in Russian).

11. Zav'ialov, V. I., Rozanova, L. S., Terekhova, N. N. 2012. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 82–89 (in Russian).

12. Zykov, A. P. 2016. In Chernykh, E. M. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Urala: ot pervykh otkrytii k fundamental'nomu nauchnomu znaniiu (XX Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie) (Archaeological Heritage of the Urals: from Original Discoveries to Fundamental Scientific Knowledge (20th Urals Archaeological Congress))*. Izhevsk: Institute of Computer Research, 223–225 (in Russian).

13. Kazantseva, O. A. 2004. *Katalog arkheologicheskikh pamiatnikov Bardymskogo raiona Permskoi oblasti. (Catalogye of the Archaeological Monuments of Bardymsky Disctict of Perm Oblast)*. Izhevsk (in Russian).

14. Kazantseva, O. A. 2011. In Csucs, S., Falk, N., Puspok, V., et al. *Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum.* Piliscsaba, 252–259.

15. Kazantseva, O. A. 2004. In Ivanova, M. G. (ed.). *Udmurtskoi arkheologicheskoi ekspeditsii 50 let (Fifty Years of Archaeological Expedition in Udmurtia)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 132–139 (in Russian).

16. Kazantseva, O. A. 2017. In *Vestnik Permskogo universiteta. Seriia «Istoriia» (Bulletin of the Perm University. History Series)* 36 (1), 74–83 (in Russian).

17. Kazantseva, O. A. 2004a. *Otchet o rabotakh v Bardymskom raione Permskoi oblasti v 2004 godu (Report on Works Conducted in the Bardym Region of Perm Oblast in 2004)*. Izhevsk: Archive of the Institute of History and Culture of Cis-Urals Peoples, Udmurt State University. Fund 2, dossier 437 (in Russian).

18. Kazantseva, O. A., Viaznikov, A.M. 2012. In *Vestnik UdGU. (Bulletin of Udmurt State University. Series 5: Istoriyai i filologia (History and Philology)* 1 (5). Izhevsk, 20–31 (in Russian).

19. Kazantseva, O. A., Iutina, T. K. 2006. In Chagin, G. N. (ed.). *Oborinskie chteniia. Materialy VI–VII regionalnykh arkheologicheskykh konferentsyi (Oborin Readings. Materials of the VI–VII Regional Archaeological Conferences)* IV. Perm, 158–163 (in Russian).

20. Kolchin, B. A. 1965. *Arkheologiia i estestvennye nauki (Archaeology and Natural Sciences)*. Moscow: Nauka Publ., 7–127 (in Russian).

21. Lepikhin, A. N., Mel'nichuk, A. F. 1999. *Gliadenovskoe kostishche. Materialy raskopok 1995-1997 gg. iz sobraniia Permskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeia: katalog (Glyadenovo Kostishche (concentration of bones): materials of 1995-1997 excavations from the collection of the Perm regional museum of local studies. Catalogue)* 4. Perm: Perm Regional Museum of Local Studies (in Russian).

22. Malashev, V. Yu. 2000. In Guguev, Yu. K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (The Sarmatians and Their Neighbors on the Don)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Dona (Materials and Research of the Don Archaeology) I. Rostov-on-Don: "Terra" Publ., 194–232 (in Russian).

23. Moshkova, M. G. 1978. In Kozenkova, V. I., Rozenfel'dt, I. G. (eds.). *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 71–77 (in Russian).

24. Nagiev, Z. Sh. 2000. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of*

I Millennium AD (from the History of Costume)). Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 80–83 (in Russian).

25. Ostanina, T. I. 1997. *Naselenie Srednego Prikam'ia v III—V vv. (The Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

26. Perevoshchikov, S. E., Malykh, O. O. 2014. In *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Bulletin of the Chelyabinsk State University*) 351 (22). *Istoriia* (*History*) 61, 18–24 (in Russian).

27. Simonenko, A. V. 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia (Sarmatian Riders of the Northern Black Sea Region)*. Saint Petersburg: "Nestor-Istoriia" Publ. (in Russian).

28. Tishkin, A. A., Dashkovskii, P. K. 1997. In Soenov, V. I. (ed.). *Izvestiia laboratorii arkheologii (Bulletin of the Archaeology Laboratory)* 2. Gorno-Altaisk, 19–24 (in Russian).

29. Umanskii, A. P. 1974. In Larichev, V. E. (ed.). *Bronzovyi i zheleznyi vek Sibiri (The Bronze and Iron Ages in Siberia)* 4. Novosibirsk, 136–149 (in Russian).

30. Umanskii, A. P. 1978. In Molodin, V. I. (ed.). *Drevnie kul'tury Altaia i Zapadnoi Sibiri (Ancient Cultures of the Altai and Western Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 129–163 (in Russian).

31. Khazanov, A. M. 1971. *Ocherki voennogo dela sarmatov (Essays on Sarmatian Warfare)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Autors:

Kazantseva Olga A. Candidate of Historical Sciences, Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; kazantsevaolga@yandex.ru

Nagiev Zaur Sh. Udmurt State University. Universitetskaya St., 1, building 2, Izhevsk, 426034, the Udmurt Republic, Russian Federation; kazantsevaolga@yandex.ru

Статья поступила в номер 28.04.2017 г.

УДК 902, 903.083 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.91.107

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ОБРАЗА ДРАКОНОВ НА ПЛАСТИНЕ ИЗ ШИЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

© 2017 г. Н.А. Лифанов

Автор анализирует с точки зрения иконографии уникальное изображение двух противостоящих драконов, выгравированное на костяной пластине, найденной в 1992 г. в кургане № 1 могильника Шиловка, расположенном на правом берегу Волги в Ульяновской области (автор раскопок – Р.С. Багаутдинов). Могильник относится к скотоводческому населению конца VII в. Рассматриваются различные гипотезы происхождения образа этих драконов в художественных традициях различных регионов: Китая (А.В. Комар, Д.Г. Савинов, Б. Тотев, О. Пелевина), Средней Азии (В.Г. Котов, В.Е. Флёрова), Индии (Н.А. Фонякова). По мнению автора, четкие иконографические параллели данному образу в этих традициях отсутсвуют. Таковые параллели обнаруживаются в искусстве Средиземноморья, где среди античных изображений различных мифологических существ наличествует образ морского дракона ketos, вошедший впоследствии в христианскую традицию. Облик этого монстра на изображениях первой половины – середины I тысячелетия н.э. практически идентичен драконам из могильника Шиловка. Автор полагает, что некоторое влияние на формирование рассматриваемого образа драконов оказало также иранское искусство.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, VII в. н.э., тюрки, хазары, гравированная пластина, дракон, Средиземноморье, Византия, кетос.

В 1992 г. в кургане № 1 могильника Шиловка (территория Сенгилейского района Ульяновской области на Волжском Правобережье) археологической экспедицией Самарского государственного университета под руководством Р.С. Багаутдинова были обнаружены костяные пластины с уникальными гравированными изображениями на лицевой стороне и косой насечкой для клеевого крепления к основе – на тыльной. Центральное положение на одной из пластин занимают фигуры двух противостоящих друг другу драконов, рядом с каждым из которых изображен прижавшийся к земле заяц. Вся сцена наполнена напряжением и динамизмом (рис. 1: 1).

Существуют как минимум две версии относительно функционального назначения пластин: накладки на луки седла (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 109, с. 156; Багаутдинов, Зубов, 1998, с. 253; Савинов, 2002а, с. 204; он же, 2002б, с. 182) либо украшения обода парадного щита (Путешествие ибн Фадлана, 2016, с. 242, с. 245), а также целый ряд интерпретаций нанесенных на них изображений как иллюстраций неких мифологических сюжетов либо даже реальных исторических событий (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 27–31, с. 104–108; Багаутдинов, Зубов, 1998, с. 256; Котов, 1999, с. 433–434; он же, 2012, с. 45, с. 69; Комар, 2001, с. 28; Савинов, 2002а, с. 212–213; он же, 2002б, с. 186; Фонякова (Чувило), 2012, с. 331–332; она же, 2013а, с. 166, с. 172, с. 174, с. 178; она же, 2013б, с. 203–206). Все они, однако, не выходят за рамки предположений. Следует,

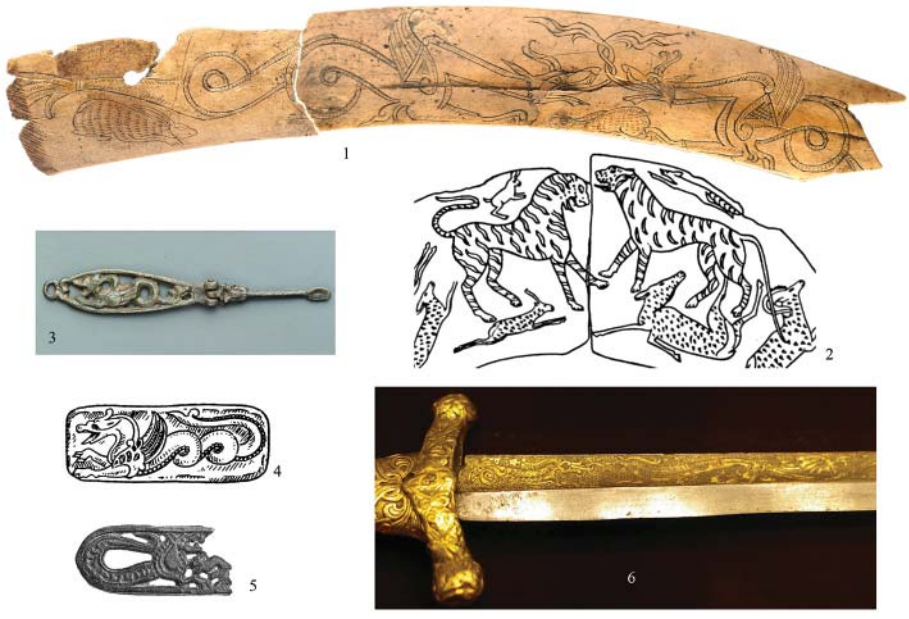


Рис. 1. 1 – пластина из Шиловского могильника (фото П.В. Ломейко); 2 – пластины из могильника Кудыргэ (фрагмент) (по: Гаврилова, 1965); 3 – копоушка из могильника Новинки I (СОИКМ им. Алабина, Самара); 4 – поясной наконечник из Больше-Тиганского могильника (по: Халикова, 1976); 5 – поясной наконечник из г. Разград (по: Тотев, Пелевина, 2007); 6 – «сабля Карла Великого» (Kunsthistorisches Museum, Вена).

Fig. 1. 1 – plate from Shilovka burial mound (photo by P.V. Lomeiko); 2 – plate from Kudirge burial ground (snippet) (by: Gavrilova, 1965); 3 – ear-pocker from Novinki I burial ground (Alabin Museum, Samara); 4 – belt tip from Bolshie Tigany burial ground (by: Chalikowa, 1976); 5 – belt tipfrom Razgrad (by: Totev, Pelevina, 2007); 6 – "sword of Charlemagne" (Kunsthistorisches Museum, Vienna).

очевидно, согласиться с тем, что вряд ли смысловое содержание шиловских композиций может быть на уровне современных знаний раскрыто с исчерпывающей полнотой (Савинов, 2002а, с. 212; 2002б, с. 186).

В целом обнаруженные в Шиловском кургане материалы связываются с притоком на Среднюю Волгу скотоводческого населения раннего Хазарского каганата[1] (Плетнева, 1999, с. 202–203; Комар, 2001, с. 11–13). Различными исследователями уже неоднократно предпринимались попытки уточнить его этнокультурные связи, используя материалы изображений на пластинах и приходя на этом основании к весьма разнообразным выводам. В этом качестве предлагались Центральная Азия, Иран, Согд, а через них связи выводились даже с Индией и Китаем (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 105–109; Багаутдинов, Зубов, 1998, с. 254–256; Котов, 1999,

[1] Аргументы в пользу идеи о принадлежности Шиловского могильника ранним болгарам (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 80, с. 83), несмотря на широкую прокламацию, у ее авторов отсутствуют.

с. 432, с. 438–440; Комар, 2001, с. 26–28; Савинов, 2002а, с. 207–211; он же, 2002б, с. 183–186; он же, 2005, с. 19–20; он же, 2008, с. 188; Флёрова, 2001, с. 83–84).

Происхождению образа драконов в этих исследованиях, конечно, отводилось свое место, однако, менее значительное по сравнению с иными изображенными на пластинах сюжетами. По всей видимости, здесь сыграла свою роль фантастичность его иконографии, принципиальная невозможность сопоставления с явлениями реального мира.

Выполненные, по справедливому замечанию Р.С. Багаутдинова, «рукой большого мастера» образы шиловских драконов (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 27) уникальны по лаконичности и завершенности в сочетании несовместимых, казалось бы, элементов: передняя часть легких поджарых тел животных с длинной шеей и высокой холкой, волчьей/собачьей головой, украшенной изящными рожками, и массивными волчьими же лапами, органично переходит в свернутый кольцами и заканчивающийся кисточкой[2] мощный хвост. Тело драконов покрыто короткой шерстью, переданной художником мелкими насечками по его контуру. Расположенные в области лопаток крылья (слишком маленькие, чтобы счесть их пригодными для полета) в совокупности с лапами составляют характерные для реальных животных две пары конечностей. Фантастические существа на пластине выглядят реалистично, мастер-гравер изображал драконов с максимальным вниманием к деталям[3], с учетом даже их индивидуальных особенностей[4].

Эти обстоятельства – детализация и реализм – представляются крайне важными, они свидетельствуют о долговременной разработке образа, вероятно, в рамках длительно существовавшей иконографической традиции. Это тем более удивительно, поскольку столь же тщательно исполненных аналогичных изображений драконов в достоверно более ранних по отношению к Шиловке[5] кочевни-

[2] Ничем не напоминающей, вопреки утверждению В.Г. Котова (1999, с. 431; 2012, с. 43), плавник рыбы: кисточка покрыта насечками, изображающими шерсть, и отделена от хвоста «перехватом», так же как шея и лапы медведя на другой пластине.

[3] Одной из которых является и их вполне реалистичный размер в сравнении с изображенными рядом зайцами.

[4] Рискну предположить, что изображенный более мелким и изящным дракон справа – самка. В этом случае сама композиция сцены, подчеркнутая сплетением языков, представляется совсем не «космической борьбой» (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 27), а, напротив, возможно, является символом (брачного?) союза. Версию «борьбы» по иным основаниям исключает и Н.А. Фонякова (2012, с. 330; 2013а, с. 170). В этом отношении представляется примечательным полное композиционное сходство «драконьего» сюжета из Шиловки с гравировкой на седельных накладках из могильника Кудыргэ на Горном Алтае (Гаврилова, 1965, с. 24, табл. XV: 12, табл. XVI: 1), где «роли» драконов «исполняют» идентично различающиеся размерами тигр и тигрица, а зайцев – лани (рис. 1: 2).

[5] Датировка комплекса катакомбы первого кургана Шиловского могильника является предметом давней дискуссии (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 154; Гавритухин, 2000, с. 30; Комар, 2001, с. 30; Савинов, 2002а, с. 204; он же, 2002б, с. 182; Лифанов, 2005, с. 36; Комар, 2010, с. 182–183, с. 206; Фонякова (Чувило),

ческих материалах не обнаруживается. Немногочисленные близкие, хотя и не полностью идентичные шиловским, образы встречаются только в синхронных и более поздних памятниках искусства раннесредневековых кочевников Евразийской степи: это прорезной декор на копоушке из п. 2 раскопа 2 Новинковского I могильника[6] (вторая половина VIII в.) (рис. 1: 3) (Сташенков, 2001, рис. 5: 3) и рельефный – на поясном наконечнике из п. 35 Больше-Тиганского могильника (IX в.) (рис. 1: 4) (Халикова, 1976, рис. 11: 17; Chalikow, Chalikowa, 1981, taf. XX: 15c), а также наскальное изображение из Жалтырак-Таша (Тянь-Шань)[7] (рис. 2: 1) (Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987, рис. 9: 3). Близкое сходство с шиловским «драконьим» сюжетом имеет изображение с поясного наконечника из окрестностей г. Разград в Северо-Восточной Болгарии (первая половина VIII в.) (рис. 1: 5) (Тотев, Пелевина, 2007, с. 114, табл. 2: 1–2): на нем, предположительно, также изображены в «геральдическом противостоянии» два дракона, отличающиеся, однако, от шиловских отсутствием петель хвоста и схематизацией крыльев (авторы публикации трактуют их как «гриву»), и заяц у их лап. Два противостоящих бескрылых дракона с переплетенными языками украшают клинок «сабли Карла Великого» (рис. 1: 6), представляющей собой произведение мадьярского и/или древнерусского искусства уже X–XI вв. (Кирпичников, 1965, с. 275; Тотев, Пелевина, 2007, табл. 2: 4). Таким образом, если предшествующая шиловским курганам традиция изображения подобных драконов и существовала, то не в степном регионе Евразии.

Это уже побуждало исследователей к поиску аналогий образу шиловских драконов в регионах с давними и высокоразвитыми школами декоративно-прикладного искусства. При этом всегда подчеркивался синкретизм их изображений.

Так, некоторые исследователи ищут в облике драконов Шиловки змеиные черты, связывающие его с искусством восточных тюрок (Комар, 2001, с. 28; Савинов, 2002а, с. 207; он же, 2002б, с. 183; он же, 2005, с. 19–20), а, по сути, – с китайским (Тотев, Пелевина, 2007, с. 115), откуда образ бескрылого дракона-змея был заимствован тюрками (Войтов, 1996, с. 103, с. 123, с. 125, рис. 49: 2). Крыльями же этот прообраз шиловских драконов якобы «обзавелся» по пути на запад, под влиянием иранской иконографии (Савинов, 2002а, с. 207; 2002б, с. 186).

2013а, с. 166) с разбросом мнений от 40-х гг. VII в. (Д.Г. Савинов, Н.А. Фонякова) до второй четверти VIII в. (А.В. Комар). Автор данной статьи полагает в качестве такой даты конец VII столетия.

[6] По мнению Д.А. Сташенкова, точно такой же декор присутствует и на копоушке из кат. 83 Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры (Сташенков, 2010, с. 84). Не исключено, что это действительно так, хотя качество опубликованного С.А. Плетнёвой рисунка (Плетнёва, 1989, рис. 55: 3) не позволяет однозначно с такой оценкой согласиться.

[7] Достоверно определить дату нанесения этого и близких ему петроглифов не представляется возможным, однако, исследователи отмечают сходство серии этих изображений с обликом драконов средневекового европейского искусства (Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987, с. 75).

Рис. 2. 1–3 – петроглифы Жалтырак-Таша (по: Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987); 4 – роспись Красного зала дворца городища Варахша (ГЭ, С-Петербург); 5 – блюдо из Удмуртии (по: Смирнов, 1909); 6 – чаша из Дагестана (по: Смирнов, 1909).

Fig.2. 1–3 – petroglyphs of Jaltyrac-Tash (by: Sher, Miklashevich, Samashev, Sovetova, 1987); 4 – mural from Red Hall of the Palace of Varakhsha (Hermitage, St. Petersburg); 5 – dish from Udmurt Republic (Smirnov, 1909); 6 – bowl from Dagestan (Smirnov, 1909).

Последнее предположение не может быть признано корректным. С одной стороны, в китайской традиции имеются собственные образы крылатых дракономорфных существ как змеевидных, так и обладающих четырьмя лапами (Кравцова, 2004, с. 384–385, с. 389), однако «промежуточного варианта», напоминавшего бы драконов Шиловки строением тела, насколько известно, не зафиксировано (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 107). С другой стороны, отсутствуют и какие-либо иконографические свидетельства влияния иранского искусства на китайские по облику изображения драконов в тюркской культуре. Притом что вообще это воздействие было, по всей видимости, даже более значительным, нежели китайское (Войтов, 1996, с. 124–125). Оснований для гипотезы о китайских истоках прообраза драконов Шиловки и связи его с изображениями из поминальников тюркских каганов на территории Монголии не обнаруживается.

Предположение о генезисе облика шиловских драконов под влиянием иранской (зороастрийской) культуры выглядит более обоснованным: их крылья действительно изображены в том же художественном стиле, что и крылья персонажей иранского искусства – сэнмурвов (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 28, с. 105).

В.Г. Котов попытался вывести драконов Шиловки из присутствующего в Авесте образа чудовищного змея Ажи-Дахака. Связь между ними прослеживается, однако, не напрямую, а через посредство башкирского эпоса, в котором наличествует описание крылатого змея с двумя лапами и звериной мордой. Облик его, однако, не находит иконографических параллелей в искусстве Ирана, поэтому предлагается считать его сформировавшимся на территории Волго-Уралья под влиянием образа тех же крылатых с павлиньим хвостом псов-сэнмурвов (Котов, 1999, с. 437–439; 2012, с. 52, с. 54).

Впрочем, сэнмурвы – отнюдь не единственные подходящие на эту «роль» персонажи художественной культуры иранских народов. Пожалуй, еще большим числом черт сходства с драконами Шиловки обладает крылатый хищник, изображенный, например, на росписи Красного зала дворца на городище Варахша (Бухарский оазис) (рис. 2: 4), на найденном в Удмуртии блюде, происходящем, вероятно, из Северо-Западного Ирана (рис. 2: 5) и на хорезмийской по происхождению чаше из Дагестана (рис. 2: 6) (все изображения относятся предположительно к VII – первой половине VIII в.) (Смирнов, 1909, табл. XXI, табл. CX: 285; Даркевич, 1976, табл. 1, табл. 25: 6, с. 68, с. 108)[8]. Помимо сходства в расположении и изображении крыльев, его облик близок шиловским драконам длинной гибкой шеей и увенчанной рогами головой. Примечательно также заметное на первом и втором изображениях оформление завитком кончика хвоста, такое же, как у дракона с ременного наконечника из Больших Тиган. Тем не менее строение задней части тела этого персонажа иранской мифологии совершенно иное, а лап у него четыре. Изображения драконов, соответствующих шиловским (как и приведенно-

[8] По всей вероятности, именно он изображен и среди петроглифов Жалтырак-Таша совместно с драконом «шиловского» облика (Шер, Миклашевич, Самашев, Советова, 1987, рис. 9: 1–2) (рис. 2: 2–3).

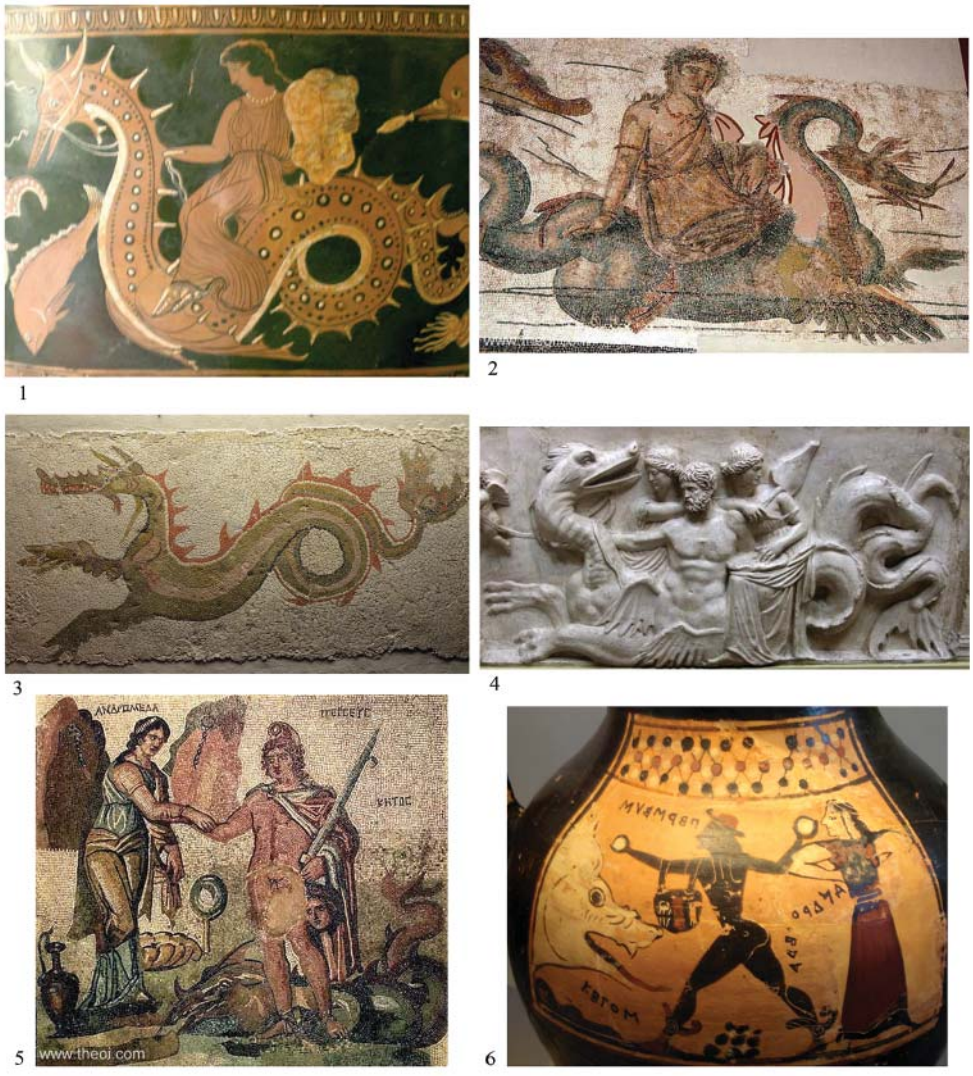


Рис. 3. 1 – греческая ваза (Museo Archeologico Nazionale Jatta, Ruvo di Puglia, Италия); 2 – мозаика, III в. н. э. (Bardo Museum, Тунис); 3 – мозаика, III в. до н. э. (Museum archaeological, Монастераче, Италия); 4 – рельеф «алтаря Гнея Домиция Агенобарба», вт.пол.II в. до н. э. (Glyptothek, Мюнхен); 5 – мозаика из Зеугмы (Museum of Archaeology, Газиантеп, Турция); 6 – коринфская ваза (Altes Museum, Берлин).

Fig. 3. 1 – the Greek vase (Museo Archeologico Nazionale Jatta, Ruvo di Puglia, Italy); 2 – mosaic of the III century AD (Bardo Museum, Tunisia); 3 – mosaic of the III century BC (Archaeological Museum, Monasterace, Italy); 4 – relief of the "Altar of Gnaeus Domitius Ahenobarbus", second half of II century BC (Glyptothek, Munich); 5 – mosaic from Zeugma (Museum of Archaeology, Gaziantep, Turkey); 6 – Corinthian vase (Altes Museum, Berlin).

му выше описанию змея из башкирского эпоса), в искусстве иранских народов (во всяком случае, пока) не зафиксированы.

Как прообраз драконов Шиловки рассматриваются и скульптурные[9] изображения змееподобных существ с головами хищников из материалов раскопок Пянджикента (Флёрова, 2001, с. 83–84), датируемые ориентировочно VI в. Они, в свою очередь, сближаются с образом фантастического существа «макара», распространенного в искусстве Индии и связанных культурно с нею в древности стран (Беленицкий, 1959, с. 66–67, с. 74–75, с. 77, табл. XXXI–XXXII, табл. XXXV). Н.А. Фонякова, основываясь на этом сопоставлении, уже прямо ассоциирует драконов Шиловки с «макарой» (Фонякова (Чувило), 2012, с. 330; 2013а, с. 167–170; 2013б, с. 203–204).

Последнее утверждение не выглядит обоснованным. Так, согласно древнеиндийским письменным и визуальным источникам, «макара» – химерное чудовище огромных размеров, сочетающее элементы водных и земных животных и растений: змеи, слона, льва, козла или барана, крокодила, рыбы, дельфина, лианы, корневища лотоса (Чеснов, 1986, с. 65; Меренкова, 2009, с. 143, с. 146, с. 150; Дмитриев, 2012), ничем не напоминающее ни приводимое Н.А. Фоняковой описание[10], ни гравировки из Шиловки.

Облик драконов, сочетающих длинный извитый хвост с протомой хищника, не раз уже ассоциировался с персонажами античного искусства – гиппокампами (Кирпичников, 1965, с. 270; Флёрова, 2001, с. 83), чей образ был распространен и в искусстве Среднего Востока с эллинистической эпохи (Толстов, 1948, с. 304; Беленицкий, 1978, с. 36; Беленицкий, Мешкерис, 1986, с. 20–21; Treister, 2005, p. 218) и оттуда проник даже в искусство раннесредневекового Китая (Compareti, 2006, p. 195, fig. 10).

Однако гиппокампы – водные существа с передней частью коня – являются лишь одним (хотя, пожалуй, и наиболее распространенным) из подобных мифических персонажей:

[9] Резное изображение «змеевидного существа» на полукруглой доске – дверной притолоке, безоговорочно принятое В.Е. Флёровой (2001, с. 83) в том виде, как оно показано на иллюстрации В.Л. Ворониной, является, однако, не более чем «гипотетической реконструкцией» «обезображенного до неузнаваемости» объекта (Воронина, 1959, с. 123–125). Не исключено, что это лишь широко распространенный в античное и раннесредневековое время орнамент; несколько хронологически близких примеров его бытования у раннесредневековых кочевников встречены в могильниках Кудыргэ (Горный Алтай), Кабиюк (Дунайская Болгария), Котельниково II (Волго-Донское междуречье) (Гаврилова, 1965, с. 23–26, табл. X: 4, табл. XVIII: 24, табл. XX: 35; Рашев, Станилов, Стойчев, 2014, обр. 20: 1, 3, 4, с. 124, с. 127–128; Путешествие ибн Фадлана, 2016, с. 255), а также в памятниках декоративно-прикладного творчества населения Аварского каганата.

[10] Повторяющаяся в ее работах фраза «У драконов «макара» – собачьи морды, козлиные рога на лбу, поднятые вверх крылья и хвост змеи, закрученный двумя кольцами. Длинные языки с пальметтами на концах напоминают лианы, переплетенные в виде цепочки. Хвост также заканчивается пальметкой» (Фонякова (Чувило), 2013а, с. 167–169; 2013б, с. 204) не сопровождается ссылкой на какой-либо источник. Очевидно, что это описание сделано на основе шиловского изображения.

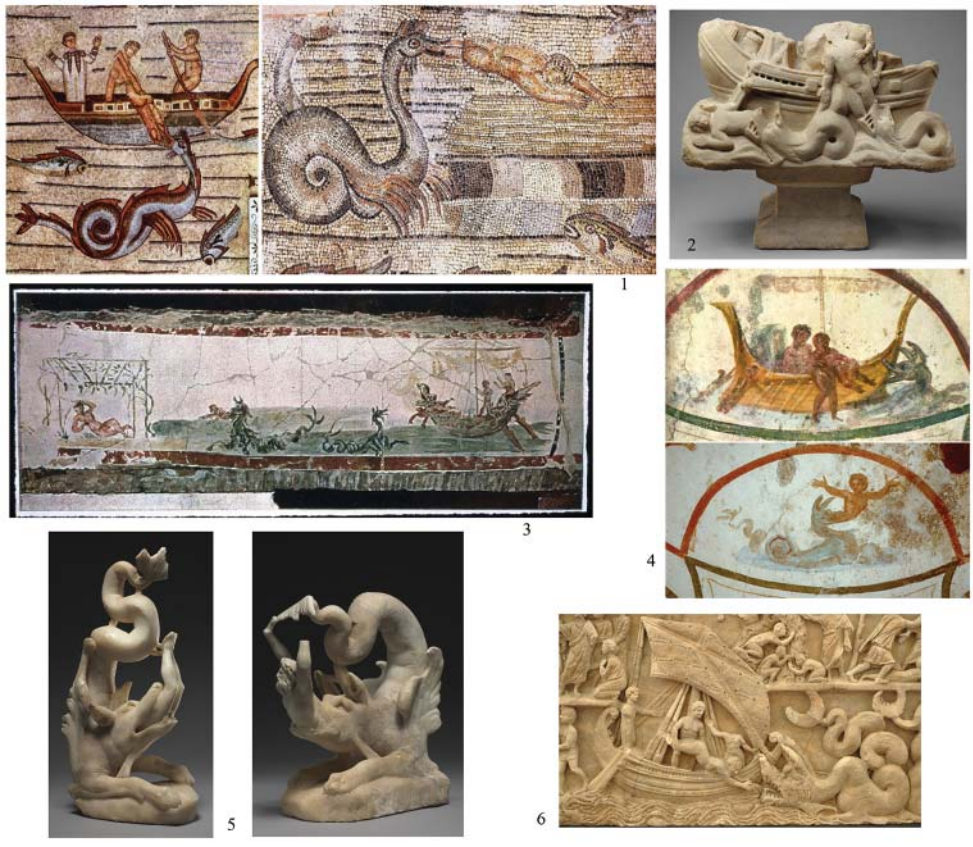


Рис. 4. 1 – мозаика базилики S. Maria-Assunta, IV в. н. э. (Аквилея, Италия); 2 – статуэтка начала IV в. н.э (Metropolitan Museum of Art, Нью-Йорк); 3 – фреска катакомб св. Калликста, II–IV вв. н. э. (Рим); 4 – фрески катакомб свв. Марцеллина и Петра, IV в. н. э. (Рим); 5 – статуэтки, третья четверть III в. н. э. (Museum of Art, Кливленд, США); 6 – саркофаг Ионы, третья четверть III в. н. э. (Museo Pio Cristiano, Ватикан).

Fig. 4. 1 – mosaic of the Basilica S. Maria Assunta, IV century BC (Aquileia, Italy); 2 – statuette, beginning of IV century BC (Metropolitan Museum of Art, New York); 3 – fresco of the catacombs of St. Callixte, II–IV centuries AD (Rome); 4 – frescoes of the catacombs of Sts. Marcellinus and Peter, IV century BC (Rome); 5 – statuettes, third quarter of the III century BC (Museum of Art, Cleveland, USA); 6 – the sarcophagus of Jonah, third quarter of the III century BC (Museo Pio Cristiano, Vatican).

встречаются самые разнообразные, например, с чертами человека, козла, быка или оленя, либо хищного ящера (рис. 3: 1–4).

Последнее существо[11] именуется часто встречаемым в письменных памятниках античной эпохи словом *κῆτος*, переводимым как «огромное морское животное, морское чудовище» (Дворецкий, 1958, с. 944), «sea monster» (Liddell, Scott, 1996, p. 949–950). От греческого «кетос» происходят и латинское «cetus», и русское «кит», применяемое к этому фантастическому животному в отечественной литературе: например, в пересказах мифа о Персее (эпизод со спасением Андромеды[12]) (рис. 3: 5–6).

Образ чудовищного кита не исчез из искусства с закатом античного мира. Термин *κήτους* с прежним значением встречается в греческом переводе Библии в описании истории пророка Ионы (Иона 2: 1–3, 11; Матф. 12: 40). Иллюстрации этого библейского сюжета, происходящие из Средиземноморья и относящиеся к первой половине – середине I тыс. н.э., демонстрируют облик этого монстра. Некоторые его варианты еще напоминают, как и античные образцы, мезозойского ящера (рис. 4: 1–2), но в то же время появляются изображения, на которых «кит» уже обладает протомой псового хищника (рис. 4: 3–6). В деталях изображения, конечно, разнятся[13], однако в целом его облик, характеризующийся массивной головой с вытянутыми челюстями и крупными ушами, двумя мощными лапами, небольшими крыльями (модифицированные плавники) и длинным извитым или свернутым кольцами хвостом с кисточкой, практически идентичен драконам Шиловки[14]. Мастер, изготовивший пластины, отличился лишь замечательным талантом в изображении их «псовой» сущности.

Версия о генезисе образа шиловских драконов из позднеантичного/ранневизантийского искусства, до сего времени a-priori отрицавшаяся (Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998, с. 105; Тотев, Пелевина, 2007, с. 115), на самом деле не выглядит необычной. Группа кочевников, оставившая Шиловский могильник, а также расположенные в относительной близости от него «новинковские» погребальные памятники раннего этапа, прямо или опосредованно контактировала с Империей. Это отразилось в распространении в этой среде византийских по происхождению украшений: использованной в качестве подвески ираклианской монеты, серег и деталей поясных наборов (если и не изготовленных непосредственно в ромейских мастерских, то со знанием дела исполненных подражаний). Приобщение к христианской иконографии предпо-

[11] Его изображения в античное время проникали и в Восточную Европу – см. бляшки из погребений в к. 4 Семибратних Курганов и к. Куль-Оба (Артамонов, 1966, с. 37, с. 65, табл. 121, табл. 256).

[12] В христианской культуре этот сюжет (уже однозначно драконоборческий) возродился в «Житии св. Георгия» («Чудо о змие») и поэме «Дигенис Акрит» (VI, 45–80). Действие во всех случаях происходит у водоема – моря, озера, родника, откуда и появляется чудовище.

[13] Что, собственно, и неизбежно в отношении фантастического существа.

[14] Произведения христианского искусства более позднего времени, посвященные сюжетам с пророком Ионой и св. Георгием Победоносцем, демонстрируют тот же самый, изменяющийся лишь в деталях образ.

лагается для тюркского населения даже куда более далекого от центров этой религии региона – Горного Алтая (Азбелев, 2010, с. 48–51).

Знакомство степняков с образом морского чудовища из христианской мифологии, очевидно, не было глубоким. Изображение драконов на изделиях из Шиловки и Разграда совместно с абсолютно сухопутными существами – зайцами – подчеркивает отсутствие какой-либо ассоциации их с водной стихией; не просматривается такая связь и в остальных перечисленных выше памятниках искусства раннесредневековых кочевников Евразийской степи. По всей вероятности, из иконографии позднеантичного «кетоса» был заимствован лишь внешний облик, в новой культурной среде дополненный деталями иконографии иранских мифологических существ, «вписанный» в композицию «сцены противостояния» по образцу тигров из Кудыргэ[15] и получивший, скорее всего, новое фольклорное содержание.

Шиловские гравировки поистине являются, по меткому выражению Д.Г. Савинова «энциклопедией тюркского мира» (Савинов, 2002а, с. 205), произведениями высокого искусства, маркирующего культуру кочевнической элиты территории бывшего Западного Тюркского каганата и его преемников[16] и вбиравшего в себя различные художественные традиции окружающих цивилизаций. Синкретичный облик шиловских драконов является этому, пожалуй, наиболее наглядной иллюстрацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азбелев П.П.* Кудыргинский сюжет. Saint Petersburg: Изд-во ЛЕМА, 2010. 60 с.
2. *Артамонов М.И.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.: «Артия», «Советский художник», 1966. 120 с.
3. *Багаутдинов Р.С.*, *Богачев А.В.*, *Зубов С.Э.* Праболгары на Средней Волге. У истоков истории татар Волго-Камья. Самара: СамВен, 1998. 286 с.
4. *Багаутдинов Р.С.*, *Зубов С.Э.* Воинский комплекс шиловских костяных пластин // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Saint Petersburg: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1998. С. 253–256.
5. *Беленицкий А.М.* Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и средневековье // Ранние кочевники. КСИА. Вып. 154. М.: Наука, 1978. С. 31–39.
6. *Беленицкий А.М.*, *Мешкерис В.А.* Змеи-драконы в древнем искусстве Средней Азии // СА. 1986. № 3. С. 16–27.
7. *Беленицкий А.М.* Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента / Отв. ред. А.М. Беленицкий, Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1959. С. 11–86.
8. *Войтов В.Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Изд-во Государственного музея Востока, 1996. 152 с.

[15] На среднеазиатские и южносибирские аналогии иным изображениям на шиловских пластинах: медведя, лани, лошадей, воинов – уже не раз указывалось исследователями.

[16] В этом отношении примечательно полное отсутствие драконов, подобных шиловским, в произведениях искусства населения Аварского каганата, несмотря на широкое распространение в этой среде изображений самых разнообразных мифологических существ.

9. Воронина В.Л. Архитектурный орнамент древнего Пянджикента // Скульптура и живопись древнего Пянджикента / Отв. ред. А.М. Беленицкий, Б.Б. Пиотровский. М.: Наука, 1959. С. 87–138.

10. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. М.-Л.: Наука, 1965. 144 с.

11. Гавритухин И.О. К дискуссии о хронологии раннесредневековых древностей Поволжья // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III Международной археологической конференции 14-18 марта 2000 г. / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2000. С. 25–32.

12. Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э.: (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. Вып. 158. М.: Наука, 1979. С. 96–106.

13. Даркевич В.П. Художественный металл Востока в VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 199 с.

14. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.

15. Дигенис Акрит. 1960. М.: Изд-во АН СССР. 1960. 218 с.

16. Дмитриев С. Хоботные драконы Южной Азии. 2012. URL: http://indonet.ru/Statya/HOBOTNYE-DRAKONY-YUZHNOy-AZII (дата обращения: 24.04.2017).

17. Кирпичников А.Н. Так называемая сабля Карла Великого // СА. 1965. № 2. С. 268–276.

18. Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. С. 11–44.

19. Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия) / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Офорт, 2010. С. 169–206.

20. Котов В.Г. Башкирский эпос «Алдар и Зухра»: историко-археологические реалии эпохи раннего средневековья // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.) / Отв. ред. Ф.Г. Хисаметдинова, А.В. Псянчин, В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 41–69.

21. Котов В.Г. Об одной археологической иллюстрации к башкирскому эпосу «Алдар и Зухра» // Stratum plus. 1999. № 5. С. 431–444.

22. Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая: Учебное пособие. Saint Petersburg: Лань; ТРИАДА, 2004. 960 с.

23. Лифанов Н.А. К вопросам периодизации и хронологии памятников новинковского типа // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4 / Отв. ред. А.В. Евглевский. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2005. С. 25–40.

24. Меренкова О.Н. Образ макары и водное пространство в индийской культуре // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии / Отв. ред. М.А. Родионов. Saint Petersburg: МАЭ РАН, 2009. С. 143–150.

25. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.

26. Плетнева С.А. Очерки хазарской археологии. Москва; Иерусалим: Гешарим / Мосты культуры, 1999. 280 с.

27. Путешествие ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 560 с.

28. Рашев Р., Станилов С., Стойчев С. Кабиюк. Ранносредневековен могилен комплекс. София: Класика и Стил, 2014. 240 с.

29. Савинов Д.Г. «Энциклопедия» тюркского мира // Лев Николаевич Гумилев. Теория этногенеза и исторические судьбы Евразии. Материалы конференции. Т. I / Отв. ред. Ю.Ю. Шевченко. Saint Petersburg: Европейский дом, 2002а. С. 203–217.

30. Савинов Д.Г. Восточные мотивы в изображениях Шиловских пластин (к истории формирования древнетюркской изобразительной традиции) // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвящённый 70-летию Я.А. Шера / Науч. ред. В.В. Бобров. Новосибирск, 2002б. С. 182–187.

31. Савинов Д.Г. Парадные сёдла с геральдическими изображениями животных // Археология Южной Сибири. Вып. 23. Сборник научных трудов, посвящённый 60-летию со дня рождения В.В.Боброва / Отв. ред. Л.Ю. Китова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 19–24.

32. Савинов Д.Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Материалы XIV Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции / Под ред. В.И. Молодина и др. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 185–190.

33. Смирнов Я.И. Восточное серебро. Атласъ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія, найденной преимущественно в пределах Россійской Имперіи. С.-Петербургъ, 1909. 153 с.

34. Сташенков Д.А. Ещё раз об образе дракона в искусстве раннесредневекового населения Поволжья // Ювелирное искусство и материальная культура: тезисы докладов участников восемнадцатого коллоквиума (19–23 апреля 2010). / Сост. Н.А. Захарова. Saint Petersburg: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2010. С. 82–84.

35. Сташенков Д.А. Половозрастная стратификация новинковского населения (по материалам украшений костюма) // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Том. 2 / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: Самарский историко-краеведческий музей, 2001. С. 141–165.

36. Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: МГУ, 1948. 433 с.

37. Тотев Б., Пелевина О. Борба между животни в коланната металопластика от езическия период на дунавските болгари // Изследования по българска средновековна археология. Сборник в чест на проф. Рашо Рашев / Отв. ред. Павел Георгиев. В.Търново: «Фабер», 2007. С. 111–124.

38. Флёрова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII веков: о происхождении накладок седла из Шиловского кургана // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15. Средневековые древности Евразийских степей / Отв. редакторы: А.З. Винников, Т.И. Макарова, М.В. Цыбин. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. С. 82–86.

39. Фонякова (*Чувило*) *Н.А.* Загадка шиловских пластин // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Кн.1. СПб: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 330–333.

40. Фонякова (*Чувило*) *Н.А.* Загадки шиловских пластин // Филология и культура. 2013б. № 1(31). С. 203–208.

41. Фонякова (*Чувило*) *Н.А.* К семантике шиловских пластин // Поволжская археология. 2013а. № 1(3). С. 166–180.

42. Халикова Е.А. Больше-Тиганский могильник // СА. 1976. № 2. С. 158–178.

43. Чеснов Я.В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии / Отв. ред. Н.Л. Жуковская. М.: Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 59–72.

44. Шер Я.А., Миклашевич Е.А., Самашев З.С., Советова О.С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987. С. 70–78.

45. Chalikow A.H., Chalikowa E.A. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 c.

46. Compareti M. The So-Called Senmurv in Iranian Art: A Reconsideration of an Old Theory // Loquentes linguis. Studi linguistici e orientali in onore di Fabrizio A.Pennacchietti (Linguistic and Oriental Studies in Honour of Fabrizio A.Pennacchietti). Wiesbaden, 2006. Ed. by P.G. Borbone, A. Mengozzi, M. Tosco. C. 189–204.

47. Liddell H.G., Scott R. A Greek-English lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2438 c.

48. Treister M.Yu. On a vessel with figured friezes from a private collection, on burials in Kosika and once more on the «Ampsalakos school» // Ancient civilizations from Scythia to Siberia: an international journal of comparative studies in history and archaeology. [Leiden]. Volume XI/3-4. 2005. C. 199–255.

Информация об авторе:

Лифанов Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник. Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (г. Самара, Россия); liphanov@gmail.com

ON THE ORIGIN OF THE DRAGON IMAGE ON THE PLATE FROM SHILOVKA BURIAL MOUND

N.A. Liphanov

The author of the article analyzes an unique image of two opposed dragons engraved on a bone plate discovered in 1992 at barrow No.1 of Shilovka burial mound located on the right bank of the Volga river in Ulyanovsk Oblast (the excavations were conducted by R.S. Bagautdinov). The burial mound is related to the cattle breeding population of late 7th century. The article considers different hypotheses concerning the origin of these dragon images in the artistic traditions of various regions: China (A.V. Komar, D.G. Savinov, B. Totev, Pelevina), Central Asia (V.G. Kotov, V.E. Flyorova), India (N.A. Fonyakova). According to the author, this image has no apparent iconographic parallels in the traditions of these regions. Such analogues are found in the art of the Mediterranean where the ancient images of various mythological creatures exist alongside the image of the sea dragon "ketos" which later became part of the Christian tradition. The appearance of this monster in the images of the first half – middle of the 1st millennium A.D. is practically identical to the dragons from Shilovka burial mound. According to the author, certain impact on the formation of the considered dragon image was made by Iranian art.

Keywords: archaeology, the Middle Volga region, 7th century A.D., the Turks, the Khazars, engraved plate, dragon, the Mediterranean, The Byzantine Empire, ketos.

REFERENCES

1. Azbelev, P. P. 2010. *Kudyrginskii siuzhet (Kugyrge Narrative)*. Saint Petersburg: "LEMA" Publ. (in Russian).

2. Artamonov, M. I. 1966. *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha (Treasures from Scythian Burial Mounds in the Collection of the State Hermitage Museum)*. Prague; Leningrad: "Artiia"; "Sovetskii khudozhnik" Publ. (in Russian).

3. Bagautdinov, R. S., Bogachev A.V., et al. 1998. *Prabolgary na Srednei Volge. U istokov istorii tatar Volgo-Kam'ia (Pra-Bolgars in the Middle Volga Region. At the Origins of Tatar History)*. Samara: "SamVen" Publ. (in Russian).

4. Bagautdinov, R. S., Zubov, S. E. 1998. In *Voennaia arkheologiia. Oruzhie i voennoe delo v istoricheskoi i sotsial'noi perspective (Military Archaeology. Armament and Military Art in the Historical and Social Perspective)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 253–256 (in Russian).

5. Belenitskii, A. M. 1978. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 154. Moscow: "Nauka" Publ., 31–39 (in Russian).

6. Belenitskii, A. M., Meshkeris, V. A. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 16–27 (in Russian).

7. Belenitskii, A. M. 1959. In Belenitskii, A. M., Piotrovskii, B. B. (eds.). *Skul'ptura i zhivopis' drevnego Piandzhikenta (Sculpture and Painting of Ancient Panjakent)*. Moscow: "Nauka" Publ., 11–86 (in Russian).

8. Voitov, V. E. 1996. *Drevnetiurkskii panteon i model' mirozdaniia v kul'tovopominal'nykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv. (Antient Turkic Panteon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia)*. Moscow: The State Museum of Oriental Art (in Russian).

9. Voronina, V. L. 1959. In Belenitskii, A. M., Piotrovskii, B. B. (eds.). *Skul'ptura i zhivopis' drevnego Piandzhikenta (Sculpture and Painting of Ancient Panjakent)*. Moscow: "Nauka" Publ., 87–138 (in Russian).

10. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen (Kudyrge Burial Mound as Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow; Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

11. Gavritukhin, I. O. 2000. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 44–51 (in Russian).

12. Gening, V. F. 1979. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 158. Moscow: "Nauka" Publ., 96–106 (in Russian).

13. Darkevich, V. P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

14. Dvoretskii, I. Kh. 1958. *Drevnegrechesko-russkii slovar' (Ancient Greek-Russian Dictionary)*. Moscow: "Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei" Publ. (in Russian).

15. 15. Digenis Akrit (Digenes Akritas). 1960. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ. (in Russian).

16. Dmitriev, S. 2012. *Khobotnye drakony Iuzhnoi Azii (Trunked Dragons of South Asia)*. Available at: http://indonet.ru/Statya/HOBOTNYE-DRAKONY-YUZHNOy-AZII (accessed 24.04.2017) (in Russian).

17. Kirpichnikov, A. N. 1965. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 85–97 (in Russian).

18. Komar, A. V. 2001. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 2. Donetsk: Donetsk National University, 11–44 (in Russian).

19. Komar, A. V. 2010. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD)*. Samara: Ofort Publ., 169–206 (in Russian).

20. Kotov, V. 2012. In Khisametdinova, F. G., Psianchin, A. V., Ovsiannikov, V. V. (eds.). *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevneishikh vremen do serediny XVI v.) (Documents and Materials on the History of the Baskir People (Since Ancient Times to the Mid-16th Century))*. Ufa: Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center, Institute of History, Language, and Literature, 41–69 (in Russian).

21. Kotov, V. G. 1999. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 431–444 (in Russian).

22. Kravtsova, M. E. 2004. *Mirovaia khudozhestvennaia kul'tura. Istoriia iskusstva Kitaia: Uchebnoe posobie (World Artistic Culture. The History of Chinese Art: Educational book)*. Saint Petersburg: "Lan'"; "TRIADA" Publ. (in Russian).

23. Lifanov, N. A. 2005. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)*. Donetsk: Donetsk National University, 25–40 (in Russian).

24. Merenkova, O. N. 2009. In Rodionov, M. A. (ed.). *Aziatskii bestiarii: Obrazy zhivotnykh v traditsiiakh Iuzhnoi, Iugo-Zapadnoi i Tsentral'noi Azii (Asian Bestiary: Images of Animals in the*

Traditions of South, South-Eastern and Central Asia). Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 143–150 (in Russian).

25. Pletneva, S. A. 1989. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkheologicheskii kompleks (In the Slavic-Khazar Borderlands. Dmitriev Archaeological Complex)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

26. Pletneva, S. A. 1999. *Ocherki khazarskoi arkheologii (Essays on Khazar Archaeology)*. Moskva; Jerusalem: "Gesharim"; "Mosty kul'tury" Publ. (in Russian).

27. 27. Puteshestvie ibn Fadlana: Volzhskii put' ot Bagdada do Bulgara (The Journey of Ibn Fadlan: the Volga Route from Baghdad to Bolgar). 2016. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ. (in Russian).

28. Rashev, R., Stanilov, S., Stoichev, S. 2014. *Kabiiuk. Rannosrednevekoven mogilen kompleks (Kabiyuk. Early Medieval Burial Complex)*. Sophia: "Klasika i Stil" Publ. (in Russian).

29. Savinov, D. G. 2002a. In Shevchenko, Yu. Yu. (ed.). *Lev Nikolaevich Gumilev. Teoriia etnogeneza i istoricheskie sud'by Evrazii (Lev Nikolaevich Gumilev. Ethnogenesis Theory and the Historical Fates of Eurasia)*. Saint Petersburg: "Evropeiskii dom" Publ., 203–217 (in Russian).

30. Savinov, D. G. 2002b. In Bobrov, V. V. (ed.). *Pervobytnaia arkheologiia. Chelovek i iskusstvo (Primeval Archaeology. Man and Art)*. Novosibirsk, 182–187 (in Russian).

31. Savinov, D. G. 2005. In Kitova, L. Yu. (ed.). *Arkheologiia Iuzhnoi Sibiri (Archaeology of South Siberia)* 23. Kemerovo: "Kuzbassvuzizdat" Publ., 19–24 (in Russian).

32. Savinov, D. G. 2008. In Molodin, V. I., et al. (eds.). *Vremia i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniiakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii (Time and Culture in Archaeological Studies of Ancient and Contemporary Societies of West Siberia and the Adjoining Territories: Issues of Interpretation and Reconstruction)*. Tomsk: "Agraf-Press" Publ., 185–190 (in Russian).

33. Smirnov, Ya. I. 1090. *Vostochnoe serebro. Atlas' drevnei serebrianoi i zolotoi posudy vostochnago proiskhozhdeniia, naidennoi preimushchestvenno v predelakh Rossiiskoi Imperii (Oriental Silver. Atlas of Ancient Silver and Gold Dishware of Oriental Origin Generally Discovered within the Russian Empire)*. Saint-Peterburg, 1909 (in Russian).

34. Stashenkov, D. A. 2010. In Zakharova, N. A. (comp.). *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jewellery Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 82–84 (in Russian).

35. Stashenkov, D. A. 2001. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul'tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))* 2. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin, 141–65 (in Russian).

36. Tolstov, S. P. 1948. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniia (Ancient Khwarezm. Experience of Historical and Archaeological Research)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).

37. Totev, B., Pelevina, O. 2007. In Pavel Georgiev (ed.). *Izsledovaniia po b"lgarska srednovekovna arkheologiia (Studies on Bolgar Medieval Archaeology)*. Veliko Tarnovo: "Faber" Publ., 111–124 (in Russian).

38. Flerova, V. E. 2001. In Vinnikov, A. Z., Makarova, T. I., Tsybin, M. V. (eds.). *Arkheologiia Vostochnoevropeiskoi lesostepi (Archaeology of East-European Forest-Steppe Regions)* 15. Voronezh: Voronezh State University, 82–86 (in Russian).

39. Foniakova (Chuvilo), N. A. 2012. In *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiiami (Cultures of Steppe Eurasia and Their Interactions with Ancient Civilizations)* 1. Saint Peterburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences; "Periferiia" Publ., 330–333 (in Russian).

40. Fonyakova (Chuvilo), N. A. 2013. In *Filologiia i kul'tura (Philology and Culture)* (1), 203–208 (in Russian).

41. Fonyakova (Chuvilo), N. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 166–180 (in Russian).

42. Khalikova, E. A. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 158– 178 (in Russian).

43. Chesnov, Ya. V. 1986. In Zhukovskaia, N. L. (ed.). *Mify, kul'ty, obriady narodov zarubezhnoi Azii (Myths, Cults and Rites of Foreign Asian Peoples)*. Moscow: "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ., 59–72 (in Russian).

44. Sher, Ya. A., Miklashevich, E. A., et al. 1987. In Martynov, A. I. (ed.). *Problemy arkheologicheskikh kul'tur stepei Evrazii (Issues of the Archaeological Cultures of Eurasian Steppes)*. Kemerovo: Kemerovo State University, 70–78 (in Russian).

45. Chalikow A.H., *Chalikowa E.A*. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1981. 132 c.

46. Compareti M. The So-Called Senmurv in Iranian Art: A Reconsideration of an Old Theory // Loquentes linguis. Studi linguistici e orientali in onore di Fabrizio A.Pennacchietti (Linguistic and Oriental Studies in Honour of Fabrizio A.Pennacchietti). Wiesbaden, 2006. Ed. by P.G. Borbone, A. Mengozzi, M. Tosco. C. 189–204.

47. Liddell H.G., *Scott R*. A Greek-English lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2438 c.

48. Treister M.Yu. On a vessel with figured friezes from a private collection, on burials in Kosika and once more on the «Ampsalakos school» // Ancient civilizations from Scythia to Siberia: an international journal of comparative studies in history and archaeology. [Leiden]. Volume XI/3-4. 2005. C. 199–255.

About the Author:

Liphanov Nicolay A. Candidate of Historical Sciences, Samara National Research University. Moskovskoye shosse, 34, Samara, 443086, Russian Federation; liphanov@gmail.com

Статья поступила в номер 31.03.2017 г.

УДК 902.01 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.108.126

ИССЛЕДОВАНИЯ ВАЛА ГОРОДИЩА БАЛЫМЕРСКИЙ «ШОЛОМ» В 2014 Г.

© 2017 г. А.А. Чижевский, А.А. Хисяметдинова, Л.А. Вязов, Ю.А. Салова

В статье рассмотрены результаты комплексного археолого-геоморфологического исследования обнажений оборонительных сооружений городища Шолом, известного как поселение эпохи раннего железного века (ананьинская культурно-историческая область) и раннего средневековья (именьковская культура). В результате проведения полевых археологических работ удалось установить, что строительство вала и рва произошло только в I тыс. н.э., причем строительству укреплений предшествовал длительный период существования неукрепленного поселения. Авторы делят строительство оборонительных сооружений городища на три этапа, которые отчетливо выделяются в теле вала по отличиям в структуре насыпных грунтов и конструктивным элементам насыпи. Каждая достройка вала сопровождалась строительством нового рва или ям, использовавшихся при строительстве, что также подтверждает трёхчленное строение вала. Между строительством раннего и среднего валов был значительный перерыв, о чём свидетельствуют расплывшаяся форма нижнего вала и резкая отчётливая граница его кровли. Вещевой комплекс из зачистки вала позволяет авторам определить время существования памятника в рамках IV–VII вв. н.э. и связан с населением именьковской археологической культуры.

Ключевые слова: археология, поселение, ранний железный век, городище, раннее средневековье, именьковская культура, стратиграфия, оборонительные сооружения

Балымерское городище «Шолом» (Шелом) расположено на останце мыса размерами 50×30–50 м второй надпойменной террасы р. Волга на левобережье Куйбышевского водохранилища в центральной части с. Балымеры Спасского района Республики Татарстан (рис. 1). Согласно данным архивных источников и археологической карты, в разные годы на городище находили артефакты, относящиеся к ананьинской культурно-исторической области (КИО) и именьковской культуре (Археологическая, 1986, с. 26, № 106), в связи с этим памятник представляет значительный интерес для исследователей как раннего железного века, так и эпохи великого переселения народов.

Окрестности городища «Шолом» богаты памятниками ананьинской КИО, в непосредственной близости от него, располагается неукрепленное поселение на месте Балымерского I городища; к юго-востоку, на левобережье Волги, на расстоянии 3–6 км известны Полянский II могильник, Маклашеевское II городище, Гулькинские стоянка и могильник; к северу в 10–15 км – Новомордовский комплекс памятников и Ржавецкое городище[1];

[1] По итогам разведки В.В. Морозова было доказано, что данный памятник является неукрепленным поселением, на котором в позднейшее время были построены длинные валы, являющиеся частью засечной черты (Морозов, 2015, с. 10).

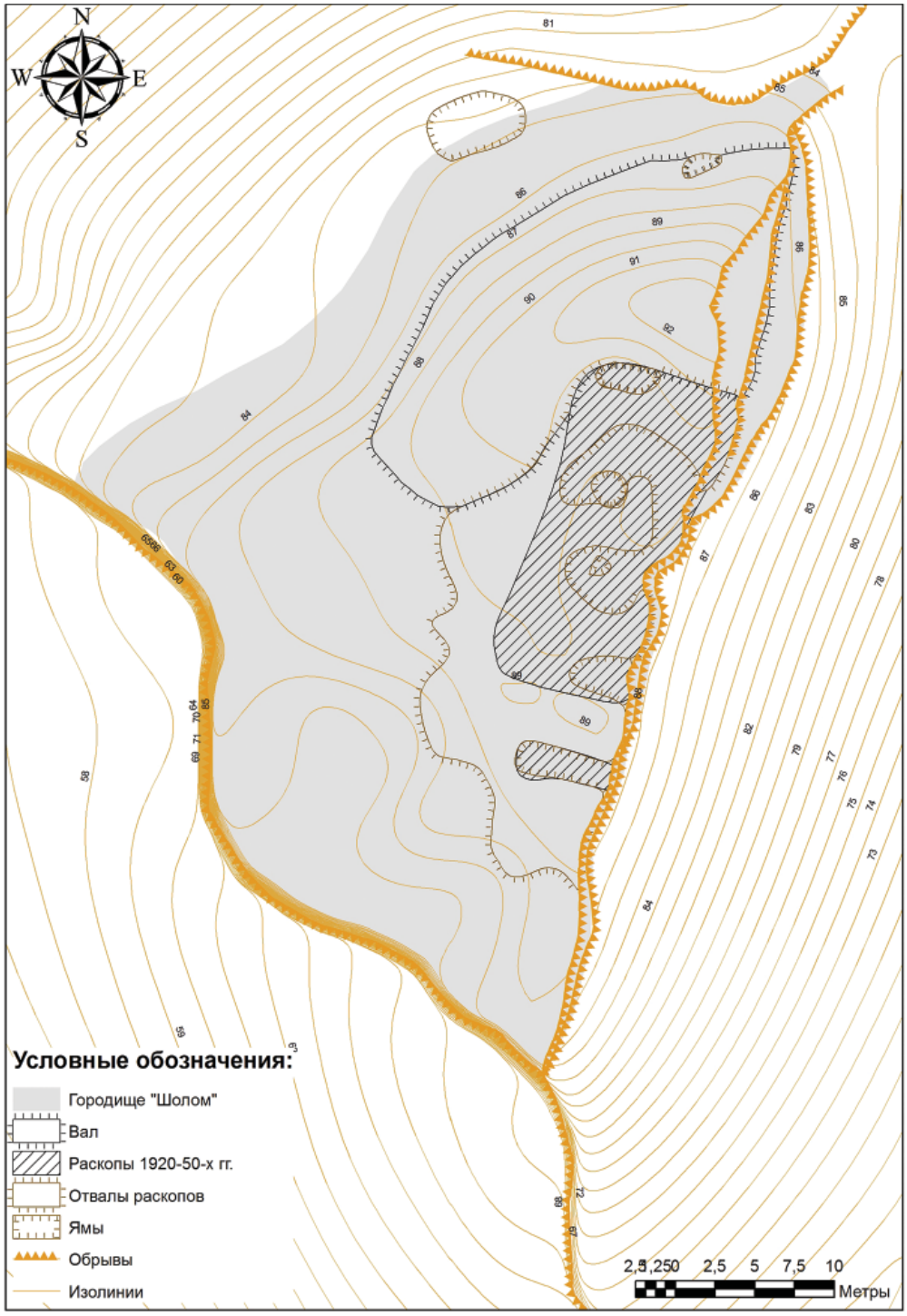


Рис. 1. План городища «Шолом».
Fig. 1. Layout of Sholom hill-fort.

в 10 км к северо-западу на правом берегу Волги выявлены поселение «Зольное», Тетюшское II городище и Тетюшский I могильник.

Городище входит в состав обширной именьковской агломерации на юге Республики Татарстан, которая насчитывает не менее девяти групп памятников, сосредоточенных по правому и левому берегам Волги (рис. 2). Группы памятников расположены цепочкой вдоль края террасы и отстоят друг от друга на 5–10 км. География их расположения, по всей видимости, отражает картину заселения территории в древности, когда именьковским населением были освоены только отдельные участки края террасы, приуроченные к старицам и пойменным озерам р. Волги (Балымерская, Урнякская и Волостниковская группы) или долинам небольших рек, впадающих в р. Волгу (Болгарская группа – на р. Меленка, Старомайнская группа – на р. Майна, Маклашеевская группа – на р. Утке).

Непосредственно в состав Балымерской группы памятников, помимо городища, входят шесть неукрепленных поселений. Раскопками изучено только селище, выявленное при исследованиях Балымерского I городища эпохи средневековья (Ефимова, 1962, с. 26–33). Все остальные известны по данным разведок. Как правило, селища располагаются на краю террасы на мысах, образованных разрезающими ее глубокими оврагами.

Первые упоминания о городище «Шелом» появляются в печати в 1859 г. (Шпилевский, 1877, с. 308), но топографический план был снят только в 1898 г. А.А. Спицыным, им же проведены первые раскопки (14 шагов × 1 аршин – 1 сажень) на поселенческой площадке данного памятника (Спицын, 1916, с. 80–81). Работы на городище «Шолом»[2] продолжил В.Ф. Смолин, в 1925 г. им были заложены четыре траншеи 7,5×2 м (Смолин, 1926). Самые крупные раскопки городища были осуществлены в 1954 г. Б.Б. Жиромским, который организовал исследования на площади 260 кв. м. (Жиромский, 1958).

Последующие работы на памятнике ограничивались визуальным осмотром и топосъемкой. В 1955 г. А.М. Ефимова, работая на Балымерском I городище, сняла схематичный топографический план местности, на котором в том числе было указано и местоположение городища «Шолом» (Ефимова, 1962, с. 26). В 1961 г. городище было осмотрено отрядом Е.А. Халиковой, причем топографический план памятника не снимался (Халикова, 1961, с. 16, 17). В 1996 г. Балымерское городище было осмотрено К.А. Руденко, который снял новый топографический план памятника (Руденко, 2004).

Исключением в этом ряду выглядят работы П.Н. Старостина (1962–1964 гг.), который помимо того, что снял качественный топографический план городища, произвел зачистку обнажения вала (Старостин, 1965).

Постановлением №591 совета министров Татарской АССР от 30 октября 1959 г. объект археологического наследия «Курган Шолом» (Балымерское городище «Шолом»), в числе других памятников археологии, был поставлен на государственную охрану. Несмотря на то что в исследовательской литературе с конца XIX в.

[2] В.Ф. Смолин, по-видимому, первым стал называть городище не «Шелом» как его называли ранее, а «Шолом».

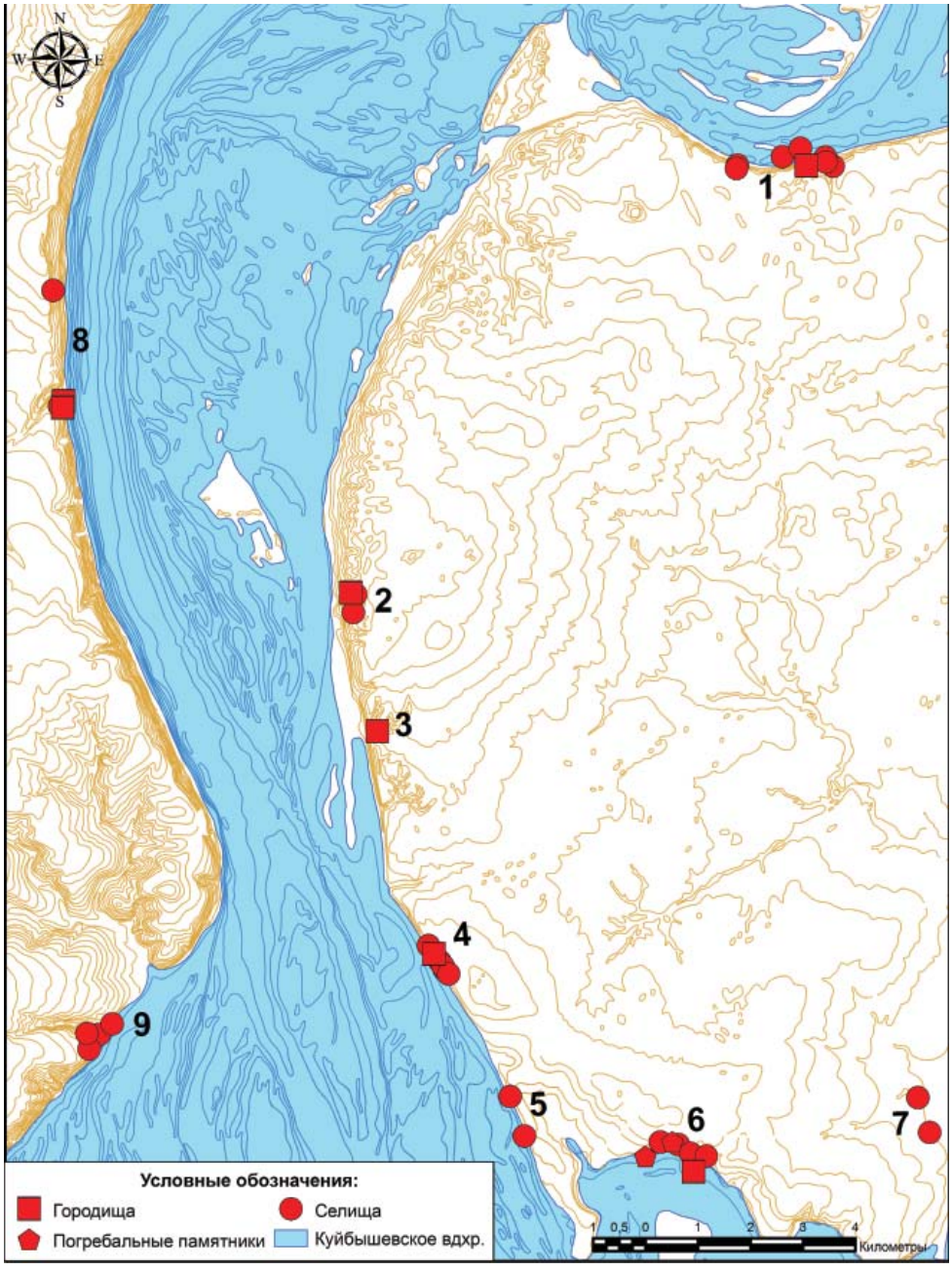


Рис. 2. Агломерация памятников именьковской культуры в прибрежной зоне Куйбышевского водохранилища Спасского и Тетюшского районов Республики Татарстан. 1 – Болгарская группа памятников, 2 – Урнякская группа, 3 – Балымерское II городище, 4 – Балымерская группа, 5 – Полянская группа, 6 – Маклашеевская группа, 7 – Танкеевская группа, 8 – Тетюшская группа, 9 – Юматихинская группа.

Fig. 2. Agglomeration of the sites belonging to the Imenkovo culture in the coastal area of Kuibyshev reservoir in Spassky and Tetyushsky Districts of the Tatarstan Republic. 1 – Bolgar group of sites, 2 – Urnyak group, 3 – Balymery II hill-fort, 4 – Balymery group, 5 – Polyanka group, 6 – Maklasheevka group, 7 – Tankeevka group, 8 – Tetyushi group, 9 – Yumatikha group.

памятник рассматривается как городище (укрепленное поселение), в его названии в данном документе нашли отражение легенды местного населения (Шпилевский, 1877, с. 308), связывавшие сооружение этого объекта с укрытием сокровищ или погребением древнего правителя.

В 2014 г. исследования на памятнике были продолжены экспедицией ИА АН РТ. Судя по современным данным, городище располагается на высоте около 30 м относительно уреза воды Куйбышевского водохранилища (при НПУ 53,4 м) (рис. 3). По отношению к основной террасе оно размещено в понижении, так как поверхность террасы находится на высоте 35–37 м. В результате этого явления площадка городища не видна со стороны с. Балымеры, в то время как вал, высота которого в настоящее время составляет 7,3 м, возвышается над поверхностью террасы в виде купола. Из-за такой формы местные жители дали ему меткое название «Шолом», что означает шлем. В геоморфологическом отношении линейное понижение на поверхности террасы является пологосклонной балкой (логом), которая была расчленена двумя более молодыми оврагами.

Сохранившаяся к настоящему времени часть площадки городища трапециевидной в плане формы (37×37×40 м) имеет общий пологий уклон (7–8˚) в сторону водохранилища и заключена между двумя глубокими крутосклонными оврагами. С южной стороны, мысовая площадка срезается обрывистым склоном, основание которого подмывается водами Куйбышевского водохранилища. От основной террасы мыс отделён седловиной в месте максимального сближения верховьев обрамляющих городище оврагов (рис. 3). По всему периметру мысовая площадка подвергается разрушению, наиболее активному со стороны водохранилища.

Анализ публикаций, посвященных более чем 100-летним исследованиям на городище, показывает, что к настоящему времени сохранилась только северо-западная часть площадки, составляющая примерно треть от изначальной площади городища. Период наиболее интенсивного разрушения памятника пришелся на первую половину XX в. – между 1898 и 1962 гг. Со второй четверти 1960-х гг. процесс разрушения памятника замедлился, благодаря чему сохранилась западная оконечность вала городища, северо-западная часть площадки и склон с «эскарпом».

В юго-восточной части площадки городища расположены окруженные отвалами раскопы В.Ф. Смолина и перекрывающие их раскопы Б.Б. Жиромского. Большой раскоп имеет размеры 21×9–10 м, малый – 6×2 м. В западной части площадки городища сохранился лишь небольшой участок, не потревоженный поздними перекопами, однако и он разрушается оврагом по юго-восточному склону. В этой части памятника зафиксированы обнажения культурного слоя мощностью до 60 см, прослеживаются следы хозяйственных сооружений, встречается подъемный материал – фрагменты лепной керамики.

С напольной стороны площадка отделена валом, рвом и «эскарпом». Вал до разрушения эрозионным процессами имел кокошниковидную форму, с максимальной высотой на осевой линии симметрии, к его окончаниям высота постепенно уменьша-

Рис. 3. Вид на городище «Шолом» с северо-востока.
Fig. 3. A view of Sholom hill-fort from the north-east.

лась. Снижение высоты вала по сторонам площадки компенсировалось сооружением «эскарпа» по боковым склонам.

Длина сохранившейся части вала составляет 28 м, ширина в центральной части – 15 м, в западной – 10 м, высота вала в центральной части достигает 7,3 м (рис. 1). Ров по восточному обрамлению вала полностью разрушен оврагом, по северному и северо-западному – перекрыт продуктами своего разрушения и потому не фиксируется визуально.

В северо-западной части городище дополнительно защищено «эскарпом» – уступом шириной 7,5 м, который находится ниже уровня площадки на 3–5 м. В северной части вала у его подошвы выявлена яма размером 2,7×1,3 м глубиной 0,5 м. Еще одна яма размером 6,2×3,5 м отмечена в северо-восточной части эскарпа, ее глубина 0,7 м.

Сохранившаяся часть площадки задернована, ямы, овраги и старые раскопы заросли крапивой, площадка городища, вал и «эскарп» разрушаются эрозионными процессами. Эрозия затронула и перемычку, соединяющую останец с террасой.

Учитывая опасность утраты памятника в результате эрозионных процессов, а вместе с ним информации об устройстве и истории создания оборонительных сооружений, в мае 2014 года была предпринята зачистка обнажений вала и рва городища «Шолом»[3] и составлены его геолого-геоморфологические профили.

Геолого-геоморфологическое расчленение вала городища «Шолом»

[3] Памятник был обследован в рамках исследовательской программы изучения городищ раннего железного века, финансирование осуществлялось Республиканским Фондом «Возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан».

произведено по методике, апробированной при исследовании Сорочьегорского (2012 г.), Скорняковского (2012 г.) и Маклашеевского (2014 г.) городищ (Чижевский, Хисяметдинова и др., 2014; Чижевский, Черных, Хисяметдинова и др., 2016, Чижевский, Хисяметдинова, Вязов и др., 2016).

Зачистка была проведена вдоль естественного обнажения вала, возникшего в результате эрозии восточной части площадки памятника. Общая протяженность подвергнутого зачистке участка с севера – северовостока на юг – юго-запад составила 25 м. В нижней части зачистки, на высоту до 2,5 м стенка обнажения была доведена до вертикального состояния, в верхней части зачистка осуществлялась по поверхности обнажения, во избежание обвала стенки.

Параметры оборонительных сооружений. Зачистка вскрыла нижнюю часть насыпи вала и три углубления. По количеству углублений и их местоположению в напольной стороне вала установлено, что они представляют собой три разновозрастных рва[4], выработанных в лессовидных суглинках гипсометрически ниже поверхности поселенческой площадки. В склоне вала зачисткой вскрыть удалось только ранний вал (V_1), а склон вала над зачисткой из-за значительной крутизны и наличия мощной осыпи не был вскрыт в достаточной мере. По отдельным элементам наслоения можно предположить наличие трёх разновозрастных элементов насыпи. Вместе с тем, судя по трём обособленным рвам, можно более определённо говорить о трёх стадиях строительства оборонительных сооружений.

Подсчёты высоты вала и глубины рва приводятся от поверхности почвенно-культурного слоя. За ширину рва принимается расстояние между бровками, причем местоположение внешней бровки определяется путём частичной реконструкции.

Высота раннего вала (V_1) – 1,1 м, его ширина по основанию – 9 м. Глубина раннего рва (R_1) – 2,6 м, ширина – 4 м. Высота вала (V_1) относительно рва (R_1) составляет 3,7 м. Предположительная высота и ширина среднего вала (V_2) составляет 3,5 м и 9 м, соответственно. Глубина сопряжённого с ним среднего рва (R_2) – 1,0 м, ширина – около 3 м. Высота позднего вала (V_3) – 4,3 м, ширина – около 18 м (?). Глубина позднего рва (R_3) – 3,0 м, ширина – не менее 4–5 м (?).

Общая высота вала над почвенно-культурным слоем 4,3 м. Высота вала относительно самого глубокого рва составляет 7,3 м. Так как по всему периметру вал в нижней части прикрыт продуктами своего разрушения, есть значительная доля уверенности, что первоначально он был значительно выше.

Геолого-геоморфологическое расчленения оборонительных сооружений

В геолого-геоморфологическом отношении разрез оборонительных сооружений мысового городища подразделяется на природное основание, почвенно-культурный слой, насыпь вала и постгородищенские образования (табл. 1).

Природное основание городища. Природным основанием для оборонительных сооружений и городища в целом являются терраса, сложен-

[4] Средний по возрасту вал может быть не рвом, а ямой, использованной для строительных нужд на среднем этапе строительства.

ная внизу аллювиальными песками (видимой мощностью 23 м), вверху – субаэральными лессовидными суглинками (мощностью 5–7 м). Литологический состав насыпных слоёв вала, состоящий из лессовидных и гумусированных суглинков, указывает, что для отсыпки использовался грунт исключительно с поверхности террасы. Этот факт свидетельствует о незначительной глубине обрамляющих городище оврагов, соответственно по этой причине пески были недоступны для строительства, так как не были еще вскрыты эрозией.

Почвенно-культурный слой. В кровле субаэральных лессовидных суглинков выработана почва, которая до начала строительства вала испытала антропогенное воздействие. В центральной части вала имеется хозяйственная яма и линза пепла с угольками, остатками древесины, обломками керамики и костей, и, по сути, является почвенно-культурным слоем (ПКС). Наличие ПКС свидетельствует о существовании здесь догородищенского поселения.

Стратиграфия вала и соотношения вала и рва. Отложения вала выделены в насыпную формацию городища Шелом, причем все оборонительные сооружения созданы строительной деятельностью исключительно носителей именьковской культуры и поэтому относятся к именьковской насыпной серии.

Именьковская насыпная серия (Im) подразделяется на три насыпные толщи: нижнюю (Im_1), среднюю (Im_2) и верхнюю (Im_3), которые слагали ранний, средний и поздний именьковский валы (рис. 4–6). Границу между средней и верхней толщами зачисткой 2014 года вскрыть не удалось. Однако отличия в структуре насыпных грунтов, конструктивных элементах насыпи, а также наличие обособленных рвов и ям, использовавшихся при строительстве, подтверждает трёхчленное строение вала.

Нижняя насыпная толща. Вал и ров ранней стадии строительства (рис. 4–6). Насыпные отложения вала представляют собой пестроцвет, состоящий из свала серого гумусированного суглинка с примесью палевого лессовидного суглинка. Материал для отсыпки выбирался с поверхности городища. Вал, шириной около 9 м и высотой 1,1 м, воздвигнут на поверхности почвенно-культурного слоя. К валу с напольной стороны примыкает ров, шириной около 4 м и глубиной 2,6 м относительно ПКС. Ров с очень ровными и крутыми бортами был выкопан в лессовидных суглинках и захоронён отложениями, осыпавшимися с его бортов без участия человека, причем стенка рва прилегала к валу вплотную и имеет отвесный профиль. Высота вала над днищем рва составляет 3,7 м.

В заполнении рва снизу вверх залегают: линзовидно переслаивающиеся лессовидные и гумусированные суглинки, осыпавшиеся со стенки рва (0,6 м); гумусированный суглинок с редкими включениями плотных сухих комьев суглинка (0,2–0,4 м); линза гумусированного суглинка с включением золы и углей (0,05–0,07 м); линза гумусированного суглинка с большим включением глиняных комьев, диаметром от 1–3 до 7–10 см (0,2–0,3 м); гумусированный суглинок с включением мелких глиняных комьев (рис. 5).

Напольная сторона вала и ров, поверх заполняющих его вышеописанных осадков, перекрыты коллю-

Таблица 1.

Литолого-стратиграфическая колонка, геоморфологическое строение и реконструкция оборонительных сооружений городище «Шолом».

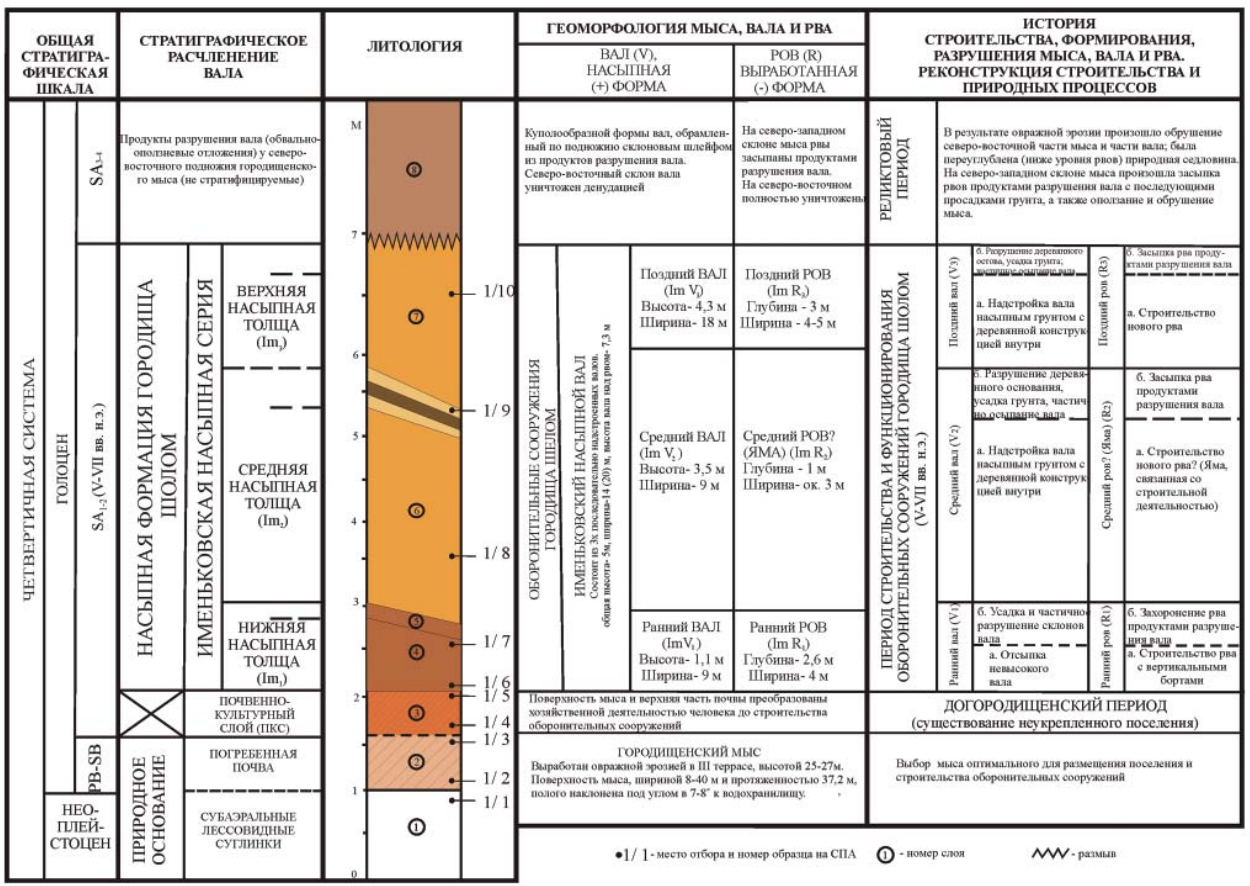


Рис. 4. Городище «Шолом» зачистка обнажения вала, вид с востока – юго-востока.
Fig. 4. "Sholom" hill-fort: clearing of rampart exposures, a view from the east – south-east.

виальными (обвально-осыпными) отложениями разрушающегося вала. Они состоят из грубого свала лессовидных и гумусированных суглинков (0,6 м). Наличие этих осадков природного происхождения на склоне и у подножья вала в совокупности с резко очерченной границей его кровли и выположенная форма вала свидетельствует и о значительном перерыве между строительством раннего и среднего вала.

Средняя насыпная толща. Вал и ров средней стадии строительства (рис. 4–6). Вал, высотой около 3,5 м и шириной 9 м, отсыпался грунтом с поверхности поселенческой площадки. Он состоит из лессовидных суглинков, светлоокрашенных и не выдержанных по мощности и простиранию прослоев гумусированного суглинка, имеющих серую и тёмно серую окраску. В разрезе этого вала обнаружены полусгнившие брёвна, которые использовались, по всей видимости, в качестве внутренних каркасообразных строительных конструкций. Отличительной особенностью среднего вала от нижнего, кроме наличия «кусков» древесины, является значительная крутизна его склонов в верхней части (40–45˚). Следует заметить, что насыпь (если бы это было простое набрасывание сухого грунта) из суглинкового материала не может образовывать склоны такой крутизны. Вполне вероятно, что в процессе строительства деревянной конструкции грунт для уплотнения обливали водой. На крыльях этого вала, как и у

Рис. 5. Городище «Шолом» зачистка обнажения вала, деталь,
вид с востока – юго-востока.
Fig. 5. "Sholom" hill-fort clearing of rampart exposures, a detail viewed from the east – south-east.

нижнего, наблюдаются следы осыпаний и оползаний грунта. Средний ров (или яма, использованная для строительных нужд) (рис. 5), полностью перекрытый коллювиальными отложениями, в отличие от нижнего, имеет меньшие размеры (глубина – 1 м, ширина между бровками около 3 м). Высота вала над днищем рва составляет 4,5 м.

Верхняя насыпная толща. Вал и ров поздней стадии строительства (рис. 4–6). Вал шириной около 18 м (?) возвышается над ПКС на 4,3 м. Соответствующий ему ров имеет глубину относительно ПКС – 3 м, ширину между бровками не менее 4–5 м. Высота вала над днищем рва составляет 7,3 м. Верхний вал, в отличие от среднего, имеет более однородное строение и сложен преимущественно светлоокрашенными лессовидными суглинками. Ров, имеющий в плане дугообразную форму, в поперечном профиле выражен в рельефе в виде горизонтальной полочки (рис. 5). На западном фланге борта рва оплыли и нивелированы осыпавшимися и сползшими с вала осадками. Профиль рва имеет крутую, почти отвесную стенку, вплотную прилегающую к телу вала.

Повторяемость размещения (непосредственно под основанием вала) и формы раннего и позднего рвов (почти отвесная стенка, прилегающая к

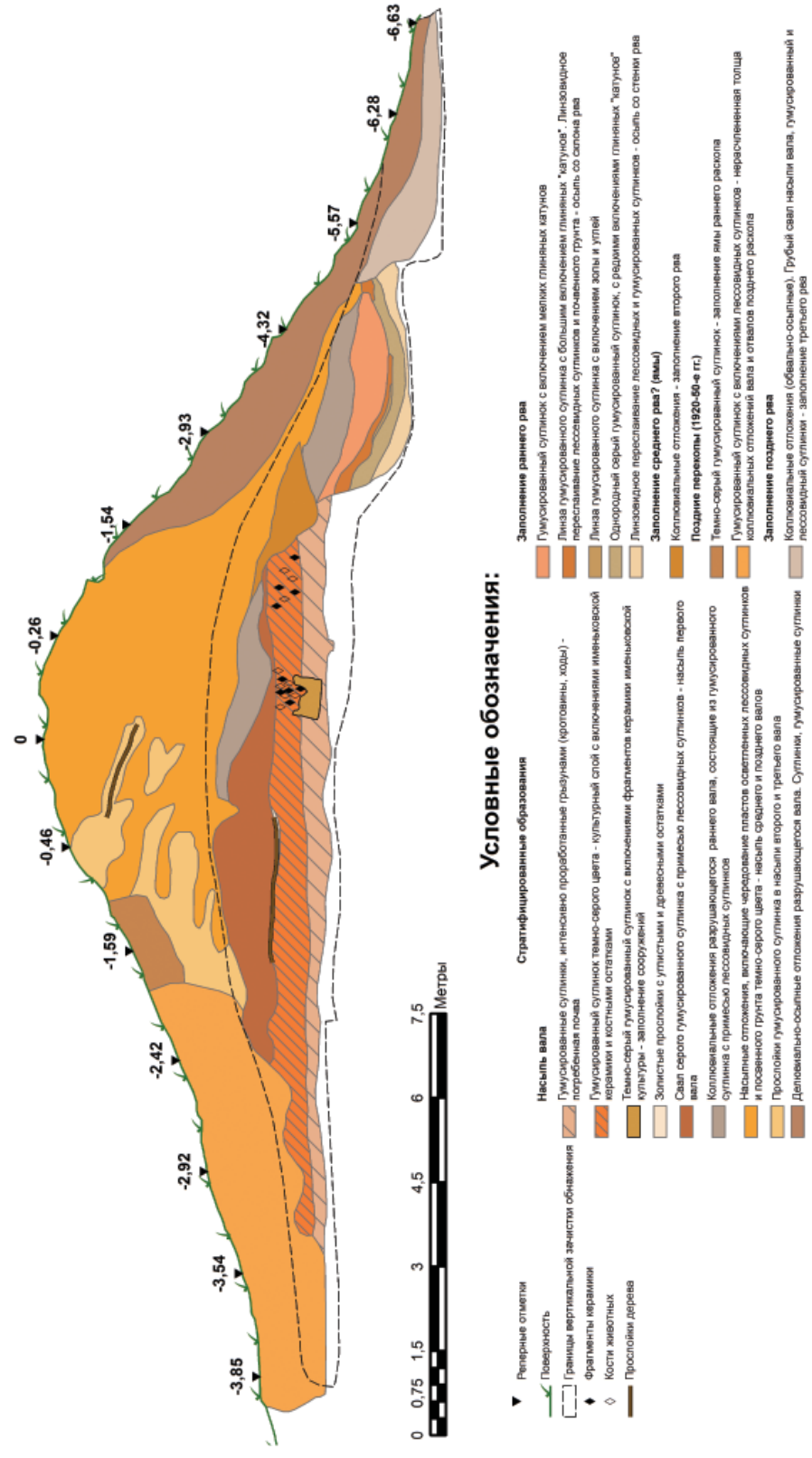


Рис. 6. Городище «Шолом» профиль вала.

Fig. 6. "Sholom" hill-fort: a rampart profi le.

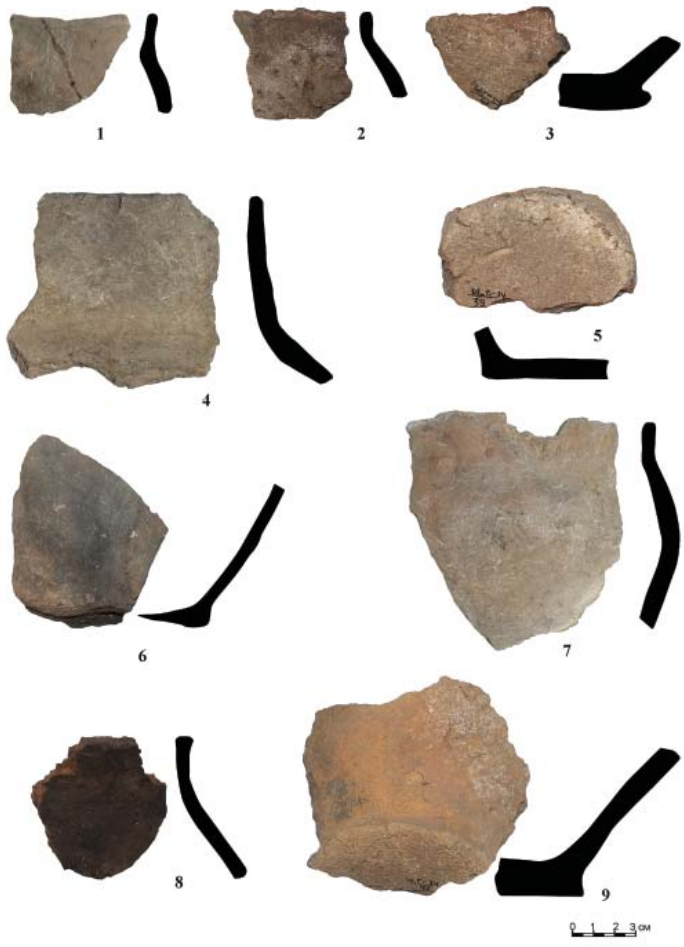


Рис. 7. Керамика из осыпей вала и культурного слоя городища «Шолом» (подъемный материал).

Fig. 7. Ceramics from rampart slides and the cultural layer of Sholom hill-fort (stray finds).

насыпи) могут свидетельствовать об их строительстве уже после отсыпки вала.

Восточный фланг рва был сорван (отсел в виде блокового оползня) о чём свидетельствует дугообразная форма обрамляющего оврага.

Постгородищенские отложения (процессы разрушения городища). У подножья северо-восточного склона городища выявлены продукты разрушения вала обвально-оползневого происхождения. Они снивелированы экзогенными процессами и задернованы травянистой растительностью. Контур обрушившейся массы подчёркивает дугообразная форма отвержка левого оврага.

Южный склон вала имеет пологий профиль с углом уклона 12–15˚. Выполаживание склона в направлении поселенческой площадки (водохранилища) обусловлено делювиальным сносом насыпного материала.

При изучении разреза вала оборонительных сооружений ананьинской КИО не было выявлено, хотя присутствие их на территории городища неоднократно фиксировалось исследователями при раскопках поселенческой площадки (Археологическая, 1986, с. 26). Отсутствие

Рис. 8. Находки из зачистки вала городища «Шолом». 1 – из слоя делювиально-осыпных отложений вала на его внешнем склоне, 2 – на глубине +460–480 см от вершины вала, 3 – на глубине +460–480 см от вершины вала, 4 – из слоя делювиально-осыпных отложений вала на его внешнем склоне, 5 – на глубине +460–480 см от вершины вала, 6 – на глубине +240 см от вершины вала, 7 – на глубине +460–480 см от вершины вала, 8 – частично реконструированный сосуд из верхней части слоя темно-серого гумусированного суглинка (культурного слоя), перекрытого насыпью вала.

Fig. 8. Findings discovered during clearing of the colluvium in Sholom hill-fort. 1 – from the layer of deluvial-colluvial deposits of the rampart on its outer slope, 2 – at the depth +460–480 cm from the top of the ramparts, 3 – at the depth +460–480 cm from the top of the rampart, 4 – from the layer of deluvial-colluvial deposits of the rampart on its outer slope, 5 – at the depth +460–480 cm from the top of the rampart, 6 – at the depth +240 cm from the top of the rampart, 7 – at the depth +460–480 cm from the top of the rampart, 8 – a partially reconstructed vessel from the top portion of the layer of dark-grey humus loam (cultural layer) overlapped by rampart earthwork.

следов оборонительных сооружений раннего железного века обусловлено, вероятно, поздним характером формирования данного мыса. Глубокие овраги, обрамляющие городище в настоящее время, связаны с активизацией овражной эрозии в постаняньинское время, обусловленной эрозионным врезом при формировании низкой поймы.

Таким образом, носители аняньинской КИО жили не на мысу, а на пологом днище балки (лога), оборонительная ценность которой была минимальной и только в позднейшее время, когда балка была расчленена оврагами и выработалась оптимальная для строительства форма мыса, он был использован носителями именьковской культуры для строительства оборонительных сооружений.

Характеристика находок

Подъемный материал (рис. 7), найденный в осыпях культурного слоя и насыпи вала, представлен фрагментами лепных горшковидных цилиндрошейных сосудов (рис. 7: 1, 2, 4, 7, 8) с плоским дном (рис. 7: 3, 5, 6, 9) и неровной от примесей крупного шамота в составе формовочных масс поверхностью. Единичные фрагменты венчиков орнаментированы пальцевыми защипами по краю (рис. 7: 2). Цвет фрагментов серый, коричневатый, в изломе черепки имеют трехслойную структуру. Обжиг хороший. Толщина стенок сосудов колеблется в пределах 0,5–0,9 см. Керамика такого облика типична для памятников именьковской культуры.

Вещевой комплекс из зачистки вала (рис. 8). Находки, сделанные на глубине до 10 см от современной поверхности, разрушаемого эрозией склона, фиксировались по уровню залегания относительно нижней границы зачистки. Все эти артефакты были перемещены в результате современных оползневых процессов. Они представлены фрагментами керамики именьковской культуры и фрагментом усечено-биконического пряслица низких пропорций с крупным отверстием (рис. 8: 1).

После выявления стратиграфических слоев в обнажении вала учет находок велся в соответствии с ними. Именьковская керамика встречена во всех насыпных толщах вала, в том числе в верхней и средней (рис. 8: 6). Однако большая часть фрагментов сосудов была обнаружена в составе скопления артефактов в слое темно-серого гумусированного суглинка (культурный слой догородищенского именьковского поселения) над заполнением хозяйственной ямы (рис. 8: 2–5, 7). Отсюда, в том числе, происходит фрагмент единственного сосуда, который удалось частично реконструировать. Он представляет собой верхнюю часть лепного округлобокого горшка с плавным переходом от тулова к шейке и уплощенным краем венчика (рис. 8: 8). Следует отметить, что в нижней части культурного слоя именьковского поселения встречены небольшие фрагменты стенок сосудов, подвергшиеся вторичному обжигу и ошлакованные.

В единичном количестве в зачистке обнаружены фрагменты керамики, не относящиеся к именьковскому комплексу. Это два фрагмента круговой керамики, находящие аналогии в материалах домонгольской Волжской Булгарии.

По результатам исследования обнажения вала городища «Шолом» можно сделать следующие выводы:

На основании архивных данных, конструктивных особенностей оборонительных сооружений, подъемного материала и находок, сделанных в ходе зачистки обнажения вала, Балымерское городище «Шолом» может быть отнесено к нескольким эпохам.

Несмотря на то что по архивным материалам на городище известны находки ананьинской КИО, оборонительных сооружений более раннего, чем именьковское время, в ходе исследований не было выявлено. По всей видимости это обусловлено тем фактом, что в раннем железном веке мыс как форма рельефа и в том виде, каким его застали именьковцы, не был сформирован.

Основной период функционирования городища «Шолом», относится к IV–VII вв. н.э. и связан с именьковской археологической культурой, носители которой основали на мысу неукрепленное поселение, а затем построили на нем оборонительные сооружения.

Отвесные борта рвов и их расположение прямо под основанием вала свидетельствуют о том, что они копались после завершения строительства вала.

Между строительством раннего и среднего валов был значительный перерыв, о чём свидетельствует расплывшаяся форма нижнего вала и резкая отчётливая граница его кровли.

Использование памятника, по всей вероятности спорадическое, продолжалось и в эпоху Волжской Болгарии домонгольского периода, в X–XIII вв. н.э.

Разрушение городища обусловлено эрозией обрамляющих оврагов, спровоцировавших активизацию склоновых процессов ещё до возникновения водохранилища. В результате абразии Куйбышевского водохранилища происходит интенсивное разрушение южной оконечности мысового городища.

ЛИТЕРАТУРА

1. Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Ч. I / Отв. ред.: П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 112 с.

2. *Ефимова А.М.* Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // МИА. № 111. М.: Наука, 1962. С. 25–48.

3. *Жиромский Б.Б.* Древнеродовое святилище «Шолом» // МИА. № 61. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 424–450.

4. *Морозов В.В.* Отчет об археологических разведках в Спасском районе Республики Татарстан в 2014 г. Казань, 2015 / Научный фонд МАРТ.

5. *Руденко К.А.* Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культовые памятники Камско-Вятского региона / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 36–66.

6. *Смолин В.Ф.* Раскопки «Шолома» в селе Балымерах Спасского кантона Татреспублики в 1924–1925 гг. (краткий обзор) // ИОАИЭ. Т.33. Вып. 2–3. Казань, 1926. С. 113–130.

7. *Спицын А.А.* Заметки из поездки 1898 года // Известия ИАК. Вып. 60. Спб., 1916. С. 73–93.

8. *Старостин П.Н.* Балымерский «Шолом» – городище // Вопросы истории и литературы народов Среднего Поволжья / Ред. А.М. Залялов. Казань: ИЯЛИ, 1965. С. 59–68.

9. Халикова Е.А. Отчет об археологических исследованиях, проведенных в 1961 г. в Куйбышевском районе Татарской АССР. Казань, 1961 / Архив ИА РАН. Р-1, № 2751.

10. Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Вязов Л.А., Лыганов А.В., Хуснутдинов Э.А. Исследование оборонительных сооружений Маклашеевского II городища в 2014 г. // XV Бадеровские чтения по археологии Урала и Поволжья. Материалы всероссийской научно-практической конференции. (Пермь, 9–12 февраля 2016 г.) / Гл. ред. Г.П. Головчанский. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т. 2016. С. 119–125.

11. Чижевский А.А., Хисяметдинова А.А., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Асылгараева Г.Ш. Результаты комплексного исследования Сорочьегорского городища // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология Евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред.: С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 241–262.

12. Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е, Спиридонова Е.А., Кочанова М.Д., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке / Археология Евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

13. Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Типография Казанского ун-та, 1877. 586 с.

Информация об авторах:

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); chijevski@mail.ru

Хисяметдинова Асия Абдулкадировна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); asiatat@yandex.ru

Вязов Леонид Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); l.a.vyazov@gmail.com

Салова Юлия Анатольевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); yadviga13@yandex.ru

INVESTIGATIONS OF A RAMPART OF BALYMERY SHOLOM HILL-FORT IN 2014

A.A. Chizhevsky, A.A. Khisiametdinova, L.A. Viazov, Yu.A. Salova

The article features the results of comprehensive archaeological and geomorphological study of the exposures of defensive structures of the Sholom hill-fort known as the Early Iron Age settlement (the Ananyino cultural and historical area) and the Early Middle Ages (the Imenkovo culture). As a result of field archaeological works the researchers determined that the rampart was constructed as late as in 1st millennium A.D., and the construction of fortifications was preceded by a long period of time during which the settlement remained unprotected. The construction of defensive structures in the settlement is subdivided by the authors into three stages which are clearly distinguishable in the body of the rampart on the basis of the structural variations of filled ground and the structural elements of the earth rampart. Each modification was accompanied by the construction of a new moat or pits used during construction, which also confirms the three-stage building of the rampart. There was a considerable pause between the construction of the early and middle ramparts, which is signified by the deformed shape of the lower rampart and a clearly identifiable border of its top section. The item complex from rampart filling material allows the authors to consider that the monument existed in 4th – 7th centuries and was related to the population of Imenkovo archaeological culture.

Keywords: archaeology, settlement, the Early Iron Age, hill-fort, the Early Middle Ages, Imenkovo culture, stratigraphy, defensive structures.

REFERENCES

1. Starostin, P. N. (ed.). 1985. *Arkheologicheskaia karta Tatarskoi ASSR. Zapadnoe Zakam'e (Archaeological Map of the Tatar ASSR. Western Trans-Kama Region)* I. Kazan: Institute of Language, Literature and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

2. Efimova A. M. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 111. Moscow: "Nauka" Publ., 25–48 (in Russian).

3. Zhiromsky B. B. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology)* 61, 424–450 (in Russian).

4. Morozov, V. V. 2015. *Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh v Spasskom raione Respubliki Tatarstan v 2014 g (Report on Archaeological Surveying Conducted in Spassky District of the Republic of Tatarstan in 2014)*. Kazan: Scientific Fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

5. Rudenko, K. A. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Sites of Kama and Vyatka Rivers Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 36–66 (in Russian).

6. Smolin, V. F. 1926. In *Izvestiia obshchestva arkheologii, istorii i etnografii pri Kazanskom imperatorskom universitete (Reports of the Society of Archaeology, History and Ethnography Affiliated with Kazan Imperial University)* 33 (2–3). Kazan, 113–130 (in Russian).

7. Spitsyn, A. A. 1916. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 60. Saint Petersburg, 73–93 (in Russian).

8. Starostin, P. N. 1965. In Zalialov, A. M. (ed.). *Voprosy istorii i literatury narodov Srednego Povolzh'ia (Issues of History and Literature of Peoples from the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 59–68 (in Russian).

9. Khalikova E.A. 1961. *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh, provedennykh v 1961 g. v Kuibyshevskom raione Tatarskoi ASSR (Report on Archaeological Studies Conducted in Kuybyshevsky District of the Tatar ASSR in 1961)*. Kazan: Archives of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Inv. R–1, dossier 2751 (in Russian).

10. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova A. A., et al. 2016. In Golovchanskii, G. P. (ed.). *XV Baderovskie chteniia po arkheologii Urala i Povolzh'ia (15th Bader Readings on Archaeology of the Urals and the Volga Region)*. Perm: Perm State National Research University, 119–125 (in Russian).

11. Chizhevsky, A. A., Khisiametdinova A. A., Spiridonova E. A., Aleshinskaia A. S., Kochanova M. D., Asylgaraeva G. Sh. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, sviazi, istoricheskie sud'by (The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 241–262 (in Russian).

12. Chizhevsky A. A., Chernykh E. M., Khisiametdinova A. A., Mitriakov A. E, Spiridonova E. A., Kochanova M. D., Aleshinskaia A. S. 2016. Skorniakovskoe gorodishche na Viatke (Skornyakovo settlement on Vyatka). Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 22. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

13. Shpilevskii, S. M. 1877. *Drevnie goroda i drugie bolgarsko-tatarskie pamiatniki v Kazanskoi gubernii (Ancient Towns and Other Bulgar-Tatar Sites in the Kazan Province)*. Kazan: Typography of the Kazan University (in Russian).

About the Authors:

Chizhevsky Anrdei A., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

Khisiametdinova Asia A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; asiatat@yandex.ru

Vyazov Leonid A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; l.a.vyazov@gmail.com

Salova Yulia A. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; yadviga13@yandex.ru

Статья поступила в номер 07.12.2016 г.

УДК 902/904 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.127.156

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ХАЗАРСКОГО И СЛАВЯНО-РУССКОГО УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ К КОСТЮМУ

© 2017 г. Н.В. Жилина

Автор статьи анализирует традиции развития костюма и связанного с ним убора из украшений, присущие славянам и народам Хазарского Каганата. Славяне в VI–VII вв. носили драпированную одежду, скалываемую фибулами, и обильно-металлический убор из крупных украшений. С VIII в. убор стал легче, но массивные формы гривен и браслетов сохранились. В X в. в Древней Руси был создан серебряный ювелирный филигранный убор, распространились воинские амулеты, а амулеты, связанные со сферой оседлой мирной жизни, получили вид связки на цепочках. В хазарском мире бытовала распашная одежда на пуговицах, тканевый головной убор развивался на основе кроя полотнища и сочетался с серьгами. Носились перстни, каменные и стеклянные бусы, но гривны и браслеты не были характерны. Развитая культура амулетов связана с солярными культами, плодородием, животным миром. Разница традиций связана с различием хозяйства и бытового уклада народов, оседлого и кочевого. Сходная тенденция проявляется и в уборе ювелирных украшений, распространившихся к X в. Взаимодействие между данными уборами, по мнению автора, было возможно только в тех формах, которые не нарушали традиции двух различных систем: обильно-металлического убора у славян и облегченного, с большей долей использования натуральных материалов, у кочевников.

Ключевые слова: археология, средневековье, головной убор, украшения, металл, стекло, камень, височные кольца, серьги, ожерелья, амулеты.

Введение. Наряду с характеристикой костюма конкретных народов, преобладающей в научной археологической литературе, актуален сравнительный анализ.

Рассмотрение славянского костюма и убора из украшений в евразийском контексте, сравнение его с финским, балтским, западноевропейским, восточным позволяет выявить сходства и различия в традициях разных народов, более конкретно и точно характеризовать сложившуюся у того или иного народа систему костюма и убора, судить о возможности влияний. Выявленные сходства и различия могут объясняться не только культурным воздействием, а сходной или отличной стадией развития убора: натуральной, обильно-металлической или ювелирной (Zhilina, 2016).

Наряду с фиксацией сходств или различий в формах украшений на основании метода аналогий, важно выявление системы связи украшений в уборе. Факты заимствований важно оценивать с учетом достигнутого влиянием результата: изменения сложившейся системы или использования в рамках традиционной.

Сравнение набора из украшений хазарского мира со славянским важно для анализа культурных взаимодействий и влияний между ними. Сравнение проводится в соответствии с основными зонами расположения убора в костюме; анализируется система головного убора.

Хазарский костюм и набор из украшений отчасти продолжили тюркскую традицию. Представители хазарской знати были выходцами из аристократических родов Тюркского каганата (Степи…, 1981, с. 65). Материалы о тюркских украшениях привлечены к анализу как отправная точка. Хазарский элитарный костюм как престижный эталон повлиял на костюм народов каганата, в частности, на северо-кавказское аланское население. Поэтому известный по погребениям материал аланского костюма используется для характеристики костюма хазарского этапа (Равдоникас, 1990, с. 62–102; Доде, 2001, с. 13).

Славяно-русская традиция убора из украшений сложилась на основе традиций обильно-металлического убора восточных групп славян (наиболее ярко представленного у антов в конце VI–VII в.), затем – облегченного убора с элементами ювелирного VIII в. и новых тенденций древнерусского ювелирного убора, обогащенного скандинавским и византийским воздействием.

Головной убор

Тип и конструкция головного убора определяют структуру набора головных украшений. В кочевническом комплексе основой образования головного убора является легкая и мягкая башлыкообразная заостряющаяся форма, хорошо защищающая голову сзади и с боков, продиктованная условиями кочевого быта. Так называемые «кривые шапки» известны в кочевом мире с гуннской эпохи и начала н. э. (Равдоникас, 1990, с. 62, 63, рис. 17) (рис. 1: 1).

Тканевый головной убор из одного или двух полотнищ подтреугольной формы образует на голове округлый верх, если заостренный конец отведен назад, если же он поднят, образуется заостренный верх. Заострение и полусферичность верха обеспечиваются и клинообразным кроем.

На тюркских каменных изваяниях показано несколько форм уборов: заостряющаяся шапка с отогнутым вперед концом; пологая, с отогнутыми лопастями (рис. 1: 2–5) (Евтюхова, 1952, с. 102–104).

Мужской головной убор хазарского этапа имел четырехклинную конструкцию и полусферический или конический верх, подкладку из ткани и кожи (рис. 1: 6, 7). Затылочная лопасть доходила до плеч, использовалась оторочка из полос разноцветного меха (рис. 1: 8–13). Важной знаковой частью головного убора мужчины, вождя или воина, было высокое навершие в виде стержня, палочки, обтянутой позолоченной кожей. Такая форма отражена изобразительными источниками – рельефами гробниц XI в. (рис. 1: 14–16). Материал и навершие, а не покрой головного убора носили статусный характер (Доде, 2001, с. 15, 16, 30–34, рис. 27, 31, ил. 1–4).

Скульптуры идолов дают древнейшие сведения о славянском мужском головном уборе. В качестве наиболее раннего примера можно предположительно привлечь изваяние с территории сложноэтничной Черняховской культуры: головной убор с задней лопастью (рис. 1: 17). Наблюдаются невысокие шапки полусферической (рис. 1: 19, 20) и конической формы (рис. 1: 18, 21). В отдельных случаях угадывается четырехклинный крой (рис. 1: 21). Наблюдаются и варианты с отвернутыми боковыми лопастями (рис. 1: 26, 27).

В сравниваемом материале сходны основные формы шапок: полусферическая, коническая, с отворотами. Но очевидно и различие: славянская традиция не имеет тенденции к выделению высокого стержнеобразного навершия. Такая ситуация закрепляется и с принятием Русью христианства; в конце X – начале XI в. венцом русского князя Владимира, отраженным на русских монетах, является увенчанная крестом византийская стемма с полукруглым верхом, к обручам которой впоследствии добавлена корона (рис. 1: 22, 23). Известные по изображениям на миниатюрах и перегородчатой эмали головные уборы русских князей в XI–XII вв. дают две основные формы шапок. Во-первых, это повседневные мягкие, более высокие колпаки (рис. 1: 26). Во-вторых, это парадные шапки полусферической или сферо-конической формы с твердой основой, нарядно украшенные и сохраняющие элементы стеммы (рис. 1: 24–27). Отворот используется либо меховой, либо тканевый (рис. 1: 18–20, 24–27).

Шлемовидность и заостренность головного убора кочевников и хазарского мира изначально связаны с кроем из треугольных заготовок. Добавление стержневидного навершия акцентирует заострение. Эту линию продолжают тянутые войлочные шляпы половцев и монгольские мужские и женские головные уборы. Вершина головного убора всадника или всадницы находится выше головы коня, даже если конь находится во вздыбленном положении или прыжке, красиво воспринимается издалека.

В доспехах русских воинов-всадников такое восприятие обеспечивалось флажками-яловцами на шлемах. В «Сказании о Мамаевом побоище» при поэтическом описании русского войска впечатление от них сравнивается с пламенем: «… яловци (флажки) же шеломов (на шлемах) их, аки пламя огненное пашется» (История…, 1980, с. 239).

В девичьем уборе хазарского комплекса традиционно присутствует венок. Легкая ленточная диадема изготавливается из шелковой или шерстяной ткани с нашитыми украшениями (Доде, 2001, с. 20, ил. 5) (рис. 2: 5).

Тканевый башлык или капюшон может быть частью одежды (плаща) и отдельным головным убором. Треугольное покрывало, основа конструкции, известно из находок в аланском могильнике Амгата (Доде, 2001, с. 26, рис. 20) (рис. 2: 3). Частями полотнища закрываются затылочная и боковые части головы. Различные варианты кроя платка являются предпосылкой форм шапок девушек, молодых женщин и, возможно, детей.

Низкую шапку можно предполагать по тюркскому изображению на Кудыргинском валуне на Алтае (Степи…, 1981, рис. 21: 2). Голова ребенка завершена полусферически, возможно, линия выше бровей намечает низ убора, не показано волос, отчетливо видны серьги и, вероятно, шнурки от завязки (рис. 2: 1).

Невысокие мягкие шелковые шапки образовывались с помощью собирания полотнища в налобной части, край включал в себя ленту-диадему, выделенную кожей, рядами мелких нашивных бронзовых бляшек и центральной брошью (рис. 2: 6, 7). Как отмечает З. Доде, собирание головного убора в центре налобной части придает ему сходство с башлыком. Шапки приспособлены для плотного

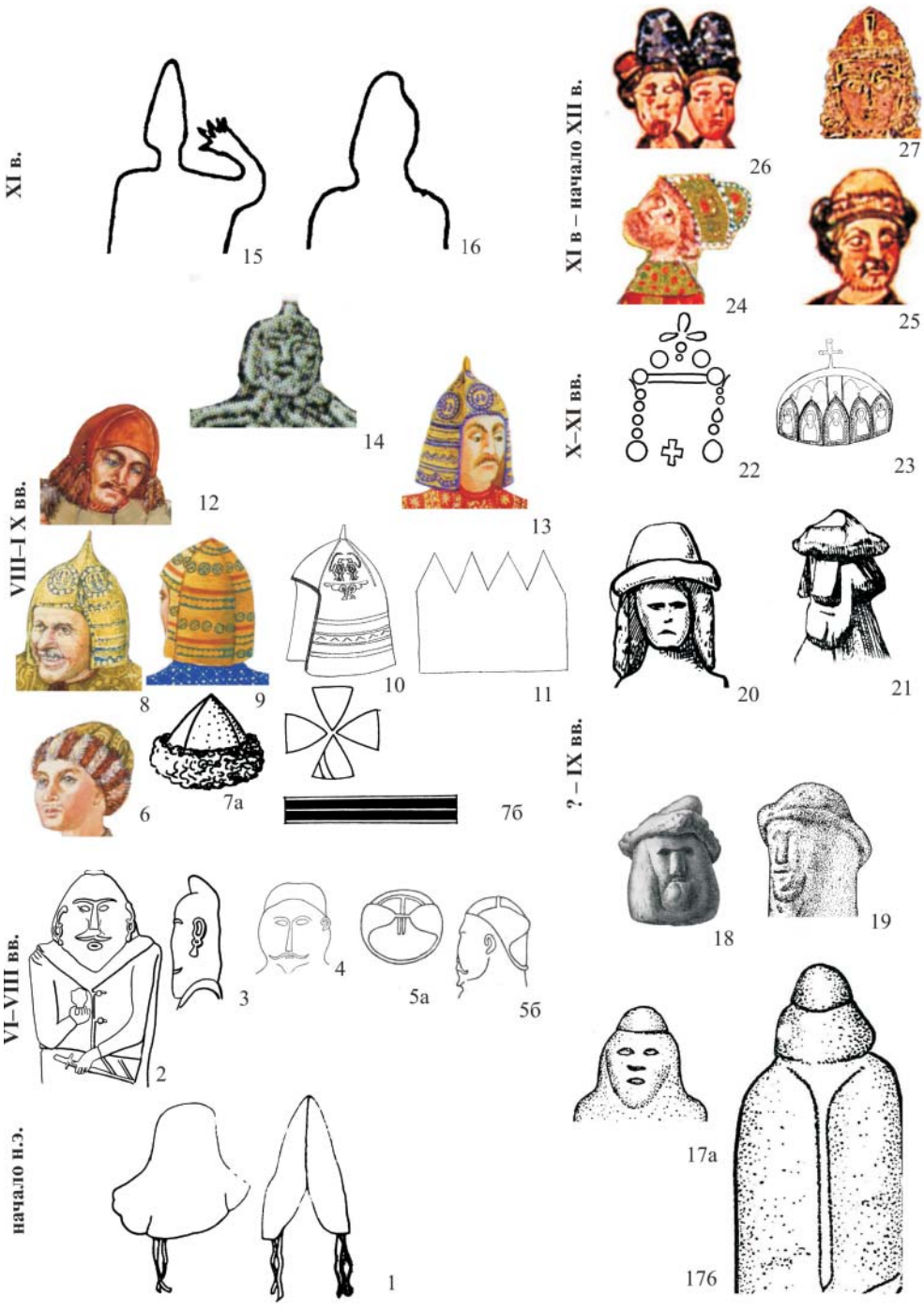

XI в.
15
16
XI в – начало XII в.
26
27
24
25
X–XI вв.
22
23
VIII–I X вв.
14
12
13
8
9
10
11
20
21
6
7а
7б
? – IX вв.
18
19
VI–VIII вв.
3
4
5а
5б
17а
2
начало н.э.
1
17б

Рис. 1. Мужские головные уборы.

гуннский и тюркский этапы: 1 – курган Ноин-Улы (Евтюхова, 1952, рис. 60); VI–VIII вв., Тува – 2 – Кызыл-Тей, 3 – р. Хам-Дыт (Степи…, 1981, рис. 22: 10, 11); 4 – Деспен, 5 – Эльте-Кежиг (Евтюхова, 1952, рис. 55: 1; 57: 2);

хазарский этап по аланским материалам: 6 – могильник Хасаут, 7 – могильник Подорванная Балка; 8–10, 12, 13 – могильник Мощевая Балка (Доде, 2001, рис. 27, ил. 2–4; 1991, рис. 4); 11 – Нижне-Архызское городище (Орфинская, 1991, рис. 8: 1); 14 – изображения аланского правителя на гробнице XI в. (Доде, 2001, ил. 17); 15, 16 – Кяфарская гробница XI в. (Доде, 2001, рис. 31);

славянский этап: 17 – идол с территории Черняховской культуры, Ставчаны Хмельницкой обл. (Винокур, 1972, рис. 34: 1, 37); 18 – Псковская обл., Себежский идол (Рыбаков, 1987, рис. 47: 2); 19 – идол из Белоозера (Захаров, 2004, рис. 27: 2); 20 – Збручский идол (Рыбаков, 1981, с. 461); 21 – Новгород, середина X в. (Колчин, 1971, рис. 17: 2, № 230);

древнерусский этап: 22 – князь Владимир Святославич, сребреник III типа, начало XI в., прорисовка Н.В. Жилиной в обработке Н.С. Сафроновой (по Сотникова, Спасский, 1983: 163, № 121); 23 – княжеский венец, гипотетическая реконструкция Н.В. Жилиной на основании эмалевых пластин оклада Мстиславова евангелия; 24 – князь Ярополк миниатюра XI в. (Кондаков, 1906: табл. VI); 25, 26 – князь Святослав и княжичи, миниатюра XI в. (Древняя одежда…, 1986: цв. рис. 1); 27 – князь Глеб, эмалевая вставка колта из Старой Рязани, XI–XII вв. (Вагнер, 1971: ил. 3).

Fig. 1. Male headdresses.

завязывания и подтягивания (Доде, 2001, с. 20, рис. 17; рис. 60: 8–11). Они зафиксированы и реконструированы по археологическим материалам Северного Кавказа VII–XI вв.: городищ Адиюх и Нижне-Архызского могильников у станицы Старокорсунской и в Мощевой Балке (Иерусалимская, 1978, с. 93; Каминский, 1984, с. 20, рис. 4: 1; Равдоникас, 1990, рис. 28; Орфинская, 1991, с. 115, 116, рис. 8: 3–5). Сходные тканевые шапки с лопастями и завязками известны у киданей и монголов (Горелик, 2010, с. 33, 37, табл. IX: 1, 6). О головном уборе примерно такой же конструкции сообщает «Сокровенное сказание монголов», в котором расхваливается трудолюбивая мать Темучжина (Чингисхана). Плотно подвязанная повседневная (вдовья) шапка позволяет ей активно заниматься домашней работой (рис. 2: 13, 14):

«Мудрой женой родилась Оэлун.

Малых детей своих вот как растила:

Буденную шапочку покрепче приладит,

Поясом платье повыше подберет»

(Козин, 1941, с. 88, 89; *курсив мой.* – Жилина).

Более нарядная и высокая башлыкообразная форма девичьей шапки имела шлемообразный верх, как и мужской убор. Варианты высоких шапок сохранились в аланских могильниках Эшканон и Подорванная Балка (рис. 2: 8, 9). В первом случае головной убор выполнен из цельного прямоугольного куска холста, завязанный в центре длинной стороны узел показывает родственность с формой низкой шапки. Во втором случае, наблюдается более сложный крой: шелковый желто-красный верх четырехклинной структуры украшен ко-

жаной аппликацией в виде ажурного геометризованного растительного орнамента, снизу пришит шелковый назатыльник, а к нему, в свою очередь, – опушка из кусков темного и светлого меха (Доде, 2001, с. 20–22, рис. 18, ил. 8, 9). Продуманный крой второго варианта шапки позволяет закрыть голову и плечи с трех сторон.

На базе башлыкообразной формы выработались составные сложные головные уборы замужних женщин, зафиксированные в могильниках Мощевой и Подорванной Балок (рис. 2: 10, 11). Скругленным и собранным верхом они сходны с девичьими шапками, но в отличие от них имеют накосник (рис. 2: 12). В варианте из Мощевой Балки основная часть выполнена из цельного куска ткани, из Подорванной Балки – сшита из отдельных деталей. В составе таких уборов находились две диадемы, нижняя и верхняя относительно шапки. В качестве нижней, видимо, сохранялся вариант девичьей, а в качестве верхней использовали жгут из неплотной ткани. Сверху накладывалось полотнище с красивой каймой и иногда сложно драпировалось. З. Доде связывает распространение чалмообразных конструкций с восточным, среднеазиатским влиянием (Доде, 2001, с. 22, 35, рис. 19–21, ил. 5). Но данный способ верхнего покрытия мог выработаться и самостоятельно.

Крой составных женских головных уборов и высоких отдельных шапок аналогично усложняется (от цельного куска ткани – к собиранию из частей). Возможно, высокие шапки были не только девичьими, а входили в состав башлыкообразных уборов. Составные головные уборы оставались мягкими, не включали в себя тяжелых металлических частей, кроме остовов наверший. Даже диадемы выполнялись из легкой ткани. Боковые части назатыльника свободно свисали. Таким конструкциям головных уборов соответствовали серьги в ушах.

Основным типом славяно-русского головного убора раннего Средневековья был ленточный (Жилина, 2002а, с. 161, 162, рис. 1, 2; 2002б; 2010, с. 256–261, рис. 1, 2). Главная часть убора – лента (диадема) – идет вокруг головы, образует девичий венок (рис. 2: 20). В женском головном уборе лента держит платок и украшения. Вторая часть убора – платок – покрывает голову. Типичны парные группы украшений по сторонам головы, украшения крепятся и по всему протяжению ленты.

Ленточный головной убор известен у антов Поднепровья VI–VII вв., он характеризуется большим количеством металлических деталей в конструкции (рис. 2: 15). Бронзовые и серебряные головные ленты (венки) связаны с височными кольцами крупного диаметра (более 10 см), закрепляемыми кучно (концентрически) с пластинами-наушниками. Такие детали имеются в ряде кладов конца VI–VII в: Мартыновском, Трубчевском, Суджанском, Гапоновском (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 57; Родинкова 2008: 358–361, рис. 3, 4). К VIII в. головной убор облегчается, боковые украшения становятся миниатюрней и, возможно, их носят как серьги.

В IX–XIII вв., судя по археологическим данным, налобные ленты выполняются из металла (лента и жгут) и ткани, подкладываются берестой, украшаются металлическими бляшками (рис. 2: 16, 17, 21). Девичий венок – основа ленточного женского

составного головного убора (Левашова, 1968, Седов 1994: 115–118, Сабурова 1997: 97–99; Степанова 2009: 84, рис. 12: 6; Жилина 2010: 257–263, рис. 1–3). Шерстяные, льняные, клетчатые и узорные платки обшивались бляшками, бисером, трапециевидными подвесками (Сабурова 1997: 95, 96). Платки были и отдельным полотенчатым убором или покрывалом (рис. 2: 18).

Зафиксированы способы крепления височных колец к волосам в девичьих головных уборах. Женскому ленточному убору сопутствовали группы височных колец славянских типов по сторонам головы, закрепленные вертикально на лентах или в системах, имитирующих волосяной покров или косу. В погребениях прослежен архаичный способ одновременного крепления их к мягким тканям уха за дужки колец, и, вероятно, к головному убору с помощью шнурков, продетых в петельки височных колец. С подобными конструкциями сочетались кисти, имитировавшие волосы или косы. Примеры известны в Гочевском могильнике XI в., в курганах округи Звенигорода XII – первой трети XIII в. (Сабурова 1974, 1975, 1976; Агапов, Сарачева, 1997; Жилина 2001: 31–33, рис. 1; 2002а: 49–55, рис. 1, 2; 2002б: 161–163, рис. 1–3; 2010: 260; Ёлкина 2003: 39–41, рис. 1–3). Сохраняется и кучный способ расположения колец и крепление шпильками: Пересопницкий могильник в X в., Березовецкий могильник в Верхневолжье в XI в. (Мельник 1901, Успенская, 1993: 92, 93, рис. 5). Для подкладки под кольца использовались берестяные кружки-наушники. Височные кольца надевают и на венок (Сабурова 1997: 97, 99).

Ленточный убор к XI в. трансформируется в составной или кичкообразный, выделяются лицевая (высокое налобное очелье прямоугольной или сегментообразной формы) и задняя (позатыльник) части (рис. 2: 23). Высокое очелье развивается, видимо, из подкладки под лицевую сторону налобной ленты, а также является следствием заломов платка впереди. Среди украшений древнерусских кладов XI – первой половины XII в. есть поднизи-позатыльники и колоколовидные подвески-рясна, соответствующие такому головному убору (Жилина 2002б: 162, 163, рис. 4). Данные о женских шапках и кокошниках, жестких цельных головных уборах древнерусского периода пока не введены в научный оборот (рис. 2: 24).

Таким образом, базовые элементы хазарско-аланских и славянских головных уборов одинаковы: полотнище, лента-диадема. Но в разной среде базовые элементы получают разное значение. В хазарском мире основную формообразующую роль играет полотнище, на основании усложнения кроя которого возникают шапки. Легкие тканевые или кожаные ленты-диадемы имеют вспомогательное и декоративное значение. В славянском уборе более важное конструктивное значение долго сохраняет жесткая лента-венок.

С кочевническим и славянским женским головным убором происходят аналогичные конструктивные процессы: формирование на основе простых базовых элементов сложных конструкций. Но итоговые формы уборов оказываются разными. В кочевнической среде сформировался мягкий составной башлыкообразный

VI–VII вв.
1
Шапка
2
Сложносоставной
народы Тюркского каганата
VII–XI вв.
3
Платок
4
5
Венок
6
7
8
9
10
12а
12б
11
народы Хазарского каганата
X–XIII вв.
14
13
IX–X вв.
19
18
Платок
20
Венок
22
21
Кичкообразный
24
Кокошник
23
X–XIII вв.
17
16
VI–VIII вв.
15
Ленточный

Рис. 2. Женские головные уборы.
Тюркский каганат: 1, 2 – детская шапка мальчика и рогатый женский головной убор, Кудыргинский валун, Алтай (Степи…, 1981, рис. 21: 2);
Хазарский каганат: 3 – головное покрывало, Северный Кавказ, могильник Амгата; 4 – женский полотенчатый убор, реконструкция по росписи Пенджикента, VII в. (Доде, 2001, рис. 20, 21); народы Хазарского каганата: 5 – девичий венок (Доде, 2001, ил. 5); 6, 7 – девичьи шапки, могильники Адиюх и станицы Старокорсунской; 8, 9 – башлыкообразная шлемовидная шапка, могильник Подорванная Балка, реконструкция Л.Н. Глушкова (Доде, 2001, рис. 17, 18); 10–12 – составной головной убор, могильник Подорванная Балка (Доде, 2001, ил. 5, 6, рис. 19);
Кидани и монголы: 13, 14 – девичьи шапки X в. и XIII–XIV вв., стенопись (Горелик, 2010, табл. IX: 1, 6);
Славяне и Древняя Русь: ленточный убор – 15– Среднее Поднепровье, Гапоновский клад, VI–VII вв. (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 57); 16, 17 – реконструкция по кладу IX в. из Железницы Рязанской губ., 1855 г. и по Пересопницкому могильнику по описаниям Е.Н. Мельник; 18 – покрывало, Вологодская область, Новинки, курган 9, XI в. (Сабурова, 1997, табл. 78: 1); 19 – супруга Святослава, миниатюра «Изборника Святослава», XI в. (Древняя одежда…, 1986, цв. рис. 1); 20 – Верхневолжье, Березовецкий могильник, курган 54, XI в. (Степанова, 2009, рис. 12: 6); ленточный убор – 21 – округа Звенигорода Московской обл., Клопово, курган 1, XII – первая половина XIII в. (Жилина, 2001, рис. 1: 2); 22 – Белорусия, с. Юдичи, территория радимичей (Сабурова, 1975, рис. 1); 23 – кичкообразный убор, реконструкция по кладам из Новгородской губ. 1892 г. и Старой Рязани 1967 г. № 2, XI–XII вв. (Жилина, 1996, рис. 1); 24 – Смоленская обл., Харлапова, курган 8, XI–XIII вв. (Савін, 1930, мал. 3).

Fig. 2. Female headdresses.

убор, в славянской – составной кичкообразный.

В мужском и женском уборе кочевников присутствуют серьги, как правило, некрупные и нетяжелые (Плетнева, 1967, с. 137–140, рис. 36). Крепежная деталь тюркских серег сохраняет круглую форму (рис. 3: 1–9). Хазарские серьги, как правило, имеют более узкую овальную крепежную деталь, что удобно для закрепления в ухе (рис. 3: 10–20). На кольце находится удлиненная подвеска или деталь, ее основные формы: удлиненно-каплевидная (рис. 3: 1–3); из нескольких шариков (рис. 3: 7, 8, 12, 18); соединение удлиненной, округлой или граненой части с шариками сверху и снизу (рис. 3: 11, 13, 14, 16, 17, 19, 20). Можно также выделить формы, подражающие филигранным украшениям, по всей видимости, византийским (рис. 3: 10, 15).

Височные украшения славян значительно более крупны и тяжелы (Щеглова 1990, с. 172). Их основой остается правильное кольцо. Наиболее крупными являются височные кольца VI–VII вв. со спиральными дополнениями (рис. 3: 21–23). Такой размер и форма показывают, что кольца крепились к головному убору, для их поддержки требовался металлический ленточный венок. Такова традиция ношения головных украшений в обильно-металлическом уборе. Изменения в способе ношения начинаются в VIII в., когда под воздействием византийского ювелирного дела распространились более миниатюрные головные украшения и убор в целом облегчился (рис. 3: 24–38). С этого времени античная традиция ношения серег в ухе начала взаимодействовать с исконной традицией ношения височных колец в системе головного убора.

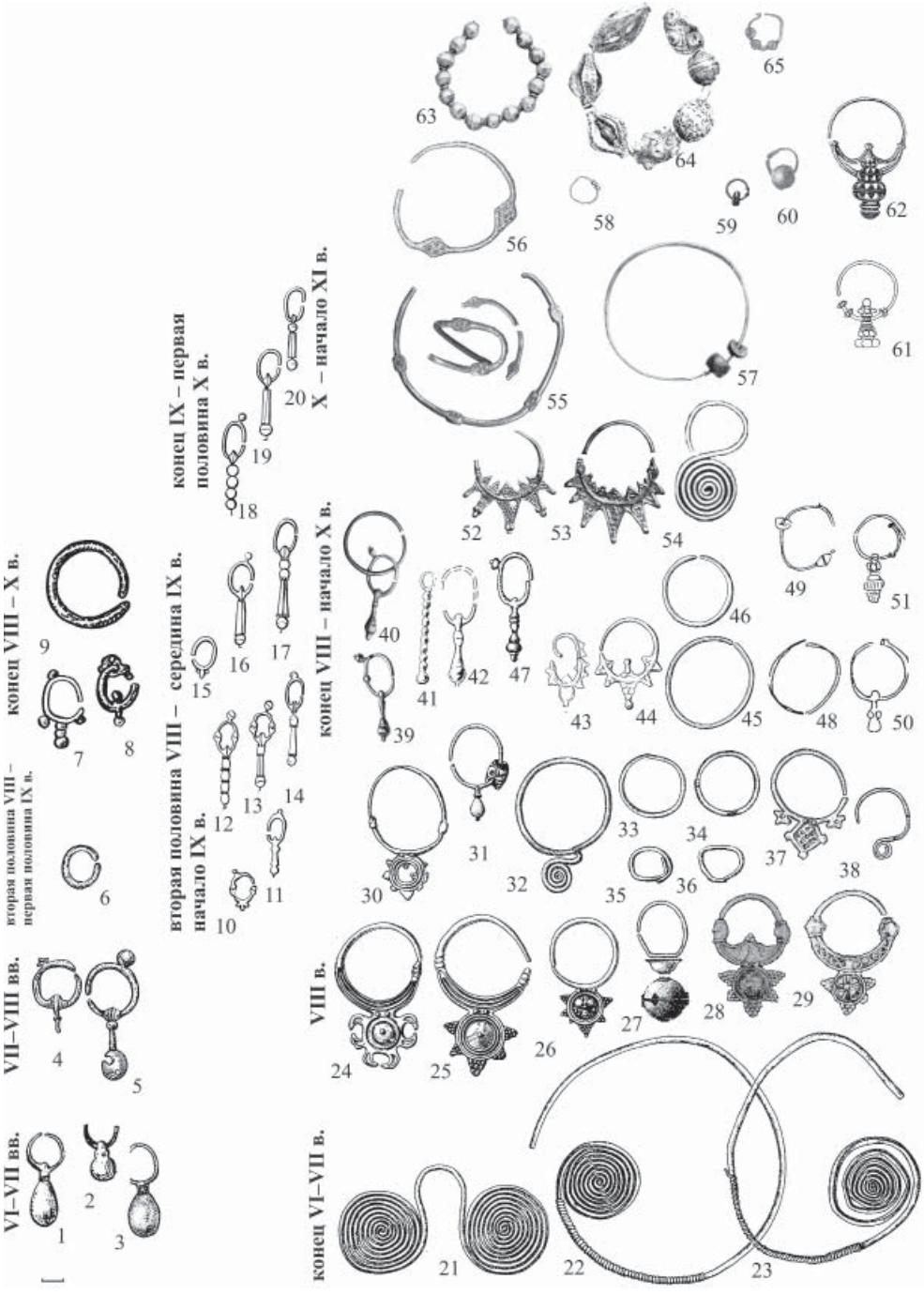

VI–VII вв.
VII–VIII вв.
вторая половина VIII – первая половина IX в.
конец VIII – X в.
вторая половина VIII – середина IX в.
начало IX в.
конец IX – первая половина X в.
X – начало XI в.
конец VIII – начало X в.
VIII в.
конец VI–VII в.

Рис. 3. Украшения головного яруса.
Народы, связанные с кочевыми государственными объединениями:
тюрки Саяно-Алтая, серьги – 1–3 – могильник Кудыргэ, серебро, медь, серебро (Степи…, рис. 19: 53–55); 4, 5 – Катанда II (курган 5), Курай VI (курган 1), медь (Степи…, 1981, рис. 19: 86, 87); 6 – Курай IV (курган 1), золото (Степи…, 1981, рис. 19: 117); 7–9 – серьги и височное кольцо (?), Курай III (курган 2), Саглы, Катанда II (большой курган, впускная могила 2), медь (Степи…, 1981, рис. 24: 28–30);
Хазарский каганат (салтово-маяцкая культура, в соответствии с классификацией и хронологией С.А. Плетневой): 10–20 – серьги (Степи…, 1981, рис. 37: 1–5, 97–99, 139–141);
Поднепровье (в соответствии с хронологией О.А. Щегловой): 21–23 – клад, Мартыновка, серебро, проволока (Корзухина, 1996, табл. 17: 3, 5, 6; с. 362, кат. 27: 19в, 18); 24–27 – клад Пастерское 1949 г., серебро, литье (Корзухина, 1996, табл. 26: 3, 7, 5, 9; с. 376, 377; кат. 73: 10, 14, 11, 15); 28–29 – клад Харивка, серебро, филигрань (Корзухина, 1996, табл. 72: 1, 2; с. 406, кат. 89, 7, 8); 30, 31 – отдельные находки (Корзухина, 1996, табл. 91: 7, 10; с. 412, 354; кат. 102: 35; 10: 3); 32–36 – Зайцевский клад, серебро, проволока (Корзухина, 1996, табл. 106: 4, 11–14; с. 420, кат. 129, 5, 6); 37, 38 – Пеньковская культура, поселение Семенки (Седов, 1982, табл. IV: 1, 2; с. 26);
Древняя Русь, клады и поселения: 39, 40, 52, 53 – клад из Железницы Рязанской губ., 1855 г., салтовские серьги, присоединены к проволочным височным кольцам, лучевые височные кольца, серебро (Макарова, 2005, рис. 3; Жилина, 2014, с. 191, № 8/5, 4); городище Новотроицкое Сумской обл., Роменско-Боршевская культура: 41, 42, 43 – клад из кв. Ш2 1953 г., подвеска к серьге, серьга и гроздевидно-лучевая подвеска, серебро (Жилина, 2014, с. 194, №177/3, 8, 9); 44–46 – клад из кв. У3, 1953 г., лучевое височное кольцо, браслетообразные височные кольца, серебро, бронза, литье, проволока (Жилина, 2014, с. 194, № 176/3, 5, 6); 47 – клад из Супруты Тульской обл., 1972 г., серьга салтовского типа, серебро, литье (Жилина, 2014, с. 194, № 178/1); 48, 49 – височные кольца, одно бусинное, бронза, серебро, жилища 5 и 21 (Ляпушкин, 1958, рис. 40: 4, 58: 3); 50, 51 – гроздевидные наушницы, бронза (?), серебро, жилище 5, 43 (Ляпушкин, 1958, рис. 40: 3, 83: 11); 54 – клад из Полтавы 1905 г., спиральное височное кольцо, серебро (Жилина, 2014, с. 187, № 1/4); височные кольца – ромбощитковые, серебро, латунь – 55 – клад Горошково, Любоежа Новгородской обл., 2001 (Жилина, 2014, с. 214, № 236/25); 56 – Новгород, рубеж X–XI вв. (Седова, 1981, рис. 1: 4; с. 9, 10); 57 – браслетообразное с каменными бусинами, клад из Гнездово Смоленской губ. 1867 г. (Жилина, 2014, с. 205, № 23/8); перстнеобразные 58 – завязанное, клад из Гнездово 1993 г., серебро (Жилина, 2014, с. 211, № 180/14); с бусинами из стеклянной пасты – 59 – золото (Жилина, 2014, с. 217, № 242/6); 60 – Новгород, от рубежа X–XI вв., биллон (Седова, 1981, рис. 3: 4; с. 13); гроздевидные наушницы, серебро: 61 – проволочно-каркасной конструкции, клад из Денис Полтавской губ., 1912; 62 – тисненая, клад из Гнездово 1993 г., (Жилина 2014, с. 201, № 18/3а; с. 211, № 180/2а); бусинные кольца, серебро: 63, 64 – многобусинные из клада в Гнездово 1867 г. с гладкими и филигранными бусинами (Жилина, 2014, с. 204, 205; № 23: 5а, б, в3–в5; 17); 65 – Новгород, трехбусинное кольцо с бусинами узелковой конструкции, вторая четверть XI в., бронза (Седова, 1981, с. 14, рис. 3: 6).

Fig. 3. Head adornments.

Формы украшений VIII в. сохраняют структуру серег, состоят из двух разделенных частей: кольца и медальона (рис. 3: 24–30, 32, 37, 38). Встречаются и простые кольца (рис. 3: 33–36) (Григорьев, 2000, с. 127–133, рис. 44, 46; Жилина, 2007, с. 86, 87, рис. 1).

В конце VIII–IX в. у славян не так много нарядных изделий, напоминающих своим обликом ювелирные. Потребность в них реализуется восприятием каплевидных хазарских серег, присоединяемых к крупным славянским височным кольцам (рис. 3:

39, 40, 41, 42, 47) (Макарова, 2005, с. 127, 128). Этот факт ярко показывает разницу традиций кочевнического и славянского уборов. Заимствованное украшение используется в системе славянского убора.

В IX–X вв. у славян и в Древней Руси развиваются навыки филигранного дела, разрабатываются простые гранулированные формы украшений, кольца дополняются элементарными треугольниками зерни, изготавливаются подражания в литье. Кольцевидные формы продолжают исконную славянскую традицию обильно-металлического убора (рис. 3:43,44,52,53)(Жилина,2007,с.89–92, рис. 2; Пушкина, 2012). Крупные браслетообразные кольца и мелкие перстнеобразные дополняются бусинами и имитирующими их плоскими щитками – ромбощитковые (рис. 3: 55–60, 63–65). Наиболее архаичны спиральные височные кольца, продолжающие традицию выделения медальона ниже кольца аналогично звездообразным украшениям VIII в. (рис. 3: 54).

Распространяются гроздевидные наушницы, сформировавшиеся на основе грануляции (рис. 3: 50, 51, 61, 62). В славянском уборе их способы ношения были различны. Возможно, их закрепляли на кожаных наушниках, носили в ушах (Мельник, 1901, с. 497, 498).

Несмотря на различие в традициях головных украшений славян и кочевников, можно отметить параллели в общем развитии украшений. Воздействие форм развитого византийского ювелирного убора привело к появлению сходных по деталям формы, но разных по размерам и назначению лучевых украшений, лучи которых происходят от филигранных треугольников: серег в хазарском комплексе и височных колец в славянском (рис. 3: 10, 52, 53).

Украшения рук

Для украшений рук салтово-маяцкой культуры браслеты нехарактерны. В тюркском и хазарском уборе представлены перстни. Наиболее просты пластинчатые и рифленые формы VI–VII вв. (рис. 4: 1, 2). Литые перстни со вставкой и четырьмя крестообразно-расположенными крапанами конца VIII – начала IX в. создают впечатление более дорогого ювелирного изделия (рис. 4: 3). В IX–X вв. появляются перстни с более изящно оформленными щитками со вставками и без них, а также – с филигранью (рис. 4: 4–8).

В уборе алан представлены браслеты: дротовые с обрубленными, сужающимися и зооморфными концами (рис. 4: 10, 13, 14). Перстни проходят путь от простых проволочных и пластинчатых форм (рис. 4: 9, 15) – к щитковым, перстням-печатям (рис. 4: 11, 12, 16, 17, 18), к перстням со вставками (рис. 4: 19).

В X–XI вв. серебряные браслеты распространяются у осевших кочевников в Саркеле-Белой Веже и Поросье, местах соприкосновения с русским населением (Макарова, 1962, с. 133).

Славянский убор в VI–VII вв. демонстрирует крупные массивные исходные формы тяжелых кованых браслетов с расширяющимися концами (рис. 4: 20, 21). В VIII в. наблюдается сохранение формы, но облегчение ее за счет технологии ковки, браслеты становятся полыми (рис. 4: 22, 23). В IX в. характерны более тонкие дротовые браслеты со слегка расширяющимися концами (рис. 4: 30). Пла-

стинчатые браслеты делаются либо из ровной пластины, либо сохраняют расширяющиеся концы (рис. 4: 31, 32). Эти более легкие формы выглядят как плоскостное отражение прежних объемных. В X в. концы браслетов обрубаются, слегка сужаются и, наконец, завязываются, появляются витые браслеты с перевитью из тонкой проволоки (рис. 4: 33, 38–40).

Перстни для славянского убора VI–VIII вв. единичны. Можно предположить, что некоторые простые кольца носили как перстни (рис. 4: 24–26). Практически первой формой перстней, распространившейся у славян в VIII в., являются салтовские со щитками, вставками и крапанами (рис. 4: 27, 28). В IX–X вв. перстни изготавливаются в собственной традиции металлического убора – пластинчатые с заходящими и завязанными концами (рис. 4: 29, 35, 36). X в. приносит филигранные перстни как элемент первого славянского ювелирного убора (рис. 4: 34). Появляются и перстни с кастовыми вставками (рис. 4: 37).

Таким образом, традиции славянского и кочевнического убора в украшениях рук противоположны. У кочевников отсутствуют тяжелые металлические браслеты, используются перстни. У славян мало используются перстни, видимо, в обильно-металлическом уборе они не актуальны – незначительны по весу и размеру. Традиция ношения тяжелых металлических браслетов, наоборот, чрезвычайно развита. Тем не менее тенденция, связанная с появлением и развитием ювелирного убора – снова в целом сходная. И там и здесь появляются похожие перстни со щитками, вставками, с филигранью.

Шейно-нагрудные украшения

В костюме кочевников, судя по изображениям, какие-либо ожерелья или нагрудные подвески фигурируют весьма редко (рис. 5: 1, 2). В археологическом материале Северного Кавказа с VI–VII вв. наблюдаются каменные, в основном сердоликовые, а также стеклянные и пастовые бусы (рис. 5: 3–22). В VIII–IX вв. в материале салтово-маяцкой культуры наблюдается увеличение количества стеклянных бусин, связываемое с возникновением местного Северо-Кавказского производства (Деопик, 1961, с. 231, 232, табл. 2–6) (рис. 5: 23–41). Ожерелья составлялись из амулетов, перламутровых дисков.

В раннеславянском уборе VI–VII вв. используются тяжелые нагрудные цепи с крупными подвесками: круглыми, лунничными, трапециевидными, прямоугольными и колоколовидными (рис. 5: 44–51), а также гладкие гривны простых форм без выраженного замка (рис. 5: 43). Встречаются крупные раковины (рис. 5: 52). Нити бусин, вероятно, преимущественно крепились к металлическим нагрудным цепям (рис. 5: 42). На следующем этапе крупных тяжелых форм меньше. В VIII в. крученые гривны получают профилированный замок из пластины (рис. 5: 53). Металлические цепи нехарактерны, распространяются ожерелья из бусин, янтарных, стеклянных и пастовых (рис. 5: 54–58). Появляются металлические бусины (рис. 5: 60). В уборе участвуют некрупные раковины (рис. 5: 59).

В конце IX – первой половине X в. среди украшений салтово-маяцкой культуры появляются ювелирные филигранные лунничные подвески,

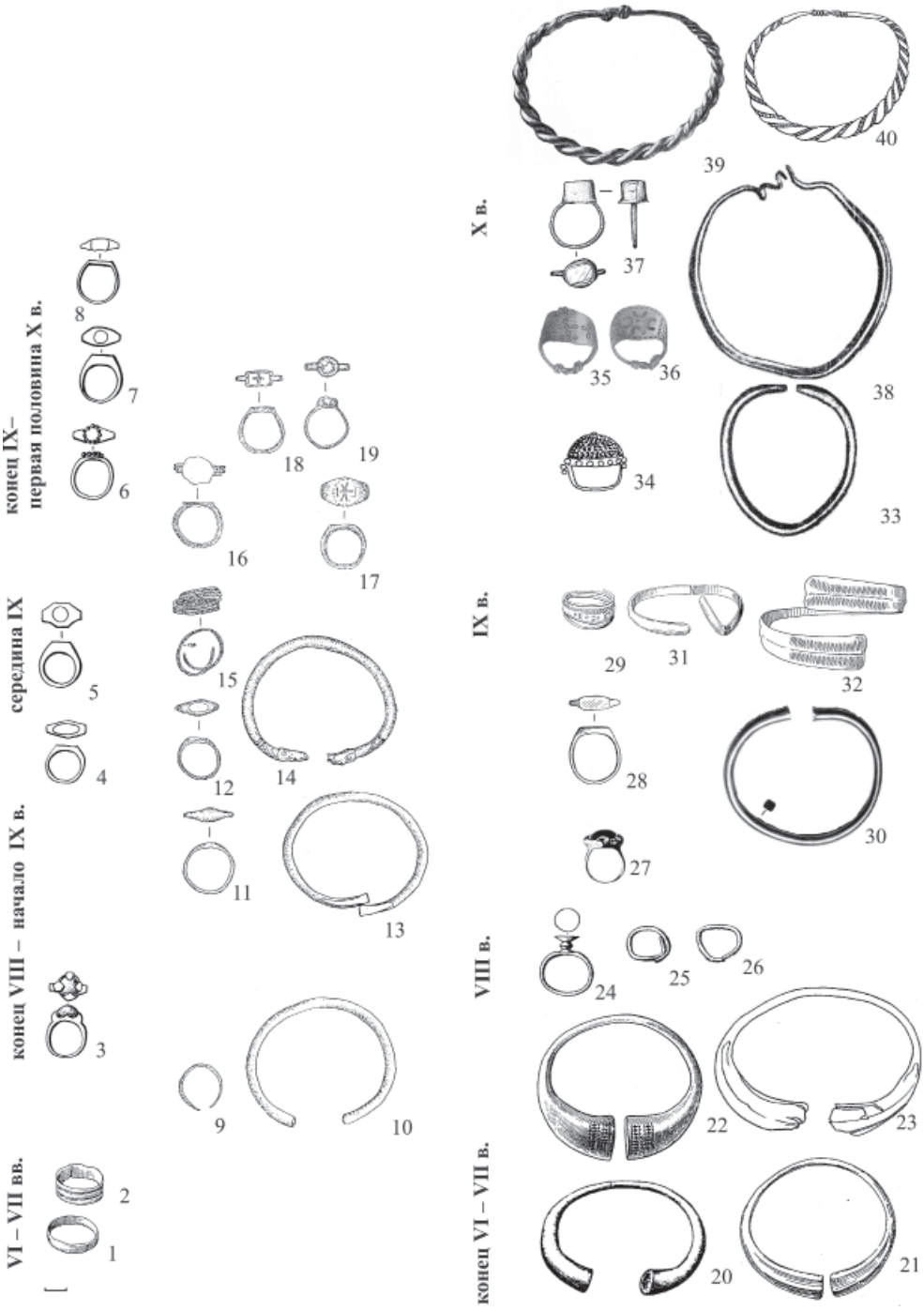

VI – VII вв.
конец VIII – начало IX в.
середина IX
конец IX–
первая половина X в.
X в.
IX в.
VIII в.
конец VI – VII в.
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40

Рис. 4. Украшения рук.
Народы, связанные с кочевыми государственными объединениями: *тюрки Саяно-Алтая* – 1, 2 – пластинчатые перстни (Гаврилова, 1965, табл. XX: 4, 5); *Хазарский каганат* (салтово-маяцкая культура, в соответствии с классификацией и хронологией С.А. Плетневой): перстни – 3 – со вставкой и крапанами, 4 – с цельным ромбическим щитком, 5 – со вставкой в гнезде и многоугольным щитком, 6 – с округлым щитком в обрамлении зерни, 7 – со вставкой в гнезде и высоким овально-ромбическим щитком, 8 – с плоским подпрямоугольным щитком (Степи…, 1981, рис. 37: 6, 7, 100, 138, 142, 143); аланские могильники Средней Кубани VIII–IX вв., бронза: перстни – 9 – дротовый; 11 – с уплощенным щитком, 12, 19 – со стеклянными вставками; 15 – пластинчатый с заходящими концами; 16 – с круглым щитком; 17, 18 – перстни-печатки (Каминский, 1984, рис. 1: 10; 7: 12, 17, 15, 16; 8: 27, 28; 7: 14); браслеты дротовые – 10 – с обрубленными концами; 13 – с четырехгранными концами; 14 – со звериноголовыми окончаниями (Каминский, 1984, рис. 1: 11; 3: 24; 7: 10); *Поднепровье* (в соответствии с хронологией О.А. Щегловой): браслеты – 20, 21 – браслеты кованые с округлыми и граненными концами, серебро, клады Малый Ржавец 1889 г. и Мартыновка 1907 г. Киевской губ. (Корзухина, 1996, табл. 4: 1; 14: 3; с. 359, 362; кат. 26: 2; 27, 20); 22, 23 – полые с расширенными округлыми и гранеными концами, Киев, случайные находки, серебро (Корзухина, 1996, табл. 1: 3; 2: 1; с. 352; кат. 3: 3 и 5); перстни – 24 – бронза, Пастерское, случайная находка (Корзухина, 1996, табл. 42: 3; с. 392, кат. 73: 188); 25, 26 – Зайцевский клад, серебро, проволока (Корзухина, 1996, табл. 106: 13, 14; с. 420, кат. 129: 6); *Древнерусские клады IX–X вв.*: перстни – 27 – со вставкой и четырьмя крапанами, серебро, Ивахники Полтавской губ. 1905 г. (Жилина, 2014, с. 188, № 2/5); 28 – с уплощенным щитком, бронза, городище Новотроицкое, кв. У3 1953 г. (Жилина, 2014, с. 194, № 176/4); 29 – пластинчатый с длинными отходящими концами – усами, серебро, городище Новотроицкое, кв. Ш2 1953 г. (Жилина, 2014, с. 194, № 177/1); 34 – перстень филигранный, серебро, Гущино близ Чернигова 1930-е гг. (Жилина, 2014, с. 204, № 21/4); 36 – пластинчатые с завязанными концами, серебро, Киев 1863 г. (Жилина, 2014, с. 198, № 14/2аб); 37 – со стеклянными вставками в пластинчатом касте, Гнездово Смоленской обл., 2000/2001 г., серебро (Жилина, 2014, с. 217, № 241/4); браслеты – 30 – дротовый со слегка расширяющимися концами, серебро, Железницы Рязанской губ. 1855 г. (Жилина, 2014, с. 191, № 8/3); 31, 32 – пластинчатые, один – с расширяющимися концами, серебро, городище Новотроицкое, кв. Ш2 и У3 1953 г. (Жилина, 2014, с. 194, № 177/7, № 176/2); 33, 38 – дротовый со слегка сужающимися и с сужающимися для завязывания концами, серебро, Копиевка Киевской обл., 1928 (с. 200, № 16/7а2, 7в); 39 – витой с завязанными концами, золото, Киев 1913 г. (с. 197, № 13/2б1); 40 – витой с завязанными концами и перевитью, серебро, погребение конца X – начала XI в., Куреваниха, курган 2 (Равдина, 1988, табл. 6: 15; с. 80, № 115).

Fig. 4. Hand adornments.

находящие место в элитарном костюме (рис. 6: 1). Общий характер убора средних слоев населения, видимо, не меняется (рис. 6: 2–6).

В IX–X в. в славянском уборе используются шейные гривны с развитым пластинчатым замком, круглые подвески-медальоны (рис. 6: 8, 10, 11). В VIII–X вв. стеклянные бусины преобладают, и их процент увеличивается (рис. 6: 7, 9, 12–32). Известны бусины сирийского и египетского, а с X в. – византийского производства (Щапова, 1987, с. 84, 85).

В X в. в Древней Руси сложился серебряный филигранный убор ювелирной стадии (рис. 6: 33). Он включал в себя крупные ожерелья из лунничных подвесок, полусферических медальонов и бусин (рис. 6: 34–43). Их за-

крепляли либо на гибкой связи, либо на жестком дроте, аналогичном гривне. Этот вариант ювелирного убора оставался близок обильно-металлическому. В ожерельях применялись подвески в скандинавских стилях, монетовидные, а также с пышным растительным декором (рис. 6: 44–47).

По материалу ожерелий, при разнице главных традиций, можно вновь отметить сходное движение к украшениям ювелирного убора. Но в Древней Руси формируется свой вариант славянского убора в технике скани и зерни, в хазарском мире спорадически используются отдельные ювелирные изделия.

Амулеты

Определенную роль в костюме играли амулеты, они не всегда находились снаружи одежды, а иногда бывали спрятаны от взора. Культура салтово-маяцких амулетов разнообразна и развита.

Возможно, роль амулетов играли бубенчики, подвешиваемые как к конской сбруе, так и к одежде (рис. 7: а–е). Во второй половине VIII – первой половине IX в. используются металлические амулеты: солярные кольцевидные с включением изображений животных и птиц; в виде изображений животных, коней и птиц; кости и клыки животных (рис. 7: 1–8). Амулеты найдены на груди или в районе пояса. Они входили в состав поясных подвесок, делались специальные колодки для их крепления. К IX – первой половине X в. фигурки животных перестали применяться, отсутствовало и поясное крепление. Главную роль играли натуральные материалы: кусочки янтаря, каменные привески, просверленные грецкие орехи, зубы, когти, пястные кости лисы и собаки (Плетнева, 1967, с. 140, 172–179). В VIII–IX вв. у хазар и алан в качестве амулетов широко распространены просверленные перламутровые диски из раковин моллюсков. Их носили в ожерельях на шнурке, подшивали к одежде, вдевали в петли платьев из тесьмы, подвешивали к ним бусины и другие амулеты. В погребениях их находят в районе головы, верхней половины тела, включая пояс. Предполагается, что они могли быть пришиты к головному убору, вплетены в косы (Аксенов, 2015) (рис. 7: 5–13).

У алан Северного Кавказа в качестве амулетов использовались медвежьи зубы и когти. Сугубо женскими талисманами были кости зайца и лисы, орехи. В погребениях Мощевой Балки кости зайцев находились в карманах платьев или в шкатулках, пришивались с изнанки у боковых разрезов. В могильнике Эшканон – плоды грецкого ореха с просверленной скорлупой входили в состав ожерелий. В Мощевой и Подорванной Балках найдены просверленные зубы оленя, имитация зуба из стекла. Зафиксированы обереги, нашитые на одежду или закрепленные в мешочках на поясе у мужчин или левом плече платья у женщин (Доде, 2001, с. 22–24).

В славянском уборе VI–IX вв. данные об амулетах значительно менее выразительны. Возможно, они выполнялись из плохо сохранявшихся натуральных материалов. Для VI–VII вв. один предмет можно связать с ролью амулета, состоящего из кольца с надетыми на него колокольчиками, височным кольцом, фрагментами цепочек (рис. 7: 14). Такая форма амулета известна по более позднему времени. Обильно-металлический убор в целом играл роль оберегающего покрова и

предметы-амулеты, составляли единое целое с ним (шумящие подвески, колокольчики).

В VIII–X вв. продолжали использоваться трапециевидные привески (рис. 7: 18, 30). Так же, как и у кочевников, амулетами были зубы хищников – лисы (рис. 7: 19, 31).

Данные об амулетах X–XI вв. более многочисленны, но происхождение ряда из них требует исследования (Журжалина, 1961). Остановимся на основных, более определенно связанных со славянскими верованиями. К концу X–XI вв. в Древней Руси распространились подвесные фигурки в виде животных (рис. 7: 23, 24). Обобщенная форма подвески-конька известна в XI–XII вв. (Рябинин, 1981, с. 28–31, 57, табл. 1: группа III, тип XIV).

Продолжает формироваться ансамбль из амулетов в связке, закрепленных на кольце и цепочках. Связки крепились к одежде или другим украшениям, находились в области груди, плеча, на боку, поясе. Известны случаи вхождения их в состав ожерелья, единично – у виска, в этом случае предполагается крепление к головному убору. Иногда амулеты не связывались с одеждой, их клали в могилу в качестве дара умершему (Рябинин, 1981, с. 30, 31). В состав связки, как правило, входили бубенчики (рис. 7: 16, 17, 20, 31). В XI в. известны привески из бубенчиков, закреплявшиеся либо на плече, либо – в головном уборе (Хвойко, 1904; Жилина, 2007, с. 94, рис. 3: 22). Миниатюрные предметы набора связаны с трудом, достатком в доме, чистотой, гигиеной, здоровьем. Среди них: ложечки, ключ, рыболовная блесна, гребень (рис. 7: 21, 22, 25–29). Не входили в общую связку воинские мужские амулеты-топорики (в виде топора с оттянутым вниз лезвием и в виде секиры), символы Перуна, в основном распространившиеся в XI в. (Даркевич, 1961, с. 93–100; Макаров, 1992, с 43–51) (рис. 7: 32, 33).

Выводы

Таким образом, для народов Хазарского каганата и славян выявляются различные традиционные пути развития костюма и связанного с ним убора из украшений.

У славян в VI–VII вв. используются драпированная одежда, скалываемая плечевыми фибулами, и тяжелый вариант обильно-металлического убора из украшений. Его составляют крупные объемные изделия, покрывающие костюм плотным металлическим слоем. Височные кольца большого диаметра поддерживаются жестким металлическим венком, используются шейные гривны и браслеты с расширяющимися концами. В нагрудном ярусе находятся цепи с крупными подвесками различной формы, в том числе шумящие. Мелкие украшения (перстни, металлические бусины) в уборе не распространены. Идея оберегания изначально введена в металлический убор – покров металла защищает человека, поэтому отдельные подвески-амулеты не выделены. Но некоторые предметы в его составе имели большее значение как амулеты, например, подвески-колокольчики. С древнейших времен в качестве оберегающего средства выделяется шум, производимый металлом. В VIII в. убор облегчается, распространяются миниатюрные головные украшения, звездообразные и гроздевидные, некоторые из них, возможно, использовались как серьги. Тем не менее, варианты ношения головных колец

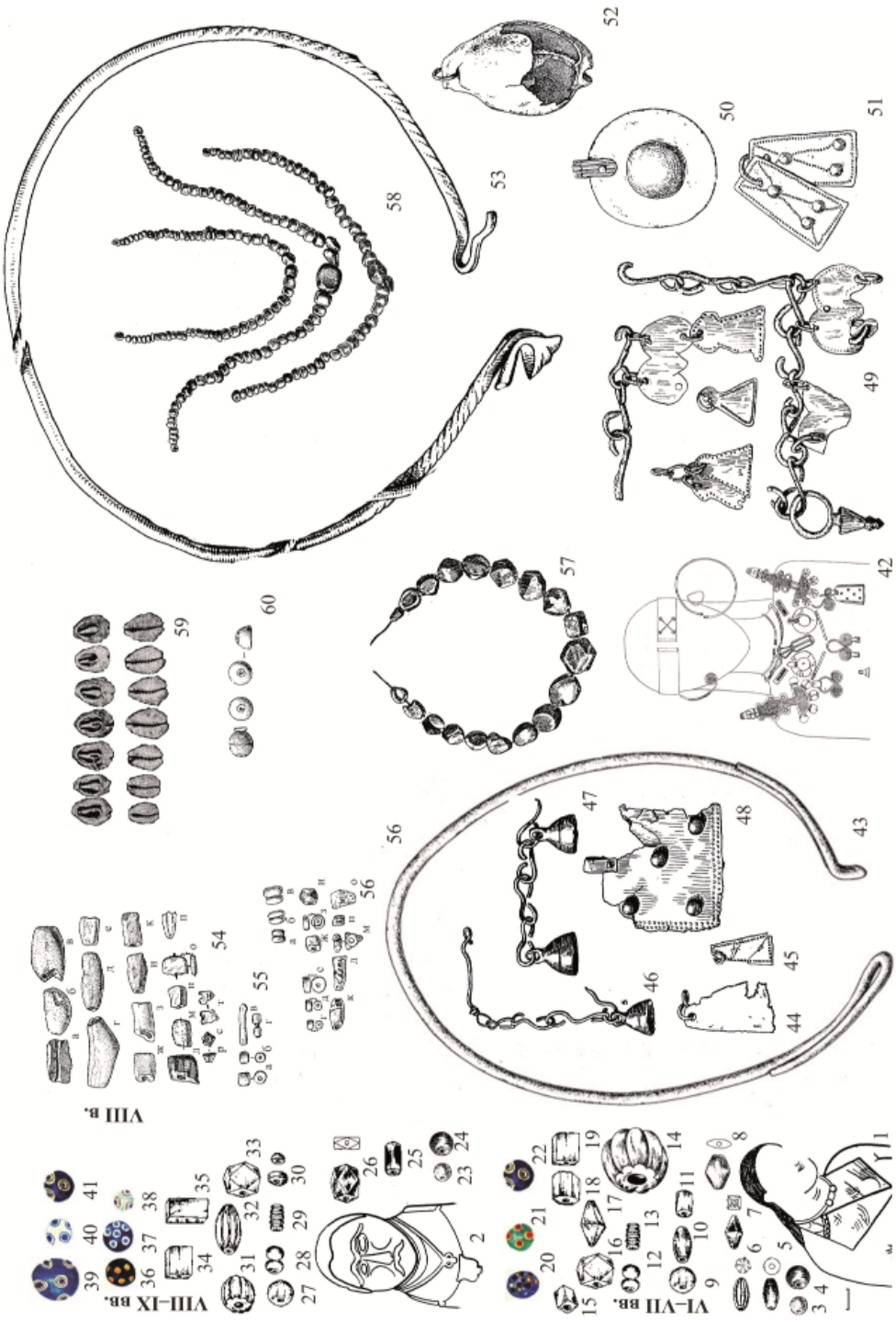

VI–VII вв.
VIII–IX вв.
VIII в.

Рис. 5. Ожерелья и их детали VI–VIII/IX вв.
Тюрки: 1 – Афросиаб (Самарканд); 2 – Корумды, оз. Иссыккуль (Степи…, 1981, рис. 22: 1, 4); Северный Кавказ, бусы (по классификации и хронологии В.Б. Деопик): 3–8 – сердоликовые (Деопик, 1961, рис. 2: 1, 2, 5, 7, 13); 9–19 – стеклянные одноцветные (Деопик, 1961, рис. 3: 1а, 2а, 3а, 8, 9, 11б, 13, 14, 15, 18, 23); 20–22 – стеклянные разноцветные (Деопик, 1961, рис. 5: 1, 5, 11); салтово-маяцкая культура: 23–26 – сердоликовые (Деопик, 1961, рис. 2: 1, 3, 6); 27–35 – стеклянные одноцветные (Деопик, 1961, рис. 3: 1а, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 23, 24); 36–41 стеклянные разноцветные (Деопик, 1961, рис. 5: 2, 6, 7, 9, 10, 11);
Поднепровье, клады (по хронологии О.А. Щегловой): VI–VII вв. – 42 – реконструкция убора, Гапоново (Гавритухин, Обломский, 1996, рис. 57); 43 – гривна дротовая, медная основа обтянута серебром, Мартыновка Киевской губ. 1907 г. (Корзухина, 1996, табл. 14: 1, кат. 27: 13); 44, 45, 52 – трапециевидные подвески, серебро и раковина Cypraea pantherina на медном кольце, Хацки Киевской губ 1893 г. (Корзухина, 1996, с. 373, табл. 22: 15, 21, 53; кат. 64: 21, 25); 46, 47, 57 – цепь бронзовая с колоколовидными подвесками, бусы янтарные, стеклянные и пастовые, Новая Одесса Харьковской губ. 1920 г. (Корзухина, 1996, с. 396, табл. 44: 5, 9; 46: 23; кат. 80: 11, 24); 48, 49 – прямоугольная подвеска и цепь с подвесками, бронза (?), Козиевка Харьковской губ. 1920 г. (Корзухина, 1996, с. 398, 399; табл. 52: 1, 53: 15–18; кат. 81: 63, 98, 97, 99аб); 50, 51 – круглая подвеска с полусферой и прямоугольные, серебро и бронза, Суджа Курской обл. 1947 г. (Корзухина, 1996, с. 404; табл. 67: 6, 1; кат. 85: 8, 9);
VIII в.: 53, 59– серебряная гривна и раковины Cypraea moneta, Харивка Сумской обл., 1949 г. (Корзухина, 1996, табл. 76: 2; 73: 4; с. 407, кат. 89: 12, 22); 54–56 – бусы янтарные, стеклянные и пастовые, Пастерское 1949 г. (Корзухина, 1996, табл. 27: 6 – 22, 23–26, 27–40, с. 377, кат. 73: 24, 25); 58 – бусы, стеклянные и пастовые, Колосково Воронежской губ. 1895 г. (Корзухина, 1996, табл. 105: 5–7; с. 419, кат. 128: 8); 60 – бусы серебряные, Пастырское 1949 (Корзухина 1996, табл. 27: 5).
Fig. 5. Necklaces and their details of 6th-8th /9th centuries.

остаются сложными, сохраняются традиционные архаичные конструкции крепления их в системе головного убора. В ожерельях все более применяются металлические и стеклянные бусины, крупные формы гривен и браслетов сохраняются. Отказ от плечевых и распространение подковообразных фибул свидетельствует о переходе к туникообразной конструкции основной одежды. В X в. в Древней Руси создается серебряный филигранный убор ювелирной стадии, в костюме известны пуговицы. Амулеты к XI–XII вв. получают вид многочастной связки на кольце и цепочках, на связках закреплены предметы, в основном связанные со сферой земледельческого оседлого быта.

У кочевников и народов Хазарского каганата существует распашная одежда на пуговицах, хотя продолжают использоваться фибулы (Доде, 2001, с. 26, 27; Степи…, 1981, рис. 37: 23, 135; Прошкин, 2017, рис. 9: 11–15) (рис. 1: 2). Наблюдается тканевый головной убор, усложняющийся по крою, дополняемый легкими тканевыми составными частями. Такая конструкция сочетается с легкими серьгами, носимыми мужчинами и женщинами. Из металлических украшений кроме серег носят небольшие перстни. В уборе кочевников практически нет ни гривен, ни браслетов. В ожерельях применяются каменные и стеклянные бусины. Здесь не распространен тяжелый металлический убор (за исключением поясного набора). В уборе используются копоушки (бытовые предметы) (Степи..., 1981, рис. 37). Существует развитая куль-

конец IX –
первая половина X в.
X в.
IX в.

Рис. 6. Ожерелья и их детали IX–X вв.
Салтово-маяцкая культура: 1 – филигранная лунница (Степи…, 1981, рис. 37: 137); 2–6 – стеклянные многоцветные бусы (Деопик, 1961, рис. 5: 22, 33, 44, 52, 59); городище Новотроицкое: 7 – бусина ребристая, стеклянная паста, жилище 25: (Ляпушкин, 1958, с. 98, рис. 65: 4); 8 – медальон, бронза, жилище 30 (Ляпушкин, 1958, с. 104, рис. 69: 1); 9 – бусы, стекло, жилище № 21 (Ляпушкин, 1958, с. 90, рис. 58: 3); 10 – реконструкция Н.В. Жилиной по погребению ребенка в жилище 30 (Ляпушкин, 1958, рис. 69: 1);
Древнерусские клады IX и X в.: 11 – гривна, серебро, Ивахники Полтавской губ. 1905 г. (Жилина, 2014, с. 188, № 2/1); 32 – гривна, серебро, Борщевка Волынской губ. 1883 г. (Жилина, 2014, с. 200, № 17/4б2); филигранный серебряный убор X в. – 33 – общий вид, реконструкция Н.В. Жилиной (рисунок О.В. Федорова) (Жилина, 2002а, рис. 4); 34, 35 – бусины, Юрковцы Киевской губ. 1864 г. и Гнездово Смоленской губ. 1867 г. (Жилина, 2014, с. 198, 204, 205; № 15/4а, 23/5в1); 37–41 – медальоны, Гнездово 1993 г. (Жилина, 2014, с. 211; № 180/5); 42, 43 – лунницы, Копиевка Киевской обл. 1928 г. и Борщевка Волынской губ. 1883 г. (Жилина, 2014, с. 198, 200; № 16/3, 17/2б); 44–48 – подвески в скандинавских и декоративном растительном стилях, монетовидные, дисковидные, Гнездово 1867, 1993 (Жилина, 2014, с. 204, 205, 211; № 23/13, 6а, 1б1; 180/6, 8); 36 – филигранная бусина, погребение конца X – начала XI в., Куреваниха, курган 2 (Равдина, 1988, табл. 6: 20; с. 80, № 115);
Бусы стеклянные и каменные (по классификации Ю.Л. Щаповой, опубликованы без масштаба): VIII–X вв. – 12–15 – одноцветные цилиндрические зонные и кольцевидные, пронизки сирийского производства, 16, 17 – шарообразные и овальные в сечении, декорированные глазками и полосами (Щапова, 1997, с. 84, 85; рис. 62: 1, 8, 11, 18, 22, 26); 18 – египетская мозаичная, 19 – византийская синяя (Щапова, 1997: рис. 62: 30, 31); 20, 21 – хрустальные шарообразные и призматические сердоликовые (Щапова, 1997: рис. 62: 33, 35); вторая половина X – начало XI в. – 22, 23 – лимоновидные (Щапова, 1997: рис. 62: 48, 50); 24 – эллипсоидные с шейкой (Щапова, 1997: рис. 62: 55); 25 – ребристые (Щапова, 1997: рис. 62: 58); 26 – цилиндрические зонные (Щапова, 1997: рис. 62: 69); 27 – декорированные (Щапова, 1987: рис. 62: 80); 28, 29 – сердоликовые и хрустальные (Щапова, 1997: рис. 62: 33, 94); 30, 31 – бочонкообразные и цилиндрические с подкладкой из фольги, византийского производства (Щапова, 1997: рис. 63: 1, 2).

Fig. 6. Necklaces and their details of 9th – 10th centuries.

тура амулетов, связанных со сферой солярных и лунарных культов, плодородия, животным миром (культ духов-онгонов). Амулеты представляют собой мелкие предметы, которые могли находиться в специальных скрытых местах костюма, подвешиваться к плечам и поясу, входить в состав культовых ожерелий. Со временем в изготовлении амулетов возобладали натуральные материалы.

Разница традиций, прежде всего, связана с различием хозяйства и бытового уклада народов, оседлого и кочевого. Важен был и тот набор материалов, которым они располагали.

Наряду с различием можно отметить сходную тенденцию распространения в уборе ювелирных филигранных украшений к X в. Воздействие византийской ювелирной культуры результировалось в создании у кочевников и славян разных по форме, но сходных по элементам, лучевых украшений. В Древней Руси складывается сложный по составу самостоятельный вариант общеславянского убора. В хазарском мире распространены отдельные филигранные изделия (перстни, серьги, лунницы).

Общее в отношении к амулетам связано с общими компонентами язы-

конец X – XI в.
конец IX – первая половина X в.
середина IX в.
VIII – начало IX в.
VI–VII вв.
а
б
в
г
д
е
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33

Рис. 7. Амулеты.

Хазарский каганат (салтово-маяцкая культура, в соответствии с классификацией и хронологией С.А. Плетневой): 1–4 – вторая половина VIII – начало IX в. (Степи…, 1981, рис. 37: 46, 52, 55, 56); 5–8 – середина IX в. (Степи…, 1981, рис. 37: 62, 66, 71, 73, 105, 106); 9, 10 – конец IX – первая половина X в. (Степи…, 1981, рис. 37: 136, 155); 13 – ожерелье из перламутровых дисковидных амулетов, аланы, Северный Кавказ, могильник Подорванная Балка; а–е – бубенчики (Степи…, 1981, рис. 37: 18–21, 147; Прошкин, 2017, рис. 9: 7, 8);

Славяне и Русь: клады – 14 – Козиевка Харьковской губ. (Корзухина, 1996, с. 399, кат. 81: 102, табл. 54: 1); 15 – Фотовиж (Комар, Стрельник, 2011, рис. 9: 6); 16–18 – Ивахники (Жилина, 2014, № 2: 8, 6б); 19 – подвеска из клыка лисицы, городище Новотроицкое, жилище № 27 (Ляпушкин, 1958, рис. 66: 4); погребения – 20 – подвеска-бубенчик, Тимерево близ Ярославля, курган 5, начало X в. (Равдина, 1988, с. 116, табл. 9: 16); 21, 22 – подвеска в виде гребня и округлая выпуклая, Новоселки Смоленской обл., курган 2, X в. – ? (Равдина, 1988, с. 90, табл. 6: 25, 26); 23, 24 – подвески-коньки, Верхоляны Псковской обл. (курган 7) и Ригачева Ленинградской обл. (курган 1), первая половина XI в. (Равдина, 1988, с. 33, 107, 108, табл. 2: 10; 8: 22); 25, 26 – поясные подвески в виде ключа и ложки, Заозерье Ленинградской обл., курган 1, погребение 3, XI в. (Равдина, 1988, с. 60, табл. 4: 15, 16); 27 – подвеска в виде рыболовной блесны, Избрижье под Тверью, курган 4, XI в. (Равдина, 1988, с. 61, 62, табл. 4: 19); 28 – подвеска в виде ложечки, около висков, Каменка Псковской обл., курган 47, XI в. (Равдина, 1988, с. 68, 69, табл. 5: 16); 31 – цепочка, клык лисицы, бубенчик, Шейки Московской обл., 76, XI в. (Равдина, 1988, с. 129, табл. 14: 8); Новгород Великий – 29, 30 – привеска-ложка, Неревский раскоп, конец X начало XI в. (Седова, 1981, рис. 7: 11); 32, 33 – амулеты-топорики, Буянский и Неревский раскопы, начало – первая четверть XI в. (Седова, 1981. Рис. 7: 8, 9).

Fig. 7. Amulets.

ческих религий: культом солнца (образ коня), ролью животных (кости и зубы животных), оберегающим значением шума (бубенчики).

Взаимодействие между анализируемыми уборами из украшений было возможно в формах, не нарушавших рамки различных сложившихся систем: обильно-металлического убора у славян и облегченного, с большей долей использования натуральных материалов, у кочевников. Салтовские серьги у славян занимают место не серег, а подвесок к височным кольцам. Распространяются сходные формы перстней, поскольку эти украшения рук не нарушают общего строя убора, его системы. Заимствования со стороны представителей хазарского мира от славян могли быть усилены переходом к оседлости. В целом же каналов взаимного восприятия между костюмами и уборами славянского и хазарского мира было не так много.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапов А.С., Сарачева Т.Г. О способах ношения височных колец // РА. 1997. № 1. С. 99–108.

2. Аксенов В.С. Пуговицы из раковины моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. Т. 13 / Гл. ред. О.Б. Бубенок. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 65–80.

3. Вагнер Г.К. Рязань. М.: Искусство, 1971. 164 с.

4. Винокур І.С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровского межиріччя II–V ст. н.е. Київ: Наукова Думка, 1972. 180 с.

5. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 113 с.

6. Гавритухин О.И., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 3 / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. М.: ИА РАН. 1996. 296 с.

7. Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. № 1. / ред.? Место?, 2010. С. 16–79.

8. Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула: Гриф и К, 2000. 263 с.

9. Даркевич В.П. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве // СА. 1961. № 4. С. 91–102.

10. Деопик В.Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв. // СА. 1961. № 1 С. 202–232.

11. Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Восточная литература РАН, 2001. 136 с.

12. Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. 272 с.

13. Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 72–120.

14. Елкина И.И. Текстиль из древнерусских погребальных памятников округи Звенигорода // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы X региональной конференции. (Калуга, 25–27 марта *2003* г.). Калуга: Гриф, 2003. С. 34–41.

15. Жилина Н.В. Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство) // Stratum plus. 2010. № 6. С. 255–268.

16. Жилина Н.В. Височные украшения славяно-русского убора: византийское влияние и собственные традиции // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювеліирне мистецтво – погляд крізь віки» / Київ: «XIK», 2007. С. 86–101.

17. Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. 400 с.

18. Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси и русская народная вышивка // Живая старина. 1996. № 3. С. 24–28.

19. Жилина Н.В. О различии убора, воссоздаваемого по древнерусским кладам и погребениям // Звенигородская земля. История, археология, краеведение. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию Звенигородского историко-архитектурного и художественного музея. Звенигород: Звенигородский историко-архитектурный и художественный музей, 2001. С. 29–38.

20. Жилина Н.В. Русский ювелирный убор // Родина. 2002а. № 11, 12. С. 160–165.

21. Жилина Н.В. Эволюция височной подвески славяно-русского металлического убора // КСИА. Вып. 213. М.: Наука, 2002б. С. 49–60

22. Журжалина Н.П. Древнерусские привески-амулеты и их датировка // СА. 1961. № 2. С. 122–140.

23. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.

24. Иерусалимская А.А. Новые данные к этнической истории Северо-Западного Кавказа // VIII Крупновские чтения (тезисы докладов). Нальчик: Kabardino-Balkarian Institute of History, Philology and Economy Балкарский ордена «Знак Почета» институт истории, филологии и экономики, 1978. С. 93–95.

25. История русской литературы X–XVII веков / Под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение, 1980. 462 с.

26. Каминский В.Н. Раннесредневековые аланские катакомбы на Средней Кубани // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии / Отв. ред. В.А. Кузнецов. Орджо-

никидзе: Северо-осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1984. С. 11–28.

27. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Т. I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.

28. Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево / САИ. Е1–55. М.: Наука, 1971. 63 с.

29. Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. 2011. № 5. С. 143–164.

30. Кондаков Н.П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.: Императорская академия наук, 1906. 123 с.

31. Корзухина Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. V / Глав. ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1996. С. 352–435, 586–705.

32. Левашова В.П. Венчики женского головного убора из курганов X–XII вв. // Славяне и Русь / Ред. Е.И. Крупнов. М.: Наука, 1968. С. 91–97.

33. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / МИА. № 74. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. 327 с.

34. Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. № 2. С. 41–56.

35. Макарова Т.И. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в XI столетии // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов.М.: Наука, 2005. С. 126–131.

36. Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X–XI вв. // Археологический сборник. Славянские древности. Вып. 4 / Ред. С.С. Сорокин. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 1962. С. 127–134.

37. Мельник Е.Н. Раскопки в земле лучан, произведенные в 1897–1898 гг. // Труды XI АС в Киеве. Т. I. М. 1901. С. 479–513.

38. Орфинская О.В. Реконструкция одежды населения Нижне-Архызского городища VII–IX веков // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкессии. Сборник научных трудов. / Отв. ред. Е.П. Алексеева. Черкесск: Карачаево-Черкесский научноисследовательский институт истории, филологии и экономики, 1991. С. 112–123.

39. Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с.

40. Прошкин О.Л. Кочевнические древности IX–X веков в северо-западной части бассейна Верхней Оки // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 13 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2017. С. 33–44.

41. Пушкина Т.А. Центральное Гнёздовское городище (предварительные итоги изучения 2008–2012 гг.) // Сборник материалов «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства». Научная конференция, посвященная 110 годовщине со дня рождения И.И. Ляпушкина.СПб.: Соло, 2012. С. 206–209.

42. Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988. 150 с.

43. Равдоникас Т.Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э. – конец XVII в.). Л.: Наука, 1990. 144 с.

44. Родинкова В.Е. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Восточная Европа в середине I тысячелетия н.э. / Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. Вып. 9. / Отв. ред.: И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. Москва: ИА РАН, 2007. С. 358–388.

45. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.

46. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 608 с.

47. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. / САИ. Е1–60. Л.: Наука, 1981. 144 с.

48. Сабурова М.А. Древнерусский костюм. Одежда // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 93–102.

49. Сабурова М.А. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. 1974. № 2. С. 85–97.

50. Сабурова М.А. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144. М.: Наука, 1975. С. 18–22.

51. Сабурова М.А. Шерстяные головные уборы с бахромой из курганов вятичей // СЭ. 1976. № 3. С. 127–132.

52. Савін Н.І. Раскопкі курганоў у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кніга 11. Працы археолёгічнай камісіі. Т. II / Пад рэд. Археолёгічнай камісіі. Менск: Беларуская акадэмія навук, 1930. С. 219–252.

53. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. / Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.

54. Седов В.В. Очерки по археологии славян. М.: ИА РАН, 1994. 128 с.

55. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

56. Сотникова М.П., Спасский И.Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л.: Искусство, 1983. 240 с.

57. Степанова Ю.В. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской государственный университет, 2009. 364 с.

58. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 301 с.

59. Хвойко В.В. Раскопка могильника при с. Броварки, Гадячского у., Полтавской губ. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XX. Вып. 2. М., 1904. С. 40–48.

60. Щапова Ю.Л. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 80–92.

61. Щеглова О.А. О двух группах «древностей антов» в Среднем Поднепровье // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Сборник научных трудов / Ред. Р.В. Терпеловский. Курск: Курский областной краеведческий музей, 1990. С. 162–205.

62. Zhilina **N**. Attire of the adornments: the main historical stages: natural, heavy metal, jewelry, the accessory // 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016. Vilnius / ed. A. Zilinskaite.Vinius: SauliusJokuzys Publishing-Printing House, 2016. P. 87.

Информация об авторе:

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nvzhilina@yandex.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE KHAZAR AND SLAVIC-RUSSIAN ATTIRE OF ADORNMENTS

N.V. Zhilina

The author analyzes the development traditions of the costume and associated attire of adornments characteristic of the Slavs and Khazar Khaganate peoples. In 6th – 7th centuries the Slavs wore decorated clothing fastened with fibulae and an attire of large adornments mainly composed of metal. Since 8th century the attire became lighter, but the massive shapes of torcs and bracelets remained. Among the adornments crafted in Ancient Rus during 10th century were a silver jewellery filigree attire and widespread military amulets, whereas the amulets related to settled peaceful lifestyle took the shape of clusters on chains. The Khazar

people wore buttoned clothing, their textile headdresses developed on the basis of the sheet style and was combined with earrings. They wore signet rings, stone and glass beads, but torcs and bracelets were not characteristic. A developed culture of amulets is associated with solar cults, fertility and the animal world. The difference in traditions is related to the various economies and household organization of settled and nomadic peoples. A similar tradition is refl ected in the attire of jewellery adornments which had become widespread by 10th century. Combination of these attires, according to the author, was only possible in forms which did not interfere with the traditions of two different systems: a primarily metal attire of the a lighter attire of nomads largely consisting of natural materials.

Keywords: archaeology, the Middle Ages, headdress, adornments, metal, glass, stone, temple rings, earrings, necklaces, amulets.

REFERENCES

1. Agapov, A. S., Saracheva, T. G. 1997. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (1), 99–108 (in Russian).

2. Aksenov, V. S. 2015. In Bubenok, O. B. (ed.). *Khazarskii al'manakh (Khazar Almanac)* 13. Moscow: Instutite for Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 65–80 (in Russian).

3. Vagner, G. K. 1971. *Riazan' (Ryazan)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

4. Vinokur, I. S. 1972. Istoriia ta kul'tura cherniakhivs'kikh plemen Dnistro-Dniprovskogo mezhirichchia II–V st. n.e. (History and Culture of the Chernyakhov Tribes from the Dniester-Dnieper Interfl uve of 2nd–5th Centuries A.D.). Kiev: "Naukova Dumka" Publ. (in Ukranian).

5. Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Mound as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).

6. Gavritukhin I. O., Oblomsky A. M. 1996. In Afanasyev, G. E., Rusanova, I. P. (eds.). *Gaponovskii klad i ego kulturno-istoricheskii kontekst (Gaponovo Hoard and its cultural and historical Context)*. Series: Ranneslavianskii mir. Arkheologiia slavian i ikh sosedei (The World of the early Slavs. The Archaeology of the Slavs and Their Neighbours) 3. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

7. Gorelik M. V. 2010. In: *Batyr. Traditsionnaya voennaya kul'tura narodov Evrazii* (*Batyr. Traditional Mi1itary Culture of the Peoples of Eurasia)*. (1), 16–79 (in Russian).

8. Grigor'ev, A. V. 2000. *Severskaia zemlia v VIII – nachale XI veka po arkheologicheskim dannym. (Seversk Land in 8th – early 9th Centuries According to Archaeological Data)*. Tula: "Grif i K" Publ. (in Russian).

9. Darkevich, V. P. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 91–102 (in Russian).

10. Deopik V. B. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 202–232 (in Russian).

11. Dode, Z. V. 2001. *Srednevekovyi kostium narodov Severnogo Kavkaza. Ocherki istorii. (Medieval Costume of North Caucasian Peoples. Essays on History)*. Moscow: "Vostochnaya literatura RAS" Publ. (in Russian).

12. Rabinovich, M. G. (ed.). 1986 *Drevniaia odezhda narodov Vostochnoi Evropy (Ancient Clothing of Eastern European Peoples)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

13. Evtiukhova, L. A. 1952. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology)* 24. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 72–120 (in Russian).

14. Elkina, I. I. 2003. In *Voprosy arkheologii, istorii, kul'tury i prirody Verkhnego Pooch'ia.* (*Issues of Archeology, History, Culture and Nature of the Upper Oka Region*). Kaluga: "Grif" Publ., 34–41 (in Russian).

15. Zhilina, N. V. 2010. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 255–268 (in Russian).

16. Zhilina, N. V. 2007. In *Muzeini chitannia. Materialy naukovoi konferentsii "Uvelirne mystetstvo – poglad kriz' viki" (Museum Readings. Proceedings of Scientific Conference "Jewelry Art – View Through the Centuries")*. Kiev: "KhIK" Publ., 86–101 (in Russian).

17. Zhilina, N. V. 2014. *Drevnerusskie klady IX–XIII vv. Klassifikatsiia, stilistika i khronologiia ukrashenii (Old Russian Hoards of 9th–13th Centuries. Classification, Stylistics and Chonology of Adornments)*. Moscow: "URSS" Publ. (in Russian).

18. Zhilina, N. V.1996. In *Zhivaia starina (Living Antiquity)* (3), 24–28 (in Russian).

19. Zhilina, N. V. 2001. In *Zvenigorodskaia zemlia. Istoriia, arkheologiia, kraevedenie (Zvenigorod Land. History, Archaeology, Local Lore)*. Zvenigorod: Zvenigorod Historical, Architectural and Art Museum, 29–38 (in Russian).

20. Zhilina, N. V. 2002a. In Rodina (Homeland) 11, 12. Moscow: "Rodina" Publ., 160–165 (in Russian).

21. Zhilina, N. V. 2002b. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 213. Moscow: "Nauka" Publ., 49–60 (in Russian).

22. Zhurzhalina N. P. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 122–140 (in Russian).

23. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

24. Ierusalimskaia, A. A. 1978. In *VIII Krupnovskie chteniia (tezisy dokladov) 8th Krupnov Readings (Abstracts))*. Nalchik: Kabardino-Balkarian Institute of History, Philology and Economy, 93–95 (in Russian).

25. Likhachov, D. S. (ed.). 1980. *Istoriia russkoi literatury X–XVII vekov (History of Russian Literature of 10th–17th Centuries)*. Moscow: "Prosveshchenie" Publ. (in Russian).

26. Kaminskii, V. N. 1984. In Kuznetsov, V. A. (ed.). *Voprosy arkheologii i etnografii Severnoy Osetii (Issues of Archaeology and Ethnography of North Ossetia)*. Ordzhonikidze: North Ossetia Research Institute of History, Philology and Economy, 11–28 (in Russian).

27. Kozin, S. A. 1941. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaia khronika 1240 g. T. I. Vvedenie v izuchenie pamiatnika, perevod, teksty, glossarii (Arcane Narrrative. Mongolian Chronicle of 1240. Introduction to the Study of the Monument, Translation, Texts, and Glossaries)* I. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

28. Kolchin, B. A. 1971. *Novgorodskie drevnosti. Reznoe derevo (Novgorod Antiquities. Carved Wood)*. Series: Svod arkheologicheskikh istochnikov (Code of archaeological sources) E1–55. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

29. Komar, A. V., Strelnikov M. A. 2011. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 143–164 (in Russian).

30. Kondakov, N. P. 1906. *Izobrazheniia russkoi kniazheskoi sem'i v miniatiurakh XI veka (Images of the Russian Princely Family on Miniatures of 11th Century)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences (in Russian).

31. Korzukhina, G. F. 1996. In Aibabin, A. I. (ed.). *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria)* V. Simferopol: "Tavriya" Publ., 352–435, 586–705 (in Russian).

32. Levashova, V. P. 1968. In Krupnov, E. I. (ed.). *Slaviane i Rus' (The Slavs and Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ., 91–97 (in Russian).

33. Lyapushkin, I. I. 1958. *Gorodishche Novotroitskoe. O kul'ture vostochnykh slavian v period slozheniia Kievskogo gosudarstva (Novotroitskoye Fortified Settlement. On the Culture of the Eastern Slavs during the Development of the Kievan State)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 74. Moscow; Leningrad: the USSR Academy of Sciences (in Russian).

34. Makarov, N. A. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (2), 41–56 (in Russian).

35. Makarova, T. I. 2005. In Makarov, N. A., Chernetsov, A. V. (eds.). *Rus' v IX–XIV vekakh. Vzaimodeistvie Severa i Iuga (Rus in 9th–14th Centuries. Interaction of the North and South)*. Moscow, "Nauka" Publ., 126–131 (in Russian).

36. Makarova, T. I. 1962. In Sorokin, S. S. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik. Slavianskie drevnosti (Archaeological Collected Articles. Slavic Antiquities)* 4. Leningrad: State Hermitage Museum, 127–134 (in Russian).

37. Mel'nik, E. N. 1901. In *Trudy XI Archeologicheskogo syezda v Kieve* (*Proceedings of the 11th Archaeological Congress in Kiev*) I. Moscow, 479–513 (in Russian).

38. Orfinskaia, O. V. 1991. In Alekseeva, E. P. (ed.). *Voprosy arkheologii I istorii Karachaevo-Cherkessii (Issues of Archaeology and History of Karachay-Cherkessia)*. Cherkessk: Karachay-Cherkess Research Institute of History, Philology and Economy, 112–123 (in Russian).

39. Pletneva, S. A. 1967. *Ot kochevii k gorodam. Saltovo- maiatskaia kul'tura (From Camps to Towns. Saltovo -Mayaki Culture)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Proceedings and Research in Archaeology of the USSR) 142. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

40. Proshkin O. L. 2017. In Engovatova, A. V. (ed.). *Arkheologiia Podmoskov'ia: Materialy nauchnogo seminara (Archaeology of the Moscow Region: Materials of the Seminar)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 33–44 (in Russian).

41. Pushkina, T. A. 2012. *In: Sbornik materialov «Slaviane Vostochnoi Evropy nakanune obrazovaniia Drevnerusskogo gosudarstva». Nauchnaia konferentsiia, posviashchennaia 110 godovshchine so dnia rozhdeniia I.I. Liapushkina* (*Collected Works "The Slavs of Eastern Europe on the Eve of the Formation of the Old Russian State". Scientific Conference Dedicated to the 110th Anniversary of I.I. Lyapushkin*). Saint Petersburg: "Solo" Publ., 206–209 (in Russian).

42. Ravdina, T. V. 1988. *Pogrebeniia X–XI vv. s monetami na territorii Drevnei Rusi. Katalog (Burials of 10th–11th Centuries with Coins in the Territory of Ancient Rus. Catalogue)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

43. Ravdonikas, T. D. 1990. *Ocherki po istorii odezhdy naseleniia Severo-Zapadnogo Kavkaza (V v. do n.e. – konets XVII v.) (Essays on the History of Clothing of the North-West Caucasus Population (5th Century B.C. – Late 17th Century A.D.)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

44. Rodinkova, V. E. 2007. In Gavritukhin, I. O., Oblomskii, A. M. (eds.). *Vostochnaia Evropa v seredine I tysiacheletiia n.e. (Eastern Europe in the Middle of the I Millennium A.D.)*. Series: Early Slavic World. Archaeology of Slavs and Their Neighbors 9. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 358–388 (in Russian).

45. Rybakov, B. A. 1987. *Yazychestvo Drevney Rusi (Paganism of Ancient Rus)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

46. Rybakov, B. A. 1981. *Iazychestvo drevnikh slavian (Paganism of the Early Slavs)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

47. Ryabinin, E. A. *Zoomorfnye ukrasheniya Drevney Rusi X–XIV vv. (Zoomorphic Adornments in Ancient Rus of 10th–14th Centuries)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1–60. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

48. Saburova, M. A. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 93–102 (in Russian).

49. Saburova, M. A. 1974. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 85–97 (in Russian).

50. Saburova, M. A. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 144. Moscow: "Nauka" Publ., 18–22 (in Russian).

51. Saburova, M. A. 1976. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 127–132. (in Russian).

52. Savin, N. I. 1930. In *Zapiski addzelu gumanitarnykh navuk. Kniga 11. Pratsy arkheolegichnai kamisii* (*Bulletin of the Humanities Department. Book 11. Proceedings of the Archaeological Commission*) II. Minsk: Belarus Academy of Sciences, 219–252 (in Belorussian).

53. Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI–XIII vv. (Eastern Slavs in 6th–13th Centuries)*. Series: Archaeology of the USSR 14. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

54. Sedov, V. V. 1994. Ocherki po arkheologii slavian (Essays on the Archaeology of the Slavs). Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

55. Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

56. Sotnikova, M. P., Spasskii, I. G. 1983. *Tysiacheletie drevneishikh monet Rossii. Svodnyi katalog russkikh monet X–XI vekov (Millennial Anniversary of Ancient Russian Coins. Joint Catalogue of Russian Coins of 10th–11th Centuries)*. Leningrad, "Iskusstvo" Publ. (in Russian).

57. Stepanova, Yu. V. 2009. *Drevnerusskii pogrebal'nyi kostium Verkhnevolzh'ia (Old Russian Burial Costume of the Upper Volga Region)*. Tver: Tver State University (in Russian).

58. Pletneva, S. A. (ed.). 1981. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ia (Eurasian Steppes in the Middle Ages)*. Archaeology of the USSR 18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

59. Khvoiko, V. V. 1904. In *Drevnosti. Trudy Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva (Antiquities. Proceedings of Moscow Archaeological Society*) XX (2), 40–48 (in Russian).

60. Shchapova, Yu. L. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 80–92 (in Russian).

61. Shcheglova, O. A. 1990. In Terpelovskii, R. V. (ed.). *Materialy i issledovaniia po arkheologii Dneprovskogo Levoberezh'ia* (*Materials and Research on the Archeology of the Left Bank of the Dnieper)*. Kursk: Kursk Regional Museum of Local Lore, 162–205 (in Russian).

62. Zhilina, N. V. 2016. In: A. Zilinskaite (ed.). *Attire of the Adornments: the Main Historical Stages: Natural, Heavy Metal, Jewelry, the Accessory. 22nd Annual Meeting of the EAA. 31st August – 4th September 2016. Vilnius*. Vinius: Saulius Jokuzys Publishing-Printing House Publ., 87.

About the Author:

Zhilina Natalia V., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nvzhilina@yandex.ru

Статья поступила в номер 17.04.2016 г.

УДК 902+745/749 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.157.172

О ХРОНОЛОГИИ ВОСТОЧНОГО ИМПОРТА В ВОЛЖСКУЮ БУЛГАРИЮ В X-XI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ТОРЕВТИКИ)

© 2017 г. К.А. Руденко

В статье рассматриваются предметы художественного металла, попавшие на Среднюю Волгу из стран Востока в начале II тыс. н.э. Это чаши, изготовленные из специального сплава – белой бронзы. Большинство их найдено в Марийском Поволжье и в Приочье, а одна чаша обнаружена на булгарском селище (I Семеновском) в нижнем течении Камы. В статье исследуются 8 таких изделий. Изучение датирующих предметов из захоронений, в которых были обнаружены чаши, а также стилистический анализ изображений, проведенные автором, позволили предполагать, что чаши могли быть изготовлены в одном центре, который функционировал в последней трети X - первой четверти XI в. По мнению автора статьи, чаши попали на Среднюю Волгу двумя партиями. Первая партия поступила сюда между 60-ми гг. X в. и началом XI в. Вторая партия была отправлена в первой половине XI века. Чаши из этого центра импортировались во второй половине X - первой половине XI века также в Западную Сибирь, но не через Волжскую Булгарию, а другим путем.

Ключевые слова: археология, художественный металл, хронология, Волжская Булгария, Марийское Поволжье, Приочье, Западная Сибирь, Биляр, чаши, ковши.

Волжская Булгария в домонгольский период была одним из центров международной торговли, существенную часть которой составляли связи со странами Востока. Наиболее часто предметом импорта становились художественные изделия из металла. Наибольшее их количество приходится на X–XI вв., причем большая часть изделий X в. найдена за пределами Волжской Булгарии, а находки, датированные XI в., встречены на булгарских памятниках – как городищах, так и селищах.

Появление металлической посуды (железных котлов) у булгар на Средней Волге относится к началу X в. (Руденко, 2000, с. 38, 104, тип Ж-4, рис. 2), а художественных чаш – не ранее второй половины X в. (Руденко, 1990, с. 217). Также к X в. начинают распространяться привозные художественные чаши в Приочье и Марийском Поволжье (Руденко, 2000а, с. 69–81).

Надо сказать, что в Волго-Камский регион изделия художественного металла проникали и раньше – в VII–IX вв. Однако на Средней Волге этого периода такие находки не выявлены. В Прикамье встречены серебряные и бронзовые изделия, например, чаша из II Аверинского могильника, расположенного в верховьях Камы в Кировской области. По форме – это полусферическое изделие с утолщением с внутренней стороны венчика; диаметр ее 14,6 см, высота – 3,5 см. Выполнена чаша из высокооловянистого сплава, так называемой «белой бронзы» (Черных, 2004, с. 96–97). Подробно исследовавшая это изделие Е.М. Черных датировала его пе-

риодом VII–VIII вв., с возможностью IX в. (Черных, 2004, с. 98–99). Наличие сквозного отверстия у венчика безусловно свидетельствует о культовом использовании этого изделия.

Аналогичны аверинскому изделию чаши из Шокшинского могильника[1] (погребение 555) и Перемчалкинского могильника (погребение 4) в Мордовии. Последнее изделие имеет диаметр 14 и высоту 5,2 см. Орнамент – концентрические окружности в центре на внутренней поверхности чаши (одна или две) (Алихова, 1948, с. 186, рис. 1).

К этому кругу изделий относятся фрагменты бронзовых чаш из Верх-Саинского городища на р. Сылве, культурный слой которого датирован VI–X вв. (Черных, 2004, с. 98). В погребении 21 Концовского могильника конца VI–VII в., расположенного в Кировской области, Е.М. Черных были выявлены две подвески, изготовленные из стенки бронзовой чаши (Черных, 2004, с. 97).

Серебряная чаша хорезмийского производства, по версии И.Ю. Пастушенко, происходит из погребения 164 Верх-Саинского могильника неволинской культуры эпохи раннего средневековья, расположенного на р. Шакве, правом притоке р. Сылвы, в Березовском районе Пермского края. Она имеет декор – ложчатый орнамент и розетку в медальоне на дне. Наиболее вероятная дата этого артефакта – вторая половина VII – начало VIII в. (Пастушенко, 2011, с. 98–102).

К VII–VIII вв. отнес Н.А. Мажитов миниатюрный круглодонный не орнаментированный сосуд из погр. 2, кургана 10 Бирского могильника (Мажитов, 1964, с. 108, рис. 1). В Муромском могильнике на Оке была обнаружена миниатюрная чаша с объемным рисунком в виде выдавленных ямок и лунок, датированная VII–XI вв. (Горюнова, 1953, с. 34, 40). К вышеупомянутым изделиям эти две находки имеют только косвенное отношение.

Чаши из бронзы, близкие по размерам и форме прикамским, встречены в Васюганском кладе (Томская область) VII века (Могильников, 1964, с. 227–231, рис. 1), а также в могильнике Релка VII–VIII вв. на Средней Оби (Чиндина, 1977, с. 27, рис. 3: 31; 44). Бронзовые чаши обнаружены в погребениях 3 и 5 могильника у Архиерейской заимки в Томском Приобье (Известия, 1897, с. 285; Анучин, 1899, с. 128; Беликова, Плетнева, 1983, с. 86). Одна из них была найдена при раскопках С.К. Кузнецова в 1896 г. – круглая в плане, полусферической формы, диаметром 13,5 см и высотой 8 см. Стенки ее толстые, снаружи украшены выпуклыми валиками, идущими по высоте стенок. Цвет бронзы золотистый, поверхность блестящая (Известия, 1897, с. 285). Данные чаши сопоставимы с сосудами, отнесенными Б.И. Маршаком к школе «С» согдийской торевтики первой половины VIII в. (Маршак, 1971, с. 27; Маршак, 1976, с. 234; Чиндина, 1977, с. 27). К этому же кругу изделий относится чаша из золотистой бронзы диаметром 12,2 и высотой 3,5 см с селища Остяцкий живец IV в Приобье, датированная VII–IX вв. Внешняя поверхность ее отполирована. Изнутри имеется изображение шестилепестковой розетки, выполненной круглыми вдавлениями (Зыков и др., 1994, с. 155, № 302, с. 123, табл. 302).

[1] Фонды Морд НИИЯЛ Ш.м.-86. П.555, № 2627.

Таким образом, поступление серебряных, но в большей степени бронзовых, чаще всего выполненных из сплава с высоким содержанием олова, чаш восточного происхождения в Прикамье происходило не позднее конца VII – первой половины VIII в. н.э., а использование их в культовых целях, начавшееся в этот период, продолжалось в IX в. и в последующем. Похожие артефакты в VII–VIII вв. попадали в Западную Сибирь.

В Среднем Поволжье известна находка только одной чаши такого типа. Она обнаружена при раскопках Крюково-Кужновского могильника в Тамбовской области, в погребении № 523 (трупосожжение) (Материалы, 1952, с. 165). Чаша была полусферической формы без орнамента. Датирующих находок в погребальном инвентаре не было. Особняком стоит чаша диаметром 17 см, высотой 5 см из погр.13 Чулковского могильника в Нижегородской области (рис. 1–2). Она фигурной формы, с приостренным дном, четко выраженным ребром в средней части тулова и подчеркнутым венчиком; на дне, с наружной стороны, заметны две гравированные окружности (Гришаков, 1988, с. 100, табл. XIV–5). По инвентарю погребение датируется второй половиной X–началом XI в, однако по стилю оформления этот сосуд ближе к изделиям VIII в., видимо, он и изготовлен в это время, учитывая тот факт, что весь могильник функционировал со второй половины VIII в. (Гришаков, 1988, с. 78).

Все вышеотмеченные артефакты отнесены нами (за исключением верхсаинской находки) к одному виду (рис. 1: 1), который включает в себя чаши с уплощенным дном и чуть отогнутыми наружу стенками; диаметр их 14,7–15 см., высота – 4,5–5,2 см. Толщина стенок у венчика этих поделок различна. На двух изделиях имеются небольшие сквозные отверстия. Орнамент состоит из концентрических окружностей в центре на внутренней поверхности чаши (одна или две). Источником поступления таких чаш была, скорее всего, Средняя Азия или Иран, где известны подобные изделия, датированные третьей четвертью VIII в. (Древности, 1985, с. 208, № 530).

С момента возникновения государства булгар на Волге сюда стали регулярно поступать предметы художественного металла, среди которых заметное место заняли металлические художественные чаши. Большинство из них найдено в Марийском Поволжье, а также в Приочье. Более чем вероятно, что попали они туда транзитом через Волжскую Булгарию, о чем свидетельствует находка одной такой чаши на булгарской территории – на I Семеновском селище в приустьевой части Камы (Спасский район РТ) (Руденко, 1990, с. 211–217). Практически все они были изготовлены из высокооловянистой «белой» бронзы. Две чаши из Дубовского и Веселовского могильников имеют золотистый оттенок, явившийся результатом добавления в сплав металла цинка от 0,5 до 1% (Никитина, Руденко, 1992, табл. 1, №№ 6, 7).

Вышеупомянутые чаши, несмотря на похожесть, имеют ряд особенностей (вес, технологии изготовления), позволяющих сгруппировать их в несколько отделов. Первый (рис. 1: 5, 6, 7) отдел включает 3 чаши из Веселовского (ЖПК[2], № 17, 20) и Дубовского

[2] ЖПК – жертвенно-поминальный комплекс.

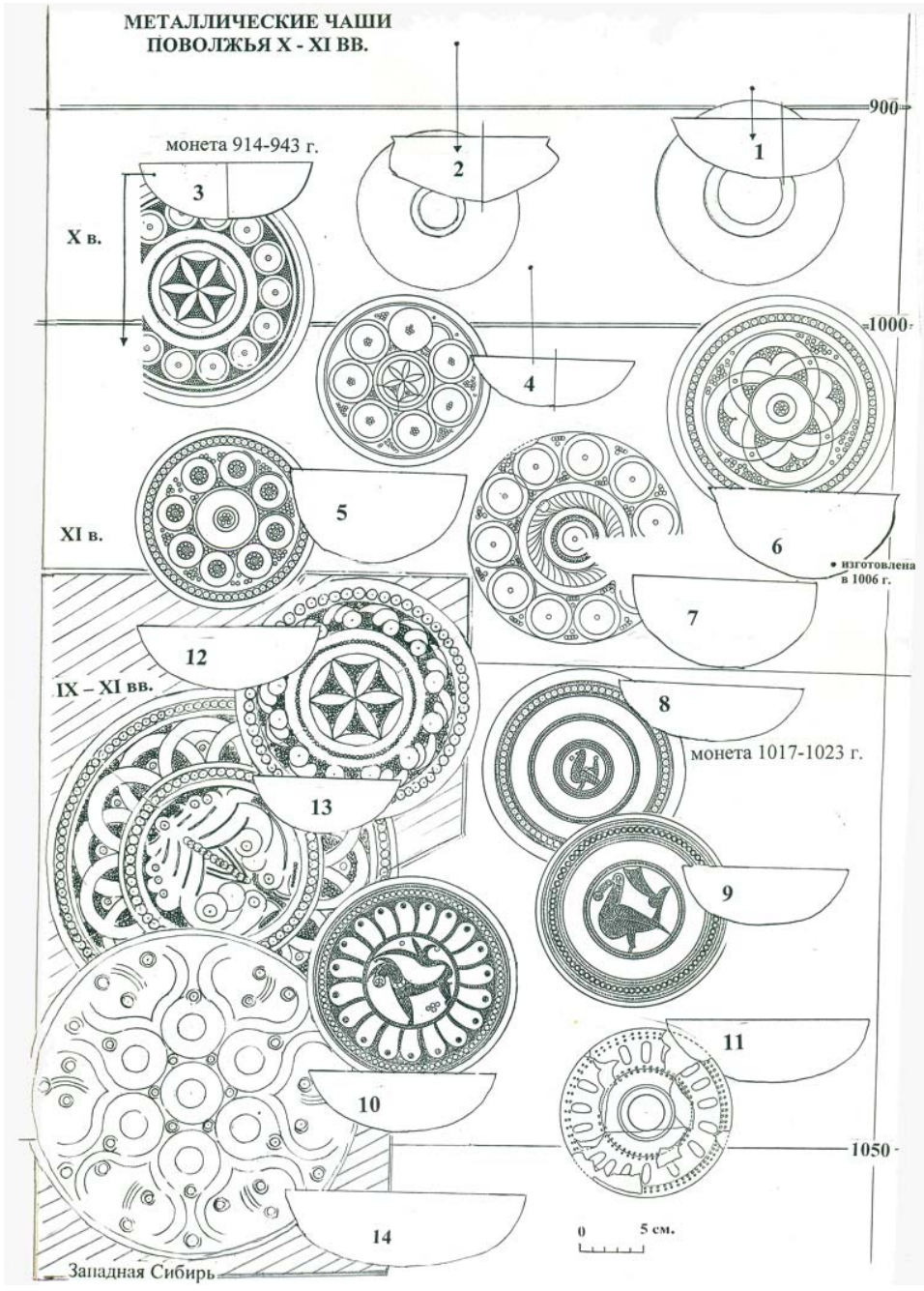


Рис. 1. Хронологическая схема бытования бронзовых чаш в Поволжье в VIII–XI вв.
Могильники: 1 – Перемчалкинский; 2 – Чулковский; 3 – Малышевский;
5 – Дубовский; 6, 7 – Веселовский; 8–11 – Нижняя Стрелка;
12–14 – Западная Сибирь;4 – I Семеновское селище.

Fig. 1. Chronological diagram of the availability of bronze chalices
in the Volga region in 8th –11th centuries.
Burial grounds: 1 – Peremchalkino; 2 – Chulkovo; 3 – Malyshevo; 5 – Dubovskii; 6, 7 – Veselovo;
8–11 – Nizhniaia Strelka; 12–14 – West Siberia; 4 – Semenovo I settlement.

могильников (погребение 51)[3]. Это глубокие полусферической формы сосуды, иногда с чуть отогнутым наружу внешним краем. Высота 6,8–7 см. Диаметр 14–14,5 см. По цвету две чаши (Дубовский могильник и ЖПК № 17 Веселовского могильника) имеют золотистый оттенок. Орнамент – геометрический.

Второй отдел представлен 4 чашами (рис. 1: 3, 4) из Малышевского (погребение 72), Максимовского (погребение 7), Русенихинского могильников; I Семеновского селища. Погребение 72 Малышевского могильника (рис. 1: 3), датировано по дирхему ибн-Ахмеда, чеканенному в аш-Шаше в начале X в. (Гришаков, Зеленеев, 1990, с. 50). Они также полусферические по форме, но менее высокие: диаметр 13–14,5 см, высота 4–4,5 см. В захоронениях с этими чашами встречены монеты, что позволяет уточнить время их попадания в погребальный комплекс. В погребении 7 Максимовского могильника найдено подражание саманидскому дирхему X в. (Гришаков, Зеленеев, 1990, с. 50). Русенихинский могильник на Ветлуге, по мнению Т.Б. Никитиной, датируется второй половиной X–XI в., при этом наибольшая часть объектов – второй половиной XI в. (Никитина, 2013, с. 229). В целом чаши этого отдела по материалам могильников датируются второй половиной X – началом XI в.

К этому отделу можно отнести несколько чаш из Приобья. Одна чаша из Сайгатинского III могильника на Оби, полусферической формы диаметром 16 и высотой 4,5 см, сделанная из золотистой бронзы. Орнамент на ней выполнен в виде концентрических окружностей со штриховкой косой сеткой. От крайней окружности в четыре стороны отходят по 5 вертикальных линий-лучей. Атрибутирована она как иранская IX–XI вв. (Зыков и др., 1994, с. 155, № 303, с. 123, табл. 303).

Вторая чаша из Сайгатинского I могильника на Оби также определена как иранская и датирована IX–XI вв. (рис. 1: 13). Диаметр ее 12,8, высота 5,3 см. Бортик поделки изнутри украшен гравированными арочками, заключенными между поясками, заполненными концентрическими окружностями, как на чаше из Дубовского могильника (рис. 1: 5). На дне ее – стилизованное изображение пальметты (Зыков и др., 1994, с. 155, № 304, с. 123, табл. 304).

Еще одна чаша найдена на полуострове Ямал[4]. Она полусферической формы, диаметром 14 см, высотой 4,9 см. Украшена чаша геометрическим орнаментом с использованием кружочков с точкой в центре (Сокровища, 2003, с. 34, кат. №4). Также на полуострове Ямал при раскопках могильника Зеленый Яр в составе поминального комплекса обнаружена аналогичная чаша с циркульным орнаментом и рисунком из крупных окружностей (Зеленый, 2005, с. 141, цв. вклейка). Комплекс относится к могильнику XIII в., что хорошо определяется по серебряным украшениям, обнаруженным вместе с чашей. Однако чаша, очевидно, изготовлена раньше.

[3] Фонды Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева и МарНИИЯЛ, инв. № Дуб-215. Веселовский могильник ЖПК № 17, 20.

[4] Хранится в Ямало-Ненецком окружном краеведческом музее им. И.С. Шишмановского. Инв. № ОФ 1120/27.

На всех этих чашах геометрический орнамент, как правило, состоит из расположенного в центре медальона и ленточного бордюра, в одном случае (рис. 1: 7) он отсутствует. Пространство между ними (до 5 см) в ряде случаев заполнено концентрическими окружностями. В центральном медальоне находится изображение розетки (рис. 1: 3, 4, 6, 12) или более простого орнамента (рис. 1: 5, 6). Наиболее распространены розетки шестилепестковые с узкими «острыми» лепестками (рис. 1: 3, 4, 12). На одной чаше имеется оригинальное изображение четырехлепестковой розетки (рис. 1: 6), в каждый из лепестков которой вписаны два маленьких лепестка. Промежуточное положение занимает чаша из Сайгатинского I могильника на Оби (рис. 1: 13).

Третий отдел включает в себя 3 чаши (рис. 1:8, 9, 10) из могильника Нижняя Стрелка (погребение 23, межмогильное пространство).[5] По форме они аналогичны изделиям отдела 2. Орнамент зооморфный (фантастические существа и птицы). Датированы эти чаши первой половиной XI в., с вероятностью и более позднего бытования (Никитина, Руденко, 1992, с. 59).

Чаши всех трех отделов имеют много схожего по оформлению рисунков, особенно в деталях. Это касается украшения фона и самого изображения. Можно отметить случаи, когда фон полностью заполнен мелкими кружочками с точкой в центре (диаметр 1,5 мм) (рис. 1: 3, 12, 13, 10) или свободно сгруппированными крупными кружочками с точкой в центре (диаметр 4 мм). На этом фоне четко выделяется рисунок. У чаш третьего отдела рисунок заполнен мелкими кружочками такого же диаметра (рис. 1: 8, 9, 10). Своеобразна чаша с изображением фантастического существа из Нижней Стрелки, совмещающей в себе оба элемента. Кроме того, чаши из этого могильника отличаются применением в орнаменте как гравированных линий, так и выемок (кольцевой бордюр, рис. 1: 8), а также детали изображения в центральном медальоне (рис. 1: 8, 9, 10).

По нескольким элементам орнамента – ленточному бордюру и центральному медальону – совпадают чаши из Дубовского и Веселовского (ЖПК № 20) могильников (рис. 1: 5, 6), а также чаша из Малышевского, Веселовского (ЖПК № 17) могильников и I Семеновского селища (рис. 1: 3, 4, 7). По оформлению центрального медальона чаша из Малышево аналогична чаше из Западной Сибири (рис. 1: 3, 12), а по оформлению свободного поля чаша из Дубовского могильника сближается с чашами из Малышево и Веселово (рис. 1: 5, 3, 7).

Таким образом, в оформлении всех этих чаш, безусловно, имеются черты родства и одной художественной традиции. Это позволяет провести сопоставление данных по датировке этих изделий и установить период поступления их на Среднюю Волгу. Погребение Малышевского могильника (монета, чеканенная в 914–943 гг.) не могло быть совершено ранее 914–943 гг., и чаша соответственно изготовлена не позднее этой даты, то есть первой трети X в. По тем же причинам чаша из Нижней Стрелки (рис. 1: 8) была изготовлена до 1017–1023 гг. По материалу, встреченному в жертвен-

[5] Фонды ИА АН РТ, фонды Мар НИИЯЛ, инв.№ Н.С.-87/ 320 (погр.23), 554, 555 (межмогильное пространство).

но-поминальном комплексе, чаши из Веселово (ЖПК № 20) и Дубовского могильников были использованы в культовых ритуалах не ранее второй половины X в. (Никитина, Руденко, 1992, с. 58–59) и изготовлены не позднее этого рубежа. Если исходить из нашего предположения о интерпретации рисунка на чаше из Веселово (ЖПК № 20), то рисунок на обратной ее стороне был нанесен в 1006 г. (Руденко, 2000, с. 91–92).

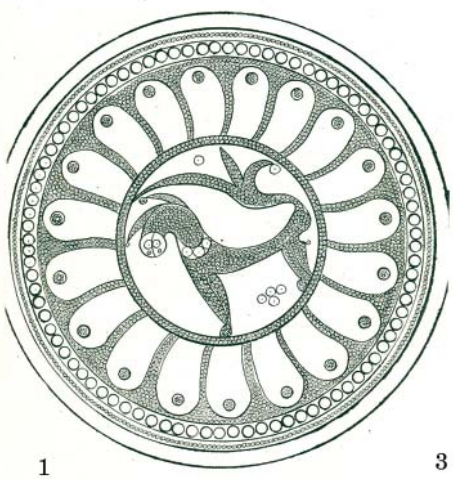
Для подтверждения этих тезисов проанализируем состав находок из ЖПК №20 (Никитина, 2012, с. 161–163, рис. 55–57). В ЖПК № 20 было достаточно много предметов, из которых датирующей выступала только нагрудная пластинчатая подвеска, которая позволяла предполагать дату этого комплекса IX–X вв. Однако, как показала Т.Б. Никитина, такие изделия встречаются и в X в. (Никитина, 2012, с. 62–63, рис. 56–4). Этому не противоречит находка здесь литого дротового граненого браслета с циркульным орнаментом, кресала с бронзовой рукоятью из двух симметрично расположенных конских протом (Никитина, 2012, рис. 56–3). Можно согласиться с мнением Т.Б. Никитиной о датировке вещевого материала из данного комплекса в пределах X в. Эта дата подтверждается и аналогиями в Танкеевском могильнике, подобные изделия (кресало, накладки арочной формы с прорезью) Е.П. Казаков отнес к первой половине X в. (Казаков, 1992, с. 288, рис. 95–34, 26). Вместе с тем, если предположить, что наша гипотеза о времени украшения обратной стороны чаши верна, то этот ЖПК из предметов, бытовавших в X в. был зарыт в самом начале XI в., в чем нет ничего исключительного, поскольку комплекс жертвенно-поминальный и в нем могли находиться изделия разные, по времени изготовления и бытования, и в этом случае чаша была самым поздним изделием из всех помещенных в ЖПК предметов.

ЖПК № 17, в котором обнаружена чаша, был также достаточно разнообразен по находкам, которые были датированы X в. (Никитина, 2012, с. 61, рис. 51, 52). Погребение 51 Дубовского могильника отличалось интересными предметами в составе погребального инвентаря, в числе которых бронзовая подвеска-всадница, кресало с бронзовой рукоятью в виде дракона, проушный топорик с оттянутым вниз лезвием с вытянутым стержневидным обушком и круглыми щековицами (Никитина, 2012, с. 361, рис. 255–2, 3, 7). Аналогии подвеске-всаднице обнаружены в Танкеевском могильнике в комплексах первой половины X в. (Казаков, 1992, с. 288, рис. 95–35). Кресло с рукоятью с драконом найдено на булгарском I Семеновском селище (коллекция Е.А. Беговатова), большая часть подъемного материала с которого относится ко второй–третьей четверти X в.

Таким образом, во второй половине X–начале XI в. изготовлены чаши из Дубовского и Веселовского (ЖПК № 20) могильников. Ранее мы предполагали более позднюю дату их производства – первое десятилетие XI в. (Руденко, 2000, с. 93), однако предпочтительна пока более широкая датировка, поскольку доказать, что рисунки на обеих сторонах чаши из ЖПК № 20 (с которой мы связываем и чашу из Дубовского могильника) синхронны, достаточно сложно. Однако, без сомнения, обе эти чаши обозначают новое композиционное решение де-

2б

2а



1

3

4

5

Рис. 2. Чаша из могильника Нижняя Стрелка (1) и аналогии изображению на ней в керамике Тохаристана и Ирана (2–5) (по Дж.Я. Ильясову, 2013).

Fig. 2. A chalice from Nizhniaia Strelka burial ground (1) and counterparts of its image in Tokharistan and Iran ceramics (2-5) (after G.Ya. Iliasov, 2013).

кора: появляется ленточный бордюр и исчезает шестилепестковая розетка из центрального медальона. Сплошное заполнение фона мелкими кружочками вытесняется хаотичным заполнением фона более крупными кружочками.

В первой половине (первой четверти (?)) XI в. изготовлены чаши из Нижней Стрелки. Здесь кроме ленточного бордюра используется и технологическое новшество – декоративные выемки, которые становятся популярными в XI в., что нашло отражение, например, в декоре бронзовых ковшей из Нишапура (Руденко, 2000, с. 80), найденных на Билярском городище (из коллекции А.Ф. Лихачева[6]) (рис. 4: 3). Центральный медальон чаш заполняется изображениями птиц и животных. Эти фигуры декорированы мелкими кружочками, которые выделялись на «чистом» фоне.

В последнем случае позволяет уточнить датировку сопоставление рисунков на нижнестрелкинских сосудах с изображениями на керамике из Тохаристана (Северный Афганистан) (рис. 2: 2, 3; 3) караханидского периода, точнее раннегазневидского времени (ок. 977 – 1040 гг.). Имеются близкие изображения в керамике Ирана (Гурган) XI в. (Ильясов, 2013, с. 80; Классическое, 2013, с. 82–83, 102–103, кат. №№ 13, 14, 19). Изображения птиц, стилистически близких изображениям на нижнестрелкинских чашах, встречаются на иранской керамике XI в. (рис. 3: 2, 3), в художественной керамике Средней Азии X–XI вв. (Никитина, Руденко, 1992, с. 55); похожие рисунки имеются на египетских стеклянных изделиях IX в. (рис. 3: 4) (Carboni, Waitehouse, 2002, cat. 105, p. 214).

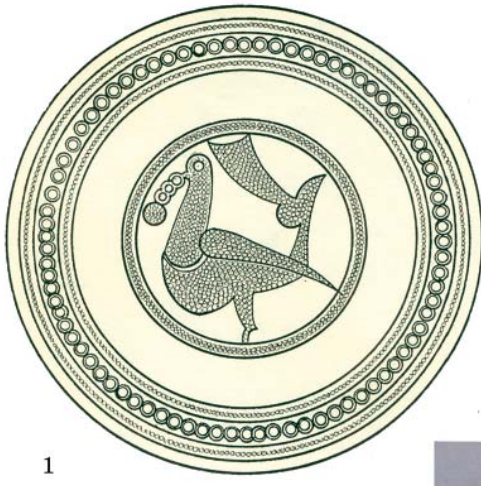
Небольшую хронологическую лакуну в производстве таких изделий заполняет чаша из Западной Сибири (рис. 1: 12), на которой имеется ленточный бордюр поздней группы чаш и центральный медальон ранней группы. Фон здесь заполнен мелкими кружочками.

Скорее всего, к последней четверти X в. относится изготовление чаши из ЖПК № 17 Веселовского могильника. Хотя по форме и стилю она соответствует чаше из Дубовского могильника, но в деталях она ближе к Малышевской чаше, что позволяет относить ее к несколько более раннему периоду. Вероятно, во второй трети X в. изготовлена чаша, найденная на Семеновском селище. При этом мастер, ее изготовивший, явно воспроизвел композицию рисунка более ранних чаш.

Отдельно выделены чаши с объемным орнаментом. Их 2 экземпляра (рис. 1: 11), и оба происходят из могильника Нижняя Стрелка (межмогильное пространство). Это низкие полусферические чаши с уплощенным дном. Диаметр их 16 см, высота около 4 см. Украшены они чеканным и гравированным орнаментом. Чашу из Муромского могильника, орнаментированную двумя поясками вдавленных ямок и пояском из удлиненных лунок, можно было бы отнести к этим чашам, но она очень мала – диаметр ее – 6,5 см (Горюнова, 1953, с. 36).

Позднее XI в. чаши второго и третьего отделов на Средней Волге и в Прикамье не встречаются. Близкая по форме рассматриваемым изделиям чаша из городища Иднакар найдена в слое XII в. (Иванова, 1998, с. 209,

[6] Собрание НМ РТ, инв. № 5427.



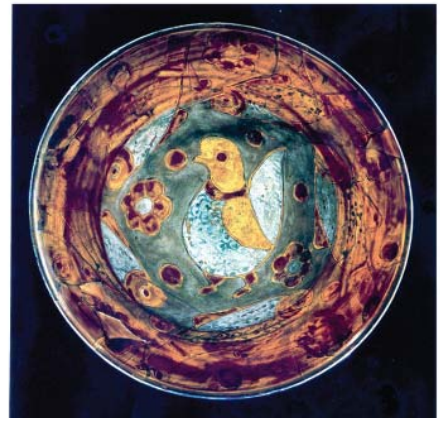
1

2

3

4в

4а



4б

Рис. 3. Чаша из могильника Нижняя Стрелка (1) и аналогии изображению на ней в керамике Тохаристана (2, 3) (по Дж.Я. Ильясову, 2013) и стекле (4) (по Carboni&Waitehouse, 2002).

Fig. 3. A chalice from Nizhniaia Strelka burial ground (1) and counterparts of its image in Tokharistan ceramics (2, 3) (after G.Ya. Iliasov, 2013) and glass (4) (after Carboni&Waitehouse, 2002).

Рис. 4. Бронзовые ковши из Билярска. Собрание НМ РТ, инв. № 5427.

Fig. 4. Bronze dippers from Bilyarsk.
Collection of the National Museum of the Tatarstan Republic, inv. No. № 5427.

рис. 99–2). Орнамента на ней нет. Скорее всего, иднакарская чаша изготовлена раньше и довольно долго использовалась.

В целом отнесение рассмотренных чаш к восточно-иранскому ремеслу не вызывает сомнений. Вместе с тем очевидны и специфические особенности этих сосудов, отличающих их от тех, что найдены собственно в Иране (Никитина, Руденко, 1992, с. 56, 57). Можно добавить, что в рассматриваемом регионе чаши не единственные предметы восточного импорта. Изделия мусульманских торевтов уже встречались здесь ранее, и тоже на могильнике. Это египетский бронзовый котелок с гравированной надписью из Лядинского некрополя, датированный X–XI вв. (Даркевич, 1976, с. 50, № 93; Притула, 2016, с. 60, кат. №1).

Таким образом, чаши на Среднюю Волгу поступали в несколько приемов, по-видимому, небольшими партиями. Первые привезенные чаши, попавшие в ЖПК Веселовского и Дубовского могильников, а также в погребения Малышевского и Максимовского могильников были привезены на Волгу между 60-ми гг. X в и началом XI в. Своего рода маркером этого направления связей и в какой-то степени подтверждением именно булгарских посреднических функций в транзите чаш являются муромские захоронения Булгарского Танкеевского могильника (№№ 1101, 1044, 1100), относящиеся ко второй половине – концу X в. (Казаков, 1992, с. 316, 318). В этот же период близкие по стилю оформления чаши попадают в Западную Сибирь в могильники Арантур 27 и Зеленый Яр (на Ямале), правда волжские булгары к этому отношение не имели.

Чаша с I Семеновского селища в приустьевой части Камы демонстрирует проявившуюся в этот период новую тенденцию в производстве этих изделий, суть которой сводится к некоторому уменьшению размеров, совершенствованию технологии их изготовления, что привело к экономии металла, вследствие чего чаши стали весить меньше, что давало преимущество при транспортировке их на дальние расстояния. Этот признак, скорее всего, можно считать хронологическим показателем для этих изделий.

Поздняя партия изделий относится к первой половине XI в. Представлена только тонкостенными чашами с изображением птиц и фантастического животного из Нижней Стрелки в Марийском Поволжье.

Не исключено, что тонкостенные чаши изготавливались в одном центре, пик активности работы которого приходится на последнюю треть X – первую четверть XI в. Замыкает серию таких изделий чаша из Арантура 27 Тюменской области уже не с зооморфными мотивами в декоре, а с арабской надписью. Арантурская чаша датирована не ранее первой половиной XI в. (Степанова, 2008, с. 15). Видимо, импорт на Среднюю Волгу художественных чаш белой бронзы, выполненных в геометрическом или зооморфном стиле, во второй половине XI в. прекратился. Он замещается поступлением литых массивных бронзовых изделий с серебряной инкрустацией и арабскими благопожелательными надписями (чернильницы, чаши, подсвечники).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алихова А.Е.* Перемчалкинский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 173–210.
2. *Анучин Д.Н.* К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. 3. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1899. С. 87–160
3. *Беликова О.Б., Плетнева Л.М.* Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Томского университета, 1983. 246 с.
4. *Горюнова Е.И.* Муромский могильник // КСИИМК. 1953. Вып. LII. С. 33–42.
5. *Гришаков В.В.* К истории населения правобережья Нижней Оки в конце I тысячелетия нашей эры // Материалы по археологии Мордовии / Труды МНИИЯЛИЭ. Вып. 85 / Отв. ред. М.Ф. Жиганов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1988. С. 71–103.
6. *Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А.* Мурома VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.
7. *Даркевич В.П.* Художественный металл Востока в VIII–XIII вв. М.: Наука, 1976. 199 с.
8. Древности Таджикистана. Каталог выставки / Отв. ред. В.Е. Зеймаль. Душанбе: Дониш, 1985. 344 с.
9. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье / Ред. Н.В. Федорова. Екатеринбург, Салехард: УрО РАН, 2005. 368 с.
10. *Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.* Угорское наследие (древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). Екатеринбург: «Внешторгиздат», 1994. 158 с.
11. *Иванова М.Г.* Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв.: Монография. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1998. 294 с.
12. Известия Императорского Томского университета. Кн. 11 / Ред. Н.М. Малиев. Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1897. 256 с.
13. *Ильясов Дж. Я.* Глазурованная керамика Тохаристана // Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего / Сост. Г. Ласикова. М.: Издат. дом Марджани, 2013. С. 77–83.
14. *Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с
15. Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего / Сост. Г. Ласикова. М.: Издат. дом Марджани, 2013. 432 с.
16. *Мажитов Н.А.* К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // АЭБ. Т. II / / Отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: БФ АН СССР, 1964. С. 101–110.
17. *Маршак Б.И.* Материалы по среднеазиатской торевтике // СА. 1976. № 1. С. 227–240.
18. *Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 156 с.
19. Материалы по истории мордвы VIII–XI вв. Крюковско-Кужновский могильник. Дневник археологических раскопок П.П Иванова. Моршанск: Изд-е краеведч. музея, 1952. 232 с.
20. *Могильников В.А.* Васюганский клад // СА. 1964. № 2. С. 227–230.
21. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14 / Ред. Е.П. Казаков. Казань: Отечество, 2012. 408 с.
22. *Никитина Т.Б.* Русенихинский могильник древнемарийской культуры IX–XI вв.: междисциплинарный подход к изучению памятника // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М: ИА РАН, 2015. С. 228–231.

23. Никитина Т.Б., Руденко К.А. Чаши из могильника “Нижняя Стрелка” // Средневековые древности Волго-Камья / АЭМК. Вып. 21 / Научн. ред. Г.А. Архипов, В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1992. С. 51–71.

24. Пастушенко И.Ю. Хорезмийская чаша из Верх-Саинского могильника // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С.98–102.

25. Притула А.Д. Исламский Ближний Восток в эпоху Ибн Фадлана: общая картина // Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Девяносто девять имен Всевышнего / Сост. Г. Ласикова. М.: Издат. дом Марджани, 2013. С. 57–69.

26. Руденко К.А. Бронзовая чаша из I Семеновского селища // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. Тезисы докладов I региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья» / Отв. ред. Ф.В. Васильев. Горький: Изд-во ун-та, Горьк. Обком ВЛКСМ, 1990. С. 211–217.

27. Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Репер, 2000. 158 с.

28. Руденко К.А. Металлические чаши VIII–XI вв. из Среднего Поволжья // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. В.В. Гришаков. Саранск: МГПИ, 2000а. С. 69–81.

29. Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки / Вступит. ст. Н.В. Федоровой. Салехард-С-Петербург: Ямало-Ненец. окр. музейно-выст. комплекс, 2003. 96 с.

30. Степанова Г.А. Погребение с бронзовой чашей из могильника Арантур 27 (Тюменская область). Препринт. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 23 с.

31. Черных Е.М. Бронзовая чаша из Аверинского II могильника: К вопросу об использовании привозной посуды населением Прикамья в I тыс. н.э. // Культовые памятники Камско-Вятского региона: Материалы и исследования / Отв. ред. Н.И. Шутова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С.90–100.

32. Чиндина Л. А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск: изд-во ун-та, 1977. 192 с.

33. Carboni S., Waitehouse D. Glass of the Sultans. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002. 330 p.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

ON THE CHRONOLOGY OF ORIENTAL IMPORT INTO VOLGA BULGARIA IN 10TH–11TH CENTURIES (ACCORDING TO TOREUTICS MATERIALS)

K.A. Rudenko

The article considers art metal items brought to the Middle Volga region from Oriental countries in early 2nd millennium A.D. These are chalices crafted with a special alloy – white bronze. The majority of them have been discovered in the Volga and Oka regions, and a single chalice was found at Bolgar ancient village (Semenovka I) and the lower reaches of the Kama river. A total of 8 items of this type are studied in the article. The studying of dating items from the burials in which the chalices were discovered, as well as a stylistic analysis of images performed by the author have allowed to assume that the chalice could have been crafted in one of the centres which existed in last third of 10th - first quarter of 11th centuries. According to the author of article, they were brought to the Middle Volga region in two sets. The first set arrived in the town between 960s and early 11th century. The second set of items was sent in the first half of 11th century. In second half of 10th – first half of 11th centuries chalices from this centre were also imported into West Siberia, but not through Volga Bolgaria, but using a different route.

Keywords: archaeology, art metal, chronology, Volga Bolgaria, the Mari Volga region, the Oka region, West Siberia, Bilyar, chalices, dippers.

REFERENCES

1. Alikhova, A. E. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 173–210 (in Russian).

2. Anuchin, D. N. 1899. In *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii Rossii (Materials on the Archaeology of Eastern Russian Governorates)* 3. Moscow: "Tipografiia M.G. Volchaninova" Publ., 87–160 (in Russian).

3. Belikova O.B., Pletneva L.M. 1983. *Pamiatniki Tomskogo Priob'ia v V–VIII vv. n.e. (Monuments of the Tobolsk Ob Region in 5th – 8th Centuries)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

4. Goriunova, E. I. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)*. LII., 33–42 (in Russian).

5. Grishakov, V. V. 1988. In Zhiganov, M. F. (ed.). *Materialy po arkheologii Mordovii (Materials for the Archaeology of Mordovia)*. Series: Proceedings of the Mordovian Research Institute of Language, Literature, History and Ethnography 85. Saransk: "Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ., 71–103 (in Russian).

6. Grishakov, V. V., Zeleneev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th – 11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

7. Darkevich, V. P. 1976. *Khudozhestvennyi metall Vostoka VIII—XIII vv. (Artistic Metalwork in the Orient in 8th – 13th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

8. Zeimal', V. E. (ed.). 1985. Drevnosti Tadzhikistana (Antiquities of Tadjikistan). Dyushambe: "Donish" Publ. (in Russian).

9. Fedorov N. V. 2005. *Zelenyi Iar: arkheologicheskii kompleks epokhi srednevekov'ia v Severnom Priob'e (Zeleniy Yar: Archaeological Complex of the Medieval Period in the Northern Ob Region)*. Ekaterinburg; Salekhard: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

10. Zykov, A. P., Koksharov, S. F., et al. 1994. *Ugorskoe nasledie (drevnosti Zapadnoi Sibiri iz sobranii Ural'skogo universiteta) (Ugric Heritage (Antiquities of West Siberia from the Collections of Ural State University)*). Ekaterinburg: "Vneshtorgizdat" Publ. (in Russian).

11. Ivanova, M. G. 1998. *Idnakar: Drevneudmurtskoe gorodishche IX–XIII vv. (Idnakar: Ancient Udmurt Hillfort of 9th – 13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language, and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

12. Maliev, N. M. (ed.). 1897. *Izvestiia Imperatorskogo Tomskogo universiteta. Kn. 11 (Bulletin of Emperor Tomsk University), 11*. Tomsk: "Parovaia tipo-lit" Publ. (in Russian).

13. Il'iasov, Dzh. Ya. 2013. In Lasikova, G. (comp.). *Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devianosto deviat' imen Vsevyshnego (Classic Art of the Muslim World of 9th – 19th Centuries. Ninety-Nine Names of God)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ., 77–83 (in Russian).

14. Kazakov, E. P. 1992. *Kul'tura rannei Volzhskoi Bolgarii (etapy etnokul'turnoi istorii) (Culture of the Early Volga Bulgaria: Stages of the Ethnic-Cultural History)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Lasikova, G. (comp.). 2013. *Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devianosto deviat' imen Vsevyshnego (Classic Art of the Muslim World of 9th – 19th Centuries. Ninety-Nine Names of God)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ. (in Russian).

16. Mazhitov, N. A. 1964. In Kuzeev, R. G. (ed.). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* II . Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 101–110 (in Russian).

17. Marshak, B. I. 1976. . In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 227–240 (in Russian).

18. Marshak, B. I. 1971. *Sogdiiskoe serebro. Ocherki po vostochnoi torevtike (Sogdian Silver. Essays on Oriental Toreutics)*. Moscow: "Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury" Publ. (in Russian).

19. Materialy po istorii mordvy VIII–XI vv. Kriukovsko-Kuzhnovskii mogil'nik. Dnevnik arkheologicheskikh raskopok P.P Ivanova (Materials on History of the Mordva of 8th – 11th Centuries. Kryukovo-Kuzhnovskii Burial Ground. P. P. Ivanov's Journal of Archaeological Excavations). 1952. Morshansk: Museum of Local Lore (in Russian).

20. Mogil'nikov V. A. 1964. . In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (2), 227–230 (in Russian).

21. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th–11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfl uvial Area)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

22. Nikitina, T. B. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013).* Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 228–331 (in Russian).

23. Nikitina, T. B., Rudenko, K. A. 1992. In Arkhipov, G. A., Nikitin, V. V. (eds.). *Srednevekovye drevnosti Volgo-Kam'ia (Medieval Antiquities of the Volga-Kama Region)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 21. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History, 51–71 (in Russian).

24. Pastushenko, I. Yu. 2011. In *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* 14 (1), 98–102 (in Russian).

25. Pritula, A. D. 2013. In Lasikova, G. (comp.). *Klassicheskoe iskusstvo islamskogo mira IX–XIX vekov. Devianosto deviat' imen Vsevyshnego (Classic Art of the Muslim World of 9th – 19th Centuries. Ninety-Nine Names of God)*. Moscow: "Izdatel'skii dom Mardzhani" Publ., 57–69 (in Russian).

26. Rudenko, K. A. 1990. In Vasil'ev, F. V. (ed.). *Pamiatniki istorii i kul'tury Verkhnego Povolzh'ia (Monuments of History and Culture of the Upper Volga Region)*. Gorky: Gorky State University, AULYCL Regional Committee, 211–217 (in Russian).

27. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of the Volga and Kama Regions in 8th – 14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).

28. Rudenko, K. A. 2000a. In Grishakov, V. V. (ed.). *Drevnosti Oksko-Surskogo mezhdurech'ia (Antiquities of the Oka – Sura Interfl uves Area)* 2. Saransk: Mordovian State Pedagogical Institute, 69–81 (in Russian).

29. Fedorova, N. V. (comp.). 2003. *Sokrovishcha Priob"ia. Zapadnaia Sibir' na torgovykh putiakh srednevekov'ia (Treasures of the Ob Region. West Siberia on the Trade Routes of the Medieval Period)*. Salekhard; Saint Petersburg: "Iamalo-Nenetskii okruzhnoi muzeino-vystovochnyi kompleks" Publ. (in Russian).

30. Stepanova, G. A. 2008. *Pogrebenie s bronzovoi chashei iz mogil'nika Arantur 27 (Tiumenskaia oblast') (Burial with a Bronze Chalice from Arantur 27 Burial Mound (Tyumen Oblast))*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (in Russian).

31. Chernykh, E. M. 2004. In Shutova, N. I. (ed.). *Kul'tovye pamiatniki Kamsko-Viatskogo regiona: Materialy i issledovaniia (Cult Monuments of the Kama-Vyatka Region: Materials and Studies)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 90–100 (in Russian).

32. Chindina, L. A. 1977. *Mogil'nik Relka na Srednei Obi (Relka Burial Ground in the Middle Ob Region)*. Tomsk: Tomsk State University (in Russian).

33. Carboni, S., Waitehouse, D. 2002. *Glass of the Sultans*. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art.

About the Author:

Rudenko Konstantin A., Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Статья поступила в номер 03.03.2017 г.

УДК 903.24 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.173.186

АНАЛИЗ КРОЯ МУЖСКИХ КАФТАНОВ И ЖЕНСКИХ ПЛАТЬЕВ АЛАН СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

© 2017 г. О.В. Орфинская

В статье рассмотрен процесс изменения кроя одежды алан, занимающих в VIII–XIII вв. территорию Северного Кавказа. Анализ выкроек позволил автору предположить, что в основе кроя аланской одежды лежит базовая выкройка восточного типа с мягкой линией стан – рукав. В результате анализа выяснено, что при смене пошивочного материала, использовавшегося аланами Северного Кавказа: от войлока к ткани, имеющей определенную ширину и длину, происходило и изменение кроя. В результате исследования, проведенного автором, пока не удалось ответить на ряд вопросов. Однако в статье показано новое направление анализа кроя сшитой археологической одежды, которое может быть использовано при реконструкции исторического костюма.

Ключевые слова: археологический текстиль, средневековье, Северный Кавказ, аланы, могильники, крой одежды, пошив, реконструкция костюма.

Хорошая сохранность текстильного материала из скальных могильников Северного Кавказа позволила музеям в Санкт-Петербурге (Эрмитаж) (Иерусалимская, 2012), Ставрополе (Доде, 2001), Черкесске (Орфинская, 2000, с. 105–108, 2001; Golikov и др., 1998, p. 133–140) сформировать неплохие коллекции аланской одежды периода раннего средневековья. Наличие подлинных сшитых, почти целых изделий из этих коллекций позволило рассмотреть их крой и попробовать его проанализировать.

Связь аланских кафтанов Северного Кавказа с типично иранским в своей основе типом одежды отмечалась А.А. Иерусалимской (Иерусалимская, 1992, с. 7). Что это за тип одежды? За эталон иранского кафтана можно взять сасанидские кафтаны V–VI вв. из Берлинского музея (Tilke 1945: Tab.4, 5; Mälck 2004: 174–175, Fig. 67–68) (рис. 1). Эти кафтаны в литературе называют: всаднический костюм, кафтан всадника, сасанидский, иранский или персидский кафтан, одежда/куртка наездника в персидском стиле (Fluck, Vogelsang-Eastwood, 2004). Особенностью его выкройки является то, что передние полочки соединяются со спиной не по бокам изделия, а заворачиваются на спину. Именно такая система кроя характерна для одежды, которая сформировалась на базе шкуры крупного животного (Орфинская, 2012, с. 76–92).

В крое аланских кафтанов нет ни одной общей черты, сходной с кроем иранского кафтана. Главным отличием аланского кафтана является плавная (подкройная) линия бокового шва. Прототипом такой системы кроя была одежда, сшитая из большого куска войлока с отверстием для головы[1]. Изготовление войлока не требует

[1] Л.П. Сычёв связывает происхождение одежды из целого куска войлока с хозяйственной деятельностью скотоводов. Однако автор считает, что именно от этой формы происходит туникообразная одежда (Сычёв, 1977, с. 38).

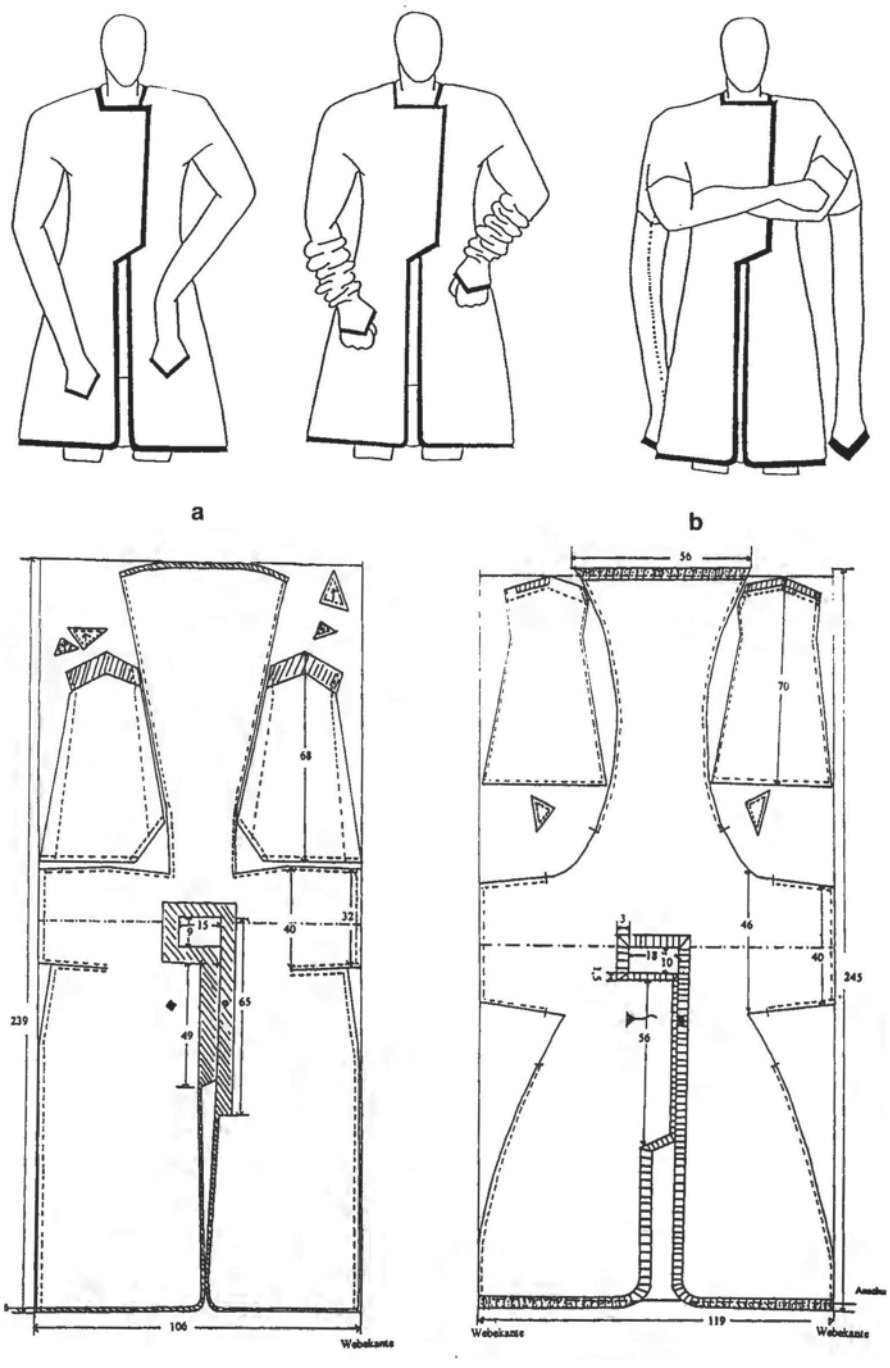


Рис. 1. Сасанидские кафтаны из Берлинского музея (по: Mälck 2004: 174-175, Fig. 67-68): I – общий вид и способы ношения. II – выкройки двух кафтанов: a – inv N 9923, b inv N 9695.

Fig. 1. Sasanian caftans from the Berlin Museum (after Mälck 2004: 174-175, Fig. 67-68): I – general view and wearing techniques. II – pattern drawings of two caftans: a – inv. No.9923, b – inv. No.9695.

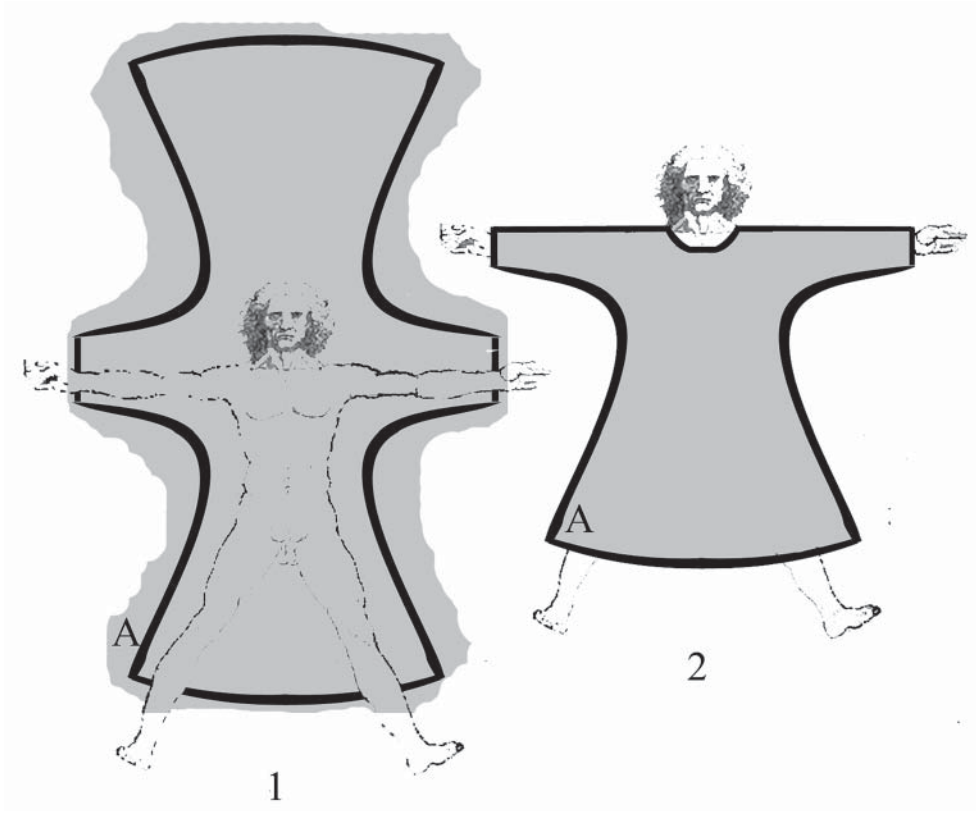


Рис. 2. Одежды восточного типа:
1 – вариант возникновения одежды восточного типа на основе войлочного полотна (А); контур выкройки повторяет контур человеческого тела с учетом свободного движения рук и ног; 2 – общий вид базовой формы одежды восточного типа.

Fig. 2. Oriental type clothing:
1 – optional emergence of oriental type clothing on the basis of felt cloth (A); pattern contour repeats the outline of the human considering the necessity to freely move the arms and legs; 2 – general view of the basic shape of Oriental type clothing.

специальных станков или сложных приспособлений, из него можно создавать поверхность, размеры которой определяются размерами конечного изделия (рис. 2). На основе текстильного материала из Египта и Сирии, кафтанчики с такой характерной базовой выкройкой назвали «кафтан центральноазиатского всадника» (Fluck, 2012: 160).

Для анализа кроя одежды из скальных могильников Северного Кавказа обратимся к материалу из фондов Карачаево-Черкесского музея-заповедника (КЧМЗ), расположенного в г. Черкесске Карачаево-Черкесской республики[2]. По детской рубашечке (КЧМЗ № 9107/107)[3] хорошо видно, что ее базовой выкройкой является «восточная», с мягкой линией, про-

[2] Описание текстильного материала см. Каталог археологического текстиля VIII–IX веков из фондов Карачаево-Черкесского музея (Орфинская, 2001, с. 269–449).

[3] КЧМЗ № – номер хранения основного фонда Карачаево-Черкесского музея-заповедника.

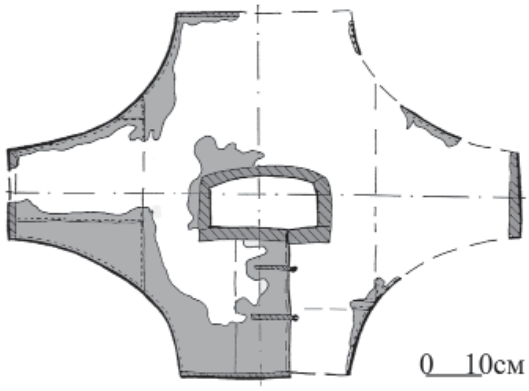


Рис. 3. Детская рубашка (КЧМЗ № 9107/107).

Fig. 3. A child's shirt.

ходящей по дуге от талии до рукава (рис. 3). Во взрослой и в подростковой форме мужского кафтана (КЧМЗ №№ 10269/1; 9537/16) также явно просматривается базовая основа кроя (рис.4). Однако в выкройку других мужских кафтанов (КЧМЗ №№ 9644/2; 3971/88; 6235/80.а) уже внесены изменения. Если в первооснове центральноазиатского всаднического кафтана использовался войлок, не имеющий ограничений по ширине и длине, то при использовании ткани, имеющей такие ограничения, возникает естественное желание более экономного ее использования. Мужской кафтан (КЧМЗ № 9644/2) имеет рукава, состоящие из 4-х кусков (рис. 5). Это яркий пример трансформации плавной линии талия–рукав в ломаную линию, складывающуюся из правильных геометрических фигур (треугольников и прямоугольников), которые, в свою очередь, кроились из прямоугольников со сторонами, направленными по направлению нитей основы и утка.

Разделение базовой основы кроя на «верх» и «низ», могло быть вызвано несколькими причинами, не связанными с экономией ткани, которой при таком разделение выкройки не происходит:

Первая причина – это отсутствие ткацких кусков необходимой длины. Для такой модели, где нет шва по талии, в среднем длина одного куска должно составлять не менее 2-х длин изделия. Если делать шов на талии, то потребуется несколько не столь больших кусков ткани на стан и юбку. Чтобы принять или отмести эту причину, необходимо обратиться к типу ткацкого станка на момент формирования отрезной модели. А.А. Иерусалимская, на материале Мощевой Балки, реконструировала минимум три вида ткацких станков: I) для тесьмы; 2) для узких тканей (22–23 см); 3) для широких тканей (55–60 см) – горизонтальный станок. Однако находки деталей горизонтального станка были единичными (Иерусалимская, 1990, с. 71). Отсюда можно заключить, что в VIII–IX вв. на Северном Кавказе уже появляется горизонтальный ткацкий станок, но он не является пока преобладающим, т.к. не был доступен всем, кто изготавливал одежду для своей семьи в рамках домашнего хозяйства.

Вторая причина, это увеличение длины подола юбки. Для мужского кафтана это особенно актуально. Однако самый простой способ увеличения подола по линии соединения стан-юбка – это складки. В дан-

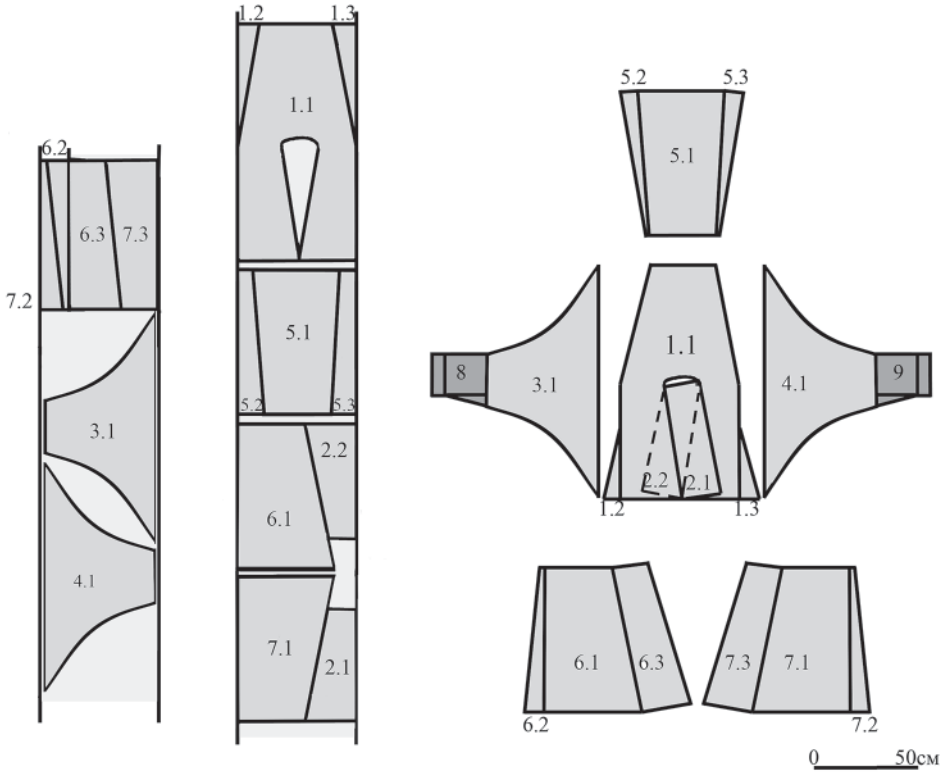


Рис. 4. Мужской кафтан (КЧМЗ № 10269/1). Выкройка и расклад выкройки на ткани: 1.1– стан кафтана; 2.1 – правая верхняя пола; 2.2 – левая внутренняя пола; 3.1 – правый рукав; 4.1 – левый рукав; 5.1 – юбка, спина, основная деталь; 5.2 и 5.3 – юбка, спина, боковые клинья; 6.1 – юбка, правая передняя часть, основная деталь; 6.2 – боковой клин правой передней части юбки; 6.3 – правая пола юбки; 7.1 – юбка, левая передняя часть, основная деталь; 6.2 – боковой клин левой передней части юбки; 6.3 – левая пола юбки; 8 и 9 – двойные манжеты.
На пошив такого халата требовалось около 6 метров льняной ткани при ширине 56–58 см. Воротник и манжеты – шелк.

Fig. 4. A male caftan. A pattern drawing and pattern layout on fabric:
1.1 – caftan body; 2.1 – upper right fl ap; 2.2 – inner left fl ap; 3.1 – right sleeve; 4.1 – left sleeve; 5.1 – skirt, back, primary detail; 5.2 and 5.3 – skirt, back, side panels; 6.1 – skirt; front right portion, primary detail; 6.2 – side panel of the front right portion of the skirt; 6.3 – right fl ap of the skirt; 7.1 – skirt, front left portion, primary detail; 6.2 – side panel of the front left portion of the skirt; 6.3 – left fl ap of the skirt; 8 and 9 – double cuffs. Sewing of this type of gown required approximately 6 metres of linen fabric 56–58 cm in width. The collar and cuffs of the gown were made of silk.

ном случае этого не происходит. В аланских кафтанах увеличение происходит за счет боковых клиньев и разрезов, что возможно и без разделения выкройки по линии талии.

Возможна, конечно, и сакральная, магическая или другая необъяснимая причина.

Следовательно, в аланском мужском кафтане, отделение юбки, не приводит к безусловной экономии ткани или увеличению длины подола за счет складок. Более вероятно, разделение стана по линии талии связано с длиной ткацкого куска, который существовал в обществе при переходе

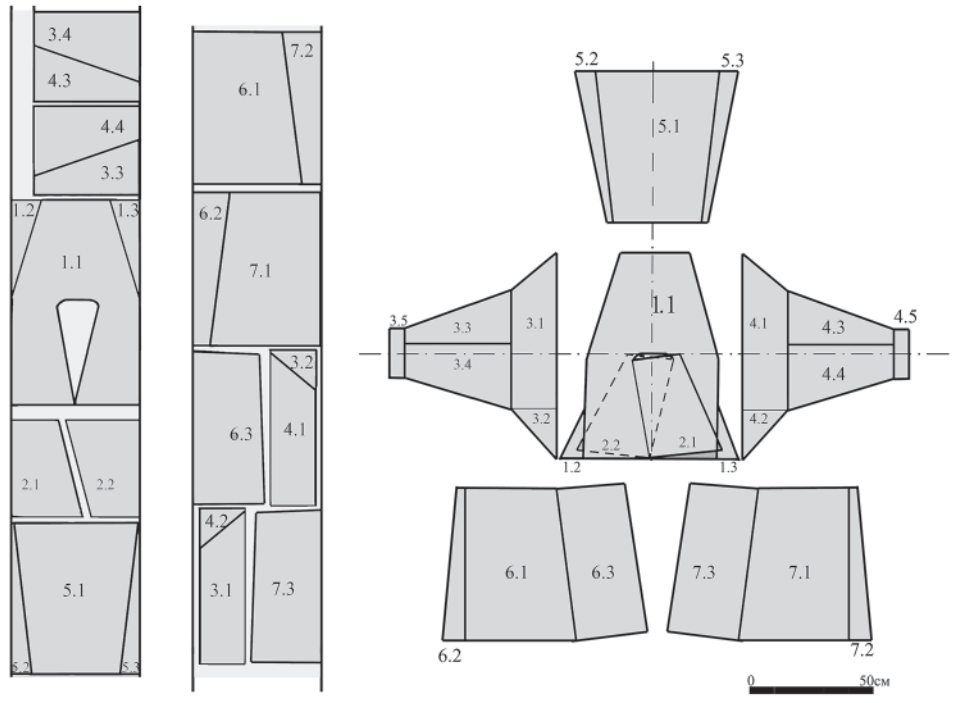


Рис. 5. Мужской кафтан (КЧМЗ № 9644/2). Выкройка и расклад выкройки на ткани: 1.1– стан кафтана; 2.1 – правая верхняя пола; 2.2 – левая внутренняя пола; 3.1–4 – детали правого рукава; 3.5 – манжет; 4.1–4 – детали левого рукав; 4.5 – манжет; 5.1 – юбка, спина, основная деталь; 5.2 и 5.3 – юбка, спина, боковые клинья; 6.1 – юбка, правая передняя часть, основная деталь; 6.2 – боковой клин правой передней части юбки; 6.3 – правая пола юбки; 7.1 – юбка, левая передняя часть, основная деталь; 6.2 – боковой клин левой передней части юбки; 6.3 – левая пола юбки. На пошив такого халата требовалось около 5.5 метров льняной ткани при ширине 52 см. Воротник и манжеты – шелк.

Fig. 5. Male caftan. A pattern drawing and pattern layout on fabric: 1.1 – caftan body; 2.1 – upper right fl ap; 2.2 – inner left fl ap; 3.1–4 – right sleeve details; 3.5 – cuff; 4.1–4 – left sleeve details; 4.5 – cuff; 5.1 – skirt, back, primary detail; 5.2 and 5.3 – skirt, back, side panels.6.1 – skirt, front right portion, primary detail; 6.2 – side panel of the front right portion of the skirt; 6.3 – right fl ap of the skirt; 7.1 – skirt, front left portion, primary detail; 6.2 – side panel of the front left portion of the skirt; 6.3 – left fl ap of the skirt. Sewing of this type of gown required approximately 5.5 metres of linen fabric 52 cm in width. The collar and cuffs of the gown were made of silk.

пошива данной одежды из одного материала – войлока – к другому – ткани[4].

В основе детского кафтана (КЧМЗ № 3969/88) лежит ткацкий кусок шириной 30 см (рис. 6). Отличие этого кафтанчика от взрослых заключается в расположение рукавов относительно нитей основы. В детском кафтанчике рукава расположены вдоль ткацкого куска, а в мужских кафтанах – попе-

[4] На какой территории происходит это изменение неизвестно, можно только предположить, что легче перейти на изготовление тканей при оседлом образе жизни.

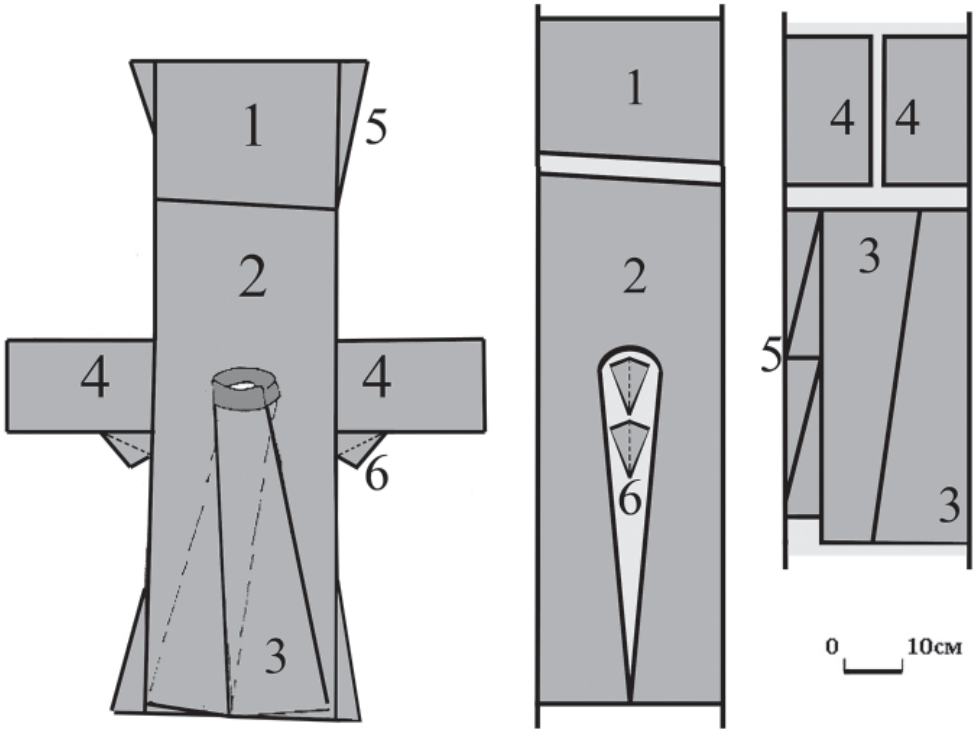


Рис. 6. Детский кафтан (КЧМЗ № 3969/88). Выкройка и расклад выкройки на ткани:
1 – стан, спина; 2 – стан, основная часть; 3 – правая верхняя и левая нижняя полы;
4 – рукава; 5 – боковые клинья стана; 6 – ластовицы.

Fig. 6. A child's caftan. A pattern drawing and pattern layout on fabric:
1 – body, back; 2 – body, primary portion; 3 – upper right and lower left fl aps; 4 – sleeves;
5 – side panels of the body; 6 – gores.

рек. В детском кафтанчике появляется ластовица. Может быть, появление этой детали кроя связано с переходом от «восточной» к туникообразной форме. В классической туникообразной одежде стан был широким, дающим свободу движению руки. С уменьшением ширины ткацкого куска встает вопрос, как с узким полотном дать свободу руке? Ответ один – увеличение ширины рукава при переходе его к стану, как в детской рубашечке (КЧМЗ № 9107/109) или, как в кафтанчике, за счет дополнительной вставки в нижней части рукава – ластовицы. На данный момент делать обобщающие выводы о происхождении ластовицы рано, но данную теорию, можно рассматривать как версию.

Однако вернемся к стандартной выкройке мужского кафтана. Стан кафтанов имеет два клина, которые перенесены со спины в переднюю часть. Эти клинья, отрезанные со спинки, делают ее в месте талии узкой, отчего разворачиваются плечи. Эти же клинья, пришитые в передней части стана, увеличивают линию талии, что разумно, если мужская фигура имеет четко обозначенный живот. Вероятно, изменения в силуэте мужского кафтана вызвано появлением

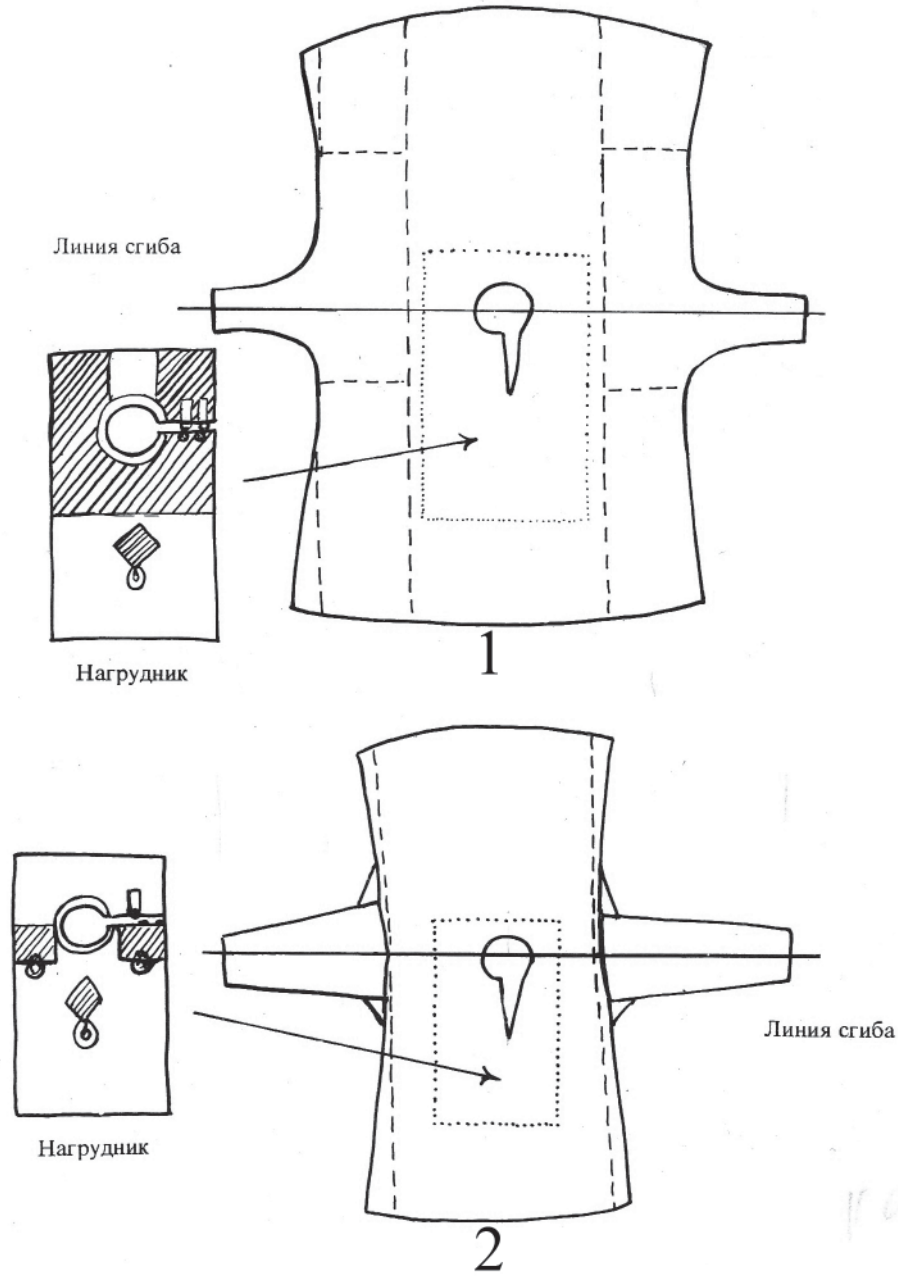


Рис. 7. Женские платья из могильника Мощевая Балка
(по: Иерусалимская, 1992. С. 43):
1 – платье взрослой женщины (Кз 6696, кат 10); 2 – платье девочки (Кз 6770, кат. 18)

Fig. 7. Female dresses from Moschevaya Balka burial mound
(after Ierusalimskaia, 1992. p. 43):
1 – a grown woman's dress; 2 – a girl's dress.

нового эталона красоты: статного полного мужчины, а, следовательно, сытого.

Теперь перейдем к женским платьям. Если могильник Мощевая Балка датируется в основном VIII–IX вв., то датировку Нижнеархызского могильника, тесно связанного с Нижнеархызским городищем, можно расширить до XIII века (Тихонов, Орфинская, 1997, с. 105–116). При сравнении выкроек женских платьев из этих двух могильников, сразу же заметна разница. Возможно, платья из Мощевой Балки «моложе» платьев из Нижнего Архыза?

Всего для анализа доступно два платья из Мощевой Балки (Иерусалимская, 1992, с. 43) (рис. 7) и три платья из Нижнего Архыза. Взрослое платье из Мощевой Балки полностью укладывается в схему кроя центральноазиатского типа. Причем на этом примере хорошо видно, как «складывали» плоскость из ткани под выкройку. Платье девочки имеет стан, состоящий из центрального полотна и боковины-клинья, к которым пришиты прямоугольные рукава (направление нитей основы неизвестно) и треугольные вставки в нижней их части. Женские платья из могильника Нижний Архыз (КЧМЗ №№ 6235/82, 9541/34, 10288/17) имеют прямой широкий стан и пришитые к нему рукава (рис. 8). В одном из платьев стан состоит из центрального полотна, к которому пришиты рукава, и двух боковин.[5].

К сожалению, целые формы (реальный крой) скифской, сарматской и хазарской одежды нам неизвестны. Поэтому в какой момент происходят изменения базовой выкройки одежды, сказать невозможно. А вот дальнейшее развитие отдельных форм аланского кафтана можно проследить. Так, известен половецкий кафтан из Чингульского кургана, выкройку которого предложила А.К. Ёлкина (Ёлкина, 1983, с. 82) (рис. 9). Крой представлен не полностью, но два клина, подшитые к передней части стана, аналогичные клиньям аланских кафтанов, четко обозначены. Эта небольшая деталь, возможно, и указывает на родство двух форм: аланской и половецкой. Однако между этими моделями существует и отличие, которое заключается в расширение подола юбки. В половецком кафтане эта проблема решается за счет мелких складок по талии. Мелкие складки на юбке имеет и половецкий кафтан из Изяславля, стан которого сохранил все черты центральноазиатского кафтана (Орфинская, Михайлов, 2015, с. 75–85).

В основе базовой выкройки аланской одежды лежит крой центральноазиатского кафтана, который сформировался благодаря наличию такого материала для пошива, как войлок:

– изменение основы кроя связано со сменой используемого для пошива материала: от войлока к ткани;

– на первом этапе изменений происходит подчинение ткани выкройке, то есть из ткани «выкладывается» плоскость, а из нее уже выкраивается нужная форма;

[5] Еще одно наблюдение, которое, естественно, требует дополнительных исследований, это место крепления рукавов: к основному полотну стана или к боковинам, чаще всего клиновидным. Возможно, первый вариант связан с туникообразной одеждой, а второй – происходит из кроя одежды восточного типа.

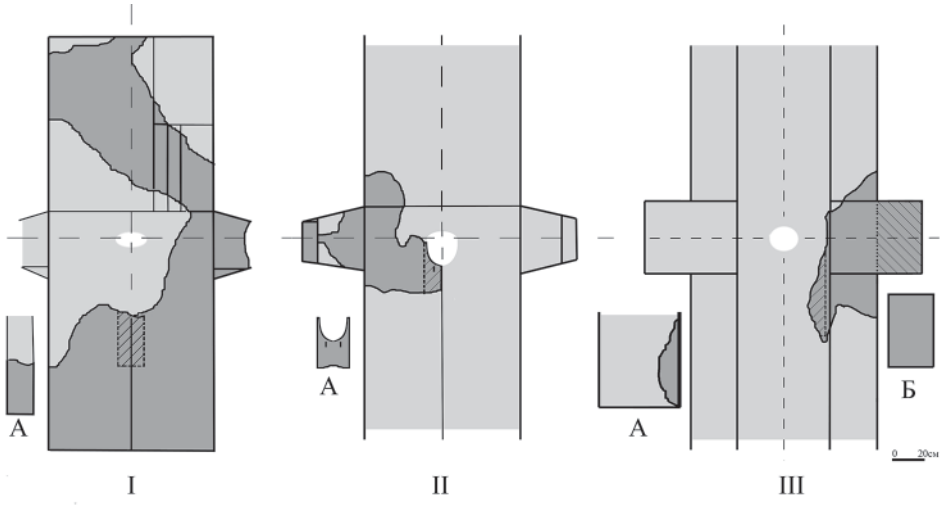


Рис.8. Женские платья из могильника Нижний Архыз
I – платье (КЧМЗ № 6235/82), форма ворота неизвестна; II – платье (КЧМЗ № 9541/34), длина платья не определяется. III – платье (КЧМЗ № 10288/17), не определяется форма ворота и длина платья; ширина центрального полотна – расчетная, исходя из предположения, что боковина равна половине ширины ткацкого куска. А – накладная деталь кармана, пришивалась с внешней стороны платья на груди; Б – подкладочная деталь, пришивалась с внутренней стороны рукава.

Fig. 8. Female dresses from Nizhny Arkhyz burial mound
I – a dress with unknown neck band shape; II – a dress with undetermined length; III – a dress with undetermined neck band shape and dress length; width of the central fabric – design, based on the assumption that the side piece is equal to half of the length of a textile piece. A – planted pocket detail sewn at the chest on the outer side of the dress; Б – lining detail sewn on the inner side of the sleeve.

– на втором, промежуточном, этапе выкройка остается старой, но крой осуществляется с учетом ткани при рациональном ее использовании. То есть выкройка «подстраивается» под ткань;

– на третьем этапе, вероятно, свойства ткани доминируют и начинают «диктовать» новое построение выкройки. Центральноазиатский тип постепенно трансформируется в тип туникообразный. Исчезает плавная линия от талии к рукаву, появляется рукав с ластовицей (пока еще не квадратной), рукав разворачивается вдоль ткацкого куска, что, вероятно, обусловлено меньшим растяжением ткани вдоль нитей основы и, возможно, воздействием внешних (не аланских) одежд с более экономным туникообразным типом кроя;

– в одежде населения Алании Северного Кавказа в период с VIII до XIII вв. происходит постепенное изменение кроя. Можно выделить более ранние формы с плавной линией талия-рукав и более поздние формы с прямыми рукавами и ластовицами.

Послесловие

Работая над этой статьей, я «зашла» на территорию, которая по уже сложившейся традиции, принадлежит этнографам. В археологии, где для полного описания и научного анализа одежды, почти нет материала, приходится искать более общие направления развития кроя, чем в этнографии, чтобы связать те крохи,

Рис. 9. Половецкий кафтан из Чингульского кургана (по: Елкина, 1983. С. 82).

Fig. 9. A Kipchak caftan from Chingul barrow (after Elkina, 1983. p. 82).

которые встречаются на пути исследователя. Толчком для широкого подхода послужила целая серия статей, в которых различные авторы пытаются определить критерии для анализа археологических находок одежд с точки зрения их истоков и развития. И в данной статье я уже отразила свои мысли по базовым выкройкам, анализируя крой аланской одежды. Более подробно эту тему я развила в работе «Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды» (Орфинская, 2012, с. 76–92). Сейчас мне хотелось бы еще раз обозначить базовые системы кроя:

– туники (греко-римские и коптские) берут свое начало в Древней Греции. Основной материал – шерсть. Ткацкий станок – вертикальный. На нем можно было вырабатывать небольшие ткани определенных размеров, чаще изделие ткали целиком вместе с декором. Характерные признаки: направление нитей основы стана и рукавов расположены поперек человеческого тела. Ворот – горизонтальная щель;

– туникообразная одежда берет свое начало от льняных туник Древнего Египта, где могли ткать длинные полотна. Эти туники сшиты из перекинутого через плечи полотна, нити основы которого, направлены вдоль человеческого тела. Рукава также кроились вдоль нитей основы. Вырез горловины – круглый;

– центральноазиатский тип происходит от одежды, крой которой появился на основе использования войлока. Характеризуется мягкой линией перехода стан-рукав, вырез горловины полукруглый с прямой линией по спине;

– крой, возникший на основе шкур крупных животных. В нем полочки/спинка заворачиваются на спину/перед; плечевой шов смещен на грудь/спину; форма ворота произвольная.

Возможно, это далеко не идеальная схема, но, во всяком случае, применив ее к анализу кроя аланской одежды, удалось выявить интересные закономерности в изменении базового кроя.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Доде З.В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерк истории. М.: Восточная литература, 2001. 136 с.

2. *Елкина А.К.* Редчайшие образцы византийского шитья и ткачества // Наука и жизнь. 1983. № 7. С. 80–82.

3. *Иерусалимская А.А.* Виды ткацких устройств в инвентаре адыго-аланских могильников VIII–X вв. и их связь с погребальным ритуалом // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Ставрополь, 1990. С. 71–72.

4. *Иерусалимская А.А.* Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. Государственного Эрмитажа. С-Пб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1992. 70 с.

5. *Иерусалимская А.А.* Мощевая Балка: необычный памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Издательство Гос. Эрмитажа, 2012. 384 с.

6. *Орфинская О. В.* Текстиль VIII–IX вв. из коллекции Карачаево-Черкесского музея: технологические особенности в контексте культуры раннесредневековой Евразии. Дисс. … канд. ист. наук. М., 2001.

7. *Орфинская О.В.* Аланский костюм VIII–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Тезисы докладов III международной научной конференции / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Самара: СОИКМ, 2000. С. 106–123.

8. *Орфинская О.В.* Три источника, или к вопросу о классификации кроя одежды. // Женская традиционная культура и костюм в эпоху средневековья и новое время. Материалы международного научно-образовательного семинара 9–10 ноября 2012 г. / Ред.-сост., Ю.В. Степанова. М.-СПб.: Альянс-Архео. 2012. С. 76–92.

9. *Орфинская О.В., Михайлов К.А.* Древнерусское “платье” из Изяславля: новая атрибуция. // РА. 2013. № 4. С. 75–85.

10. *Сычев В. Л.* Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии (к проблеме классификации) // СЭ. 1977. № 3 С. 32–46.

11. *Тихонов Н.А., Орфинская О.В.* Могильники в районе Нижнеархызского городища // Историко-археологический альманах. Вып. 3. / Отв. ред. Р.М. Мунча ев. Армавир; М., 1997. С. 105–116.

12. Fluck C. and Vogelsang-Eastwood G. (eds). Riding costume in Egypt: Origin and appearance. Leiden. 2004.

13. Fluck, C. 2012. Dress styles from Syria to Libya. // H.C. Evans (ed.). Byzantium and Islam: Age of Transition (Metropolitan Museum, New York: Exhibition Catalogues). April 24, 2012. Hardcover. P. 160-163.

14. Golikov V., Orfinskaya O., Pshenitchnova E., Voskresensky D. Experimental research of the VIII – IX centuries textiles from the Tcherkessk Museum collection // Rosalia Voroli-Piazza (ed.). Interdisciplinary Approach about Studies and Conservation of Medieval Textiles. Palermo, 1998. P. 133-140.

15. Mälck, K. Technische analise der Berliner reitermäntel und beinlinge B: Fluck C. and Vogelsang-Eastwood G. (eds). Riding costume in Egypt: Origin and appearance. Leiden. 2004.

16. Tilke Max. Kostümschnitte und Gewandformen. Tübingen: Verlag Ernst Wasmuth, 1945.

Информация об авторе:

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Всесоюзный художественный научно-реставрационный центр им. И.Э. Грабаря (Москва, Российская Федерация); orfio@yandex.ru

AN ANALYSIS OF THE STYLE OF MALE CAFTANS AND FEMALE DRESSES OF THE ALANS FROM THE NORTH CAUCASUS

O.V. Orfinskaya

The article considers the variation in the style of clothing of the Alans populating the territory of the North Caucasus in 8th – 13th centuries. An analysis of pattern drawings allowed the author to assume that the style of Alan clothing was based on the essential pattern of the Oriental type with a soft line between the body and the sleeves. The analysis revealed that the pattern changed together with the variation of the sewing material used by the Alans of the North Caucasus from felt fabric with a certain width and length. As a result of research performed by the author, a series of issues remained unresolved. However, the article demonstrates a new direction of analysis of the style of sewn archaeological clothing, which can be used during the reconstruction of historical costumes.

Keywords: archaeological textile, the Middle Ages, the North Caucasus, the Alans, burial mounds, clothing style, sewing, costume reconstruction.

REFERENCES

1. Dode, Z. V. 2001. *Srednevekovyi kostium narodov Severnogo Kavkaza. Ocherk istorii (Medieval Costume of Peoples from the Norther Caucasus. An Essay on History)*. Moscow: “Vostochnaia literature” Publ. (in Russian).
2. Elkina, A. K. 1983. In *Nauka i Zhizn (Science and Life)* (7), 80–82 (in Russian). 3.
3. Ierusalimskaia, A. A. 1990. In *XVI Krupnovskie chteniia po arkheologii Severnogo Kavkaza. Tezisy dokladov (16th Krupnov Readings on the Archaeology of the North Caucasus. Abstracts)*. Stavropol, 71–72 (in Russian).
4. Ierusalimskaia, A. A. 1992. *Kavkaz na shelkovom puti (The Caucasus on the Silk Road)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).
5. Ierusalimskaia, A. A. 2012. *Moshchevaia Balka: neobychnyi pamiatnik na Severokavkazskom shelkovom puti (Moshchevaia Balka: an Unusual Monument on the North Caucasus Silk Road)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).
6. Orfinskaia, O. V. 2001. Tekstil' VIII–IX vv. iz kollektsii Karachaevo-Cherkesskogo muzeia: tekhnologicheskie osobennosti v kontekste kul'tury rannesrednevekovoi Evrazii (Textile of 8th – 9th Centuries from the Collection of the Karachay-Cherkess Museum: Technological Characteristics in the Context of the Culture of Early Medieval Eurasia). PhD Thesis. Moscow (in Russian).
7. Orfinskaia, O. V. 2000. In Stashenkov, D. A. (ed.). *Kul’tury evraziiskikh stepei vtoroi poloviny I tysiacheletiia n.e. (iz istorii kostiuma) (The Cultures of the Eurasian Steppes in the Second Half of I Millennium AD (from the History of Costume))*. Samara: Samara Regional Museum of Local History named after P. V. Alabin, 106–123 (in Russian).
8. Orfinskaia, O. V. 2012. In Stepanova, Yu. V. (ed.). *Zhenskaia traditsionnaia kul'tura i kostium v epokhu srednevekov'ia i novoe vremia (Traditional Female Culture and Costume in the Medieval Period and the Modern Age)*. Moscow; Saint Petersburg: “Al'ians-Arkheo” Publ., 76–92 (in Russian).
9. Orfinskaia, O. V., Mikhailov, K. A. 2013. *In Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 75–85 (in Russian).
10. Sychev, V. L. 1977. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 32–46 (in Russian).
11. Tikhonov, N. A., Orfinskaia, O. V. 1997. In *Munchaev, R. M. Istorikoarkheologicheskii al'manakh (Historical and Archaeological Almanac)* 3. Armavir; Moscow, 105–116 (in Russian).

12. Fluck, C. and Vogelsang-Eastwood, G. (eds). 2004. *Riding costume in Egypt: Origin and appearance.* Leiden.

13. Fluck, C. 2012. In H.C. Evans (ed.). *Byzantium and Islam: Age of Transition (Metropolitan Museum, New York: Exhibition Catalogues)*. *April 24,* 160–163.

14. Golikov, V., Orfinskaya, O., Pshenitchnova, E., Voskresensky, D. 1998. In Rosalia Voroli-Piazza (ed.). *Interdisciplinary Approach about Studies and Conservation of Medieval Textiles.* Palermo, 133–140

15. Mälck, K. 2004. In Fluck, C. and Vogelsang-Eastwood,G. (eds). *Riding costume in Egypt: Origin and appearance*. Leiden.

16. Tilke, Max. 1945. *Kostümschnitte und Gewandformen*. Tübingen: Verlag Ernst Wasmuth.

About the Author:

Orfinskaya Olga V., Candidate of Historical Sciences. Grabar Art Concervation Center. Radio St., 17, build 6, Moscow, 105005, Russian Federation; orfio@yandex.ru

Статья поступила в номер 17.04.2016 г.

УДК 902 (393.05.1) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.187.203

РУСЕНИХИНСКИЙ МОГИЛЬНИК: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТНИКА

© 2017 г. Т.Б. Никитина, Е.А. Пузаткина

В статье освещены результаты раскопок Русенихинского могильника марийской культуры эпохи средневековья, полученные в результате биоархеологических исследований. В основу исследования авторов положен метод атомно-абсорбционной фотометрии. Исследования минерального состава позволили разделить погребения Русенихинского могильника на 2 условные группы. В костной ткани погребенных в захоронениях первой группы отмечены чрезвычайно высокие концентрации цинка, меди и свинца, марганца и низкое содержание кальция, низкое и среднее стронция. Минерализация костей низкая или средняя. Обособленно расположена отдельная группа костяков с высоким содержанием цинка, марганца, и очень низким содержанием стронция. Различия, обозначенные на основе изучения минерального состава костной ткани, подтверждены анализом археологического материала: планиграфии, погребального обряда и вещевого инвентаря.

Ключевые слова: археология, марийцы, средневековье, этнокультурная принадлежность, биоархеологические исследования, метод атомно-абсорбционной фотометрии, взаимодействие культур.

На современном этапе работы Марийской археологической экспедиции большое внимание уделяется междисциплинарному подходу к изучению источника. Наиболее показателен в этом отношении Русенихинский могильник, для изучения которого использован широкий спектр естественнонаучных методов.

Для определения структуры тканей, плетеных изделий и природы текстильных волокон применялась микроскопия в неполяризованном свете (МБС-10), методы оптической микроскопии в проходящем и отраженном поляризованном свете (ПОЛАМ-Р-212) при увеличениях 200–400^{хд}, химические методы для определения катионов металла в текстиле (Институт природного и культурного наследия РАН, М.В. Орфинская). Органические остатки из погребений и жертвенных комплексов были обследованы методом визуального наблюдения с использованием электронного микроскопа. Фрагменты меха исследованы доцентом кафедры зоологии МарГУ В.И. Дроботом и криминалистом Н.С. Курочкиным на определение видового состава животных, из которых пошита одежда или изготовлены покрытия и подстилки. Фрагменты древесных покрытий и подстилок изучены на определение видового состава деревьев на кафедре управления природопользования и лесозащиты МарГТУ профессором И.А. Алексеевым. Также в биологическом отделении судебно-медицинской лаборатории Бюро судебно-медицинской экспертизы Республики Марий Эл проведен анализ кож реакцией встречного иммуноэлектрофореза в агаре с использованием сывороток на идентификацию различных животных. Спектральный анализ серии

металлических украшений проведен доктором физ. наук С.Я. Алибековым. С целью уточнения границ памятника и выявления особенностей планиграфии В.Г. Бездудным апробированы и скорректированы, с учетом сильной залесенности поверхности, геофизические методы: магнитометрия и георадиолокация.

Такое комплексное исследование стало возможным благодаря финансовой поддержке РГНФ (проекты: №№ 10-01-18045е; 11-01-18023е; 13-01-18052).

Русенихинский могильник, расположенный на правом берегу р. Ветлуги в Воскресенском районе Нижегородской области, изучался отрядом МарАЭ под руководством Т.Б. Никитиной в период с 2009 по 2013 г. По погребальному обряду и инвентарю отнесен к марийской культуре X–XI вв. (Никитина, 2015). Интересные результаты были получены при обследовании антропологического материала. На территории, изученной археологическими методами, вскрыто: 18 погребений и 16 жертвенных комплексов. Фрагменты костей человека обнаружены в 13 погребениях.

Отбор биологического материала для исследований, антропологическая характеристика, анализ полученных данных в ходе химического и антропологического изучения и обработка методами вариационной статистики проведены Е.А. Пузаткиной. Определение микроэлементного состава костной ткани методом атомно-абсорбционного анализа осуществлено В.И. Таланцевым – сотрудником лаборатории химического и технического анализа Поволжского государственного технологического университета. Работы проводились при постоянном взаимодействии и консультациях с ведущим научным сотрудником отдела теории и методики (группа физической антропологии) Института археологии РАН, д.б.н. М.В. Добровольской.

Сохранность костей очень плохая; в основном обнаружены кости запястий, пястий, дистальных участков лучевых костей, фрагмент фаланг пальцев, т. е. участки той костной ткани, которая имела непосредственный контакт с металлическими предметами из цветного металла (браслетами, перстнями и т.д.). Только в 2-х погребениях (пп. 6, 16) содержались крупные фрагменты костей и зубы, позволяющие определить индивидуальные особенности и возраст погребенных.

В зависимости от сохранности биологического материала исследователю приходится подбирать тот набор инструментальных методов биоархеологических исследований, которые наиболее адекватны в данном случае. В настоящем исследовании нами было использовано несколько методов. Костные останки подвергались тщательному визуальному осмотру и измерениям по классической антропологической методике (Алексеев, 1966, с. 93–134; Никитюк, 1960, с. 120–125). Кроме того, сохранившиеся в незначительном числе зубные останки также были изучены на предмет определения возраста, пола и предполагаемой этнической принадлежности исследуемых индивидуумов (Зубов , 1968, с. 173–184).

В погребении 6 обнаружены кости верхних конечностей: запястья, пястная кость большого пальца левой руки; фаланги большого, указательного и среднего пальцев и дистальные эпифизы локтевой и лучевой костей

правой руки, по которым определено, что костные останки могут принадлежать взрослому индивидууму с завершенным ростом костей. Кроме того, в погребении 6 обнаружены зубы, из них в хорошем состоянии премоляр и моляры. Стертость зубной эмали по шести бальной шкале составила 2–3 балла, что соответствует возрасту от 30 до 40 лет (Алексеев, Дебец, 1964, с. 36–39; Зубов, 1968, с. 173–174).

В погребении 16 найдены тела позвонков, ключица, обломки ребер, костей рук и нижняя челюсть с зубами. Небольшие размеры сохранившихся костей свидетельствует о том, что погребение принадлежало молодому индивиду. Длина ключицы составила всего 97 мм, что дает возможность предположить возраст ребенка около 10–12 лет. Кроме того, нулевая степень стертости сохранившихся зубов подтверждает этот возраст.

Костные останки из 13 погребений были исследованы на содержание микроэлементов с применением метода атомно-абсорбционной фотометрии. В основу атомно-абсорбционного анализа положено физическое явление способности атомов поглощать квант света определенной длины волны. Костная ткань хорошей сохранности может быть использована для изучения прижизненных концентраций элементов. Кость со значительно измененным минеральным составом может стать своеобразным источником сведений о тех событиях, которые происходили с погребением (изменение влажности, доступа кислорода и пр.), что само по себе часто представляет интерес для интерпретации истории самого археологического памятника. Чувствительность определения $0{,}1\times10^{-4}$ г в одном мл испытуемого раствора. Ошибка метода составляет $0{,}05\times10^{-4}$ г (Бужилова, Козловская, Медникова, 1998). В мировой практике принято выражать концентрации элементов именно в этой величине 1×10^{-4}% (ppm).

Предварительные результаты по материалам первых 5 погребений были апробированы на научных конференциях и опубликованы (Пузаткина, Никитина, 2011, 2014). Впоследствии количественная база образцов с этих погребений была расширена; в настоящей статье представлены скорректированные результаты с включением дополнительно данных, а также новые материалы с учетом последующих раскопок.

На начальном этапе была определена общая минерализация грунтов и костных материалов Русенихинского могильника. Исследование минеральной части скелета человека позволяет решить ряд проблем, связанных с многообразием функций костной ткани. Нормальное или патологическое изменение минерального обмена приводит к изменению состава и количества минерального вещества скелета.

Минерализация костной ткани – это показатель содержания неорганических веществ в кости по отношению к общей массе навески, измеряется в процентах.

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что общая минерализация костных тканей погребений Русенихинского могильника не отличается однородностью. Так, в погребениях 2, 4, 9, 10, 11 и 12 она имеет средние значения, в погребениях 5, 6, 7 и 14 отмечен низкий уровень минерализации. Как известно, низкий уровень минерализации костных останков большинства погребений

Таблица 1

Общая минерализация костной ткани Русенихинского могильника (% к общей массе навески).

Номер погребения	Общая минерализация
П-2	39,84%
П-4	40,30%
П-5	*32,40%*
П-6	*33,30%*
П-7	*21,60%*
П-9	42,01%
П-10	42,86%
П-11	43,61%
П-12	40,80%
П-14	*32,28%*
П-16	**91,96%**
П-17	**91,82%**
П-18	**91,77%**

косвенно свидетельствует о том, что население, оставившее данный могильник, могло проживать в условиях умеренной лесной зоны (Алексеева и соавт., 1993). Для костного материала, обнаруженного в погребениях 16, 17, 18, минерализация оценивается как высокая. Алексеева Т.И. считает, что высокий уровень минерализации скелета характерен для популяций, живущих на северных территориях (Алексеева Т.И. и соавт. 1993) либо в условиях геохимического оптимума, когда состояние химического состава среды обитания является максимально оптимальным для жизни и роста растений и животных, не вызывая их угнетения. Вполне возможно предположить, что перечисленные захоронения были оставлены представителями иной популяционной группы или были подвержены их влиянию.

На втором этапе, с помощью атомно-абсорбционного метода определялся микроэлементный состав костной ткани.

На микроэлементный состав костной ткани влияют пища, вода, воздух, активные вещества из непосредственного окружения человека (некоторые активные металлы: ртуть, свинец, мышьяк, стронций). Поэтому концентрации перечисленных элементов могут быть использованы для реконструкции типа питания древнего населения и некоторых видов профессиональной деятельности (кузнечное или литейное дело) (Бужилова, Козловская, Медникова, 1998).

Исследование методом атомно-абсорбционной фотометрии позволили нам установить элементный состав костной ткани. Данные представлены в таблице 2.

Следует отметить, что концентрация кальция – одного из основных костеобразующих элементов в костях Русенихинского могильника – находится у большинства погребенных ниже пределов границ индивидуальной изменчивости его концентраций (по Armelagos, 1989, в норме они коле-

Таблица 2

Содержание химических элементов в костном материале из Русенихинского могильника (1×10^{-4}% (ppm)

№ погребения	Содержание микроэлементов												
	Fe	Ca	Cd	K	Co	Mg	Mn	Cu	Ni	Pb	Ag	Sr	Zn
2	3486,24	98987,32	8,51	356,22	12,34	2845,34	532,23	78453,21	12,43	10564,35	48,12	13,42	1054,74
4	5465,35	82588,03	11,88	423,62	17,02	1197,90	614,22	82392,17	16,62	42486,33	80,87	5,31	1228,70
5	1500,25	94632,74	12,86	313,49	16,75	1128,49	476,90	51768,92	15,57	4304,03	40,61	32,30	916,08
6	2747,63	96593,05	3,13	655,61	9,07	3211,11	229,97	88635,07	20,73	24423,03	49,84	32,85	1107,10
7	1862,21	47218,70	3,51	562,87	18,33	3394,1	360,19	14454,30	18,59	7109,09	28,68	67,82	976,08
9	1294,52	83955,87	2,75	290,57	7,75	1986,47	231,28	54221,44	2,85	3311,42	7,37	40,93	545,88
10	1000,57	68812,62	2,50	296,92	7,75	2475,09	422,93	55444,13	3,00	3289,47	12,25	144,62	263,12
11	2081,33	75951,83	2,75	270,68	7,45	не опред.	172,32	51053,03	2,60	3012,13	6,95	30,87	703,57
12	3870,92	192009,2	0,10	447,36	15,93	не опред.	449,93	63788,50	7,97	225392,00	223,60	4,67	847,24
14	7402,52	141880,8	2,00	1296,6	40,71	не опред.	1374,83	54944,18	52,61	12270,90	290,03	82,96	632,4
16	992,46	77272,53	0,01	250,61	0,01	не опред.	799,85	2610,41	0,01	не опред.	4,82	0,03	2484,04
17	5227,61	613717,24	2,55	797,05	0,04	не опред.	2147,57	2362,04	0,04	не опред.	0,04	0,17	6608,82
18	1155,80	80634,37	0,001	168,83	0,01	не опред.	1781,88	112,12	0,01	не опред.	0,01	0,04	2348,82

блются от 180000 до 480000 ppm). Исключение составляет погребение 17 с высоким показателем кальция. В границы индивидуальной изменчивости попадает также погребение 12. Очень низкий показатель кальция в костях косвенно свидетельствует о возможном недостаточном или нерегулярном питании (Добровольская, 1984). Низкое содержание кальция могло стать также результатом вымывания его из костной ткани вследствие высокой кислотности глинистых почв.

Установлено, что общий уровень содержания меди достаточно высок в останках погребений 2–14 и имеет наименьшие показатели в погребениях 16–18. Высокий показатель содержания меди характерен для большинства славянских и удмуртских групп (Алексеева и соавт., 1993). Не исключено, что накопление меди в костях скелета возможно при постоянном контакте непосредственно с украшениями или со средой, созданной окислами меди. Но нужно отметить, что образцы взяты примерно из погребений с равными условиями по взаимодействию с металлом, это в основном пястные кости и фрагменты запястий, которые сохранились в результате контактов с браслетами. Поэтому вероятность накопления вещества приблизительно равная. Высокое содержание меди, кроме того, может являться подтверждением присутствия значительной доли мясных продуктов в рационе древнего населения (Алексеева и др., 1993).

Нами отмечено также достаточно высокое содержание свинца в тканях большинства погребенных Русенихинского могильника, за исключением погребений 16–18. Содержание свинца в тканях обычно свидетельствует о длительных контактах с предметами, изготовленными с добавлением свинца, или с участием в технологическом процессе, требующем его применения. По всей видимости, медь и свинец могли попасть в костный материал из украшений. Известно, что марийские украшения средневековой эпохи производились из медисто-оловянистых бронз, которые в основе своей (от 30 до 85%) состояли из меди, добавки свинца в них были достаточно значительны.

Результаты исследований показали чрезвычайно высокие концентрации цинка в костяках практически всех захороненных в Русенихинском могильнике. Самые большие концентрации отмечены для трех последних погребений (16, 17 и 18). Считать, что цинк мог аккумулироваться из грунта нет оснований, так как цинк не является подвижным элементом, то есть не имеет способности диффундировать из грунта в кость (Добровольская, 1984).

Изучение содержания стронция в тканях костяков из могильника показало, что концентрации этого элемента находятся в диапазоне малых и средних значений, за исключением погребения 10, где уровень стронция достаточно высок. Интересно отметить, что самые низкие концентрации (практически отсутствие) этого элемента отмечаются в погребениях 16–18. Низкое содержание стронция в тканях является подтверждением животного рациона питания, а вот повышение стронция может быть связано только с включением значительного количества продуктов растительного происхождения (Алексеева и др., 1993). Кроме того, наличие высокого содержания цинка при низком со-

держании стронция в тканях костного материала, как в погребениях 16, 17 и 18, позволяет предполагать, что в рационе питания огромную долю составляла рыба.

В костных останках всех погребений содержание марганца можно охарактеризовать как супервысокое, превышающее среднюю норму от 5 до 67 раз. Как известно, интенсивность биологического накопления марганца костной тканью невелика. И поэтому высокие концентрации этого элемента часто могут служить индикатором загрязнения почвы (Бужилова, Козловская, Медникова, 1998). С другой стороны, есть мнение о том, что высокий уровень содержания марганца, который является компонентом многих ферментативных систем организма, может характеризовать новые экологические связи в популяции и позволить оценить степень давления геохимического фактора и способность популяции, противостоять геохимическим изменениям (Алексеева и др., 1993). В нашем исследовании вновь следует отметить самые высокие концентрации марганца в погребениях, расположенных на мысу в северной части могильника, и в погребении 14. Как известно, при жизненном цикле человека возникают сложности, связанные с его обособленностью от условий среды обитания, которые отражаются в составе микроэлементов организма. Поэтому воздействие природы, в частности местной геохимической ситуации, можно совершенно четко проследить (Ковальский, 1974).

Таким образом, исследования минерального состава позволяют нам разделить погребения Русенихинского могильника на 2 условные группы. Первая группа включает 9 погребений, в костном материале из которых отмечены чрезвычайно высокие концентрации цинка, меди и свинца, марганца и низкое содержание кальция, при низких уровнях стронция. Минерализация костей низкая или средняя. Наличие высокого содержания цинка и меди при низком и среднем содержании стронция в тканях костного материала позволяет сделать вывод о том, что питание населения было смешанным, с преобладанием животной пищи.

Костные останки из погребений 16, 17, 18 образуют отдельную группу и характеризуются высоким содержанием цинка, марганца и очень низким содержанием стронция. Кроме того, минерализация кости погребенных в этой группе очень высока, а наличие высокого содержания цинка при очень низком содержании стронция в тканях костного материала, как в погребениях 16, 17 и 18, позволяет предполагать, что в рационе питания огромную долю составляла рыба.

Своеобразием отличается погребение 10 с высоким содержанием стронция в костном материале, что позволяет нам косвенно предположить о значительном включении растительных продуктов в рацион их питания в течение достаточно длительного времени.

Археологический материал подтверждает сделанные наблюдения. Могильник имеет очень сложную планиграфию (рис. 1). Территория могильника выходит к реке с северной стороны небольшим отрезком, основная часть удалена в глубь террасы в южном направлении. Объекты, связанные с могильником (погребения и жертвенные комплексы между погребениями), локализуются в груп-

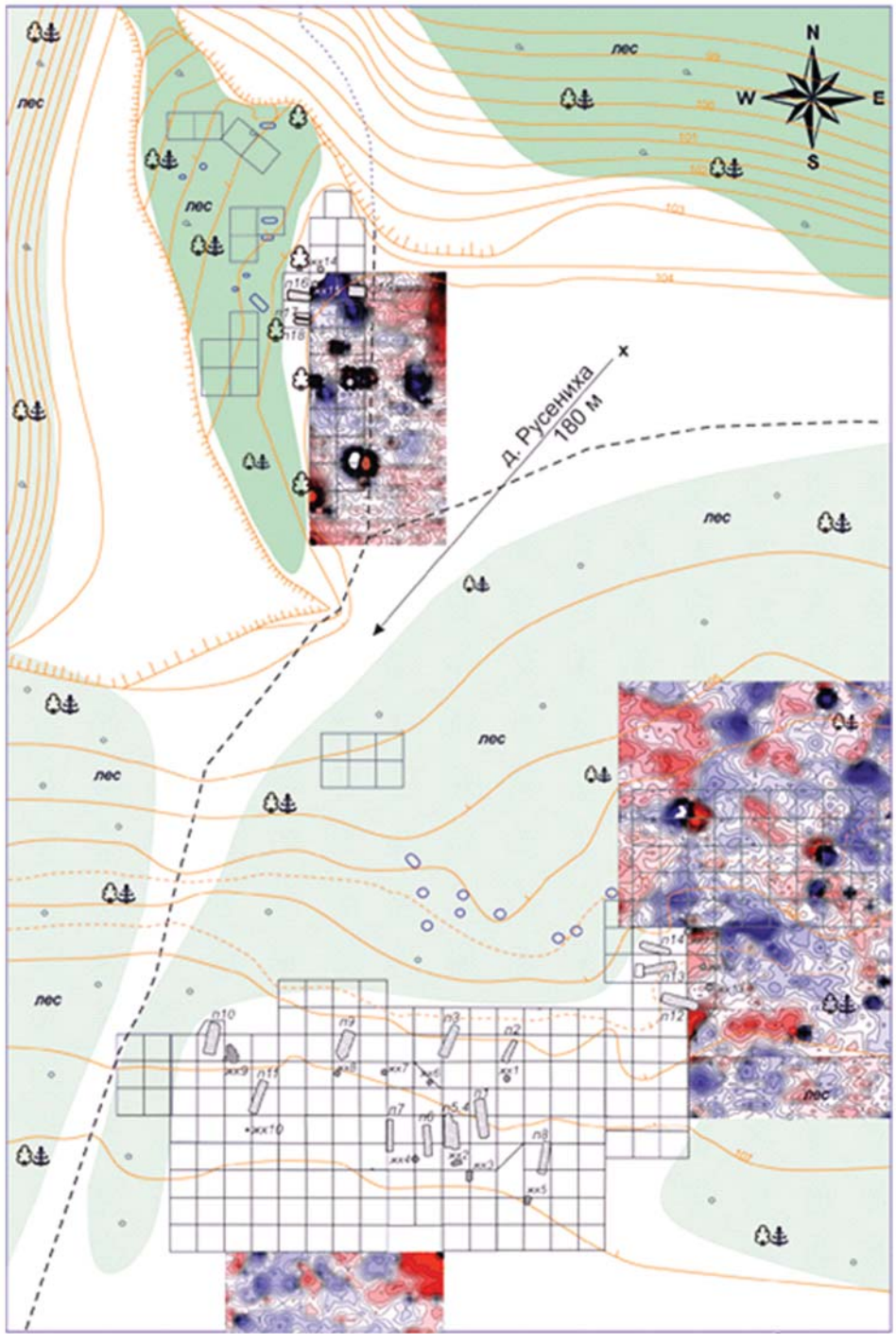


Рис. 1. Общий план Русенихинского могильника.

Fig. 1. The General plan of Rusenikha burial ground.

пы, расположенные одна от другой на определенном расстоянии. В южной части могильника выделяется две группы объектов. В северной – на мысу – находятся погребения 15–18 и жк 14, 15. Количество объектов в северной части было больше, но, к сожалению, они разрушены кладоискателями, от работы которых остались многочисленные ямы и траншеи. Южная часть (из двух групп) отделена с северной стороны от захоронений на мысу древней ложбиной естественного происхождения. Пространство между группами погребений не имеет культурного слоя и дополнительных объектов, искусственно соединяющих или разделяющих группы. Геофизическое обследование территории между группами также не выявило аномалий, позволяющих предполагать наличие древних объектов или находок.

Группы имеют некоторые отличия в погребальном обряде и инвентаре.

Первой группе, выделенной биоархеологическими методами, соответствуют захоронения в южной части.

Южная часть разделена на две группы:

1 группа представлена погребениями 1–11; жк 1–9. Погребенные ориентированы головой к Ю или ЮЮЗ, ногами к р. Ветлуга. Положение рук вытянутое или одна из них имеет небольшой изгиб в локтевом суставе. Погребенные лежат в лубяной колоде или завернуты в луб. Под слоем луба всегда фиксировался слой меха от одежды или покрытия погребенного, изготовленные из шкуры бобра. Умершие захоронены в полном наборе украшений. Угли в засыпи зафиксированы только в пп. 1, 2, 8. В каждом погребении обнаружены дополнительные комплексы вещей: в изголовье и ногах (пп. 1, 3, 5, 7, 9, 10) или в изголовье (пп. 2, 4, 6). Дополнительные комплексы состоят из производственного и бытового инвентаря в женских погребениях, бытового инвентаря и оружия (топоров, наконечников стрел, копья) в мужских погребениях.

С южной стороны от погребений (со стороны изголовья, жк 9 со стороны ног) в небольшой яме диаметром до 20 см располагались жертвенные комплексы, в которые помещался туес с вещами, преимущественно украшениями, завернутыми в одежду, опоясанную ремнем. Сверху туес закрыт деревянной чашей.

Вторая группа представлена погребениями 12–14, жк 11–13. Погребенные ориентированы головой на В с небольшим отклонением к северу или югу. Зафиксированы покрытия и подстилки из меха и ткани, древесные остатки в виде луба. В могилах в изголовье или ногах обнаружены дополнительные комплексы вещей производственного назначения. Кости и основная часть вещей лежали на дне могильной ямы, но значительное количество вещей располагались в засыпи. В засыпи погребений 12, 14 фиксируются включения красного цвета, предположительно охры.

Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве располагались с восточной стороны от могильных ям, по отношению к костякам – со стороны головы и не отличались от жертвенных комплексов группы 1.

Среди инвентаря из объектов обеих групп обнаружено значительное количество вещей, маркирующих принадлежность к марийской культуре (рис. 2): головные цепочки из цветного металла, височные браслетообразные кольца с заходящими концами,

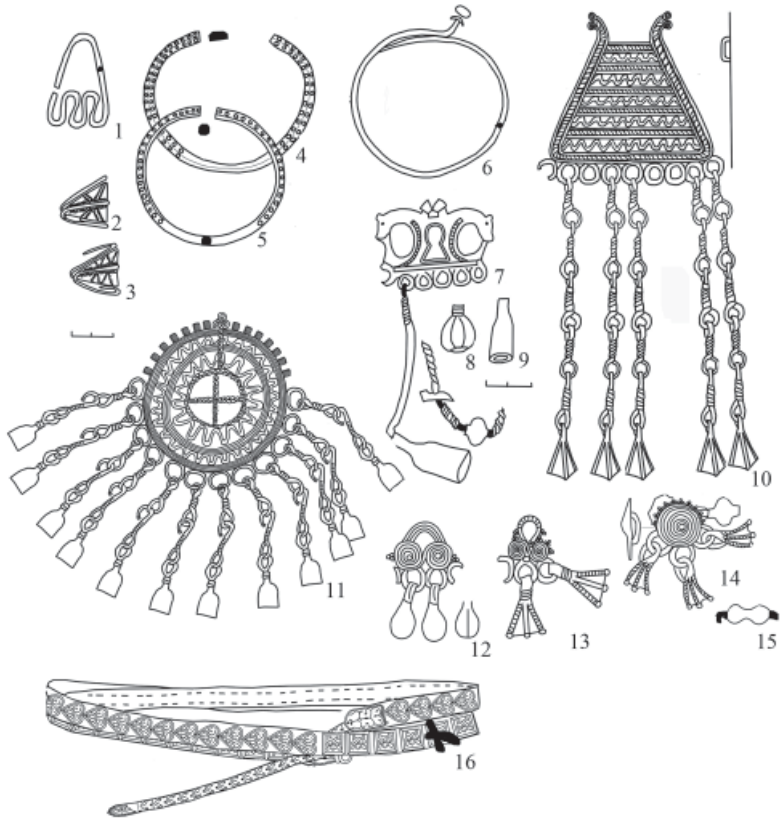


Рис. 2. Инвентарь южной группы Русенихинского могильника:
1, 16 – погребение 3; 4–6 – погребение 5; 2, 3, 7–10 – погребение 6;
12, 13 – жертвенный комплекс 7; 14, 15 – жертвенный комплекс 5.

Fig. 2. Inventory from the southern group of Rusenikha burial ground: 1, 16 – burial 3; 4–6 – burial 5; 2, 3, 7–10 – burial 6; 12, 13 – sacrifi cial complex 7; 14, 15 – sacrifi cial complex 5.

один из которых отогнут, ажурные трапециевидные и круглые нагрудные подвески, изготовленные в наборной технике, накосники из ремешков с костяными пронизками и культовыми предметами, обувные подвески или фрагменты обуви, грушевидные кошельки из хвостов бобра. Полные наборные пояса, обернутые в 1,5–2 оборота вокруг талии, обнаружены как в мужских, так и в женских захоронениях, что также соответствует особенностям марийского костюма. Привозные инокультурные изделия представлены отдельными предметами в различных погребениях: витой браслет с завязанными в спираль концами (погр. 7); гривна «радимического» типа и завязанный щитковый перстень, украшенный «волчьим зубом» (погр. 8); фрагмент пластинчатого браслета «с волчьим зубом» (погр. 9); витой браслет из трех проволок с несомкнутыми обрубленными концами, широкий ленточный браслет с расширяющимися концами, пластинчатый браслет с расширенными концами и гривна, в основе которой находился железный дрот, сверху аккуратно перевитый тонкой, чуть выпуклой бронзовой лентой (погр. 11), пластинчатый браслет с расширенными концами

(жк 7); витой браслет с завязанными на две стороны концами, несколько рамчатых подвесок из гладких проволочек в виде треугольника или треугольника с округленным основанием мерянского типа (погр. 14).

Захоронения в северной части соответствуют группе 2, выделенной с учетом микроэлементного состава костной ткани и объединяет погребения 15–18, жк 14–15, один из сборов в Музее эпох д. Русениха и заметно отличается от групп в южной части могильника. Костяки ориентированы головой на ЮВВ и располагались на незначительной глубине. Не обнаружено дополнительных комплексов вещей в могилах, дно могильной ямы горизонтальное, а не по склону, как в предыдущих случаях. По наличию подстилки из войлока и обкладка из луба они приближаются к захоронениям, находящимся в южной части могильника. Жертвенные комплексы в межмогильном пространстве располагались с восточной стороны от могильных ям, со стороны изголовий погребенных. В отличие от комплексов первых двух групп они имеют значительную глубину.

Инвентарь состоит преимущественно из вещей северо-западного происхождения (рис. 3). Погребение 16 содержит овальное кресало с прорезью, витой браслет с завязанными на две стороны концами, витой браслет с завязанными в спираль концами, витой браслет с обрубленными концами. В погребении 17 обнаружены гривна с раскованными концами, украшенными «волчьим зубом», крестопрорезной бубенчик, витой браслет с завязанными на две стороны концами. В погребении 18 найдены крестопрорезной бубенчик и витая гривна с колбочками на концах. Наибольшим количеством вещей такого типа отличается жк 15, в котором выявлены 2 витых браслета с завязанными на обе стороны концами, витой браслет с завязанными в спираль концами, витой обрубленоконечный браслет, плоский браслет со звериноголовыми концами, пластинчатый браслет с расширенными концами, крестопрорезной бубенчик. Браслеты с завязанными в спираль концами встречаются в Подмосковных, Владимирских курганах XI века (Юшко, 1967, рис. 17: 2, 3; Арциховский, 1930, с. 17: 85; Спицын, 1905, с. 242), Прибалтике, Скандинавии и на о. Готланд (Мугуревич, 1965, табл. XXIV). А.А. Юшко предполагает их прибалтийское происхождение (Юшко, 1967, с. 53). Пластинчатые разомкнутые узкие браслеты с расширяющимися концами имели распространение в XI–XII вв. в Ярославском Поволжье (Левашева, 1967, с. 237). Витые браслеты с обрубленными концами считаются этноопределяющим украшением новгородских словен и датируются XI – началом XIV в., наибольшая их концентрация приходится на северо-запад Новгородской земли (Левашева, 1967, с. 220, Седова, 1997, с. 74). Известны они также в древностях Белоозера (Захаров, 2004, с. 180). Точных аналогий гривне из погребения 17 нам неизвестно. По оформлению плоских раскованных концов они аналогичны витым гривнам, известным в памятниках XI−XII вв. Владимиро-Суздальской и Новгородской земель (Фехнер, 1967, с. 71–73), Белозерья и Поонежья (Макаров, 1997, с. 117, табл. 138, 151; Зайцева, 2008, с. 106), Костромского Поволжья XI – начала XII в. (Рябинин, 1986, с. 60), Кольского полуострова

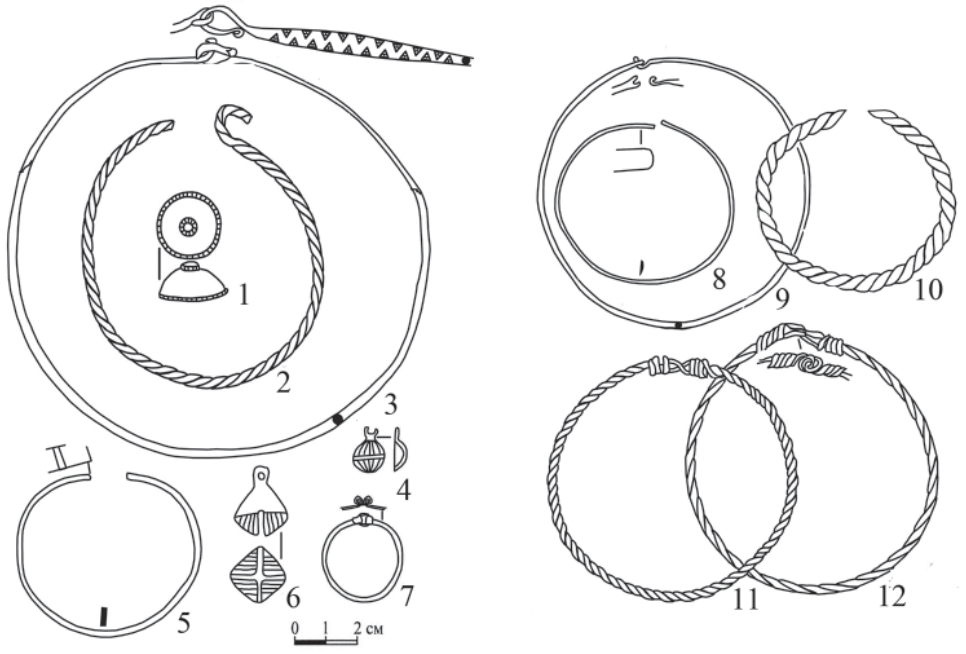


Рис. 3. Инвентарь северной группы Русенихинского могильника:
1, 3 – погребение 16; 3–5 – погребение 17; 8–12 – жертвенный комплекс 15.

Fig. 3. Inventory from the northern group of Rusenikha burial ground:
1, 3 – burial 16; 3–5 – burial 17; 8–12 – sacrifi cial complex 15.

(Горюнова, Овсянников, 2002, с. 219, рис. 7).

Примечательным является тот факт, что в данных комплексах не обнаружено вещей, маркирующих марийскую культуру этого периода, в большом количестве содержащихся в погребениях южной группы. Одна биконьковая подвеска «прикамского» типа найдена в погребении 18. Аналогичные изделия бытовали на широкой территории от Зауралья до Приладожья (Белавин, Крыласова , 2008, с. 381; Крыласова, 2001, с. 68–71). Следует отметить, что они достаточно часто встречаются и в марийских могильниках, в том числе и в Русенихинском, но используются в качестве парного украшения (Никитина, 2002, с. 102; 2012, с. 86, рис. 51: 2, 133: 10, 198: 1). В погребении 16 и жертвенном комплексе 15 обнаружены височные браслетообразные кольца с маленьким щитком с отверстием на одном и крючком на другом конце, не характерные для древнемарийской культуры. Такие изделия, найденные в захоронениях муромы и мери, в большей степени характерны для первых (Дубынин, 1949, с. 103; Гришаков, Зеленеев, 1990, с. 24; Леонтьев, 1996, рис. 34: 12; 67: 13; 94: 4, с. 164, 221; Горюнова, 1961, с. 124–126; Голубева, с. 75; Макаренко, 1908, с. 11–26).

Таким образом, комплексное исследование, основанное на совокупности классических археологических и современных биоархеологических методов позволили выделить на территории Русенихинского могильника две группы населения с разными биологическими характеристиками

и различной материальной культурой. Большая часть погребений была, бесспорно, оставлена марийским населением. Этнокультурная принадлежность второй группы пока не определена. На малом количестве погребений затруднительно делать убедительные выводы. В культуре этой группы населения кроме финно-угорских элементов прослежено древнерусское влияние. Возможно, это славянизированные финны. Особенности костной ткани показывают, что это население было связано с лесной зоной, возможно, более северной от современного проживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев В.П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 252 с.
2. *Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
3. *Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова Н.В., Козловская М.В.* Ранние этапы освоения русского севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения восточной Европы / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М.: Наука, 1993. С. 3–78.
4. *Арциховский А.В.* Курганы вятичей. М.: РАНИОН, 1930. 222 с.
5. *Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2008. 603 с.
6. *Бужилова А.П., Козловская М.В., Медникова М.Б.* Минеральная часть костной ткани: общие параметры и количественный анализ некоторых химических элементов // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый сад, 1998. 260 с.
7. *Горюнова В.М., Овсянников О.В.* Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского п-ова) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / Отв. ред. А.Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 211–220.
8. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: Наука, 1961. 264 с.
9. *Гришаков В.В., Зеленеев Ю.А.* Мурома VII–XI вв. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 1990. 77 с.
10. *Добровольская М. В.* Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. 368 с.
11. *Добровольская М.В.* Опыт количественного определения микроэлементов в скелете человека. (По материалам древних погребений) // Вопросы антропологии. Вып. 74. М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 101–109.
12. *Дубынин А.Ф.* Малышевский могильник (К истории нижней Оки I тысячелетия н. э.) // КСИИМК. 1949. Вып. XXV. С. 134–136.
13. *Зайцева И.Е.* Изделия из цветных металлов и серебра // Археология северно-русской деревни X–XIII веков. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / Отв. ред. С.Д. Захаров. М.: Наука, 2008. С. 57–141.
14. *Захаров С.Д.* Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 2004. 592 с.
15. *Зубов А.А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 200 с.
16. *Ковальский В.В.* Геохимическая экология. М.: Наука, 1974. 298 с.
17. *Крыласова Н.Б.* История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь: ПГПУ, 2001. 260 с.
18. *Левашова В.П.* Браслеты // Очерки истории по русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 207–247.

19. Леонтьев А.Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси // Археология великого переселения народов и раннего средневековья. Вып. 4. М.: Геоэко, 1996. 338 с.

20. Макаренко Н.А. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии // ТВУАК. Кн. X. Владимир, 1908. С. 1–63.

21. Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.

22. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Зинатне, 1965. 145 с.

23. Никитина Т.Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2002. 432 с.

24. Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Археология Евразийских степей. Вып. 14 / Ред. Е.П. Казаков. Казань: Отечество, 2012. 408 с.

25. Никитина Т.Б. Русенихинский могильник древнемарийской культуры IX–XI вв.: междисциплинарный подход к изучению памятника // Археологические открытия 2010–2013 годов / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М: ИА РАН, 2015. С. 228–231.

26. Никитюк В.А. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии. Вып. 3. М., 1960. С. 118–129.

27. Пузаткина Е.А., Никитина Т.Б. Использование данных о минеральном составе костных материалов по волжским финнам эпохи средневековья в палеоэкологических исследованиях // Этнос и среда обитания. Сборник статей по этноэкологии / Отв. ред. Н.А. Дубова. Вып. 4. М.: Старый сад, 2014. С. 233–245.

28. Пузаткина Е.А., Никитина Т.Б. К вопросу о методах биоархеологических исследований Русенихинского марийского могильника IX–XI веков // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ / Научн. ред. Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. С. 142–148.

29. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука, 1986. 160 с.

30. Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура / Археология / Отв. ред.: Б.А. Колчин, Т.А. Макарова. М.: Наука, 1997. С 63–78.

31. Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 84–172.

32. Фехнер М.В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43 / Ред. Б.А. Рыбаков. М.: Советская Россия, 1967. С. 55–87.

33. Юшко А.А. Раскопки кургана XI–XII вв. у с. Покров Московской области // КСИА. № 110. М.: Наука, 1967. С. 48–53.

34. Armelagos G. J. Factors affecting elemental and isotopic variation in prehistoric bone. The chemistry of prehistoric human bone. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

Информация об авторах:

Никитина Татьяна Багишевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Марийский НИИЯЛИ им. В.М. Васильева (г. Йошкар-Ола, Россия); tshikaeva@yandex.ru;

Пузаткина Елена Александровна, кандидат биологических наук, доцент, Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола, Россия); elenpuz@mail.ru

RUSENIKHA BURIAL GROUND: INTERDISCIPLINARY APPROACH TO MONUMENT INVESTIGATION

T.B. Nikitina, E.A. Puzatkina

The article presents the results of excavations at Rusenikha burial ground of Mari culture dating back to the medieval period obtained as a result of bioarcheological research. The research conducted by the authors is based on the atomic-absorption photometry method. Study of mineral composition allowed to classify the burials of Rusenikha burial mound into 2 conventional groups. The bone tissue located in burials of the first group contain exceedingly high concentrations of zinc, copper, lead and manganese with low calcium content, and low to average strontium content. Bones feature average or low mineralization. Of special interest is an individual group of skeletons with high zinc and manganese content, and very low strontium content. The differences determined on the basis of studying the mineral composition of bone tissue have been confirmed by an analysis of archaeological material: planigraphy, funerary rite and item inventory.

Keywords: archaeology, the Mari, the Middle Ages, ethnic-cultural affiliation, bioarchaeological research, atomic-absorption photometry method, cultural interaction.

REFERENCES

1. Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Osteometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Alekseev, V. P., Debets, G. F. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Craniometry. Anthropologic Research Technique)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Alekseeva, T. I., Makarov, N. A., et al. 1993. In Alekseeva, T. A. (ed.). *Ekologicheskie problemy v issledovaniiakh srednevekovogo naseleniia vostochnoi Evropy (Ecological Issues in Research of Medieval Population of Eastern Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ., 3–78 (in Russian).
4. Artsikhovskii, A. V. 1930. *Kurgany viatichei (Burial Mounds of the Viatichi)*. Moscow: “RANION” Publ. (in Russian).
5. Belavin, A. M., Krylasova, N. B. 2008. *Drevniaia Afkula: arkheologicheskii kompleks u s. Rozhdestvensk (Ancient Afkula: the Archaeological Complex near the Rozhdestvensk Village)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).
6. Buzhilova, A. P., Kozlovskaia, M. V., et al. 1998. In *Istoricheskaia ekologiia cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovanii (Historical Human Ecology. Biological Research Technique)*. Moscow: “Staryi sad” Publ. (in Russian).
7. Goriunova, V. M., Ovsiannikov, O. V. 2002. In Kirpichnikov, A.N. (ed.). *Ladoga i ee sosedi v epokhu srednevekov'ia (Lagoda and its Neighbours in the Medieval Period)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 211–220 (in Russian).
8. Goriunova, E. I. 1961. *Etnicheskaia istoriia Volgo-Okskogo mezhdurech’ia (Ethnic History of the Volga-Oka Area)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 94. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
9. Grishakov, V. V., Zeleneev, Yu. A. 1990. *Muroma VII–XI vv. (Muroma People in 7th – 11th Centuries)*. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).
10. Dobrovol'skaia, M. V. 2005. *Chelovek i ego pishcha (Human Being and his Nourishment)*. Moscow: “Nauchnyi mir” Publ. (in Russian).
11. Dobrovol'skaia, M. V. 1984. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 74. Moscow: Moscow State University, 101–109 (in Russian).

12. Dubynin A. F. 1949. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXV, 134–136 (in Russian).

13. Zaitseva, I. E. 2008. In Zakharov, S. D. (ed.). *Arkheologiia severnorusskoi derevni X–XIII vv.: Srednevekovye poseleniia i mogil'niki na Kubenskom ozere (Archaeology of the Northern Rus Village, the 10th – 13th Centuries: Medieval Settlements and Cemeteries near Kubenskoye Lake)*. Moscow: "Nauka" Publ., 57–141 (in Russian).

14. Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (The Old Rus Town of Beloozero)*. Moscow: "Indrik" Publ. (in Russian).

15. Zubov, A. A. 1968. *Odontologiia. Metodika antropologicheskikh issledovanii (Odontology. Anthropological Reseach Technique)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

16. Koval'skii, V. V. 1974. *Geokhimicheskaia ekologiia (Geochemical Ecology)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

17. Krylasova, N. B. 2001. *Istoriia prikamskogo kostiuma. Kostium srednevekovogo naseleniia Permskogo Predural'ia (History of the Kama River Region Costume. Medieval Costume of the Perm' Cis-Urals Population)*. Perm: Perm State Pedagogical University (in Russian).

18. Levashova, V. P. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 207–247 (in Russian).

19. Leont'ev, A. E. 1996. In *Arkheologiia velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia (Archaeology of the Great Migration Period and Early Middle Ages)* 4. Moscow: "Geoeko" Publ. (in Russian).

20. Makarenko, N. A. 1908. In (*Trudy Vladimirskoi uchenoi arkhivnoi komissii*) Proceedings of the Vladimir Academic Archival Commission X. Vladimir, 1908, 1–63. (in Russian).

21. Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiia severnykh okrain Drevnei Rusi v XI–XIII vv.: Po materialam arkheologicheskikh pamiatnikov na volokakh Belozer'ia i Poonezh'ia (Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Rus in 11th –13th Centuries: on the Materials of Archaeological Mouments on the Tracks of Belozerye and the Onega Region)*. Moscow: "Skriptorii" Publ. (in Russian).

22. Mugurevich, E. S. 1965. *Vostochnaia Latviia i sosednie zemli v X–XIII vv. (EasternLatvia and the Neighbouring Lands in 10th – 13th Centuries)*. Riga: "Zinatne" Publ. (in Russian).

23. Nikitina, T. B. 2002. *Mariitsy v epokhu srednevekov'ia (po arkheologicheskim materialam) (Mari People in the Middle Ages (by archaeological materials))*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History (in Russian).

24. Nikitina, T. B. 2012. *Pogrebal'nye pamiatniki IX–XI vv. Vetluzhsko-Viatskogo mezhdurech'ia (Funerary Sites of the 9th – 11th Centuries in the Vetluga-Vyatka Interfl uvial Area)*. Series: Arkheologiia Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 14. Kazan: "Otechestvo" Publ. (in Russian).

25. Nikitina, T. B. 2015. In Lopatin, N. V. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2010–2013 gg. (Archaeological Discoveries of 2010–2013)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 228–331 (in Russian).

26. Nikitiuk, V. A. 1960. In *Voprosy antropologii (Issues of Anthropology)* 3. Moscow: Moscow State University, 118–129 (in Russian).

27. Puzatkina, E. A., Nikitina, T. B. 2014. In Dubova, N. A. (ed.). *Etnos i sreda obitaniia. (Ethnos and Habitat)* 4. Moscow: "Staryi sad" Publ., 233–245 (in Russian).

28. Puzatkina, E. A., Nikitina, T. B. 2011. In Nikitina, T. B. (ed.). *Razvitie gumanitarnykh issledovanii v Respublike Marii El (Development of Humanitarian Research in the Mari El*

Republic). Ioshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 142–148 (in Russian).

29. Riabinin, E. A. 1986. *Kostromskoe Povolzh'e v epokhu srednevekov'ia (The Kostroma Volga Region in the Middle Ages)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

30. Sedova, M. V. 1997. In Kolchin B. A., Makarova T. A. (eds.). *Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura (Ancient Russia. Everyday Life and Culture)*. Series: Archaeology of the USSR 16. Moscow: "Nauka" Publ., 63–78 (in Russian).

31. Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii (Proceedings of the Imperial Archaeological Commission)* 15. Saint Petersburg, 84–172 (in Russian).

32. Fekhner, M. V. 1967. In Rybakov, B. A. (ed.). *Ocherki po istorii russkoi derevni X–XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th – 13th Centuries)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43. Moscow: "Sovetskaia Rossiia" Publ., 55–87 (in Russian).

33. Yushko, A. A. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 110. Moscow: "Nauka" Publ., 48–53 (in Russian).

34. Armelagos, G. J. 1989. In T*he chemistry of prehistoric human bone*. Cambridge: Cambridge University Press.

About the Authors:

Nikitina Tatyana B. Doctor of Historical Sciences. Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V. M. Vasilyev. Krasnoarmeyskaya St., 44, Yoshkar-Ola, 424036, Mari El Republic, Russian Federation; tshikaeva@yandex.ru

Puzatkina Elena A. Candidate of Biology Sciences, Mari State University. Ryabinin St., 8, Yoshkar-Ola, 424000, Mari El Republic, Russian Federation; elenpuz@mail.ru

Статья поступила в номер 25.16.2016 г.

УДК 94/904 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.204.223

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ XIV–XV ВВ. КОНСУЛЬСТВО ЧЕМБАЛЬСКОЕ[1]

© 2017 г. С.Г. Бочаров

В статье определены территориальные границы генуэзского владения в Крыму – консульства Чембальского. Процесс перехода города Чембало и его сельской округи из юрисдикции Золотой Орды под власть Генуэзской республики был окончательно завершён между 1344 и 1357 гг. Сеть сельских поселений консульства складывается в более ранний византийский период и переходит к генуэзцам в завершенном виде. Сельская округа города протянулась на 30 км с северо-запада на юго-восток от Севастольской бухты до мыса Сарыч и вглубь полуострова на 12–16 км от морского берега. На момент присоединения в 40–50-е гг. XIV в. в границы сельской округи Чембало входит вся территория Гераклейского полуострова с южной скальной частью побережья Севастопольской бухты, Черноречeнская долина по левому берегу реки, часть Байдарской долины юго-западнее реки (или вся Байдарская долина целиком) и скалы Чабан-Таш. Во второй четверти XV в. после генуэзско-феодоритской войны 1433–1434 гг. границы были измененены. После захвата Чембало в феврале 1433 г. князем Алексеем вся территория консульства переходит под контроль Феодоро более чем на год. Генуэзцы возвращают эти территории благодаря военной экспедиции под руководством Карло Ломеллини в 1434 г. Тогда же ими был захвачен феодоритский город Каламита. В 1441 г. коммуна Каффы передает Каламиту вместе с Херсонесом и территорией Гераклейского полуострова княжеству Феодоро. После этих событий территория генуэзского Чембальского консульства не изменялась до времени его захвата османскими войсками в 1475 г.

Ключевые слова: Генуэзская республика, Генуэзская Газария, Золотая Орда, княжество Феодоро, Юго-Западный Крым, Каффа, Чембало, консульство Чембальское, границы, историческая география.

Данная статья является финальной в серии работ по исторической географии Генуэзской Газарии (Бочаров, 2016а), а именно о присутствии республики св. Георгия на территории Крымского полуострова (рис. 1). Ранее были изданы исследования по определению границ сельских округ городов Каффы (Бочаров, 2001а, б; 2011; 2015а, б, в; 2017а), Солдайи (Бочаров, 2004а; 2005), Воспоро (Бочаров, 2001в; 2013; 2015г; 2016б), а также подчиненных республике св. Георгия сельских территорий Южного берега Крыма (Бочаров, 2004б; 2009; 2012) и Тарханкутского полуострова (Бочаров, 2008; 2016в; Бочаров, Коваль, 2009; 2011а, б) (рис. 1). Единственной лакуной в крымско-генуэзской тематике оставалось определение границ сельской округи четвертого подобного города –

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00213).

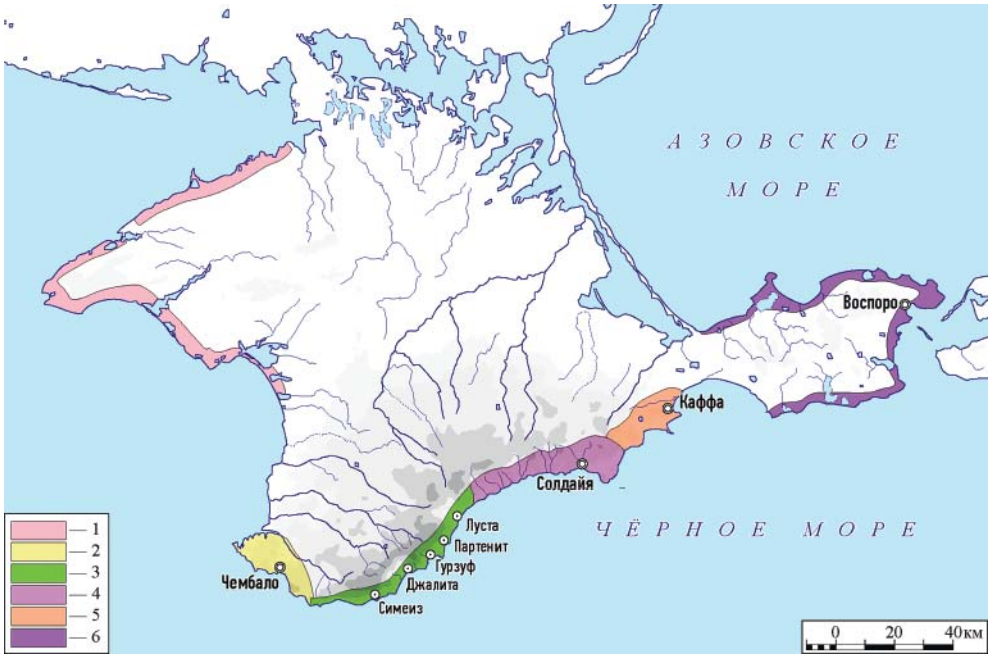


Рис. 1. Карта генуэзский владений на Крымском полуострове в последней четверти XIV в. 1 – территории Тарханкутского полуострова; 2 – консульство Чембальское; 3 – территории Южного берега Крыма; 4 – консульство Солдайское; 5 – кампания Каффы; 6 – консульство Воспорское.

Fig. 1. Map of the Genoese domain on the Crimean peninsula in the last quarter of the 14th century. 1 – territory of the Tarkhankut Peninsula; 2 – Consulate of Cembalo; 3 – territory of the Southern coast of Crimea; 4 – Consulate of Soldaya; 5 – Campania of Caffa; 6 – Consulate of Vosporo.

Чембало. Этот город, являвшийся главным форпостом генуэзцев в Юго-Западном Крыму и резиденцией консула, в последние годы активно исследуется археологически (обобщающая работа: Адаксина, Мыц, Ушаков, 2012, с. 58–98). Однако вопрос о границах чембальской сельской территории и месторасположение объектов ее составляющих, оставался без специального исследования. Исправляя этот пробел в исследованиях Генуэзской Газарии (Бочаров, 2017б, с. 61), в данной статье необходимо хотя бы в общих чертах попытаться ответить на три основных вопроса: первый – выяснить время и условия перехода этой территории из владения Золотой Орды к коммуне Генуи, второй – определить границы сельской округи города и третий – выявить объекты, составляющие эту округу. В связи с тем что все моменты, связанные с сельской округой Чембало, крайне скудно и фрагментарно освещены в единичных письменных источниках, при решении поставленных задач перед нами возникает больше вопросов, чем надежных ответов. Но имеет смысл сделать попытку ответить на них, привлекая аналогии из реалий генуэзского присутствия, известных по исследованиям других сельских регионов полуострова. В качестве границ между владениями в средние века, как правило, служили явно выраженные естественные особенности рельефа – горные хребты, русла рек, ущелья; та

же ситуация была и на Крымском полуострове (Бочаров, 2004б, с. 190).

Прежде чем перейти к поиску ответов на поставленные в статье вопросы, отметим, что в историографической традиции предложены три версии расположения границ сельской территории генуэзского Чембало. А.Л. Бертье-Делагард относит к ней селения Карань, Камары, Варнаутка, Мускомья и точно не указанную «часть Байдарской долины». Границу между генуэзскими владениями на Южном берегу Крыма и консульством Чембальским автор проводит по «отрогу главной гряды гор, кончающемуся мысами Сарыч и Форос» (Бертье-Делагард, 1920, с. 19). В.Л. Мыц считает, что Чембальское консульство занимало значительную территорию. На юге он проводит границу по горной гряде Чабан-Таш, разделяющей Ласпинскую долину и мыс Форос. На севере, по реке Чёрной, территории на левом берегу принадлежали генуэзцам а на правом – феодоритам. При этом к селениям, указанным А.Л. Бертье-Делагардом, он добавляет Байдары, Биюк-Мускамью и Кайту. Херсонес автор относит к владениям княжества Феодоро. Всего в сельской округе города В.Л. Мыц помещает девять селений. Здесь необходимо выделить важное замечание исследователя о возможном изменении границ консульства на протяжении его почти полуторавекового существования (Мыц, 2009, с. 149–150). Именно на тему выявления границ Чембальского консульства есть единственная статья Е.В. Неделькина. К традиционной аргументации предшественников автор добавил предложенный ранее тезис В.П. Кирилко и В.Л. Мыца о маркировании пределов княжества Феодоро пограничными замками (Кирилко, Мыц, 1991, с. 147) и активно развил его, определив укрепления Загайтанское, Чоргуньское, Сарджик, Камара, Кала-Фатлар, Карань, Чоргуньскую башню и Херсонес как феодоритские. Автор сузил границы консульства только до территории «довольно обширной» Балаклавской долины с одним селением Кадыкой (Неделькин, 2013, рис. 4). Позднее исследователь издал еще одну статью на эту же тему, но весь порядок аргументации и выводы о границах остались теми же (Неделькин, 2016, рис. 2).

Попытаемся найти ответ на первый вопрос – когда сельская округа Чембало переходит под контроль генуэзцев? Письменные источники XIV в. не дают информацию о точных границах консульства, как и не называют селения, в него входившие, но некоторые выводы о ситуации в целом сделать позволяют. Появление генуэзцев в поздневизантийском городе, который находился под монгольской властью, относится к 40-м гг. XIV в. В 1344 г. здесь трудится нотарий Роландо Саличето (Rolando Saliceto) (Balard, 1978, p. 157). Первое свидетельство о присутствии генуэзского консула в Чембало относится к 1347–1349 гг. (Карпов, 2015, с. 39). В 40-х гг. XIV в. начинаются и фортификационные работы, город был укреплен земляными рвом и валом с деревянным палисадом (Адаксина, Мыц, 2015, с. 12–18), а в 1357 г. началось строительство каменной цитадели на горе Кастрон (Skrzinska, 1928, p. 129).

По нашему мнению, тогда же, около середины XIV века, под контроль генуэзских официалов вместе с этим городом переходит и его сельская округа, что типично для всех присо-

единяемых коммуной Каффы крымских территорий. Так было в случае с сельской дистрикой Солдайи (cazallium Soldaya) и с территорией Южного берега Крыма (cazallis Gotia). Причем сеть поселений складывается в более ранний византийский период и генуэзцы получают ее целиком и в завершенном виде. Так округа Солдайи состояла из 18 селений, которые занимали значительный по размерам регион, протянувшийся на 50 км по южному склону восточной части Главной гряды Крымских гор «от Козио до Осдафума», от хребта Чалки на востоке до водораздела Чатал-Хая на западе (Бочаров, 2005, с. 292). Отошедшая к генуэзцам прибрежная Готия (ripparia marina Gotia) занимала территорию длиной около 80 км с запада на восток от мыса Сарыч и хребта Чабан-Таш до гряды Чатал-Хая восточнее Семидворья и западнее Сотеры; из латинских письменных источников известны названия 13 селений (Бочаров, 2004б, с. 191). Как видно из приведенных данных, территории консульства Солдайского и прибрежной Готии занимают значительные площади с десятками селений. Это дает нам возможность предположить, что сельская округа, которая должна была обеспечивать необходимыми продуктами жителей Чембало – третьего по величине и значению генуэзского города в Крыму, – также должна была иметь значительные размеры и состоять как минимум из десяти селений. Эти поселения возникают в предшествующий византийский период истории полуострова и переходят под контроль латинян в уже сложившемся виде. Тогда мнение Е.В. Неделькина о распространении границ консульства на территорию только единственной Балаклавской долины с одним селением (Неделькин, 2016, с. 96) следует признать не отвечающим историческим реалиям.

В этой статье мы не будем выяснять вопрос, имела ли сельская округа Чембало отношение к Херсонесу и не перешла ли она, также как позднее к генуэзцам, от угасающего византийского Херсона к новому городу Симбалону (Чембало) в Юго-Западной оконечности Таврики. Вероятно, сельские поселения хоры Херсонеса в первой половине XIV в. исчезли вместе с городом, который обеспечивали, а вокруг Симбалона (Чембало) была образована новая сеть сельско-хозяйственных поселений. Постановка вопроса о времени возникновения поселений сельской округи Чембало актуальна, а решение возможно через археологические исследования. Пока заметим, что как сам город Чембало, так и его сельская округа не упомянуты в договорах от 27 ноября 1380 г. и от 24 февраля 1381 г. между Генуей и Золотой Ордой. В них речь идет о признании за коммуной Каффы селений дистрики Солдайи и селений Готии от Чембало до Солдайи, причем отмечается, что население этих казалий христианское (Desimoni, 1887, p. 162–167). Чембало в этих договорах упоминается только в контексте географического ориентира, маркируя то, что присоединяемые территории расположены по побережью между городами Чембало и Солдайей. Причем в тексте договора от 24 февраля 1381 г. не идет речи о присоединении Солдайи, лишь отмечено, что она была передана генуэзцам еще при Мамае и договор окончательно закрепил ее сельскую округу за латинянами (Desimoni, 1887, p. 163). Последний договор от 12 августа 1387 г.,

окончательно завершивший долгий конфликт между коммуной Каффы и крымским улусом Золотой Орды 60–80 гг. XIV в., подтвердил в целом все генуэзские приобретения в Таврике, не перечисляя их в отдельности (Basso, 1991, p. 25–26). При этом названия как 18 селений, подчиненных Солдайе, (cazallium Soldaya), так и 13 селений прибрежной Готии (ripparia marina Gotia) дважды упоминаются в Массарии Каффы за 1381 и 1386 гг. (Caffa Massaria, 1381, f. 27r, 103v; 1386, f.51r, 317r). Названия селений, входивших в Чембальское консульство, не упомянуты в этих материалах ни разу.

На фоне такой исторической канвы мы можем сделать несколько предварительных выводов. Сельская округа Чембало переходит к генуэзцам в сложившемся виде вместе с присоединением города. Это происходит во временном промежутке между 1316 годом (в материалах Impozicii Oficium Gazarie, регламентирующих генуэзское присутствие в Причерноморье в целом и на Крымском полуострове в отдельности, нет ни одного упоминания о Чембало (Impozicii, 1838, p. 401–440) и 1349 годом – датой первого свидетельства о наличии генуэзского консула в Чембало (Карпов, 2015, с. 39). До конца не ясно, произошло ли присоединение сельской округи быстро или заняло какое-то время, как в случае с Солдайей, дистрика которой несколько раз захватывалась ордынцами и затем возвращалась латинянами. При современном состоянии источниковой базы с уверенностью это установить сложно. Такой переход мог иметь место, например, в 1344–1346 гг. при хане Золотой Орды Джанибеке во время конфликта, связанного с неудавшимися несколькими осадами Каффы и попытками удалить генуэзцев с Крымского полуострова (Карпов, 2015, с. 15–17). В случае долгого и постепенного варианта развития этих событий самая поздняя возможная дата завершения процесса 1357 г. – начало каменного крепостного строительства в Чембало (Skrzinska, 1928, p. 129). Необходимость такого строительства была вызвана агрессивной политикой хана Джанибека в финале его царствования и продолжение ее при кратком правлении его наследника хана Бердибека. В ущерб генуэзцам ордынские правители стали активно поддерживать их основных торговых конкурентов – венецианцев – и пытаться разместить их стационарные опорные пункты в Крыму. В 1356 г. венецианцам разрешается устроить корабельную пристань в бухте Провато (Бочаров, 2105г, с. 307). Через два года, в 1358 г., наместником Солхата Кутлуг Тимуром были подтверждены права венецианцев на Провато и разрешено использование гаваней Калитра (Калиера) и Солдайя для создания торговых поселений-факторий (Бочаров, 2017, с. 58). В ответ на эти действия республика св. Георгия не допускает своих главных торговых конкурентов на ближайшие к Каффе земли Восточного Крыма; воспользовавшись политической междоусобицей в золотоордынском государстве, они захватывают Солдайю в 1365 г. с ее сельской округой и земли по побережью от Солдайи до Каффы (Balard, 1978. p. 161; Бочаров 2016а, с. 264), а также селения Южного берега Крыма. Одним из звеньев этой цепи политических событий и было начало строительства каменной крепости в Чем-

бало. Итак, в нашем распоряжении нет точной даты перехода как города Чембало, так и его сельской округи, не сохранился и документ, юридически закрепивший эти события, но исходя из общей исторической ситуации можно предположить, окончательно этот процесс был завершён в правление золотоордынского хана Джанибека между 1344 и 1357 годом.

В данных массарии Каффы за 80-е гг. XIV в. среди вновь присоединенных казалий Южнобережья и округи Солдайи упоминание селений, входивших в консульство, Чембальское отсутствует, что, по нашему мнению, свидетельствует об их более раннем вхождении в состав генуэзских владений. Это более раннее вхождение, возможно, и обеспечило иную специфику управления сельскими территориями в Чембало, отличную от округи Солдайи и Южного берега Крыма. Видимо, следует признать верной гипотезу А.Л. Бертье-Делагарда о том, что консул Чембало управлял не только городом, «но и окрестными частями страны» (Бертье-Делагард, 1920, с. 19) и налоги с окрестных селений отдельно не отправлялись в Каффу, а поступали в бюджет Чембало. Подобные нормы были установлены и для сельской округи (кампании) Каффы. В уставе для генуэзских колоний 1449 г. (Статут Каффы) в параграфе 11 главы 5 находим: «…настоящими правилами и уставом навсегда обязательным постановляем, предписываем и вменяем в обязанность, чтобы по расходам и издержкам, какие только делаются на упомянутую загородную землю (campania), составлена была особая книга (cartularium), которую должен писать и вести писарь казначейства (scribam Massarie) теперешний и все будущие, и чтобы как сама земля (campania), так и расходы на нее находились в ведении господина консула Каффы и совета казначейства (officium Monete) теперешнего и будущего» (Устав, 1865, с. 670–671; Бочаров 2011, с. 142). Также на издержки и доходы с консульства Чембальского мог вестись отдельный картулярий и все платы по ней находились в непосредственном ведении консула Чембало.

Границы сельской округи Чембало, как и других административных единиц, таких как кампания Каффы (Бочаров, 2011, с. 138), консульство Солдайское (Бочаров, 2005, с. 288–292) и приморская Готия (Бочаров, 2004б, с. 190–191), как уже было упомянуто, были естественными и имели четкие географические ориентиры (горные хребты, ущелья, реки). Территория, полученная генуэзцами вместе с Чембало, также имела четкие границы и проходила на северо-востоке по реке Чёрной (Мыц, 2009, с. 149) (рис. 2). Косвенным подтверждением этого является строительство основного порта княжества Феодоро в 20-х гг. XV в. не в историческом центре региона с греческим населением – Херсонесе, а в Каламите – на правобережье устья реки Чёрной (Кирилко, 2001, с. 301, Кирилко, 2005, с. 237; Мыц, 2009, 112). Видимо, Херсонес с территорией Гераклейского полуострова также вошел в состав генуэзских владений. На юго-западе граница между консульством Чембальским и приморской Готией была верно определена нашими предшественниками и проходила по хребту Чабан-Таш, разделяющему крайний западный пункт генуэзской Готии – Форос – и Ласпинскую долину (Бертье-Делагард, 1920, с. 19;

Мыц, 2009, с. 149). Самый трудный вопрос, на который пока нет ответа, – входила ли самая большая и плодородная Байдарская долина Горного Крыма в Чембальское консульство. Тут возможны три варианта. Первый – вся долина с восемью селениями (Байдары, Биюк-Мускомья, Сахтлик, Келенджи, Скеля, Уркуста, Бага и Саватка) вошла в сельскую округу Чембало. Второй вариант: долина вообще не вошла с сельскую округу и третий, – как предположил А.Л. Бертье-Делагард, – «часть Байдарской долины» (Бертье-Делагард, 1920, с. 19) с уточнением В.Л. Мыца того, что вошла часть долины с левым берегом реки Чёрной и селениями Байдары, Биюк-Мускомья и Кайту (Мыц, 2009, с. 149). Правда, непонятно, почему автор не упомянул о Скеле, Келенджи и Сахтике, также расположенных на левобережье реки Чёрной. Какой из предложенных вариантов правильный – покажут дальнейшие иследования.

Итак, на момент присоединения в 40–50-е гг. XIV в. границы сельской округи Чембало в современной географической номенклатуре можно представить таким образом: в нее входит вся территория Гераклейского полуострова с южной скальной частью побережья Севастопольской бухты, Чернореченскую долину по левобережью реки, левобережье каньона реки Чёрная, часть Байдарской долины юго-западнее реки (или вся Байдарская долина целиком), Байдарская яйла и скалы Чабан-Таш (рис. 2). Сельская округа города занимала территорию с северо-запада на юго-восток, протянувшуюся на 30 км от Севастольской бухты до мыса Сарыч и в глубь полуострова от морского берега на 12–16 км (рис. 2). На севере и востоке округа Чембало граничила с бывшими византийскими территориями, подчиненными Крымскому Улусу Золотой Орды (позднее с княжеством Феодоро), на юге – с южнобережными владениями генуэзцев, крайним западным пунктом которых был Форос (Fori) (Бочаров, 2004б, с. 191).

Теперь попытаемся кратко ответить на третий вопрос и определить, сколько объектов находились в границах сельской округи Чембало. В сельскую округу консульства Чембальского входили: Херсонес – Сары-Кермен, поселение в балке Бермана, Карань – Флотское (25), Неохора – Кады-Кой – Пригородное (38), Камара – Оборонное (26), Кучук – Мускомья – Резервное (39), Варнаутка – Гончарное, Алсу – Морозовка, Кайту – Тыловое (51), Батилиман, Ласпи. Если рассматривать вариант вхождения в консульство левобережья реки Чёрной в Байдарской долине, то это еще и села: Биюк-Мускомья – Широкое (43), Байдары – Орлиное (17), Скеля – Родниковое (22), Келенджи – Подгорное (13) и Сахтлик – Павловка (15) (рис. 2). В случае всей территории Байдарской долины следует добавить и села Саватка – Россошанка (14), Бага – Новобобровское (12) и Уркуста – Передовое (46) (рис. 2). В первом варианте это 11 населенных пунктов, во втором – 16, в третьем – 19. В 1475 г. вся эта территория переходит во владение Османской империи (Olgiati, 1991, s. 389; Veinstein, 1986, p. 223). Кроме того, два православных монастыря св. Софии в Каламите (Инкермане) (Могаричев, 1997, с. 22–25) и св. Георгия на Фиоленте (Могаричев, 2010, с. 11–13), а также ряд скитов, связанных с этим монастырем, на

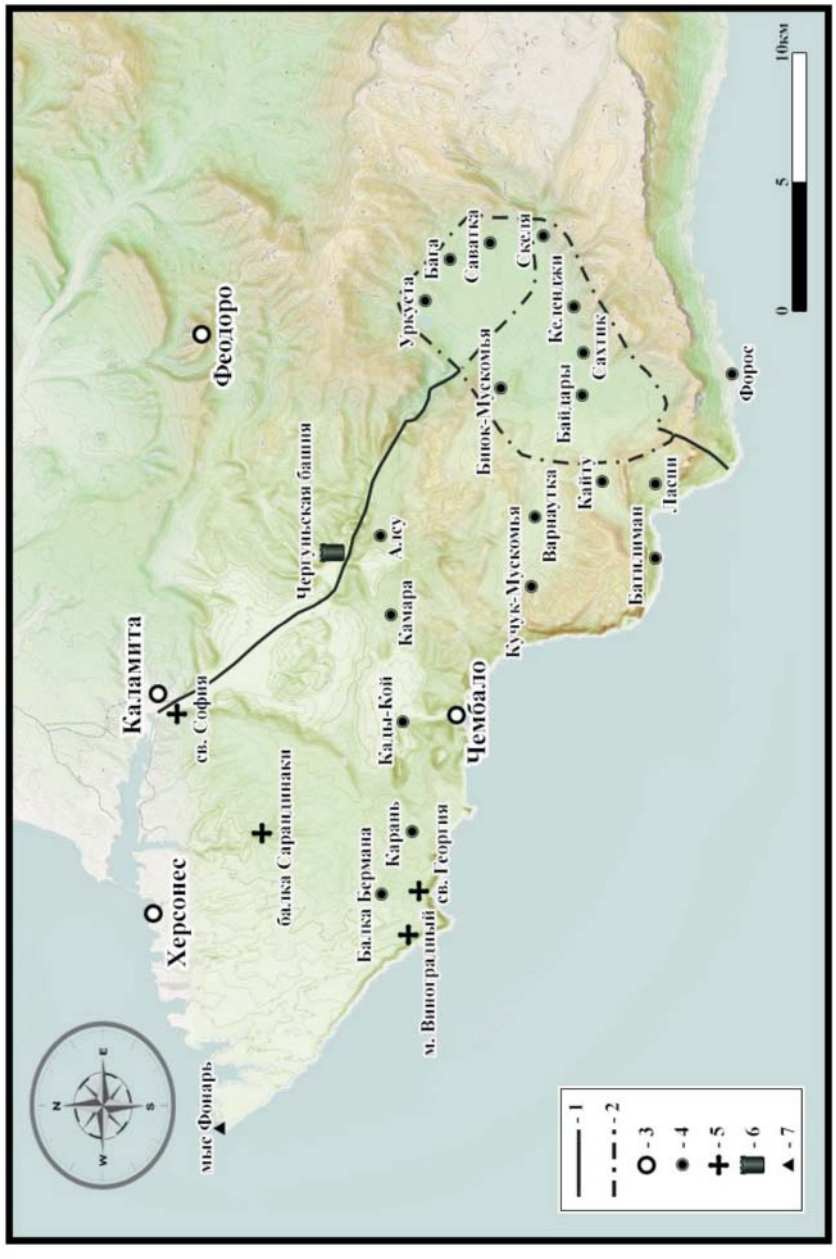


Рис. 2. Карта консульства Чембальского во второй половине XIV в.
1 – границы территории консульства; 2 – возможные границы территории консульства; 3 – города; 4 – селения; 5 – монастыри; 6 – Чоргуньская башня; 7 – мыс Фонарь.

Fig. 2. Map of the Consulate of Cembalo in the second half of the 14th century. 1 – borders of the territory of the consulate; 2 – hypothetical borders of the territory of the consulate; 3 – cities; 4 – villages; 5 – monasteries; 6 – Chyorgun tower; 7 – Cape Fanario.

мысу Виноградный (Яшаева, 1995, с. 147) и в Сарандинакиной балке (Яшаева, 2006, с. 186–188). В турецком дефтере (переписи населения) 20-х гг. XVI в. практически все эти селения отмечены со значительным христианским населением (количество семей по каждому населенному пункту приведено выше после названия села в круглых скобках) (Veinstein, 1980, p. 244–245). Не упомянуты в дефтере селение в балке Бермана, Варнаутка, Батилиман, Ласпи. Селения в балке Бермана и Батилиман прекращают свое существование в османский период, а Ласпи, Варнаутка упомянуты в документе под другими названиями (Veinstein, 1980, p. 244–245). Хотелось бы подчеркнуть один важный момент. В дефтере 1520 г. селения Карань, Камара, Кучук-Мускомья, Сары-Кермен, Кайту и в том числе селения всей Байдарской долины Биюк-Мускомья, Сахтлик, Скеля, Уркуста, отнесены к одному и тому же административно-судебному округу (каза) Инкермана (Öztürk, 2000, s. 247–254). Не берусь категорично утверждать, но, возможно, это косвенное свидетельство в пользу исторического вхождения всех селений Байдарской долины в одну административную единицу – консульство Чембальское; при османах эту единицу могли переподчинить второму городу региона Инкерману (Каламита). Это обстоятельство необходимо будет учесть в дальнейших исследованиях по исторической географии консульства Чембальского.

Теперь необходимо вернуться к замечанию В.Л. Мыца о том, что при определении территориальных границ различных владений необходимо учитывать: «…возможную динамику изменений в зависимости от политической обстановки, которую никогда нельзя принимать за статичную величину» (Мыц, 2009, с. 150). Границы претерпели изменения во второй четверти XV в. после генуэзско-феодоритской войны 1433–1434 гг. Правитель Феодоро Алексей захватил Чембало в феврале 1433 г, вся территория консульства переходит под его контроль более чем на год (Мыц, 2009, с. 150). Ответом республики св. Георгия была военная экспедиция под руководством Карло Ломеллини, в ходе которой был возвращен город Чембало и территории его консульства, а также захвачен главный феодоритский форпост в Юго-Западном Крыму и единственный морской порт – город Каламита (Инкерман) (Мыц, 2009, с. 162). В 1334 г. генуэзцы вернули себе не только всю территорию сельской округи Чембало, но и вторглись на земли Феодоро на правом берегу реки Чёрной. Затем в 1434–1441 гг. они значительно усиливают каменные крепостные стены Каламиты (Кирилко, 2001, с. 303; Мыц, 2009, с. 180). По нашему мнению, помимо укрепления Каламиты генуэзскими властями была построена башня (рис. 4) на правом берегу реки Чёрная в селении Чоргунь (вся архитектурная схема башни полностью повторяет генуэзские донжоны Солдайи и Чембало), которая контролировала основную дорогу между Чембало и Феодоро и должна была стать первым пограничным пунктом в случае нового нападения феодоритов на территорию консульства Чембальского (Мыц, 2009, с. 203; историография вопроса: Неделькин, 2106, с. 88–92). Версия о строительстве башни венецианцами для феодоритов (Мыц, 2009, с. 207), по моему мнению, маловероятна.

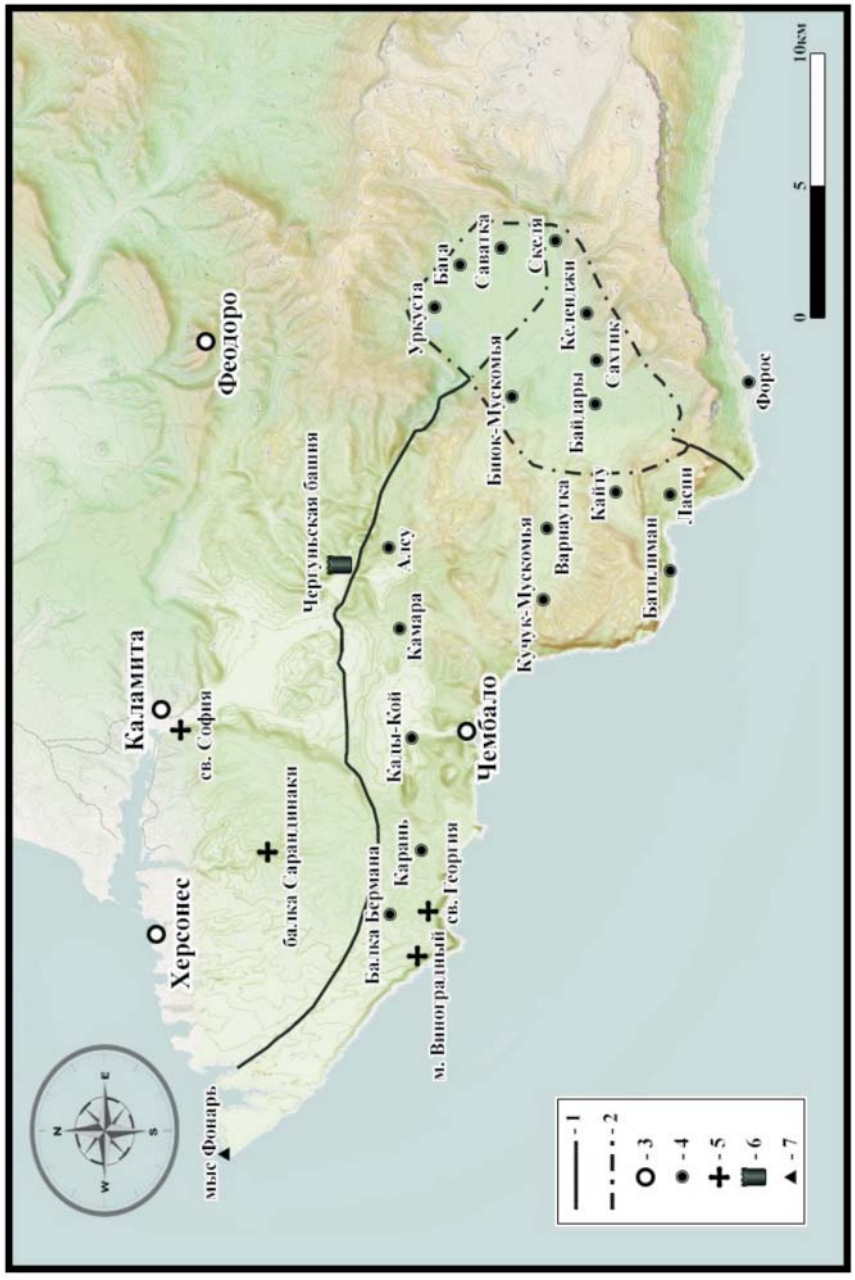


Рис. 3. Карта консульства Чембальского в 1441–1475 гг.
1 – границы территории консульства; 2 – возможные границы территории консульства; 3 – города; 4 – селения; 5 – монастыри; 6 – Чоргуньская башня; 7 – мыс Фонарь.

Fig. 3. Map of the Consulate of Cembalo in 1441–1475. 1 – borders of the territory of the consulate; 2 – hypothetical borders of the territory of the consulate; 3 – cities; 4 – villages; 5 – monasteries; 6 – Chyorgun tower; 7 – Cape Fanario.

В 1441 г. официалы коммуны Каффы, пытаясь превратить Алексея из врага в союзника, заключают с ним мирный договор и возвращают княжеству Феодоро Каламиту (Мыц, 2009, с. 180), а также значительную часть территории Гераклейского полуострова вместе с Херсонесом. Пока нет точного ответа, были ли тогда же переданы феодоритам Чергуньская башня и восемь селений Байдарской долины или они так и остались под генуэзским контролем. Переходом Херсонеса под управление династов поствизантийского княжества можно объяснить появление на его территории замка, от которого сохранились две закладных плиты 1446–1459 и 1462 или 1472 гг. с греческими надписями (Виноградов, 2010, с. 220–222), на одной из которых нанесена монограмма феодоритского князя Исаака (Мыц, 2009, с. 361; Неделькин, 2016, с. 93–94). Эта ситуация с изменением границ Чембальского консульства нашла отражение в одной из норм параграфа 1 главы 8 «Об устройстве мест, подчиненных Кафе» Статута Каффы, в котором устанавливаются нормы доходов, которые рыночный пристав города может брать в свою пользу с рыбаков, улов которых был сделан в пределах границ консульства на севере между мысом Фонарь (Херсонес) до Чембало и на юге между пунктом Кайту (бухта Ласпи) до города (a Fanario usque ad dictum locum Cimbali, et similiter a loco Caiton usque ad dictum locum Cimbali) (Устав, 1865, с. 791). При этом ловлю рыбы за пределами границ консульства рыночные приставы налогами не облагали (Устав, 1865, с. 792). Как видим, новые пределы сельской округи Чембало по побережью были указаны очень точно от мыса Фонарь – Херсонес, до селения Кайту (бухты Ласпи). Территория консульства уменьшилась почти на третью часть и северная граница между консульством и Феодоро прошла в современном описании от Камышовой бухты по Юхариной балке, затем по южным склонам высот Карагач и Федюхиных высот до реки Чёрной (рис. 3).

Если в письменных источниках XIV в. найти сведения о Чембальском консульстве не удалось, то к середине XV в. о сельской округе города есть два упоминания в Статуте Каффы 1449 г. Первое – в параграфе 4 главы «Об устройстве Чембало» указано: «…чтобы упомянутый консул не смел и думать покупать или брать у жителей Чембало и деревень (hominibus Cimbali et cazalium) хлеба, вина или дров не иначе, как по рыночной и справедливой цене, предлагаемой не им самим, а продавцами» (Устав, 1865, с. 784). Второе свидетельство находим в параграфе 12 пункта об обязанностях и доходах рыночного пристава: «может упомянутый пристав взымать с каждого ведра вина, продаваемого в указанном месте (в населенном пункте) Чембало и в границах Чембальского места (в пределах его округи) (in dicto loco Cimbali et intra confines loci Cimbali), по одному аспру» (Устав, 1865, с. 794). Оба свидетельства наглядно показывают наличие у города сельской округи из которой, как и положено, поставляются хлеб, вино и дрова.

В заключение отметим, что четыре вопроса, касающиеся сельской округи Чембало, при генуэзцах продолжают оставаться не выясненными. Первый – это принадлежность Чоргуньской башни после 1441 г. Второй и третий вопросы, – в какой степени Байдар-

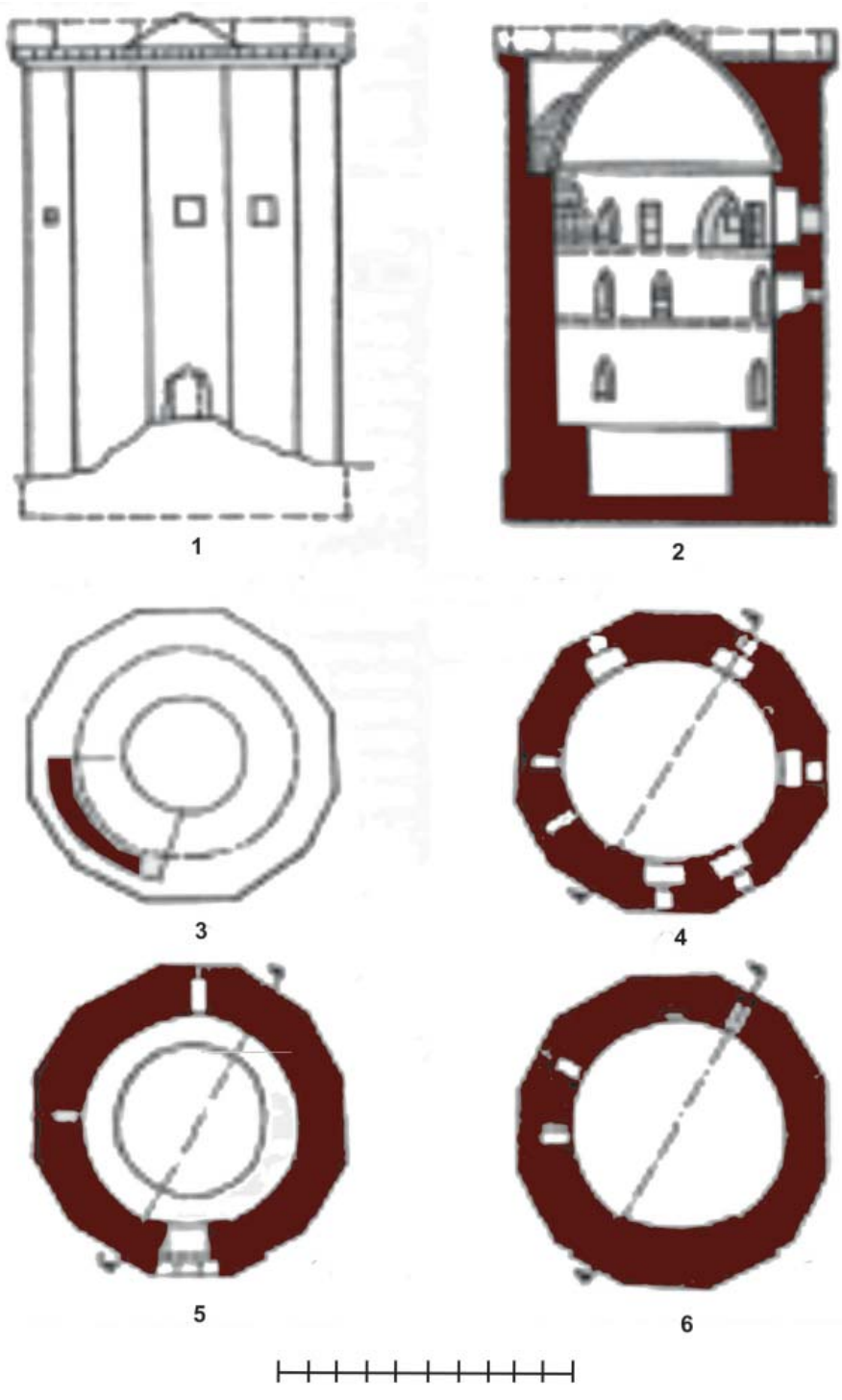


Рис. 4. Чоргуньская башня.
1 – вид фасада; 2 – разрез; 3–6 – планы этажей (по А. Л. Бертье-Далагарду).

Fig. 4. Chyorgun tower.
1– view of the facade; 2 – section; 3–6 – fl oor plans (after A.L. Berthie-Dalagard).

ская долина входила в консульство Чембальское с момента его появления и изменилась ли ее административная подчиненность после изменения границ в 1441 г. Четвертый вопрос, требующий дальнейшего изучения, как соотносятся данные о существовании феодоритского замка в Херсонесе во второй половине XV в. с двумя документами 1471 г. и 1472 г., в которых протекторы и совет банка св. Георгия обсуждают с официалами Каффы полезность разрушения башен и стен необитаемого места Ихерезонда (Iherezonda), чтобы его не заняли турки (Богданова, 1991, с. 98–99).

Сведений письменных источников о точной дате и условиях перехода как города Чембало, так и его сельской округи к генуэзцам нет, как и не сохранился документ, юридически закрепивший эти события, но исходя из общей исторической ситуации это могло произойти в правление золотоордынского хана Джанибека между 1344 и 1357 г. Сеть поселений складывается в более ранний византийский период и республика св. Георгия получает ее целиком и в завершенном виде.

Сельская округа города занимала территорию, протянувшуюся на 30 км с северо-запада на юго-восток от Севастольской бухты до мыса Сарыч и в глубь полуострова на 12–16 км от морского берега. На момент присоединения в 40–50-е гг. XIV в. границы сельской округи Чембало в современной географической номенклатуре можно представить таким образом: вся территория Гераклейского полуострова с южной скальной частью побережья Севастопольской бухты, Чернореченская долина по левобережью реки, левобережье каньона реки Чёрная, часть Байдарской долины юго-западнее реки (или вся Байдарская долина целиком), Байдарская яйла и скалы Чабан-Таш.

Во второй четверти XV в. после генуэзско-феодоритской войны 1433–1434 гг. границы были изменены. После захвата Чембало в феврале 1433 г. князем Алексеем вся территория консульства переходит под контроль Феодоро более чем на год. Генуэзцы возвращают себе эти территории благодаря военной экспедиции под руководством Карло Ломеллини в 1434 году. Тогда же ими был захвачен город Каламита – главный феодоритский форпост в Юго-Западном Крыму и единственный морской порт княжества. Генуэзцы на правом берегу реки Чёрной строят передовую Чёргуньскую башню. В 1441 г. Каламита вместе с Херсонесом и территорией Гераклейского полуострова были переданы коммуной Каффы княжеству Феодоро. После этих событий территория генуэзского Чембальского консульства не изменялась до 1475 г. – времени его захвата османскими войсками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адаксина С.Б., Мыц В.Л.* Формирование малых городов Генуэзской Газарии (на примере фактории в Чембало: 1345–1476 гг.) // Таврические Студии. Исторические науки. 2015. № 7. С. 12–18.

2. *Адаксина С.Б., Мыц В.Л., Ушаков С.В.* Некоторые итоги архитектурно-археологических исследований крепости Чембало в 2002–2011 гг. // Отчёт об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2011 г. Санкт Петербург, Симферополь: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. С. 58–98.

3. Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 1–136.

4. Богданова Н.М. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Вып. 1 / Отв. ред. С. П. Карпов. М.: МГУ, 1991. С. 8–172.

5. Бочаров С.Г. Археологические исследования средневекового замка Гелин-Кая в 2006 году // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. С.И. Валиулина. Казань: ЯЗ, 2012. С. 109–121.

6. Бочаров С.Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Труды III Международного /ТТ1конгресса средневековой археологии евразийских степей «Между Востоком и Западном: движение культур, технологий и империй» / Ред. Н.Н. Крадин, А.Г. Ситдиков. Владивосток: Дальнаука. 2017б. С. 57–63.

7. Бочаров С.Г. Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Провато в 1356–1382 гг. // Stratum plus. 2015д. Вып. 6. С. 303–315.

8. Бочаров С.Г. Генуэзские владения в Крыму во второй половине XIV в. // Былые годы (Bylye Gody). 2015б. № 38–4. С. 808–824.

9. Бочаров С.Г. Генуэзский замок Калиера // Генуэзская Газария и Золотая Орда / Отв. ред. С.Г. Бочаров и А.Г. Ситдиков. Казань, Симферополь, Кишинев: Stratum plus, 2015в. С. 47–99.

10. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С.Б. Сорочан. Харьков: ХНУ. 2001а, С. 89–90.

11. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV веков II // 175 лет Керченскому музею древностей. Материалы международной конференции / Отв. ред. А.И. Иваненко. Керчь, 2001в. С. 157–161.

12. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Консульство Солдайское // Россия – Крым – Балканы: диалог культур. Научные доклады международной конференции / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-тет, 2004а.С. 146–152.

13. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV вв. Южный берег Крыма // «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения П. И. Кеппена / Гл. ред.В. Л. Мыц. Киев: Стилос, 2004б. С. 186–205.

14. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии генуэзской Газарии XIV–XV. Консульство Солдайское // Античная древность и средние века. Вып. 36 / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-тет, 2005. С. 282–294.

15. Бочаров С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV веков (Кампанья Каффы) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 137–145.

16. Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова (Ялта, 8–12 ноября 2016 г.) / Ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Казань, Ялта, Кишинёв: Stratum plus, 2016а. С. 263–268.

17. Бочаров С.Г. Монастыри Кампании Каффы // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. Док. III Международной конференции по религиоведению. Севастополь, 2001б. С. 9–10.

18. Бочаров С.Г. Позднесредневековый могильник у античного городища Чайка в Западном Крыму // Очерки археологии Северо-Западного Крыма (по материалам городища "Чайка" и некрополя у поселка Заозерное) / Отв. ред. Е.А. Попова. М.: МГУ, 2016в. С. 42–121.

19. Бочаров С.Г. Поселения XIII–XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Материалы Шестой Кубанской Международной археологической конференции / Отв. ред И.И. Марченко. Краснодар: Изд. Во. Экоинвест, 2013. С. 37–40.

20. Бочаров С.Г. Поселения Крымского побережья XIII–XV вв. Данные карт-портоланов и археологическая ситуация // Этнические, демографические и духовные взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху, византийский период и средневековье». 11 заседание Совместной комиссии по исследованиям в области истории, археологии, этнографии и фольклора НАНУ и Румынской АН (22–27 сентября 2008 г., Симферополь) / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: Издательство А. Э. Барановского, 2008. С. 12–14.

21. Бочаров С.Г. Предварительные результаты археологического исследования укрепления Учансу-Исар // Взаимоотношения Северного и Западного Причерноморья в античную эпоху и средневековье / Отв. ред. С.Г. Бочаров, В. Кожокару. Симферополь: Издательство А. Э. Барановского, 2009. С. 108–114.

22. Бочаров С.Г. Селение Посидима в Юго-Восточном Крыму и его керамический комплекс (рубеж XIII–XIV вв.) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья в X–XVIII вв. / Ред. С.Г. Бочаров, В. Франсуа, А.Г. Ситдиков. Казань, Кишинев: Stratum plus, 2017а. Т. 2. С. 409–447.

23. Бочаров С.Г. Средневековое сеение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская археология. 2016б. № 4. С. 88–103.

24. Бочаров С.Г. Средневековое селение Посидима // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015в. Вып. 3. С. 123–127.

25. Бочаров С.Г. Фортификационные сооружения генуэзского Воспоро // Причерноморье в средние века. Вып. 9 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб: Алетейя, 2015 г. С. 127–148.

26. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV–XV вв. (Западный Крым) // Материалы I Международного конгресса по археологии Евразийских степей / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: ИИ АН РТ, 2009. С. 45–46.

27. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. Карты-портоланы и археологическая ситуация на крымском побережье в контексте византийско-генуэзской черноморской торговли // Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов «Российское византиноведение: традиции и перспективы» / Отв. ред. С.П. Карпов. М.: Изд. Московского университета, 2011б. С. 46–49.

28. Бочаров С.Г., Коваль В.Ю. Поселения крымского побережья в системе международной торговли Руси и Средиземноморья. Археологические свидетельства // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 2. / Ред. Н.А. Макаров, Е.Н. Носов. Великий Новгород – Старая Русса, 2011а. С. 127.

29. Виноградов А.Ю. Строительные надписи византийского Крыма // Вопросы эпиграфики. Вып. IV / Отв. ред. А.Г. Авдеев. М.: Ун-тет Дмитрия Пожарского, 2010. С. 217–253.

30. Карпов С.П. Итальянские морские республики и Золотая Орда. Кризис 1343–1349 гг. // Причерноморье в средние века. Вып. 9 / Отв. ред. С.П. Карпов. СПб: Алетейя, 2015. С. 7–42.

31. Кирилко В.П. Крепостной ансамбль Фуны (1423–1475 гг.). Киев: ИД «Стилос», 2005. 269 с.

32. Кирилко В.П. Надвратные башни укреплений Юго-Западной Таврики (XIV–XV вв.) // Античная древность и средние века. Вып. 32 / Отв. ред. В.П. Степаненко. Екатеринбург: Уральский федеральный ун-тет, 2001. С. 283–308.

33. Кирилко В.П., Мыц В.Л. Крепость Фуна в системе обороны княжества Феодоро // Византийская Таврика / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1991. С. 147–171.

34. Могаричев Ю.М. Крым. Пещерные города. Киев: Искусство. 2010. 286 с.

35. Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь: Таврия. 1997. 384 с.

36. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь: Универсум, 2009. 427 с.

37. Неделькин Е.В. Границы княжества Феодоро и Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. XIX (VI). Сер. А. 2016. С. 81–106.

38. Неделькин Е.В. К вопросу о границе княжества Феодоро и владений Генуэзской республики в Юго-Западной Таврике // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Вып. V / Ред. М.М. Чёреф. Севастополь, Тюмень: ТюмГУ, 2013. С. 53–81.

39. Устав для генуэзских колоний в Черном море, изданный в Генуе в 1449 г. Пер., вступит. статья и примечания В.Н. Юргевича // Записки Одесского общества истории древностей. Т. V. Одесса, 1863. С. 629–857.

40. Яшаева Т.Ю. Позднесредневековая пещерная лаврв Сарандинакиной балке // Православные монастыри. Симферопольская и Крымская епархия Украинской Православной Церкви Московского патриархата / Ред. Ю.М. Могаричев. Симферополь: Таврия, 2006. С. 186–188.

41. Яшаева Т.Ю. Раскопки позднесредневекового христианского скита на мысе Виноградный // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма / Ред. Ю.М. Могаричев, И.Н. Храпурнов. Симферополь: Таврия, 1995. С. 146–151.

42. Balard M. 1978. *La Romanie Génoise (XIII e-début du XV e siècle)* I. Rome: École Française de Rome; Genova: Societá Ligure di Storia Patria.

43. Basso E. 1991. Il “bellum de Sorchati” ed i trattati del 1380–1387 tra Genova e l’Ordo d’Oro. Genova: *Studi genuensi.* N. S. VIII, 11–26.

44. Caffa Massaria 1381. Archivio di`Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34, f. 27r, 103v.

45. Caffa Massaria 1386. Archivio di`Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34, f.51r, 317r.

46. Desimoni C. 1887. Trattato dei Genovesi col chan dei Tartari nel 1380–1381 scritto in lingua volgare. *Archivio Storico Italiano* XX, 161–165.

47. Impozicii 1838. Impozicii Oficium Gazarie. *Monumenta Historiae Patriae* 2. Taurinorum: Regio, 306–419.

48. Olgiati G. 1991. The Genoese Colonies In Front Of The Turkish Advance (14531475). Tarih Araştırmaları Dergisi, Cilt.15. Sayi 26. S. 381–389.

49. Öztürk Y. 2000. Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475–1600. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı. Yayınları, XXXIV, 570 s.

50. Veinstein G. 1980. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane. *Bulletin de Institut Français d’Etudes Anatoliennes. Mémorial Ömer Lûtfi Barkan*. 1980. Fis. XXVIII. P. 227–249.

51. Veinstein G. 1986. From the Italians to the Ottomanes: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. *MHR.* Vol. 1. № 2. P. 221–237.

52. Skrzinska, E. 1928. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. Genova: *Atti della Societa Ligure di Storia Patria.* Vol. LV1. 141 p.

Информация об авторе:

Бочаров Сергей Геннадиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН (г. Симферополь, Республика Крым); sgbotcharov@mail.ru

NOTES ON HISTORICAL GEOGRAPHY OF 14TH-15TH CENTURY GENOESE GAZARIA. CHEMBALO CONSULATE

The author determines the territorial boundaries of the Genoese domain in the Crimea – Chembalo Consulate. The transition of the town of Chembalo and its rural surrounding area from the jurisdiction of the Golden Horde under the control of the Genoese Republic occurred between 1344 and 1357. The network of rural settlements of the Consulate was established in the earlier Byzantine period and passed on to the Genoese in its final appearance. The rural neighbourhood of the town stretched 30 kilometres from the north-west to the south-east from Sevastopol Bay to Cape Sarych and 12–16 kilometres inside the peninsula from the seashore. By the time of inclusion in 1340s-1350s the rural area of Chembalo included the entire territory of Heracles Peninsula with the southern mountainous part of Sevastopol Bay, Chernorechenskaya valley along the left riverbank, a part of Baidarskaya valley south-west of the river (or the entire Baidarskaya valley) and the Chaban-Tash mountains. The borders changed in the second quarter of 15th century after the Genoese-Theodoro war of 1433–1434. After the capture of Chembalo by Grand Duke Alexei in February of 1433 the entire territory of the Consulate came under the control of Teodoro for over a year. The Genoese reclaimed these territories in 1434 after a military campaign headed by Carlo Lomellini. In the same period they captured the Theodoro town of Calamita. In 1441 the Caffa community handed Calamita together with Chersonesus and the territory of the Heracles Peninsula over to the Theodoro principality. After these events the territory of the Genoese Chembalo Consulate remained unchanged until it was captured by the Ottoman army in 1475.

Keywords: archaeology, historical geography, The Genoese Republic, Genoese Gazaria, the Golden Horde, Theodoro principality, Caffa, Chembalo, Consulate.

REFERENCES

1. Adaksina, S. B., Myts, V. L. 2015. *Tavricheskie Studii. Istoricheskie nauki (Tauric Studies. Historical Sciences)* 7, 12–18 (in Russian).

2. Adaksina, S. B., Myts, V. L., et al. 2012. In *Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniiakh srednevekovoi kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2011 g. (Report on Archaeological Studies of Chembalo Medieval Fortress (Balaklava town) in 2002-2011)*. Sankt Peterburg; Simferopol: The State Hermitage Museum, 58-98. (in Russian).

3. Berte-Delagard, A. L. 1920. In *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii (Reports of the Tauric Scientific Archival Commission)* 57, 1–136 (in Russian).

4. Bogdanova, N. M. 1991. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (1). Moscow: Moscow State University Publ., 8–172 (in Russian).

5. Bocharov, S. G. 2012. In Valiulina, S. I. (ed.). *Aktual'nye voprosy arkheologii Povolzh'ia. K 65-letiiu studencheskogo arkheologicheskogo kruzhka Kazanskogo universiteta (Current Issues of the Volga Region Archaeology: 65th Anniversary of the Students' Archaeological Group in the Kazan University)*. Kazan: "IaZ" Publ, 109–121 (in Russian).

6. Bocharov, S. G. 2017b. In Kradin, N. N., Sitdikov, A. G. (eds.). *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoi arkheologii evraziiskikh stepei "Mezhdu Vostokom i Zapadnom: dvizhenie kul'tur, tekhnologii i imperii" (Preceedings of 3rd International Congress on Medieval Archaeology*

The investigation was funded by a grant of the Russian Science Foundation (project No.14-28-00213)

of Eurasian Steppes "Between the East and the West: Movements of Cultures, Technologies and Empires"). Vladivostok: "Dal'nauka" Publ., 57–63 (in Russian).

7. Bocharov, S. G. 2015д. In *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (6), 303–315 (in Russian).

8. Bocharov, S. G. 2015б. In *Bylye Gody* (38–4), 808–824 (in Russian).

9. Bocharov, S. G. 2015в. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Genuezskaia Gazariia i Zolotaia Orda (The Genoese Gazaria and the Golden Horde)*. Kazan, Simferopol, Kishinev: "Stratum plus" Publ., 47–99 (in Russian).

10. Bocharov, S. G. 2001a. In Sorochan, S. B. (ed.). *Problemy istorii i arkheologii Ukrainy (Issues of History and Archaelogy of Ukraine)*. Kharkiv: Kharkiv National University, 89–90 (in Russian).

11. Bocharov, S. G. 2001v. In Ivanenko. A. I. (ed.). *175 let Kerchenskomu muzeiu drevnostei. Materialy mezhdunarodnoi konferencii (175th Anniversary of the Kerch Museum of Antiquities. Proceedings of International Conference)*. Kerch, 157–161 (in Russian).

12. Bocharov, S. G. 2004a. In Stepanenko, V. P. (ed.). *Rossiia – Krym – Balkany: dialog kul'tur. Nauchnye doklady mezhdunarodnoi konferentsii (Russia – Crimea – Balkans: a Dialogue of Cultures)*. Ekaterinburg: Ural Federal University, 146–152 (in Russian).

13. Bocharov, S. G. 2004b. In Myts, V. L. (ed.). *O drevnostiakh Iuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh (On Antiquities of the Southern Coast of the Crimea and the Tauric Mountains)*. Kiev: "Stilos" Publ., 186–205 (in Russian).

14. Bocharov, S. G. 2005. In Stepanenko, V. P. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 36. Ekaterinburg: Ural Federal University, 282–294 (in Russian).

15. Bocharov, S. G. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 137–145 (in Russian).

16. Bocharov, S. G. 2016a. In Bocharov, S. G., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na Evraziiskom prostranstve. Istoricheskaia geografiia Zolotoi Ordy (Dialogue of the Urban and Steppe Cultures in the Eurasian Space. Historical Geography of the Golden Horde)*. Kazan; Yalta; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 263–268 (in Russian).

17. Bocharov, S. G. 2001b. In *Vzaimootnosheniia religioznykh konfessii v mnogonatsional'nom regione: istoriia i sovremennost'. Tez. dokl. (Relations of Religious Confessions in the Multinational Region: History and Contemporeanity. Abstracts)*. Sevastopol, 9–10 (in Russian).

18. Bocharov, S. G. 2016v. In Popova, E. A. *Ocherki arkheologii Severo-Zapadnogo Kryma (po materialam gorodishcha "Chaika" i nekropolia u poselka Zaozernoe) (Essays on Archaeology of North-Western Crimea (on Materials of Chaika Settlement and Necropolis near Zaovernoe village))*. Moscow: Moscow State University, 42–121 (in Russian).

19. Bocharov, S. G. 2013. In Marchenko, I. I. (ed.). *Materialy Shestoi Kubanskoi Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii (Proceedings of the Sixth Kuban Archaeological Conference)*. Krasnodar: "Ekoinvest" Publ., 37–40 (in Russian).

20. Bocharov, S. G. 2008. In Bocharov, S. G., Kozhokaru, V. (eds.). *Etnicheskie,* demograficheskie i dukhovnye vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu, vizantiiskii period i srednevekov'e (Ethnic, Demographical and Spiritual Relations between the Northern and Western Black Sea Regions in Ancient Times, *the Byzantine Period and the Middle Ages)*. Simferopol: "Izdatel'stvo A. E. Baranovskogo" Publ., 12–14 (in Russian).

21. Bocharov, S. G. 2009. In Bocharov, S. G., Kozhokaru, V. (eds.). *Vzaimootnosheniia Severnogo i Zapadnogo Prichernomor'ia v antichnuiu epokhu i srednevekov'e (Relations between the Northern and Western Black Sea Regions in Ancient Times and the Middle Ages)*. Simferopol: "Izdatel'stvo A. E. Baranovskogo" Publ., 108–114 (in Russian).

22. Bocharov, S. G. 2017a. In Bocharov, S. G., Francois, V., Sitdikov, A. G. (eds.). *Polivnaia keramika Sredizemnomor'ia i Prichernomor'ia v X–XVIII vv. (Glazed Ceramics of the Mediterranean and Black Sea in 10th-18th Centuries)*. Kazan; Kishinev: "Stratum plus" Publ., 409–447 (in Russian).

23. Bocharov, S. G. 2016б. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (4), 88–103 (in Russian).

24. Bocharov, S. G. 2015в. In *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv (Bulletin of the Kazan State University for Culture and Arts)* (3). 123–127 (in Russian).

25. Bocharov, S. G. 2015г. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (9). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 127–148 (in Russian).

26. Bocharov, S. G., Koval, V. Yu. 2009. In Sitdikov, A.G. (ed.). *Materialy I Mezhdunarodnogo kongressa po arkheologii Evraziiskikh stepei (Proceedings of 1st International Congress on the Archaeology of Eurasian Steppes)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Tatarstan Academy of Sciences, 45–46 (in Russian).

27. Bocharov, S. G., Koval', V. Yu. 2011. In Karpov, S. P. (ed.). *Rossiiskoe vizantinovedenie: traditsii i perspektivy. Tezisy dokladov XIX Vserossiiskoi nauchnoi sessii vizantinistov (Russian Bzyantine Studies: Traditions and Perspectives. Abstracts of the XIX All-Russian Scientific Session of Byzantinists)*. Moscow: Moscow State University, 46–49 (in Russian).

28. Bocharov, S. G., Koval', V. Yu. 2011. In Makarov, N. A., Nosov, E. N. (eds.). *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraia Russa (Proceedings of the 3rd (19th) All-Russian Archaeological Meeting. Veliky Novgorod – Staraya Russa)* 2. Saint Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 127 (in Russian).

29. Vinogradov, A. Yu. 2010. In Avdeev, A.G. (ed.). *Voprosy epigrafiki (Issues of Epigraphy)* IV. Moscow: Dmitry Pozharsky University, 217–253 (in Russian).

30. Karpov, S. P. 2015. In Karpov, S. P. (ed). *Prichernomor'e v srednie veka (Black Sea Region in the Middle Ages)* (9). Saint Petersburg: "Aleteiia" Publ., 7–42 (in Russian).

31. Kirilko, V. P. 2005. *Krepostnoi ansambl' Funy 1423–1475 gg. (Fortress Ensemble of Funa in 1423–1475)*. Kiev: "Stilos" Publ. (in Russian).

32. Kirilko, V. P. 2001. In Stepanenko, V. P. (ed.). *Antichnaia drevnost' i srednie veka (Antiquities and the Middle Ages)* 32. Ekaterinburg: Ural Federal University, 283–308 (in Russian).

33. Kirilko, V. P., Myts, V. L. 1991. In Tolochko (ed.). *Vizantiiskaia Tavrika (Byzantine Tauris)*. Kiev: "Naukova dumka" Publ., 147–171 (in Russian).

34. Mogarichev, Yu. M. 2010. *Krym. Peshchernye goroda (The Crimea. Cave Towns)*. Kiev: "Iskusstvo" Publ., 2010 (in Russian).

35. Mogarichev, Yu. M. 1997. *Peshchernye tserkvi Tavriki (Cave Churches of Tauris)*. Simferopol: "Tavriia" Publ. (in Russian).

36. Myts, V. L. 2009. *Caffa i Feodoro v XV v. Kontakty i konfl ikty (Caffa and Theodoro in the 15th Century. Contacts and Confl icts)*. Simferopol: "Universum" Publ. (in Russian).

37. Nedel'kin, E. V. 2016. In *Prichernomor'e. Istoriia, politika, kul'tura (The Black Sea Region. History, Politics and Culture)* XIX (VI) series A, 81–106 (in Russian).

38. Nedel'kin, E. V. 2013. In Cheref, M. M. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Kryma (Materials on the Archaeology and History of the Ancient and Medieval Crimea)* V. Sevastopol; Tyumen: Tyumen State University, 53–81 (in Russian).

39. Ustav dlia genuezskikh kolonii v Chernom more, izdannyi v Genue v 1449 g. (Charter for Genoese Colonies in the Black Sea Issued in Genoa in 1449). 1863. In: Zapiski Odesskogo obshchestva istorii drevnostei (Notes of the Odessa Society of History of Antiquities). V. Odessa, 629–857 (in Russian).

40. Iashaeva, T. Yu. 2006. In Mogarichev, Yu. M. (ed.). *Pravoslavnye monastyri. Simferopol'skaia i Krymskaia eparkhiia Ukrainskoi Pravoslavnoi Tserkvi Moskovskogo patriarkhata (Orthodox Monasteries. Simferopol and Crimea Eparchies of the Ukraine Orthodox Church of Moscow Patriarchate)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 186–188 (in Russian).

41. Iashaeva, T. Yu. 1995. In Mogarichev, Yu. M., Khrapurnov, I. N. (eds.). *Problemy arkheologii drevnengo i srednevekovogo Kryma (Issues of Archaeology of the Ancient and Medieval Crimea)*. Simferopol: "Tavriia" Publ., 146–151 (in Russian).

42. Balard M. 1978. *La Romanie Génoise (XIII e – début du XV e siècle)* I. Rome: École Française de Rome; Genova: Societá Ligure di Storia Patria.
43. Basso, E. 1991. In *Studi genuensi* N. S. Genova:VIII, 11–26.
44. Desimoni, C. 1887. In *Archivio Storico Italiano* XX, 161–165.
45. Caffa Massaria 1381. Archivio di`Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34, f. 27r, 103v.
46. Caffa Massaria 1386. Archivio di`Stato di Genova. San Giorgio. Salle 34, f.51r, 317r.
47. Impozicii 1838. Impozicii Oficium Gazarie. *Monumenta Historiae Patriae* 2. Taurinorum: Regio, 306–419.
48. Olgiati, G. 1991. In *Tarih Araştırmaları Dergisi*, Cilt.15, Sayi 26, 381–389.
49. Öztürk, Y.2000. *Osmanlı Hakimiyetinde Kefe 1475 – 1600*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı. Yayınları, XXXIV.
50. Veinstein G. 1986.In *Bulletin de Institut Franç ais d'Etudes Anatoliennes. Mémorial Ömer Lûtfi Barkan* 1980 Fis. XXVIII, 227–249.
51. Veinstein, G. 1986. From the Italians to the Ottomanes: The Case of the Northern Black Sea Coast in the Sixteenth Century. In *MHR.* Vol. 1. № 2, 223.
52. Skrzinska, E. 1928.In *Atti della Societa Ligure di Storia Patria.* Genova, LV1, 141.

About the Author:

Bocharov Sergei G. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Crimea of Russian Academy of Sciences. Academician Vernadsky Ave., 2, Simferopol, 295007, Crimea, Russian Federation; sgbotcharov@mail.ru

Статья поступила в номер 17.03.2017 г.

УДК 903.24 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.224.237

ГОЛОВНОЙ УБОР ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ЖЕНЩИНЫ XIV В. НА ТЕРРИТОРИИ Г. БОЛГАРА (ТЮРБАН С ЗОЛОТЫМ ШИТЬЕМ И СЕТЧАТЫМ ПОКРЫВАЛОМ)

© 2017 г. Ю.В. Федотова, Г.Ф. Валеева-Сулейманова, М.Ю. Визгалова

В статье представлена научная реконструкция археологических материалов головного убора молодой женщины из погребения в г. Болгар, датируемого XIV в. Захоронение обнаружено внутри руин мавзолея (раскоп CLXXIV), где некоторые погребения имеют отклонения от мусульманской традиции. В могиле найдены остатки шелковых тканей и фрагментарно сохранившийся комплекс головного убора с золотым шитьем. Узор шитья, заполняющий поверхность ткани, является уникальным для памятников средневекового искусства. При разборе тканей в том же комплексе обнаружена длинная, вязаная из шелковых нитей сетка, скорее всего, служившая головным покрывалом. Она оформлена каймой в виде треугольников из золотых нитей. После реставрации найденных объектов сложились предпосылки к научному воссозданию облика головного убора, одевавшегося в форме тюрбана. Данный артефакт является на сегодняшний день единственным подлинным элементом булгарской одежды, входящим в комплекс праздничного костюма молодой женщины.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, шелковые ткани, реконструкция, золотое шитье, головной убор, сетчатое покрывало, орнамент, мотивы, раппорт, «древо жизни», цветочный бутон.

В 2012 г. в реставрационную лабораторию Института археологии им. А.Х. Халикова был передан археологический текстиль, полученный в ходе раскопок Болгарского городища. Раскопки проводились под руководством московских археологов И.И. Елкиной, А.В. Лазукина. Уникальный мусульманский некрополь конца XIV – первой половины XV в. группировался вокруг руин белокаменного мавзолея, находившегося в южной части городища. При его исследовании было выявлено, что некоторые захоронения имеют отступления от мусульманского обряда (Елкина, 2013, с. 138).

В мавзолее были открыты могилы представителей знатных родов из г. Болгар. В его юго-восточной части, самое крайнее в восточном ряду, погребение 89 принадлежало молодой женщине 16–18-ти лет (Лазукин, 2014, с. 161). В данном погребении с захоронением в деревянном гробу были обнаружены многочисленные фрагменты текстиля. Погребение датируется концом XIV в., т.е. относится к периоду Золотой Орды.

После расчистки захоронения оказалось, что обнаруженные фрагменты представляют собой головной убор, составленный из различных видов тканей. Он был найден вместе с остатками черепа (Елкина, 2014, с. 87). Комплекс археологических материалов подвергся камеральному обследованию (рис. 1). Шелковые

Рис. 1. Вид головного убора из погребения.

Fig.1. The appearance of a headdress discovered in a burial.

ткани находились в неудовлетворительном состоянии. Археологический текстиль был смят, имел множество утрат, отличался тонкостью и хрупкостью. В состав головного убора входила также налобная повязка, к которой прикреплялись 9 височных колец диаметром по 25 мм, отлитых из желтого металла.

Реставрация данного археологического текстиля представляла собой сложную задачу, поскольку были востребованы химико-аналитический и микротехнологический анализы, возникла необходимость в историко-искусствоведческих исследованиях, в привлечении этнографических материалов (Федотова и др., 2015, с. 74–88).

В ходе работ были выявлены следующие фрагменты шелковых тканей и элементов декора:

1) полосатая ткань с чередованием коричневого, светло-коричневого и зеленого оттенков;

2) светлая тонкая ткань типа марли светло-коричневого оттенка;

3) вязаная сетка светло-коричневого оттенка;

4) красная ткань – лансе;

5) светлая ткань – тафта желто-коричневого оттенка, изначально – красного цвета;

6) ткань самит золотисто-коричневого оттенка.

7) узоры на ткани шитые золотыми и шелковыми нитями золотистого и красного оттенков.

Шелковые ткани, подобные использованным в исследуемом головном уборе, являлись восточным или средиземноморским импортом. В XIII–XIV вв. Золотая Орда была крупным центром торговли, через территорию которой проходили караванные пути, соединявшие страны Востока и Запада, Юга и Севера; золотоордынские ханы всячески покровительствовали иноземным купцам, что способствовало широкому проникновению торгового импорта, в том числе дорогих тканей. Поэтому центры производства таких тканей могут простираться от Китая до Египта. Полосатая зелено-коричневая ткань могла быть соткана в мастерских Северного Египта (Певзнер, 1962, с. 10), золотистый самит – на восточном побережье Средиземного моря или в Центральной Азии (Иерусалимская, 1992,

Рис. 2. Сетчатое покрывало с золотым шитьем.
Fig. 2. A knit veil with goldwork.

с. 99–109), охристая лансе и тафта – в Китае или в Центральной Азии.

Реконструкция элементов головного убора.

Лучше всего сохранилась ткань, использовавшаяся в головном уборе, декорированная узорами золотого шитья. Она имеет прямоугольную форму и сшита из двух шелковых квадратных полотнищ. Размеры: 68×115 см. Кайма ткани оформлена бахромой (рис. 2). Основой головного убора является тафта, от которой сохранились фрагменты двух крайних полос и центральной части, расшитых золотыми нитями. Шитье выполнено пряденым золоченым серебром в технике по настилу в прикреп и в лом.

По двум длинным сторонам ткани проходят полосы шириной в 7 см с растительным узором. Орнамент состоит из чередующихся элементов в раппорте, состоящем из мотива «древа жизни» или «цветочного букета», составленного из круглых и округлых форм, и мотива цветочного бутона, с отходящими от него изогнутыми стеблями, завершающимися мотивами овальной формы. В пространство между «древом» и бутоном включен узор в виде изогнутого стебля с листочками, концы которого завершаются одинаковыми мотивами овальной и листовидной форм (рис. 3).

С точки зрения выявления происхождения данного золотого шитья большой интерес представляют мотивы орнамента и их семантика. Во-первых, надо отметить, что сама узорная композиция в целом очень условна и символична. В ней нет явных изображений живых существ, что свидетельствует о широком проникновении в искусство канонов мусульманской изобразительности. В то же время в ней сохраняются мотивы, характерные для доисламской эпохи. Из них одним из древнейших, характерных для искусства с языческих времен является мотив «древа жизни» – символа племени и рода, женского плодородия и возрождения природы.

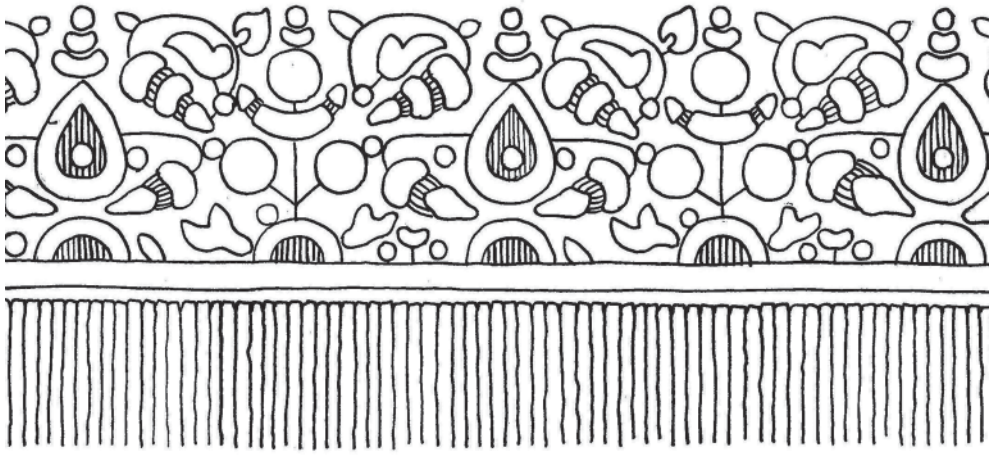


Рис. 3. Узор золотого шитья.
Fig. 3. Goldwork pattern.

Позднее, в эпоху исламского средневековья, он был трансформирован в мотив «цветочного букета» – символ Рая, самого возвышенного в жизни.

У тюркских народов, в том числе булгар, «древо жизни» олицетворяло богиню плодородия Умай, которой поклонялись в виде дуба (Валеев, 2002, с. 26). Из письменных источников известно, что у ранних булгар были священные дубовые рощи, которые почитались ими даже в X в. Сувары и берсула особенно почитали громадный дуб, находившийся близ их столицы Береджера (Артамонов, 1962, с. 206). Изображение дуба в женских украшениях волжских булгар заменяли изображения его плодов – желудей. Они символизировали плодородие, отвращали дурной глаз и являлись эмблемой счастливого брака. Об этом свидетельствуют женские височные подвески с желудеобразными подвесками, среди которых шедеврами мирового искусства являются подвески с фигуркой уточки; булгарские ожерелья, серьги (Валеев и др., 2002, с. 27).

На ткани практически все овальные мотивы, завершающие изогнутые линии, представлены в виде удлиненных форм с «шапочками», как у желудей. Причем они прошиты золотыми нитями, в то время как сама гладкая поверхность плода – шелковыми. Надо заметить, что изредка в природе встречаются желуди и с двумя «шапочками». И это удвоение можно интерпретировать, как пожелание удвоенной плодоносящей силы.

Таким образом, в орнаменте шитья мы видим характерный для булгарского искусства желудеобразный мотив, который является важным маркирующим символом.

Изображение «древа» на нашей ткани у основания (корней) имеет полукруг, с двух сторон к которому примыкают листовидного характера мотивы. Их симметричное расположение с двух сторон основания отсылает нас к «древам жизни» с изображениями птиц в булгарском и татарском искусстве, которые в данной трактовке, по-видимому, связанной с влиянием

исламского канона, переданы в сильной стилизации.

Само «древо» также имеет условную форму. Ствол в его верхней части завершается кругом, полуовалом и еще одним миниатюрным кругом. Под первым кругом расшит серповидного характера узор (близкий к форме полумесяца), с двух сторон завершающийся двумя желудеобразными формами. Внизу от двух веточек ствола отходят в разные стороны два крупных круга с мелкими кругами в завершении. Круги, безусловно, можно трактовать как плоды «древа», но в то же время, учитывая реминисценции язычества (тенгрианство), выраженные в обряде захоронения, это могли быть мотивы солнца, которое также наделялось живительной силой.

В интерпретации символов интересной представляется трактовка изображений полумесяца с желудеобразными мотивами по концам и составными уменьшающимися кругами в центре, семантически передающими смыл переходной эпохи, объединяющей языческие воззрения с мусульманскими. В этом же ряду стоят канонически стилизованные изображения птиц, которые можно распознать в крупных листовидного характера мотивах, завершающих изогнутые стебли. В раппорте узора на ткани – мотив нераскрытого крупного цветочного бутона с плодом в центре – символизирует молодую незамужнюю девушку, потенциальную невесту и будущую мать.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что данная золотошвейная ткань от женского головного убора является произведением местного искусства. Об этом свидетельствуют мотивы золотого шитья, формы и семантика узоров, встречающиеся в произведениях булгарского искусства, традиции которого получили дальнейшее развитие в золотоордынскую эпоху. Мастерица, декорировавшая данный убор, отразила в его узорах не только булгарские истоки орнаментальных форм, но и специфику техники золотого шитья, характерную для золотоордынской булгарской школы золотошвейного дела.

В связи с этим необходимо напомнить о находке 70-летней давности фрагментов шелковых тканей с армянского некрополя г. Болгара (Ефимова и др., 1947, с. 102). Из них к узору нашего головного убора близок фрагмент шелковой ткани песочного цвета, найденный в женском погребении (Видонова, 1947, с. 112). Шитье исполнено пряденым золоченым серебром по той же технологии: по настилу в прикреп и в лом (Валеев, 1975, с. 175–176).

Еще одна примечательная деталь. На центральной части ткани, предназначенной для ее закручивания вокруг головы, ритмично размещены в 7 рядов, шитых золотом, узоры в форме круга диаметром в 1,2 см. Декор в этой части ткани приходится на налобную часть и однозначно имитирует металлические (бронзовые, золотые, серебряные) бляшки, накладки, украшавшие женские головные уборы тюркских народов, в т.ч. популярные в костюме булгар, кипчаков (Валеев, 2002, с. 34). О том, что анализируемая нами ткань заворачивалась вокруг головы, свидетельствует также золотое шитье, специально исполненное не только на лицевой, но и по краю изнаночной стороны.

Согласно археологическим материалам (Халикова, 1971, с. 82), знат-

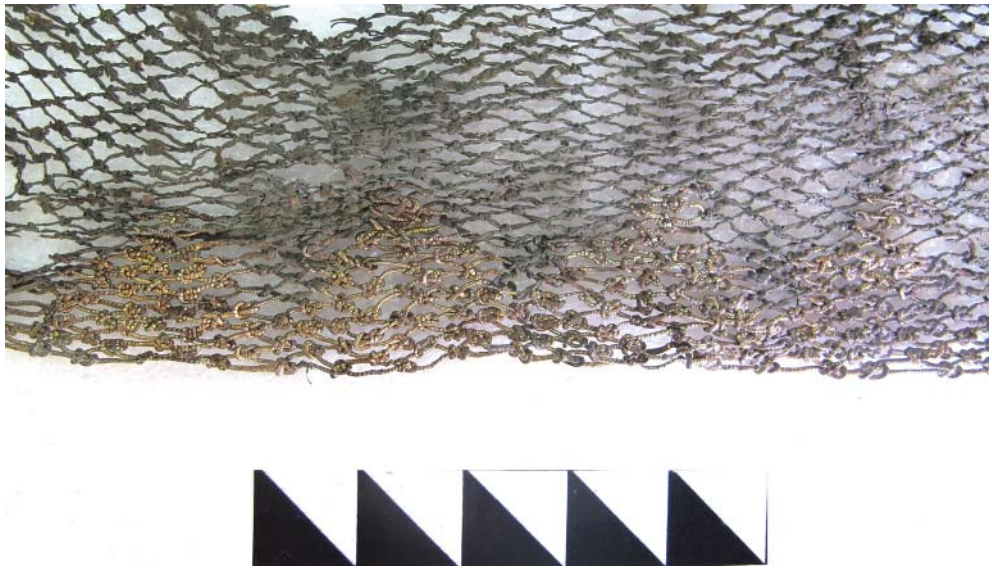
ные булгарки носили на голове шелковые платки, орнаментированные мелкими серебряными бляшками. Фрагменты шелкового платка были обнаружены в Нетайловском могильнике, относящемся к салтово-маяцкой культуре (Крупа, 2009, с. 399). К золотоордынскому времени относятся остатки золототканого головного покрывала, найденные в мавзолее № 5 на окраине Болгарского городища, недалеко от южных ворот (первые раскопки в 1983–1985 были проведены Аксеновой) (Орфинская, Лантратова, 2014, с. 146–153); также фрагменты шелковых платков, находившихся в женских погребениях Водянского городища (Орфинская, 2011, с. 235–240). Надо отметить, что украшение головных платков, женского платья мелкими металлическими бляшками было характерным также для иранской и аланской культур (Васильева, 1979, с. 199–200).

Среди фрагментов тканей из погребения выделяются относительно хорошо сохранившиеся остатки вязаного сетчатого покрывала с золотой каймой из ряда треугольников размером 145×40 см (рис. 4: А, Б). Мотивы треугольников в древнем искусстве имели разное значение – были солярными знаками, отражали космогоническое женское и мужское начало и др. Ячейки сетки имеют размер 0,8×0,6 см. Технология вязания подобна плетению рыболовных сетей (Жилин, 2006, с. 64), в данном случае она осуществлялась с помощью тонких шелковых нитей. Подобная шелковая крупноячеистая сетка-покрывало была обнаружена в курганном могильнике времени Золотой Орды у хутора Рябичев (Доде, 2009, с. 18–19). Предназначение данного покрывала связано со свадебным головным убором. Оно служило оберегом, закрывая лицо невесты, и приподнималось при приходе к ней жениха. Такой обряд, по этнографическим материалам, долгое время сохранялся, особенно в селениях поволжских татар.

Финальным этапом представленного исследования является реконструкция формы многослойного головного убора. Анализируя материалы отчета по разбору археологического текстиля, важно отметить, что головной убор из шитой золотом шелковой ткани заворачивался таким образом, что узоры золотого шитья распределялись поверх головы, полностью ее закрывая. Сама ткань закручивалась по форме головы, на верхнюю надлобную часть приходился шитый золотом декор, имитирующий нашивные бляшки. Платок по линии лба завершался лентой (скорее всего, повязывалась вокруг головы) с прикрепленными к ней металлическими кольцами. Как полагают исследователи, способ повязывания головных платков являлся признаком принадлежности к определенной социально-возрастной группе (Студенецкая, 1989, с. 187–192). В рассматриваемом случае погребенная – молодая женщина знатного, скорее всего, кипчакского происхождения.

Что касается сетчатого покрывала, то оно свободно ниспадало вниз. На рис. 5 представлена реконструкция комплекса головного убора в форме тюрбана с сеткой-покрывалом.

Надо отметить, что многослойные головные уборы известны в культуре многих народов (Лаврентьева, 1999, с. 44–46). Подобные головные уборы изображены на иранской средневековой миниатюре, иллюстрирующей



А

Б

Рис. 4. Сетчатое покрывало. А – оформление каймы золотыми треугольниками; Б – общий вид сохранившихся фрагментов.

Fig. 4. A knit veil. A – fringe decorated with gold triangles; Б – general appearance of the remaining fragments.

легенду о рождении Газана. Женщина из рода Хулагуидов (роженица) и крайняя справа женская фигура изображены в чалмах (рис. 6). В Средней Азии подобные уборы состоят из нескольких платков, повязанных в виде многослойного тюрбана. У некоторых народов Кавказа платок обертывался вокруг головы таким образом, что напоминал чалму (Доде, 2013, с. 139). Традиция многослойного повязывания головных платков сохранялась вплоть до начала XX в. у народов Поволжья (чуваши, удмурты, крещеные татары и др.).

Вероятно, женское погребение из мавзолея г. Болгара, шелковый головной убор из которого мы реконструируем, связано с древней традицией захоронения молодой женщины в ее свадебном наряде невесты. Возможно, шитый золотом платок и сетчатое покрывало входили в ритуальный ком-

Рис. 5. Реконструкция головного убора – тюрбана (XIV в.).
Художник-исполнитель Л. Ф. Фасхутдинова.

Fig. 5. Reconstruction of a headdress – turban (14th century).
Artist-author of the work: L.F. Faskhutdinova.

Рис. 6. Миниатюра из «Легенды о Газане»: рождение Газана (нач. XIV в.).
Fig. 6. A miniature from the "Legend of Gazan": the birth of Gazan (early 14th century).

плекс погребальной одежды, что отражает сохранение некоторых языческих традиций в мусульманском обряде захоронения. Факт присутствия шелковых тканей и сшитых из них головных покрывал в золотоордынских могильниках свидетельствует о широком культурном обмене и развитых торговых связях между народами Поволжья, Средней Азии, Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока, Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артамонов М. И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
2. *Валеев Ф. Х.* Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1975. 214 с.
3. *Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Древнее искусство Татарстана. Изд-е 2-е дополненное. Казань: Татар. кн. изд- во, 2002. 104 с.
4. *Васильева Г.П.* Головные и накосные украшения туркменок XIX – первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии / Отв. ред. О.А. Сухарева. М.: Наука, 1979. С. 174–205.
5. *Видонова Е.* Ткани и шитье XIV в. из раскопок в Великих Булгарах // КСИИМК. Вып. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 112–117.
6. *Доде З.В.* Женский костюм из золотоордынского захоронения у хутора Рябичев. Предварительные замечания // Труды археологического научно-исследовательского бюро / Гл. ред. А.Б. Белинский. Т. 4. Ростов-на Дону, 2009. С. 18–19.
7. *Доде З.В.* Платок и хиджаб. Папаха и чалма. О национальных и конфессиональных традициях в костюме народов Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. 2013. № 4. С. 129–154.
8. *Елкина И.И.* Мавзолей XIV века в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. 2014. №2. С. 131–144.
9. *Елкина И.И.* Об археологических раскопках на территории Болгарского городища Спасского района Республики Татарстан» в 2012 году. Т 1. М., 2013 / Архив ИА РАН.

10. Ефимова А.М., Хованская О.С., Калинин Н.Ф., Смирнов А.П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. Вып. XXI. М.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 102–111.

11. Жилин П.О. Рыбацкие сети. Вязка. Посадка. Установка. Методы лова. Справочник. М.: Издательский Дом Рученькиных, 2006. 64 с.

12. Иерусалимская А.А. Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2012. 383 с.

13. Иерусалимская А.А. Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. Государственного Эрмитажа. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1992. 70 с.

14. Крупа Т.Н. Текстиль и органика салтовского времени из Нетайловского могильника // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 343–359.

15. Лаврентьева Л. С. О платке // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: Сборник Музея археологии и этнографии. Вып. XLVII. СПб.: Востоковедение, 1999.С. 37–52.

16. Лазукин А.В. Предварительные итоги исследования некрополя в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV 2012 г.) // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 145–164.

17. Легенда о Газане / Электронный ресурс http: // www.turkotek.com/VB37/showthread.php?t=1305

18. Орфинская О.В. Текстильные находки с Селитренного и Водянского городищ // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова (Астрахань, 2–6 октября 2011 г.) / Ред. Д.В. Васильев, Ю.А. Зеленеев, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 235–240.

19. Орфинская О.В., Лантратова О.Б. Золототканая шаль Золотой Орды // Поволжская археология. 2014. № 5. С. 146–153.

20. Певзнер С.Б. Средневековые Египетские ткани как источник для истории и истории культуры Египта X–XV вв. Автореф. Дис. … канд. ист. наук. Л., 1962. 14 с.

21. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. 288с.

22. Федотова Ю.В., Синицына Н.П., Орфинская О.В., Визгалова М.Ю. Реставрация и исследования археологического текстиля периода Золотой Орды из захоронения булгарской женщины (конец XIV в.) // Поволжская археология. 2015. № 3(13). С. 74–91.

23. Халикова Е.А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (К вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 64–93.

Информация об авторах:

Федотова Юлия Валерьевна, научный сотрудник, реставрационно-аналитический отдел, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); yulia.fedotova86@yandex.ru

Валеева-Сулейманова Гузель Фуадовна, доктор искусствоведения, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); valeeva_art@mail.ru

Визгалова Мария Юрьевна, научный сотрудник, реставрационно-аналитический отдел, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); mutqueen@mail.ru

HEADDRESS FROM A FEMALE BURIAL OF 14TH CENTURY IN THE TERRITORY OF BOLGAR (A TURBAN WITH GOLDWORK AND A KNIT VEIL)

Yu.V. Fedotova, G.F. Valeeva-Suleymanova, M.Yu. Vizgalova

Results of scientific reconstruction of the archaeological materials of a young woman's headdress from a burial in Bolgar dated 14th century are presented in the article. The burial was discovered inside the ruins of a mausoleum (dig 174) where certain burials deviate from the Muslim tradition. In the grave the researchers discovered the remains of silk fabrics fragments of the remaining complex of a headdress decorated with goldwork. The embroidery pattern covering the surface of the fabric has no counterparts in the monuments of medieval art. During the study of fabrics the researchers discovered a long veil knit with silk threads, which presumably represented a head cover. It was decorated with a fringe of gold threads in the shape of triangles. After the restoration of the items it became possible to reconstruct the appearance of the headdress worn in the fashion of a turban. Today the artifact is the only authentic element of Bolgar clothing included in the complex of young women's ceremonial costume.

Keywords: archaeology, the Golden Horde, silk fabrics, reconstruction, goldwork, headdress, knit veil, ornament, motifs, turban, knitted veil, ornament, motifs, rapport, “tree of life”, flower bud.

REFERENCES:

1. Artamonov M. I. 1962. *Istoriia Khazar (History of the Khazars)*. Leningrad: The State Hermitage Museum (in Russian).

2. Valeev, F. Kh. 1975. *Drevnee i srednevekovoe iskusstvo Srednego Povolzh'ia (Ancient and Medieval art in the Middle Volga Region)*. Yoshkar-Ola: “Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo” Publ. (in Russian).

3. Valeev, F. Kh., Valeeva-Suleimanova, G. F. 2002. *Drevnee iskusstvo Tatarstana (Ancient Art of Tatarstan)*. Kazan: “Tatarskoe knizhnoe izdatel’stvo” (in Russian).

4. Vasil'eva G.P. 1979. In Sukhareva, O. A. (ed.). *Kostium narodov Srednei Azii (Costume of Central Asian Peoples)*. Moscow: “Nauka” Publ., 174–205 (in Russian).

5. Vidonova, E. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 112–117 (in Russian).

6. Dode, Z. V. 2009. In Belinskii, A. B. (ed.). *Trudy arkheologicheskogo nauchno – issledovatel'skogo biuro (Proceedings of the Archaeological Research Bureau)* 4. Rostov-on-Don, 18–19 (in Russian).

7. Dode, Z. V. 2013.In *Etnograficheskoe Obozrenie (Ethnographic Review)* (4), 129–154 (in Russian).

8. Elkina, I. I. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 131–144 (in Russian).

9. Elkina, I. I. 2013. *Ob arkheologicheskikh raskopkakh na territorii Bolgarskogo gorodishcha Spasskogo raiona Respubliki Tatarstan» v 2012 godu. T 1 (On the Archaeological Excavations at Bolgar Settlement in the Spassky District of the Republic of Tatarstan in 2012. Volume 1)*. Moscow: Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

10. Efimova, A. M., Khovanskaia, O. S., Kalinin, N. F., Smirnov, A. P. 1947. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material’noi kul’tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXI. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 102–111 (in Russian).

11. Zhilin, P. O. 2006. *Rybatskie seti. Viazka. Posadka. Ustanovka. Metody lova (Fishing Nets. Tying. Hanging. Mounting. Fishing Methods)*. Moscow: "Izdatel'skii Dom Ruchen'kinykh" Publ. (in Russian).

12. Ierusalimskaia, A. A. 2012. *Moshchevaia Balka: neobychnyi pamiatnik na Severokavkazskom shelkovom puti (Moshchevaia Balka: an Unusual Monument on the North Caucasus Silk Road)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

13. Ierusalimskaia, A. A. 1992. *Kavkaz na shelkovom puti (The Caucasus on the Silk Road)*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum (in Russian).

14. Krupa, T. N. 2009. In Evglevskii, A. V. (ed.-in-chief). *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia (Steppes of Europe in the Middle Ages)* 7. *Khazarskoe vremia (Khazar Time)*. Donetsk: Donetsk National University, 343–359 (in Russian).

15. Lavrenteva, L. S. 1999. In *Zhenshchina i veshchestvennyi mir kul'tury u narodov Rossii i Evropy (Woman and the Material World of Culture of Russian and European Peoples)* XLVII. Saint Petersburg: "Vostokovedenie" Publ., 37–52 (in Russian).

16. Lazukin, A. V. 2014. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 145–164. (in Russian).

17. The Legend of Ghazan Available at: http: // www.turkotek.com/VB37/showthread.php?t=1305 (in Russian).

18. Orfinskaia, O. V. 2011. In Vasiliev, D. V., Zeleneev, Yu. A., Sitdikov, A. G. (eds.). *Dialog gorodskoi i stepnoi kul'tur na evraziiskom prostranstve (Dialog of Urban and Steppe Cultures on Eurasian Territory)*. Kazan; Astrakhan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani of the Tatarstan Academy of Sciences, 235–240 (in Russian).

19. Orfinskaia, O. V., Lantranova O. B. 2014. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (5), 146–153 (in Russian).

20. Pevzner, S. B. 1962. *Srednevekovye Egipetskie tkani kak istochnik dlia istorii i istorii kul'tury Egipta X–XV vv. (Medieval Egyptian Fabrics as a Source on History and the History of Culture of Egypt in 10th – 15th Centuries)*. PhD Thesis. Leningrad (in Russian).

21. Studenetskaia, E. N. 1989. *Odezhda narodov Severnogo Kavkaza XVIII–XX vv. (Clothing of the North Caucasus Peoples of 18th – 20th Centuries)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

22. Fedotova, Yu. V., Sinitsyna, N. P., Orfinskaia, O. V., Vizgalova M. Yu. 2015. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (3), 74–91. (in Russian).

23. Khalikova, E. A. 1971. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Voprosy etnogeneza tiurkoiazychnykh narodov Srednego Povolzh'ia (The Issues on Ethnogenesis of the Turkic-speaking People of the Middle Volga Region)*. Kazan: Institute of Language, Literature, and History, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 64–93 (in Russian).

About the Authors:

Fedotova, Yulia V. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; yulia.fedotova86@yandex.ru

Valeeva-Suleymanova, Guzel F. Doctor of Arts, Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; valeeva_art@mail.ru

Vizgalova Mariya Yu. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; mutqueen@mail.ru

Статья поступила в номер 17.04.2016 г.

УДК 902/904, 902.01, 903.01/.09, 903.052
DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.236.254

ЧУГУННАЯ ПОСУДА ДЖУКЕТАУ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

© 2017 г. Н.Г. Набиуллин, А.В. Беляев, Е.Ф. Шайхутдинова, Р.Х. Храмченкова, Р.М. Янбаев

Работа посвящена результатам междисциплинарных исследований чугунной посуды города Джукетау – одного из крупных городов Волжской Булгарии, продолжившего существование в эпоху Улуса Джучи («Золотой Орды»). В статье представлены данные по морфологии посуды. Археометрические исследования основаны на изучении микроструктуры образцов чугуна с картированием поверхности методом сканирующей электронной микроскопией (СЭМ). Микроэлементный состав определялся эмиссионным спектральным анализом (ЭСА). Особенности технологии производства были выявлены в результате изучения элементного и фазового состава по площади поперечного излома и продольного аншлифа. Результаты спектрального анализа позволили определить две основные группы, различающиеся по микропримесям, которые характеризуют особенности сырьевого материала.

Ключевые слова: археология, Джукетау, Улус Джучи, «Золотая Орда», XIV в., средневековая металлургия, чугунная посуда, археометрия, сканирующая электронная микроскопия, эмиссионный спектральный анализ.

Введение. Джукетау – один из основных, исторически известных и локализованных городов Волжской Булгарии. В период Улуса Джучи («Золотой Орды») Джукетау пережил эпоху своего расцвета. Высокий экономический потенциал, видимо, обусловил и административное влияние на определенные территории. В русских летописях начала XV в. вместе с болгарскими упоминаются «жукотинские» «князи», причем, по контексту летописей, в одном ряду с ними.

Как крупный ремесленный центр Джукетау обладал определенными особенностями материальной культуры; исследователи предполагают существование региональных ремесленных школ. При этом следует признать, что возможности реконструкций подобного порядка пока ограничены, в том числе по причине значительной однородности основной части археологического материала. Отдельные направления изучения Джукетау, связанные с применением методов естественных наук, имеют смежный и специальный характер (Асылгараева и др., 2014). Среди них работы, посвященные исследованию вопросов хозяйственной деятельности, ремесла, торговли, археозоологии (Петренко, Асылгараева, Набиуллин, 2012), стеклянных украшений (Набиуллин,

[1] Работа выполнена в рамках молодежного научного гранта Президиума Академии наук Республики Татарстан для государственной поддержки молодых ученых Республики Татарстан (договор 14-58-ф Г 2016).

Храмченкова, 2013), глиняной посуды (Бахматова, Набиуллин, 2013; Бахматова, 2014), антропологии населения Джукетау (Газимзянов, Набиуллин, 2011) и др. Настоящая статья продолжает серию подобных публикаций и вводит в научный оборот материалы и результаты междисциплинарных исследований чугунной посуды Джукетау.

Археологический комплекс Джукетау X – начала XV в. расположен на р. Каме, западнее г. Чистополь Республики Татарстан. Он включает в себя компактно расположенную исторически связанную группу археологических памятников – городище Джукетау, Донауровское I (Крутогорское) и II селища, некрополи. Первые два памятника существовали только в домонгольское время; Донауровское селище II в этот период исторически являлось одним из посадов города, в золотоордынское время становится основной частью города «открытого типа» (Набиуллин, 2011).

На территории золотоордынского Джукетау выявлены производственные сооружения черной и цветной металлургии, металлообработки с яркими следами производства (сырье и заготовки, шлак и крицы, брак и отходы производства и т.п.). Культурный слой здесь в целом чрезвычайно насыщен следами производственной деятельности, особенно шлаком и мелкими обломками кирпича; в общем комплексе культурных остатков довольно весомо представлены инструментарий и предметы труда ремесленников. Именно с территории Донауровского II селища происходят все известные на сегодняшний день обломки чугунной посуды (абсолютное отсутствие чугуна на городище и Крутогорском селище еще раз подтверждает их домонгольскую датировку).

Изучение чугунолитейного производства Улуса Джучи имеет обширную историографию, при этом исследователи отмечают недостаточные возможности не только морфологического анализа, но и изучения химического состава и микроструктуры чугунной посуды для решения вопросов выделения центров литья чугуна (Рязанов, 2010). Поэтому актуальным представляется поиск новых методов исследований с применением возможностей естественных наук. Одним из них является сканирующая электронная микроскопия (СЭМ), которая, как показали исследования чугуна из г. Болгар (Shaykhutdinova, 2015; Шайхутдинова, 2015), позволяет выявить более точные данные о формировании его структуры в процессе затвердевания металла. В представляемой работе образцы чугунной посуды из булгаро-татарского города Джукетау были исследованы методами СЭМ и эмиссионного спектрального анализа (ЭСА).

Общие данные. Морфология. Всего коллекция чугунной посуды из Джукетау насчитывает около 70 единиц, что вполне сопоставимо с долей этой категории находок в общей совокупности вещевого материала в комплексах отдельно взятых золотоордынских памятников Среднего Поволжья.

Большинство имеет характер подъемного материала (50 ед.; *образцы для исследований №№ 1–3, 6*). Из 21 фрагмента, обнаруженных при раскопках, только 4 выявлено в прибрежной части, 17 происходит с раскопов в центральной части Донауровского селища II, причем половина из них

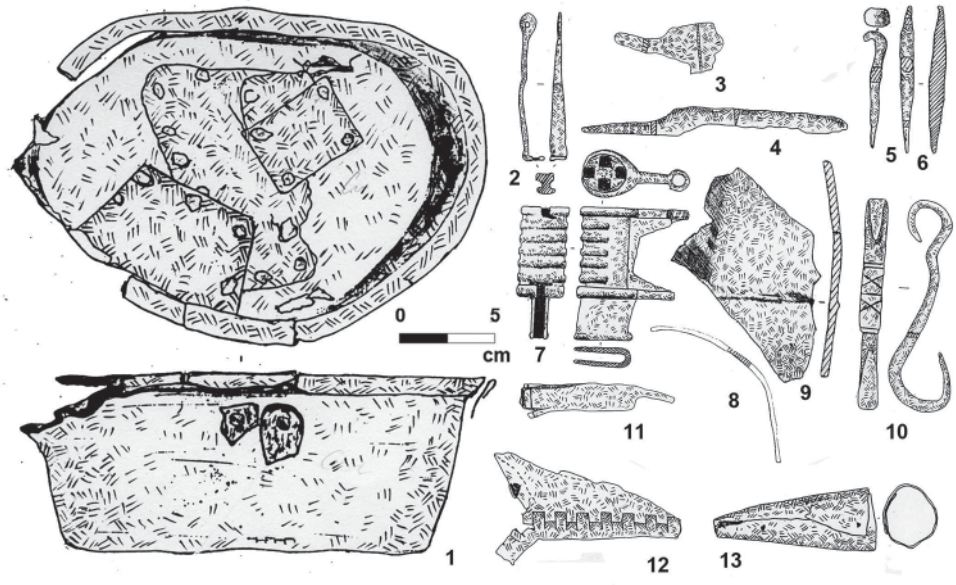


Рис. 1. Образцы культурных остатков из заполнения сооружения 6 раскопа VI на Донауровском селище II: 2–7 – железо, 1, 8, 10–13 – медь и бронза, 9 – чугун.

Fig. 1. Samples of cultural remains from the fi lling material of structure 6 at excavation VI in Donaurovo village II: 2–7 – iron, 1, 8, 10–13 – copper and bronze, 9 – cast iron.

также обнаружена в слое распашки и имеет характер подъемного материала; из оставшейся половины только 4 фрагмента найдены в заполнениях котлованов объектов, причем не «прижизненных», а после окончания их функционирования.

Насыщенным культурными остатками оказалось заполнение сооружения 6 раскопа VI подпрямоугольной формы (325×220 см) с ровным дном на глубине 80–90 см, где кроме многочисленных фрагментов неполивной керамики были найдены обломки поливной посуды кашинной и белоглиняной, железные ножи, гвозди, проколка, ключ от замка типа В, замок типа Г (по типологии Б.А. Колчина), медный котелок, бронзовый крюк, многочисленные обрезки медных пластин и др. производственные отходы, а также обломок чугунной посуды *(образец № 4)* (рис. 1). На этом же раскопе в другом подобном комплексе открытого характера обломки чугунной посуды были найдены вместе с монетами 1317/18, 1340/41, 1360/61 гг.

Кроме того, на предмет сравнения технологий ремесленного и фабричного производства было проведено аналогичное исследование обломка тонкостенного серого чугунного котла нового времени, найденного на бывшей территории Джукетау *(образец № 5)*.

Большинство чугунной посуды (котлы) ввиду ее хрупкости сохранилось во фрагментарном виде (рис. 2; 3). В имеющейся совокупности всего 12 венчиков, остальные представлены фрагментами стенок и придонных частей толщиной от 3 до 7 мм. На одном из фрагментов сохранилась полуовальная плоская ручка (рис. 2: 6). На 9

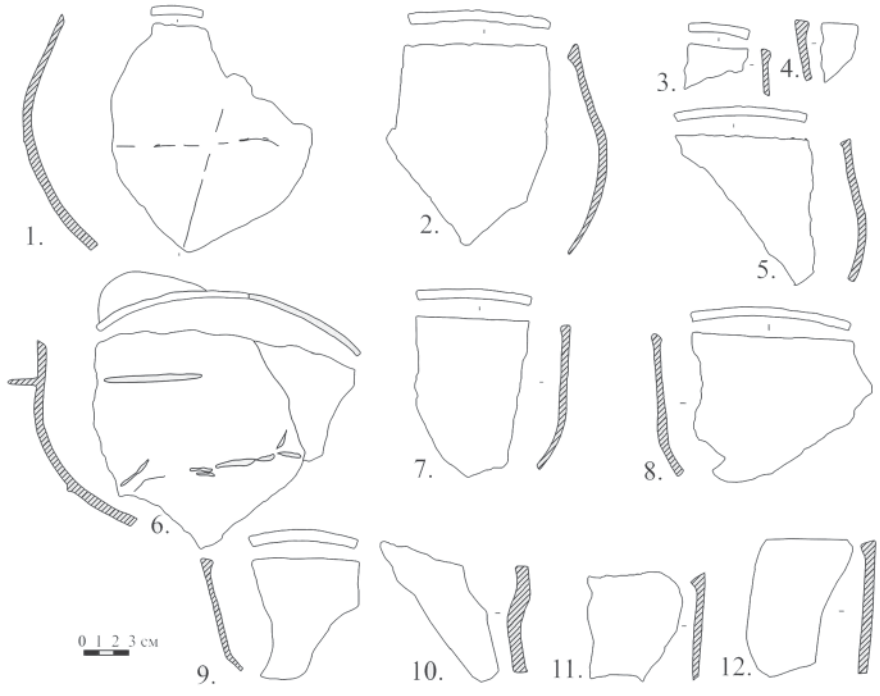


Рис. 2. Образцы чугунной посуды Джукетау.
Fig. 2. Samples of Juketau cast iron dishware.

фрагментах котлов хорошо видны литейные швы (рис. 2:1, 6; рис. 3: 1–7).

На двух фрагментах присутствуют следы ремонта или исправления, допущенные при литье в виде чугунных «заплаток» (рис. 3: 6, 8; рис. 4: 1, 2).

Только у некоторых целых форм удается восстановить примерные размеры. Так, у одного из фрагментов диаметр горловины у венчика составлял 45 см, у другого 30 см (оба с прямым венчиком с плоским краем под углом; рис. 2: 1; 2: 6). Высота последнего – примерно 15 см; такой котел имел объем 6–7 л.

Выделено пять типов венчиков:

1. Отогнутый наружу венчик (возможно, для крышки) (1 ед.) (рис. 2: 10);

2. Прямой венчик с плоским краем под углом (2 ед.) (рис. 2: 1, 6);

3. Венчик с треугольным выступом внутри (4 ед.) (рис. 2: 2, 3, 4, 11);

4. Венчик с плоским утолщенным краем (3 ед.) (рис. 2: 5, 8, 12);

5. Прямой венчик с плоским краем (2 ед.) (рис. 2: 7, 9).

Переход от горловины к венчику в большинстве случаев плавный (невыраженный) (рис. 2: 1–9, 11, 12), но имеется экземпляр с четким (выраженным) переходом (рис. 2: 10). Выделяются котлы полусферической формы (рис. 2: 1, 6), с вертикальными стенками (рис. 2: 2, 7, 9).

Химический состав, структура, технология. Шесть фрагментов было исследовано двумя независимыми ме-

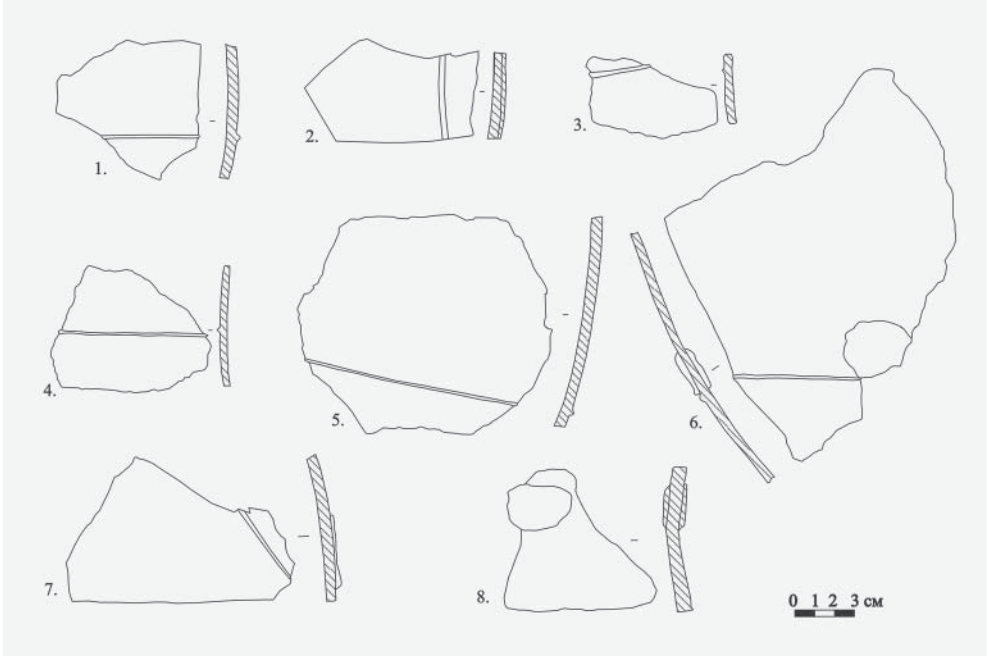


Рис. 3. Образцы чугунной посуды Джукетау.
Fig. 3. Samples of Juketau cast iron dishware.

тодами – СЭМ и ЕСА. Аналитические образцы получены путем отлома от исходных стенок котлов кусочков размером примерно 2,0×1,0 см. Толщина образцов варьирует от 0,5 до 2,0 см.

Сканирующая электронная микроскопия. Исследования проводились на изломе и продольном аншлифе методом оптической и электронной микроскопии на оборудовании Axio Observer Z1, Axio Imager.Z2m и AURIGA CrossBeam с энергодисперсионным спектрометром Inca X-Max в Kazan National Research Technical University named after A.N.Tupolev – KAI (аналитик – Биктагирова И.Р.).

Методика подготовки проб изломов, препарирования образцов и режимы исследования приведены в работах (Shaykhutdinova, etc., 2015; Шайхутдинова, др., 2015; Shaykhutdinova, etc., 2016).

Образец № 1 имеет явный состав передельного чугуна. Углерод по всей площади излома распределен достаточно равномерно. На рисунке 5 а при увеличении исследуемого участка в два раза явно видны мелкие пики увеличенного содержания углерода. Все это говорит о том, что внутри сплава углерод находится как в связанном, так и в свободном состоянии.

Характерное распределение фосфора по границам зерен подтверждает его слоистую структуру (рис. 5 б). Пики высокого содержания кислорода с железом совпадают со светлыми включениями в структуре и вероятно свидетельствуют об образовании зерна с преимущественным ферритовым содержанием.

Марганец распределен равномерно одновременно с железом, при увеличенном в два раза снимке наблюда-

Рис. 4. Заплатки на стенках котлов.
Fig. 4. Patches on cauldron walls.

ются редкие пики с содержанием до 5,00%. Возможно были использованы железные руды с большим содержанием марганца. Так как химическое сродство марганца и серы выше, чем в паре Fe-S наблюдается закономерная корреляция распределения серы и марганца в паре в местах пикового содержания Mn.

Кремний также распределяется равномерно, но его содержание не превышает 0,60% и при большем увеличении затруднено его определение в сплаве (не более 0,25%). При этом его распределение совпадает с кислородом и алюминием в отдельных образованиях. Высокое содержание фосфора говорит о применении древесного топлива. Усадочных пустот и пористости не наблюдается. Редкие трещины, вероятно, образованы в результате пробоотбора.

Измельченная структура говорит о том, что данный чугун содержал огромное количество центров кристаллизации, в результате чего свободный графит не смог образовать дендриты и выкристаллизовался в виде мелких пластинок равномерно по всему объему изделия. Возможно, это был переплав, так как структура мелкодисперсная. Также об этом свидетельствуют редкие эндогенные включения (рис. 5 в).

Образец № 2, также как и *№ 1*, имеет состав передельного чугуна. Углерод по всей площади излома распределен достаточно равномерно. В зоне образования мелкого пластинчатого графита наблюдается содержание углерода. Углерод находится как в связанном, так и в свободном состоянии (рис. 6 а). При увеличении снимка наблюдаются образования с химическим составом белого чугуна, предположительно доэвтектическим (С 1,44%).

Характерное распределение фосфора по границам зерен подтверждает его слоистую структуру (рис. 6 б). Пики высокого содержания кислорода с железом совпадают со светлыми включениями в структуре и, вероятно, свидетельствуют об образовании зер-

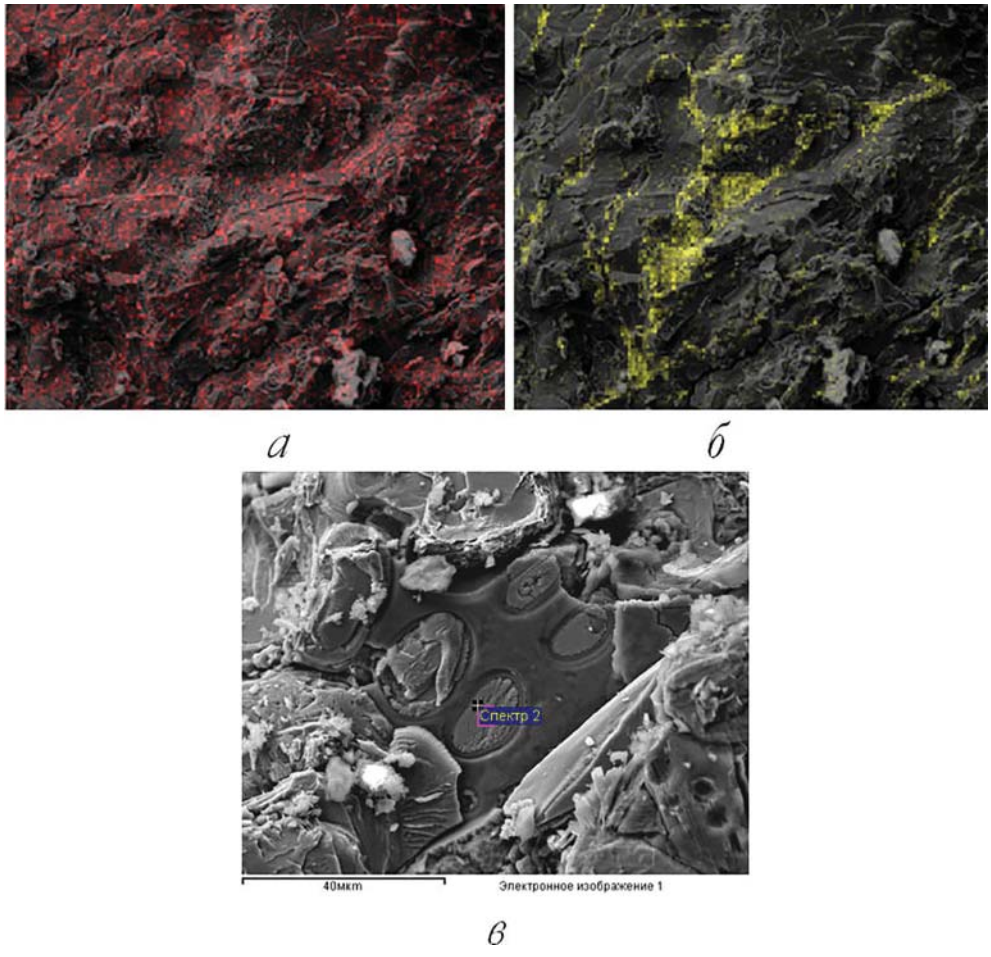


Рис. 5. Микроструктура образца №1: *а* - распределение С по площади образца; *б* - распределение Р по площади образца; *в* - эндогенные включения в образце.

Fig. 5. Microstructure of sample No. 1: а – distribution of C across the area of the sample; б – destribution of P across the area of the sample; в – endogenous inclusions in the sample.

на с преимущественным ферритовым содержанием.

Марганец распределен неравномерно и на снимке распределения содержание марганца совпадает с содержанием серы (рис. 6 в). В отличие от образца 133, данный фрагмент содержит Mn не более 0,10%. Включения кремния не совпадают со следами марганца (не более 0,14%), однако совпадают с кислородом. Высокое содержание фосфора говорит о применении древесного топлива.

Структура, также как и в образце *№ 1*, измельчена, но наблюдается более упорядоченная слоистая структура. Возможно, это был переплав, так как структура мелкодисперсна и не наблюдается большое количество микропримесей. Об этом свидетельствуют редкие эндогенные включения (рис. 6 г). Газовой пористости не наблюдается. Усадочные процессы на границе фаз визуализируются. Редкие трещины вероятно образованы в результате пробоотбора.

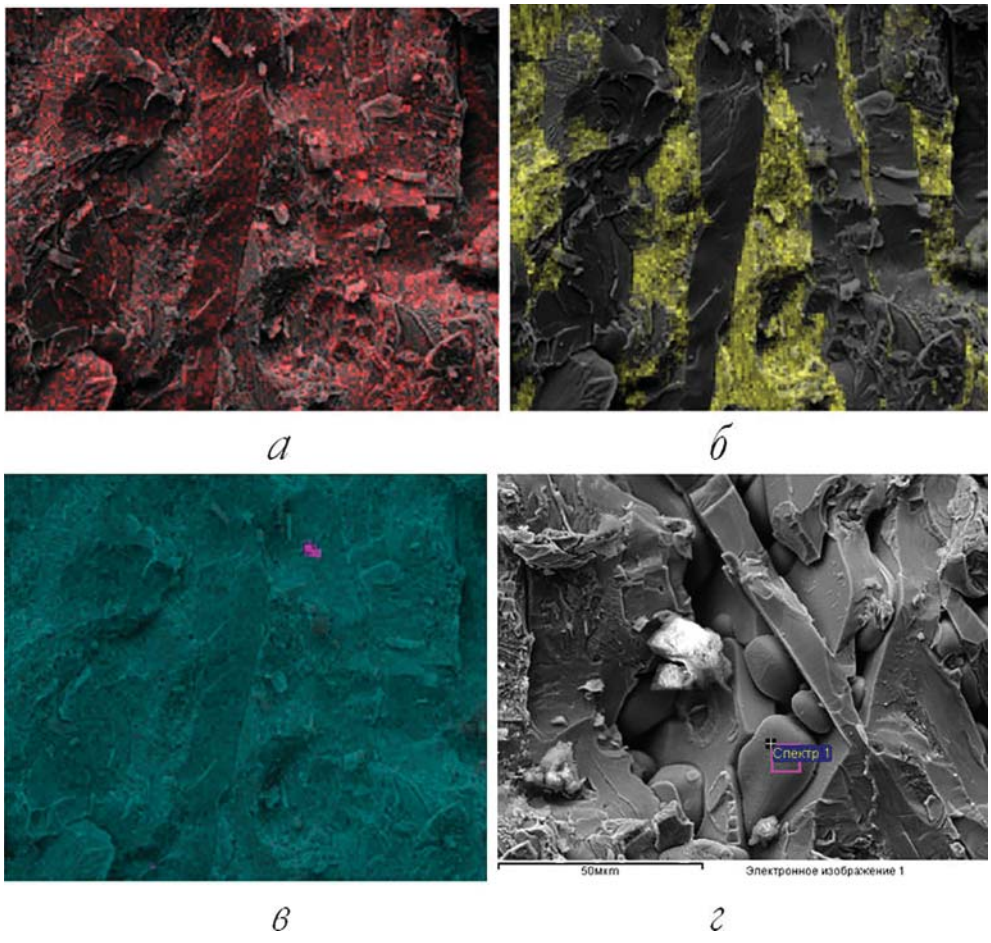
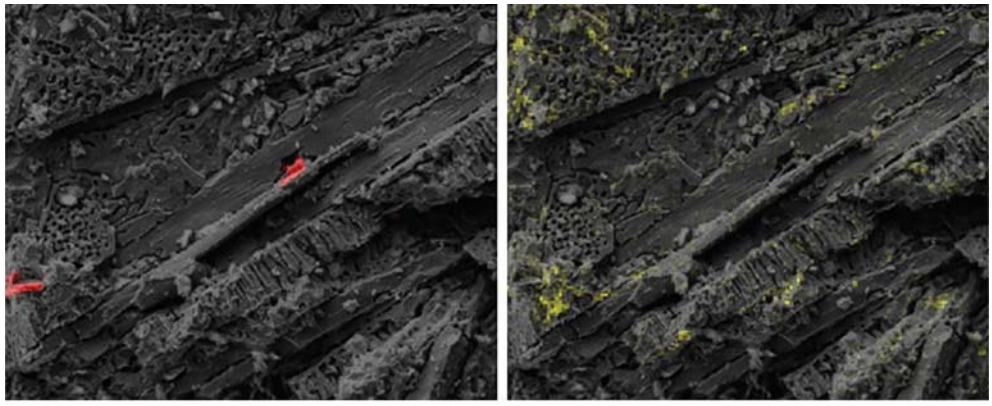


Рис. 6. Микроструктура образца *№2*: *а* - распределение С по площади образца; *б* - распределение Р по площади образца; *в* - Распределение железа (голубой цвет), марганца и серы (розовый цвет) по площади излома образца; *г* - эндогенные включения в образце.

Fig. 6. Microstructure of sample No. 2: а – distribution of C across the area of the sample; б – distribution of P across the area of the sample; в – distribution of iron (blue colour), manganese and sulphur (pink colour) across the area of the sample fracture; г – endogenous inclusions in the sample.

Образец № 3 имеет явный состав передельного чугуна. Углерод по всей площади излома распределен неравномерно (рис. 7 а), наблюдается большое количество пустых графитовых каналов. В структуре имеются пластинчатые образования зерен, как и в образцах *№ 1* и *№ 2*, с мелкозернистой структурой. Однако они напластованы на слои с более крупной фазовой структурой. Содержание углерода варьирует от 4,79% до 19,93%.

Характерное распределение фосфора по границам зерен подтверждает его слоистую структуру (рис. 7 б), однако его послойное распределение выражено не так четко. Максимальное содержание фосфора – 1,95%. Распределение кислорода в основном сосредоточено внутри крупно фазовых



а *б*

Рис. 7. Микроструктура образца № 3: а – распределение С по площади образца; б – распределение Р по площади образца.

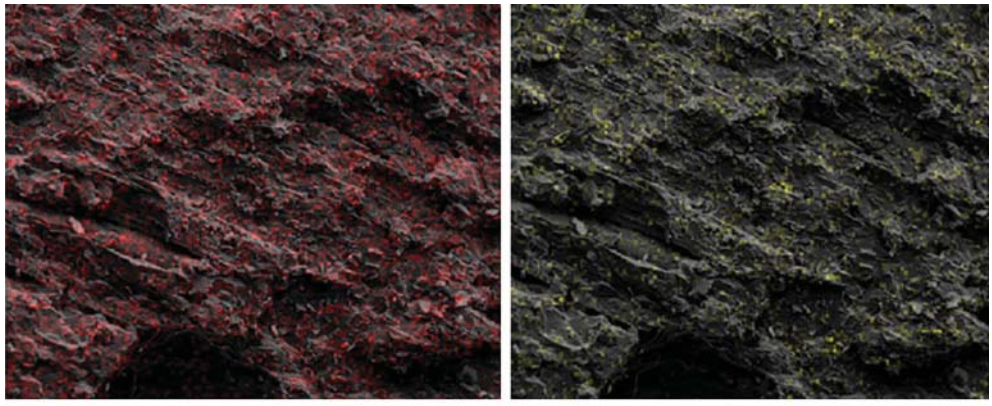
Fig. 7. Microstructure of sample No.3: a – distribution of C across the area of the sample; б – distribution of P across the area of the sample.

слоев структуры, что возможно совпадает с нахождением в этих точках ферритовых фаз. Марганец распределен равномерно по всей площади излома и его распределение совпадает с содержанием серы, однако не вся сера в связанном состоянии. В отличие от двух предыдущих образцов данный содержит Mn около 0,25%. Включения кремния распределены равномерно и не совпадают со следами марганца (не более 0,07%). Наблюдаются кальциевые отложения, связанные не с железной матрицей структуры, а с оксидной. Спектр содержит микропримеси алюминия, совпадающие с содержанием кремния и кислорода.

Структура слоистая с чередованием мелко- и крупнодисперсной фазы. Возможно, в качестве шихтового материала использовался вторичный металл с рудным материалом или применялось высокоуглеродистое топливо. Об этом также говорит малое содержание фосфора в структуре. Крупных эндогенных включений не наблюдается. Усадочных пустот и пористости не наблюдается.

Образец № 4 имеет явный состав передельного чугуна (аналогично образцам *№ 1–3*). Углерод по всей площади излома распределен достаточно равномерно (рис. 8 а). Наблюдаются зерна с белым чугуном доэвтектического и заэвтектического чугуна с содержанием С 1,65% и 5,39%, 4,01%. Одновременно в структуре содержатся зерна избыточного графита в пределах 7,17…17,54%. Это подтверждается наличием графитовых каналов. Таким образом, внутри сплава углерод находится как в связанном, так и в свободном состоянии.

Характерное распределение фосфора по границам зерен подтверждает неявную слоистую структуру (рис. 8 б). В среднем содержание фосфора примерно 0,24%. Пики высокого содержания кислорода с железом в структуре, вероятно, свидетельствуют об образовании зерна с преимущественным ферритовым содержанием.



а *б*

Рис. 8. Микроструктура образца № 4: а – распределение С по площади образца; б – распределение Р по площади образца.

Fig. 8. Microstructure of sample No. 4: a – distribution of C across the area of the sample; б – distribution of P across the area of the sample.

Содержание серы относительно невысокое. На общем снимке суммарный спектр содержит примеси алюминия и никеля. Пики содержания кремния совпадают с содержанием алюминия и кислорода. Кальциевые отложения совпадают с некоторыми окисленными участками. Марганец не обнаружен.

Структура мелкодисперсная и хаотичная. Слабо выраженные эндогенные включения наблюдаются при увеличении снимка структуры на отдельных участках. Высокое содержание фосфора говорит о применении древесного топлива. Наблюдаются усадочные процессы и газовые поры. Сплав содержит отличный от образцов *№ 1–3* набор микропримесей, что свидетельствует о другом источнике рудного сырья.

Образец № 5 имеет явный состав и структуру серого чугуна. Крупные пластины графита радиально расходятся от центра зерна к краю и образовывают четко выраженные дендриты (рис. 9 а). Содержание С варьирует в пределах 9,27…79,99%.

Вокруг границ зерен наблюдается концентрация фосфора (рис. 9 б) и серы, содержание не более 1,67% и 0,07% соответственно. Ферритовые зерна распределены равномерно по площади излома согласно расположению окислов железа. Частично окисленные участки совпадают с пиками содержания кремния.

Образец № 5 характеризуется равномерной структурой с четко выраженными центрами кристаллизации. Зерна округлые с четко выраженными дендритными образованиями графита. Распределение углерода соответствует распределению кремния. Расположение серы совпадает с картиной распределения марганца. Все это свидетельствует о намеренном формировании структуры чугуна: раскисление и модифицирование. Кроме того, рудный источник шихтовых материалов содержал примесь хрома, в отличие от образцов *№ 1–4*.

Образец № 6 имеет явный состав передельного чугуна (аналогично образцам *№ 1–4*). Углерод по всей пло-

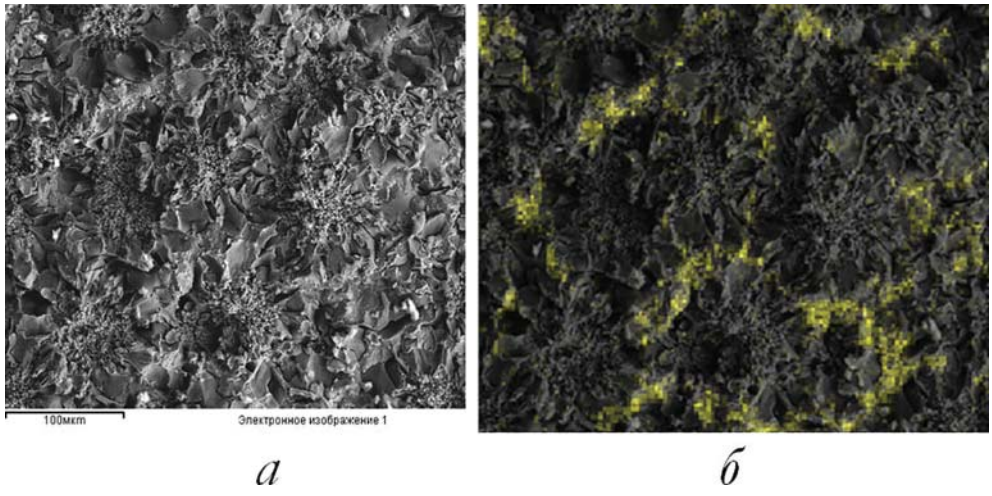


Рис. 9. Микроструктура образца № 5: а – микроструктура образца;
б – распределение P по площади образца.

Fig. 9. Microstructure of sample No. 5: a – microstructure of the sample;
б – distribution of P across the area of the sample.

щади излома распределен достаточно равномерно (рис. 10 а). Видны мелкие пики увеличенного содержания углерода. Образец содержит в себе зерна с заэвтектическим чугуном с содержанием С 3,5–4,0%. Избыточный графит определяется на всех снимках повышенным содержанием углерода и визуализируется в виде очень тонких пластинок. Это свидетельствует о том, что внутри сплава углерод находится как в связанном, так и в свободном состоянии.

Характерное распределение фосфора по границам зерен подтверждает слоистую структуру (рис. 10 б). В среднем содержание фосфора примерно 1,97%, на отдельных спектрах участков варьирует – 0,19…8,07%. Окисление равномерное и имеет небольшой характер. Содержание серы относительно не определяется. На общем снимке суммарный спектр содержит примеси алюминия и никеля. Марганец не обнаружен. В структуре присутствует кремний в малых количествах.

Структура мелкодисперсная. Редкие эндогенные включения видны только в стенках газовой пористости (рис. 10 в). Высокое содержание фосфора говорит о применении древесного топлива. Наблюдаются усадочные процессы и газовые поры. Сплав содержит отличный от образцов *№ 1–3* и схожий с образцом *№ 4* набор микропримесей, что характеризует источник рудного сырья. Скорее всего, сплав вторичный.

Исследование микроструктуры по продольным аншлифам образцов подтверждает результаты изучения поперечных изломов. Однако позволяет обнаружить дополнительные микропримеси, так, например, в образце *№ 2* определился цинк в числе вышеперечисленных примесей, а в образце *№ 5* – медь и цинк.

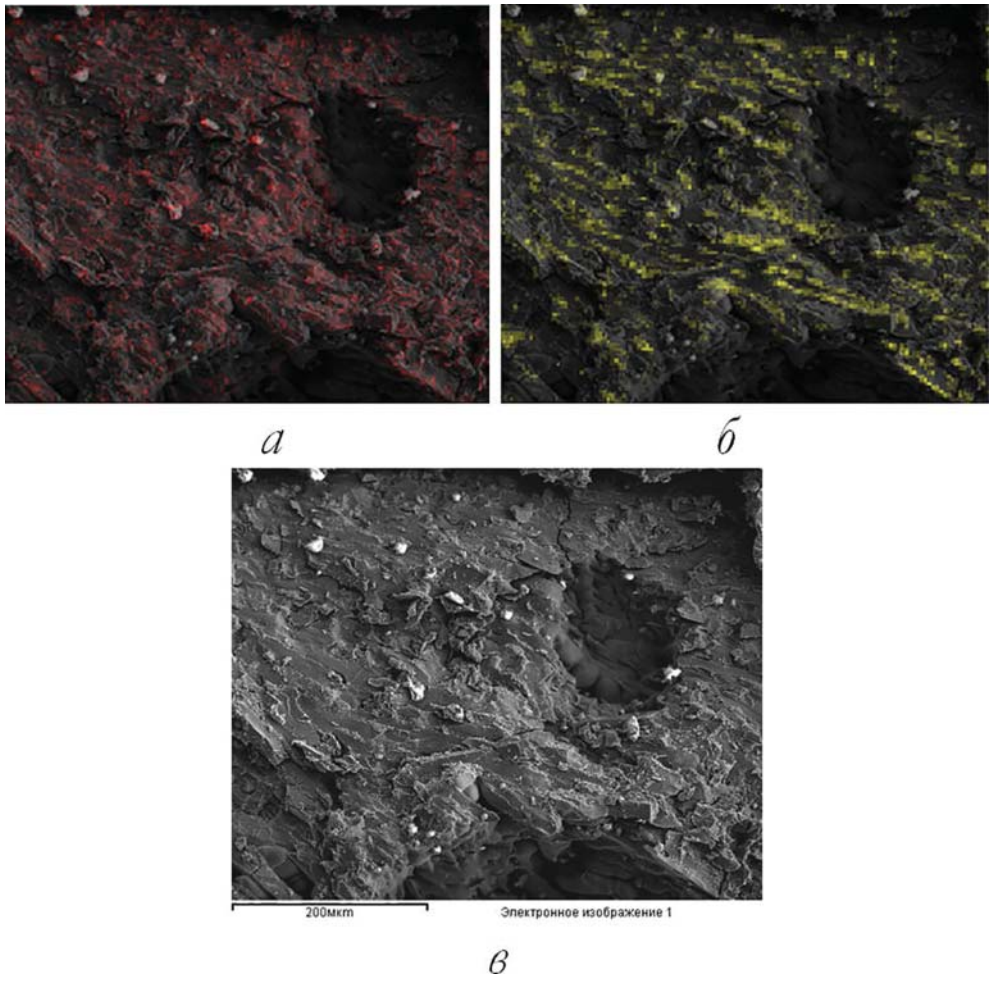


Рис. 10. Микроструктура образца № 3: а – распределение С по площади образца; б – распределение Р по площади образца.

Fig. 10. Microstructure of sample No.3: a – distribution of C across the area of the sample; б – distribution of P across the area of the sample.

Суммарный химический состав по площади исследуемого образца представлен в таблице 1.

Для выявления особенностей чугуна образцов из Джукетау был проведен сравнительный анализ результатов СЭМ с ранее исследованными 15 образцами чугунной посуды, найденной на территории Болгарского городища (Shaykhutdinova, etc., 2015; Шайхутдинова, др., 2015). Морфология поверхностей и формы чугунной посуды Болгара и Джукетау не выявили существенных различий, кроме образца чугуна нового времени. Данные СЭМ показали, что в отличие от чугуна из Болгар (Shaykhutdinova, etc., 2015; Шайхутдинова, др., 2015) в образцах из Джукетау нет большого количества литейных дефектов. Также

Таблица 1

Химический состав чугуна по результатам SEM (вес., %) [7]

№	Fe	C	P	S	O	Al	Si	Cr	Ca	Mn	Ni
1	83,56	10	1,13	0,26	4,41	0,12	0,25	0,04	0,06	0,16	0
2	84,63	9,71	2,96	0,14	2,33	0	0,12	0	0	0,1	0
3	75,8	12,1	0,41	0,14	10,85	0,06	0,07	0	0,27	0,24	0
4	85,15	10,52	0,24	0,07	3,04	0,1	0,33	0	0,37	0	0,18
5	85,86	8,45	1,97	0	3,36	0,08	0,11	0	0	0	0,16
6	50,47	43,85	0,6	0,07	3,93	0	0,61	0,1	0	0,36	0

встречаются эндогенные образования с разным химическим и фазовым составом.

Изучение микровключений в структуре образцов методом СЭМ выявил следующую особенность – в чугуне из Болгара (Shaykhutdinova, etc., 2015; Шайхутдинова, etc., 2015) и Джукетау часто встречающейся примесью является алюминий, кремний и марганец. Данная особенность может указывать на глинистое рудное сырье. Вероятно, рудное сырье содержало в себе примеси соединений марганца, так как в 9 из 15 образцов чугуна из Болгар и 4 из 5 образцов из Джукетау содержится марганец. Чугун из Джу- кетау отличается от болгарского по примесям никеля и титана.

Эмиссионный спектральный анализ (ЭСА). Валовые содержания микропримесей были определены методом ЭСА (табл. 2). Методика анализа и преимущества этого метода в изучении археологического материала с определением микрокомпонентов описаны в (Khramchenkova, 2016).

Образцы чугуна золотоордынского времени делятся по химическому составу на две основные группы. Первая группа (образцы №№ 1–3) отличается высоким содержанием марганца и низким – кремния. Диаграммы (рис. 11) наглядно демонстрируют разделение на две основные группы и на существенное отличие сравнительного образца нового времени.

Для второй группы (образцы № 4 и № 6) характерно высокое содержание алюминия и никеля. Хрома в этих образцах меньше. Обратная корреляция между Ni и Cr выглядит достаточно интересной и может свидетельствовать о различных источниках железа. Низкая концентрация кремния и алюминия в первой группе характеризует,

Таблица 2

Химический состав чугуна по результатам ESA (ppm)

№	Ag	Al	As	Bi	Ca	Cr	Co	Cu	Mn	Na	Ni	P	Pb	Si	Sn	Ti	Zn
1	0,2	0,02	5	1,5	260	**1,9**	28	32	450	**20**	41	170	3,1	**850**	2,3	0,6	20
2	0,2	0,49	5	1,5	275	**1,6**	35	39	450	**10**	33	265	2,2	**450**	2,4	0,7	20
3	0,56	1,1	4,5	1,6	230	1	**9,1**	**3,5**	750	**30**	13	185	1,9	**650**	2,4	0,6	15
4	**2,2**	**24**	5,5	1,4	165	0	28	28	**63**	45	**105**	215	2,5	6000	2,1	0,9	15
6	0,18	**28**	6	1,6	250	0,75	34	22	**45**	55	**118**	625	2,2	5900	2,2	1,4	20
5	0,26	3,4	6,5	1,4	295	**116**	37	39	**1900**	**15**	**300**	190	3,9	11000	**46**	**2,9**	20

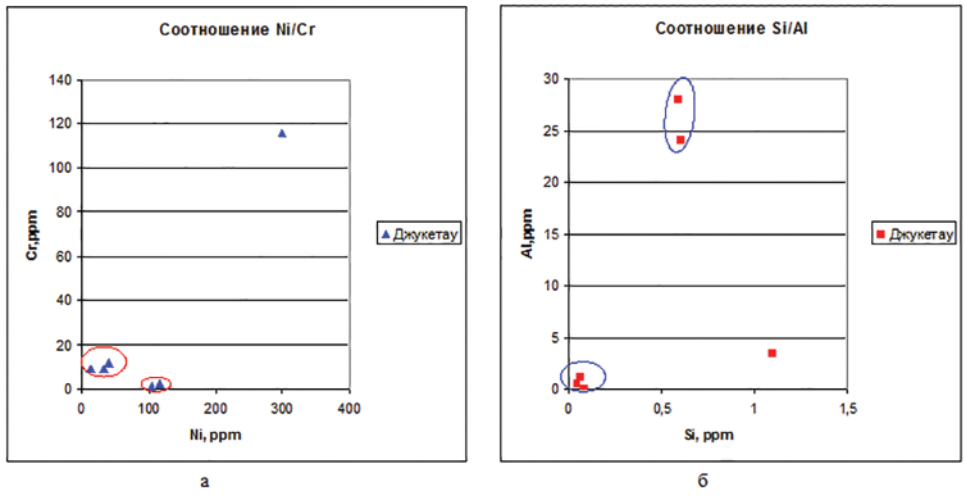


Рис. 11. Диаграммы соотношения: а – Ni:Cr, б – Si:Al.
Fig. 11. Proportion diagrams: a – Ni:Cr, б – Si:Al.

вероятнее всего, либо специфическую технологию, либо особое минеральное сырье. Нельзя исключать возможности использования особого угольного сырья.

Характерной особенностью исследованных образцов является низкая концентрация цинка, что свидетельствует либо о высоких температурах плавки, либо о неоднократной переплавке материала. Образец № 3 выделяется меньшими концентрациями меди, никеля и кобальта, но с большей концентрацией серебра.

Результаты анализа демонстрируют яркое отличие химического состава образцов чугунной посуды XIV в. от образца нового времени (образец № 5). Для него характерны высокие содержания марганца, никеля, хрома, олова, а также кремния и алюминия. Если первый комплекс элементов свидетельствует об отличающемся железосодержащем сырье, то Si и Ti говорят об использовании различных минеральных компонентов (глина, песок).

Необходимо указать на различие в данных по микроэлементам, полученным СЭМ и ЕСА. Согласно результатам ЕСА, все чугунные образцы Джукетау содержат микропримеси алюминия, кальция, никеля, цинка и хрома, за исключением Cr в образце № 4, тогда как в суммарном спектре по площади СЭМ эти элементы не пределились. Это объясняется тем фактом, что чувствительность СЭМ невысокая – предел обнаружения элементов не выше 0,01%. Данный метод ограничен также малыми размерами аналитической площади, и если в поле исследования аналитика не попало структурное включение с указанными микропримесями, информация о них будет отсутствовать в итоговых данных. В отличие от СЭМ, ЕСА анализирует всю навеску образца, однако в

данном случае также играют роль правильный отбор и представительность навески. Не исключены объективные ошибки анализа в случае с образцами с крупнозернистой, неравномерной по составу структурой.

Выводы

Количество фрагментов чугунной посуды Джукетау сопоставимо с долей этой категории находок в общей совокупности вещевого материала в комплексах отдельно взятых золотоордынских памятников Среднего Поволжья. По всем морфологическим признакам чугунная посуда Джукетау вполне вписывается в имеющиеся систематизации (Руденко, 2000, с. 37–43).

Исследованные чугунные образцы золотоордынского времени имеют состав передельного чугуна. Хаотичная мелкодисперсная или слоистая и мелкодисперсная структура предполагает несовершенную технологию получения чугуна. Структура состоит из сложносоставных фаз, например, заэвтектический чугун соседствует с заэвтектическим и в тоже время включает в себя мелкий пластинчатый графит.

В основном фазы условно можно поделить на зерна белого чугуна с графитом, серого чугуна с графитом и пограничный слой со сложным микроэлементным и нерегулярным составом. В последнем визуализируется фосфор и сера, что позволяет предположить, что это некий зародыш границ зерен, который затвердел в таком состоянии. Во всех структурах наблюдается большая и рассеянная по объему избыточность графита.

Сильная ликвация химического состава во всех образцах обусловлена несовершенством технологии, следов регулирования структуры не обнаружено.

Практически во всех образцах найдено значимое количество фосфора, что указывает на древесный источник топлива для изготовления чугуна. Низкие концентрации цинка свидетельствуют либо о высоких температурах плавки, либо о неоднократной процедуре плавления. Микроэлементный состав археологических фрагментов чугуна свидетельствует как минимум о двух ремесленных центрах, использовавших различное сырье. Образец сравнения нового времени сильно отличается по своему химическому составу от средневековых артефактов.

Возможно, присутствие алюминия и кремния обусловлено использованием местной железосодержащей руды – глинистых железняков. Помимо этого, присутствие данных элементов можно объяснить использованием алюмосиликатов в качестве флюсов. Содержание в отдельных образцах микрочастиц с включениями титана, марганца, магния, никеля, меди и других элементов может быть обусловлено тем, что в руду при переплаве сырцового железа добавлялся стальной или чугунный лом из других источников или даже регионов. Однако более вероятным объяснением может быть использование как различных источников железных руд (болотных руд, глинистых железняков и железистых песчаников), так и минеральных флюсов и угольного сырья в технологическом процессе изготовления чугунного сплава.

Вопрос о чугунолитейном производстве, изготовлении посуды в Джукетау пока остается открытым. Сравнительный анализ данных СЭМ

чугунных образцов Джукетау и Болгара показал существенные различия в структуре образцов.

В отличие от средневековой технологии чугунного литья, когда ремесленники, видимо, не знали о необходимости структурирования материала, мастера нового времени уже достаточно хорошо регулировали структуру чугуна, что наглядно демонстрирует исследование сравнительного образца. Доказательством этому служат правильные округлые в одной плоскости дендриты и чистый графит в виде веера пластинок вокруг единого центра зерна. В то же время центр каждого дендрита пока еще представляет собой хаотическую смесь ферритовых, перлитных и других химических соединений, и это существенно отличает образец нового времени от высокоструктурированного современного чугуна.

Ограниченность аналитической выборки определялась стоимостью анализов СЭМ, и исследования этой серии проб планируется взять в качестве основы для выработки в дальнейшем методических аспектов изучения археологического чугуна.

Благодарность

Авторы приносят благодарность директору Центра коллективного пользования «Прикладные нанотехнологии» Е.В. Нуждину и зав. лабораторией электронной микроскопии КАИ И.Р. Биктагировой за проведенные исследования СЭМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асылгараева Г.Ш., Бахматова В.Н., Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г., Храмченкова Р.Х., Мельников Л.В., Мухаметшин Д.Г., Семыкин Ю.А.* Итоги и перспективы исследования Джукетау // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 444–446.

2. *Бахматова В.Н.* О сырьевых источниках керамики «джукетау» // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. IV / Ред. А.Г. Ситдиков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014.С. 119–121.

3. *Бахматова В.Н., Набиуллин Н.Г.* Источниковые возможности неполивной глиняной «традиционной» посуды (на примере керамического комплекса города Джукетау X–XIV вв.) // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 232–235.

4. *Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г.* Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского могильника) // Уч. зап. Казан. ун-та. Т. 153. Кн. 3. 2011. С. 21–28.

5. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.

6. *Набиуллин Н.Г., Храмченкова Р.Х.* Стеклянные украшения Джукетау: морфология и химический состав // Филология и культура. 2013. № 3 (33). С. 240–244.

7. *Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш., Набиуллин Н.Г.* Хозяйственная деятельность населения города Джукетау по данным археозоологических материалов // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 274–281.

8. *Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. Казань: Издательство «Репер», 2000. 158 с.

9. *Рязанов С.В.* Чугунолитейное производство в европейской части Золотой Орды (вторая половина XII – XIV вв.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 22 с.

10. Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М., Храмченкова Р.Х., Ситдиков А.Г., Беляев А.В. Исследование технологических и эксплуатационных характеристик изделий чугу- нолитейного производства Волжской Булгарии (14–15 вв.) // Ползуновский альманах. 2015. Т. 2. С. 17–20.

11. E. Shaykhutdinova, A. Belyaev, A. Sitdikov, R. Yanbaev. Archaeometric analysis of cast iron dishware from the towns of Volga Bolgaria: Bolgar and Juketaw, Proceedings of IMEKO International Conference on Metrology for Archaeology and Cultural Heritage (MetroArchaeo 2016). October 19–21, 2016. Torino, Italy. Pp. 270–273.

12. E. Shaykhutdinova, A. Belyaev, R. Yanbaev, A. Sitdikov, A. Zinnatullin, "Iron casting in Volga Bolgaria in 14–15 cc.", Proc. of the 1st International Conference on Metrology for Archaeology, 2015, pp. 203–207.

13. Khramchenkova R., Degryse P., Sitdikov A., Kaisin A. Analytical studies of post medieval glass bottle marks from excavations at Kazan Kremlin (Russia). Journal of Archaeological Science: Reports, 2016. V.12, pp. 25–27.

Информация об авторах:

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

Беляев Александр Владимирович, научный сотрудник, Болгарский государственный историко-архитектурный музей заповедник (БГИАМЗ) (г.Болгар, Россия), научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); bav986@yandex.ru

Шайхутдинова Евгения Флюровна, кандидат технических наук, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); eugen.shaykhutdinova@gmail.com

Храмченкова Резида Хавиловна, кандидат физико-математических наук, заведующий отделом, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); rkhramch@gmail.com

Янбаев Руслан Мискадесович, кандидат технических наук, заведующий кафедрой, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева (КАИ) (г. Казань, Россия); ruslan-yanbaev@mail.ru

CAST IRON DISHWARE FROM JUKETAU: PRELIMINARY INTERDISCIPLINARY RESEARCH RESULTS

N.G. Nabiullin, A.V. Beliaev, E.F. Shaikhutdinova, R.Kh. Khramchenkova, R.M. Ianbaev

The work deals with the results of interdisciplinary research of cast iron dishware from the town of Juketau – one of the large towns of Volga Bolgaria which continued to exist in the period of the Ulus of Jochi (the Golden Horde). Information of dishware morphology are represented in the article. The archaeometric research is based on the investigation of the microstructure of cast iron samples with surface mapping using the scanning electron microscopy (SEM) technique. The microelemental composition was determined with the use of emission spectral analysis (ESA). The characteristics of the production technology were revealed as a result of studying the elemental and phase composition across the area of the transverse fracture and longitudinal polished section. The results of spectral analysis allow

The work was conducted within the framework of a scientific grant by the Presidium of the Tatarstan Academy of Sciences for governmental support of the young scientists of the Tatarstan Republic (contract 14-58-f G 2016).

single out two primary groups with different trace impurities characterizing the distinctive features of raw material.

Keywords: archaeology, Juketau, the Ulus of Jochi, the "Golden Horde", 14th century, medieval metallurgy, cast iron dishware, archaeometry, scanning electron microscopy, emission spectral analysis.

REFERENCES

1. Asylgaraeva, G. Sh., Bakhmatova, V. N., Gazimzianov, I. R., Nabiullin, N. G., Khramchenkova, R. Kh., Mel'nikov, L. V., Mukhametshin, D. G., Semykin, Yu. A. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* III. Kazan: "Otechestvo" Publ., 444–446 (in Russian).

2. Bakhmatova, V. N. 2014. In Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevianko A. P. (eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani (Proceedings of the 4th (20th) All-Russia Archaeological Congress in Kazan)* IV. Kazan: "Otechestvo" Publ., 119–121 (in Russian)

3. Bakhmatova, V. N., Nabiullin, N. G. 2013. In *Filologiia i kul'tura (Philology and Culture)* 33 (3), 232–235 (in Russian).

4. Gazimzianov, I. R., Nabiullin, N. G. 2011. In *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki (Scientific Bulletin of the Kazan University. Series: Humanities)* 153. Book 3. Kazan: Kazan State University, 21–28 (in Russian).

5. Nabiullin, N. G. 2011. *Dzhuketau – gorod bulgar na Kame (Juketau, a Town of the Bulgars on the Kama River)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

6. Nabiullin, N. G., Khramchenkova, R. Kh. 2013. In *Filologiia i kul'tura (Philology and Culture)* 33 (3), 240–244 (in Russian).

7. Petrenko, A. G., Asylgaraeva, G. Sh., Nabiullin, N. G. 2012. In *Filologiia i kul'tura (Philology and Culture)* 28 (2), 274–281 (in Russian).

8. Rudenko, K. A. 2000. *Metallicheskaia posuda Povolzh'ia i Prikam'ia v VIII–XIV vv. (Metal Dishware of Volga and Kama Regions in 8th-14th Centuries)*. Kazan: "Reper" Publ. (in Russian).

9. Riazanov, S. V. 2010. *Chugunoliteinoe proizvodstvo v evropeiskoi chasti Zolotoi Ordy (vtoraia polovina XII–XIV vv.) (Iron Casting in the European Part of the Golden Horde (Second Half of 12th-14th Centuries))*. PhD Thesis. Izhevsk (in Russian).

10. Shaikhutdinova, E. F., Ianbaev, R. M., Khramchenkova, R. Kh., Sitdikov, A. G., Beliaev, A. V. 2015. In *Polzunovskii al'manakh (Polzunov Almanac)* 2, 17–20 (in Russian).

11. Shayhutdinova, E., Belyaev, A., Sitdikov, A., Yanbaev, R. 2016. In *Proceedings of IMEKO International Conference on Metrology for Archaeology and Cultural Heritage (MetroArchaeo 2016)*, 270–273.

12. Shayhutdinova, E., Belyaev, A., Sitdikov, A., Zinatullin, A. 2015. In *Proceedings of the 1st International Conference on Metrology for Archaeology*, 203–207.

13. Khramchenkova, R., Degryse, P., Sitdikov, A., Kaisin, A.2016. In *Journal of Archaeological Science: Reports* 12, 25–27.

About the authors:

Nabiullin Nail. G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; juketaw@mail.ru

Belyaev Aleksandr V. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Shaykhutdinova Eugenia F. Candidate of Technical Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; eugeh@mail.ru

Khramchenkova Rezida Kh. Candidate of Phisics-Mathematics Sciences. Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; RezidaHram@mail.ru

Yanbaev Ruslan M. Candidate of Technical Sciences.Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev. K.Marx St., 10, Kazan, 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ruslan-yanbaev@mail.ru

Статья поступила в номер 23.03.2017 г.

УДК 748 (902) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.255.281

РАЙОНЫ И МЕСТА ОТБОРА ИСХОДНОГО СЫРЬЯ В ГОНЧАРНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ БОЛГАРА: ИСТОЧНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)[1]

© 2017 г. В.Н. Бахматова, А.Г. Ситдиков.

Данная статья содержит итоги изучения потенциальной сырьевой базы гончарного производства Болгара. В исследовании затронуты вопросы истории и методики изучения некоторых аспектов болгарского гончарства. Рассмотрены результаты использования естественнонаучных и статистических методов в вопросе идентификации районов и мест отбора исходного сырья для изготовления неполивной керамики. В механизме идентификации использованы химико-минералогические характеристики образцов сырья и керамики. Проведённое исследование позволило выявить источники отбора глинистого сырья для изготовления керамики ремесленного производства в золотоордынском Болгаре. Наиболее интересными являются совпадения, полученные относительно керамики из производственных комплексов. Потенциальной территорией добычи сырья для гончарного производства являлась пойма р. Меленки (акватория Куйбышевского водохранилища). Полученные результаты выявили значительный потенциал в организации исследований по идентификации сырьевых источников. Определены перспективы использования предложенного метода в аспекте изучения гончарства золотоордынского Болгара.

Ключевые слова: археология, Болгар, неполивная керамика, гончарное производство, сырьевые источники, естественнонаучные методы.

Введение. Статья является продолжением исследования в рамках разработки и апробации методики изучения и идентификации сырьевых источников гончарного производства Болгара. В данной работе представлены некоторые итоги изучения потенциальной сырьевой базы производства неполивной керамики Болгарского городища в золотоордынское время. Одной из причин обращения к обозначенной проблематике является огромный массив керамического материала, полученный в результате масштабных археологических исследований 2010–2015 гг., требующий осмысления и изучения с учетом возможностей современных естественнонаучных методов.

Историография проблемы. История изучения неполивной керамики и гончарства города Болгар насчитывает не одно десятилетие. За это время был накоплен и проанализирован значительный объем материала, на основании которого опубликовано несколько концептуальных трудов, посвященных болгарскому гончарству. Остановимся на некоторых из них. В историографии вопрос о навыках от-

[1] Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ № НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X–XVI вв.)».

бора исходного сырья для изготовления керамики очень тесно связан с обсуждением проблемы существования местного гончарного производства на памятниках Волжской Болгарии. В данном контексте интересна полемика В.В. Гольмстен и А.П. Смирнова. В.В. Гольмстен на материалах средневековых памятников Самарской луки выделила тип круговой керамики – «болгаро-татарский» – как привозной на основании анализа синхронно существовавших «туземных» типов лепной керамики более низкого качества из других глин. А.П. Смирнов, имея в распоряжении материалы исследований Болгара, Биляра, Сувара, с данным утверждением не согласился и склонялся к положению о существовании местного производства круговой керамики высокого качества, особенно ввиду обнаружения в культурных слоях Болгара гончарных горнов. Также исследователю удалось зафиксировать одно обстоятельство в поддержку своей гипотезы – обнаружилось некое соответствие в составах теста одной из групп лепной керамики с составом теста круговой керамики (Смирнов, 1937, с. 130–132, он же – Очерки по истории древних булгар, с. 116–119).

Мнение А.П. Смирнова полностью нашло подтверждение в работах О.С. Хованской, в которых гончарному производству уделено особое внимание. Среди особенностей в отборе исходного глинистого сырья ею было высказано предположение о возможности использования болгарскими гончарами различных местных глин, в том числе и третичного происхождения. В качестве одной из операций по подготовке сырья было отмечено отмучивание глин (Хлебникова, 1965, с. 146).

Дальнейшее изучение неполивной керамики связано с именем Т.А. Хлебниковой. В своей работе, систематизирующей керамические материалы домонгольского времени X – начала XIII в. выделила круговую керамику как общепринятую «болгарскую». Сделано предположение о дифференцированном подходе к отбору сырья для изготовления круговой посуды разного назначения. Столовая посуда сделана из более тонкого теста, а кухонная посуда – из более грубого. С помощью использования данных химического анализа образцов керамики Т.А. Хлебниковой был установлен факт использования в производстве круговой керамики глин третичных и четвертичных отложений, которые достаточно распространены на территории Среднего Поволжья и в окрестностях Болгара (Хлебникова, 1965, с. 130, 143, 146). Таким образом, ей окончательно удалось сформировать доказательную базу в поддержку положения о существовании высокоразвитого гончарного производства в Волжской Болгарии и в Болгаре, в частности, уже в домонгольский период. Т.А. Хлебникова продолжила исследования комплексов неполивной керамики как источника к изучению этнокультурного состава населения в Среднем Поволжье X–XIV вв. Исследователь разработала классификацию неполивной керамики памятников Волжской Болгарии, которая актуальна в настоящее время и является главным методическим руководством к изучению керамической посуды. В основе классификации лежит разделение керамики на ремесленную

(I общеболгарская группа керамики) и керамику традиционных групп, изготовлявшуюся для нужд населения определенной этнокультурной группы, то есть керамическую посуду домашнего производства и ремесленную, сделанную на заказ или на рынок (Хлебникова, 1984; 1988, с. 3–102).

Изучение проблем болгарского гончарства было продолжено И.Н. Васильевой. Исследования проведены ею в русле историко-культурного подхода А.А. Бобринского с проведением технико-технологического анализа методом бинокулярной микроскопии керамики Болгарского городища. В процессе исследований И.Н. Васильевой удалось выявить неоднородность навыков отбора сырья у болгарских гончаров, производивших керамику различных групп в домонгольское и золотоордынское время. Ею были поставлены несколько дискуссионных проблем в изучении гончарной технологии населения Болгара. Особое место уделено, конечно, проблеме формирования общеболгарского гончарства, истоки традиции, их смешение, влияние на гончарные традиции разных групп населения. Отмечена преемственность традиций среди гончаров, изготовлявших общеболгарскую керамику в домонгольское и золотоордынское время, а также неоднородность технологических традиций изготовления керамики традиционных групп. Выделены особенности в отборе сырья и представлений о нем (Васильева, 1988, с. 113: табл. 3, с. 122: табл. 6).

Многолетняя история археологического изучения Болгарского городища располагает набором обстоятельств обнаружения и исследования гончарных производственных комплексов – обжигательных горнов. Исходя из существующих археологических находок можно выделить два больших производственных района. Первый район в нагорной части городища представлен гончарным комплексом в районе Голландского озера (раскоп 16 1948 г., раскоп 70 1980–1982 гг.). Здесь кроме обжигательных горнов было обнаружено 4 ямы-хранилища для глины (раскопы 32, 34 1969 г.). Обозначенный комплекс датирован позднезолотоордынским временем (Полякова, 1980, с. 13–21; Аксёнова, 1970, с. 30–31; Смирнов, Хованская и др., 1948, с. 50–82). Также в центральном и в северо-восточном районах городища обнаружено несколько находок локальных горнов (раскоп 48 1957 г., раскоп 196 2015 г.), продатированных раннезолотоордынским временем (Ситдиков, 2015, с. 231–232). Интерес вызывают находки 2 гончарных горнов в районе современного Речного вокзала (раскоп 182 2012 г.), датированные позднезолотоордынским временем (Баранов, 2016, с. 33–35). Второй комплекс объединял несколько обжигательных горнов и ям-хранилищ для глины в подгорной, ныне затопленной, части Болгара (раскоп 30 1952 г., раскоп 25 1951 г.). Еще один горн вскрыт в районе местонахождания Ага-Базар. Находки в подгорной части датируются большей частью раннезолотоордынским временем (Смирнов, 1965, с. 90–92, Васильева, 1988, с. 133–147). Всего, без учета исследований, ведущихся в настоящее время, в Болгаре выявлено и изучено 20 гончарных горнов (табл. 1; рис. 5).

Методика и методы исследования. Проблема идентификации сырьевых источников для изготовления

Таблица 1

Археологические находки обжигательных гончарных горнов на территории Болгара.

№ на карте	Местонахождение	Год исследования	№ раскопа, исследователь	Кол-во горнов	Датировка/слой
1.	Подгорная часть. Берег рч. Меленки	1951	Р.25, Б.Б. Жеромский	1	IV р (сер. XIII – нач. XIV вв.)
2.	Подгорная часть. Заречье	1952	Р.30, О.С. Хованская	4	IV р (сер. XIII – нач. XIV вв.)
3.	На краю водохранилища, над Красной палатой	1957	Р.48, З.А. Акчурина, А.П. Смирнов	1	IV р –V? (сер. XIII – нач. XIV вв.)
4.	Местонахождение Ага-Базар	1954	Р.III/I-II, А.П. Смирнов	1	IV р (сер. XIII – нач. XIV вв.)
5.	Район современного Речного Вокзала	2012	Р.182, Т.Р. Губайдуллин, В.С. Баранов.	2	IV п (30-е гг. XIV – 1431 гг.)
6.	Центральная часть городища	2013-2014	Р.196, А.Г. Ситдиков, С.Г. Бочаров.	1	IV р (сер. XIII – нач. XIV вв.)
7.	Белая палата	1981-1982	Р.75, Р.Ф. Шарифуллин	1	IV (сер. XIII – XIV вв.)
8.	Голландское озеро	1980-1982	Р.70, Г.Ф. Полякова, И.Н. Васильева	5	IV п (40-60 е гг XIV в.)
9.	Голландское озеро	1948	Р.16, О.С. Хованская	4	IV п (40-60 е гг XIV в.)

археологической керамики является на сегодняшний день достаточно сложной и спорной. Прежде всего, из-за отсутствия четких методических схем и подходов. Поэтому одной из важнейших задач в проведении данных исследований является поиск оптимального подхода для изучения проблем, связанных с отбором сырья и идентификацией сырьевых источников в контексте гончарства населения Болгара.

В современной историографии можно выделить два подхода к изучению проблемы сырьевых источников гончарства. Первый подход заключается в косвенном изучении исходного глинистого сырья посредством исследования археологической керамики. В рамках этого подхода используются как традиционный метод визуального осмотра черепка без специальных приспособлений, так и керамическая трасология по методу А.А. Бобринского (Бобринский, 1999, с. 5–110), а также инструментальные методы физико-химической аналитики. Минусом такого подхода можно считать то, что в таких работах в значительной степени не учитывается экосистема, в которой была произведена и использовалась анализируемая керамическая посуда. Другим подходом в современной науке является прямое изучение исходного глинистого сырья посредством поиска и исследования

потенциальных сырьевых источников. Такие работы получили свое развитие с появлением и внедрением в археологию естественнонаучных методов (Gomart et all, 2016, с. 245–247, Хорошун, 2016, с. 105–104 и др.).

Для проведения настоящего исследования был выбран междисциплинарный подход, включающий отбор и изучение образцов керамики и сырья методами физико-химической аналитики (петрография, эмиссионный спектральный анализ). Для определения условных районов и идентификации условных мест отбора сырья для изготовления керамики был использован предложенный А.А. Бобринским принцип единства качественных и количественных характеристик состава керамики. Единство качественных характеристик определяет один «район» отбора сырья, использованного для производства. Единство качественных и количественных характеристик определяет «место» отбора сырья (Бобринский, 1999, с. 25–26). В качестве источника были использованы данные минералогического состава образцов керамики и сырья, полученные в результате оптико-микроскопического изучения образцов в шлифах[2].

Идентификация в системе «керамика-источник» производилась на основании статистической обработки аналитических данных методом сравнения числовых эквивалентов. Источником для идентификации послужили количественные показатели аналитических данных: петрографические характеристики и макро- и микроэлементы химического состава. Химический состав образцов глинистого сырья и керамики определялся методом эмиссионного спектрального анализа (Храмченкова, 2014, с. 176–204)[3]. Статистическая обработка осуществлялась по обозначенному принципу сопоставления числовых эквивалентов. При сопоставлении результатов не учитывались значения таких элементов, как свинец и серебро, так как закономерностей в динамике этих двух элементов в результате эксперимента выявить не удалось.

Источники: анализ выборки образцов керамики и потенциальной сырьевой базы. Все источники, ис-

[2] Анализ проведен к.г-м.н. А.Н. Кольчугиным. Шлифы были изготовлены в шлифовальной мастерской ФГУП «ЦНИИгеолнеруд». Описания шлифов выполнялись в литологической лаборатории кафедры минералогии и литологии Института геологии и нефтегазовых технологий, Казанском федеральном университете при помощи поляризационного микроскопа «AxioImeger.A2». Данные оптико-микроскопического изучения шлифов корректировались с данными рентгенографического анализа.

[3] Анализ проведен руководителем реставрационно-аналитического отдела ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, к.ф-м.н Р.Х. Храмченковой. Сущность методики заключается в следующем. Навеска образца 25 мг сжигается из кратера угольного электрода в дуге переменного тока до полного испарения. Время экспозиции для легколетучих элементов – 30 сек при силе тока 8А, после чего часть диафрагмы перекрывается и образец дожигается при силе тока 18А. Спектр, получаемый на дифракционном спектрографе ДФС-458, регистрируется на фотопластинки ПФС-03. Рабочая решетка спектрографа № 3 с 1800 шт/мм с разрешением 0,6 нм. Полученные спектрограммы фотометрируются на спектрофотометре МФ-2. Исследуемые образцы анализируются классическим методом 3-х эталонов. В качестве стандартов для анализа были использованы государственные стандартные образцы СДПС-1, СЧТ-2, СКР-3, МЩ-3 и стандарты предприятия. Проведенный анализ соответствует количественному анализу III категории точности.

пользованные в этом исследовании можно условно разделить на две категории: 1) керамические материалы, происходящие из культурных напластований и производственных комплексов Болгарского городища; 2) пробы глинистого сырья, отобранные в районе расположения Болгарского городища.

Описание выборки образцов керамики для проведения исследований. В данную выборку вошли образцы неполивной керамики, отобранные из материалов раскопов на Болгарском городище[4]. По стратиграфии культурных напластований памятника образцы происходят из двух слоев IV и II, соответствующих золотоордынскому периоду (вторая половина XIII–XIV в.) и времени бытования русского села (XVIII–XIX вв). В выборку вошли также образцы из переотложенных горизонтов. По морфологии всю выборку керамики можно разделить на 4 культурно-хронологические группы: общеболгарская ремесленная керамика I группы и лепная керамика традиционных групп золотоордынского времени (Хлебникова, 1988, с. 8–102); лепная керамика из ранних и домонгольских напластований Болгара; ремесленная керамика XVIII–XIX вв. Остановимся кратко на описании керамики в контексте произведенной выборки образцов.

Группа керамики I «общеболгарская» (73 фрагмента, в таблице 2: 1–73). Общеболгарскую неполивную посуду исследователи относят к ремесленной керамике. Представлена она широким ассортиментом изделий, обеспечивающих бытовые потребности населения: посуда, техническая керамика, изделия специального назначения. Она имеет красно-коричневый цвет, плотную структуру черепка, в большинстве случаев поверхность обработана лощением и орнаментирована (Бахматова, Куклина, 2014, с. 236–237). Кроме образцов из культурного слоя в выборки вошли образцы, происходящие из двух производственных комплексов – из горнового комплекса в районе Голландского озера (раскоп 70) и комплекса в районе современного Речного вокзала (раскоп 182). Оба комплекса датируются позднезолотоордынским временем.

Лепная керамика традиционных групп представлена образцами наиболее характерных для болгарского городища групп: группа VII (таблица 2: 74–77), группа XIII (таблица 2: 82–97), группа XIV (таблица 2: 98–104), группа XVI (таблица 2: 79–80), группа XVII (таблица 2: 81), группа XVIII (таблица 2: 105–109), группа XIX (таблица 2: 110–115). Также было отобрано несколько образцов синхронной керамики импортного происхождения: фрагменты амфорной тары и фрагмент штампованного сосуда (таблица 2: 116–118).

Керамика, характеризующая напластования домонгольского времени из переотложенного слоя представ-

[4] Авторы статьи выражают благодарность авторам раскопок на Болгарском городище, предоставившим свои материалы для изучения: раскоп 70 работы И.Н. Васильевой в 1982 г.; раскопы 149 и 151 работы В.С. Баранова и Р.Р. Валиева в 2010 г.; раскоп 156 работы М.В. Сивицкого и В.С. Баранова в 2011 г; раскоп 162 работы В.Ю. Коваля и В.С. Баранова в 2011 г.; раскоп 168 работы А.В. Беляева и Р.Р. Валиева; раскоп 182 работы Т.Р. Губайдуллина и В.С. Баранова в 2012 г. А также выражают благодарность всем сотрудникам Болгарской археологической экспедиции в период 2012–2014 гг., участвовавших в отборе образцов сырья.

Таблица 2

Каталог серии образцов керамики из раскопов Болгара.

№ п/п	Шифр	Описание	Топографическая привязка, № раскопа	Хронология
Группа неполивной керамики I "общеболгарская" (73 фр.)				
Техническая керамика: сфероконусы (8 фр.)				
1.	1-17 (СФ)	фрагмент верхней части сосуда красного цвета	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
2.	1-18 (СФ)	фрагмент нижней части сосуда красного цвета с лощением		
3.	1-19 (СФ)	фрагмент верхней части сосуда красного цвета с лощением		
4.	1-20 (СФ)	фрагмент верхней части сосуда красного цвета с лощением		
5.	1-21 (СФ)	фрагмент верхней части сосуда красного цвета с лощением		
6.	2-37 (СФ)	фрагмент стенки сосуда красного цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	
7.	2-38 (СФ)	фрагмент нижней части сосуда красного цвета		
8.	2-39 (СФ)	фрагмент стенки сосуда красного цвета		
Техническая керамика: трубы (6 фр.)				
9.	2-33 (I)	фрагмент стенки керамической водопроводной трубы коричневого цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
10.	2-34 (I)	фрагмент стенки керамической трубы красного цвета		
11.	2-36 (I)	фрагмент стенки керамической дымогарной трубы		
12.	168-1 (I)	фрагмент стенки керамической дымогарной трубы коричневого цвета	Район Восточного мавзолея в центральной части городища (Р.168).	
13.	168-4 (I)	фрагмент стенки керамической дымогарной трубы коричневого цвета		
14.	168-6 (I)	фрагмент стенки керамической дымогарной трубы коричневого цвета		
Столовая посуда: чаша (1 фр)				
15.	14/13 (I)	фрагмент стенки сосуда красно-коричневого цвета, орнаментированный	Производственный комплекс в районе современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.182)	слой IVп позднезолотоордынский (30-е гг. XIV – 1431 г.)
Тарная посуда: корчаги (15 фр.)				
16.	2-5 (I)	фрагмент венчика сосуда буро-коричневого цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
17.	2-18 (I)	фрагмент стенки сосуда красного цвета		
18.	2-9 (I)	фрагмент придонной части сосуда красного цвета		
19.	2-6 (I)	фрагмент венчика сосуда красного цвета		

20.	34/13 (I)	венчик сосуда красно-коричневого цвета	Производственный комплекс в районе Голландского озера в юго-западной части Болгарского городища (Р.70)	слой IVп позднезолотоордынский (30-е гг. XIV – 1431 г.)
21.	39/13 (I)	придонная часть сосуда красно-коричневого цвета, пористый		
22.	35/13 (I)	фрагмент стенки сосуда красно-коричневого цвета, орнаментированный		
23.	27/13 (I)	венчик сосуда красно-коричневого цвета		
24.	31/13 (I)	фрагмент венчика сосуда красного цвета		
25.	40/13 (I)	придонная часть стенки сосуда красно-коричневого цвета, пористый		
26.	33/13 (I)	дно сосуда красно-коричневого цвета, пористый		
27.	24/13 (I)	придонная часть сосуда красно-коричневого цвета, пористый		
28.	32/13 (I)	придонная часть сосуда красно-коричневого цвета, пористый		
29.	25/13 (I)	придонная часть сосуда красно-коричневого цвета		
30.	20/13 (I)	фрагмент дна сосуда красно-коричневого цвета	Производственный комплекс в районе современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.182)	
31.	9/13 (I)	фрагмент стенки сосуда красно-коричневого цвета		
32.	16/13 (I)	фрагмент стенки сосуда красно-коричневого цвета		
Кухонная посуда: горшки (15 фр.)				
33.	2-12 (I)	фрагмент венчика сосуда буро-коричневого цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
34.	2-16 (I)	фрагмент венчика сосуда красного цвета		
35.	2-17 (I)	фрагмент стенки сосуда красного цвета		
36.	2/13 (I)	фрагменты стенок сосудов красно-коричневого цвета	Производственный комплекс в районе современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.182)	слой IVп позднезолотоордынский (30-е гг. XIV – 1431 г.)
37.	6/13 (I)			
38.	8/13 (I)			
39.	3/13 (I)			
40.	7/13 (I)			
41.	4/13 (I)			
42.	1/13 (I)			
43.	5/13 (I)			
44.	11/13 (I)			
45.	12/13 (I)			
46.	10/13 (I)			
47.	15/13 (I)			
Столовая посуда: кружки (3 фр.)				
48.	2-10 (I)	фрагмент венчика сосуда красного цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)

49.	19/13 (I)	фрагмент стенки сосуда красно-коричневого цвета	Производственный комплекс в районе современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.182)	слой IVп позднезолотоордынский (30-е гг. XIV – 1431 г.)
50.	13/13 (I)	фрагмент стенки сосуда красно-коричневого цвета		
Столовая посуда: кувшины (4 фр.)				
51.	2-8 (I)	фрагмент горловины сосуда красного цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
52.	18/13 (I)	фрагмент горловины сосуда, красно-коричневого цвета, орнаментированный	Производственный комплекс в районе современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.182)	слой IVп позднезолотоордынский (30-е гг. XIV – 1431 г.)
53.	17/13 (I)	фрагмент горловины сосуда, красно-коричневого цвета		
54.	28/13 (I)	фрагмент венчика орнаментированного сосуда	Производственный комплекс в районе Голландского озера в юго-западной части Болгарского городища (Р.70)	
Посуда неопределённого назначения (19 фр.)				
55.	2-7 (I)	фрагмент стенок сосудов красно-коричневого цвета без видимых примесей в тесте	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
56.	2-11 (I)			
57.	2-14 (I)			
58.	2-15 (I)			
59.	2-19 (I)			
60.	2-20 (I)			
61.	2-21 (I)			
62.	2-22 (I)			
63.	2-24 (I)			
64.	2-25 (I)			
65.	2-26 (I)			
66.	38/13 (I)	фрагмент стенки сосуда с ручкой, красно-коричневого цвета	Производственный комплекс в районе Голландского озера в юго-западной части Болгарского городища (Р.70)	слой IVп позднезолотоордынский (30-е гг. XIV – 1431 г.)
67.	30/13 (I)	Фрагменты придонных частей сосудов красно-коричневого цвета без видимых примесей в тесте		
68.	22/13 (I)			
69.	23/13 (I)			
70.	26/13 (I)			
71.	37/13 (I)			
72.	29/13 (I)			
73.	21/13 (I)	фрагмент дна сосуда красно-коричневого цвета	Производственный комплекс в районе современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.182)	

Группа неполивной керамики VII «прикамская». Кухонная посуда: горшки (4 фр.)				
74.	1-5 (VII)	Фрагмент стенки сосуда серого цвета с примесью толчёной раковины	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
75.	1-15 (VII)	фрагмент венчика сосуда серого цвета с примесью песка и толчёной раковины, орнаментированный		
76.	2-51 (VII)	фрагмент венчика сосуда серого цвета, с примесью толчёной раковины, орнаментированный	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	
77.	2-52(VII)	фрагмент венчика сосуда серого цвета, с примесью толчёной раковины, орнаментированный		
Группа неполивной керамики XI? Кухонная посуда: горшок (1 фр.)				
78.	2-48 (XI?)	фрагмент дна сосуда с коричневого цвета с примесью шамота	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	смешанно вскрытый горизонт
Группа неполивной керамики XVI «славяноидная». Кухонная посуда: горшки (2 фр.)				
79.	2-43 (XVI)	фрагмент венчика сосуда коричневого цвета с примесью толчёной раковины	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
80.	1-9 (XVI)	фрагмент стенки сосуда коричневого цвета с примесью толчёной раковины	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	
Группа неполивной керамики XVII «суварская». Кухонная посуда: горшок (1 фр.)				
81.	2-44 (XVII)	фрагмент стенки сосуда серо-коричневого цвета с примесью песка	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	смешанно вскрытый горизонт
Группа неполивной керамики XIII «джукетау». Кухонная посуда: горшки(16 фр.)				
82.	2-27 (XIII)	фрагмент венчика сосуда жёлто-коричневого цвета, с примесью заметного песка	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
83.	2-57 (XIII)	фрагмент стенки сосуда буро-серого цвета, с примесью заметного песка		
84.	2-47 (XIII)	фрагмент стенки сосуда серого цвета, с примесью заметного песка		
85.	168-12 (XIII)	фрагмент стенки сосуда серо-коричневого цвета, с примесью заметного песка	Район Восточного мавзолея в центральной части Болгарского городища (Р.168).	
86.	168-7 (XIII)	фрагмент стенки сосуда малинового цвета, с примесью заметного песка		
87.	3-9 (XIII)	фрагмент стенки сосуда малиново-коричневого цвета, с примесью заметного песка	Район современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.151)	
88.	3-10 (XIII)	фрагмент стенки сосуда малиново-коричневого цвета, с примесью заметного песка		
87.	3-9 (XIII)	фрагмент стенки сосуда малиново-коричневого цвета, с примесью заметного песка	Район современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.151)	
88.	3-10 (XIII)	фрагмент стенки сосуда малиново-коричневого цвета, с примесью заметного песка		

89.	1-8 (XIII)	Фрагмент стенки сосуда красно-коричневого цвета, с примесью заметного песка	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
90.	3-1(XIII)	фрагмент ручки сосуда жёлто-коричневого цвета, с примесью заметного песка	Район современного Речного Вокзала в нагорной части Болгарского городища (Р.149)	
91.	3-2(XIII)	Фрагменты стенок сосудов буро-коричневого цвета, с примесью заметного песка		
92.	3-3(XIII)			
93.	3-4(XIII)			слой IVп позднезолотоордынский (30-е гг. XIV – 1431 г.)
94.	3-5(XIII)			
95.	3-6(XIII)			
96.	3-7(XIII)			
97.	3-8(XIII)			
Группа неполивной керамики XIV «древнерусская». Кухонная посуда: горшки (7 фр.)				
98.	1-3 (XIV)	фрагмент стенки сосуда серого цвета с примесью дресвы	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
99.	1-4 (XIV)	фрагмент стенки сосуда коричневого цвета с примесью дресвы и песка		
100.	2-53 (XIV)	фрагмент венчика сосуда буро-коричневого цвета с примесью дресвы	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	
101.	2-54 (XIV)	фрагмент венчика сосуда буро-коричневого цвета с примесью дресвы		
102.	2-55 (XIV)	фрагмент венчика сосуда буро-коричневого цвета с примесью дресвы		
103.	2-56 (XIV)	фрагмент венчика сосуда буро-коричневого цвета с примесью дресвы		
104.	2-58 (XIV)	фрагмент венчика сосуда буро-коричневого цвета с примесью дресвы		
Группа неполивной керамики XVIII «приуральская». Кухонная посуда: котлы (5 фр.)				
105.	1-6 (XVIII)	фрагмент стенки сосуда серого цвета с примесью песка и толчёной раковины	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
106.	2-45 (XVIII)	фрагмент ручки сосуда серого цвета с примесью толчёной раковины	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	
107.	2-46 (XVIII)	фрагмент венчика сосуда серо-коричневого цвета с толчёной раковиной в тесте		
108.	168-3 (XVIII)	Фрагмент стенки сосуда серого цвета с примесью толчёной раковины	Район Восточного мавзолея в центральной части Болгарского городища (Р.168).	
109.	168-5 (XVIII)	Фрагмент стенки сосуда серого цвета с примесью толчёной раковины		
Группа неполивной керамики XIX (6 фр.)				
Кухонная посуда: котлы (5 фр.)				
110.	2-28 (XIX)	фрагмент венчика сосуда серого цвета без видимых примесей в тесте	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
111.	2-30 (XIX)	фрагмент стенки сосуда серого цвета без видимых примесей в тесте		
112.	2-31 (XIX)	фрагмент стенки сосуда серого цвета без видимых примесей в тесте		

113.	1-14 (XIX)	фрагмент стенки сосуда серого цвета без видимых примесей в тесте	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
Техническая керамика: светильник (1 фр.)				
114.	2-13 (XIX)	фрагмент сосуда серого цвета без видимых примесей в тесте	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
Специальная посуда: крышка (1 фр.)				
115.	2-32 (XIX)	фрагмент стенки сосуда серого цвета без видимых примесей в тесте	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
Группа неполивной керамики импортного происхождения (3 фр.)				
116.	2-3 (ИН/ АМ)	фрагмент стенки сосуда (амфора) коричневого цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой IV золотоордынский (вторая половина XIII - XIV вв.)
117.	2-23 (ИН)	фрагмент стенки штампованного сосуда серого цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	
118.	1-11 (ИН)	фрагмент стенки сосуда жёлто-коричневого цвета, ангобированный	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	
Группа неполивной керамики Именьковской культуры (?). Кухонная посуда: горшки (2 фр.)				
119.	2-49 (ИАК)	фрагмент венчика сосуда с примесью шамота	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	смешанно вскрытый горизонт
120.	168-2 (ИАК)	фрагмент сосуда коричневого цвета с примесью шамота и органики	Район Восточного мавзолея в центральной части городища (Р.168).	
Группа лепной керамики с грубыми примесями (2 фр.)				
121.	2-35 (ГП)	фрагмент венчика сосуда с примесью крупного песка	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	смешанно вскрытый горизонт
122.	1-13 (ГП)	фрагмент стенки лепного сосуда с примесью дресвы и шамота	Район Памятного Знака в нагорной части Болгарского городища (Р.156)	смешанно вскрытый горизонт
	Группа неполивной керамики времени существования русского села. Тарная посуда: корчаги (5 фр.)			
123.	2-40 (РСМ)	фрагмент венчика сосуда серого цвета	Центральная часть Болгарского городища. Рынок золотоордынского времени (Р.162)	слой II (XVIII-XIX вв.)
124.	168-8 (РСМ)	фрагмент стенки сосуда серого цвета	Район Восточного мавзолея в центральной части Болгарского городища (Р.168).	
125.	168-9 (РСМ)	фрагмент стенки сосуда серого цвета		
126.	168-10 (РСМ)	фрагмент стенки сосуда серого цвета		
127.	168-11 (РСМ)	фрагмент стенки сосуда серого цвета		

лена фрагментами лепной керамики (таблица 2: 78, 119–122): 2 фрагмента предположительно относятся к именьковской археологической культуре, культурно-хронологическая принадлежность 2 фрагментов с грубыми примесями не определена, 1 фрагмент предположительно относится к XI группе общей классификации неполивной керамики памятников Волжской Болгарии (Хлебникова, 1984).

Керамика из слоя XVIII–XIX вв. представлена фрагментами сероглиняной керамики с лощением и без лощения (таблица 2: 123–127). Общая численность выборки составила 123 образца.

Отбор образцов глинистого сырья. Методической основой работы по отбору образцов глинистого сырья стала теория о том, что для средневековых гончарных производств сырьевой базой служила территория в радиусе до 10 км от мастерской гончара (Цетлин, 2012, с. 60–61, Arnold, 1985, Rice, 1987, p. 116). План отбора образцов глинистого сырья включал обследование территории нагорной части Болгарского городища и отбор образцов в окрестностях самого памятника, в том числе в труднодоступной зоне затопления Куйбышевского водохранилища. Таким образом, в соответствии с топографическим микрорайонированием всю территорию отбора можно подразделить следующим образом:

– окрестная территория, примыкающая к укреплениям городища с восточной стороны (береговая зона Куйбышевского водохранилища около п. Приволжский и с. Ржавец) – образцы Г7/1, Г7/2, Г7/3;

– окрестная территория, примыкающая к городищу с западной стороны (береговая зона Куйбышевского водохранилища в районе местонахождения Ага-Базар) – образцы БГ14-5, БГ14-7, БГ14-4;

– окрестная территория в подгорной части памятника (бывшая пойма рч. Меленки, затопленная водохранилищем, острова) – образцы БГ14-2, БГ14-9, БГ14-10;

– восточная часть городища в границах укреплений (зона овражной эрозии Большого иерусалимского оврага) – образцы БГ3-13, БГ6-13, БГ2-13, БГ5-13, БГ7-13, БГ4-13;

– северная часть городища в районе современного Речного вокзала

– образцы БГ9-13, БГ8-13, БГ14-6, БГ14-3, БГ14-1;

– юго-западная часть, в районе Голландского озера – образец БГ1-13;

– центральная часть Болгарского городища, в районе существования золотоордынского рынка – образцы БГ10-13, БГ14-8.

В итоге было отобрано 23 образца глинистого сырья (рис. 5).

Районы и места отбора сырья для производства керамики по минералогическому составу. Идентификация керамики и сырьевого источника была проведена в два этапа. Первоначально образцы керамики и сырья были разделены на группы в соответствии с их качественным составом. Таким образом, в серии образцов керамики выделилось 24 группы или условных района отбора сырья, в каждой группе выделены подгруппы. Серия образцов сырья разделилась на 4 группы (табл. 3). Затем группы по качественному составу сырья и керамики были соотнесены друг с другом. Второй этап идентификации – это анализ количественных показателей внутри каждой группы.

Экспериментальные исследования изменений минералогического состава керамики показали, что наиболее статичными являются качественные и количественные характеристики, относящиеся к алевритовой компоненте петрографического состава. На количественные и качественные характеристики других фракций могут оказывать влияние добавляемые примеси или дополнительные мероприятия по подготовке сырья (отмучивание). Анализ качественных характеристик алевритовой фракции петрографического состава дал нижеследующие результаты.

Совпадение 1 (рис. 2). В данную группу совпадений вошли пробы сырья, отобранные в нагорной части Болгарского городища (образцы БГ 1-13, БГ 2-13, БГ 9-13, БГ 8-13, БГ 4-13, БГ 5-13, БГ 6-13, БГ 10-13) и керамика I группы из производственного комплекса в районе Речного вокзала (образцы 1\13(I), 3\13(I), 5\13(I), 6\13(I), 7\13(I), 8\13(I), 9\13(I), 10\13(I), 11\13(I), 12\13(I), 13\13(I), 14\13(I), 15\13(I), 16\13(I), 18\13(I), 19\13(I), 20\13(I), 21\13(I)).

Совпадение 2 (рис. 1). Это совпадение касается одного из образцов глинистого сырья, отобранного в подгорной части поймы рч. Меленки, затопленной Куйбышевским водохранилищем (образец БГ14-9) и керамики I группы из двух производственных комплексов в районе Голландского озера (образцы 22/13(I), 30/13(I), 34/13(I)) и в районе Речного вокзала (2/13(I), 4/13(I), 17/13(I)).

Совпадение 3 (рис. 1). Состав керамики I группы из производственных комплексов в районе Голландского озера (образцы 22/13(I), 30/13(I), 34/13(I)) и Речного вокзала (2/13(I), 4/13(I), 17/13(I)) по качественно-количественным характеристикам совпадает с одной из проб сырья, отобранных в нагорной части Болгарского городища в районе Речного вокзала (образец БГ14-6). Данный образец вполне сопоставим с тремя фрагментами керамики из поздних (XVIII–XIX вв.) напластований Болгара (168-8(РСМ),168-9(РСМ), 168-10(РСМ)).

Совпадение 4 (рис. 2). Минералогический состав керамических дымогарных труб (образцы 168-1(I), 168-4(I), 168-6(I)) схож с составом пробы глинистого сырья, отобранной в окрестностях Болгарского городища в районе с. Ржавец (образец г7-3).

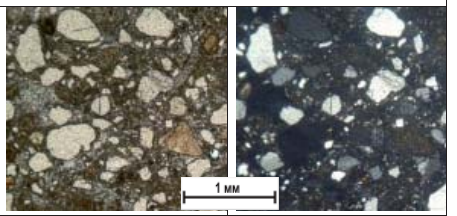
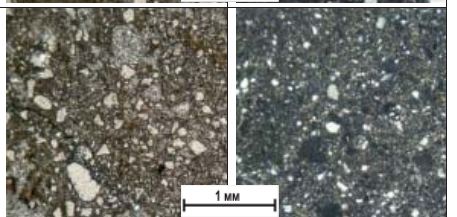
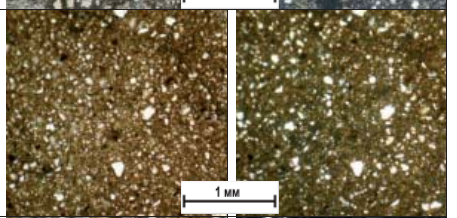
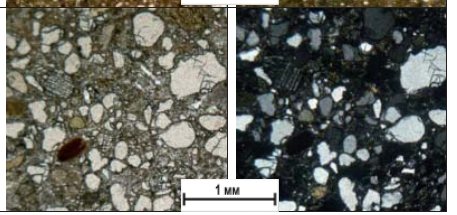
Совпадение 5. Без учета характеристик песчаной размерности вполне сопоставимы по минералогическому составу образцы сырья, отобранные в районе Большого иерусалимского оврага (образцы БГ3-13, БГ7-13) и образец керамики группы XIX (образец 2-31 (XIX)).

Таким образом, посредством сопоставления минералогического состава образцов сырья и образцов керамики с разной долей достоверности мы получили несколько интересных совпадений в системе «источник сырья – керамика». Полученные данные позволяют некоторым образом охарактеризовать потенциальную сырьевую базу для изготовления некоторых групп неполивной керамики.

Для изготовления керамики I общеболгарской группы применялось глинистое сырье нескольких категорий. Для изготовления посуды, образцы которой отобраны из производственных комплексов, использовалось монтмориллонитовое сырье с алеврo-мелкопесчаной или крупноалеврито-

Таблица 3

Минералогический состав образцов сырья по данным петрографического анализа.

Группа	Основа	Алевритовая компонента: от общего количества обломочной части	Песчаная компонента: от общего количества обломочной части	Прочее	Образцы	Фото шлифов: слева – в одном николе, справа – в скрещенных николях.
I	Основа: 60%. Минеральный состав: монтмориллонит, гидрослюды, хлорит. Общая обломочная часть 40%	30%. Средний размер зёрен 0,03-0,05 мм. Минеральный состав: кварц 70%, полевые шпаты 10%, мусковит 5%, обломки кремнистых пород 10%, прочие минералы 5%.	70%. Средний размер зёрен 0,3-0,5 мм. Минеральный состав: кварц 80%, полевые шпаты 10%, обломки метаморфических пород 5%, прочие минералы 5%.	Включения аргиллитов дресвяной размерности.	БГ 3-13, БГ 7-13	
II	Основа 65% Минеральный состав: гидрослюда, монтмориллонит, хлорит. Общая обломочная часть 35%	50%. Средний размер зёрен 0,02-0,05 мм. Минеральный состав: кварц 60%, полевые шпаты 25%, мусковит 5%, обломки кремнистых пород 10%.	60%. Средний размер зёрен 0,2-0,4 мм. Минеральный состав: кварц 60%, полевые шпаты 30%, обломки кремнистых пород 10%.	отсутствует	БГ 1-13 БГ 2-13 БГ 9-13 БГ 8-13 БГ 4-13 БГ 5-13 БГ 6-13 БГ 10-13	
III	Основа 40-65% Общая обломочная часть 35-60%.	30-70%. Средний размер зёрен 0,04-0,08 мм. Минеральный состав: кварц 60-75%, полевые шпаты 10-30%, обломки кремнистых пород 10-20%.	15-55%. Средний размер зёрен 0,1-0,2 мм. Минеральный состав: кварц 60-85%, полевые шпаты 5-25%, обломки кремнистых пород 5-15%,	Глинистые включения чёрного цвета: 5-20%. Средний размер зёрен 0,05-0,15 мм.	ПГ III 1: БГ14-1 БГ14-5 БГ14-7 БГ14-8, ПГ III 2: БГ14-3 ПГ III 3: БГ14-2 БГ14-4 БГ14-6 БГ14-9 БГ14-10	
IV	Основа 65-70% Минеральный состав: каолинит, смектит, хлорит, гидрослюда. Общая обломочная часть 30-35%	30-55%. Средний размер зёрен 0,02-0,07 мм. Минеральный состав: кварц 60-80%, полевые шпаты 10%, обломки кремнистых пород 0-10%, обломки горных пород 0-15%, прочие минералы 0-15%.	40-65%. Средний размер зёрен 0,15-0,3 мм. Минеральный состав: кварц 70-80%, полевые шпаты 10%, обломки горных пород 0-20%, обломки кремнистых пород 0-10%.	Глинистые комковатые минералы 5%	г 7-1 г 7-2 г 7-3	

вой и мелкопесчаной примесью зерен минералов осадочного происхождения (кварц, полевые шпаты, обломки кремнистых пород). Общее соотношение глинистого минерала и обломочной компоненты 2:1. Из сырья такого же качества производилась керамика XVIII–XIX вв. Обозначенные характеристики объединяют большинство сырьевых проб, отобранных в нагорной и подгорной частях Болгарского городища (группы II и III).

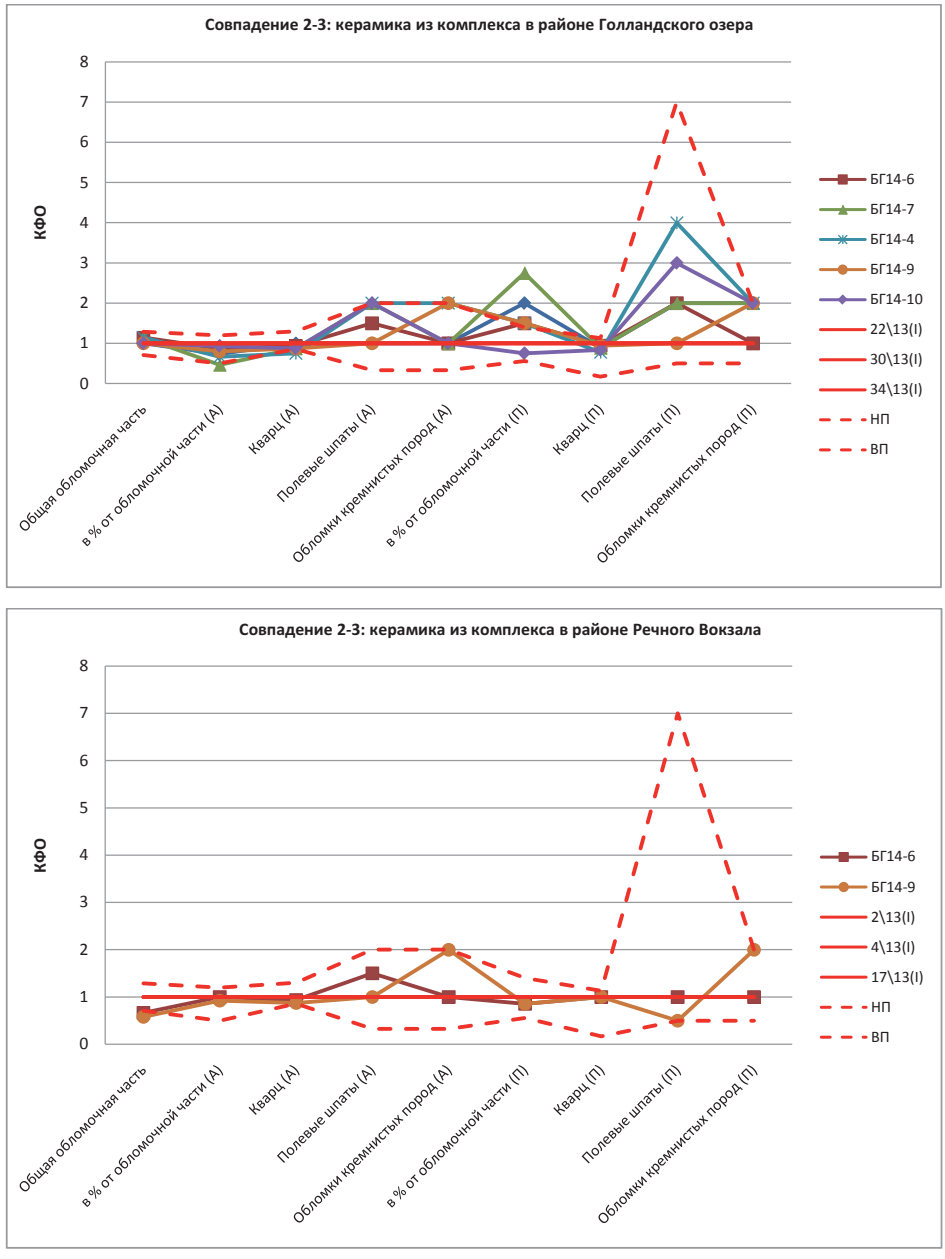
Для изготовления технической керамики (керамические трубы) предположительно было использовано каолинит-смектитовое глинистое сырье с алевро-мелкопесчаной примесью минералов осадочного происхождения (кварц, полевые шпаты, обломки кремнистых пород). Общее соотношение глинистого минерала и обломочной компоненты составляет примерно 2:1. Подходящий образец сырья отобран в районе восточной округи Болгарского городища (группа IV).

Для одного образца керамики группы XIX (2-31(XIX)) возможно применялось сырье, отобранное в районе Большого иерусалимского оврага (группа I), прошедшее предварительную очистку от зерен песчаной фракции. Это глинистое монтмориллонитовое сырье с примесью минералов осадочного происхождения (кварц, полевые шпаты, мусковит, обломки кремнистых пород, аргиллиты). Общее соотношение глинистого минерала и обломочной компоненты примерно 1,5:1.

Идентификация сырьевых источников по результатам анализа химического состава. Результаты идентификации по химическому составу образцов приведены в соответствии с условными районами по качественным характеристикам петрографического состава. Результаты анализа выявили 6 совпадений по химическому составу между образцами сырья, относящиеся к группе III, и образцами керамики I общеболгарской группы из двух производственных комплексов.

Совпадения 1, 5 и 6 касаются проб сырья, отобранных в подгорной части Болгара на территории, затопленной Куйбышевским водохранилищем (образцы БГ14-9, БГ14-2, БГ14-10). Образцы БГ14-9 и БГ14-10 по элементному составу соотносятся только с керамикой из производственных комплексов в районе Голландского озера и Речного вокзала. Проба сырья БГ14-2 близка по химическому составу не только образцам из производственных комплексов, но и двум образцам I группы, отобранных вне данных комплексов. Совпадения 3 и 4 объединяют пробы сырья, отобранные в районе местонахождения Ага-Базар (образцы БГ14-5, БГ14-4) и несколько образцов из производственного комплекса в районе Речного вокзала. Совпадение 2 касается пробы сырья из нагорной части городища, отобранной в районе Речного вокзала (образец БГ14-6) и керамики из упомянутых производственных комплексов (рис. 3; 4).

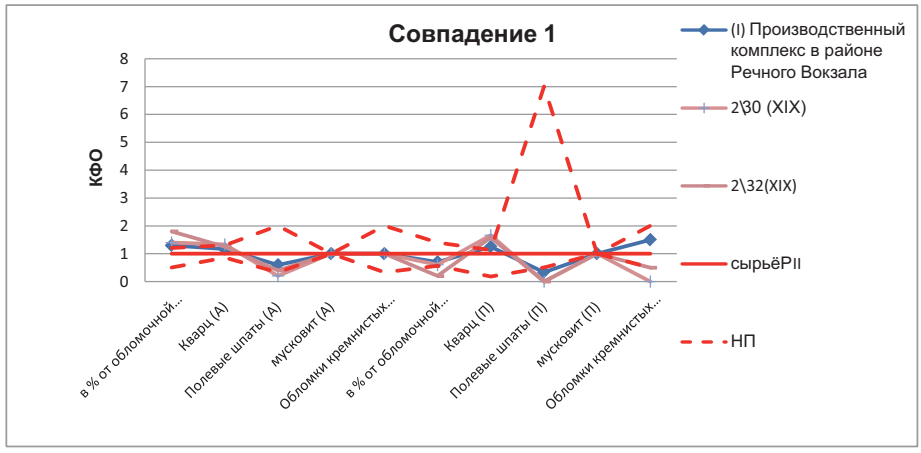
Таким образом, в результате анализа химического состава удалось идентифицировать сырьевые источники только для образцов керамики I общеболгарской группы, большинство которых относится к производственным комплексам. В данном районе выявились несколько групп совпадений по химическому составу для образцов глинистого сырья, отобранных преимущественно в подгорной части памятника.

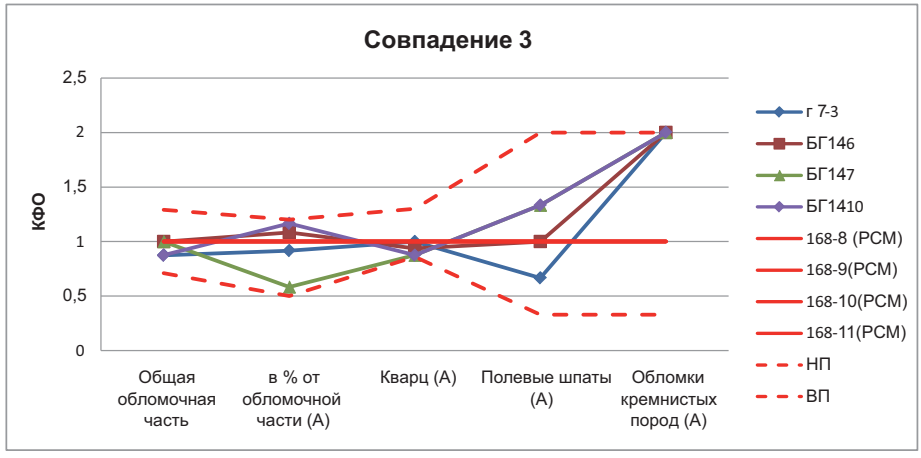


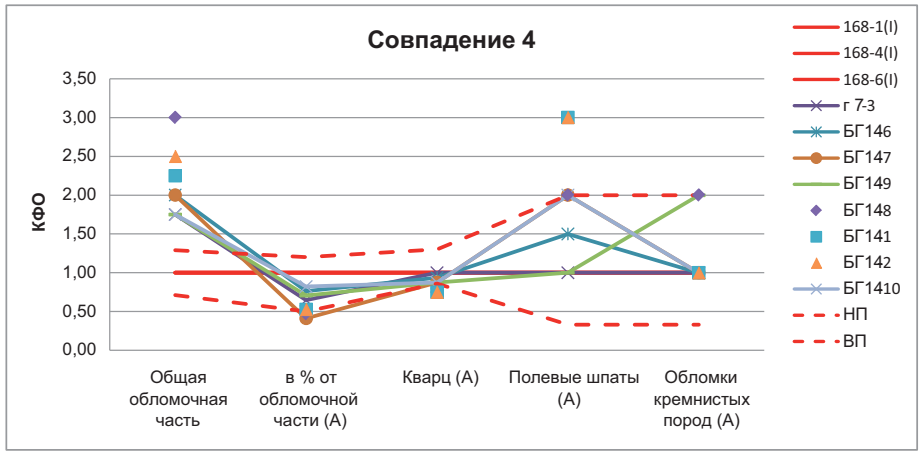
А – алевритовая размерность, П – песчаная размерность.

Рис. 1. Графики сопоставления минералогического состава образцов сырья с образцами керамики: совпадения 2–3.

Fig. 1. Comparison graphs of the mineralogical composition of feedstock and ceramic samples: matches 2–3.







А - алевритовая размерность, П - песчаная размерность

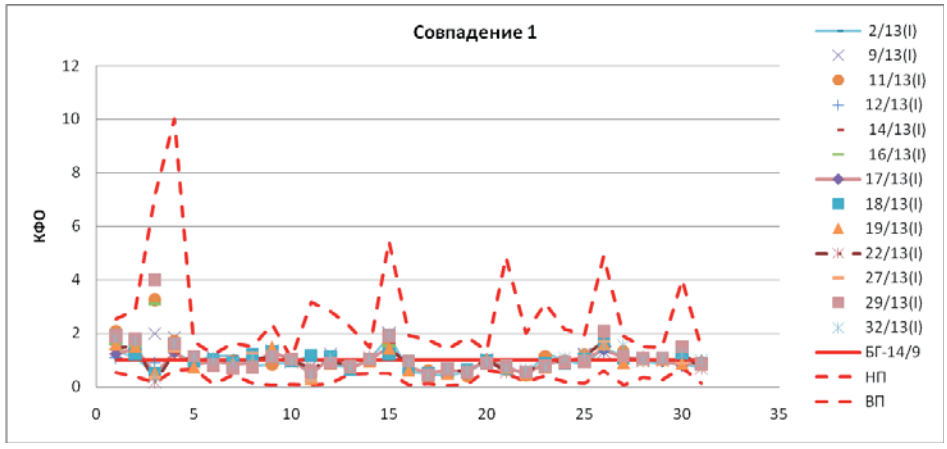
Рис. 2. Графики сопоставления минералогического состава образцов сырья с образцами керамики: совпадения 1, 3, 4.

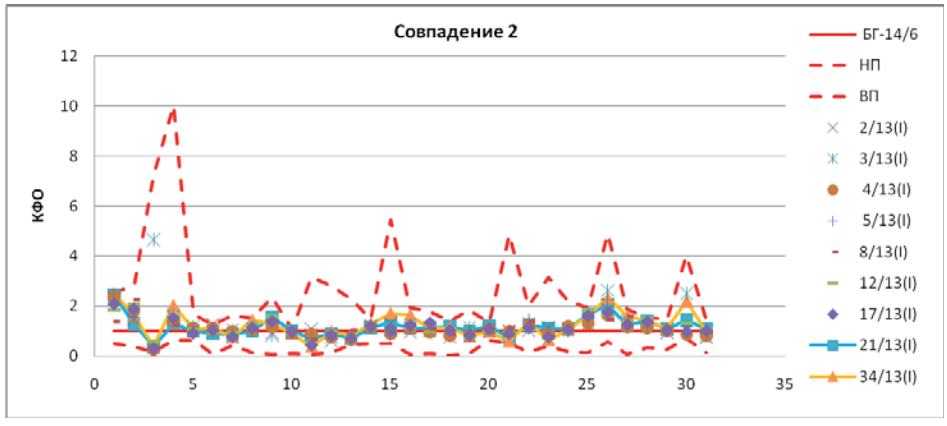
Fig. 2. Comparison graphs of the mineralogical composition of feedstock and ceramic samples: matches 1, 3, 4.

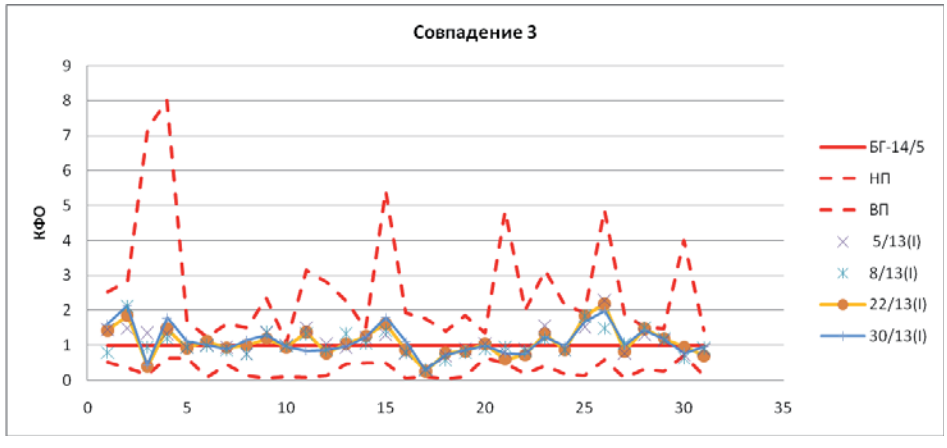
Обсуждение. В методическом плане группировка образцов сырья по качественному минералогическому составу не во всех случаях совпала с реальными районами отбора проб глинистого сырья. Это совершенно не означает, что данная методика не имеет право на существование по следующим причинам. Во-первых, выделение условных районов и мест отбора сырья апробировалось автором этого подхода на результатах микроскопического анализа керамики по методике технико-технологического анализа. Такой анализ не предполагает установление минерального состава включений размером менее 0,1 мм. В данном исследовании в качестве источника были взяты аналитические показатели качественно другого рода. Применение данных естественнонаучных методов в методике выделения условных районов и мест отбора сырья нуждается в дополнительном изучении. Во-вторых, минералогический состав песчано-глинистых отложений в подгорной и нагорной частях городища очень схож по своим качественным характеристикам. Это обусловлено, прежде всего, родственной природой четвертичных отложений, из которых были отобраны все образцы сырья (Государственная геологическая карта РФ, 1999, с. 48–81; Генплан г. Болгар, 2010, с. 5–7).

Не случайно и то обстоятельство, что результаты идентификации касаются преимущественно керамики I общеболгарской группы, имеющей свои традиции производства и отбора сырья. Для изготовления лепной керамики традиционных групп использовалось в большинстве своем специфическое по качественным характеристикам сырье, в котором отсутствует алевритовая (зерна размером 0,01–0,1 мм) составляющая. Данное обстоятельство приводит к мысли об отборе сырья иного происхождения, возможно, не доступного для отбора и изучения в настоящее время. Вероятнее всего, сырье для изготовления керамики традиционных групп также отбиралось в окрестностях подгорной части Болгара, но для этого применялись другие по качеству глинистые отложения.

Несмотря на перечисленные обстоятельства, все-таки удалось по результатам двух методов получить некоторые совпадения в системе «источник сырья – керамика». Сопоставим полученные данные. Наибольший интерес вызывает распределение образцов керамики из производственных комплексов, функционировавших примерно в одно время. По результатам сопоставления минералогического и химического составов керамики наибольшие совпадения обнаружены с составом сырья, отобранного в подгорной части Болгарского городища (проба БГ14-9) и в нагорной части памятника в районе современного Речного вокзала (проба БГ14-6). Эти образцы отобраны в разных местах, но имеют схожие качественно-количественные характеристики минерального и химического составов. Совпадения обнаружены для керамики из обоих комплексов. К этой группе совпадений по химическому составу тяготеют и другие образцы, отобранные в подгорной части (пробы БГ14-5, БГ14-4, БГ14-10), но это совпадение не подтвердилось результатами петрографии. А для образцов сырья группы II по минералогическому составу зафиксировано совпадение с большой группой образцов керамики



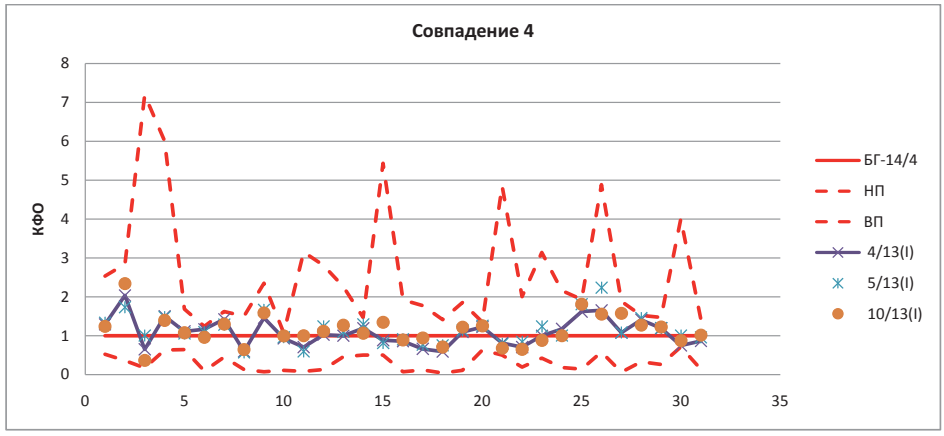


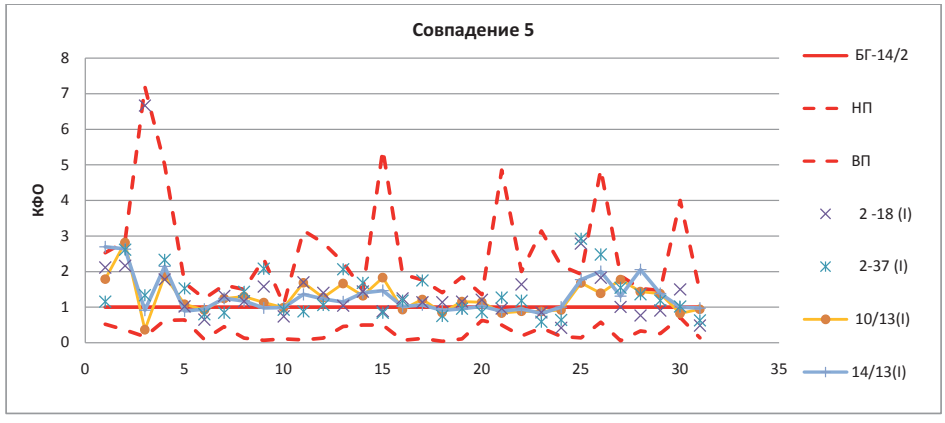


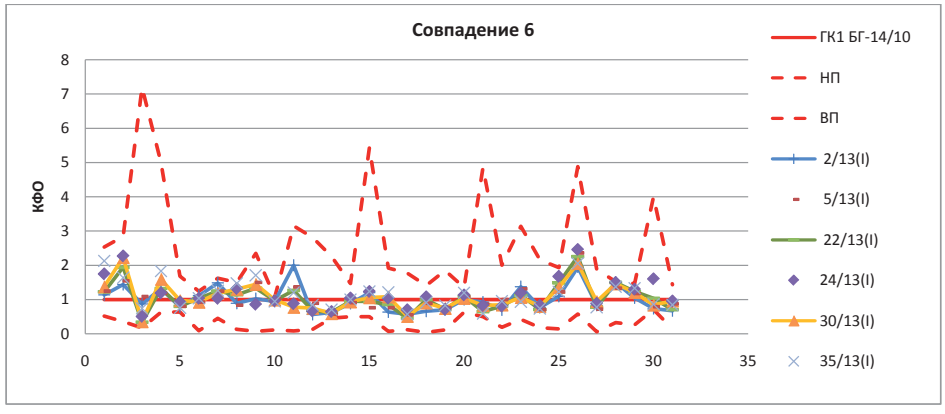
1-MnO, 2-TiO, 3-P2O5, 4-CaO, 5-Fe2O3, 6-Al2O3, 7-K2O, 8-MgO, 9-Na2O, 10-SiO2, 11-As, 12-B, 13-Ba, 14-Be, 15-Bi, 16-Co, 17-Cr, 18-Cu, 19-Ga, 20-Li, 21-Nb, 22-Ni, 23-Sb, 24-Sn, 25-Sc, 26-Sr, 27-V, 28-Y, 29-Yb, 30-Zn, 31-Zr

Рис. 3. Графики сопоставления химического состава образцов сырья с образцами керамики: совпадения 1, 2, 3.

Fig. 3. Comparison diagrams graphs of the chemical composition of feedstock and ceramic samples: matches 1, 2, 3.







1-MnO, 2-TiO, 3-P2O5, 4-CaO, 5-Fe2O3, 6-Al2O3, 7-K2O, 8-MgO, 9-Na2O, 10-SiO2, 11-As, 12-B, 13-Ba, 14-Be, 15-Bi, 16-Co, 17-Cr, 18-Cu, 19-Ga, 20-Li, 21-Nb, 22-Ni, 23-Sb, 24-Sn, 25-Sc, 26-Sr, 27-V, 28-Y, 29-Yb, 30-Zn, 31-Zr

Рис. 4. Графики сопоставления химического состава образцов сырья с образцами керамики: совпадения 4, 5, 6.

Fig. 4. Comparison graphs of the chemical composition of feedstock and ceramic samples: matches 4, 5, 6.

из комплекса в районе Речного вокзала, но анализ химического состава совпадений не выявил (рис. 5). Подобная ситуация касается и других групп совпадений, не нашедших подтверждений по результатам другого анализа. Образцы керамики импортного происхождения по качественным характеристикам минералогического состава оказались близки к составу керамики общеболгарской группы, но их количественные характеристики и химический состав значительным образом отличаются от керамики местного происхождения.

Выявленные совпадения позволили определить места отбора сырья преимущественно для керамики I общеболгарской группы. Обусловлено это, вероятно, качественными характеристиками существующей базы образцов сырья. Несмотря на отсутствие каких-либо совпадений в минералогическом и химическом составе для образцов керамики традиционных групп, ясно, что для производства большинства такой керамики использованы качественно другие сырьевые источники. Анализ их минералогического и химического составов показал высокую степень неоднородности составов между образцами одной и той же традиционной группы, что в очередной раз подтверждает индивидуальный характер изделий, ориентированный на собственное потребление. Выявленная полярность в традициях отбора сырья между производителями общеболгарской и традиционной керамики в очередной раз доказывает культурную неоднородность в среде гончаров Болгара. Анализ результатов данной выборки образцов выявил перспективу для предметного изучения среды гончаров, работавших на рынок (производители общеболгарской керамики). Наметившаяся связь традиций отбора сырья в одних и тех же местах для гончаров, работавших в разных производственных комплексах, дает повод к изучению вопросов о взаимосвязи этих двух комплексов, об организации производства и социальной структуре гончаров. Таким образом, решение конкретно поставленной задачи идентификации сырьевых источников в гончарном производстве дает широкие возможности для изучения и уточнения сведений о гончарстве и гончарных традициях населения Болгара.

Выводы. Апробация предложенного метода сопоставления числовых эквивалентов в идентификации мест отбора глинистого сырья имеет главным образом положительный результат. Выявленный экспериментальным путем комплекс признаков для сравнения можно считать достоверным. Для экстраполяции данного метода в другой археологический контекст обозначенный комплекс признаков будет нуждаться в дополнении. Обязательным условием достоверной идентификации районов и мест отбора сырья является использование данных, полученных комплексом нескольких методов. Идентификация источника сырья только на основании одного метода требует дополнительной проверки и подтверждения данными другого метода. Результаты определения районов, а особенно мест отбора глинистого сырья, на основании проведения исследований одним методом достоверными считать нельзя.

По итогам изучения данных петрографического и спектрального анализов 123 образцов керамики было

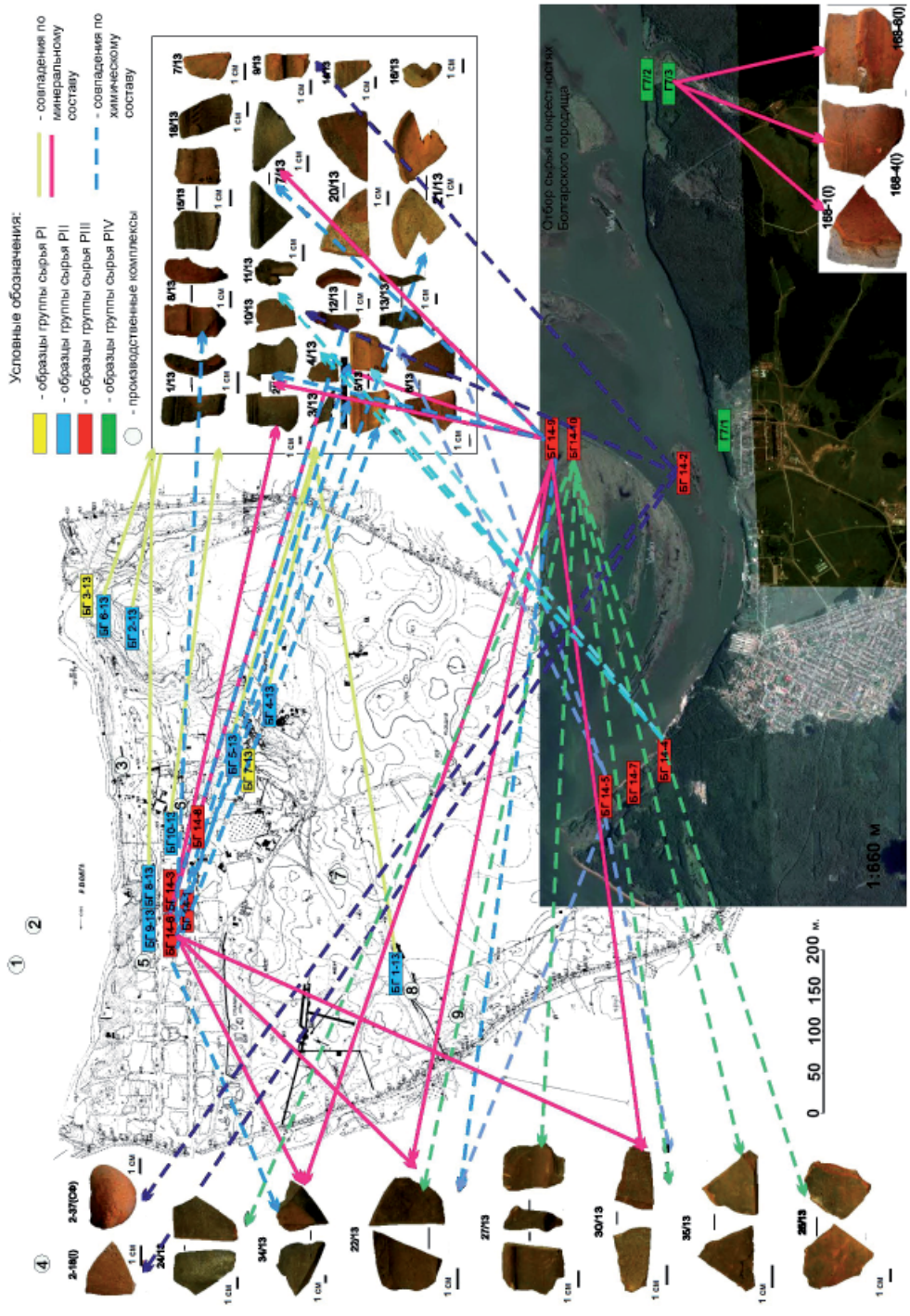


Рис. 5. Карта Болгарского городища и его окрестностей с местами отбора сырья и исследованными гончарными комплексами для обжига неполивной керамики.

Fig. 5. Map of Bolgar fortified settlement and the surrounding areas with feedstock capture locations and investigated pottery complexes for unglazed ceramic firing.

получено 45 идентификаций, из них только 5 можно считать достоверными. Все они относятся к одной морфологической группе (керамика I группы) и имеют схожие минералого-химические характеристики, которые присущи глинистому сырью в подгорной части Болгарского городища. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что потенциальной территорией отбора глинистого сырья для изготовления общеболгарской керамики в золотоордынском Болгаре преимущественно являлась подгорная часть городища и его округа, затопленная Куйбышевским водохранилищем.

Расширение базы образцов сырья на территории островов и прибрежной зоне Куйбышевского водохранилища позволит не только увеличить процент идентифицированных источников сырья для керамики I группы, но и найти сырье, отвечающее характеристикам сырья, использованного для изготовления керамики традиционных групп. Кроме расширения территории отбора образцов сырья перспективным является изучение ряда факторов, оказывающих влияние на состав неполивной керамики, а также внедрение в механизм идентификации новых методов естественнонаучного цикла.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аксёнова Н.Д.* Отчёт о работах на Болгарском городище в 1969 году. 1970 г. / Документальный фонд БГИАЗ. Инв. № 8-1.
2. *Баранов В.С.* Отчёт об охранных исследованиях на участке предстоящего благоустройства территории Речного Вокзала объекта культурного наследия федерального значения «Городище «Болгар» – столица Болгарского государства» в Спасском р-не РТ в 2012 году (раскоп CLXXXII). Часть II. Казань, 2016 г. / Научный фонд МАРТ.
3. *Бахматова В.Н., Куклина А.А.* О связи технологии изготовления общеболгарских керамических сосудов с их функциональным предназначением: характеристика формовочных масс (по материалам исследования Болгарского городища 2011–2012 гг.) // Поволжская археология. 2014. № 2(8). С. 230–255.
4. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства (коллективная монография) / Под ред. А.А. Бобринского. Самара: изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–106.
5. *Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
6. *Васильева И.Н.* О технологии производства неполивной керамики Болгарского городища / Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 103–148.
7. Генеральный план г. Болгар. Часть 2. Обосновывающая «Охрана окружающей среды» // Обоснование положений о территориальном планировании. Т. 5. Казань, 2010. С. 5–7, 132.
8. Государственная геологическая карта Российской Федерации. Масштаб 1:200000. Серия Средневолжская. Листы N-39-III (Чистополь), N-39-VIII (Камское Устье). N-39-IX (Алексеевское). Объяснительная записка. М., 1999. 143 с.
9. *Полякова Г.Ф.* Отчёт о работе на Болгарском городище в 1980 году. Раскоп LXX / Документальный фонд БГИАЗ. Инв. № 66-1. КП-405.
10. *Ситдиков А.Г.* Отчёт об археологических раскопках на Болгарском городище (раскоп CXCVI) в 2015 году. Т. I. Казань, 2016 г. / Научный фонд МАРТ.

11. Смирнов А.П. Волжские Булгары / Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 275 с.

12. Смирнов А.П. Керамический горн на болгарском поселении Ага-Базар // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 90–92.

13. Смирнов А.П. Очерки по истории древних булгар // Сборник статей по археологии СССР. Труды ГИМ. Вып. XI / Под ред. Д.Н. Эдинга. М.: Изд-во ГИМ, 1940. С. 55–136.

14. Смирнов А.П., Ефимова А.М., Акчурина З.А., Хованская О.С. Отчёт о работе на городище Великие Болгары в 1948 году / Хованская О.С. Отчёт II отряда / Документальный фонд БГИАЗ. Инв. № 40-2. КП-132.

15. Хлебникова Т.А. Гончарное производство Волжских Болгар X – начала XIII вв. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 4 / МИА. № 111 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 93–152.

16. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

17. Хлебникова Т.А. Неполивная керамика Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности / Отв. ред. Г.А. Фёдоров-Давыдов. М.: Наука, 1988. С. 8–102.

18. Хорошун Т.А. Опыт комплексного исследования керамики позднего неолита-раннего энеолита Карелии (IV–III тыс. до н.э.) // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24–27 мая 2016 г.) / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. С-Пб.: ИИМК РАН, 2016. С. 104–105.

19. Храмченкова Р.Х. Химический состав глин как индикатор сырьевого источника // Поволжская археология. 2014. №2 (8). С. 176–204.

20. Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М.: ИА РАН, 2012. 384 с.

21. Arnold D. Ceramic Theory and Cultural Process. Cambridge University Press Cambridge. 1985.

22. Gomart L., Gabriele M., Drieu L., Binder D., Azoulay S., Burr A., Convertini F., Durrenmath G., Lardeaux J.-M., Pasqualini An., Manen C., Regert M., Verati C. Early Western Mediterranean Impressed Wares (Early 6th millennium cal BCE): sourcing, production, uses and transfers Design of new interdisciplinary research and fi rst results at Pendimound rock-shelter (Alpes-Martimes, France) // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики. Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 24-27 мая 2016 г.). / Под ред. О.В. Лозовской, А.Н. Мазуркевича, Е.В. Долбуновой. С-Пб.: ИИМК РАН, 2016. С. 245–247.

23. Rice P.M. Pottery Analysis. A Sourcebook. The University of Chicago Press. Chicago and London. 1987.

Информация об авторах:

Бахматова Вера Николаевна, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); lyna-87@yandex.ru.

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

AREAS AND LOCATIONS OF FEEDSTOCK EXTRACTION FOR BOLGAR POTTERY: SOURCES AND IDENTIFICATION ISSUES (ON THE BASIS ON ANALYTICAL INVESTIGATION MATERIALS)[5]

V.N. Bakhmatova, A.G. Sitdikov

The article features the results of an research in a potential source of feedstock for Bolgar pottery production. The authors address the issues of history and techniques of studying certain aspects of Bolgar pottery. The article contains the results of the application of natural scientific and statistical methods in the field of identification of sampling areas and locations of feedstock for the production of unglazed ceramics. The chemical and mineralogical characteristics of feedstock and ceramic samples were used during identification. The investigation allows identify the sources of clay feedstock for the production of handicraft ceramics in Bolgar of the Golden Horde period. Of particular interest are the similarities with respect to ceramics from manufacturing complexes. A potential location of pottery feedstock extraction is the flood basin of the Melenka river (the aquatorium of Kuibyshev reservoir). The obtained results revealed considerable potential in the organization of investigations on the identification of feedstock sources. The authors outline the prospects of applying the proposed technique in the aspect of studying Bolgar pottery of the Golden Horde period.

Keywords: archaeology, Bolgar, unglazed ceramics, pottery trade, feedstock sources, natural scientific methods.

REFERENCES

1. Aksenova, N. D. 1970. *Otchet o rabotakh na Bolgarskom gorodishche v 1969 godu (Report on Works Conducted in Bolgar Settlement in 1969)*. Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 8-1 (in Russian).

2. Baranov, V. S. 2016. *Otchet ob okhrannykh issledovaniiakh na uchastke predstoiashchego blagoustroistva territorii Rechnogo Vokzala ob"ekta kul'turnogo naslediia federal'nogo znacheniia «Gorodishche «Bolgar» – stolitsa Bolgarskogo gosudarstva» v Spasskom r-ne RT v 2012 godu (raskop CLXXXII) (Report on Protective Investigation Conducted at the Site of Future Improvement of the Territory of the River Station at the Cultural Heritage Site "Bolgar" Settlement" – the Capital of Bolgar State" in Spassky District of the Tatarstan Republic in 2012 (excavation area 182))* II. Scientific Fund of Museum of Archaeology of Tatarstan Republic. (in Russian).

3. Bakhmatova, V. N., Kuklina, A. A. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 230–255 (in Russian).

4. Bobrinsky, A. A. 1999. In Bobrinsky, A. A. (ed.). *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva (kollektivnaia monografiia) (Current Issues of Ancient Pottery Studies: Collective Monograph)*. Samara: Samara State Pedagogical University, 5–106 (in Russian).

5. Bobrinsky, A. A. 1978. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniia (EastEuropean Pottery. Sources and Research Methods)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

6. Vasil'eva, I. N. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 103–148 (in Russian).

7. General Layout of Bolgar. 2010. In *Obosnovanie polozhenii o territorial'nom planirovanii (Rationale of Provisions on Territorial Planning)* 5. Kazan, 5–7 (in Russian).

8. 1999. *Gosudarstvennaia geologicheskaia karta Rossiiskoi Federatsii. Masshtab 1:200000. Seriia Srednevolzhskaia. Listy N-39-III (Chistopol'), N-39-VIII (Kamskoe Ust'e). N-39-IX (Alekseevskoe). Ob"iasnitel'naia zapiska (State Geological Map of the Russian Federation. Scale 1: 200000. The Middle Volga Series. Sheets N-39-III (Chistopol), N-39-VIII (Kamskoe Ustie), N-39-IX (Alekseevskoe). Explanatory Note)*. Moscow (in Russian).

9. Poliakova, G. F. Otchet o rabote na Bolgarskom gorodishche v 1980 godu (raskop LXX) (Report on the Fieldwork in the Bolgar Fortified Site in 1980 (Excavation Area LXX)). Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Preservation Area. Inv. no. 66-1. КП-405. (in Russian).

The study was fulfilled within the framework of a grant by President of the Russian Federation for governmental support of leading Russian scientific institutions No. NSh-7170.2106.6. "Urbanization and Urban Development Processes in the Volga Region (10th – 16th centuries)".

10. Sitdikov, A. G. 2016. *Otchet ob arkheologicheskikh raskopkakh na Bolgarskom gorodishche (raskop CXCVI) v 2015 godu (Report on Archaeological Excavations of 2015 at Bolgar Settlement (Dig 196)* I. Kazan. Scientific fund of the Museum of Archaeology of the Republic of Tatarstan (in Russian).

11. Smirnov, A. P. 1951. *Volzhskie bulgary (Volga Bulgars)*. Series: Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) XIX. Moscow: State Historical Museum, (in Russian).

12. Smirnov, A. P. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 90–92 (in Russian).

13. Smirnov, A. P. 1940. In Eding, D. N. (ed.). *Sbornik statei po arkheologii SSSR (Collection of articles in the USSR Archaeology)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 11. Moscow: State Historical Museum, 55–136 (in Russian).

14. Smirnov, A. P., Efimova, A. M., et al. In Khovanskaia, O. S. (ed.). *Otchet o rabote na gorodishche Velikie Bolgary v 1948 godu (Report on Activities Performed at Velikiye Bolgary Fortified Settlement in 1948)*. Kazan; Moscow: Documentary Fund of the Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area. Inv. no. 40-2. KP-132 (in Russian).

15. Khlebnikova, T. A. 1962. In Smirnov, A. P. (ed.). *Trudy Kuybyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Kuybyshev Archaeological Expedition)* 4. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 111. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 93–152 (in Russian).

16. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware of the Volga Bulgaria Sites. On the Question of Ethnocultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

17. Khlebnikova, T. A. 1988. In Fyodorov-Davydov, G. A. (ed.). *Gorod Bolgar. Ocherki remeslennoi deiatel'nosti (Town of Bolgar. Essays on Handicrafts)*. Moscow: "Nauka" Publ., 8–102 (in Russian).

18. Khoroshun, T. A. 2016. In Lozovskaia, O. V., Mazurkevich, A. N., Dolbunova, E. V. (eds.). *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki (Traditions and Innovations in Studies of the Earliest Ceramics)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 104–105 (in Russian).

19. Khramchenkova, R. Kh. 2014. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 8 (2), 176–204 (in Russian).

20. Tsetlin, Yu. B. 2012. *Drevniaia keramika. Teoriia i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda (Ancient Ceramics. The Theory and Methods of Historical and Cultural Approach)*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

21. Arnold, D. 1985. *Ceramic Theory and Cultural Process*. Cambridge University Press Cambridge.

22. Gomart, L., Gabriele, M., Drieu, L., Binder, D., Azoulay, S., Burr, A., Convertini, F., Durrenmath, G., Lardeaux, J.M., Pasqualini, An., Manen, C., Regert M., Verati, C. 2016. In Lozovskaya, O.V. et al. (eds.). *Traditions and innovations in the study of ancient ceramics. Proceedings of International Scientific Conference*. Saint Petersburg:Institute of History of Material Culture, 245–247.

23. Rice, P.M. 1987. Pottery Analysis. A Sourcebook. The University of Chicago Press: Chicago and London.

About the Authors:

Bakhmatova Vera N. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; lyna-87@yandex.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 13.03.2017 г.

УДК 902/502.8 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.282.287

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БОЛГАР НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТИ НАЧАЛА 1920-Х ГГ.

© 2017 г. А.Р. Мухамадеев

В статье рассматривается история общественного обсуждения проблем сохранения исторических и археологических памятников, которое развернулось в начале 1920-х годов по отношению к Болгарскому городищу. С окончанием гражданской войны широкая общественность и научные круги Татарской республики обратили пристальное внимание на состояние историко-археологических и культурных памятников Болгар. Проблемы изучения и сохранения указанных памятников стали предметом обсуждения и дискуссий на станицах местной периодической печати. В средствах массовой информации обсуждались не только общие вопросы, но и вносились конкретные предложения по сохранению и ремонту историко-археологических ценностей Болгара, по изысканию средств на основательную реставрацию памятников и т.п.

Ключевые слова: историко-археологические памятники, Болгарское городище, Общество археологии Казанского университета, научная общественность, А.Аносов, Б. Адлер, И.Грабарь, периодическая печать.

Вопросы сохранения и реставрации булгарских историко-археологических памятников в очередной раз со всей серьезностью встали после установления советской власти и особенно после восстановления казанскими татарами государственности. В самом начале 20-х годов XX века представители местной общественности и научных кругов были вынуждены вновь обратить внимание на отвратительное состояние памятников периода Волжской Булгарии.

А.Аносов, случайно посетивший Болгарское городище в декабре 1920 года, заметил, что «…высказано много хороших пожеланий лицами, стоящими у власти; но не сделано самого главного, самого нужного: не проявлено бережливости и любви к этим священным для исторической науки грудам камней и мусора». Автор статьи обратил внимание на бедственное положение остатков некогда великого города, невежество и равнодушие к этому научных обществ и абсолютную безучастность людей, не говоря уже о бережливости и любви к своим историческим ценностям. Несмотря на декабрьский холод, он описал состояние и подробно указал на продолжающиеся разрушения сохранившихся к тому моменту некоторых конкретных памятников на территории городища. Еще более пугало издевательское отношение к памятникам истории со стороны местных жителей и церкви, описанное А.Аносовым: «Позорные пятна изуверства 40-х годов, наложенные на монументы глубокой древности недоброй памяти Казанским епископом Лукою Канашевичем, на знаменитом четырехугольнике и на остатках неизвестного назначения палаты (справа от сельской церкви) – продолжают оставаться. Четырехуу-

гольник все еще перерезан церковной оградой, недавно подновленной; по-прежнему на площади четырехугольника торчит церковная сторожка, обильно поливающая своими отбросами соприкасающийся с ней угол четырехугольника. Остатки неизвестной палаты венчаются крестом…» (Аносов, 1921).

Аносов через газету обратился к Обществу археологии при Казанском университете, коему была вверена охрана булгарских памятников, о принятии решительных мер к ограждению старинных развалин от их окончательной гибели. В этих целях автором внесены предложения, состоящие из четырех пунктов: 1) понудить православную общину с. Болгар потесниться с церковной оградой и снять с четырехугольника сторожку; 2) обнести все уцелевшие остатки булгарских памятников хотя бы временной деревянной, но достаточно прочной решеткой, внешний вид которой внушал бы местному населению долю уважения к развалинам старины; 3) устроить над всеми памятниками защитные сооружения, ограждающие их от влияния атмосферных осадков; 4) безотлагательно приступить к капитальной реставрации всех болгарских памятников, употребляя при этом, по возможности, те же материалы, которые применялись болгарскими зодчими при начальной постройке их.

Как полагал автор, средства на такие масштабные работы мог выделить Татарский народный комиссариат просвещения, который более чем другие ведомства республики должен быть заинтересован в охране исторических ценностей (Аносов, 1921).

Председатель Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете и председатель Отдела по делам музеев и охране памятников старины, искусства и старины при Народном комиссариате просвещения ТАССР Б.Адлер был вынужден среагировать на открытое письмо А.Аносова «брошенное, как бы, в виде укора», но признать, что оно «особенно ценно и дорого, потому что свидетельствует о том, что великая старина нашего края дорога и мила сердцу вдумчивых людей». Охрана булгарских развалин еще в сентябре 1919 года была поручена указанному Обществу и особому подотделу по делам музеев и охране памятников старины и искусства при Наркомпросе (тогда не самостоятельный отдел, заместитель руководителя И.Э. Грабарь). Работы по реставрации и поддержанию Болгарского городища были своевременно включены в особую смету 1920 года по реставрации памятников старины. Однако в Москве на эту смету долгое время не обращали внимания. Когда смета все же начала рассматриваться, то возникли споры: включать ли в реставрацию памятники Чувашии и других уездов бывшей Казанской губернии или ограничиться территорией Татарской республики. Спор в Москве продлился (без ответа остались 3 телеграммных запроса) до окончания сезона реставрации, и по состоянию на май 1921 года средств из центрального бюджета выделено не было. Отделом была включена определенная сумма на реставрацию болгарских памятников и на текущий год (Адлер, 1921).

В 1919 году И.Э. Грабарь посетил Болгары и пришел в «восторг от нашей Помпеи». Именно тогда возник разрабатывавшийся в начале 1920-х годов проект переноса современного

русского села Болгары-Успенское в другое место и раскрытия, с последующей реставрацией, древнего плана Великого Болгара. Б.Адлер соглашался с А.Аносовым в необходимости устранения церковной сторожевой будки и восстановления четырехугольника. Более того, он предлагал изъять с паперти и из цоколя церкви ценнейшие болгарские плиты с надписями. Но финансирование не позволяло вести подобные масштабные работы (Общество археологии получало всего 500 рублей в год и практически ведало только охраной). Между тем местное население, нуждаясь в топливе, стало уничтожать бревна. Подотдел при Наркомпросе не мог получить даже колючую проволоку для забора вокруг развалин, которую просил у Татвоенкомата (Адлер, 1921).

Общество археологии летом 1921 года поручило В.Смолину организовать археологическую экспедицию для обследования древних городов Болгар, Сувар (с. Кузнечиха Спасского района) и Биляр. Дело в научных кругах было признано важным и неотложным из-за малоизученности, особенно Биляра и Сувара. Ранее на них обращалось недостаточно внимания по причине отсутствия больших монументальных памятников, а лишь скромно возвышающихся валов, неглубоких рвов, курганов, ям от провалившихся колодцев, остатков посуды и т.д. Эта неизученность, по мнению ученых, нарушала последовательность и систематичность исследования, а вырванный отдельно памятник более позднего времени (например, Болгары), конечно, не мог быть изучен правильным образом. Ввиду важности экспедиции, сложности задач, в состав предполагалось включить 16 научных работников и 14 рабочих, в числе которых такие специалисты, как фотограф, топограф, художник и т.д.

На предстоящие исследования было получено разрешение от Академии истории материальной культуры, являвшейся центром в области археологических изысканий РСФСР. Однако материально-техническое оснащение будущей экспедиции шло не так гладко, вся надежда возлагалась на республиканские органы власти. «Только сочувствие ТССР к научной работе по изучению местного края может дать возможность снарядить экспедицию», – писал в «Известиях ТатЦИК» В.Смолин под псевдонимом «С.В.» (С.В., 1921).

Одновременно организовывались мероприятия по популяризации булгарского исторического наследия, в том числе на территории самих Болгар. Например, 7 мая 1921 года курсантами и лекторами общеобразовательных курсов была проведена экскурсия в Болгары, с участием 300 человек (русских и татар). Руководил мероприятием Краузе, который знакомил присутствующих с историей Болгар, показывал развалины, объяснял их предназначение во времена Волжско-Камской Булгарии. Экскурсоводами был организован струнный оркестр, который на пристани играл «Интернационал» и другие революционные песни (Известия ТатЦИК, 1921). Подобные экскурсии в течение 20-х годов XX века организовывались неоднократно.

Постановлением Совета Народных Комиссаров ТАССР от 1 сентября 1923 года бывший Казанский Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины был переименован в Музейную Комиссию при

Академическом центре Татарского народного комиссариата просвещения с передачей ей всех прав и обязанностей Отдела. Отныне Музейная комиссия как учетно-административный орган осуществлял охрану памятников искусства и старины архитектурных, скульптурных, живописных и иных на территории Татарской Республики. Все учреждения и лица, имевшие намерение произвести ремонт или перестройку каких-либо старинных зданий, взятых Музейной комиссией на учет и внесенных в список комиссии, были обязаны предварительно испросить на это разрешение Музейной комиссии. Без ее ведома была недопустима никакая реставрация древних произведений искусства, а равно и ликвидация церковных и гражданских сооружений, состоящих на учете комиссии (Казанский музейный вестник, 1924).

11 сентября 1923 года, в целях сохранения памятников старины и искусства на территории Болгар от дальнейших разрушений и расхищений, СНК ТАССР вынес соответствующее постановление. Согласно этому постановлению была объявлена неприкосновенным заповедником вся территория Болгар, включающая: село Болгары (нагорная и подгорная части); всю территорию древнего города, окруженную валом, включая Малый городок по дороге в село Три Озера; территорию так называемой Греческой палаты со всеми древними памятниками старины и искусства. По плану вся площадь составляла 507,1 десятин.

Постановлением было запрещено без разрешения Музейной комиссии при Академическом центре Татарского Народного комиссариата просвещения производить на данной территории какие бы то ни было раскопки, а также уносить с этой территории какие-либо остатки предметов старины и искусства, как и заваливать ее отбросами. Также было запрещено застраивать эту площадь новыми домами или другими постройками без разрешения Музейной комиссии и распахивать места, занятые древними зданиями и их остатками, окружностью в 5 сажень. Постановлено определить более точную площадь Болгар создаваемой комиссией из представителей Наркомзема, Строительного управления и Музейной комиссии. Виновные в нарушении этого постановления обвинялись и привлекались к суду за расхищение и порчу государственного достояния (Казанский музейный вестник, 1924).

В целом в 1923 году Правительство ТАССР уделяло серьезное внимание охране и реставрации историко-археологических памятников, объектов архитектуры и культуры. Был произведен ремонт бывшего губернаторского дворца в Казанском кремле, Музейной комиссией произведен учет памятников искусства, хранящихся в ризницах казанских церквей, на средства СНК произведен ремонт башни Сююмбеки. Состоялось издание Декрета об объявлении территории развалин Болгара археологическим памятником (Казанский музейный вестник, 1924).

В июле 1924 года Музейная комиссия Народного комиссариата Просвещения ТАССР постановила в течение лета открыть восточный отдел при Центральном музее, «отремонтировать булгарские развалины и другие памятники исторического характера» (Красная Татария, 1924).

П.Корнилов в сентябре 1924 года обратил внимание на сильное разрушение булгарских памятников и необходимость ремонта с обязательными каменными работами (трещины в складках стен, обвалившийся угол восьмерика на Черной палате и т.д.). На отпущенные Музейной комиссией Академического центра Татнаркомпроса 100 рублей ему удалось произвести с 19 по 24 августа некоторые ремонтные работы. Корнилов считал свою работу лишь предохранительными мерами и поднял вопрос о скорейшем изыскании средств на основательную реставрацию памятников. Белая палата, например, еще в середине XIX века была практически целым зданием, а «теперь представляет одну груду камней» (Корнилов, 1924).

В сентябре того же года на пароходе «Самара» была организована грандиозная экскурсия в Булгары, с участием 700 человек. А.Заволжский, участвовавший в экскурсии, выразил обеспокоенность сохранением историко-архитектурных памятников Болгар. Например, требовалось срочно укрепить Черную палату и остеклить ее. Автор, поделившийся своими соображениями в «Красной Татарии», отмечал, что Наркомат просвещения средств на ремонт не дает, а в случае дальнейшей безучастности комиссариата рискует погибнуть не только палата, но весь музей. А.Заволжский также обратил внимание на жалкое состояние остатков Соборной мечети, малого минарета, ханской усыпальницы, каменного крепостца с бывшим перекидным мостом и пр. Автор статьи обращал внимание на бедственное положение булгарских памятников и с грустью констатировал: «Вот все, что осталось от богатого, сильного, культурного татарского царства, служившего в свое время рассадником просвещения среди окружающих его азиатов» (Заволжский, 1924).

Эти и дальнейшие работы по изучению, реставрации и использованию культурного наследия татарского народа вселяли надежду на его сохранение для потомков. В 1920-х годах, несмотря на идеологические ограничения и материальные трудности, в этом направлении были достигнуты, если не кардинальные, то достаточно заметные успехи (Фахрутдинов, 2000, с. 121–127). Отношение и условия работы стали резко ухудшаться в начале 1930-х годов, когда один за другим начали ликвидироваться Академический центр, Музейная комиссия, научные и краеведческие общества. Многие из них были признаны ненужными, бесполезными, а главное – не желающими служить новому социалистическому строю.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адлер Б.* Берегите болгарскую старину // Известия ТатЦИК. 1921. №101 (402). 11 мая.
2. *Аносов А.* Берегите болгарскую старину // Известия ТатЦИК. 1921. №22 (32). 1 февраля.
3. *С.В.* Археологическая экспедиция // Известия ТатЦИК. 1921. №117 (418). 9 мая.
4. *Заволжский А.* В глубь татарской старины (Экскурсия на развалины Булгарского царства) // Красная Татария. 1924. № 113. 17 сентября.
5. Известия ТатЦИК. 1921. №102 (403). 12 мая.
6. Казанский музейный вестник. 1924. №1. С. 138-139.

7. Корнилов П. Памятники старины нужно сохранить // Красная Татария. 1924. № 109. 12 сентября.

8. Красная Татария. 1924. № 55. 11 июля.

9. Фахрутдинов Н.Ф. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного национального наследия в Татарстане в 20-е годы // Актуальные проблемы истории государственности татарского народа: материалы научной конференции. Казань: Мат-бугат йорты, 2000. С. 121–127.

Информация об авторах:

Мухамадеев Алмаз Раисович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань, Россия); almazrm42@mail.ru

ISSUES OF STUDYING AND PRESERVATION OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MONUMENTS OF BOLGAR IN PERIODICALS OF EARLY 1920S

A.R. Mukhamadeev

The article considers the history of public discussions of the issues of preservation of historical and archaeological monuments which unfolded in early 1920s concerning Bolgar fortified settlement. After the end of the civil war, general public and the scientific community of the Tatar Republic paid focused attention to condition of historical, archaeological and cultural monuments of Bolgar. The issues of studying and preservation of these monuments became a subject of debate and discussion on the pages of local periodicals. The media not only discussed general issues, but also advanced specific proposals on the preservation and repair of historical and archaeological treasures of Bolgar, on obtaining funds for a thorough restoration of the monuments, etc.

Keywords: historical and archaeological monuments, Bolgar fortified settlement, the Society of Archaeology under Kazan State University, scientific community, A. Anosov, B. Adler, I. Grabar, printed media.

REFERENCES

1. Adler, B. 1921. In *Izvestiia tatarskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta (Proceedings of the Tatarstan Central Executive Committee)* 101 (402) (in Russian).

2. Anosov, A. 1921. In *Izvestiia tatarskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta (Proceedings of the Tatarstan Central Executive Committee)* 22 (32) (in Russian).

3. Izvestiia tatarskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta (Proceedings of the Tatarstan Central Executive Committee) 117 (418). 1921 (in Russian).

4. Zavolzhskii, A. 1924. In *Krasnaia Tatariia (Red Tataria)* 113 (in Russian).

5. Izvestiia tatarskogo tsentral'nogo ispolnitel'nogo komiteta (Proceedings of the Tatarstan Central Executive Committee) 102 (403). 1921 (in Russian).

6. Kazanskii muzeinyi vestnik (Kazan Museum Bulletin) 1, 138-139 (in Russian).
7. Kornilov, P. 1924. In *Krasnaia Tatariia (Red Tataria)* 109 (in Russian).

7. Krasnaia Tatariia (Red Tataria) 55. 1924 (in Russian).

8. Fakhrutdinov, N. F. 2000. In Arslanova, A. A. *Aktual'nye problemy istorii gosudarstvennosti tatarskogo naroda (Current Issues of Tatar People's Statesmanship History)*. Kazan: Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences, 121-127 (in Russian).

About the Author:

Mukhamadeev Almaz Raisovich, Candidate of Historical Sciences, Institute of History named after Sh. Marjani of Tatarstan Academy of Sciences. Kremlin, 5 entrance, Kazan, 420014, Republic of Tatarstan, Russian Federation; almazrm42@mail.ru

Статья поступила в номер 13.03.2017 г.

УДК 069.4 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.288.302

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. Ю.А. Семыкин

Статья посвящена характеристике проблем сохранения и исследования памятников археологии на территории Ульяновской области. В этом регионе Поволжья выявлено более 700 памятников археологии. Большинство памятников ежегодно подвергаются разрушительному воздействию природных и антропогенных факторов. Противостоять воздействию природных факторов возможно только путем консервации и музеефикации археологических памятников. Негативные антропогенные факторы (археологическое браконьерство и разрушение объектов археологического наследия в процессе хозяйственного освоения территорий) представляют более серьезную проблему. В статье приводятся многочисленные конкретные факты разрушения археологических памятников на территории Ульяновской области вследствие отсутствия налаженного процесса археологического обследования территорий, отводимых под строительство и сельское хозяйство. Автор обращает внимание на катастрофическое состояние археологического наследия Ульяновской области и необходимость срочного приведения в исполнение существующего законодательства о сохранении историко-культурного наследия. Необходимым условием приведения в действие механизма его сохранения является обеспечение органа охраны памятников историко-культурного наследия Ульяновской области квалифицированными специалистами археологического профиля.

Ключевые слова: археология, Среднее Поволжье, Ульяновская область, археологические па- мятники, поселения, городища, могильники, оборонительные сооружения, разруше- ние, экспертиза, археологические браконьеры.

В отечественной археологии конца XX – начала XXI в., пожалуй, нет более актуальной и важной проблемы, чем сохранение археологического наследия, над которым в последние десятилетия нависла угроза катастрофической утраты. Причины утраты и разрушения объектов археологии хорошо известны и в основном сводятся к двум факторам: 1) природным, 2) антропогенным. Противостоять природным факторам (размывание культурных слоев памятников водами рек, водохранилищ, эрозионными процессами и др.) можно, пожалуй, только путем реставрации, консервации и музеефикации археологических объектов и памятников. А вот противостоять факторам антропогенного негативного воздействия на археологические памятники сложнее. Известно, что антропогенные факторы более разнообразны, как и причины, их порождающие. Это: 1) кладоискательство (в археологии – противозаконное археологическое браконьерство); 2) разрушение объектов археологического наследия в процессе хозяйственного освоения территорий. Здесь, в свою очередь, можно выделить: а) неумышленное нанесение ущерба археологическому наследию, когда виновник ущерба не знал о существовании памятника археологии на осваивае-

мой территории; б) умышленное нанесение ущерба в ходе хозяйственной деятельности. В том и другом случаях предупредить и компенсировать возможные последствия нанесения ущерба археологическому наследию призваны действующие законодательные акты Российской Федерации.

Конечно, исторически оба фактора разрушительного воздействия на объекты археологии корнями уходят в далекое прошлое. Вспомним деятельность «бугровщиков» на территории Южной Сибири, на Алтае в петровскую эпоху (Завитухина, 2000), грабительские раскопки скифских курганов на Украине и в Южной России во второй половине XVIII–XIX в. (Брашинский, 1967).

В Нижнем Поволжье в середине XIX в. широкий размах получила разборка местным населением плинфовых построек на строительные и хозяйственные нужды на территории золотоордынских городов. Можно привести примеры умышленного разрушения объектов археологии на Болгарском городище в первой половине XVIII в. с целью вторичного использования камня при строительстве. Здесь православная монашеская братия изымала из сохранившихся средневековых булгарских некрополей Болгара каменные мусульманские надгробия, которые использовались для фундамента Успенской церкви в 1732 году.

Все эти факторы действовали и продолжают действовать также на территории Ульяновской области. Следует отметить особенность отношения государственной и партийной власти к проблемам сохранения и использования памятников археологии на территории Ульяновской области, и самого города Ульяновска в советские годы. Симбирск – родина вождя мирового пролетариата В.И. Ленина – и основное внимание тогда в Ульяновской области уделялось сохранению историко-культурного наследия, связанного с ленинской тематикой. А археологическое наследие края находилось на положении «золушки». К примеру, в 1959 году Симбирско-Карсунская засечная черта – оборонительный рубеж Российского государства середины–второй пол. XVII века была почему-то снята с государственной охраны. Это в дальнейшем негативно отразилось на состоянии самого крупного археологического памятника Ульяновской области.

О проблемах сохранения и использования археологического наследия Ульяновского Поволжья автор этих строк говорил в докладе на I (XVII) археологическом съезде в Новосибирске в 2006 году (Семыкин, 2006). С тех пор прошло 10 лет, что дает повод посмотреть, как изменилась ситуация. В частности, мною отмечалось, что и в советскую эпоху на территории Ульяновской области объекты археологического культурного наследия, несмотря на наличие в СССР законодательства по охране культурного наследия (Закон СССР от 29.10.1976 г.), разрушались в значительных масштабах. Но тогда ущерб памятникам археологии наносился в основном при проведении строительных работ и хозяйственного освоения территорий. Примеры масштабных случаев разрушения памятников археологии в Ульяновской области были достаточно многочисленны и показательны. Пожалуй, самым масштабным, катастрофическим и разрушительным был процесс негативного воздей-

ствия на археологическое наследие Среднего Поволжья Куйбышевского водохранилища. В 2017 году наступает 60-летний юбилей со времени окончательного затопления акватории Куйбышевского водохранилища. Несмотря на самоотверженную работу сотрудников Куйбышевской археологической экспедиции по спасению памятников археологии в зоне затопления Куйбышевского водохранилища, следует признать, что многие памятники ушли под воду, так и оставшись неисследованными (Бурдин, 2005). И процесс разрушения археологических памятников в зоне Куйбышевского водохранилища продолжается ежегодно. В Ульяновской области, по нашим наблюдениям, в год на памятниках, непосредственно примыкающих к акватории водохранилища, размывается полоса культурного слоя шириной около 1 м, а иногда и больше. На Правобережье водохранилища размываются следующие средневековые городища: Ундоровское I (Городищенское), Ундоровское II (Серебряный источник), Ундоровское III (полностью утрачено), Панское городище, Криушинское городище в Ульяновском районе, Арбугинское I городище, Сенгилеевское (предположительно городище, размыто), Буеракское городище в Сенгилеевском районе. В зоне оползневых процессов разрушаются: Поливненское городище, городища: Новая Беденьга I, Новая Беденьга II. В левобережье Куйбышевского водохранилища Ульяновского Поволжья катастрофически размываются средневековые Старомайнское (Грязнухинское) городище, Юрманское городище (Чертов городок) в Старомайнском районе. Полностью затоплено водохранилищем Крестовое городище (Чердаклинский район). Количество древних и средневековых поселений и некрополей, разрушающихся в Ульяновской области Куйбышевским водохранилищем, не поддается точному учету. При этом некоторые памятники продолжают обнаруживаться ежегодно, в том числе и памятники эпохи палеолита.

Еще в советскую эпоху, в 60-е, 70-е – в начале 90-х годов XX в. имели место факты масштабного разрушения, а иногда и полного уничтожения памятников археологического наследия Ульяновского Поволжья. На территории г. Ульяновска во второй половине 60-х годов в старой, центральной, части города, где стоял Симбирский кремль середины XVII в., велись масштабные строительные работы к 100-летнему юбилею В.И. Ленина. Никаких археологических охранных работ тогда, к сожалению, не проводилось. На территории бывшего женского Спасского монастыря, основанного одновременно с крепостью Симбирск в 1648–1650 гг., по рассказам моего друга московского художника В.И. Брынзы, проживавшего в Ульяновске на ул. Советской рядом с территорией монастыря, тогда варварски разрушались многочисленные погребения симбирских архиереев, похороненных на территории монастыря. Можно только представить себе, какие ценные археологические материалы и объекты были утрачены во второй половине 1960-х годов во время строительства Ленинской мемориальной зоны. Охранные исследования на небольшой площади бывшего Спасского монастыря были проведены нами только в 1998 и в 2006 г. (Семыкин, Горбунов, 2009). Практически в непосредственной

близости от зоны строительства еще в 1879 году казанским студентом С. Чугуновым был исследован мусульманский средневековый могильник (Чугунов, 1879). А в 2009 году автором настоящей статьи в этой же зоне был исследован другой средневековый мусульманский могильник. В 1970-е годы в результате бесконтрольного самодеятельного хозяйствования в Майнском районе Ульяновской области серьезно пострадала Симбирско-Карсунская засечная черта на участке между с. Тагай и с. Уржумское. Валы и рвы засечной оборонительной линии были срыты и нивелированы по распоряжению местного совхозного начальства. Оправданием такого вандализма было расширение посевных площадей для получения дополнительного урожая зерновых культур. Судя по всему, совхозное начальство, отдававшее преступный приказ археологического вандализма, прекрасно знало, что эта черта являлась объектом культурного наследия XVII века. Но засечная черта к тому времени была снята с государственной охраны. В те же годы на Симбирско-Карсунской черте были значительно разрушены земляные оборонительные сооружения Юшанского острога для сооружения запруды на речке Юшанке. Запруда давно размыта, а острог, ранее находившийся в хорошем состоянии, оказался наполовину уничтожен. К сожалению, участок этой черты совсем недавно подвергся разрушению в ходе реконструкции шоссейной дороги Ульяновск–Саранск. В 70-е годы прошлого столетия были значительно разрушены котлованами для взятия строительного песка Ивановское городище (Чердаклинский район) и поселение Красная Река II (Старомайнский район). К слову сказать, на последнем памятнике в 1988 году при проведении охранных археологических исследований экспедицией Ульяновского государственного педагогического института была обнаружена уникальная находка – скандинавская кольцевая фибула стиля Боре, дающая раннюю дату возникновения оседлых поселений волжских булгар – конец IX – первая половина X в. (Семыкин, 2002).

В те же годы под дачную застройку попали несколько древних и средневековых поселений на территории Юрманского мыса в Чердаклинском районе области. Этот участок без проведения археологического обследования был передан работникам Ульяновского авиастроительного завода «АВИАСТАР» под садово-дачную застройку. На садовых участках и на пляжной полосе Юрманского садового товарищества до сих пор встречаются многочисленные артефакты от эпохи бронзы до средневековья включительно. До сих пор с территории поселений бесконтрольные сборы артефактов производят археологические браконьеры.

Яркий случай дикого археологического вандализма в Ульяновской области произошел на закате советской эпохи в 1990 году. В Ульяновском районе по программе реабилитации репрессированных народов страны под строительство жилого поселка для немцев Поволжья была выделена территория волжско-болгарского городища у с. Красное Сюндюково, известного еще с конца XIX века (Поливанов, 1900). По классификации памятников Волжской Булгарии, предложенной Р.Г. Фахрутдиновым, это городище является остатком малого города Волж-

Рис. 1. Остатки плинфовой усадебной волжско-булгарской бани на городище «Красное Сюндюково I». Фото 1991 г.

Fig. 1. The remains of a Volga Bolgar plinth mansion bathhouse at "Krasnoe Siundiukovo I fortifi ed settlement". A photograph of 1991.

ской Булгарии (Фахрутдинов, 1974). Как и ранее, при подготовке проекта строительства поселка на территории городища никакой предварительной археологической экспертизы не проводилось, хотя законодательством по охране культурного наследия СССР это предусматривалось. В ходе земляных работ на территории городища было выкопано 15 земляных строительных котлованов площадью более 5000 кв. м. Вероятно, все прошло бы гладко, если бы в одном из котлованов не была затронута и значительно разрушена плинфовая постройка, которая по результатам дальнейших охранных исследований оказалась усадебной баней домонгольского периода (рис. 1) (Семыкин, 1993).

В 1991 году совместной экспедицией Ульяновского государственного педагогического института, Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова и Самарского государственного университета были проведены охранные археологические исследования городища, на котором был также обнаружен мусульманский могильник. После протеста местного татарского населения поселка Красное Сюндюково строительные работы на территории городища были приостановлены, а поселок для немцев Поволжья был перенесен в Черда-

клинский район Ульяновской области. Характерно, что по факту нанесения ущерба ценному памятнику археологии также никто не понес наказания, хотя прямая вина в этом должна была тогда лежать на должностных лицах, дававших разрешение на строительство на территории памятника – на чиновниках областного управления культуры.

В немалой степени проблемы бесконтрольности применительно к археологическому наследию в процессе хозяйственного освоения территории Ульяновской области происходили из-за отсутствия профессиональных квалифицированных и ответственных археологических специалистов в Ульяновском областном управлении культуры. В сущности, в советское время вопросы охраны археологических памятников в Ульяновской области, были пущены на самотек. В те годы в г. Ульяновске работал единственный профессиональный археолог доцент Ульяновского государственного педагогического института, кандидат исторических работ В.И. Ледяйкин, руководивший археологической практикой студентов исторического факультета педагогического института. Но эта практика в основном проходила на археологических памятниках за пределами Ульяновской области. Охранные археологические работы на территории области с 1973 по 1984 г. время от времени проводились сотрудниками археологических экспедиций из соседних регионов Поволжья (Казани, Куйбышева), а иногда даже из Москвы. Но эти работы носили спорадический характер и были связаны с некоторыми новостроечными проектами в Среднем Поволжье, например, со строительством оросительной системы в Старомайнском районе области. В 1973–1975 гг. московский археолог Л.Л. Галкин проводил раскопки памятников эпохи бронзы в Мелекесском районе области на средства областного Общества охраны памятников истории и культуры, что являлось редким для того времени исключением.

В 90-е годы XX века в нашей стране, в том числе и в Ульяновском Поволжье, незаметно стали вызревать ростки грозного явления, которое постепенно вылилось в главную современную угрозу утраты археологического наследия страны. Речь идет об увлечении некоторых наших соотечественников поиском кладов, а затем и металлических артефактов с помощью металлоискателей. За неимением в то время импортных металлодетекторов, эти люди, увлеченные, казалось бы, на первый взгляд, невинным занятием, пользовались самодельными приборами. Изготовить их в домашних условиях для людей, знакомых с радиоделом и электротехникой не представляло особого труда. В дальнейшем археологические браконьеры обзавелись мощными импортными металлодетекторами. Законодательства, запрещавшего зондировать металлодетекторами культурные слои археологических памятников, тогда еще не существовало. Да и российское археологическое сообщество своевременно не разглядело нарастающую угрозу для сохранения археологического наследия. Такие «энтузиасты» появились и в Ульяновске. Ульяновская область, богатая археологическими памятниками различных эпох, оказалась исключительно привлекательной для археологических

браконьеров, при этом не только местной генерации, но и для «залетных», наезжающих из соседних городов и столичных центров. По некоторым сведениям, крупные и исключительно ценные монетные клады с памятников археологии Ульяновской области были успешно реализованы в антикварных магазинах соседних городов.

Отдельные представители археологических браконьеров порой искали контактов с профессиональными археологами, пытаясь привлечь их к сотрудничеству. К сожалению, некоторые представители профессионального археологического сообщества не избежали искушения и пошли на такое сотрудничество, что придавало деятельности археологических браконьеров в глазах рядового населения ореол некой легитимности. Стали плодиться и интернет-сайты, в которых популяризировалась деятельность археологических браконьеров, нередко прикрывавшихся флером некой «народной археологии», свободной от необходимости соблюдать государственное законодательство в области культуры, например, сайт www.simbirsk.arheo.narod.ru. Этот сайт содержал огромную информацию о результатах противозаконных сборов артефактов на памятниках археологии Ульяновской области. Информация была в свободном доступе и копировалась сотнями представителей археологического браконьерства. Правда, с некоторых пор авторы сайта переформатировали его, очевидно, опасаясь привлечения за археологическое браконьерство к ответственности (www.archeo73.ru), зашифровав значительную часть наносящей вред сохранению археологических памятников информации, но недоброе дело было сделано, и исправить положение уже вряд ли возможно. Характерно, что авторский состав сайта содержит почти сотню персоналий различной краеведческой и научной направленности. Это почти на порядок больше, чем список профессиональных археологов г. Ульяновска, работающих с соблюдением норм действующего законодательства. Среди участников сайта есть биологи, геологи, историки, краеведы, юристы, студенты, профессиональные археологи и даже коллективные участники – районные краеведческие музеи. Впрочем, среди участников сайта большинство людей к археологии и археологическому браконьерству никакого отношения не имеют. Многие, вероятно, даже не подозревают, что их вовлекли в компанию, несущую ответственность за популяризацию противозаконной браконьерской деятельности на поприще археологии.

Другую, пожалуй, более многочисленную рать археологических браконьеров составили представители откровенного археологического мародерства, имеющие целью коммерческий сбыт археологических артефактов, которые в условиях рыночной экономики приобрели статус товара, востребованного у коллекционеров. Эти браконьеры не стремятся популяризовать свою деятельность. Характерно, что между некоторыми группами археологических браконьеров в Ульяновской области иногда даже случалась жесткая конкуренция за право монопольно грабить тот или иной археологический памятник.

Впрочем, анализ негативного влияния археологического браконьерства на историко-культурное наследие Ульяновской области не является

Рис. 2. Местоположение раннеболгарского некрополя «Автозаводской» в Засвияжском районе г. Ульяновска на спутниковом снимке. Ресурс Google. Показана сетка раскопа I в пределах строительного котлована.

Fig. 2. The location of "Avtozavodskoi" Early Bolgar necropolis in the Trans-Sviyaga District of Ulyanovsk on a satellite photograph. A Google resource. The image features a grid of excavation area I within the boundaries of the construction pit.

предметом настоящей статьи, так как это самостоятельная и весьма объемная тема (http://sim-k.ru/2014/05/17/vojna-chernym-kopatelyam). Отметим только, что к концу 90-х годов XX века в руках ульяновских и иногородних археологических браконьеров сконцентрировались весьма ценные и крупные коллекции металлических артефактов, что превращало разграбленные археологические памятники в малоинформативную безликую массу культурных слоев, лишенных самых ценных вещественных исторических источников.

Казалось бы, принятие Федерального закона № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 должно было переломить кризисную ситуацию в состоянии сохранения археологического наследия страны. Но на территории Ульяновской области этот закон стал действовать как-то весьма избирательно. И причина здесь во многом оказалась субъективного и кадрового характера – отсутствие в органе охраны памятников культурного наследия специалиста-археолога, от-

ветственно относящегося к стоящей перед ним государственной задаче. Кроме профессиональной подготовки такой специалист должен, по нашему мнению, обладать и высокими моральными качествами. К сожалению, в Ульяновском областном управлении культуры в течение десяти лет (с 1998 по 2008 г.) вопросы охраны объектов археологического наследия были возложены на чиновника, далекого от понимания необходимости реального сохранения археологического наследия края. Положение изменилось в лучшую сторону только после организации в Ульяновске Комитета по культурному наследию Ульяновской области. К этому времени в вопросах сохранения археологического наследия края накопились животрепещущие проблемы, без решения которых памятникам археологии отводилась незавидная судьба. Расцветало археологическое браконьерство. Ни один памятник археологии не был поставлен на полноценный государственный учет и охрану с внесением в государственный реестр объектов культурного наследия. Зафиксированные археологические памятники Ульяновской области, к слову сказать, до сих пор остаются только в списке вновь выявленных, что не обеспечивает их полноценной сохранности. Это обстоятельство не позволяет реально бороться с археологическим браконьерством. В начале 2000-х годов в Ульяновской области и в г. Ульяновске осуществлялось достаточно крупное строительство. Однако каких-либо заметных работ по проведению историко-культурной археологической экспертизы на территории Ульяновской области, по-прежнему, не осуществлялось. Это приводило к случаям масштабного уничтожения археологического наследия. Одним из наиболее ярких таких примеров стало разрушение значительной площади выявленного при проведении земляных работ раннеболгарского Автозаводского грунтового могильника в 2000 году. Некрополь попал в зону строительства православной церкви перед проходной Ульяновского автомобильного завода (рис. 2). В результате на площади около 600 кв. м были разрушены несколько десятков раннеболгарских грунтовых погребений VIII–IX вв. (рис. 3).

Антропологические останки вместе с погребальным инвентарем грузились экскаватором в самосвалы и вывозились на свалку. После нашего обращения к губернатору Ю.Ф. Горячеву строительные работы были приостановлены. Срочно требовалось провести охранные раскопки этого памятника. Однако получить финансирование со стороны возможного заказчика строительства нам не удалось. Никакой поддержки в организации охранных раскопок могильника получить со стороны управления культуры мы не смогли из-за противодействия чиновника Р.З. Губайдуллова, и исследования памятника в 2001 году были выполнены только за счет археологической практики исторического факультета Ульяновского государственного педагогического университета им. И.Н. Ульянова и небольшой материальной помощи со стороны Комитета по делам молодежи г. Ульяновска.

Научное руководство раскопками осуществлялось Е.П. Казаковым и Ю.А. Семыкиным (Семыкин, Казаков, 2003). Вандализм в отношении Автозаводского грунтового некрополя

Рис. 3. Разрушенное строительным котлованом погребение 3 грунтового некрополя «Автозаводский».

Fig. 3. Burial 3 of “Avtozavodskoi” ground necropolis destroyed by the construction pit.

продолжался даже после проведения охранных исследований 2001 года; с территории еще не исследованной части памятника, закрытой бетонным забором, неустановленными лицами снимался слой чернозема. После завершения охранных исследований в 2001 году строительный котлован был рекультивирован, но реальная площадь памятника осталась до сих пор не установленной. Сейчас этому препятствует использование окружающей территории под автостоянку. Памятник в управлении культуры был поставлен в список вновь выявленных археологических объектов г. Ульяновска, но это не помешало зимой 2015 года передать территорию, примыкающую к площадке, исследованной в 2001 году, под строительство крупного торгового центра «Магнит». Предварительного проведения археологического обследования участка строительства не проводилось. А разрешение на строительство «Магнита» в обход Комитета по культурному наследию Ульяновской области было дано высшим руководством города.

В 2012 году на полуострове акватории Куйбышевского водохранилища южнее с. Кременки (Старомайнский район) в непосредственной близости от группы археологических памятников (городища «Чертов городок» – оно же Юрманское – и поселения «Жидова Гора») началось строительство турбазы «Славянское подворье». Памятники представляют исключительный научный интерес для исследования раннесредневековой

Рис. 4. Разрушенный при сооружении наблюдательного военного пункта культурный слой городища «Арбуга» в Сенгилеевском районе Ульяновской области.

Fig. 4. Cultural layer of "Arbuga" settlement in Sengileyevsky District of Ulyanovsk Oblast destroyed during the construction of a military observation post.

истории Среднего Поволжья (Семыкин, 2012). Следует сказать, что это место издавна являлось излюбленной площадкой летнего отдыха местного и приезжего населения. Но отдыхающие бесконтрольно эксплуатировали территорию памятников, оставляя на ней груды мусора и перекапывая культурный слой под мусорные ямы, что угрожало их сохранности. В этой ситуации руководство Комитета по культурному наследию дало разрешение на строительство турбазы, первоначальный проект которой предполагал установку свайных жилых и хозяйственных построек над водой, то есть без повреждения культурного слоя памятников. Предполагалось, что наличие функционирующей турбазы приостановит бесконтрольное нанесение ущерба памятникам. При этом почему-то охранного обязатель-

ства между застройщиком и органом охраны памятников оформлено не было, как и дальнейшего контроля за процессом строительства турбазы. В результате за два-три года территория поселения золотоордынской эпохи «Жидова Гора» оказалась практически полностью застроенной наземными жилыми и хозяйственными постройками. Наше обращение в орган охраны памятников истории и культуры Ульяновской области весной 2015 года по фактам нарушения законодательства какого-либо результата не дало. Более того, масштабные строительные работы на территории поселения «Жидова Гора», а также за пределами турбазы (расширение грунтовой дороги к турбазе) продолжались до недавнего времени. Перспектива археологических исследований поселения «Жидова Гора» сейчас практически сведена к нулю. Единственным способом приостановить бесконтрольный вандализм археологических памятников – судебное разбирательство с виновниками нарушения закона. Это совершенно необходимо, так как виновные в нарушении действующего законодательства РФ в сфере археологического наследия на территории Ульяновской области чувствуют себя спокойно и безнаказанно. Свидетельством того являются свежие примеры археологического вандализма. В августе–сентябре 2015 года территория двух археологических памятников – Криушинского и Арбугинского городищ в Сенгилеевском районе области – была выделена без согласования с органом охраны культурного наследия под полигон для проведения масштабных армейских военных учений. В результате были уничтожены значительные площади ценнейших археологических памятников (рис. 4).

Примеры утраты археологического наследия нашей области можно продолжать. Отметим, что результаты обсуждения проблем противодействия археологическому браконьерству иногда дают свои плоды. Так, некоторые представители археологического браконьерства добровольно передают свои коллекции в музейные фонды и указывают профессиональным археологам выявленные ими ранее не известные археологические памятники. Но примеры обратного отношения археологических браконьеров к противозаконной деятельности пока еще разительно отличаются в худшую сторону.

Завершая настоящую статью, напоминающую в целом мартиролог по утраченному археологическому наследию Ульяновской области, следует признать, что на территории Ульяновской области Федеральный закон № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в отношении к археологическим памятникам действует очень слабо. Это основание для серьезного обращения внимания соответствующих органов по контролю за соблюдением норм законодательства по отношению археологическому наследию Ульяновской области. Органы охраны культурного наследия Ульяновской области, в свою очередь, опираясь на органы государственной власти, должны в полной мере приложить максимальные усилия для сохранения археологических памятников, что является их прямой обязанностью. В противном случае население нашего края, а также Российской Федерации

в целом лишится важнейших источников, позволяющих реконструировать прошлую историю края. Другим важнейшим мероприятием, способствующим сохранению памятников археологии Ульяновского Поволжья и страны в целом, должно стать воспитание молодого поколения, уважительно относящегося к нашему общему культурному наследию, дающему основу для воспитания патриотизма и региональной идентичности граждан России. А это возможно только на пути просвещения молодежи, начиная от младших классов школы и завершая средними и высшими учебными заведениями. И все же очень хочется надеяться на хорошую перспективу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брашинский И.Б.* Сокровища скифских царей: Поиски и находки М.: Наука, 1967. 128 с.
2. *Бурдин Е.А.* Волжская атлантида: трагедия великой реки. Ульяновск: Печатный двор, 2005. 288 с.
3. *Завитухина М.П.* Петр I и Сибирская коллекция Кунсткамеры // Из истории петровских коллекций. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 2000. С. 14–26.
4. Закон СССР от 29.10.76 г. об охране и использовании памятников истории и культуры.
5. *Поливанов В.Н.* Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск: Типо-литография А.Т. Токарева, 1900. 63 с.
6. *Семыкин Ю.А.* «Чёртов городок» – протогородской центр ранней Волжской Болгарии // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. / Научн. ред. Д.Ф. Мадуров. Чебоксары, 2012. С. 265–275.
7. *Семыкин Ю.А.* Исследование бани на I Красносюндюковском городище // Археологические исследования в Поволжье / Отв. ред. Г.И. Матвеева. Самара: Изд-во «Самарский ун-т», 1993. С. 219–230.
8. *Семыкин Ю.А.* Находка кольцевой скандинавской фибулы из Ульяновского Поволжья // Великий Волжский путь. История формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Булгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Казань-Астрахань-Казань. 6-16 августа 2001 г. Часть II. Казань 2002. С. 246–253.
9. *Семыкин Ю.А.* Состояние и перспективы сохранности археологических памятников на территории Ульяновской области // Современные проблемы археологии России. Том II. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 504–506.
10. *Семыкин Ю.А., Горбунов Н.А.* Охранные исследования на территории Симбирского женского Спасского монастыря // Археологические открытия 2006 года / Отв. ред. С.В. Кузьминых, С.З. Чернов. М.: 2009. С. 482.
11. *Семыкин Ю.А., Казаков Е.П.* Исследование новых памятников раннеболгарского времени в Ульяновском Поволжье // Из археологии Урала и Поволжья. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. С. 118–143.
12. *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань: Татар. кн. изд-во, 1975. 220 с.
13. Федеральный закон №73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002.
14. *Чугунов С.* О раскопках древних кладбищ в г. Симбирске и его окрестностях в 1878 г. // Тр. Общества естествоиспытателей при Казанском ун-те. Т. VIII. Вып. 5. Казань: Изд-во Казанского университета, 1879. С. 9–67.

15. http://sim-k.ru/2014/05/17/vojna-chernym-kopatelyam/
16. www.archeo73.ru

Информация об авторе:

Семыкин Юрий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова; заведующий отделом археологии, НИИ истории и культуры им. Н.М. Карамзина (г. Ульяновск, Россия); semiku@mail.ru

CONSERVATION AND USE OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE IN ULYANOVSK OBLAST

Yu.A. Semykin

This article addresses the problems of preservation and use of archaeological sites on the territory of the Ulyanovsk Oblast, where over 700 sites were discovered. Majority of sites are annually exposed to destructive impact of natural and anthropogenic factors, which can be mitigated only by conservation and museification of archaeological sites. The negative anthropogenic factors (looting and destruction of archaeological heritage sites by development processes) are also a serious challenge. The article brings numerous concrete facts of destruction of archaeological sites on the territory of the Ulyanovsk Volga region due to the lack of any coordination in the process of archaeological inspection of the territories meant for construction and agriculture. The author emphasizes catastrophic condition of archaeological heritage in the Ulyanovsk Oblast and the need of urgent enforcement of the existing legislation on preservation of historical and cultural heritage. This can only be enforced if the Ulyanovsk Historical and Cultural Heritage Protection Agency is staffed with qualified archaeologists.

Keywords: Middle Volga region, Ulyanovsk Oblast, archaeological sites, settlements, hillforts, burial grounds, fortifications, destruction, archaeological expertise, archaeological looters.

REFERENCES

1. Brashinskii, I. B. 1967. *Sokrovishcha skifskikh tsarei: Poiski i nakhodki (Treasures of Scythian Kings: Search and Findings)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

2. Burdin, E. A. 2005. *Volzhskaia Atlantida: tragediia velikoi reki (Volga Atlantis: Tragedy of the Great River)*. Ulyanovsk: “Pechatnyi dvor” Publ. (in Russian).

3. Zavitukhina, M. P. 2000. In *Iz istorii petrovskikh kollektsii (From History of the Peter the Great’s Collections. Collection of articles in honor of N.V. Kalyazina)*. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 14–26 (in Russian).

4. Zakon SSSR ot 29.10.76 g. ob okhrane i ispol’zovanii pamiatnikov istorii i kul’tury (Law of the USSR from 29.10,1976 on Conservation and Use of Historical and Cultural Monuments) (in Russian).

5. Polivanov, V. N. 1900. *Arkheologicheskaia karta Simbirskoi gubernii (Archaeological Map of the Simbirsk Province)*. Simbirsk: Typo-lithography of A. T. Tokarev Publ. (in Russian).

6. *Semykin, Yu. A*. 2012. In Madurov, D. F. (ed.). *Gosudarstvennost’ vostochnykh bulgar IX–XIII vv. (Statehood of Eastern Volga Bulgars in 9th – 13th Centuries)*. Cheboksary: “Taus” Publ., 265–275 (in Russian).

7. Semykin, Yu. A. 1993. In Matveeva, G. I. (ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Povolzh’e (Archaeological Research in the Volga Region)*. Samara: Samara State University, 219–230 (in Russian).

8. Semykin, Yu. A. 2002. In Usmanov, M. A. (ed.). *Velikii Volzhskii put': istoriia formirovaniia i razvitiia (Great Volga Way: History of Development)*. II. Kazan: "Master-Line" Publ., 246–253 (in Russian).

9. Semykin, Yu. A. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (ed.). *Sovremennye problemy arkheologii Rossii (Current Problems of Archaeology of Russia)* II. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography, 504–506 (in Russian).

10. Semykin, Yu. A., Gorbunov, N. A. 2009. In Kuz'minykh, S. V., Chernov, S. Z. (eds.). *Arkheologicheskie otkrytiia 2006 goda (Archaeological Discoveries of 2006)*. Moscow: "Nauka" Publ., 482 (in Russian).

11. Semykin, Yu. A., Kazakov, E. P. 2003. In Starostin, P. N. (ed.). *Iz arkheologii Povolzh'ia i Priural'ia (Archaeology of the Volga and Ural Region)*. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; "Shkola" Publ., 118–143 (in Russian).

12. Fakhrutdinov, R. G. 1975. *Arkheologicheskie pamiatniki Volzhsko-Kamskoi Bulgarii i ee territoriia (Archaeological Sites of Volga-Kama Bulgaria and its Territory)*. Kazan: "Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo" Publ. (in Russian).

13. Federal'nyi zakon №73 «Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediia (pamiatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiiskoi Federatsii» ot 25.06.2002 (Federal Law no. 73 "On Objects of Cultural Heritage (Historical and Cultural Sites) of Peoples of the Russan Federation", 25.06.2002) (in Russian).

14. Chugunov, S. 1879. In *Trudy Obshchestva estestvoispytatelei pri Kazanskom universitete (Proceedings of the Natural Scientists Society affiliated to the Kazan University)* VIII (5). Kazan: Kazan University, 9–67 (in Russian).

15. http://sim-k.ru/2014/05/17/vojna-chernym-kopatelyam/ (in Russian).

16. www.archeo73.ru (in Russian).

About the Author:

Semykin Yuriy A. Candidate of Historical Sciences, docent. Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov. V.I. Lenin 100th Anniversary Square, 4, Ulyanovsk, 432071, Russian Federation; Research Institute of History and Culture of Ulyanovsk oblast named after N.M. Karamzin. I.A. Goncharov St., 13/91a, Ulyanovsk, 432000, Russian Federation; semiku@mail.ru

Статья поступила в номер 17.01.2016 г.

УДК 069.4 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.303.320

КАЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН ПО ДАННЫМ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ

© 2017 г. И.И. Гайнуллин, П.В. Хомяков, А.Г. Ситдиков, Б.М. Усманов

В статье рассматривается современное состояние археологических памятников Республики Татарстан как рукотворной и неотъемлемой части культурного ландшафта Согласно директиве ЮНЕСКО, «культурный ландшафт» понимается не просто как результат совместного деятельности человека и природы, а как природно-культурный территориальный комплекс, имеющий структурную, функциональную целостность, развивающийся в конкретных физико-географических, культурных и исторических условиях. В качестве объектов исследования были выбраны средневековые поселения (городища) с системой оборонительных укреплений, которые легко идентифицировать по данным дистанционного зондирования. Выявление и оценка рисков разрушения памятников являются приоритетом в изучении объектов культурного наследия. Поскольку большинство памятников расположено на берегах малых рек, первой задачей исследования было оценить риск их разрушения природными (опасными экзогенными) процессами. Вторая задача заключалась в оценке роли антропогенного фактора в разрушении археологических объектов. Одним из основных используемых методов является поиск и анализ архивных и современных данных дистанционного зондирования. Данный подход позволяет скорректировать форму поселений, уточнить их размер и местоположение в ландшафте, тем самым решается задача по актуализации информации об объектах культурного наследия. Результаты исследований, впервые для Республики Татарстан, помогут выявить произошедшие и текущие изменения состояния памятников и получить количественную оценку рисков их разрушения для определения приоритетных участков для проведения охранно-спасательных работ.

Ключевые слова: археология, культурное наследие, антропогенный фактор, экзогенные процессы, дистанционное зондирование, аэрофотосъемка, геоинформационные системы, городища, средневековье.

По данным на 2015 г., в Республике Татарстан ежегодно подвергаются разрушению около 2905 памятников археологии (Государственный доклад..., 2016). При этом не только уничтожается культурный слой памятника и меняется его облик, но при ограниченной площади распространения, зависящей от конкретной исторической эпохи, памятник в ходе этих процессов со времени обнаружения к сегодняшнему дню может быть уничтожен полностью (Gaynullin et al, 2014). Несмотря на это, комплексного междисциплинарного исследования состояния объектов археологического наследия до сих пор произведено не было. Сплошное и детальное исследование и картографирование памятников археологии в последний раз проводилось в 70-е годы прошлого столетия. Кроме того, на данный мо-

мент отсутствует система оценки воздействия антропогенных и экзогенных процессов со времени обнаружения объекта, сопровождающихся разрушением памятника или значительной трансформацией его облика. Также отсутствуют утвержденные методики количественной оценки изменения состояния памятника. Это делает невозможным выполнять требования современного законодательства к содержанию и использованию объекта культурного наследия. В сложившейся ситуации уникальные свидетельства прошлого народов, населяющих территорию Республики Татарстан, при разрушении памятника археологии безвозвратно исчезают. Для сохранения исторического наследия на территории Татарстана на сегодняшний день необходимо предусмотреть проведение широкомасштабных охранно-спасательных работ на разрушаемых объектах. А работы по оценке опасности разрушения памятников археологии помогут в выборе приоритетных участков для срочных археологических исследований на основе определения интенсивности разрушения памятника и его уникальной значимости (Gaynullin et al, 2016).

Во всем мире разработка стратегии сохранения культурного наследия на основе анализа современного состояния, прогноза и оценки рисков для памятников археологии с использованием современных методов (анализ данных дистанционного зондирования (ДДЗ), глобальные спутниковые навигационные (ГНСС) и геоинформационные системы (ГИС)) является неотъемлемой частью современных археологических исследований (Wang, 2015). Новейшие технологии заметно упростили задачу по проведению мониторинга современного состояния памятников археологии. Так, например, на основе комплексных исследований стало возможным документировать ландшафтные изменения для охраны и управления культурным наследием на всех уровнях, от отдельных памятников до общей картины в целом (Risbol et al, 2015). При этом широко применяются различные методы обработки разновременных аэрофото- и космоснимков: проводится сравнительный анализ изменения состояния памятника (Lasaponara et al, 2012), планирование адресных археологических охранно-спасательных работ (Banerjee, 2013), осуществление реконструкции древних ландшафтов и первоначального облика объектов археологии, относящихся к различным историческим эпохам (Reinhold, 2016). Таким образом, при использовании ДДЗ в археологии выделяются следующие задачи: 1) поиск, точная фиксация и мониторинг состояния памятников археологии в быстроизменяющемся современном ландшафте; 2) понимание процессов формирования ландшафта; 3) выявление и интерпретация экономических, экологических и социальных факторов, на основании которых можно сделать долгосрочный прогноз состояния памятников и расчет моделей землепользования; 4) установление взаимосвязи между окружающей средой и человеком (Hritz, 2014). Кроме того, анализ ДДЗ является неотъемлемой частью неразрушающих методов, используемых в изучении памятников археологии наряду с геофизическими исследованиями, направленными на выявление объектов, минимизируя разрушения, наносимые облику памятника архео-

Рис. 1. Местоположение исследуемых городищ Предволжья Республики Татарстан.

Fig. 1. Location of investigated fortifi ed settlements in the Cis-Volga region of the Republic of Tatarstan.

логическими раскопками (Гайнуллин, Демина, Усманов, 2012).

За последние 5 лет в современных археологических исследованиях как в России, так и за рубежом, благодаря своей невысокой цене и легкости в использовании, наряду с лазерным сканированием, все более широкое применение получили мультироторные беспилотные летательные аппараты (БПЛА) (Жуковский, 2015; Esposito et al, 2013). Сейчас они широко используются в различных областях, где быстро и недорого необходимо получить данные дистанционного зондирования с близкого расстояния. Аппараты используют для получения высокодетальных аэрофотоснимков, которые позволяют изготовить на их основе ортофотоплан местности, цифровые модели рельефа (ЦМР), 3D-модели для реконструкции объектов археологии (Stek, 2016; Fernandez-Hernandez et al, 2015; Зайцева, 2014), а также проводить мониторинг их современного состояния (Asandulesei, 2017; Esposito et al, 2013). Кроме того, использование БПЛА на современном этапе позволяет комбинирование данных для ведения документации и 3D-визуализации (Balletti et al, 2015; Tscharfa et al, 2015).

Использование высокоточного геодезического оборудования в на-

Таблица 1

Характеристики исследуемых городищ Предволжья Республики Татарстан

№	Наименование	Датировка	Культурная принадлежность	Аэрофотосъемка, год /количество снимков		
1.	Богдашкинское городище	X-XIII вв.	Болгарская культура		1969/1	1980/2
2.	Кильдюшевское городище	X-XIII вв.	Болгарская культура	1958/2	1969/2	1980/2
3.	Хулашское городище	X-XIII вв.	Болгарская культура		1969/1	1980/2
4.	Большефроловское городище	IV-VII вв.	Именьковская культура	1956/2		1980/2
5.	Степановское городище	IV-VII вв.	Именьковская культура	1956/1		1980/1

стоящее время становится обычным и необходимым при проведении археологических работ. Если раньше было достаточно построить планы в условной системе координат с помощью оптических нивелиров или теодолитов, то сейчас практически все археологические исследования подразумевают применение как цифровых тахеометров и нивелиров, так и высокоточных ГНСС-приемников. В настоящее время ГНСС-технологии используются преимущественно для съемки археологических раскопок, что позволяет археологам получать результаты в электронной форме, помогая создать сетку раскопа и управлять общим процессом организации. Кроме того, спутниковые методы также позволяют записывать точное местоположение находки, точную длину и пространственную ориентацию найденных объектов. При использовании БПЛА спутниковые методы особенно необходимы для обоснования координат наземных реперов, необходимых для более точного позиционирования и взаимной ориентации фотоснимков, на основе которых строятся модели археологических объектов (Dubbini et al, 2016). Также ГНСС технологии эффективны для фиксации и изучения динамики опасных экзогенных процессов, несущих угрозу разрушения памятнику (Gaynullin et al, 2014). Таким образом, использование ГНСС-технологий позволяет более точно собирать данные, строить сложные многослойные карты, которые полезны при анализе данных, а также для формирования геобазы данных по исследуемому объекту.

Применение современных технологий и методов позволяет проводить оценку состояния археологических объектов и оценку рисков разрушения памятников истории и культуры, что является приоритетной задачей при управлении культурным наследием, являясь основой при принятии решений и осуществлении конкретных мероприятий по сохранению объектов археологии (Wu et al, 2014; Romanescu et al, 2014; Del Lungoa et al, 2015).

Данная работа является продолжением исследования (Gainullin et al,

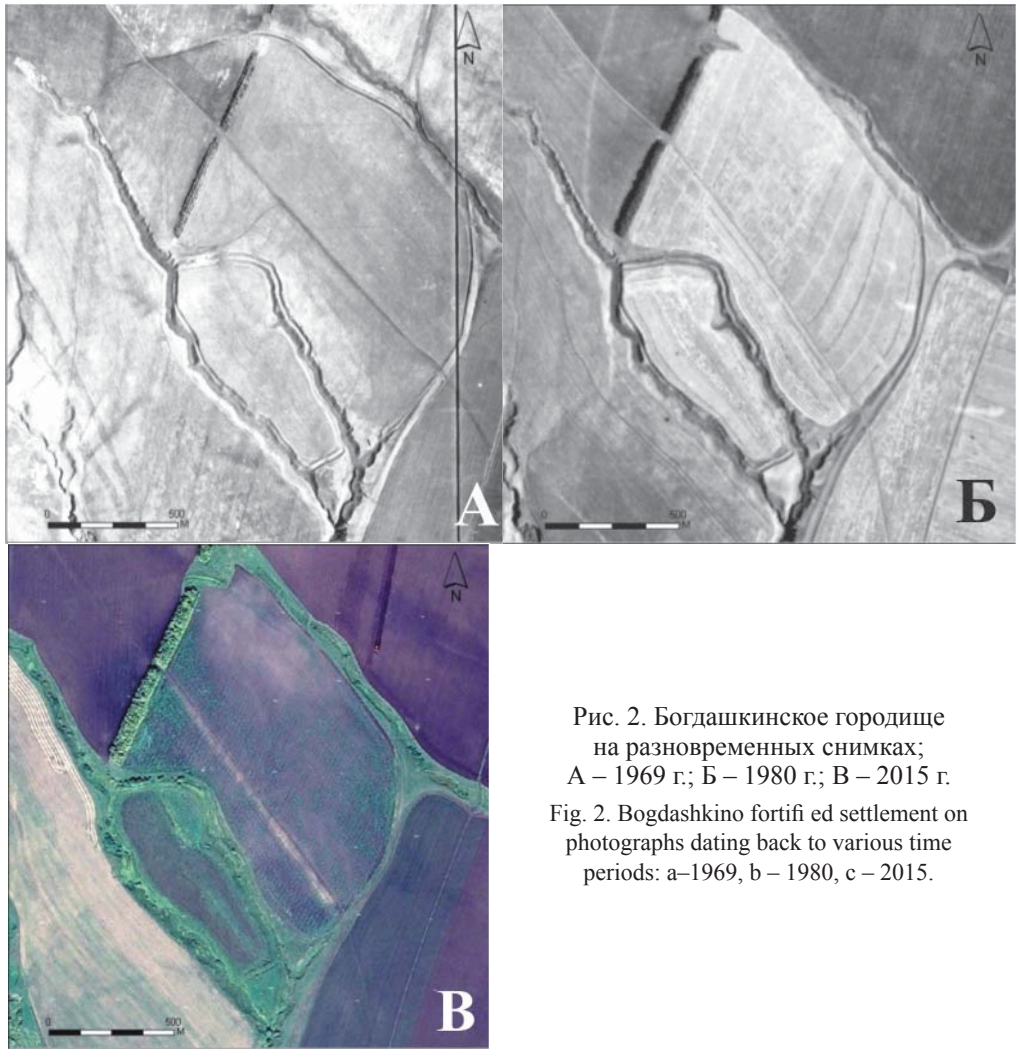


Рис. 2. Богдашкинское городище на разновременных снимках; А – 1969 г.; Б – 1980 г.; В – 2015 г.

Fig. 2. Bogdashkino fortifi ed settlement on photographs dating back to various time periods: a–1969, b – 1980, c – 2015.

2016), направленного на разработку системы анализа нарушенности территории культурного наследия (археологического памятника) с использованием как методов археологических исследований, так и геоморфологических и геоэкологических подходов. Методология оценки риска уничтожения объектов культурного наследия разрабатывается на основе современных инструментальных и картографо-геоинформационных подходов на территории Предволжья Республики Татарстан (РТ). Этот регион характеризуется очень высоким уровнем развития сельского хозяйства (76,4% распаханных и 40% эродированных земель) (Yermolaev et al, 2015).

Археологический памятник – это объект, во внешнем виде и внутренней структуре которого очевидны присутствие и преобразующая деятельность человека-носителя той или иной культуры. Кроме того, археологические памятники являются неотъемлемой частью ландшафта, поэтому современные методы их изучения связаны, в первую очередь, с подходами, при-

меняемыми в экологии и географии (Gaynullin I.I. et al, 2014). Поэтому решаемые в проекте задачи предполагают междисциплинарный подход, что определяет использование следующих методов: топографо-геодезический, картографический, дистанционный, геоинформационный, полевые экспедиционные исследования, моделирование (Ермолаев, 2012).

Для получения информации о состоянии археологических памятников были отобраны данные дистанционного зондирования максимально возможного временного спектра – за последние 60 лет. В работе использовались старые аэрофотоснимки (масштаб 1: 17000) из специального фонда библиотеки Казанского федерального университета и современные спутниковые снимки высокого разрешения из открытых ресурсов. В качестве объектов изучения были выбраны укрепленные поселения (городища) с системой оборонительных сооружений, которые легко идентифицировать по данным дистанционного зондирования (Коробов, 2011). Поиск укрепленных поселений на аэрофотоснимках осуществлялся с помощью описаний, основанных на результатах полевого обследования прошлых лет. Аэрофотоснимки сканировались и с помощью программы ArcGIS, создавалась единая система координат с космическими снимками. Далее по результатам визуального дешифрирования оценивалось состояние городищ. Памятники, подвергшиеся воздействию антропогенных (пахота, строительство, добыча полезных ископаемых и т.д.) и естественных (овражная эрозия, оползни, обвалы, флювиальные процессы и т.д.) процессов были отнесены к разным категориям. В отдельную категорию выделялись городища без видимых последствий воздействия и полностью разрушенные памятники археологии с описанием возможных причин исчезновения.

Изучение данных дистанционного зондирования (ДДЗ) не всегда позволяет определить реальную ситуацию на изучаемых объектах, поэтому полевые работы необходимы для получения оперативных данных о современном состоянии, определения степени подверженности памятников различным видам воздействия и обоснования необходимости проведения охранно-спасательных мероприятий.

Натурные обследования включали в себя: уточнение местоположения и выявление визуальных признаков городища; организацию стационарных реперных точек для привязки последующей многократной съемки; фотофиксацию объектов и фотограмметрия участков, организацию и съемку опорных точек ГНСС-оборудованием для геопривязки 3D-модели.

Организация стационарных реперных точек производилась на городищах, где была обнаружена опасность разрушения в результате либо современных экзогенных процессов, либо антропогенного воздействия. На каждом из них были установлены реперы в трех-четырех точках близ каждого городища. На полностью разрушенных городищах, а также при отсутствии признаков воздействия, установка реперов не проводилась.

Особый акцент делался на фиксацию современных экзогенных процессов. Помимо стандартной фотосъемки на некоторых участках проведена фотограмметрическая съемка, что позволяет создать 3D-модель участ-

ков городищ, подверженных особым рискам разрушения.

В ходе обработки 130 разновременных аэрофотоснимков были найдены 30 городищ, относящихся к разновременным культурам. Из них 5 городищ, по состоянию на 2016 год, полностью разрушены, и их внешний облик может быть восстановлен только на основе аэрофотоснимков (АФС). В результате анализа разновременных архивных аэрофотоснимков и современных спутниковых снимков 2016 г. были определены 5 городищ Предволжья для последующего детального обследования в полевых условиях с целью описания их современного состояния (рис. 1, табл. 1). Их конфигурация, как и размеры, очень различны. Кроме традиционных для нашего региона мысовых городищ, использующих естественные укрепления и имеющих треугольную форму, нередки городища квадратной, округлой, трапециевидной, полукруглой и других форм. По размерам городища также отличаются между собой. В пределах Татарстана городища в основном занимают относительно небольшие площади (в пределах 10–20 тыс. м^2), но встречаются и очень крупные по размерам, например, выбранные для настоящего исследования Богдашкинское городище – центр княжества, известный по письменным источникам, и Хулашское городище (Свод…, 2007).

Богдашкинское городище. Памятник относится к X–XIII вв., известен с 1909 г. Планировка, укрепления, культурные остатки свидетельствуют о городском характере поселения на данном городище. Предположительно городище связывается с летописным городом Ошелем, разрушенным в 1220 г. (Свод…, 2007). Городище имеет сложную форму фортификационных сооружений – площадка городища делится на две части: цитадель (3,4 га) в юго-западной части городища, окруженная двумя рядами валов и рвов, и посад, укрепленный одним рядом укреплений. Сложная форма хорошо видна на снимке 1969 г. (рис. 2: А). Уже тогда как внешняя, так и внутренняя площадки городища распахивались, но практически все валы сохранились, за исключением отдельных фрагментов в северо-восточной и северо-западной оконечности внешней площадки. Оборонительная система внешнего и большей частью внутреннего городища к 1969 г. уже была частично разрушена вследствие оползневых процессов на склонах развившихся по рвам оврагов. К 1980 г. большая часть укреплений, окаймляющих посадскую часть памятника разрушена вследствие интенсивной распашки, и только благодаря снимкам 1969 г. можно восстановить форму городища (рис. 2: Б).

По данным современного снимка (рис. 2: В) и полевых исследований центральная часть городища разрушена оврагом, а с запада – пашней. Через северо-восточную часть оставшихся валов проходит дорога.

На данный момент, учитывая интенсивную сельскохозяйственную деятельность на большей части археологического памятника, можно утверждать, что ок. 95% площади городища, включая оборонительную систему, находится под негативным антропогенным и природным воздействием. Из 170 га, которые определяются по самому раннему снимку 1969 г., на сегодняшний день площадь нетронутого культурного слоя сокра-

тилась до 3,4 гектар, ограниченная только цитаделью. При протяженности посадских валов, по данным АФС 1969 г., в 1784 м (1,8 км) в настоящее время в нетронутом виде сохранилось всего 165 м.

Кильдюшевское городище. Городище открыто в 1957 г., относится к болгарскому времени. Дистанционным зондированием существенно скорректированы данные по местоположению и площади памятника. По снимкам установлено, что городище занимает большую площадь – 350×350 м, чем заявленная в описании 1957 г. – 200×200 м. Кроме того, видно, что валы окружают площадку городища с четырех сторон, а не с двух.

По данным разновременной аэрофотосъемки, отмечается сокращение древесной растительности в северной и юго-восточной частях городища с 2,5 га до 0,6 га (рис. 3: А–Г). С западной стороны памятника на всех снимках фиксируется овраг, который разрушил вал на протяженности в 50 м, с юга – склоновые процессы, частично разрушившие валы уже к 1958 г. Как видно на снимках, распашка на данной территории не производилась и не производится.

Максимальный урон городищу был нанесен в последние 30 лет. С южной и восточной восточной стороне памятника вал был разрушен дорогой, изъято до 50 м, в юго-западной части городища на безымянном ручье создан пруд, который также уничтожает вал городища. При его постройке, как можно сделать вывод из снимка, были проведены земельные работы и срезан участок площадки городища площадью 4388 м^2, культурный слой полностью уничтожен. В центре городища появилась осиновая посадка площадью 3 га, через городище проходит проселочная дорога протяженностью 490 м (рис. 3: Г).

Таким образом, можно утверждать, что около 50% площади городища, включая оборонительную систему, находится под негативным антропогенным и природным воздействием. Из общей площади городища в 12,5 га площадь нетронутого культурного слоя составляет 6 га.

Хулашское городище. Городище известно с середины XIX в., расположено на широком, покатом к югу мысу между берегом реки и древним оврагом (рис. 4.). По описанию в карте археологических памятников ТАССР указано, что до 1952 г. на территории городища существовала д. Хулаш, однако на снимках ее остатки не фиксируются (Свод…, 2007). Как видно по данным дистанционного зондирования, территория городища активно распахивается и на современных снимках валы посада полностью, а внутреннего города – в северной части памятника, уничтожены. Из 1,8 км общей протяженности валов внутреннего города, фиксируемых на снимке 1969 г., осталось 600 м. Из общей площади городища, определяемой по снимку 1969 г. в 180 га, на сегодняшний день только 8,5 га культурного слоя нетронуто распашкой. С юго-запада городище ограничено крутым склоном, осложненным комплексом экзогенных процессов.

Полевые исследования подтвердили ситуацию, наблюдаемую на снимках. Система укреплений сохранилась только в южной и северо-западной частях городища, с востока остатки валов залесены.

Большефроловское городище. Городище именьковской культуры вы-

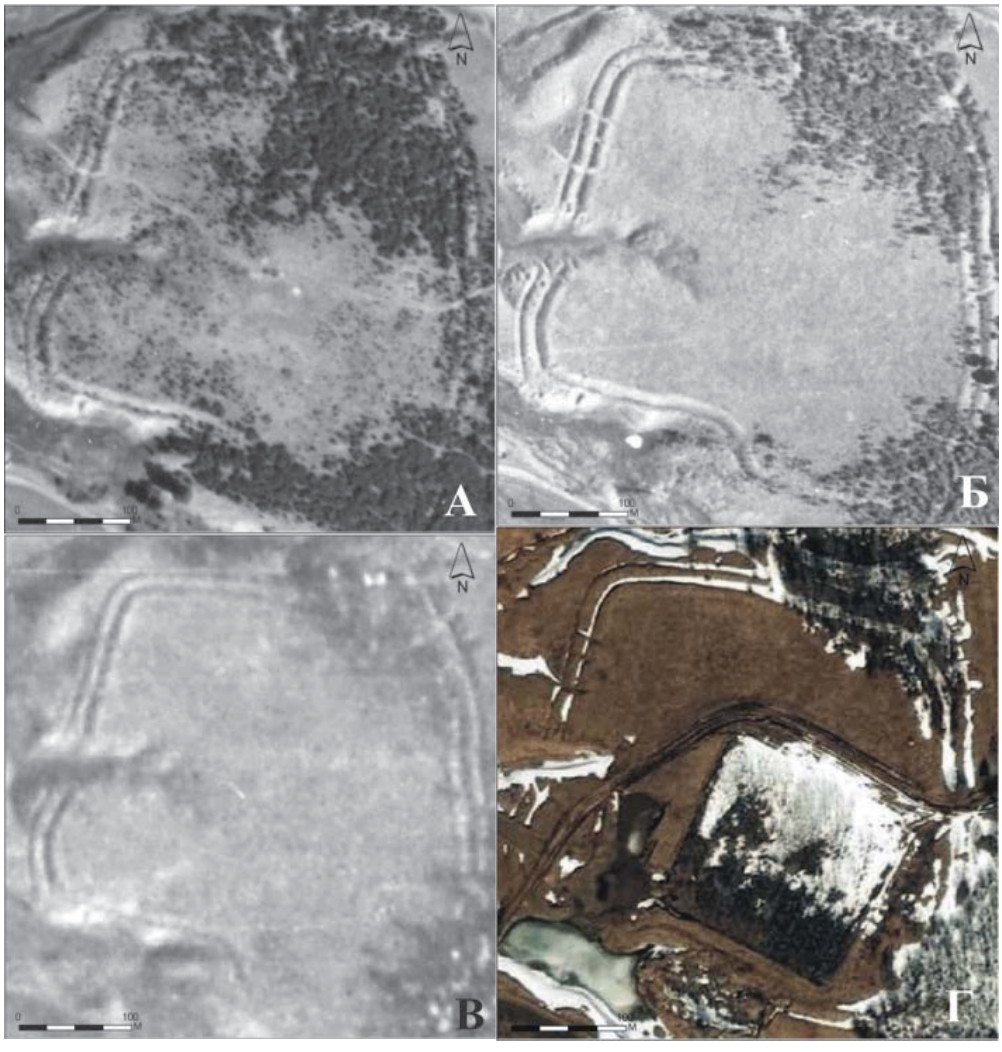


Рис. 3. Кильдюшевское городище на разновременных снимках:
А – 1958 г.; Б – 1969 г.; В – 1980 г.; Г – 2015 г.

Fig. 3. Kildyushevo fortifi ed settlement on photographs dating back to various time periods:
a – 1958; b – 1969; c – 1980; d – 2015.

явлено в 1949 г. (Свод…, 2007). С напольной стороны укреплено двумя дуговидными валами (высота первого вала со стороны площадки – 2,5 м, ширина в основании – 7 м) и двумя дуговидными рвами (ширина первого со стороны острия мыса рва – 3 м, глубина – 1 м, ширина второго – 7 м, глубина – 1,5 м). По снимкам видно, что городище располагается на мысообразном выступе, ограниченном с юга уступом высоких террас, а с севера – балкой, с врезающимся вторичным оврагом, что может явиться причиной возникновения на склонах опасных экзодинамических процессов (рис. 5).

Полевые исследования выявили, что антропогенное воздействие на данное городище минимально. Так как городище находится в трудно-

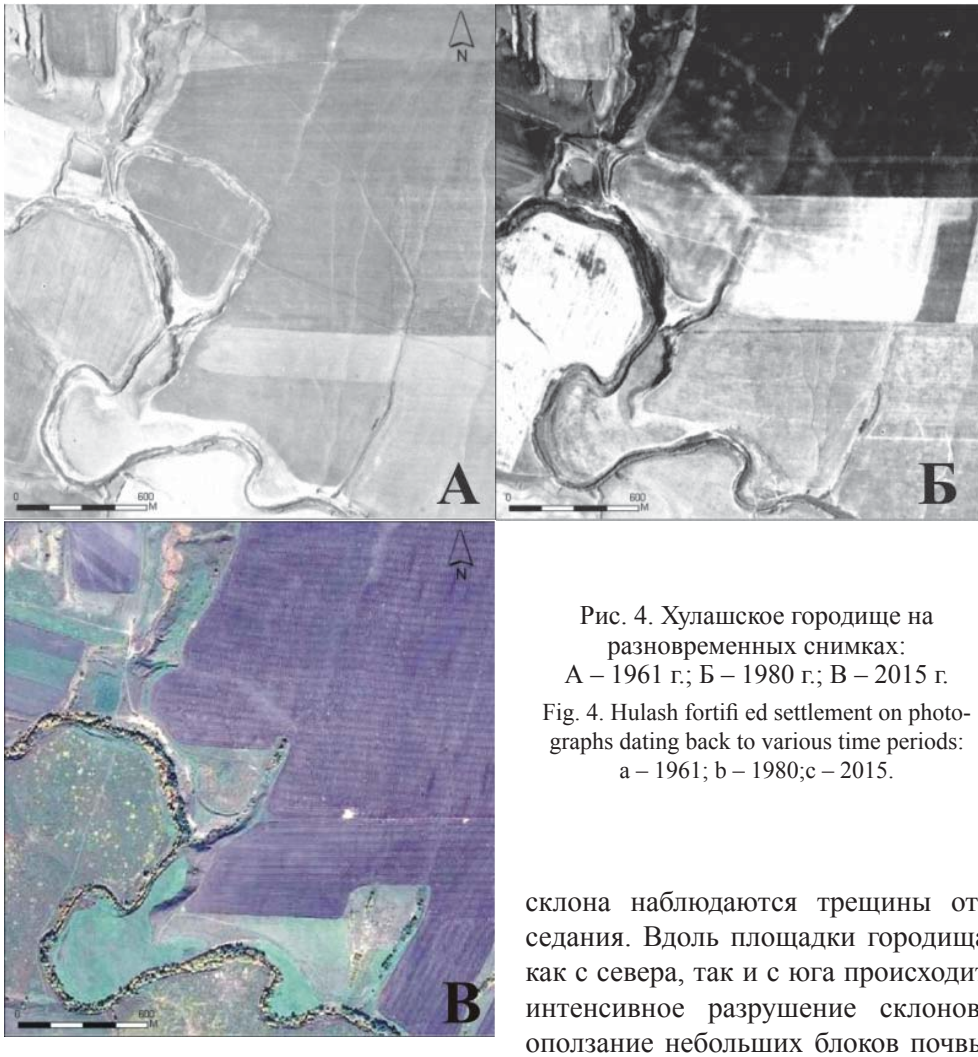


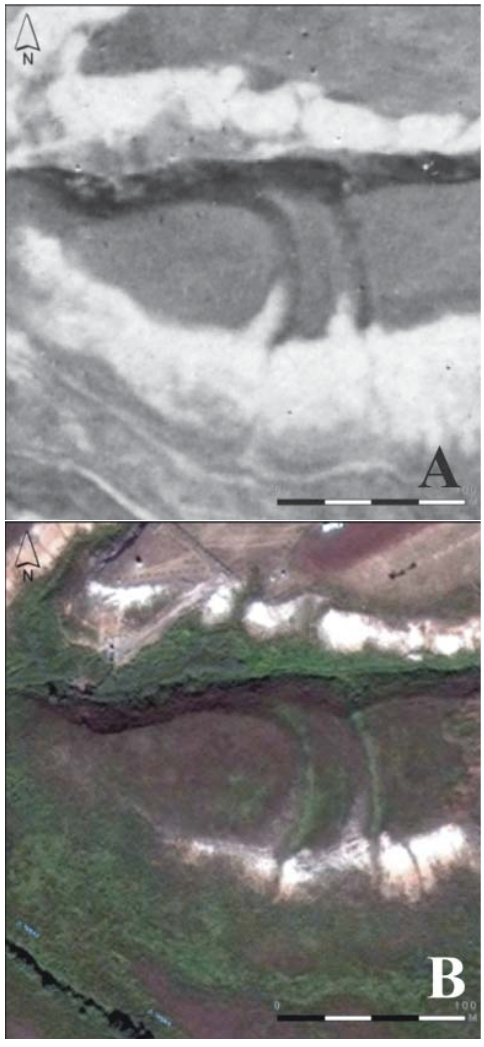
Рис. 4. Хулашское городище на разновременных снимках:
А – 1961 г.; Б – 1980 г.; В – 2015 г.

Fig. 4. Hulash fortifi ed settlement on photographs dating back to various time periods:
a – 1961; b – 1980;c – 2015.

доступном месте, на его территории не производится распашка и выпас скота. В 30 м восточнее первого вала находится несанкционированный карьер по добыче известнякового камня, который практически полностью уничтожил находящееся за валами городища и одновременное ему селище.

Городище подвержено экзогенному воздействию. Слабый растительный покров и дерновые почвы, лежащие на тонком слое суглинков вместе с коренными породами, представленными мелкообломочным известняком, легко разрушаются. В верхней части склона наблюдаются трещины отседания. Вдоль площадки городища как с севера, так и с юга происходит интенсивное разрушение склонов, оползание небольших блоков почвы с дерном, границы городища обрывистые. С юга склон долины реки по крутизне достигает 60 градусов, здесь наблюдаются процессы выветривания. Торец вала с юга подвергается ветровой эрозии и обнажен.

Степановское городище. Относится к именьковской культуре (Свод…, 2007). Подтреугольная площадка городища с напольной стороны отделена валом (ширина в основании – от 10 до 20 м, высота – 2 м) и дуговидным рвом (ширина – 15–28 м, глубина – 1,5–2 м). На валу городища в 1949 г. Н.Ф. Калининым прослежены остат-



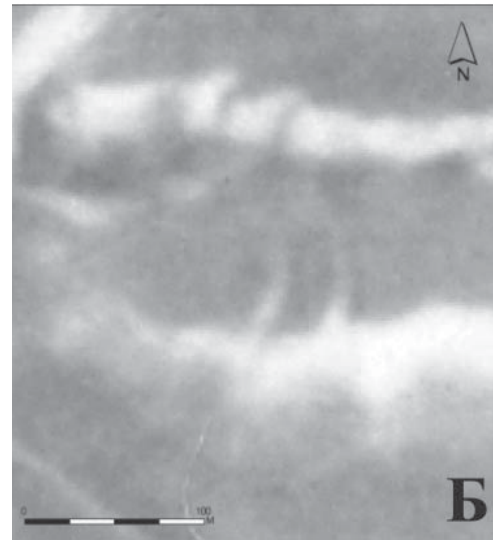


Рис. 5. Большефроловское городище на разновременных снимках:
А – 1958 г.; Б – 1980 г. В – 2015 г.

Fig. 5. Bolshoye Frolovo hill-fort on photographs dating back to various time periods:
a – 1958; b – 1980; c – 2015.

ки деревянной бревенчатой стены, на площадке выявлен культурный слой в 50–60 см. На снимках видно, что с юго-востока городище ограничено оврагом, правый борт которого сложен коренными породами, а левый – суглинками и прорезан овражно-балочной сетью (рис. 6). Площадка городища, скорее всего, была выровнена при постройке объекта, границы ее фиксируются на АФС, сложена легкими по составу и сыпучими известняками и суглинками.

С юго-запада, запада и северо-запада площадку огибает балка, склоны которой задернованы и обнаженных участков практически не наблюдается, что говорит о низкой интенсивности ЭГП. В 1970-х гг. вал был досыпан двумя параллельными насыпями для устройства стрельбища, которое в настоящее время не функционирует (рис. 6: Б–В).

Склон восточной экспозиции крутой – 70–80º, осложнен осыпями, оползнями и обвалами (рис. 7).

По предварительным расчетам, за 60-летний период в результате осыпных процессов отступание бровки склона составило 12 м в максимальной точке, в результате чего начала разрушаться площадка городища, что приводит к уничтожению культурного слоя. Напротив, склон западной экспозиции сложен суглинками – оползн-

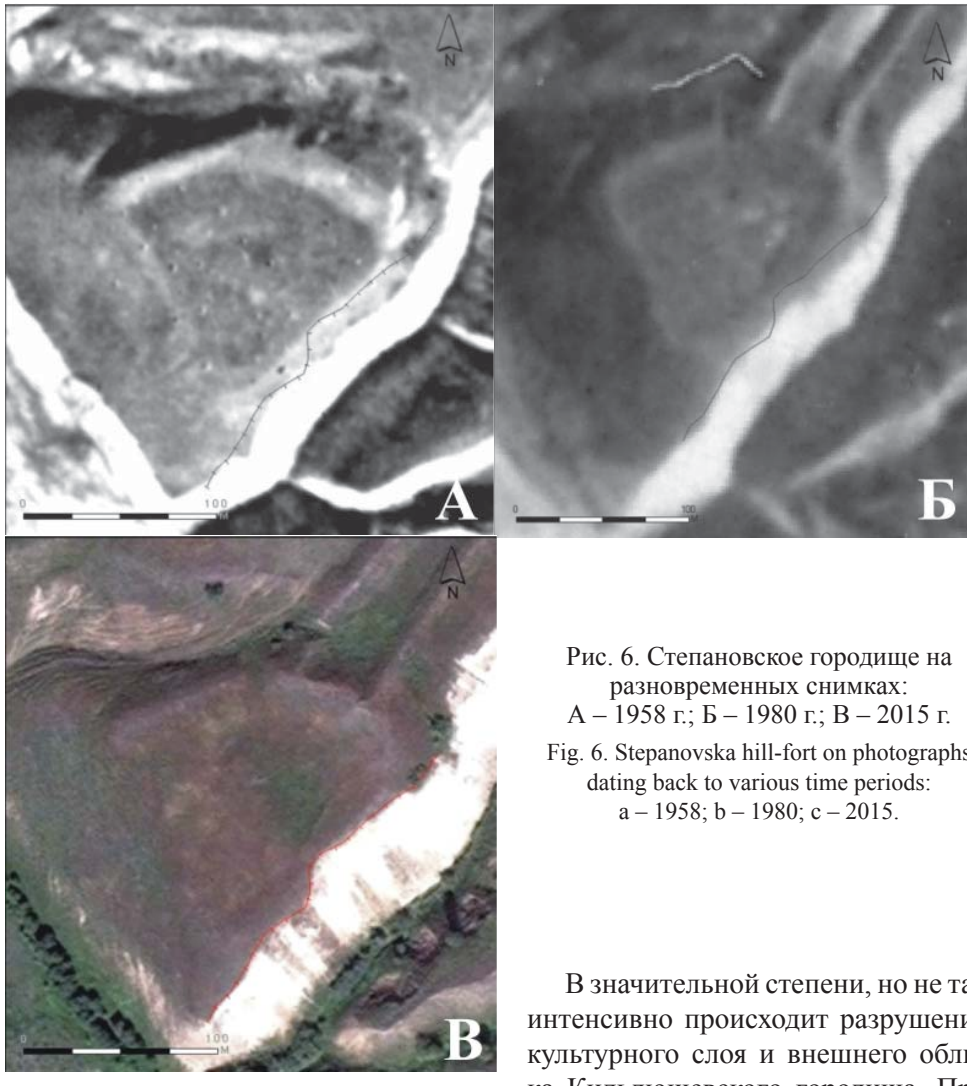


Рис. 6. Степановское городище на разновременных снимках:
А – 1958 г.; Б – 1980 г.; В – 2015 г.

Fig. 6. Stepanovska hill-fort on photographs dating back to various time periods:
a – 1958; b – 1980; c – 2015.

невые и обвальные процессы здесь отсутствуют.

Антропогенное воздействие. По итогам анализа ДДЗ и полевых исследований, наиболее подвержены негативным антропогенным процессам Богдашкинское и Хулашское городища (табл. 2). Большая часть территории памятников находится в зоне интенсивной сельскохозяйственной деятельности. В результате многолетней распашки внешний облик городищ претерпел существенные изменения.

В значительной степени, но не так интенсивно происходит разрушение культурного слоя и внешнего облика Кильдюшевского городища. При общей целостности валов здесь нарушен культурный слой при создании фруктового сада и при организации пруда. Менее всего подвержено антропогенным негативным процессам Степановское городище. В результате создания стрельбища был частично разрушен ров и досыпан вал, что привело к искажению облика памятника археологии. Большефроловское городище не подвержено каким-то очевидным антропогенным процессам, однако опасение вызывает состояние находящегося сразу за валами одно-

Рис. 7. Осыпные и обвальные процессы на восточном склоне Степановского городища.
Fig. 7. Colluvium and landslide processes on the eastern slope of Stepanovka hill-fort.

Таблица 2

Негативные факторы, оказывающие влияние на исследуемые городища Предволжья Республики Татарстан

№	Наименование	Негативные процессы		Рекомендации по сохранению
		Пораженность, %		
		Антропогенные	Экзогенные	
1.	Богдашкинское городище	Распашка	Склоновые процессы	Инструментальная топосъемка городища, определение границ памятника, вывод из землепользования.
		80	15	
2.	Кильдюшевское городище	Строительство, сельско-хозяйственные работы	Склоновые, процессы, залесенность	Инструментальная топосъемка городища, вывод из землепользования, организация охранных археологических работ в местах обнажения культурного слоя.
		85	10	
3.	Хулашское городище	Распашка	Склоновые процессы	Инструментальная топосъемка городища, определение границ памятника, вывод из землепользования.
		85	10	
4.	Большефроловское городище		Склоновые процессы	Организация охранных работ на примыкающем к городищу селище, мониторинг склоновых процессов.
			10	
5.	Степановское городище	Застройка	Склоновые процессы, оползни	Мониторинг склоновых процессов.
		10	20	

временного селища, территория которого, возможно, разрушена карьером и требует отдельного изучения.

Экзогенные процессы. Наиболее интенсивные экзогенные процессы фиксируются на Степановском городище (осыпи на крутом склоне). Остальные взятые для исследования городища также подвержены влиянию экзодинамических процессов, что привело к частичному разрушению оборонительной системы Богдашкинского, Кильдюшевского и Хулашского городищ. Несмотря на наблюдающиеся склоновые процессы, Большефроловское городище единственное сохранило свой первоначальный облик.

Таким образом, впервые для региона исследования были проведены работы по определению трансформаций городищ, установлена динамика разрушения памятников, восстановлена форма утраченных объектов. Полученные в процессе выполнения проекта актуальные данные о состоянии городищ Предволжья РТ с привлечением современных инструментов и методов исследования послужат основой для разработки системы анализа нарушенности территории расположения объекта культурного наследия (памятника археологии). Одновременно результаты работ позволяют выявить тенденции изменения состояния памятников и количественно оценить риски их разрушения.

Проведенные исследования на выбранных памятниках определяют работу коллектива в дальнейшем. При проведении полевых экспедиционных работ будет разрабатываться новый и оригинальный не только для нашей страны, но и зарубежья комплексный метод оценки рисков разрушения памятников археологии с использованием беспилотных летательных аппаратов, методов фотограмметрии, 3D-моделирования, ГНСС-технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гайнуллин И.И., Дёмина Ю.В., Усманов Б.М.* Опыт применения ГИС-технологий для оценки интенсивности разрушения археологических памятников в зоне влияния Куйбышевского водохранилища // КСИА. 2012. № 226. С. 54–63.

2. *Гайнуллин И.И., Ермолаев О.П., Ситдиков А.Г., Усманов Б.М.* Комплексное исследование разрушаемых археологических памятников на участке береговой линии Куйбышевского Водохранилища у с. Измери (Спасский район РТ) // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 107–122.

3. Государственный доклад о состоянии природных ресурсов и об охране окружающей среды Республики Татарстан в 2015 году. Казань, 2016. 505 с.

4. *Жуковский М.О.* Использование мультироторных БПЛА и фотограмметрических технологий обработки аэрофотосъёмки в современных археологических исследованиях // Виртуальная археология (эффективность методов). Материалы Второй Международной конференции (Санкт-Петербург, 1–3 июня 2015 г.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2015. С. 69–80.

5. *Зайцева О.В.* «3d революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. 2014. № 4 С. 10–20.

6. *Коробов Д.С.* Основы геоинформатики в археологии. Учебное пособие. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 224 с.

7. Свод памятников археологии Республики Татарстан / Т. 3 / Отв.ред. А.Г. Ситдиков, Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во Института Истории АН РТ, 2007. 528 с.

8. Asăndulesei A. Inside a Cucuteni Settlement: Remote Sensing Techniques for Documenting an Unexplored Eneolithic Site from Northeastern Romania // Remote Sensing. 1(17). 2017. pp. 41.

9. Balletti C., Guerra F., Scocca V., Gottardi C. 3d integrated methodologies for the documentation and the virtual reconstruction of an archaeological site // The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2015. pp. 215–222.

10. Banerjee R., Srivastava P. K. Reconstruction of contested landscape: Detecting land cover transformation hosting cultural heritage sites from Central India using remote sensing // Land Use Policy. 34. 2013. pp. 193–203.

11. Del Lungoa S., Sabiaa C.A., Pacellab C. Landscape and cultural heritage: best practices for planning and local development: an example from Southern Italy // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 188. 2015. pp. 95–102.

12. Dubbini M., Curzio L.I., Campedelli A. Digital elevation models from unmanned aerial vehicle surveys for archaeological interpretation of terrain anomalies: Case study of the Roman castrum of Burnum (Croatia) // Journal of Archaeological Science. Reports 8. 2016. pp. 121–134.

13. Esposito S., Fallavollita P., Melis M. G., Balsi M., Jankowski S. UAS imaging for archaeological survey and documentation // Proc. SPIE 8903. 2013.

14. Fernandez-Hernandez J., Gonzalez-Aguilera D., Rodriguez-Gonzalvez P., Mancera-Maboada J. Image-based modelling from unmanned aerial vehicle (UAV) photogrammetry: an effective, low-cost tool for archaeological applications // Archaeometry. 57(1). 2015. pp. 128–145.

15. Gainullin I.I, Khomyakov P.V, Sitdikov A.G, Usmanov B.M. Study of anthropogenic and natural impacts on archaeological sites of the Volga Bulgaria period (Republic of Tatarstan) using remote sensing data // Proc. SPIE 9688. 2016.

16. Gaynullin I., Kasimov A., Khomyakov P., Usmanov B. An integrated approach for medieval hillforts study (Republic of Tatarstan, Russia) // Proc. 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016/ 3(2)/ pp. 247–254.

17. Gaynullin I., Sitdikov A., Usmanov B. Destructive abrasion processes study in archaeological sites placement (Kuibyshev and Nizhnekamsk reservoirs, Russia) // Proc. International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2014. 3(1). pp. 339–346.

18. Gaynullin I.I., Sitdikov A.G., Usmanov B.M. Abrasion processes of Kuibyshev Reservoir as a factor of destruction of archaeological site Ostolopovo (Tatarstan, Russia) // Advances in Environmental Biology. 8(4). 2014. pp. 1027–1030.

19. Hritz C. Contributions of GIS and Satellite-based Remote Sensing to Landscape Archaeology in the Middle East // Archaeol. Res. 22(3). 2014. pp. 229–276.

20. Lasaponara R., Masini N., Holmgren R., Backe, Forsberg Y. Integration of aerial and satellite remote sensing for archaeological investigations: a case study of the Etruscan site of San Giovenale // Journal Of Geophysics And Engineering. 9(4). 2012. pp. 26–39.

21. Reinhold S., Belinskiy A., Korobov D. Caucasia top-down: Remote sensing data for survey in a high altitude mountain landscape // Quaternary International. 402. 2016. pp. 46–60.

22. Risbol O., Briese C., Doneus M. Nesbakken, A. Monitoring cultural heritage by comparing DEMs derived from historical aerial photographs and airborne laser scanning // Journal of Cultural Heritage. 16(2). 2015. pp. 202–209.

23. Romanescu G., Nicu I.C. Risk maps for gully erosion processes affecting archaeological sites in Moldavia, Romania // Zeitschrift für Geomorphologie. NF 58(4). 2014. pp. 509–523.

24. Stek T. D. Drones over Mediterranean landscapes. The potential of small UAV's (drones) for site detection and heritage management in archaeological survey projects: A case study from Le Pianelle in the Tappino Valley, Molise (Italy) // Journal of Cultural Heritage. 22. 2016. pp. 1066–1071.

25. Tscharfa A., Rumplerb M., Fraundorferb F., Mayera G., Bischof H. On the use of UAVs in mining and archaeology – geo-accurate 3d reconstructions using various platforms and terrestrial views // ISPRS Annals of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences. 2015. pp. 15–22.

26. Wang J.-J. Flood risk maps to cultural heritage: Measures and process // Journal of Cultural Heritage. 16(2). 2015. pp. 210–220.

27. Wu P-S., Hsieh C-M., Hsu M-F. Using heritage risk maps as an approach to estimating the threat to materials of traditional buildings in Tainan (Taiwan) // Journal of Cultural Heritage. 15(4). 2014. pp. 441–447.

28. Yermolaev O.P., Usmanov B.M., Muharamova, S.S. The basin approach and mapping to the anthropogenic impact assessment on the east of the Russian Plain // International Journal of Applied Engineering Research. 10(20). 2015. pp. 41178–41184.

Информация об авторах:

Гайнуллин Искандер Ильгизович, научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ihigh@mail.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Усманов Булат Мансурович, старший преподаватель, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); BUsmanof@kpfu.ru

Хомяков Петр Валериевич, инженер 1 категории, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); Petr.Khomyakov@ksu.ru

QUALITATIVE ASSESSMENT OF THE CONDITION OF TATARSTAN MEDIEVAL FORTIFIED SETTLEMENTS UNDER THE DATA OF REMOTE SENSING

I.I. Gainullin, P.V. Khomiakov, A.G. Sitdikov, B.M. Usmanov

The article considers the modern condition of the archaeological monuments of the Republic of Tatarstan as an essential manmade part of the cultural landscape. According to UNESCO directive, the "cultural landscape" is considered not only as a result of cooperation between man and nature, but also as a natural and cultural territorial complex with a structural and functional integrity developing in specific physical and geographical, cultural and historical conditions. Medieval fortified settlements with a system of defensive fortifications which are easily identified on the basis of remote sensing data were selected as research subjects. The identification and evaluation of monument destruction risks are a priority in the investigation of cultural heritage sites. Due to the fact that most of the monuments are located on the banks of minor rivers, the primary task of investigation was the assessment of the risk of their destruction as a result of natural (dangerous exogenous) processes. The second objective was to evaluate the role of the human factor in the destruction of archaeological sites. One of the main utilized techniques is the search and analysis of archival and modern remote sensing data. This approach allows to correct settlement shapes, confirm their sizes and location in the landscape, thus resolving the issue of updating the information on cultural heritage sites. For the first time in the Tatarstan Republic, investigation results will allow to determine the past and current changes in the condition of the monuments and conduct a quantitative assessment of the risks of their destruction prior to the determination of priority regions for the performance of salvage and rescue excavations.

Keywords: archaeology, cultural heritage, human factor, exogenous processes, remote sensing, aerial photography, geoinformation systems, fortified settlements, the Middle Ages.

REFERENCES

1. Gainullin, I. I., Demina, Iu. V., Usmanov B. M. 2012. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 226, 54–63 (in Russian).

2. Gainullin, I. I., Ermolaev, O. P., Sitdikov, A. G, Usmanov B. M. 2012. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* (2), 107–122 (in Russian).

3. 2016. Gosudarstvennyi doklad o sostoianii prirodnykh resursov i ob okhrane okruzhaiushchei sredy Respubliki Tatarstan v 2015 godu (State Report on the Condition of Natural Resources and Protection of the Environment of the Republic of Tatarstan in 2015). Kazan (in Russian).

4. Zhukovskii, M. O. 2015. In *Virtual'naia arkheologiia (effektivnost' metodov) (Virtual Archaeology (Method Efficiency))*. Saint Petersburg: The State Hermitage Museum, 69–80 (in Russian).

5. Zaitseva, O. V. 2014. In *Sibirskie istoricheskie issledovaniia (Siberian Historical Research)* 4, 10–20 (in Russian).

6. Korobov, D. S. 2011. *Osnovy geoinformatiki v arkheologii (Basics of Geoinformatics in Archaeology)*. Moscow: Lomonosov Moscow State University (in Russian).

7. Sitdikov, A. G., Khuzin, F. Sh. (eds.). 2007. *Svod pamiatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan (Corpus of Archaeological Sites in the Republic of Tatarstan)* 3. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences (in Russian).

8. Asăndulesei A., 2017. In *Remote Sensing* 1(17). 41.

9. Balletti, C., Guerra, F., Scocca, V., Gottardi, C. 2015. In *The International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 215–222.

10. Banerjee, R., Srivastava, P. K. 2013. In *Land Use Policy* 34, 193–03.

11. Del Lungoa,S., Sabiaa, C.A., Pacellab, C. 2015. In *Procedia - Social and Behavioral Sciences* 188, 95–102.

12. Dubbini, M., Curzio, L.I., Campedelli, A. 2016. In *Journal of Archaeological Science. Reports* 8, 121–134.

13. Esposito, S., Fallavollita, P., Melis, M. G., Balsi, M., Jankowski, S. 2013. In *Proceedings of SPIE – The International Society of Optical Engineering*, 8903.

14. Fernandez-Hernandez, J., Gonzalez-Aguilera, D., Rodriguez-Gonzalvez, P., Mancera-Maboada, J. 2015. In *Archaeometry* 57(1), 128–145.

15. Gainullin, I.I, Khomyakov, P.V, Sitdikov, A.G, Usmanov, B.M. 2016. In *Proceedings of SPIE – The International Society of Optical Engineering*, 9688.

16. Gaynullin, I., Kasimov, A., Khomyakov, P., Usmanov, B. 2016. In *Proceedings of the 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM* 3(2), 247–254.

17. Gaynullin, I., Sitdikov, A., Usmanov, B. 2014. In *Proceedings of International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM* 3(1), 339–346.

18. Gaynullin, I.I., Sitdikov, A.G., Usmanov, B.M. 2014. In *Advances in Environmental Biology* 8(4). 1027–1030.

19. Hritz, C. 2014. In *Journal of Archaeological Research* 22(3), 229–276.

20. Lasaponara, R., Masini, N., Holmgren, R., Backe, Forsberg Y. 2012. In *Journal of Geophysics and Engineering* 9(4). 26–39.

21. Reinhold, S., Belinskiy, A., Korobov, D. 2016. In *Quaternary International*. 402. 46–60.

22. Risbol, O., Briese, C., Doneus, M. Nesbakken, A. 2015. In *Journal of Cultural Heritage* 16(2) 202–209.

23. Romanescu, G., Nicu, I.C. 2014. In *Zeitschrift für Geomorphologie* NF 58(4), 509–523.

24. Stek, T. D. 2016. In *Journal of Cultural Heritage* 22, 1066–1071.

25. Tscharfa, A., Rumplerb, M., Fraundorferb, F., Mayera, G., Bischof, H. 2015. In *ISPRS Annals of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences*, 15–22.

26. Wang, J.-J. 2015. In *Journal of Cultural Heritage* 16(2), 210–220.

27. Wu, P-S., Hsieh, C-M., Hsu, M-F. 2014. In *Journal of Cultural Heritage* 15(4), 441–447.

28. Yermolaev, O.P., Usmanov, B.M., Muharamova, S.S. 2015. In *International Journal of Applied Engineering Research* 10(20), 41178–41184.

About the Authors:

Gainullin Iskander I. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ihigh@mail.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Usmanov Bulat M. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; BUsmanof@kpfu.ru

Khomyakov Petr V. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Petr.Khomyakov@ksu.ru

Статья поступила в номер 24.03.2017 г.

Критика и библиография

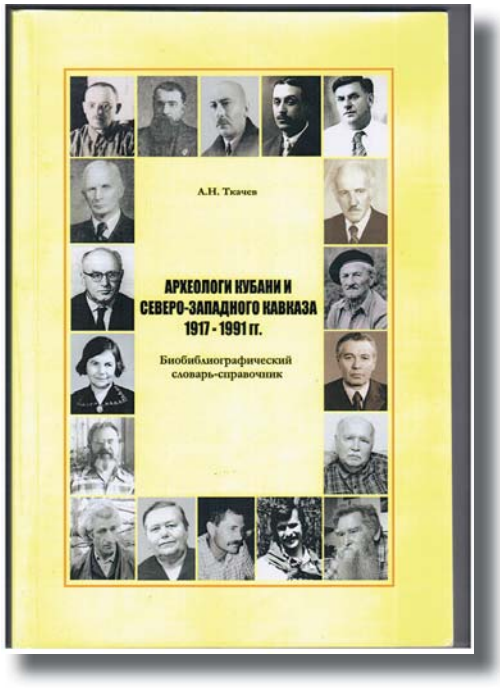
УДК 930 (092) DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.321.329

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: А.Н. ТКАЧЁВ. АРХЕОЛОГИ КУБАНИ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (1917–1991 ГГ.). БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК. КРАСНОДАР, 2016. 346 С.

© 2017 г. С.П. Щавелёв

В рецензии приветствуется выход в свет одного из первых словарей русских археологов. Применительно к избранному региону изучения древностей нашей страны автор-составитель словаря представил практически всех тех коллег, кто вел там раскопки и публиковал соответствующие находки за последние сто лет. Тем самым в лапидарном, но весьма информативном жанре энциклопедических персоналий охарактеризованы все поколения ученых, работавших с кубанскими и северо-кавказскими памятниками археологии, – от предреволюционных до ныне здравствующих. Рецензентом отмечены отдельные содержательные и полиграфические недочеты издания и высказаны предложения по продолжению работы над лексиконом отечественных археологов.

Ключевые слова: археология, история науки, гуманитарные науки, библиография, биографические словари, ученые.



И доносится в тиши
Словно вздох загробный:
– Авто-био опиши
Кратко и подробно.
...
Нет уж, лучше, если сам
И у спецконторки
Примостившись, написал
Авто-био Тёркин.

А.Т. Твардовский
«Тёркин на том свете»

Научно-справочные издания должного объема и качества – важный показатель дисциплинарного развития любой отрасли науки и практики. Однако биографические, а в идеале биобиблиографические словари и тем более энциклопедии представляют собой особо сложный жанр академи-

ческого письма. Большинство активных исследователей, как правило, не расположено заниматься этим, в общем вторичным по отношению к их исследовательской тематике, делом. Они в лучшем случае могут составить один-другой некролог учителя или друга, написать пару-тройку персоналистических статей для чьего-то справочника, но целую книгу кратких биографий ученых им готовить некогда, да и не располагают они всей необходимой для этого информацией. Поэтому чаще словарным делом в сфере гуманитарного знания занимаются не специалисты, а любители-краеведы или библиографы. Но они, как правило, слабо разбираются в специальностях биографируемых исследователей (в нашем случае – в полевой археологии). Их очерки об ученых и особенно об организаторах науки обычно отличаются комплиментарностью – полным игнорированием недостатков и безудержным преувеличением, выдумыванием заслуг «своих» персонажей. Таковы вышедшие из печати словари русских историков (Корзун и др., 1999; Чернобаев, 2000) и философов (Алексеев, 2002; 2009; Философы, 2016[1]). Большинство статей в таких случаях предоставляется составителям самими персонажами или же их близкими родственниками, учениками, которым всегда трудно посмотреть на справки о своих кумирах с объективных, критических позиций.

Более реалистичны увидевшие свет материалы для словарей этнографов, филологов, фольклористов (Славяноведение, 1993; Люди и судьбы, 2003; Алексеев, 2002, 2009; Фольклористы России, 2007; Топорков, 2016; Иванова, 2016), однако их рамки сужены либо репрессированными при тоталитаризме коллегами, либо минимизированным до предела («родился, крестился», служил там-то и там-то) форматом персональных статей.

Что касается археологов, то справочников о них явно недостаточно. Стоит упомянуть разве что именные указатели (аннотированные) к монографиям В.Ф. Генинга (Генинг, 1982) и А.С. Смирнова (Смирнов, 2011), да украинскоязычный «словник-довідник» Г.Г. Мезенцевой (Мезенцева, 1997).

Один из региональных словарей историков и археологов принадлежит перу рецензента (Щавелев, 2009).

Отдаленными подступами к лексикону отечественных археологов можно считать сборники «научных биографий», подготовленные к юбилеям академических институтов и организаций (Институт археологии сегодня, 2000; Институт археологии: история и современность, 2000; Академическая археология, 2014), а также персональные странички на их нынешних сайтах.

Разумеется, немало статей про археологов содержат общие и отраслевые словари и энциклопедии (Кто есть кто, 2002; Императорский Московский университет, 2010; многие др.), но они ограничиваются, что вполне понятно по их издательским форматам, или самыми известными, или самыми чиновными именами, либо стенами отдельных учреждений.

Не забудем и Википедию, и похожие интернет-ресурсы, где с опреде-

[1] А это издание и вовсе в духе времени: имеющим ученые степени преподавателям философии издатели предложили заполнить анкету и заплатить за публикацию получившейся статьи о самом себе.

ленных пор можно найти справки в том числе о многих русских археологах. Достоинства и недостатки такого рода «свободных ресурсов» хорошо известны. Заменить справочники книжного формата они в обозримой перспективе вряд ли смогут, хотя бы потому что, как правило, анонимны, не имеют редакторов и рецензентов.

Понятное дело, что составители будущего сводного словаря археологов России должны будут по возможности полнее учесть в своей работе весь уже указанный, пусть и не самый совершенный биографический материал. Пора согласовать общую концепцию справочной биографистики применительно к археологии (Ляшко, 1997).

На таком историографическом фоне выход в свет нового и вполне профессионально выполненного справочника такого рода стоит всячески приветствовать (Ткачев, 2016). Неизбежные вопросы и претензии к нему никак не могут умалить заслуг «автора-составителя» Алексея Николаевича Ткачёва – сотрудника кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, магистра истории и соискателя ученой степени кандидата наук. В кратком предисловии им объявляется замысел работы: «…С одной стороны, максимально полно представить археологов, проводивших исследования в регионе, с другой – дать развернутую информацию об ученом в виде очерка с описанием основных направлений его научных изысканий, итогов полевых исследований, научной биографией (с фотографией) и списком опубликованных работ» (Ткачев, 2016, с. 4). Выдержать заявленный формат подачи материала составителю в целом удалось, хотя объемы отдельных статей у него отличаются в два-три раза, а то и более. И это связано не только с разницей масштаба исследований того или иного лица, но и с источниками словарной информации о том или ином археологе, которые удалось или не удалось использовать автору словаря.

«Предисловие» к этому словарю слишком, пожалуй, краткое. На двух страницах составителю было мудрено растолковать вдумчивому читателю свой замысел. Тому придется додумывать, какими соображениями были определены хронологические рамки издания, отбор тех или иных персонажей, объем библиографических перечней, типовая структура статьи. Впрочем, при ближайшем рассмотрении статей словаря эти вопросы в целом проясняются.

Лучше всего соответствуют поставленной цели очерки о местных, кубанских, исследователях, что и понятно, а также тех приезжих специалистах, для кого южнорусские земли стали основным объектом изысканий. Документальные данные о тех и других составителю были доступнее всего. Наряду с фигурами всероссийского масштаба в академической науке составитель приводит емкие характеристики любителей старины, краеведов, представителей самых разных специальностей, для кого раскопки и вообще древности стали частью, большей или меньшей, их биографий. Без их добровольной и бескорыстной помощи такая наука, как археология, да еще на огромных просторах России, никогда не могла обойтись (Ща-

велев, 2015), что в очередной раз, на собственных материалах отлично показано А.Н. Щегловым.

Значительная часть словарных очерков носит не компилятивный, что нормально для справочника, а исследовательский, авторский характер. Среди них я бы выделил собранные самим автором новые в историографии и богатые материалы о Н.В. Анфимове (1909–1998), А.С. Башкирове (1885–1963), Ю.Н. Воронове (1941–1995), Н.А. Захарове (1883–1938), М.М. Кобылиной (1897–1988), А.П. Краснове (1895–1978), М.М. Кубланове (1914–1998), А.Ф. Лещенко (1880–1954), Б.В. Лунине (1906–2001), И.А. Наврузове (1884–1943), В.А. Пархоменко (1880–1942), М.В. Покровском (1897–1959), Н.И. Репникове (1882–1940), Н.И. Сокольском (1916–1973), Л.Н. Соловьеве (1894–1973), Г.Ф. Чайковском (1860–1936), довольно многих других археологах.

Применительно же к столичным корифеям, особенно самым именитым и плодовитым (скажем, от В.А. Городцова до Б.А. Рыбакова), коих экспедиционные судьбы заносили в этот регион, то об их раскопках здесь говорится подробно, а вот их общие заслуги в науке и ее организации упомянуты в этом словаре весьма выборочно. Что читатель вполне может компенсировать, обратившись к общероссийским справочникам или ресурсам Интернета.

Привлекательной стороной издания выступают портреты, сопровождающие почти все словарные статьи. Значительная их часть извлечена составителем, как видно, из личных, семейных, учрежденческих архивов, где они были практически обречены на забвение. Помимо персональных портретов, к изданию приложена замечательная подборка так называемых «рабочих моментов» раскопок в регионе, посвященных ему музейных экспозиций и т.п. сюжетов на черно-белых фото 1920–1980-х годов. Изобразительный ряд многое добавляет к сообщениям словарных статей и выразительно передает дух разных эпох, пережитых местной археологией. Жаль, что публикатор не отметил, что почти все снимки, судя по всему, публикуются впервые и где именно хранятся оригиналы.

Биографии расположены по алфавиту фамилий, что, наверное, удобнее для читателя, чем разбивка по ученым специализациям (каменный век, античная археология и т.д., как в упомянутом справочнике Г.Г. Мезенцевой). Ныне здравствующим персонажам составителем посылалась анкета (жаль, что не приведен ее образец).

Помимо печатных изданий, в особенности юбилейных и некрологических, автор привлекал «архивные материалы, включая вузовские архивы, содержащие личные дела исследователей» (Ткачев, 2016, с. 4). К сожалению, список использованных архивохранилищ и всех просмотренных единиц хранения из них отсутствует. Правда, вопреки принятой в словарях форме, составитель в большинстве статей делает сноски на печатные и архивные источники своей информации, однако применительно к этим последним в ссылках фигурируют почти исключительно отчеты о раскопках, а не биографические документы. Их стоило упомянуть в библиографических концовках статей, наряду с той печатной литературой, которая могла быть уже посвящена

соответствующему персонажу (статьи в других биографических справочниках, некрологи, юбилейные издания и т.п.). Однако составитель ограничился указанием на публикации биографируемых коллег, поделив их труды на «монографии» и «основные статьи». Думается, точнее было бы перечислить эти самые «основные работы» по времени их выпуска в свет – ведь кроме монографий и статей у многих археологов имеются публикации других жанров (учебники, пособия, методички, а в особенности мемуары). На самом деле автор почему-то называет «монографиями» все книги и брошюры, в том числе популярные книжки, сборники мелких работ, каталоги, атласы, хрестоматии и т.д. Да и понятие «статьи» в науке растяжимое. Иные тезисы в материалах конференции порой оказываются ценнее многих статей, опубликованных «для галочки» в личном деле сотрудника. Короче говоря, библиографическая часть словаря, хотя и будет полезна для читателей, особенно начинающих свой путь в науке, но явно не соответствует академическому формату подачи этого материала.

Как видно из подзаголовка издания, оно было ограничено хронологическими рамками советского периода. Что применительно к региональному справочнику об ученых прошлых поколений: раскопки на более или менее современном уровне начались в этнополитических «углах» Российской империи только к началу XX века, и большинство первооткрывателей региональных древностей дожили до революций 1917 года. Конечно, в некоторых случаях составителю пришлось отметить и работы постсоветского периода (1992–2016 годов), ведь они продолжали, как правило, ранее начатые исследования, упомянутые в словаре. С другой стороны, имеются исследователи, начавшие и продолжающие исследования на Кубани уже в 1990-е годы. Им, как видно, придется дожидаться второго, дополненного, издания такого рода словаря. Наконец, кто-то из наших современников мог не предоставить составителю материалы о себе и не дать согласия на публикацию соответствующей статьи. При всем том, более чем 180 словарных биографий образуют очень познавательное издание, причем для самых разных категорий читателей, не только неофитов, но и опытных специалистов в истории и археологии, а в особенности преподавателей этих наук.

Видимо, революционный 1917 год как нижняя планка словарной хронологии определяет тех первых, еще дореволюционных, исследователей кубанских древностей, кто оставил актуальные до сих пор научные результаты своих раскопок и публикаций. А еще более условный 1991 год каким-то образом отграничивает историю археологии от ее современности. Конечно, и такая, и любая другая хронология неминуемо вызовет вопросы. А то и претензии относительно тех или иных проигнорированных составителем персон. Но вряд ли стоит на эти претензии обращать внимание. Тут уместен совет поэта (В.А. Жуковского): «Не говори с тоской: их нет. / Но с благодарностию: были» (в данном случае учтены в словнике).

При вполне достойном полиграфическом облике издания в нем то и дело встречаются опечатки; не все фигурирующие в тексте словаря аббревиатуры есть в итоговом списке

сокращений; на последней, технической, странице (346) отсутствует указание на редактора и корректора, как и вообще на издательство, которое и должно было бы исправить ошибки в электронном наборе авторского текста. На титульном листе нет принятых грифов министерства, ведомства, учреждения, а на обороте титула отсутствуют сведения о научном редакторе и рецензентах. Вместо всего этого обозначено: «В авторской редакции». При всей нередкой условности упомянутых атрибутов научной печати вряд ли нам нужно от них отказываться. С помощью добросовестных рецензентов и издателей издание бы выиграло и своей полиграфической формой, и содержанием. Кто-то из археологов среднего или старшего поколений из центральных институтов, предполагаю, согласился бы дать отзыв на рукопись словаря и улучшить его своими замечаниями и предложениями. На то, что многие провинциальные авторы дистанцируются от столичных коллег, сетовал еще А.А. Формозов, и был прав в этом своем опасении.

Высказанные мной замечания и предложения никак не снижают познавательной и мемоативной ценности первых вариантов энциклопедирования русских археологов, к числу которых принадлежит и словарь А.Н. Ткачева. В идеале он послужит примером для других регионов нашей страны, представители которых смогут учесть плюсы и минусы этого новаторского издания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 416 с.

2. *Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект 2002. 944 с.

3. *Алексеев П.В.* Философы России начала XXI столетия. Биографии, идеи, труды. М.: РОССПЭН, 2009. 695 с.

4. *Генинг В.Ф.* Очерки по истории советской археологии (У истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е – первая половина 30-х годов). Киев: Наукова думка, 1982. 225 с.

5. *Иванова Т.* О проекте «Биобиблиографический словарь «Русские фольклористы» [2016] // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамеры) РАН // www.http:kunstkamera.ru/rubrikator/01/978-5-88431-209-8/

6. Императорский Московский университет: 1755–1917. Энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: РОССПЭН, 2010. 894 с.

7. Институт археологии сегодня. Сборник научных биографий / Отв. ред. А.В. Кашкин. М.: ИА РАН, 2000. 248 с.

8. Институт археологии: история и современность. Сборник научных биографий / Под ред. В.И. Гуляева. М.: ИА РАН, 2000. 272 с.

9. *Корзун В.П., Кузнецова О.В., Осадченко Б.А.* Современная историческая наука Западной Сибири в лицах. Историки Омска. Биобиблиографический словарь. Омск: Курьер, 1999. 299 с.

10. Кто есть кто в РГГУ. Краткий биографический справочник / Сост. С.И. Голотик и др.. М., 2002. 372 с.

11. Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991). / Издание подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. 496 с.

12. Ляшко С.Н. Археологическая справочная биографистика как способ научной коммуникации // Археологія і давняя історія України. Зб. наук. прац. Киев: Институт архъеологии НАН Украины, 2012. Вып. 9. С. 165–169.

13. Мезенцева Г.Г. Дослідники археології України. Енциклопедичний словарь-довідниик. Чернігів: Сіверянська думка, 1997. 205 с.

14. Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 2002. 340 с.; Вып. 2. М.: Восточная литература, 2003. 494 с.

15. Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Биобиблиографический словарь. N.Y., Ross, 1993. 528 с.

16. Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с.

17. Ткачев А.Н. Археологи Кубани и Северо-Западного Кавказа (1917–1991 гг.). Биобиблиографический словарь-справочник. Краснодар: ООО «Тираж», 2016. 346 с.

18. Топорков А. Русские фольклористы: биобиблиографический словарь // Философы современной России. Энциклопедический словарь. Изд. 4-е, испр. И доп. / Сост. М.В. Бахтин. М.: Энциклопедист-максимум, 2016. 678 с.

19. Фольклористы России. Краткий справочник персоналий / Сост. А.С. Каргин, И.Е. Посохап. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 2007. 128 с.

20. Чернобаев А.А. Историки России. Кто есть кто в изучении отечественной истории. Биобиблиографический словарь. 2-е изд., испр. и доп. Саратов: Саратовский гос. социально-экономический университет, 2000. 207 с.

21. Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. Курск: КГМУ, 2009. 468 с.

22. Щавелёв С.П. Археологическое краеведение в России: противоречивые фазы развития, итоги и перспективы // Очерки истории отечественной археологии. Вып. IV / Отв. ред. П.Г. Гайдуков, И.В. Тункина. М.: Ин-т археологии РАН, 2015. С. 215–234.

Информация об авторе

Щавелёв Сергей Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, Курский государственный медицинский университет (г. Курск, Россия), sergei-shhavelev@yandex.ru

BOOK REVIEW: A.N. TKACHEV. ARCHAEOLOGISTS OF KUBAN AND THE NORTH-WEST CAUCASUS (1917–1991). A BIBLIOGRAPHIC DICTIONARY AND REFERENCE BOOK. KRASNODAR, 2016. 346 P.

S.P. Schaveliov

The book review commemorates the publication of one of the first dictionaries by Russian archaeologists. With regard to the selected region of antiquity investigations in our country the author and compiler of the dictionary mentioned virtually all of his colleagues who performed excavations in the region and published the corresponding findings over the last hundred years. He thereby concisely but rather informatively characterized all generations of scientists who have worked with Kuban and North-Caucasus archaeological monuments from pre-revolutionary archaeologists to those continuing their work in the present time. The reviewer noted individual shortcomings of the publication in terms of its content and printing, and advanced his proposals with respect to the continuation of works on the lexicon of Russian archaeologists.

Keywords: archaeology, history of science, humanitarian science, bibliography, biographic dictionaries, scientists.

REFERENCES

1. 2013. *Akademicheskaia arkheologiia na beregakh Nevy (ot Rossiiskoi akademii istorii material'noi kul'tury do Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk, 1919–2014 gg.) (Academic archaeology on the Banks of the Neva River (from the Russian Academy for the History of Material Culture to the Institute for the History of Material Culture under the Russian Academy of Sciences, 1919-2014))*. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ. (in Russian).
2. Alekseev, P. V. 2002. *Filosofy Rossii XIX–XX stoletii. Biografii, idei, trudy (Russian Philosophers of 19th-20th Centuries. Biographies, Ideas and Writings)*. Moscow: "Akademicheskii proekt" Publ. (in Russian).
3. Alekseev, P. V. 2009. *Filosofy Rossii nachala XXI stoletiia. Biografii, idei, trudy (Russian Philosophers of the Early 21st Century. Biographies, Ideas and Writings)*. Moscow: "Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).
4. Gening, V. F. 1982. *Ocherki po istorii sovetskoi arkheologii (U istokov formirovaniia marksistskikh teoreticheskikh osnov sovetskoi arkheologii. 20-e – pervaia polovina 30-kh godov) (Essays on the History of Soviet Archaeology (At the Origins of the Marxist Theoretical Background of Soviet Archaeology))*. Kiev: "Naukova dumka" Publ. (in Russian).
5. Ivanova, T. In *Electronic Library of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences*. Available at: www.http:kunstkamera.ru/rubrikator/01/978-5-88431-209-8/ (in Russian).
6. Andreev, A. Yu., Tsygankov, D. A. (comp.). 2010. *Imperatorskii Moskovskii universitet: 1755–1917. Entsiklopedicheskii slovar' (Emperor's Moscow University: 1755–1917. Encyclopaedic Dictionary)*. Moscow: "Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia" Publ. (in Russian).
7. Kashkin, A. V. (ed.). 2000. *Institut arkheologii segodnia. Sbornik nauchnykh biografii (Institute of Archaeology Today. Collection of Academic Curricula Vitae)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
8. Guliaev, V. I. (ed.). 2000. *Institut arkheologii: istoriia i sovremennost'. Sbornik nauchnykh biografii (Institute of Archaeology: History and Contemporaneity. Collection of Academic Curricula Vitae)*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
9. Korzun, V. P., Kuznetsova, O. V., Osadchenko, B. A. 1999. *Sovremennaia istoricheskaia nauka Zapadnoi Sibiri v litsakh. Istoriki Omska. Biobibliograficheskii slovar' (Influential Persons in the Contemporary Historical Science of West Siberia. Omsk Historians. Biobibliographical Dictionary)*. Omsk: "Kur'er" Publ. (in Russian).
10. Golotik, S. I., et al. (comp.). 2002. *Kto est' kto v Rossiiskom Gosudarstvennom gumanitarnom universitete. Kratkii biograficheskii spravochnik (Who is Who in the Russian State University for the Humanities. Quick Biographical Reference Book)*. Moscow (in Russian).
11. Vasil'kov, Ya. V., Sorokina, M. Yu. 2003. *Liudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov — zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991) (People and Fates. Biobibliographical Dictionary of Orientalists — Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917-1991))*. Saint Petersburg: "Peterburgskoe vostokovedenie" Publ. (in Russian).
12. Liashko, S. N. 2012. In *Arkheologiia i davniaia istoriia Ukraïni. (Archaeology and Ancient History of Ukraine)* 9. Kiev: Institute of Archaeology, Ukrainian Academy of Sciences, 165-169 (in Russian).
13. Mezentseva, G. G. 1997. Doslidniki arkheologii Ukraini. Entsiklopedich-nii slovar'-dovidniik *(Researchers of Ukrainian Archaeology. Encyclopaedic Reference Book)*. Chernihiv: "Siverians'ka dumka" Publ. (In Ukrainian).
14. *Repressirovannye etnografy (Ethnographers – Political Prisoners)* 1, 2. 2002, 2003. Moscow: "Vostochnaia literatura" Publ. (in Russian).
15. *Slavianovedenie v SSSR. Izuchenie iuzhnykh i zapadnykh slavian. Biobibliograficheskii slovar' (Slavic Studies in the USSR. Research of Southern and Western Slavs. Biobibliographical Dictionary)*. 1993. New-York: "Ross" Publ. (in Russian).

16. Smirnov, A. S. 2011. *Vlast' i organizatsiia arkheologicheskoi nauki v Rossiiskoi imperii (ocherki institutsional'noi istorii nauki XIX – nachala XX veka) (Power and Organization of Archaeological Science in the Russian Empire (Essays on the Institutional History of Science in 19th – Early 20th Centuries))*. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

17. Tkachev, A. N. 2016. *Arkheologi Kubani i Severo-Zapadnogo Kavkaza (1917–1991 gg.). Biobibliograficheskii slovar'-spravochnik (Archaeologists of Kuban and the North-West Caucasus (1917–1991). Biobibliographical Reference Book)*. Krasnodar: "Tirazh" Publ. (in Russian).

18. Toporkov, A. 2016. In Bakhtin, M. V. (comp.). *Filosofy sovremennoi Rossii. Entsiklopedicheskii slovar' (Philosophers of Contemporary Russia. Encyclopaedic Dictionary)*. Moscow: "Entsiklopedist-maksimum" Publ. (in Russian).

19. Kargin, A. S., Posokhap, I. E. (comp.). 2007. *Fol'kloristy Rossii. Kratkii spravochnik personalii (Folklorists of Russian. Quick Reference Book of Personalia)*. Moscow: State Republican Centre of Russian Folklore (in Russian).

20. Chernobaev, A. A. 2000. *Istoriki Rossii. Kto est' kto v izuchenii otechestvennoi istorii. Biobibliograficheskii slovar' (Russian Historians. Who is Who in the Research of Russian History. Biobibliographical Dictionary)*. Saratov: Saratov State Socio-Economic University (in Russian).

21. Shchavelev, S. P. 2009. *Istoriki Kurskogo kraia. Biograficheskii slovar' (Historians of the Kurck Region. Biographical Dictionary)*. Kursk: Kursk State Medical University (in Russian).

22. Shchavelev, S. P. 2015. In Gaidukov, P. G., Tunkina, I. V. (eds.). *Ocherki istorii otechestvennoi arkheologii (Essays on the History of Russian Archaeology)* IV. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 215-234 (in Russian).

About the author:

Schaveliov Sergei P., Doctor of Philosophy, Doctor of Historical Sciences, Professor, Kursk State Medical University. K. Marx str., 3 Kursk, 305041, Russian Federation; sergeishhavelev@yandex.ru

Статья поступила в номер 01.06.2017 г.

Хроника

УДК 902. 904 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.330.343

ОБ ОСНОВНЫХ ИТОГАХ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ ИМ. А.Х. ХАЛИКОВА АКАДЕМИИ НАУК ТАТАРСТАНА В 2016 ГОДУ

© 2017 г. А.Г. Ситдиков, И.Р. Каримов

В статье освещается научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института археологии им. А.Х.Халикова в 2016 г., которая осуществлялась в рамках утвержденной президиумом Академии наук Республики Татарстан Стратегии развития Института до 2020 г. Комплексные междисциплинарные фундаментальные и прикладные исследования по изучению и сохранению историко-культурного наследия народов Волго-Уральского региона и сопредельных территорий проводились в широком историко-временном диапазоне – от каменного века до Нового времени на основе широкого межрегионального и международного сотрудничества с ведущими исследовательскими центрами и вузами России и зарубежных стран.

Ключевые слова: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, фундаментальные, фундаментально-прикладные, прикладные исследования.

Научно-исследовательская и научно-организационная деятельность Института археологии им. А.Х. Халикова в 2016 г. стала начальным этапом реализации, утвержденной Президиумом Академии наук Республики Татарстан Стратегии развития института до 2020 г. Проводимые в ее рамках комплексные междисциплинарные исследования, содержащие значительный инновационный компонент, отвечают современным требованиям, которые предъявляются к историко-археологическим исследованиям как в России, так и за рубежом. Они позволяют представить целостную и объективную картину историко-культурного развития Волго-Уральского региона, сопредельных территорий и шире – Евразийской степи в самом широком историко-временном диапазоне – от каменного века до Нового времени.

В 2016 г. значительно повысилась научная продуктивность сотрудников института, наметилась устойчивая тенденция в переориентации их исследований с национальных на международные стандарты. Ярким показателем этого стало почти двукратное увеличение публикационной активности. Итоги исследований сотрудников института представлены в 19 монографиях и 217 научных публикациях.

Возросло количество организованных институтом конференций. Проведенные научные мероприятия являются не только крупными дискуссионными площадками для апробации полученных в ходе исследовательской деятельности результатов, но и этапами в реализации Стратегии развития

Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ на 2016–2020 гг. Событиями научной и общественной значимости стали проведенные под эгидой Академии наук Республики Татарстан Конгресс исламской археологии России и стран СНГ, VII Международная конференция «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды», всероссийские конференции с международным участием «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации», «I Старостинские чтения: Опорные памятники Среднего Поволжья и Прикамья первой половины – середины I тыс. н.э.», Международный научно-практический семинар по применению палеоэкологических методов в археологии. Всего было проведено 16 научных конференций. Из них – 8 международных, 5 – всероссийских с международным участием, 3 – всероссийских.

В 2016 г. начата работа по созданию 7-томной «Археологии Волго-Уральского региона» – ключевой задачи реализации научной стратегии института, в решении которой участвуют все его структурные подразделения. Это предстоящее уникальное многотомное академическое издание позволит более масштабно взглянуть на сведения археологии и сделать их основой для комплексной реконструкции истории населения Волго-Уральского региона с древности до раннего Нового времени. Определена структура издания, сформированы его редакционный совет, редколлегии томов, положено начало работе по подготовке материалов авторами монографии – исследователями из академических институтов и региональных центров РАН, музеев и вузов Москвы, Республики Крым, Самары, Уфы, Перми, Ижевска, Чебоксар, Йошкар-Олы, Пензы, Астрахани, Саратова, Сыктывкара, Елабуги. В подготовке издания участвуют более 100 ученых и специалистов, к ее созданию также будут привлечены в качестве авторов и экспертов специалисты из исследовательских центров зарубежных стран.

Научно-исследовательская деятельность института осуществлялась по 4 фундаментальным направлениям.

Направление 1. Преемственность и трансформация археологических культур Волго-Уральского региона

В результате междисциплинарных исследований городищ Волго-Камья эпохи раннего железа осуществлена реконструкция их природного окружения, изучена история строительства оборонительных сооружений, определена степень воздействия первобытных коллективов на окружающие ландшафты, а также продолжено совершенствование комплексной методики изучения оборонительных сооружений эпохи раннего железа – раннего средневековья, изучение палеоэкологических условий и основных направлений жизнедеятельности коллективов, проживавших в регионе в эпоху камня и раннего металла, с применением комплекса методов палеогеографии и функционально-трасологического анализа каменных орудий. Исследователям удалось выявить в Волго-Уральском регионе особенности материальной культуры и погребальной обрядности в переходный период от раннего железного века к эпохе Великого переселения народов и далее – к раннему средневековью. Важным инновационным фактором,

выводящим междисциплинарные исследования в области первобытной археологии, стали развернутые комплексные археолого-палеогеографические исследования поселенческих и погребальных памятников эпохи Великого переселения народов в Волго-Камье с применением современных методов полевой фиксации и моделирования.

Получены новые данные, представившие антропологический состав средневекового городского населения Среднего Поволжья. На основе морфологического анализа древнего ДНК, а также судебной медэкспертизы были определены некоторые генетические истоки средневекового городского сообщества. Введены в научный оборот краниологические материалы, характеризующие антропологический состав некоторых групп населения Кимакского каганата с территории Горного Алтая. Подготовлена уникальная статистика по заболеваниям среди древнего населения Среднего Поволжья, созданы коллекции ДНК патогенов человека и животных. Инвентаризовано более 500 скелетов из археологических памятников разных хронологических этапов, территориальной и культурной принадлежности. Продолжена работа по координации сотрудничества археобиологической лаборатории с сотрудниками Судебно-медицинского Бюро Министерства здравоохранения Республики Татарстан по изучению механических травм и патологических изменений на скелетах из раскопок на Болгарском городище. Совместно с биологами и генетиками Казанского федерального университета были продолжены работы по изучению истоков и генетических связей древнего населения Поволжья, а также по выявлению древних заболеваний, степень и пути их распространения.

Направление 2. Народы Волго-Уральского региона в системе средневековых цивилизаций Евразии. Великий шелковый путь

Значимые результаты получены в исследовании фундаментальных проблем становления и эволюции тюркотатарской цивилизации в Волжской Болгарии, Золотой Орде, Казанском ханстве. Все эти вопросы изучались во взаимосвязи и позволили определить новые подходы в решении многоплановых задач изучения этнического, социального и культурного развития народов Поволжья в широком временном промежутке – от средневековья до раннего Нового времени. В решении этих проблем активно участвовали совместные исследовательские группы, созданных на базе института координационных научных центров: Конгресса средневековой археологии Евразийских степей, Болгарского форума, Форума «Идель-Алтай», объединяющих специалистов от Дуная до Дальнего Востока.

В рамках исследований проблем мусульманской археологии в Казани под эгидой Академии наук Татарстана впервые в стране был проведен Конгресс мусульманской археологии России и стран СНГ. В научный оборот введен целый ряд уникальных материалов по средневековой городской культуре, культовой архитектуре, традиционному хозяйству, погребально-поминальной обрядности, этнографическим особенностям мусульманских народов Евразии.

Научным событием всероссийского масштаба стало проведение VII Международной конференции

«Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» в г. Ялте. На ней были широко рассмотрены многочисленные вопросы, связанные с изучением роли и места Золотой Орды в средневековой истории Евразии. Были обобщены результаты многолетних исследований археологических памятников Улуса Джучи, введены в научный оборот материалы, демонстрирующие влияние степной кочевой субкультуры на социально-экономические процессы в Золотой Орде. Это в значительной степени позволило дополнить актуальной информацией теоретико-практическую базу средневековой археологии Волго-Уральского региона, сопредельных территорий, средневековой Евразии в целом.

Направление 3. Археология Татарстана: сохранение, история изучения, музеефикация

В 2016 г. продолжилось формирование Археологического и Научного фонда института. Музейную коллекцию Института археологии им. А.Х. Халикова пополнили 8000 новых предметов научного, культурно-исторического и музейного значения, полученных в результате изысканий на археологических объектах Республики Татарстан и Волго-Уральского региона в целом и не представленных в фондах других профильных музеев. Впервые в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации включено более 2000 музейных предметов археологии и нумизматики, являющихся собственностью Республики Татарстан и юридически находящихся в ведении Академии наук Татарстана. В целом музейное собрание Института археологии составляет 11187 предметов археологии и нумизматики. В результате эффективной деятельности по систематизации археологических коллекций Музея археологии РТ было обработано более 5000 музейных предметов, внесенных в 29 коллекционных описей с полным научным описанием артефактов.

Масштабная работа по камеральной и научно-технической обработке коллекций, полученных с археологических памятников Республики Татарстан, позволила передать в музеи и музеи-заповедники РТ около 95000 предметов. Научно-документальный фонд Института археологии составляет около 3000 единиц хранения. Более 300 уникальных и особо значимых археологических предметов базовых коллекций Музея археологии представлены на выставках и экспозициях ведущих музеев и музеев-заповедников Татарстана. Музейные предметы и коллекции стали важной частью работы института по популяризации историко-культурного наследия Волго-Камского региона, а также созданию образовательных программ по истории родного края.

Направление 4. Археометрия

В институте широко применялись современные технологии по выявлению и изучению объектов с привлечением методов дистанционного зондирования земли, геофизики, а также методик, связанных с археобиологией, химией, физикой, математикой, информационными технологиями. Это в значительной мере повысило качество и диапазон получаемой информации с объектов культурного наследия. В 2016 г. в общей сложности было обработано более 5000 предметов из металла, дерева,

кожи, текстиля, керамики из Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Свияжска, ГИАХМЗ, Иске-Казанского музея-заповедника, музея-заповедника «Казанский кремль» и Музея археологии Республики Татарстан. В результате междисциплинарных исследований учеными института была создана уникальная технология приближения веса многослойных монет сложного состава к весу серебра высокой пробы, которую использовали средневековые чеканщики, вызвавшая большой интерес у специалистов из России и зарубежных стран. Научные и экспериментальные работы осуществлялись в тесной взаимосвязи с ФТИ АН России, ГосНИИР, Католическим университетом г. Левен (Бельгия), Университетом г. Бабэш-Боляй (Румыния), Казанским федеральным университетом, КНИТУ им. Туполева, КХТИ.

Актуальным направлением деятельности института является создание геоинформационной системы «Археологическое изучение Татарстана», в рамках которой в 2016 году была разработана Управляемая база данных археологического изучения РТ – Единый государственный реестр объектов историко-культурного наследия Республики Татарстан. Применение геоинформационных технологий позволило сформировать базу геоданных масштаба 1:50000, которая включает в себя общегеографическую информацию и информацию по объектам археологического наследия по шести районам Республики Татарстан. Также был проведен пространственный анализ могильников территории памятника до и после затопления Куйбышевским водохранилищем, построена трехмерная модель, восстановлены все погребения, размещение артефактов по данным отчетов раскопок.

Одним из важных направлений многоаспектной научно-исследовательской деятельности института является издание журнала «Поволжская археология» – единственного издания гуманитарного профиля в системе Академии наук Республики Татарстан, включенного в список рецензируемых изданий ВАК. В 2016 г. расширился круг авторов журнала, в числе которых крупные исследователи Волго-Уральского региона, России в целом и зарубежных стран. На его страницах находят отражение наиболее передовые исследования в области изучения евразийских древностей, которые в полной мере соответствуют современным тенденциям развития археологической науки. В отчетном году было издано 4 номера журнала, в котором опубликовано 59 статей, общим объемом 95,6 п.л. Из них 43 статьи сотрудников института.

В 2016 г. продолжилось издание ежегодника «Нумизматика Золотой Орды» – совместного научно-издательского проекта Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, в котором отражены многочисленные аспекты зарождения и развития экономических отношений в Улусе Джучи. В отчетном году опубликовано 17 статей объемом более 20 п.л., авторами которых являются исследователи из крупных научных центров страны и зарубежных стран.

Продолжились археологические исследования в рамках Государственной программы «Возрождение острова-града Свияжск и Великого Болга-

ра». Были получены новые знания об этапах развития этих исторических территорий, о социально-экономической, культурно-духовной жизни поселений и быте их жителей. Апробация полученных материалов прошла на 6 конференциях международного и всероссийского уровня. Проведенные работы являются важной составляющей формирования целостной системы сохранения историко-культурного наследия и его эффективного использования, включения уникальных памятников и исторических территорий в программы российского и международного туризма.

Важным этапом научной деятельности стало обобщение исследований 2014–2016 гг., проводимых институтом в рамках Государственной программы по сохранению национальной идентичности татарского народа за пределами Республики Татарстан – в Саратовской, Тюменской, Астраханской, Ульяновской, Рязанской, Нижегородской областях, в Ставропольском крае, а также в Республике Крым. В результате этих изысканий были введены в научный оборот ценные данные по истории татарского народа и его предков в контексте изучения евразийской цивилизации.

Усилиями сотрудников института в значительной степени обеспечивалась потребность Республики Татарстан в историко-культурной экспертизе земельных участков, планируемых под хозяйственное освоение. В 2016 г. было осуществлено археологическое сопровождение проектов бюджетообразующих отраслей республики – нефтедобычи и нефтепереработки, среди которых объекты «Татнефть», «ТАИФ», «Транснефть-Прикамье». Археологические изыскания проведены в общей сложности на 155 объектах и на площади 31,6 кв. км.

Важным фактором, способствующим интеграции института в российское и международное научное пространство, является создание новых современных научно-организационных форм работы. Эффективной моделью такой деятельности является организованный совместно с КФУ центр превосходства «Археометрия», а также активное сотрудничество института с Казанским федеральным университетом в рамках деятельности научно-образовательного ресурсного центра «Всемирное культурное наследие». Также была продолжена работа постоянно действующего семинара «Археология в системе междисциплинарных гуманитарных исследований», проводимого Институтом археологии им. А.Х. Халикова совместно с Казанским федеральным университетом. Модераторами и докладчиками на них были крупные российские и зарубежные исследователи, имеющие большой опыт в осуществлении междисциплинарных гуманитарных исследований.

Реализация стратегии института по интеграции в глобальное образовательное пространство и созданию современных образовательных продуктов и программ по международному академическому обмену нашло отражение в работе Международной полевой археологической школы в г. Болгар, проводимой Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ совместно с Казанским федеральным университетом. Участниками школы стали молодые ученые из 7 стран мира. К работе в ней в качестве пре-

подавателей привлекались ведущие специалисты из авторитетных научных центров России и зарубежных стран.

Научные исследования, проводимые в Институте археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, осуществляются на основе широкого межрегионального и международного сотрудничества. Партнерами института в реализации Государственного задания и «Стратегии развития Института археологии АН РТ на 2016–2020 гг.» являются ведущие российские и зарубежные научные центры. В 2016 г. институтом заключено 12 новых договоров о научном сотрудничестве с российскими и зарубежными исследовательскими центрами: Государственным университетом Сент-Клауда (Миннесота, США), Институтом Макса Планка (Германия), Институтом археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана, Южно-Казахстанским областным историко-краеведческим музеем управления культуры Южно-Казахстанской области, Государственным историко-культурным музеем-заповедником «Азрет Султан» Республики Казахстан, Государственным научно-исследовательским музеем архитектуры им. А.В. Щусева, Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Калмыцким институтом гуманитарных исследований Российской академии наук, Удмуртским государственным университетом, Марийским государственным университетом, Пермским государственным гуманитарно-педагогическим университетом, Самарским областным историко-краеведческим музеем им. П.В. Алабина.

В аспирантуре Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ проходят обучение 9 человек. Аспиранты 1–4 годов обучения выполнили индивидуальные планы, аттестованы и переведены на следующий год обучения. Темы диссертационных работ аспирантов соответствуют общим направлениям научно-исследовательской деятельности института.

Многогранная научно-исследовательская деятельность ученых и специалистов Института археологии им. А.Х. Халикова, помимо своей высокой научной результативности, способствует тому, что Республика Татарстан становится одним из лидеров в изучении прошлого Волго-Уральского региона, Евразийской цивилизации в целом и является одним из ключевых координаторов этих исследований как в стране, так и в мире.

ПУБЛИКАЦИИ

1. *Аськеев И.В., Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Шаймуратова Д.Н.* Природное окружение стоянки эпохи бронзы - раннего железа Пестрецы-2 (Татарстан, Россия) // Материалы IV Всероссийской научной конференции «Динамика современных экосистем в голоцене» (Пущино, 17−20 октября 2016 г.) / Отв. ред. С.Н. Удальцов. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2016. С. 17–20.
2. *Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В., Мирсияпов И.Ю., Ситдиков А.Г.* Археологические исследования г. Касимова эпохи средневековья // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 182–201.
3. *Баранов В.С.* Городище Унорож: предварительные итоги археологических работ 2014 г. // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 143–168.
4. *Баранов В.С., Губайдуллин А.М.* О некоторых итогах изучения домонгольских напластований Болгарского городища на раскопах CLXXII и CLXXVI в 2012 году // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 193−218.
5. *Бахматова В.Н.* К проблеме изучения керамики «джукетау» (историографический обзор) // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 125–143.
6. *Беляев А.В., Валиев Р.Р., Ситдиков А.Г.* V научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск» // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 278−284.

7. Беляев А.В., Ситдиков А. Г., Шайхутдинова Е. Ф. Металлургия чугуна XIV–XV вв. по материалам Болгарского городища (предварительные результаты) // Средневековая археология Волго-Уралья: сб.ст. к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. С. 101−103.

8. Беляев А.В., Хуснутдинов Э.А. Глиняная фигурка из Татарско-Суксинского поселения. // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 161−167.

9. Беляев А.В., Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М., Ситдиков А.Г. Исследование микроструктуры чугуна ремесленного производства городов Волжской Булгарии: Болгар и Джукетау (XIII−XIV вв.) // Ползуновский альманах. 2016. № 4. С. 19–22.

10. Богатова Л.Ф., Визгалова М.Ю., Старков А.С. Кожаная обувь Свияжского посада: опыт реконструкции простых поршней // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 248–265.

11. Богатова Л.Ф., Кулевцов Г.Н., Степин С. Н. Исследование зависимости концентрации УФ-фильтра на физико-механические и защитные свойства консервирующей акриловой дисперсии для консервации археологических кож // Вестник технологического университета. Т. 19. № 10. С. 91.

12. Бочаров С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275–1475 гг. // Материалы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г.А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 263–269.

13. Бочаров С. Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1774 гг. // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 120−137.

14. Бочаров С. Г., Ситдиков А.Г., Масюта Д.А., Иожица Д.В., Лесная Е.С. , Яворская Л.В. Археологические исследования на Раскопе 199 в 2015 г. // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань, 2016. С. 10−11.

15. Бочаров С.Г. Изменение городской культуры в Крыму во второй половине XIII в. первой половине XIV в. (на примере возникновения местного производства поливной керамики) // Stratum Plus. 2016 № 5. С. 124−129.

16. Бочаров С.Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 144–160.

17. Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Введение // Материалы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 19–21.

18. Бугарчев А.И. Джучидский монетный двор Укек (XIII−XIV вв.) // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 31-43.

19. Бугарчев А.И., Сивицкий М.В. Археологические и нумизматические находки из раскопа CLXXXV Болгарского городища // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 202–225.

20. Бугров Д.Г. Комплекс находок из разрушенного раннесредневекового погребения на севере Татарстана // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 7–34.

21. Бугров Д.Г., Галимова М.Ш. 50-летие А.А. Чижевского // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 333–337.

22. Валиев Р.Р. Мусульманский могильник на западной окраине Селитренного городища // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 44−55.

23. Валиев Р.Р., Набиуллин Н.Г., Ситдиков А.Г., Шакиров З.Г. Фаязу Шариповичу Хузину – 65 лет // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 340–347.

24. Валиулина С. И., Кочкина А.Ф., Хузин Ф.Ш. Поиски и открытия Е.А. Халиковой в археологии Волго-Камья (к 85-летию со дня рождения) // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 324–332.

25. Визгалова М.Ю., Старков А.С. Плетеные изделия из растительных волокон «Татарской (Деревянной) слободки» острова Свияжск // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 266–277.

26. Вихляев В.И., Зеленеев Ю.А. Памяти И.М. Петербургского (1937−2015) // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 271−274.

27. Волкова Е.М., Кирягин К.В., Харламова Н.В., Ситдиков А.Г. Палеопатологическая характеристика средневекового населения Болгара (по материалам CXCI раскопа) // Поволжская археология. 2016 г. № 4. С. 226–247.

28. Воробьева Е.Е., Федулов М.И. «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 235−248.

29. Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М. Татары в годы Первой мировой войны (1914−1918 гг.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 396 с.

30. Газимзянов И.Р. Мавзолеи города Болгара: антропологический аспект // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 11−15.

31. Газимзянов И.Р. Новые материалы по краниологии населения Горного Алтая гунно-сарматского и раннетюркского времени // Тез. XVII Междунар. Западносибирской археолого-этнографической конф.: «Восток и Запад: проблемы синхронизации этнокультурных взаимодействий», посвященной 110-летию В.Н. Чернецова, 110-летию Г.Ф. Дебеца, 115-летию А.П. Дульзона (20–22 апреля 2016 г., Томск). Электронный ресурс, режим доступа: http://zsaek.tsu.ru/sites/default/files/webform/%D0%90.%D0%98.%20%D0%9C%D0%B0%D1%80%D1%82%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%B2.%20%D0%A2%D0%BE%D0%BC%D1%81%D0%BA.pdf

32. Галимова М.Ш. Экспериментально-трасологические критерии дифференциации кремневых скребков и оружейных кремней // Методы изучения каменных артефактов: Материалы международной конференции / Отв. ред. С.А.Васильев, В.Е. Щелинский. СПб.: РФФИ, ИИМК РАН, 2015. С. 209–212.

33. Галимова М.Ш., Хамзин Р.Н. Археологический очерк Дрожжановского района Республики Татарстан // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: Материалы юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 65−71.

34. Галимова М.Ш., Хисяметдинова А.А., Аськеев И.В., Шаймуратова Д.Н., Аськеев О.В. Природное окружение и хозяйственная деятельность обитателей стоянки Пестречинская 2 на р. Меша // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 168−193.

35. Гисматулин М.Р., Семыкин Ю.А., Горбунов Н.А., Асылгараева Г.Ш. Исследования Красносюндюковского I городища в 2014 г. // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 54–74.

36. Город Болгар: Жилища и жилищная застройка / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. М.: Наука, 2016. 272 с.

37. Губайдуллин А.М. Военное зодчество мусульманских государств Среднего Поволжья X−XVI веков // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 102−106.

38. Губайдуллин А.М. Сравнительный анализ фортификации Казанского и Сибирского ханств // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 173–181.

39. Губайдуллин А.М., Мухамадиев А.Г. О фортификации городищ Западного Поволжья // Поволжская археология. 2015. № 4.С. 116−126.

40. Губайдуллин А.М., Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. О фортификации «Великого города» Биляра // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 223–234.

41. Данилов П.С., Макарова Е.М., Блинова Д.С. «Новокрещены» Входоиерусалимского некрополя Царевококшайска: историко-археологический и антропологический анализ // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 202−222.

42. Дроздова Г.И., Казаков Е.П. Ученый и доброй памяти человек (к 80-летию годовщины П.Н.Старостина) // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 256−262.

43. Дух воина: от скифов до Золотой Орды. Вооружение и конское снаряжение из Западного Предкавказья по материалам частных коллекций А.В. Мишенькина и Ю.В. Смыкова, пред-

ставленных в Шабановском народном музее: каталог выставки / Авт.-сост. И.Л. Измайлов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 71 с.

44. Зеленеев Ю.А. Герман Алексеевич Федоров-Давыдов (1931–2000) // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 285–291.

45. Зеленеев Ю.А., Зеленцова О.В. Памяти В.Н. Мартьянова (1934–2015) // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 275.

46. Зеленеев Ю.А., Иванов А.Г., Сидоров О.А. Памяти О.В. Данилова (1954–2014) // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 266–270.

47. Измайлов И.Л. Археология и ислам в Среднем Поволжье в X первой трети XIII вв.: опыт комплексного анализа // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 68–92.

48. Измайлов И.Л. Наследие улуса Джучи: Элементы и факторы этнополитического единства тюркских государств северной Евразии // Отан тарихы. 2016. № 1. С. 15–29.

49. Измайлов И.Л. Становление аграрного строя Волжской Булгарии: проблемы и перспективы исследований // Материалы VI Всероссийской (XIV Межрегиональной) конференции историко-аграрников Среднего Поволжья «Российская деревня: социально-экономическая история и современность» / Под. ред. П.С. Кабытова. Ульяновск: ООО «Первая цифровая типография», 2016 С. 123–128.

50. Историко-культурный атлас Сабинского района Республики Татарстан. / Сост.: Х.М. Абдуллин, И.Р. Каримов, А.И. Ногманов. Казань: Фолиант, 2015. 108 с.

51. Казаков Е.П. О специфике утверждения ислама в Восточном Закамье в золотоордынский период // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 135–145.

52. Казаков Е.П., Салугина Н.П. Полянское III селище (к проблеме освоения Закамья ильменковским поселением) // Поволжская археология. 2015. № 4. С. 35–53.

53. Казаков Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллягамакское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 219–243.

54. Казанский кремль. Казан кремле. Kazan Kremlin: книга-альбом / Авт.-сост. Ф.Ш. Хузин, А.Г. Ситдиков. Изд. 2-е, доп. и испр. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 172 с.

55. Королев Э.А., Морозов В.П., Ескин А.А., Кольчугин А.Н. Постседиментационные доломитовые коллекторы каменноугольных отложений Мелекесской впадины и Южно-Татарского свода // Нефтяное хозяйство. 2016. № 6. С. 40–42.

56. Кузьминых С. В., Чижевский А.А. Финал бронзового и ранний железный век на северо-востоке Европы: культурогенез, границы и контакты археологических культур // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей к 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / Отв. ред. Тишкин А.А. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 44–54.

57. Макарова Е.М., Ситдиков А.Г., Бочаров С.Г. Морфология посткраниального скелета населения Болгара (по материалам СХСІ раскопа) // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 244–259.

58. Материалы конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. 290 с.

59. Мухаметшин Д.Г. Бумажные денежные знаки России и СССР. Каталог денежных знаков из фондов Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Болгар, 2016. 197 с.

60. Мухаметшин Д.Г. Мемориальная эпиграфика города Болгара. Болгар, 2016. 171 с.

61. Мухаметшин Р.М., Хузин Ф.Ш. Изге Болгар. Священный Болгар. Sacred Bolgar. Казань: Татар. кн. изд-во, 2016. 264 с.

62. Набиуллин Н.Г. О сохранение булгаро-татарских некрополей // Материалы III Международного конгресса исламской археологии Россия и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 126–132.

63. Напольских В.В. Очерки по этнической истории. Казань, 2015. 645 с.

64. Напольских В.В. Прорыв в исследовании мерянской проблемы // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 177–189.

65. Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б. Изделия из металла с Хмелевского I селища // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2016. Т. 158. Кн. 3. С. 653−665.

66. Никитина Т.Б., Воробьева Е.Е., Федулов М.И. Украшения Анаткасинского могильника: о культрной принадлежности памятника // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 121−142.

67. Никитина Т.Б., Павлова Н.А. Об одном типе украшений марийского костюма XVI–XVIII вв. // Поволжская археология. 2016. № 1. С. 191−201.

68. Очир-Горяева М.А. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления / Отв. ред. Е.Н. Носов. Труды ИИМК РАН. Т.46. СПб.: ИИМК РАН, Невская книжная типография, 2016. С. 113−129.

69. Очир-Горяева М.А., Ситдиков А.Г., Кияшко Я.А., Нага Тэрбайр. К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 23–36.

70. Патрушев В.С. Археологические памятники с текстильной керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 194–224.

71. Петров П.Н. Джучидский монетный двор Укек (XIII-XIV вв.) // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ. / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 31−43.

72. Пигарев Е.М. Дельта Волги в золотоордынский период // Материалы VII Междунар. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды» / Отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков. Кишинев: Stratum Plus, 2016. С. 164−165.

73. Пигарев Е.М. Красноярский комплекс: городище и могильники (история, этапы развития, название) // Вестник НИИГН при Правительстве Республик Мордовия. 2016. № 2. С. 88−99.

74. Пигарев Е.М. Красноярское городище и его округа // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 162−179.

75. Пигарев Е.М. Находки иноземных монет в зоне Красноярского городища в Астраханской области // Российская археология. 2016. № 2. С. 195−199.

76. Садриев Н.Р. История изучения городской застройки ханской Казани.

77. Садриев Н.Р. История изучения городской застройки ханской Казани // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 161–172.

78. Сайфутдинова Г.М., Павлов А.С. , Христодуло О.И. Проектирование информационных систем и технологий с учетом правовых аспектов их разработки и использования: учебное пособие. Уфа: Уфимск. гос. авиац. техн. ун-т, 2015. 156 с.

79. Салахов Д.Д. Топография кладов и находок восточного и булгарского серебра // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 75–84.

80. Салахов Д.Д., Хузин Ф.Ш. Д.Г. Мухаметшин историк, эпиграфист, нумизмат (к 70-летию ученого) // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 269–274.

81. Ситдиков А.Г., Айтуганова Н.Л., Вязов Л.А., Макарова Е.М. О работе III Международной археологической школы // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 334–339.

82. Ситдиков А.Г., Вязов Л.А., Пономаренко Е.В., Родинкова В.Е. Международный научно-практический семинар по применению палеоэкологических методов в археологии (Болгар, 9–19 августа 2016 г.) // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 251−255.

83. Ситдиков А.Г., Измайлов И.Л. Мусульманская археология: объем и содержание понятия // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 8−17.

84. Ситдиков А.Г., Хайрутдинов Р.Р., Хузин Ф.Ш. Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ: исследования и перспективы развития // Археологическое наследие Урала: от первых открытий к фундаментальному научному знанию. (XX Уральское археологическое совещание): Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2016. С. 33–37.

85. Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. / Отв. ред. А.Г. Ситдиков. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2016. 164 с.

86. Федотова Ю.В. Влияние обработки высокочастотной обработки высокочастотной плазмой пониженного давления на капиллярность тканей из натурального шелка // Вестник КГТУ. № 19. С. 183−185.

87. Хамзин Р.Н., Старков А.С., Галиев В.А. Исследования 2015 г. в с. Свияжск // Археологические исследования 2015 г.: Болгар и Свияжск / Авт.-сост. А.Г. Ситдиков, Р.Р. Валиев, А.С. Старков. Казань: Изд-во ЗАО «Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 38 с.

88. Храмченкова Р.Х., Гареев Б.Р., Каплан П.Ю., Ситдиков А.Г., Косушкин В.Ф. Опыт изучения красочного слоя фресок Успенского собора неразрушающим методом РФА // Историко-культурное и духовное наследие Свияжска: сборник материалов Международного конгресса (г. Казань, 15-16 июля 2015 г.) / Под общ. ред. Р.М. Валеева. Казань, Татарское республиканское издательство «Хэтер», 2015. С. 239−253.

89. Хузин Ф.Ш. Падение Казани 1552 г.: потери и приобретения. // Medieval Turkic-Tatar States. 2015. № 7. С. 187–189.

90. Хузин Ф.Ш. Рец. на кн.: Зиливинская Э.Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 54. Культовое зодчество. М.; Казань: Отечество, 2014 // Поволжская археология. 2016. № 2. С. 270–277 .

91. Хузин Ф.Ш., Ситдиков А.Г. Архитектурные памятники Волжской Булгарии и Казанского ханства // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. К 60-летию академика РАН Николая Андреевича Макарова / Отв. ред. П.Г. Гайдуков. М.; Вологда: “Древности Севера”, 2015. С. 415–431.

92. Хузин Ф.Ш., Хамидуллин Б.Л. Альфред Халиков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2015. 67 с.

93. Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Архитектурные памятники домонгольского Биляра // Ислам и тюркский мир: Проблемы образования, языка, литературы, истории и религии: Материалы VIII Междунар. тюркологг. конф. / Отв. ред. А.З. Нигамаев. Казань: Изд-во КФУ, 2016. С. 69–71.

94. Хузин Ф.Ш., Шакиров З.Г. Мусульманский город на Средней Волге: домонгольский Биляр // Материалы Конгресса исламской археологии России и стран СНГ / Отв. ред. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдиков Казань: Институт археологии АН РТ, 2016. С. 275–287.

95. Чижевский А.А. Сергею Владимировичу Кузьминых 65 лет // Поволжская археология. 2016 г. № 3. С. 275–282.

96. Чижевский А.А., Асылгараева Г.Ш. К юбилею Дмитрия Геннадьевича Бугрова // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 283– 288.

97. Чижевский А.А., Черных Е.М., Хисяметдинова А.А., Митряков А.Е., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Скорняковское городище на Вятке // Археология евразийских степей. Вып. 22. Казань: Казанская недвижимость, 2016. 156 с.

98. Шайхутдинова Е.Ф., Касимов А.В., Ситдиков А.Г. Разработка автоматизированной системы учета результатов исследования и мониторинга текущего состояния историко-архитектурных объектов острова-града Свияжск // Историко-культурное и духовное наследие Свияжска: сборник материалов Международного конгресса / Под. ред. Р.М. Валеева. Казань, Татарское республиканское издательство «Хэтер», 2015. С. 254−258.

99. Шайхутдинова Е.Ф., Янбаев Р.М., Храмченкова Р.Х., Ситдиков А.Г., Беляев А.В. Исследование поперечного излома образцов для реконструкции технологических и эксплуатационных характеристик изделий чугунолитейного производства Волжской Булгарии (XIV−XV вв.) // Литейные процессы: межрегион. сб. науч. тр. / Под ред. В.М. Колокольцева. Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г.И. Носова, 2015. Вып. 14. С. 84−89.

100. Шакиров З.Г., Бездудный В.Г. Использование дистанционных методов выявления древних объектов и соотнесение их результатов с материалами раскопок (на примере Билярского городища) // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: Материалы юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых / Отв. ред. А.Т. Ахатов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 225−228.

101. Шипилов А.В. Памяти учителя (к 75-летию со дня рождения Р.С. Габяшева) // Поволжская археология. 2016. № 3. С. 263–268.

102. Belyaev A., E.Shaykhutdinova, Sitdikov A., Yanbaev R. Archaeometric analysis of cast iron dishware from the towns of Volga Bolgaria: Bolgar and Juketaw // Metrology for Archaeology and Cultural Heritage. Torino, Italy. 2016.

103. E. Shaykhutdinova, R. Khramchenkova, A. Sitdikov. Characteristics of the manufacturing technology of the multilayer silver coins of 9th – 10th centuries of Volga Bolgaria // Conference proceeding SGEM. 2016. P. 263–272.

104. Gainullin I.I, Khomyakov P.V, Sitdikov A.G, Usmanov B.M. Study of anthropogenic and natural impacts on archaeological sites of the Volga Bulgaria period (Republic of Tatarstan) using remote sensing data // Proceedings of SPIE The International Society for Optical Engineering. 2016. Vol.9688, ISBN: 9781628419238. Art. № 96880Z. 9 pp.; doi:10.1117/12.2240728

105. Galimova, Madina, Sitdikov, Ayrat. Prehistoric flint scrapers or gun-lock flints? Experimental and use-wear criteria (according to archaeology of Kazan, Tatarstan) // Quarternary International. DOI information: 10/1016/j.quaint.2015.12.006.

106. Khayrutdinov R.R., Abdullin K.M. The Muslim Military Clergy of the Russian Empire at the End of the XVIIIth Beginning of the XXth Century // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. № 7. P. 121–130.

107. Kolchugin, A.N., Immenhauser, A., Walter, B.F., Morozov, V.P. Diagenesis of the palaeo-oil-water transition zone in a Lower Pennsylvanian carbonate reservoir: Constraints from cathodoluminescence microscopy, microthermometry, and isotope geochemistry // Marine and Petroleum Geology. 2016. 72. P. 45–61.

108. Maria A. Spyrou, Rezeda I. Tukhbatova, Michal Feldman, Joanna Drath, Sacha Kacki, Julia Beltrán de Heredia, Susanne Arnold, Airat G. Sitdikov, Dominique Castex, Joachim Wahl, Ilgizar R. Gazimzyanov, Danis K. Nurgaliev, Alexander Herbig, Kirsten I. Bos, Johannes Krause. Historical Y. pestis Genomes Reveal the European Black Death as the Source of Ancient and Modern Plague Pandemics // Cell Host & Microbe. Volume 19. Issue 6. P. 874–881. 8 June 2016 DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.chom. 2016.05.012.

109. R. Khramchenkova, A. Sitdikov, A. Kaisin. Post-Medieval glass workshop from the excavation in the Kazan Kremlin. // Conference proceeding SGEM. 2016. P. 277–286.

110. Shaykhutdinova Eugenia Flurovna, Sitdikov Ayrat Gabitovich, Khramchenkova Rezida Khavilovna. Experience of Conserving Metal Archaeological Finds Covered With Unprogressive Protective Coating // International Journal of Humanities and Cultural Studies (IJHCS). July 2016. P. 14–20.

111. Vladimir Napol'skich. Ermanarichs arctoi gentes (Jordanes «Getica», 116): Versuch einer Interpretation // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Ed. by G. Gnoli and A. Ivantchik. Vol. 22:1. Leiden: Brill, 2016. P. 26–54.

Информация об авторах:

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

Каримов Ильдар Римович, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); ildar.karimov@list.ru

KEY RESULTS OF SCIENTIFIC ACTIVITIES OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY NAMED AFTER A.KH. KHALIKOV, TATARSTAN ACADEMY OF SCIENCES IN 2016

A.G. Sitdikov, I.R. Karimov

The article outlines the scientific research and scientific organizational activities of the Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov in 2016 conducted within the framework of the Institute Development Strategy until 2020 approved by the Presidium of the Tatarstan Academy of Sciences. Integrated interdisciplinary fundamental and applied research on the investigation and preservation of the historical and cultural heritage of peoples from the Volga-Ural region and the adjoining territories was performed in a wide range of historical and time periods from the Stone Age to the Modern Period on the basis of extensive interregional and international cooperation with the leading research centres and higher institutions of Russian and foreign countries.

Keywords: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences, fundamental, fundamental and applied, applied researches.

About the Authors:

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str.,30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Karimov Ildar R., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named afterA.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan,420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ildar.karimov@list.ru

Статья поступила в номер 24.03.2017 г.

УДК 069.4 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.344.348

VI НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: БОЛГАР И СВИЯЖСК»

© 2017 г. А.В. Беляев, Р.Р. Валиев, А.Г. Ситдиков

В публикации представлено краткое содержание итогов VI научного семинара, прошедшего 19–20 февраля 2017 г. в г. Казани. Семинар посвящен междисциплинарным археологическим и естественнонаучным исследованиям, проводимыми на территории Болгарского городища и острова-града Свияжск. Работы ведутся Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свияжск и древний Болгар». В исследованиях принимали участие научные учреждения России. Работы заключались в проведении археологических раскопок, полевых геофизических исследованиях и камеральной обработке отобранных материалов на палинологические, палеоэкологичские, радиоуглеродные, дендрохронологические и другие лабораторные исследования. Кроме того, ведется комплексное изучение памятников округи Болгара и Свияжска. Результаты данных исследований проходят обсуждение на ежегодных научных семинарах, проводимых с 2011 года.

Ключевые слова: история, археология, реставрация, объект культурного наследия, Болгарское городище, остров-град Свияжск, естественнонаучные исследования, научный семинар.

17–18 февраля 2017 года в г. Казани прошел Шестой научный семинар «Междисциплинарные археологические и естественнонаучные исследования памятников культурного наследия: Болгар и Свияжск». Семинар был посвящен итогам археологических исследований Болгарского городища и Свияжска и их округи в 2016 г. в рамках реализации комплексного проекта «Культурное наследие: остров-град Свияжск и древний Болгар». В работе научного семинара приняли участие 64 человека; было заслушано 38 докладов.

В научных исследованиях этих памятников, проводимых под руководством Института археологии им. А.Х. Халикова, участвовали также сотрудники Института археологии РАН, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, ГБУН РК «Институт археологии Крыма», Казанского (Приволжского) федерального университета и других учреждений науки и культуры. На ежегодном научном семинаре к обсуждению были представлены результаты совместных полевых археологических раскопок и лабораторных естественнонаучных изысканий Болгарского городища и Свияжска.

На открытии семинара с приветственным словом к его участникам обратился директор Института археологии им. А.Х. Халикова А.Г. Ситдиков. Первым был заслушан его доклад, в

котором подведены итоги и обозначены перспективы археологического исследования Болгарского городища и Свияжска.

Результатам геофизических исследований и поиску объектов на отдельных участках памятников была посвящена серия докладов. С докладом «Результаты детальных магниторазведочных исследований на территории БГИАМЗ в 2012–2015 гг.» выступил Д.И. Хасанов, являющийся соавтором В.В. Георгиева и Б.М. Насыртдинова. В результате проведенных геофизических исследований было выявлено 63 геомагнитные аномалии, которые могут представлять интерес с точки зрения археологии. Тему геофизических исследований на территории Болгарского городища продолжил В.Г. Бездудный в соавторстве с А.Г. Ситдиковым и В.Н. Марчуком. Он выступил с двумя докладами, в которых представил результаты георадарного и магнитометрического исследований 2016 г. в северо-восточной части (в районе Малого минарета) и в западной части Болгарского городища (в районе озера Галанкино). В указанных районах выделены участки предполагаемого нахождения производственных комплексов. В районе озера Галанкино В.Г. Бездудным выделена предположительная квартальная застройка древнего города.

И.В. Волков (соавторы – О.В. Лопан и А.Г. Ситдиков) сообщил о результатах полевых исследований на раскопе CCXVII в южной части Болгарского городища. В следующем выступлении И.В. Волков высказал свою интерпретацию предназначения белокаменного сооружения, остатки которого обнаружены на раскопе CCI в предыдущих полевых сезонах. По его мнению, данная постройка могла служить «фонтаном» с водоемом, располагавшимся на перекрестке улиц, – весьма распространенная постройка в восточных городах.

Значительная часть выступлений была посвящена работам на раскопах CLXXIX и CXCII, которыми исследуется центральный рынок и другие объекты средневекового Болгара. Открыл серию докладов коллектив авторов Д.Ю. Бадеев, В.Ю. Коваль. Ими были представлены результаты исследований на раскопах CLXXIX и CXCII за 2016 г. Большой интерес вызвал доклад В.Ю. Коваля, который поведал о новых находках поливной керамики из раскопок в центре Болгара. Нумизматический материал с указанных раскопов представлен в выступлениях Д.Г. Мухаметшина и Е.А. Федоровой. Нумизматическую тему продолжил доклад А.И. Бугарчева, в котором повествовалось о метрологии булгарских монет середины XIII в.

Археологическим исследованиям на раскопе CCXVI в 2016 г. был посвящен доклад группы авторов в составе А.Г. Ситдикова, С.Г. Бочарова, Д.В. Иожицы, Л.В. Яворской. На данном раскопе выявлен комплекс горнов по обжигу керамических сосудов.

В двух докладах освещались вопросы керамического производства Болгарского городища. Исследования красноглиняной керамики Болгарского производства с раскопа CCXVI были представлены в докладе А.А. Куклиной в соавторстве с А.Г. Ситдиковым и С.Г. Бочаровым. Вопросу о традиционном гончарстве золотоордынского Болгара (по мате-

риалам раскопа CXCVI 2015 г.) было обращено внимание В.Н. Бахматовой в соавторстве с А.Г. Ситдиковым и С.Г. Бочаровым.

О специфике мясной диеты в золотоордынском Болгаре на основе археозоологической коллекции раскопа CXCIX рассказала Л.В. Яворская.

И.И. Елкина (соавтор – К.А. Руденко) доложила об ювелирных украшениях из погребения 52 возле мавзолея в южной части Болгарского городища (раскоп CLXXIV). Комплекс украшений состоял из подвесок, булавок, коранниц и многочисленных браслетов.

Вопросы палеодемографии Болгарского городища изучались в работе Е.М. Макаровой и И.Р. Газимзянова. Авторами подробно исследовались материалы раскопов некрополей, располагавшихся в районе бывшего аэродрома, современного «Памятного знака», мавзолея в южной части городища и некрополя в северо-западной части городища. Приведены данные взрослой и детской смертности.

Отдельно можно выделить блок докладов, посвященных естественнонаучным исследованиям, которые затронули широкий круг вопросов.

Итоги палеоботанических изысканий прозвучали в двух докладах. В совместной работе Л.В. Мельникова и С.И. Герасимовой были представлены физико-химические свойства почвы, погребенной в основании вала Болгарского городища (по материалам обследования раскопа CCXV). Результаты анализов погребенной почвы являются надежным индикатором хозяйственной активности. В докладе авторов в составе Е.Г. Ершовой, Е.В. Пономаренко, М.С. Блинникова, Д.С. Пономаренко и Л.А. Вязова освещены результаты комплексного анализа динамики растительности Болгарской округи в I тысячелетии н.э.

Металлургическому производству и анализу изделий из металла были посвящены два доклада. Ю.А. Семыкин рассказал о технологии железообработки, применявшейся поволжскими финнами в эпоху Золотой орды, на примере Барбашинского могильника. В докладе были озвучены данные металлографического анализа кузнечной продукции, по результатам которых можно судить о высоком уровне железообработки применительно к Барбашинской группе. Второй доклад был посвящен археометрическому изучению чугунной посуды Болгара, Джукетау и Казани XIV–XV вв., с которым выступила Е.Ф. Шайхутдинова (соавторы – А.В. Беляев и А.Г. Ситдиков).

О саманидских монетах в денежном обращении Волжской Булгарии и технологии их изготовления было рассказано в коллективном выступлении Е.Ф. Шайхутдиновой, П.В. Федана, Р.Х. Храмченковой и Д.Г. Мухаметшина.

С интересом был заслушан доклад Х.М. Абдуллина о селитроваренном заводе на территории Болгарского городища. На основе исторических, архивных и картографических материалов анализировались деятельность завода и расположение его построек.

В коллективном докладе Р.Р. Валиева, Л.А. Вязова, Д.А. Серых, Р.А. Степанова и А.Г. Ситдикова были изложены данные о результатах охранных исследований Старокуйбышевской группы памятников. В 2016 г. авторами были проведены раскопки размываемых участков Старокуйбышевских III, IV и V селищ, общей площадью 1906 кв. м.

Изучение «острова-града Свияжск» и его ближайшей округи определилось в самостоятельный блок докладов, который начался с выступления А.М. Губайдуллина. Он рассказал об исследованиях, которые проводились в северо-западной части острова-града Свияжск. В результате исследований, по мнению А.М. Губайдуллина, была зафиксирована линия крепостной стены середины XVI в., представленной тыновой оградой. В своем выступлении Д.С Епифанов подвел предварительные итоги работ на раскопе № 3, заложенном в северо-восточной части острова-града Свияжск в 2016 г.

Интересные доклады были посвящены изучению находок, полученных из раскопов о. Свияжск. М.Ю. Визгалова (соавтор А.С. Старков) рассказала об изделиях из коры черного тополя с раскопов Татарской (Деревянной) слободки острова-града Свияжск. Изделия из данного материала были классифицированы, а также исходя из морфологии определены их функциональные назначения. Б.И. Мускеев с А.В. Поповым рассказали о деталях деревянной конструкции из раскопа Татарская слободка о. Свияжск. Реставрации и реконструкции кожаных игрушек из раскопов о. Свияжск было посвящено выступление Л.Ф. Богатовой. В докладе были представлены виды кожевенного сырья и предметы, изготовленные из них. Проблемы консервации крупногабаритных шерстяных изделий, на примере археологических находок с острова Свияжск, были освещены в докладе Ю.В. Федотовой.

Результаты исследования икон праздничного иконостаса Троицкой церкви о. Свияжск были представлены в докладе Д.В. Тишина в соавторстве с А.В. Долгих и В.В. Мацковским. В докладе изложены возможности дендрохронологической датировки икон.

К.И. Бредников и А.В. Старовойтов поделились результатами опытных георадиолокационных работ в Свияжском соборе Успения Пресвятой Богородицы. На примере четырех площадок показана эффективность применения георадара для поиска скрытых пустот, полостей и определения их направления.

В своем докладе В.А. Галиев подвел итоги археологических разведок, проведенных в 2016 г. Работы по мониторингу археологических памятников в устье р. Свияги, начатые в 2015 г., продолжились и текущем сезоне. В выступлении представлено современное состояние ранее известных и вновь выявленных памятников археологии.

С опытом создания автоматизированной системы учета результатов междисциплинарных исследований Успенского собора острова-града Свияжск и с элементами мониторинга его состояния ознакомил в своем докладе коллектив авторов – А.В. Касимов, Е.Ф. Шайхутдинова, В.В. Кугуракова, Т.Р. Азизов. В докладе обобщены результаты работ 2015–2016 гг.

В рамках семинара также был заслушан доклад Е.Е. Васильевой, посвященный вопросу о типологических особенностях деревянных гробов конца XV – начала XIX в. (на примере кладбища при церкви Иоанна Златоуста в г. Ярославле).

В целом необходимо отметить высокий уровень докладов, представленных на семинаре. Доклады прошедшего семинара предполагается издать в одном из номеров журнала «Поволжская археология».

Информация об авторах:

Беляев Александр Владимирович, старший научный сотрудник, Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (БГИАМЗ) (г. Болгар, Россия), научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); bav986@yandex.ru

Валиев Ринат Рафаилович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); vrr80@ yandex.ru

Ситдиков Айрат Габитович, чл.-корр АН РТ, доктор исторических наук, директор, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); sitdikov_a@mail.ru

6TH SCIENTIFIC SEMINAR "INTERDISCIPLINARY ARCHAEOLOGICAL AND NATURAL SCIENTIFIC INVESTIGATIONS OF CULTURAL HERITAGE MONUMENTS: BOLGAR AND SVIYAZHSK"

A.V. Beliaev, R.R. Valiev, A.G. Sitdikov

The publication features a brief summary of the results of 6th Scientific Seminar held in Kazan on February 19–20, 2017. The seminar is dedicated to interdisciplinary archaeological and natural scientific investigations conducted within the territory of Bolgar settlement and the island-fortress of Sviyazhsk. The works are conducted by the Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov of Tatarstan Academy of Sciences within the framework of the implementation of integrated project "Cultural Heritage: the Island Town of Sviyazhsk and Ancient Bolgar". The investigations were performed with the participation of Russian scientific institutions.The works consisted in the performance of archaeological excavations, field geophysical investigations and laboratory classification of sampled materials into palynological, paleoecological, radiocarbon, tree-ring and other laboratory studies. Besides, monuments located in vicinity of Bolgar and Sviyazhsk are comprehensively investigated. The results of these investigations are discussed at annual scientific seminars held since 2011.

Keywords: history, archaeology, restoration, cultural heritage site, Bolgar settlement, island-fortress of Sviyazhsk, natural scientific investigations, scientific seminar.

About the Authors:

Belyaev Alexandr V. Bolgar State Historical and Architectural Reserve; Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; bav986@yandex.ru

Valiev Renat R., Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; VRR80@yandex.ru

Sitdikov Airat G. TAS Corresponding Member. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; sitdikov_a@mail.ru

Статья поступила в номер 23.03.2017 г.

УДК 902 DOI: https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.349.361

«.ХОРОШО, ЧТО ИЗ ТЫСЯЧИ СУДЕБ ТЫ СМОГЛА ОТЫСКАТЬ ЛИШЬ СВОЮ»: К ЮБИЛЕЮ Н.А. КОКОРИНОЙ

© 2017 г. С.В. Кузьминых

В статье очерчиваются основные вехи жизненного пути, музейной и научной деятельности Нины Александровны Кокориной. Воспитанница кружка юного археолога при Государственном (ныне Национальном) музее Республики Татарстан, она еще школьницей участвовала в археологических экспедициях и сознательно выбрала профессию археолога. Ее учителями в археологии были Е.А. и А.Х. Халиковы, Т.А. Хлебникова, А.П. Смирнов, А.М. Ефимова. Она работала в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, ГМТР, ГИМ, ИА РАН. Основные научные интересы Н.А. Кокориной связаны с изучением истории и культуры Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства, средневекового гончарного ремесла, знаков и тамг эпохи средневековья.

Ключевые слова: археология, Н.А. Кокорина, Национальный музей Республики Татарстан, Биляр, Болгар, Иски Казань, Волжская Булгария, Золотая Орда, Казанское ханство, гончарное производство.

Этот очерк о юбиляре могли бы написать коллеги по цеху – специалисты по археологии и культуре Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства. Но я прекрасно осознаю, что в итоге они обратились бы за содействием ко мне. Мы состоим в браке с Ниной Александровной уже 45 лет, а нашему знакомству в студенческом археологическом кружке Казанского

университета без года полвека. Немало полевых сезонов – в Джукетау (на раскопках у Т.А. Хлебниковой), Биляре, Чаллах, Русском Урмате и Камаеве – я помогал ей в работе. Знаком я и с большинством опубликованных и рукописных трудов юбиляра. Естественно, что я не был в стороне от всех перипетий ее научной и музейной деятельности. Так что этот очерк – по праву за мной.

Нина Александровна Кокорина родилась 4 марта 1947 года в Казани. Ее родители работали тогда на химическом заводе им. В.В. Куйбышева. Отец– Кокорин Александр Николаевич (1905–1991), уроженец с. Оричи Слободского р-на Кировской области – был по первой довоенной профессии ветеринаром, а затем после Великой Отечественной войны, будучи инвалидом II группы, переквалифицировался и работал электриком на химзаводе. Мать – Баринова Прасковья Семеновна (1918–2012) родилась в с. Церковные Салманы Спасского р-на Республики Татарстан; с началом коллективизации ее семья была вынуждена оставить вековые занятия предков, бежала в Казань и влилась в ряды строителей социализма; с 1934 г. работала на том же химзаводе помощником аппаратчика поливочных машин.

Нина училась в двух казанских школах – № 102 Ленинского р-на и № 81 Кировского района. Ее раннее детское увлечение – собирание камней и минералов – привело к тому, что в школьные годы она мечтала быть геологом и какое-то время посещала кружок при геологическом факультете Казанского университета, но быстро поняла, что это не ее призвание. Родители хотели, чтобы Нина стала химиком и пошла по их стопам. Но ей больше нравились гуманитарные предметы: география, история, литература, рисование, тянул к себе краеведческий музей, который она посещала всякий раз, когда оказывалась в центре города.

В итоге в 1962 г. Нина стала постоянным членом кружка юного археолога при музее (его вела Е.А. Халикова) и увлекла в него всех своих подруг и друзей. Знакомство с богатейшими коллекциями музея, первые юношеские доклады на археологические темы, выезды в майские праздники на памятники (стоянки Займище, Обсерватория и др.) с «настоящими» археологами – А.Х. Халиковым, П.Н. Старостиным, Е.П. Казаковым, Р.С. Габяшевым и др., участие в 1964 г. с группой наиболее подготовленных кружковцев в раскопках Танкеевского могильника, встречи с известными людьми на музейных «Краеведческих средах» (антрополог М.М. Герасимов, археологи А.П. Смирнов, А.М. Ефимова и др.) определили выбор будущей профессии. Раскопки в Танкеевке и взрослые обязанности коллектора способствовали выработке ответственности, а также заложили основные качества археолога-полевика – организованность, выносливость, умение обращаться с археологическим материалом. Неизгладимое впечатление оставила тогда экскурсия со студенческой практикой в легендарный Болгар и знакомство с его архитектурными памятниками и развалинами.

В 1965 г. Нина окончила школу, но в университет не прошла по конкурсу. Родители были уже в пенсионном возрасте, и ей приходилось рассчитывать только на свои силы. В 1966 г., поступив на вечернее отделение исто-

Рис. 1. Выступление на 1 Билярской конференции (1972 г.).

Fig. 1. Presentation at the 1st Bilyar Conference (1972).

рико-филологического факультета Казанского университета, Нина два года работала лаборантом на химзаводе им. Куйбышева, затем год лаборантом в ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, где занималась текущей обработкой коллекций памятников различных культур и эпох. В те годы она участвовала в трех разведочных экспедициях ИЯЛИ под руководством Р.Г. Фахрутдинова в Предволжье (1967), Предкамье – по Мёше, Суле и Шумбуту (1968) и на Билярском городище и в его округе (1969). В 1967 г. летом и во время отпуска работала коллектором в Билярской археологической экспедиции (в итоге с Биляром связано 10 полевых сезонов) и занималась камеральной и аналитической обработкой многотысячной коллекции керамики городища. Так с той экспедиции стало формироваться основное направление ее научных занятий, связанное с изучением керамики Волжской Булгарии. Работала Нина под общим руководством А.Х. Халикова при постоянных консультациях с Т.А. Хлебниковой.

С лета 1969 г. Е.А. Халикова стала заведовать кабинетом археологии университета. На освободившееся место археолога в ГМ ТАССР Т.А. Хлебникова рекомендовала свою ученицу. Директор В.М. Дьяконов пошел на то, чтобы принять ее, студентку 4 курса, в штат музея. Немаловажную роль в этом выборе сыграли для Владимира Михайловича не только рекомендация Тамары Александровны и уже вполне приличная археологическая подготовка Нины, но и ее кружковское прошлое. На плечи молодого сотрудника сразу же легла большая ответственность. По различным вопросам музейного дела она старалась советоваться со старшими коллегами – А.М. Ефимовой, Т.А. Хлебниковой, Е.А. Халиковой, С.И. Хасановой и др. В первые же годы работы в музее (до 1972 г.) ей пришлось «погрузиться» в экспозиционные проблемы и одновременно заниматься археологическими фондами. При самом многочисленном и богатейшем фонде Нина долгое время, до прихода в музей В.Н. Маркова, оставалась единственным сотрудником-археологом. Учитывая, что за период ее 15-летней работы в ГМ ТАССР археологические фонды перемещались дважды, вполне уместно сравнение этих переездов с пережитыми пожарами. Кроме того, работа с фондами требовала систематизации старых материалов и новых

Рис. 2. В разведке в окрестностях Билярска (1969 г.).
Р.Г. Фахрутдинов, П.Н. Старостин, Д.Г. Мухаметшин, Н.А. Кокорина.

Fig. 2. Exploration works in vicinity of Bilyarsk (1969).
R.G. Fakhrutdinov, P.N. Starostin, D.G. Mukhametshin, N.A. Kokorina.

поступлений, обслуживания исследователей из различных научных центров (а их всегда было немало), уборки помещений.

Первыми опытами экспозиционной работы Н.А. Кокориной стали выставки «Культура древнего Египта» и «Культура древней Греции». Они строились на подлинных и плоскостных материалах, имели постоянный успех у школьников, с годами пополнялись и видоизменялись.

Крайне сложно в 1970-е гг. шла работа с тематико-экспозиционными планами (ТЭП) создания новой экспозиции Казанского ханства. Тема присоединения края к Русскому государству и русской колонизации Поволжья в старой экспозиции вообще отсутствовала. Представленный ТЭП по этой теме был обсужден на научном совете ГМ ТАССР и проконсультирован З.И. Огризко в ГИМе. Но и после «вычесывания» так называемых идеологических просчетов и ошибок, сокращения исторической наглядности показ этой темы тогда в музее вызывал большие сложности.

Тема присоединения и освоения Казанского края Русским государством была решена в новой экспозиции по периоду развитого феодализма до предела лаконично: завоевание, без демонстрации его последствий; о репрессиях оставалось лишь упоминание в кратких сопроводительных текстах. Предметно была показана смена господствующей культуры. В итоге работа над этой экспозицией в 1976–1977 гг. вместе с Т. Бобченко, Л. Бакировой, И. Жизневской, художником В. Дайчманом также вызвала много замечаний, хотя и отмечена была как успех в «музейном деле».

Рис. 3. Вся жизнь впереди. В маршруте на правобережье Волги (1967 г.).

Fig. 3. The whole life lies ahead. On the route at the right bank of the Volga river (1967).

Следующими темами стали ТЭПы (до семи вариантов) для новых экспозиций «Край в эпоху первобытнообщинного строя», «Первые феодальные государства – Волжская Булгария, Казанское ханство». Они не ставили целью коренную перестройку экспозиции, построенной Е.А. Халиковой. Необходимо было дополнить ее новыми материалами, что и удалось сделать. В таком виде экспозиция просуществовала до трагического пожара на военной кафедре КГУ, когда «Бегемот» был залит водой. В итоге эта часть музея превратилась в трескучие морозы в «ледяной дом».

За время работы в музее Нина подготовила буклет по знаменитым Новомордовским стелам (Кокорина, 1974), являющихся центром притяжения и современной экспозиции Национального музея Республики Татарстан, участвовала в написании путеводителя по экспозиции музея 1970-х годов, работала над планами экспозиций Чистопольского, Булгарского, Кутлу-Букашского и других музеев. Подготовила и водила ряд тематических экскурсий по музею и Казани. В разных аудиториях читала лекцию «Происхождение татар Поволжья и Приуралья». Продолжила, приняв эстафету у Е.А. Халиковой, занятия кружка юного археолога. Два его активных воспитанника – Константин Руденко и Владимир Ловчев – стали профессиональными археологом и историком. В 1974, 1980–1982 гг. кружковцы участвовали в ее раскопках гончарной слободы Биляра, Билярского II селища и Балынгузского городища.

Отсчет своих экспедиционных сезонов Н.А. Кокорина ведет с Танкеевки (1964). За ее плечами самостоятельные раскопки и в составе других экспедиций в Биляре и его округе (1967–1974, 1980–1982), на Болгарском (1970, 1988, 1992, 1993, 2000), Джукетауском (1970) и Чаллынском (1983) городищах, в Казанском кремле (1976, 1977), на Русско-Урматском селище и Камаевском городище (1982–1984), а также на древнерусском поселении Монастырщина 5 на Куликовом поле (1986, 1987). Благодаря ее полевым работам удалось существенно пополнить археологические фонды ГМ ТАССР. Среди наиболее значимых коллекций, поступивших в музей, – комплексы из гончарных мастерских Билярского городища

Рис. 4. 45 лет вместе.
Fig. 4. Together for 45 years.

(XX раскоп) и Русско-Урматского селища («дом гончара» 1983 г.). Изучение керамических материалов из Чаллов, Русского Урмата и Камаева (Кокорина, 1995б; 2000а; Кокорина, Фахрутдинов, 1999а; 1999б; 2011; Кокорина, Останина, 2000) не просто расширили представление о булгарском и булгаро-татарском гончарстве, но и помогли Нине заметно скорректировать вектор своих научных исследований.

Работа над диссертацией «Керамика Биляра», предложенная А.Х. Халиковым и начатая еще в студенческие годы (Кокорина, 1974; 1976), в середине 1970-х гг. была приостановлена в силу семейных обстоятельств, хотя по теме имелся уже немалый задел (Кокорина, 1983; 1986). Лишь с 1980 г. удалось продолжить раскопки в гончарной слободе Билярского городища. В 1983 г. Нина поступила в заочную аспирантуру ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. Ее научный руководитель Т.А. Хлебникова предложила для исследования тему «Керамика Волжской Булгарии золотоордынского периода» в продолжение собственных разработок по этнокультурным вариантам памятников Волжской Булгарии домонгольского времени (по материалам керамики) (Хлебникова, 1984). Нина по своей инициативе включила в исследование материалы конца домонгольской эпохи и Казанского ханства. Активно ратовал за разработку этой темы и А.Х. Халиков, чувствовавший некоторую неловкость от того, что ранее лишил Нину темы по керамике Биляра, не веря в ее возврат в науку. К 1984 г. она в основном завершила предварительный сбор и первичную обработку многотысячных коллекций керамики памятников Волжской Булгарии конца домонгольского и золотоордынского периодов, а также Казанского ханства; к этому времени были выработаны и методические подходы к изучению булгарской керамики (Кокорина, 1991).

В конце того же года я перешел на работу в Институт археологии АН СССР и Нине пришлось – и с большим сожалением – оставить ГМТР. В 1985–1992 гг. она работала в Государственном историческом музее: коротко в отделе свода памятников (1985), а затем в отделе реставрации. Выполняя

текущую работу художника-реставратора, Нина продолжила разработку избранной научной темы, а также участвовала в раскопках экспедиции музея на Куликовом поле. Итогом тех полевых работ стало изучение гончарного комплекса первой половины XIII в. на древнерусском поселении Монастырщина 5 (Гоняный и др., 1993).

В 1991 г. состоялась долгожданная защита кандидатской диссертации «Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв.: (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур)». Опубликовать ее удалось спустя 10 лет по инициативе казанских коллег (Кокорина, 2002).

В 1992 г. представилась возможность перейти на работу в Институт археологии РАН: сначала в должности художника-реставратора в лаборатории реставрации, а затем научного (1994) и старшего научного сотрудника (2004) группы «Средневековая археология евразийских степей». С этого времени и вплоть до выхода на пенсию (2014) основные научные интересы Н.А. Кокориной были связаны с изучением истории и культуры Волжской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.

Эти разыскания были реализованы в ряде плановых тем и нашли отражение в опубликованных трудах (Кокорина, Хлебникова, 1993; Кокорина, 1995б; 1997; 2000; 2002; 2004; 2005а; 2006; 2010; 2012а; 2012б; Кокорина, Фахрутдинов, 1999а; 1999б; 2011). Нина Александровна обобщила в них данные по керамическому производству Волжской Булгарии X–XIV вв., доказала преемственность в развитии керамического производства домонгольского времени с гончарством эпохи Золотой Орды и Казанского ханства, исследовала тамги и знаки на булгарской керамике, разработала типологию ряда категорий лепной и гончарной булгарской посуды, дополнила этнокультурную классификацию некруговой булгарской керамики, разработанную Т.А. Хлебниковой (1984). Крайне важно, что благодаря исследованиям Н.А. Кокориной существенно расширился круг источников о гончарной продукции периферийных центров Волжской Булгарии и на землях древних мари и удмуртов (Кокорина, 1994; 1995а; 2009; Кокорина, Останина, 2000).

С 1988 г. Н.А. Кокорина возобновила полевые работы в Болгаре, а в 1992, 1993, 2000 гг. вела самостоятельные раскопки в центральной части городища, продолжив изучение торгово-ремесленного квартала города (Кокорина, Полубояринова, 1999; Кокорина, 2005б), начатое в предшествующие годы М.Д. Полубояриновой и Г.Ф. Поляковой. В ходе раскопок были прослежены остатки фундамента монументальной постройки и примыкавших к нему ремесленных построек и сооружений («Двор ювелира»). Среди них особый интерес вызывали фрагментированные остатки трех горизонтов сменявших друг друга производственных горнов, связанных с ювелирной или стеклообрабатывающей мастерской. Уникальный характер объектов этой части городища подтвердили раскопки В.С. Баранова, Д.Ю. Бадеева и В.Ю. Коваля, продолженные в 2011 и 2012 гг. (Баранов и др., 2012). Сводная публикация материалов последних раскопок и 1990-х годов остается одной из насущных задач археологического изучения Болгара.

В последние годы основные усилия Н.А. Кокориной были направлены на разработку двух больших плановых тем «Городское гончарное ремесло Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.)» и «Знаки и тамги Волжской Булгарии и Казанского ханства». Результаты исследований опубликованы лишь частично (Кокорина, 2004; 2005; 2006; 2012а). Несмотря на то что в 2015 г. ей пришлось оставить работу в Институте археологии РАН, Нина Александровна стремится завершить начатые исследования. Обе темы ждут скорейшей монографической публикации (вторая совместно с А.Ф. Кочкиной). Кроме того, в эти же годы она обратилась к изучению сюжетов, напрямую, казалось бы, не связанных с ее основными научными интересами. Среди них – находки «аскизского» круга на булгарских памятниках, зооморфные сюжеты коропластики Волжской Булгарии, знаки ремесленников на булгарских литейных формах (в основном по материалам коллекции В.И. Заусайлова), «реликварии» эпохи средневековья и др. (Кокорина, 2000б; 2001; 2012б; 2014).

Оглядываясь на жизненный и научный путь Н.А. Кокориной, не назовешь его ни легким, ни гладким. Какие-то из отрезков этого пути были для нее сверхтяжелыми. Так было в годы постигшего меня тяжелого недуга, подготовки рукописи кандидатской диссертации, ухода за матерью, которую она перевезла из Казани к нам в Апрелевку. Но при этом Нина не раскисала, держала себя в руках, вселяя надежду и уверенность в своих близких.

Н.А. Кокорина принадлежит к рядовым труженикам науки. Для археологов, далеких от работы с массовым керамическим материалом, ее достижения в науке покажутся весьма скромными. Но это только на первый взгляд. Общепризнанно, что имя ученому создают его труды. Но не менее важно: интересны и востребованы ли они в кругу коллег. Смею утверждать, что исследования Нины Александровны по булгарскому гончарству, равно как и основополагающие труды ее учителя Т.А. Хлебниковой, стали базовыми для последующих поколений булгароведов. Это те кирпичи, что легли в фундамент булгарской и булгаро-татарской археологии.

Каждому из нас отмерен свой – длинный или короткий – путь в науке. И как на любой дороге, в науке всё имеет свое значение: бодро ли ты шагаешь, чем наполнена твоя сума, хороши ли твои попутчики. У Н.А. Кокориной за плечами немалый путь в науке, она по-прежнему полна энергии, не утратила любопытства к непознанному. Сума, что за ее плечами, – опыт и знания – служат в дороге не только ей. Нина щедро делится ее содержимым с коллегами и учениками. Среди ее попутчиков еще с юности нет случайных людей, и это важно в долгой дороге жизни и, конечно, в науке. Все мы, ее семья, друзья и коллеги, желаем Нине Александровне только одного, чтобы она как можно дольше, в добром здравии и без устали шла по этому пути.

К юбилею Н.А. Кокориной

Юбилей славить в прозе не буду,
пусть стихами звучит мой рассказ:
Ты всю жизнь изучаешь посуду,
видишь сущность её без прикрас.

Пусть снесёт меня бурным потоком,
пусть на ногу падёт несессер:
без керамики быт на Востоке
был бы скучен, невзрачен и сер.

Хорошо жить на Волжских просторах,
покорять голубую волну,
но посуда – безбрежное море,
там без шторма легко потонуть.

Что сравнится с красотами Зеи?
Что затмит хоть на миг древний Псков?
Но что люди увидят в музеях,
коль витрины лишить черепков?

Не секрет, что орудуя ложкой
позабыть можно даже про лесть,
но не скрыть, что в Булгарии Волжской
все любили от пуза поесть.

Проще счесть, сколько капель в Итиле,
чем оспорить, что здесь прозвучит:
то, что люди века колотили,
Ты сумела одна изучить.

Всё, что делаешь, – входит в легенду.
Где волшебный берёшь порошок,
что, фрагмент подбирая к фрагменту,
на глазах оживляешь горшок?!

Знают все: лишь коснёшься посуды –
черепки от волненья поют.
Это дар, что из тысячи судеб
Ты нашла непростую свою!

А.Н. Сорокин

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баранов В.С., Бадеев Д.Ю., Коваль В.Ю.* Исследования остатков монументальной постройки к юго-западу от Соборной мечети в Болгаре // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 158–171.
2. *Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б.* Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы / Отв. ред. Н.Г. Недошивина. М.: Изд-во ГИМ, 1993. С. 343–360.
3. *Кокорина Н.А.* (сост.). Новомордовские стелы: Буклет / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ГМТР, 1974. 4 с.
4. *Кокорина Н.А.* Булгарская керамика Иднакара (по материалам раскопок 1974–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УдмИИЯЛ, 1995а. С. 56–71.
5. *Кокорина Н.А.* Гончарное производство Волжской Булгарии // История татар. Т. 2. Волжская Булгария и Великая степь / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Изд-во РухИЛ, 2005а. С. 278–285.
6. *Кокорина Н.А.* Гончарное производство Волжской Булгарии X – начала XIII веков: становление и развитие // Средневековая археология евразийских степей: Сб. статей к юбилею проф. С.А. Плетневой / Отв. ред. И.Л. Кызласов. М.; Йошкар-Ола: МарГУ, 2006. С. 108–157.
7. *Кокорина Н.А.* Гончарные горны Билярского городища // Средневековые археологические памятники Татарии / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1983. С. 50–67.
8. *Кокорина Н.А.* Гончарные мастерские Биляра второй половины X – первой половины XIII вв. (южный район) // Государственность восточных булгар IX–XIII вв. / Сост. Д.Ф. Мадуров. Чебоксары: Таус, 2012а. С. 170–189.
9. *Кокорина Н.А.* Гончарные мастерские Иски Казани (этапы развития) // Научный Татарстан. 2010. № 4. С. 41–57.
10. *Кокорина Н.А.* Знаки ремесленников на булгарских литейных формах // Поволжская археология. 2012б. № 1. С. 129–143.
11. *Кокорина Н.А.* Зооморфные сюжеты коропластики Волжской Булгарии // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 85–94.
12. *Кокорина Н.А.* К вопросу о назначении так называемых «реликвариев» эпохи средневековья Восточной Европы // Поволжская археология. 2014. № 2. С. 49–69.
13. *Кокорина Н.А.* К методике выделения археолого-этнического типа в булгарской посуде // Керамика как исторический источник. Тезисы докладов Всесоюзной научной археологической конференции. Куйбышев: Куйбышевский гос. пединститут им. В.В. Куйбышева, 1991. С. 49–51.
14. *Кокорина Н.А.* Керамика в кипчакских традициях с Камаевского городища // ТА. 1999. №1–2 (4–5). С. 177–187.
15. *Кокорина Н.А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Казань: Институт истории АН РТ, ИА РАН, 2002. 383 с.
16. *Кокорина Н.А.* Керамика Камаевского городища (культурно-хронологическое соотношение) // Заказанье: Проблемы истории и культуры / Отв. ред. А.А. Бурханов. Казань: Заман, 1995б. С. 28–32.
17. *Кокорина Н.А.* Керамические котлы Волжской Булгарии X–XIII веков // КСИА. Вып. 217. М.: ИА РАН, 2004. С. 34–45.
18. *Кокорина Н.А.* Лепная и близкая к ней керамика Билярского городища (по материалам 1967–1971 гг.) // Исследования Великого города / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1976. С. 212–227.

19. Кокорина Н.А. Некоторые находки “аскизского” круга на булгарских памятниках и их датировка // Аскизские древности в средневековой истории Евразии / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: ГОМ РТ, 2000б. С. 40–47.

20. Кокорина Н.А. О керамике средневековых Чебоксар // Научно-педагогическое наследие В.Ф. Каховского и проблемы истории и археологии. Кн. 2 / Сост. Е.П. Михайлов, Т.Н. Иванова. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 203–223.

21. Кокорина Н.А. О технике билярского гончарства // Посуда Биляра // Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1986. С. 61–72.

22. Кокорина Н.А. О финно-угорском компоненте в булгарской и булгаро-татарской культурах (по материалам керамики) // Проблемы средневековой археологии волжских финнов / Археология и этнография Марийского края. Вып. 23 / Отв. ред. Г.А. Архипов, Т.Б. Никитина. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1994. С. 185–213.

23. Кокорина Н.А. Основные тенденции развития культуры Волжской Булгарии в золотоордынский период (по данным керамики) // ТА. 1997. № 1. С. 81–85.

24. Кокорина Н.А. Раскопки в гончарном районе Билярского городища // Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание: Тез. докл. / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1974. С. 41–42.

25. Кокорина Н.А. Ювелирная мастерская из Болгара // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды) / Отв. ред. К.А. Руденко. Казань: Школа, 2005б. С. 109–132.

26. Кокорина Н.А., Останина Т.И. Исследование Чаллынского городка (раскопки 1983, 1989 гг) // Древние Чаллы. Борынгы Чаллы / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Мастер Лайн, 2000. С. 76–174.

27. Кокорина Н.А., Полубояринова М.Д. Исследование торгово-ремесленного квартала города Болгара в 1989–1993 гг. // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья. К столетию А.П. Смирнова. Болгар: БГИАМЗ, 1999. С. 43–44.

28. Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарные комплексы Иски-Казани // ТА. 2011. № 1–2 (20–21). С. 153–217.

29. Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Гончарный комплекс золотооордынского периода из Иски Казани // ТА. 1999а. № 1–2. С. 103–134.

30. Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г. Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999б. № 1–2. С. 77–102.

31. Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А. Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X–XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1993. С. 106–116.

32. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. 241 с.

Информация об авторе:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН, чл.-корр. Германского археологического института, зарубежный член Финского общества древностей (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

“GOOD THAT YOU WERE ABLE TO FIND THEIR ONLY DESTINY AMONG THE THOUSANDS OF FATES” TO THE ANNIVERSARY OF N.A. KOKORINA

S.V. Kuzminykh

The article outlines the essential landmarks of the path of life, museum and scientific activity of Nina Aleksandrovna Kokorina. As a student of the young archaeologist circle under the State (presently National) Museum of the Republic of Tatarstan, she participated

in archaeological expeditions and made a conscious decision to become an archaeologist as early as in her school years. Her teachers of archaeology were E.A. and A.Kh. Khalikovs, T.A. Khebnikova, A.P. Smirnov and A.M. Efimova. She worked in the Institute for Language, Literature and History named after G. Ibragimov, State Museum of the Tatarstan Republic, State Historical Museum and the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. N.A. Kokorina's primary academic interests are related to the investigation of the history and culture of Volga Bolgaria, the Golden Horde and Kazan Khanate, medieval pottery, signs and tamgas of the Middle Ages.

Keywords: archaeology, N.A. Kokorina, National Museum of the Republic of Tatarstan, Bilyar, Bolgar, Iski Kazan, Volga Bolgaria, the Golden Horde, Kazan Khanate, pottery.

REFERENCES

1. Baranov, V. S., Badeev, D. Yu., Koval', V. Yu. 2012. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (1), 158–171. (in Russian).
2. Gonianyi, M. I., Kokorina, N. A., et al. 1993. In Nedoshivina, N. G. (ed.). *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities of Eastern Europe)*. Moscow: State Historical Museum, 343–360 (in Russian).
3. Kokorina, N. A. (comp.). 1974. In Khalikov, A. Kh (ed.) *Novomordovskie stely: Buklet (The Steles from Novomordovo. Booklet)*. Kazan: State Museum of the Republic of Tatarstan (in Russian).
4. Kokorina, N. A. 1995a. In Ivanova, M. G. (ed.). *Materialy issledovanii gorodishcha Idnakar IX–XIII vv. (Materials of the Study of Idnakar Settlement of 9th-13th Centuries)*. Izhevsk: Udmurtian Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 56–71. (in Russian).
5. Kokorina, N. A. 2005a. In F. Sh. Khuzin (ed.). *Istoriia tatar (History of the Tatars)* 2. Kazan: "RukhIL" Publ., 278–285. (in Russian).
6. Kokorina, N. A. 2006. In Kyzlasov, I. L. (ed.). *Srednevekovaia arkheologiia evraziiskikh stepei (Medieval Archaeology of Eurasian Steppes)*. Moscow; Yoshkar-Ola: Mari State University, 108–157 (in Russian).
7. Kokorina, N. A. 1983. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Srednevekovye arkheologicheskie pamiatniki Tatarii (Medieval Archaeological Monuments of Tataria)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 50–67 (in Russian).
8. Kokorina, N. A. 2012a. In Madurov, D. F. (comp.). *Gosudarstvennost' vostochnykh bulgar IX–XIII vv. (National Identity of the Eastern Bolgars in 9th-13th Centuries)*. Cheboksary: "Taus" Publ., 170–189 (in Russian).
9. Kokorina, N. A. 2010. In *Nauchnyi Tatarstan (Scientific Tatarstan)* (4), 41–57 (in Russian).
10. Kokorina, N. A. 2012. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (1), 129–143 (in Russian).
11. Kokorina, N. A. 2002. In Kazakov, E. P. (ed.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 85–94 (in Russian).
12. Kokorina, N. A. 2014. In *Povolzhskaia arkheologiia (Volga River Region Archaeology)* (2), 49–69 (in Russian).
13. Kokorina, N. A. 1991. In *Keramika kak istoricheskii istochnik (Ceramics as a Historical Source)*. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 49–51 (in Russian).
14. Kokorina, N. A. 1999. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 4–5 (1–2), 177–187 (in Russian).
15. Kokorina, N. A. 2002. *Keramika Volzhskoi Bulgarii vtoroi poloviny XI – nachala XV vv.: K probleme preemstvennosti bulgarskoi i bulgaro-tatarskoi kul'tur (Ceramic Ware in Volga Bulgaria during the Second Half of the 11th – Beginning of the 15th Centuries (on the Issue on Succession of the Bulgar and Bulgar-Tatar Cultures))*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardjani, Tatarstan Academy of Sciences; Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology (in Russian).
16. Kokorina, N. A. 1995b. In Burkhanov, A. A. (ed.). *Zakazan'e: Problemy istorii i kul'tury (Trans-Kazan Region: Issues of History and Culture)*. Kazan: "Zaman" Publ., 28–32 (in Russian).

17. Kokorina, N. A. 2004. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 217. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, 34–45 (in Russian).

18. Kokorina, N. A. 1976. In Sedov, V. V. (ed.). *Issledovaniia Velikogo goroda (Studies of the Great City)*. Moscow: "Nauka" Publ., 212–227 (in Russian).

19. Kokorina, N. A. 2000b. In Rudenko, K. A. (ed.). *Askizskie drevnosti v srednevekovoi istorii Evrazii (Askiz Antiquities in the Medieval History of Eurasia)*. Kazan: State United Museum of the Republic of Tatarstan, 40–47 (in Russian).

20. Kokorina, N. A. 2009. In Mikhailov, E. P., Ivanova T. N. (eds.). *Nauchno-pedagogicheskoe nasledie V.F. Kakhovskogo i problemy istorii i arkheologii. Kn. 2 (Scientific and Pedagogical Heritage of V. F. Kakhovsky and the Issues of History and Archaeology. Book 2)*. Cheboksary: Chuvashia State Institute for Humanities, 203–223 (in Russian).

21. Kokorina, N. A. 1986. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Posuda Biliara (Dishware of Bilyar)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 61–72 (in Russian).

22. Kokorina, N. A. 1994. In Arkhipov, G. A., Nikitina, T. B. (eds.). *Problemy srednevekovoi arkheologii volzhskikh finnov (Issues of the Medieval Archaeology of the Volga Finns)*. Series: Arkheologiia i etnografiia Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of Mari Land) 23. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute for Language, Literature and History, 185–213 (in Russian).

23. Kokorina, N. A. 1997. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* (1), 81–85 (in Russian).

24. Kokorina, N. A. 1974. In Khalikov, A. Kh. (ed.). *Pervoe Povolzhskoe arkheologo-etnografi cheskoe soveshchanie (The First Volga Region Archaeological and Ethnographic Session: Abstracts)*. Kazan: Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 41–42 (in Russian).

25. Kokorina, N. A. 2005b. In Rudenko, K. A. (ed.). *Drevnosti Povolzh'ia: epokha srednevekov'ia (issledovaniia kul'turnogo naslediia Volzhskoi Bulgarii i Zolotoi Ordy) (Antiquities of the Volga Region: the Medieval Period (Studies of the Cultural Heritage of Voga Bolgaria and the Golden Horde))*. Kazan: "Shkola" Publ., 109–132 (in Russian).

26. Kokorina, N. A., Ostanina, T. I. 2000. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Drevnie Chally = Borıngı Çallı (Ancient Chally)*. Kazan: "Master-Line" Publ., 76–174 (in Russian).

27. Kokorina, N. A., Poluboiarinova, M. D. 1999. In *Bolgar i problemy izucheniia drevnostei Uralo-Povolzh'ia. K stoletiiu A.P. Smirnova (Bolgar and the Issues of Studying the Antiquities of the Ural-Volga Region: to the Centenary of A. P. Smirnov)*. Bolgar: Bolgar Historical and Architectural Museum and Preservation Area, 43–44 (in Russian).

28. Kokorina, N. A., Fakhrutdinov, R. G. 2011. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 20-21 (1–2), 153–217 (in Russian).

29. Kokorina, N. A., Fakhrutdinov, R. G. 1999a. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1–2, 103–134 (in Russian).

30. Kokorina, N. A., Fakhrutdinov, R. G. 1999b. In *Tatarskaia arkheologiia (Tatar Archaeology)* 1–2, 77–102 (in Russian).

31. Kokorina, N. A., Khlebnikova, T. A. 1993. In Khuzin, F. Sh. (ed.). *Arkheologiia Volzhskoi Bulgarii: problemy, poiski, resheniia (Archaeology of the Volga Bulgaria: Problems, Research, Answers)*. Kazan: Institute of Language, Literature and History named after G. Ibragimov, Kazan Branch of the USSR Academy of Sciences, 106–116 (in Russian).

32. Khlebnikova, T. A. 1984. *Keramika pamiatnikov Volzhskoi Bolgarii: (K voprosu ob etnokul'turnom sostave naseleniia) (Ceramic Ware ft he Volga Bolgaria Sites. On the Issue of Ethnic and Cultural Composition of the Population)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

About the Author:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; Kuzminykhsv@yandex.ru

Статья поступила в номер 26.03.2017 г.

Список сокращений

АЕС – Археология Евразийских степей
АКИО – ананьинская культурно-историческая область
АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
АЭМК – Археология, этнография Марийского края
БАССР – Башкирская Автономная Советская Социалистическая Республика
БГПУ – Башкирский государственный педагогический университет
БНЦ УрО РАН – Башкирский научный центр Уральского отделения Российской академии наук
БФАН СССР – Башкирский филиал Академии Наук СССР
БЭК – Башкирский экономико-юридический колледж
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВООПИК – Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГУП – Государственное унитарное предприятие
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДА – Донская археология
ИА АН РТ – Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
ИА АН СССР/РАН – Институт археологии Академии наук СССР/Российской академии наук
ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук.
ИАК – Императорская археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской Академии наук
ИИ АН РТ – Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
ИИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН
ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
КАМ – кельты акозинско-меларские
КВАЭ – Камско-Вятская археологическая экспедиция
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КИО – Культурно-историческая общность
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КТК – культура текстильной керамики
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛОИА – Ленинградское отделение ИА АН СССР
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МарАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МарГУ – Марийский государственный университет
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
МГУ – Московский государственный университет
МДСИКВМ – Музей древней и средневековой истории Камско-Вятского междуречья Удмуртского госуниверситета

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАР – Материалы и исследования по археологии России
МНИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.
МПИК – Марийский полиграфическо-издательский комбинат
МРКМ – Марийский республиканский краеведческий музей
МУП – Муниципальное унитарное предприятие
НКАЭ – Нижнекамская археологическая экспедиция
НРФ МарНИИЯЛИ – Научный рукописный фонд Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
НЦ РАН – Научный центр Российской Академии наук
ОАН – объект археологического наследия
ПБВ – поздний бронзовый век
ПГПУ – Пензенский государственный педагогический университет
РА – Российская археология
РЖВ – ранний железный век
РМЭ – Республика Марий Эл
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников. М.
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СНЦРАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
СЭ – Советская этнография
СЭС – Среднеазиатский этнографический сборник
ТА – Татарская археология
ТАС – Тверской археологический сборник
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
ТИЭ – Труды Института этнографии
УАВ – Уфимский археологический вестник
УГУ – Уральский ордена трудового красного знамени государственный университет им. А. М. Горького
УдГУ – Удмуртский государственный университет
УдмНИИ – Удмуртский научно-исследовательский институт
УдНИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский научный институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УИИЭЛЯ – Удмуртский научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской Академии наук
УРКМ – Удмуртский республиканский краеведческий музей
УроРАН – Уральское отделение Российской Академии наук
ЦИАИ – Центр исторических и археологических исследований
ЦЭИ – Центр этнографических исследований
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения. Поволжская археология – международный рецензируемый журнал, посвященный проблемам археологии и смежным дисциплинам. Журнал выходит ежеквартально на русском и английском языках. Все публикации рецензируются и сопровождаются резюме на английском и русском языках.

Научный журнал **«Поволжская археология»** публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин (антропология, археозоология, биоархеология, нумизматика, эпиграфика, этноархеология и др.). Публикации каждого номера журнала группируются в разделы: «Статьи», «Дискуссии», «Критика и библиография», «Хроника». Согласно условиям отбора научных изданий для включения в ведущую мировую базу данных отслеживания цитируемости SCOPUS, основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его научным критериям (актуальность, научная новизна и т.д.).

При отборе статей редакция отдает предпочтение аналитическим и дискуссионным статьям и публикациям новых данных, а также статьям и заметкам, в которых имеются ссылки на материалы, изданные в предшествующих номерах нашего журнала.

Авторы заключают с редакцией **Соглашение**, в котором гарантируют, что предлагаемые ими статьи не были опубликованы прежде в иных изданиях. Авторы также гарантируют отсутствие каких-либо форм неправомерного заимствования в предоставляемых для публикации материалах.

Материалы, направляемые в редакцию журнала, авторы должны сопроводить «внешней» рецензией, заверенной печатью организации.

Все материалы и отсканированный оригинал рецензии принимаются в электронном виде по адресу: arch.pov@mail.ru. Оригинал рецензии на поступающую статью должен быть отправлен по адресу: 420012, г. Казань, ул. Бутлерова, д. 30.

Все поступающие материалы проходят в редакции «внутреннее» рецензирование. Решение редколлегии о принятии материалов к публикации, отклонении или необходимости их доработки сообщается автору после заключения рецензентов.

Небольшие исправления стилистического и формального характера могут быть внесены в статью без согласования с авторами. При необходимости более серьезных исправлений правка согласовывается с авторами или же направляется им на доработку.

Порядок приема материалов

Прием материалов для рассмотрения к публикации в журнале «Поволжская Археология» осуществляется по единому графику:

№1 (**март**) – не позднее **1 декабря** текущего года

№2 (**июнь**) – не позднее **1 марта** текущего года

№3 (**сентябрь**) – не позднее **1 июня** текущего года

№4 (**декабрь**) – не позднее **1 сентября** текущего года

Материалы, поступившие в редакцию после указанной даты, могут рассчитывать на выход в другом номере журнала, в соответствии с его тематикой. **Датой поступления материала в номер** считается дата принятия редактором его окончательного варианта, а не рабочей версии.

В исключительном случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема материалов в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на три недели.

При подготовке работ к публикации в журнале Поволжская археология следует строго выполнять редакционные требования и следовать этическим принципам редакции.

Пожалуйста, обратите внимание на необходимость подачи **полного комплекта материалов:**

1. **Соглашение с автором** является обязательным для заполнения и фиксирует согласие автора с условиями публикации в журнале. Документ соглашения доступен для заполнения по адресу: (https://docs.google.com/forms/d/1a9Av1XUyNHggI76FI1p0zRKKLynOv2RJYF1fEyLlH0E/edit?usp=sharing) или по требованию, обратившись по адресу arch.pov@mail.ru. Без соглашения материал на рассмотрение редакции не принимается;

2. **Текст** в электронном виде

3. **Список** использованной литературы

4. **Иллюстративный материал:** рисунки, фотографии, таблицы/диаграммы с исходными файлами, использованными для их построения

ИНСТРУКЦИИ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

Уважаемые коллеги, процесс обработки публикаций будет более оперативным, если рукопись приведена в соответствие с приведенными ниже рекомендациями, и сопровождена полным комплектом необходимых материалов.

Если у Вас возникают какие-либо вопросы перед подачей материала, пожалуйста, свяжитесь с техническим отделом по электронному адресу arch.pov@mail.ru.

РЕЗЮМЕ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

Объем принимаемых материалов зависит от раздела журнала, в который вы планируете подать статью.

ИССЛЕДОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

ДИСКУССИИ. 15–40 тысяч знаков (с пробелами), включая таблицы, список литературы, подрисуночные подписи и аннотации. Статья должна включать в себя не более 8–10 иллюстраций.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 15–20 тысяч знаков и 1 иллюстрация. При составлении библиографии трудов того или иного ученого следует указывать только основные, наиболее значимые работы (не более 20–25 работ).

ХРОНИКА. Не более 15 тысяч знаков и 2–3 иллюстрации.

Формат принимаемых материалов

Материалы принимаются в форматах **.doc* и **.rtf*. (формат **.docx* не принимается)

Не следует набирать заголовки и выделения в тексте всеми прописными буквами.

Не следует производить табуляцию и разделять абзацы пустой строкой.

Статья должна содержать (см. ***Образец оформления статьи***):

– **УДК;**

– **Название** статьи на русском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на русском языке;

– **Аннотация-резюме** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на русском языке;

– **Список литературы (библиография)**

– **Список сокращений**, который должен включать в себя расшифровку всех аббревиатур, используемых как в тексте статьи, так и в списке литературы;

– **Название** статьи на английском языке;

– **Фамилия, Имя, Отчество** автора (авторов) на английском языке;

– **Резюме (Abstract)** (объем 100–200 слов или 800–1500 знаков с пробелами) и ключевые слова (6–10 слов) на английском языке.

– **Иллюстрации** (рисунки, фотографии) в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi;

– **Таблицы** в формате Word (в тексте) или MS Excel;

– **Подписи к иллюстрациям и таблицам**, приводятся в общем файле после списка литературы (см. ***Образец оформления статьи***);

– **Сведения об авторе или авторах** (в случае коллективной работы): Ф.И.О. (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, адрес организации, город, страна, занимаемая должность – **на русском и английском языках.**

Сокращения (см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

Числа (см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

Хронология и датировки (см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

Радиоуглеродные датировки (общие требования) (см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

Некалиброванные датировки (см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

Калиброванные датировки (см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

ИЛЛЮСТРАЦИИ (подробно см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

Рисунки и фотографии в виде отдельных файлов в формате JPG, TIF, с разрешением не меньше 300 dpi; Иллюстрации, вставленные в MS Word или Excel-файл, **не принимаются**.

Если рисунок содержит **номера или текст**, они должны быть **впечатаны** в электронном виде, а не вписаны от руки. Исключение составляют архивные материалы.

ДИАГРАММЫ должны быть оформлены в программе **MS Excel**. При этом **обязательно** вместе с диаграммами MS Excel необходимо предоставлять также таблицы, на основе которых они были выстроены.

ТАБЛИЦЫ. Наглядный материал может быть представлен в табличной форме.

Таблица строится в программе MS Excel или MS Word;

Таблицы должны иметь номер и заголовок (на английский язык заголовок не переводится);

Если Таблица включает рисунки, то их необходимо прислать отдельно в формате **.tif* или **.jpg*.

БИБЛИОГРАФИЯ И СИСТЕМА ССЫЛОК (подробно см. по адресу: http://archaeologie.pro/ru/for-authors/4/)

В статьях, публикуемых в журнале «Поволжская археологи», используется нижеприведенная система составления внутритекстовых ссылок и оформления библиографии. В случае несоответствия данным требованиям присланные материалы будут отправлены автору для доработки.

Библиографические ссылки на литературу и источники в тексте даются в круглых скобках: фамилия автора без инициалов (кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т.п. Пожалуйста, убедитесь в том, что **все** внутритекстовые ссылки включены в библиографический список.

Например:

(Смирнов, 1964, с. 23–25, рис. 5: 1; 6: 3; табл. XII, 16; Свод памятников, 2007, с. 93, № 590).

Список литературы (библиография) составляется в алфавитном порядке (фамилия и инициалы автора, название работы, место, издательство, год издания, страницы) на языке оригинала. Сначала на кириллице (на русском, болгарском, украинском и т.д.), затем – на латинице (на английском, немецком, французском и т.д.). Библиографический список не следует делать излишне пространным (не более 50), ссылки на собственные работы автора (авторов) должны составлять не более 25%. Пожалуйста, убедитесь в том, что все ссылки, приведенные в библиографии, присутствуют в тексте статьи.

Например:

Описание монографии (книги)

1. *Петренко А.Г.* Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М.: Наука, 1984. 174 с.

2. *Плетнева С.А.* От кочевий к городам / МИА. № 142. М.: Наука, 1967. 198 с. (для монографий в серии МИА).

3. *Халиков А.Х.* Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

4. *Марков В.Н.* Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 143 с.

5. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1985. 116 с.

6. Город Болгар: культура, искусство, торговля / Отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. 276 с.

Описание статьи в продолжающемся издании (сборнике трудов)

Асылгараева Г.Ш. Морфологические исследования средневековых археозоологических материалов из археологических раскопок Казанского кремля // Археология и естественные науки Татарстана. Кн. 1 / Отв. ред. А.Г. Петренко. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. С. 63–133.

Чижевский А.А., Каменное изваяние с острова Березовая Грива // Тверской археологический сборник. Вып. 7 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2009. С. 419–427.

Халиков А.Х. Мезолит Среднего Поволжья // МИА. № 126. М.: Наука, 1966. С. 185–193.

Описание статьи в научном сборнике

Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1988. С. 82–87.

Напольских В.В. Проблема начала финно-угорско-иранских контактов // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 76–89.

Описание материалов конференции

1. *Ситдиков А.Г.*, *Хузин Ф.Ш.* Казанская археология: итоги и перспективы // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том. I. Казань: Отечество, 2014. С. 8–10.

2. *Казаков Е.П.* Проявления языческой культуры в древностях Урало-Поволжья болгарского времени // XVII Уральское археологическое совещание. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 19–22 ноября 2007 г.). Екатеринбург; Сургут: Магеллан, 2007. С. 251–253.

Описание статьи в журнале

1. *Яворская Л.В.* Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // ПА. 2012. № 1. С. 216–237.

2. *Галимова М.Ш., Чурбанов А.А.* Археоминералогические исследования эпохи камня Волго-Камья // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 174–181.

3. *Валиулина С.И., Зиливинская Э.Д.* Стеклянные изделия Самосдельского городища // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 2010. Том 152, кн. 3, ч. 1. С. 63–76.

Описание статьи в электронном журнале

Rady M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Bela: A Translation. *Slavonic and East European Review*, 2009, no. 87 (4). Доступно по URL: http:// www.discovery.ucl.fc.uk/18975/1/18975.pdf

Описание ссылки на Web-сайт

1. The Berry flint. URL: http//www.geocaching.com/geocache/GC42TVE_Le silex blond du Berry (дата обращения: 23.09.2014).

Описание книги, переведенной с иностранного языка

Gerberstein S. Rerum Moscoviticarum commentarii. Munchen, Osteuropa-Institut, 2007. 586 S. (Russ. ed.: Yanin V.L. *Zapiski o moskovii.* Moscow: Moscow University Publ., 1988, 430 p.).

Описание рецензии

Кузьмина Е.Е. Рец. на: В.П. Шилов. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975 // СА. 1977. № 3. С. 261–265.

Описание полевого отчета

1. *Генинг В.Ф.* Отчет об археологических раскопках Федотовского городища 1954 г. Ижевск, 1955 / Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 966.

2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргындинского II могильника // Отчет об исследованиях Удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. Т. II. Свердловск, 1969 / Архив Археологического музея УрГУ. Ф. II. Д. 75б.

Описание диссертации и автореферата диссертации

1. *Агеев Б.Б.* Пьяноборская культура (вопросы хронологии и общественного строя). Автореф. дисс… канд. ист. наук. М., 1983. 18 с.

2. *Подосенова Ю.А.* Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья. Дисс… канд. ист. наук. Пермь, 2009. 272 с.

Образец оформления статьи

УДК 904 “04/14”

Исследования в центральной части
Болгарского городища («Дом Ремесленника»)
© 2013 г. А.М. Губайдуллин

Аннотация-резюме на русском языке

Ключевые слова: на русском языке

ТЕКСТ СТАТЬИ (на русском языке)

ЛИТЕРАТУРА

Информация об авторе:

Губайдуллин Айрат Маратович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); airg_g@mail.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Researches in the Central Part of the Bulgar Ancient Settlement («House of the Handicraftsman»)
A.M. Gubaydullin

Abstract (на английском языке)

Keywords: (на английском языке)

About the Author:

Gubaidullin Airat M. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; airg_g@mail.ru

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, к изданию в журнале не принимаются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

Журнал основан в апреле 2012 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77-61900 от 25 мая 2015 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии АН РТ
420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
Подписано в печать 25.06.2017 г. Формат 70×108 $^{1}/_{16}$
Печать цифровая. Бумага мелованная. Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 32,2.
Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Издательство «Фэн»
Академии наук Республики Татарстан
420111, г. Казань, ул. Баумана, 20